ИЗ ИСТОРИИ
МАРКСИЗМА
И
МЕЖДУНАРОДНОГО
РАБОЧЕГО
ДВИЖЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Издательство политической литературы
Москва · 1964

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена исследованию отдельных конкретных проблем истории марксизма и революционной деятельности Маркса и Энгельса, а также некоторых вопросов истории рабочего движения в XIX веке.

В этом году все международное рабочее и коммунистическое движение отмечает знаменательную дату — столетие со дня основания Первого Интернационала, массовой международной пролетарской организации, сыгравшей выдающуюся роль в истории освободительной борьбы рабочего класса. Всестороннее изучение деятельности Международного Товарищества Рабочих представляет собой одну из важнейших задач марксистских историков. Деятельность Интернационала протекала под непосредственным руководством Маркса и Энгельса; исторический опыт его борьбы за интернациональное сплочение рабочего класса на основе научного коммунизма, борьбы со всякого рода мелкобуржуазными влияниями на пролетариат, против раскольнических действий анархистов, подрывавших единство рабочих и толкавших пролетариат на бесплодный путь оторванного от действительности сектантства, и сейчас сохраняет свое актуальное значение для международного рабочего движения. Исходя из этого, в сборнике отведено значительное место статьям, затрагивающим отдельные стороны истории Международного Товарищества Рабочих. Читатель найдет здесь и проблемные статьи, и исследования, посвященные некоторым важным моментам в истории

Интернационала, и работы, рассматривающие влияние Интернационала на рабочее движение отдельных стран. Разумеется, сборник вовсе не претендует на всестороннее, систематическое изложение истории Международного Товарищества Рабочих.

Книга открывается статьей, в которой — впервые в исторической литературе — делается попытка проанализировать позицию Международного Товарищества Рабочих в отношении одной из самых животрепещущих проблем политической жизни — проблемы войны и мира. На конкретном материале в статье показано, как Маркс и Энгельс вместе со своими соратниками вырабатывали самостоятельную внешнюю политику пролетариата, противопоставляя аннексионистским, завоевательным стремлениям господствующих классов активную борьбу против несправедливых, захватнических войн и в то же время оказывая всемерную поддержку национально-освободительным движениям. Одна из статей посвящена Брюссельскому конгрессу 1868 года, на котором были провозглашены социалистические принципы в качестве цели международной пролетарской организации и был нанесен решительный удар утопическим воззрениям прудонистов, представлявшим в первый период существования Интернационала главное идейное препятствие на пути развития самостоятельного рабочего движения.

В сборнике рассматриваются также некоторые проблемы истории Интернационала в отдельных европейских странах; в частности влияние Интернационала в первый год его существования на развитие рабочего движения в Германии, а также некоторые моменты рабочего движения в чешских землях Австрийской монархии в годы Интернационала.

Первый Интернационал выдвинул целую плеяду деятелей рабочего движения, многие из которых и впоследствии принимали активное участие в революционной борьбе пролетариата.

Одной из важнейших сторон практической деятельности Маркса и Энгельса была забота о воспитании кадров пролетарских революционеров, владеющих теорией научного коммунизма, способных возглавить рабочее движение и повести его по правильному пути. Среди

соратников Маркса и Энгельса было немало самоотверженных борцов за дело освобождения пролетариата, глубоко преданных интересам трудящихся, уже в те годы твердо ставших на почву научного социализма. Однако деятельность многих из них все еще остается вне поля зрения марксистских историков; некоторые публикуемые в сборнике статьи в какой-то мере восполняют этот пробел, раскрывая перед нами облик ряда близких Марксу и Энгельсу деятелей революционного рабочего движения в период Первого Интернационала: первого историка Международного Товарищества Рабочих В. Эйххофа, одного из виднейших деятелей Интернационала Э. Дюпона, организатора и руководителя секций Интернационала в Америке, близкого друга Маркса и Энгельса Ф. А. Зорге, члена Первого Интернационала, немецкого врача Л. Кугельмана.

Ряд новых фактов относительно борьбы Маркса и Энгельса с бакунизмом в последний период существования Интернационала сообщается в статье, разоблачающей раскольническую деятельность «Альянса социалистической демократии» — тайной анархистской организации, которая вела подрывную работу внутри Интернационала.

В сборнике рассматриваются также некоторые проблемы более раннего этапа рабочего движения и развития революционной теории марксизма. Показана, в частности, история создания одного из важнейших документов Союза коммунистов — «Требований Коммунистической партии в Германии», являющихся первым программным документом пролетарской партии в буржуазно-демократической революции. Связь Маркса и Энгельса с представителями левого крыла чартистского движения и роль этих последних в распространении марксизма в Англии в начале 50-х годов исследуется в статье, посвященной газете революционных чартистов «Red Republican», содержание которой до сих пор не подвергалось научному анализу.

В сборнике публикуются также три статьи по вопросам формирования и развития марксистской политической экономии. Одна из них посвящена анализу экономических идей в «Святом семействе» — первой совмест-

ной работе основоположников научного коммунизма. Вторая статья показывает важнейшие вехи на пути создания теории прибавочной стоимости, составляющей краеугольный камень экономического учения Маркса. Наконец, последняя статья вскрывает научную несостоятельность различных современных буржуазных теорий, претендующих опровергнуть марксистскую теорию стоимости. Материал этих статей свидетельствует о великой и всепобеждающей силе марксизма-ленинизма, о бесплодности атак его буржуазных противников, о том, что критика Марксом буржуазной политической экономии до сих пор сохраняет свое огромное научное и методологическое значение. Тем более, что представители так называемых новейших школ буржуазной экономической науки повторяют во многих случаях и в основном те же аргументы и положения, с которыми выступали их предшественники, подвизавшиеся еще в прошлом веке.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

А. Е. КОРОТЕЕВА

I ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА

(1864—февраль 1871)

Вопросы войны и мира занимали важное место в деятельности первой массовой международной пролетарской организации — Международного Товарищества Рабочих, рассматривавшего их как часть общей проблемы освободительной борьбы рабочего класса.

Пролетариат был всегда противником захватнических и династических войн, он был и является самым последовательным борцом за мир, против милитаризма и военной агрессии, за обеспечение мирных условий для прогрессивного развития человеческого общества, носителем и защитником подлинного интернационализма.

Разумеется, в период деятельности Интернационала пролетариат еще не мог решающим образом влиять на ход событий. Иные были условия и возможности пролетариата, чем, скажем, сейчас, когда существует мировая социалистическая система и международное рабочее движение стало поистине могучей силой, когда налицо имеются все необходимые предпосылки устранения войны, как способа решения территориальных и других споров, несмотря на империалистические провокации и заинтересованность определенных кругов в военном разбое. Тем не менее уже в то время Маркс и Энгельс ставили перед рабочим классом задачу всемерного противодействия завоевательной политике. Рабочий класс, по их убеждению, должен был показывать всему миру свое принципиальное непримиримое отношение к гонке вооружений, бремя которой ложится на плечи трудящихся, к истребительным войнам, ведущимся в интересах экс-

плуататоров и несущим огромные бедствия людям труда. Борьба за установление прочного мира между народами вытекала из самого характера и самих целей освободительного движения пролетариата. Революционные идеалы рабочего класса отвечают стремлениям всего человечества навсегда избавиться от кровавых военных столкновений, в которых, по словам Маркса, проливалась кровь и расточалось богатство народов. Этим в первую очередь и определялась позиция Международного Товарищества в вопросах войны и мира. В то же время тактика рабочего класса в этих вопросах, строившаяся в целом исходя из общих принципиальных основ революционной теории пролетариата, была обусловлена и конкретными особенностями исторической обстановки. Первый Интернационал действовал в эпоху буржуазно-демократических преобразований и национально-освободительной борьбы народов в 60—70-х годах прошлого века. «...Удивительно ли, — замечает В. И. Ленин, — что Маркс и марксисты ограничивались определением того, победа *какой* буржуазии безвреднее (или полезнее) для всемирного пролетариата, когда не могло еще быть и речи об общем пролетарском движении против правительств и буржуазии» [1].

Маркс и Энгельс учили рабочий класс конкретно-историческому подходу при выработке позиции по отношению к той или иной войне. Эта позиция, подчеркивали они, зависит от характера самой войны, от ее классовой сущности. Во взглядах основоположников марксизма по этому вопросу намечались основы будущего учения о войнах разного типа, о справедливых и несправедливых, разработанного позднее В. И. Лениным в эпоху империализма. Решительные противники захватнических, контрреволюционных, династических, колониальных и т. п. войн, основоположники марксизма считали, что пролетариат по иному должен относиться к войнам, в ходе которых решались прогрессивные исторические задачи, например задачи преодоления политической раздробленности и национального объединения той или другой страны. В этих войнах — в исторический период,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 185.

главным содержанием которого было завершение буржуазно-демократических преобразований, — основным критерием при определении тактики пролетариата являлось то, какая из воюющих сторон играет объективно более прогрессивную роль, победа буржуазии какой страны больше соответствует интересам международного пролетариата и способствует дальнейшему развертыванию классовой борьбы.

Позиция пролетариата в вопросах войны и мира коренным образом отличалась и отличается от абстрактной проповеди мира буржуазными пацифистами и анархистами. В. И. Ленин в своей работе «Социализм и война» отмечал, что в противоположность пацифистам марксисты понимают неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, источником войн они считают капиталистический строй, а гарантией прочного мира — установление социализма, они признают прогрессивность и даже необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. «И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности» [1].

Первый Интернационал признавал прогрессивный характер войн, направленных против абсолютизма и феодализма, а также национально-освободительных войн против чужеземного ига. Эти войны расчищали почву для непосредственной классовой борьбы пролетариата за социалистическую революцию.

Интернационал вел последовательную и неустанную борьбу против захватнических войн, развязываемых реакционными силами, отвлекающих рабочих от классовой борьбы и являющихся часто надежным средством для упрочения пошатнувшегося положения господствующих классов. Так, к внешним войнам и к разжиганию националистических предрассудков как к спасательному средству прибегал не раз бонапартистский режим Напо-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 311.

леона III во Франции, русский царизм, Бисмарк в Пруссии и Германии. Интересам пролетариата были глубоко чужды эти войны, и он всеми имеющимися в его распоряжении средствами оказывал сопротивление их развязыванию.

ВЫСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ПРОТИВ ВОЙНЫ В 1864—1865 гг. РЕШЕНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1865 г.

В канун образования Международного Товарищества Рабочих, в 1862—1863 гг., во время Гражданской войны в США, именно рабочие помешали военной интервенции английских реакционных сил в защиту рабовладельческих южных штатов. Отмечая этот важный факт, Маркс в первом программном документе Товарищества, «Учредительном Манифесте», писал: «Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана» [1].

В этом важнейшем документе Интернационала Маркс поставил перед пролетариатом задачу овладения тайнами внешней политики, чтобы всеми средствами противодействовать проискам международной реакции. Он призывал рабочих разных стран к единству для решительного и одновременного разоблачения дипломатической деятельности своих правительств. Долг международного пролетариата «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» [2].

Следовательно, уже в самом первом документе Товарищества Маркс призывал пролетариат выступать внутри своей страны и на международной арене с само-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 11.
[2] Там же.

стоятельной внешней политикой, исходя из классовых интересов и задач борьбы за свое освобождение. В феврале 1865 г. Маркс писал Энгельсу: «...рабочий класс имеет свою собственную внешнюю политику, которая отнюдь не руководствуется тем, что буржуазия считает подходящим» [1].

Не абстрактные пацифистские фразы о мире, без учета реальной обстановки и соотношения сил на международной арене, а строгий научный учет революционных и реакционных сил и анализ конкретных путей и средств борьбы против деспотизма как очага военной угрозы и милитаризма — таково направление внешнеполитического курса пролетариата, намеченного в первых программных документах и осуществлявшегося на протяжении всей истории I Интернационала.

Маркс и Энгельс постоянно разоблачали захватнические стремления России, Пруссии, Австрии, Франции, Англии и их дипломатические интриги. Они глубоко анализировали текущие внешнеполитические события, разоблачали попытки этих держав использовать национально-освободительное движение народов, показывали, что «либеральный» курс некоторых правительств был направлен на деле лишь на упрочение их собственного реакционного режима и сохранение национального гнета. В декабре 1864 г. Маркс писал Энгельсу: «Мне кажется, что между Пруссией, Россией и Францией имеется секретное соглашение относительно войны против Австрии нынешней весной. Боевым лозунгом послужит, конечно, Венеция» [2]. В ряде писем Маркс и Энгельс обменивались мнениями относительно авантюристических и провокационных действий прусских милитаристов [3].

Крупная роль в разработке тактики пролетариата и его международной организации в вопросах войны

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 71.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 32. С целью развязывания войны милитаристские круги прибегали к любым средствам, одним из которых было использование недовольства итальянцев австрийским господством в Венецианской области.

[3] См. Ф. Энгельс — К. Марксу, 25 июля 1865 г., 10 февраля 1866 г.; К. Маркс — Ф. Энгельсу, 14 февраля 1866 г. и др. (там же, стр. 110, 149, 152 и др.).

и мира принадлежала Энгельсу. В начале 1865 г. Энгельс с целью помочь немецкому рабочему классу выработать свою тактику в обстановке, сложившейся тогда в стране, написал работу «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»[1]. Реакционный милитаристский курс прусского правительства в начале 60-х годов натолкнулся на сопротивление либеральной буржуазии в палате, отказавшейся утвердить предложенный военным министром Рооном проект реорганизации прусской армии и расходы на эту реорганизацию. Возник так называемый «конституционный конфликт», продолжавшийся несколько лет (1860—1866 гг.) и завершившийся капитуляцией буржуазной оппозиции.

Энгельс проанализировал соотношение сил в Германии, дал характеристику антинародным силам во главе с правительством Бисмарка, заигрывавшим с рабочими, колеблющейся трусливой буржуазной оппозиции, готовой пойти на компромисс с реакцией из страха перед революционными выступлениями народа и прежде всего рабочего класса. В своей работе Энгельс показал, что пролетариату нужна своя самостоятельная рабочая партия с независимой политической линией. Эта партия должна, с одной стороны, разоблачать социальную демагогию реакции, а с другой — непоследовательность и классовое своекорыстие буржуазии. Немецкая буржуазия, как и правительство, жаждала «национальных подвигов», для чего была нужна сильная армия, и в этом смысле их интересы совпадали. В связи с планом реорганизации прусской армии Энгельс подчеркивал заинтересованность рабочего класса в последовательном проведении всеобщей воинской повинности, ибо ее результатом будет обучение широких масс рабочих владению оружием, что позволит им с оружием в руках отстаивать свои права. «Рабочая партия, — замечал Энгельс, — тоже проведет когда-нибудь свою собственную, *немецкую* «реорганизацию армии»»[2].

Особое значение Маркс и Энгельс придавали борьбе революционных сил против реакционной царской Рос-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 35—78.
[2] Там же, стр. 78.

сии и ее союзников; борьбу за восстановление независимой демократической Польши они рассматривали как удар по русскому царизму. Вопрос о том, каким путем международная пролетарская организация может достичь этой цели, занимал в Интернационале не малое место в первый период его существования — в 1864—1867 годах и неоднократно являлся предметом обсуждения на заседаниях Генерального Совета, а также Лондонской конференции Товарищества 1865 г. и первого, Женевского, конгресса 1866 года.

На своем заседании 25 июля 1865 г. Генеральный Совет постановил включить в качестве пункта 10-го программы Лондонской конференции, а затем и Женевского конгресса вопрос, первоначально предложенный французскими делегатами: «постоянные армии; их влияние на интересы производящих классов», а также вопрос о «московитской угрозе Европе и восстановлении независимой и единой Польши» [1]. По последнему вопросу на конференции возникла оживленная дискуссия, в ходе которой делегаты показали, что Польша — символ борьбы всех угнетенных наций, символ общеполитической борьбы против деспотизма. Конференция постановила включить в программу предстоящего первого конгресса Товарищества вопрос о Польше, сформулировав его так: «Признается настоятельно необходимым уничтожить захватническое влияние России в Европе, применив к Польше «право каждого народа на самоопределение» и восстановив эту страну на социальной и демократической основе» [2]. В декабре 1864 — январе 1865 гг. Генеральный Совет провел широкую дискуссию по польскому вопросу.

Польский вопрос представлял огромный интерес для международной пролетарской организации потому, что способствовал разоблачению с позиций пролетариата внешней политики и Англии, и Франции, и Германии, то есть ведущих европейских держав. Разоблачая корыст-

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 72 (в дальнейшем — «Генеральный Совет. 1864—1866»).

[2] Там же, стр. 179.

ные цели внешней политики господствующих классов этих стран, Интернационал показал, что подлинным другом угнетенной Польши может быть только пролетариат и что ее освобождение возможно лишь в результате совместных усилий рабочего класса Европы и революционно-демократических сил Польши и России. Победа Польши в свою очередь будет способствовать победе социальной революции в Европе.

Постановкой польского вопроса Генеральный Совет нанес сильный удар по прудонизму с его проповедью воздержания пролетариата от политической деятельности. На примере именно этого вопроса можно было показать необходимость самостоятельной внешней политики пролетариата, как составной части его освободительной борьбы, разработать общую позицию Интернационала в национальном вопросе, разоблачить маневры реакционных держав для оправдания национального гнета.

Эту задачу великолепно выполнил Энгельс своей серией статей «Какое дело рабочему классу до Польши?» [1], в которых он теоретически обосновал право наций на самоопределение.

Опираясь на это марксистское положение, Международное Товарищество Рабочих выработало свое отношение к национально-освободительной борьбе польского, ирландского, итальянского и других народов.

Первый Интернационал на протяжении всей своей истории проявлял живейший интерес к общеполитической борьбе и стремился четко определить свою позицию по наиболее важным внешнеполитическим вопросам. В написанных Марксом обращениях Генерального Совета к американским президентам А. Линкольну (конец ноября 1864 г.) и Э. Джонсону (начало 1865 г.) подчеркивалась исключительная важность борьбы против рабства в Америке для судеб классовой борьбы международного пролетариата. «Рабочие Европы твердо верят, — писал Маркс, — что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства буржуа-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 156—166.

зии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса»[1].

28 сентября 1865 г. торжественное собрание английских членов Интернационала, делегатов Лондонской конференции и представителей демократической и революционной эмиграции обратилось от имени Генерального Совета с приветствием к американскому народу по случаю завершения Гражданской войны в США. В этом документе, как и в двух предшествующих обращениях, отмечалось революционизирующее влияние Гражданской войны в США на международные отношения и на развитие общедемократического и рабочего движения[2]. Он был разослан всем секциям Товарищества и опубликован в газете «Workman's Advocate» 14 октября 1865 года.

На заседании Генерального Совета 8 августа 1865 г. было единогласно принято предложение членов Совета Уилера и Кримера об организации 27 августа 1865 г. в Блэкхисе (Лондон) демонстрации в ознаменование юбилея заключения мира между Англией и Францией, а также о выпуске в 5 тысячах экземпляров листовки с извещением об этом собрании[3]. Организация этого митинга и широкое оповещение о нем свидетельствуют о той важной роли, которую Товарищество придавало мобилизации сил пролетариата для борьбы за мир, ибо, отмечая такой юбилей, участники митинга должны были с пролетарских позиций говорить об условиях, обеспечивающих прочный мир, разоблачая происки правящих классов.

ПОЗИЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА ВО ВРЕМЯ АВСТРО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1866 г. ЖЕНЕВСКИЙ КОНГРЕСС

В середине 60-х годов прошлого века в обстановке складывавшейся революционной ситуации в Германии вопрос о путях объединения страны встал особенно остро. Имелось два пути решения проблемы — «либо пу-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 18.

[2] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 236—237.

[3] Там же, стр. 76. С 1815 г. Англия в течение 50 лет не воевала с Францией.

тем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии»[1]. Длительное соперничество двух крупных германских государств, Пруссии и Австрии, претендовавших на главенствующую роль в деле объединения, приняло угрожающие размеры, выходящие далеко за рамки внутригерманских отношений. Вопрос об объединении Германии из национального превратился в международный.

К началу 1866 г. возникла угроза войны между Австрией и Пруссией, которая могла превратиться в общеевропейскую войну. Энгельс писал Марксу 2 апреля 1866 г.: «Хотя каждый, кто окажется причастен к развязыванию этой войны, — если до нее дойдет дело, — заслуживает быть повешенным, и я с полным беспристрастием желаю распространения этого также на австрийцев, но все-таки мое главное желание — чтобы пруссаков здорово вздули»[2]. В своих письмах Маркс и Энгельс обменивались мнениями о соотношении сил соперничавших германских государств, о дипломатической и военной подготовке войны, о позиции, которую должен занять немецкий рабочий класс, о роли русской, английской и французской дипломатии в ее подготовке. «Бисмарк не так зарвался бы, если бы за его спиной не стояли русские, — писал Энгельс 6 апреля 1866 г. — Возможно, что эта история зашла уже так далеко, что ни от Бисмарка, ни от старого осла Вильгельма ничего больше не зависит, и вопрос о том, быть ли войне или миру, будет разрешен целиком по усмотрению петербуржцев»[3]. Приближающейся династической войне между Гогенцоллернами и Габсбургами, по мнению Маркса, могла помешать только революция в стране. «Если дело, действительно, дойдет до потасовки, то в первый раз в истории развитие событий будет зависеть от поведения Берлина. Если берлинцы выступят вовремя, дело может пойти хорошо...»[4].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 365.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 168.
[3] Там же, стр. 169.
[4] Там же, стр. 173.

Ответом на угрозу развязывания войны явилось широкое антимилитаристское движение пролетариата и всех демократических сил в германских государствах. Антимилитаристскую кампанию немецких рабочих возглавили Либкнехт и Бебель, которые организовывали многочисленные митинги и собрания рабочих в разных городах Саксонии, Тюрингии и других государств южной Германии[1]. Рабочие требовали созыва на основе всеобщего избирательного права общегерманского парламента, который опирался бы на всеобщее вооружение народа, то есть выдвигали резолюции «вполне определенного республиканского и революционного характера»[2].

Маркс и Энгельс в письмах друг другу касались той дипломатической игры, которую вела Пруссия с целью спровоцировать австрийцев на выступление и тем самым возложить ответственность за начало войны на Австрию, а также с целью привлечения союзников. Англия и Россия подталкивали Пруссию к войне, хотя на словах выступали миротворцами и предлагали свои услуги в качестве третейских судей Европы. Наполеон III заручился согласием Пруссии на территориальные компенсации в Италии, Бельгии, а также за счет некоторых прусских владений на Рейне (Саарлуи, Ландау, Саарбрюкен). С Италией в апреле 1866 г. был заключен договор о совместных военных действиях с Пруссией против Австрии.

Взяв курс на войну, Бисмарк стремился заручиться не только дипломатической поддержкой европейских держав, но и обеспечить себе поддержку со стороны всех классов внутри страны, особенно немецкого рабочего класса. В расположении немецкой буржуазии, чьи национальные и классовые требования он осуществлял помимо ее воли, Бисмарк уже не сомневался. Руководство лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, еще пользовавшегося в Германии влиянием среди ра-

---

[1] См. *А. Бебель.* «Из моей жизни». М., 1963, стр. 144—150; *K. Leidigkeit.* «Wilhelm Liebknecht und August Bebel in der deutschen Arbeiterbewegung 1862—1869». Berlin, 1957; *E. Engelberg.* «Deutschland von 1849 bis 1871». Berlin, 1959.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 314.

бочих, готово было пойти навстречу Бисмарку и в обмен на ничем не гарантированные обещания провести некоторые социальные реформы, поддержать его внешнеполитические акции [1]. Маркс и Энгельс своевременно разоблачили этот предательский сговор лассальянской верхушки, в результате многие рабочие отошли от лассальянского Союза и вступили в ряды Интернационала. В одном из писем Маркс замечал: «Бисмарк, наверное, проклинает нас (и считает австрийскими агентами) за то, что мы испортили ему легкую игру с рабочими» [2].

Весной 1866 г., в период усиленной военной подготовки прусских и австрийских милитаристов, немецкий рабочий класс выступил против войны.

Угроза войны глубоко волновала Международное Товарищество Рабочих. Член Генерального Совета, рабочий-портной Ф. Лесснер писал 14 мая 1866 г. в Женеву И. Ф. Беккеру: «Может быть, этой проклятой войны не будет, ибо она принесет нам очень много вреда, но если уж так случится, нужно, чтобы вся банда при этом полетела к черту... война, и в этом нет никакого сомнения, в своей основе является не чем иным, как косвенной борьбой против движения, которое постепенно все более открыто дает чувствовать себя. Мы все же надеемся и делаем все, что в наших силах, чтобы использовать обстановку в интересах народа. Судя по тому, что я слышал от разных лиц из Германии, с настроениями людей обстоит гораздо лучше, чем я думал» [3]. Мнение Лесснера являлось в известном смысле и мнением Генерального Совета о предстоявшей войне и позиции пролетариата в ней. Эта война, по мнению Генерального Совета, должна была вызвать революционные выступления рабочего класса.

---

[1] О позиции немецких рабочих в период австро-прусской войны, кроме вышеназванных работ, см. еще: *R. P. Morgan.* «The German Social-democrats and the First Internationale. 1864—1872», неопубликованная рукопись диссертации в Кембриджском университете, стр. 124—134 и *R. Dlubek, U. Herrmann.* «Die Magdeburger Sektion der I. Internationale und der Kampf um die Schaffung einer revolutionären Massenpartei der deutschen Arbeiterklasse». In «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Sonderheft, 1962.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 184.

[3] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем ЦПА ИМЛ), ф. 21, ед. хр. 76/13.

15 мая 1866 г. Центральный комитет Женевской немецкой секции Товарищества в связи с угрозой австро-прусской войны обратился с воззванием к немецкому народу, требуя организации всеобщего ополчения и созыва избранного народом учредительного собрания, которое обеспечило бы единство Германии [1]. Это воззвание являлось попыткой противопоставить бисмарковскому плану объединения Германии железом и кровью план революционно-демократического объединения страны. Авторы воззвания (И. Ф. Беккер, А. Бюрклен и др.) просили Генеральный Совет в Лондоне как можно шире распространить этот документ среди немецких секций Интернационала.

Против войны активно выступала печать Интернационала в Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии («Vorbote», «Tribune du peuple» и др.). 10 июня 1866 г. в издававшейся в Брюсселе французскими эмигрантами и близко стоявшей к Интернационалу газете «Rive gauche» была напечатана статья Рожара «Война войне» [2]; это заглавие символизировало позицию Интернационала.

В связи с угрозой австро-прусской войны против милитаризма выступило и революционно настроенное студенчество, апеллировавшее к рабочему классу. 15 мая 1866 г. парижские студенты обратились с воззванием к немецким и итальянским студентам, а также к рабочим всех стран (под документом стояло 500 подписей), в котором наряду с призывом к борьбе против войны содержались прудонистские идеи, в частности объявлялись устаревшими сами национальности [3]. «Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима, — писал Маркс Энгельсу 7 июня 1866 г. по поводу этого воззва-

---

[1] «Association Internationale des Travailleurs. Sektionsgruppe deutscher Sprache in der Schweiz. Zentralkomitee». Genf. 1866. Экземпляр этого документа вместе с сопроводительным письмом австрийского посла в Берне министру иностранных дел Австрии (от 13 июня 1866 г.) сохранился в Венском государственном архиве, что свидетельствует о том, что антимилитаристская кампания Интернационала была в поле зрения австрийского правительства (см. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 343).

[2] «Rive gauche», 10. VI. 1866.

[3] «Le Courrier français», 20. V. 1866.

ния. — Но когда верующие в Прудона... думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменят «нищету и невежество», под власть которых они тем более подпадают, чем сильнее кричат о «социальной науке», — то они смешны»[1].

На заседании Генерального Совета 5 июня 1866 г. Поль Лафарг зачитал составленный Французской секцией в Лондоне ответ, адресованный парижским студентам и студентам всех стран от имени рабочих всех стран, представляемых Международным Товариществом Рабочих. В этом обращении, хотя и в абстрактной форме, осуждались войны, несущие уничтожение людей и разрушения, однако не давалось ни классово-пролетарского анализа причин войны, ни характеристики типов войн, ни анализа конкретной обстановки в данный момент. На этом заседании Совета отсутствовало много его членов, не было, в частности, Маркса. Ознакомившись с текстом воззвания, Маркс отметил теоретическую и политическую слабость этого важного документа, с которым публично выступало Международное Товарищество Рабочих. Совет постановил выпустить это обращение не от имени всего Товарищества, а от Французской секции в Лондоне. Воззвание вызвало широкий отклик. В своем ответе студенты писали: «Мы рады, что нас поняли именно те, на кого мы возлагали все свои надежды»[2]. На имя Генерального Совета стали поступать письма о присоединении к обращению. Так, 13 июня 1866 г. в Совет прислали одобрительное письмо жители английского города Бедлингтона[3].

Вопрос о характере предстоящей войны, о возможных последствиях ее для народов Европы и об отношении Интернационала к ней приобретал важное значение,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 187. Обращение было опубликовано в газете «Rive gauche», 27 мая 1866 г.

[2] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 142.

[3] Выступление рабочих и молодежи против войны и милитаризма вызвало беспокойство правящих кругов Франции. Номера французской газеты «Courrier français» от 10 и 17 июня 1866 г., в которых были напечатаны воззвание рабочих и ответ молодежи Франции, были конфискованы французскими властями («Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 143).

и, так как обнаружились серьезные расхождения с прудонистами, было решено провести широкую дискуссию в Генеральном Совете и принять твердое решение о тактике членов Товарищества в отдельных странах. Поскольку в этой войне корыстные устремления господствующих классов Пруссии, Австрии, Италии переплетались с прогрессивной борьбой немецкого и итальянского народов за национальное объединение своих стран, пролетариат не мог ограничиваться только протестами против войны, он должен был ясно представлять, какие последствия вызовет война. О дискуссии было объявлено заранее. 19 июня 1866 г., в день ее открытия, заседание Совета было очень многолюдным. Дискуссия началась речью Эккариуса, затем выступили Ле Любе, Фокс, Лафарг, Маркс, Картер, Даттон и Хейлз. Содержание этих речей, к сожалению, не отражено в кратких протокольных записях заседаний Генерального Совета. О речи Маркса и о характере дискуссии мы узнаем из его письма Энгельсу от 20 июня 1866 г.: «Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу «о национальностях» вообще и о нашем отношении к нему...

Французы, которых было очень много, не скрывали своего искреннего нерасположения к итальянцам.

Представители «молодой Франции» *(нерабочие)* выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — «устарелые предрассудки». Прудонистское штирнерианство. Разложить все на мелкие «группы» или «коммуны», которые затем образуют «союз», но не государство. И в то время как происходит эта «индивидуализация» человечества и развивается соответствующий «мютюэлизм», история во всех остальных странах должна приостановиться, и весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции» [1].

Маркс, как видно из письма, говорил далее о том, что прудонистское отрицание национальностей и патриотизма объективно, независимо от субъективных намерений, сводится к шовинистическому поглощению крупными нациями мелких. «Вообще, — заканчивает Маркс, — по-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 192—193.

ложение сейчас очень трудное, так как необходимо выступать в одинаковой мере как против глупого итальянофильства, так и против неправильной французской полемики с ним, и в особенности избегать всякой демонстрации, которая увлекла бы наше Товарищество на путь односторонности»[1].

Война началась 20 июня 1866 г. За короткий срок прусские войска одержали решающую победу над австрийцами. Австрия, воевавшая и против Италии, вынуждена была отказаться от Венецианской области и не могла более претендовать на руководящую роль в борьбе за объединение Германии. Результатом войны явился роспуск Германского союза с участием Австрии и создание Северогерманского союза под верховенством Пруссии. Пруссия аннексировала ряд германских государств (Шлезвиг, Гольштейн, Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау) и город Франкфурт-на-Майне. Австро-прусская война явилась решающим этапом в осуществлении антиреволюционно-династического плана объединения Германии во главе с Пруссией.

26 июня 1866 г. в Генеральном Совете была продолжена дискуссия о войне. Член Совета Бобчинский призывал Товарищество не ограничиваться социальными вопросами, а заниматься и внешнеполитическими делами, ведя борьбу против континентальных тиранов. Юнг связал перспективу войны с революцией. В своем письме И. Ф. Беккеру 4 июля 1866 г. он так изложил суть своего выступления: перед лицом военной опасности Генеральному Совету следует активизировать свою деятельность в рабочих обществах Лондона и других мест, чтобы в случае революции в Германии или Франции можно было помешать выступлению английского правительства на стороне контрреволюционных сил и оказать реальную поддержку революции на континенте[2]. На этом заседании выступили также Лафарг, Кример, Фонтен и Даттон. Были предложены 3 различные резолюции. Текст первой резолюции, предложенный Бобчин-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 193.

[2] Центральный Совет Международного Товарищества Рабочих. Письмо за подписью Г. Юнга — И. Ф. Беккеру, май — 4 июля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 76/14).

ским и Картером, гласил: «Лондонские члены Международного Товарищества Рабочих считают, что возникший на континенте конфликт является конфликтом между тиранами, и рекомендуют рабочим оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для нанесения сокрушительного удара всем европейским тиранам и для провозглашения своего собственного освобождения» [1].

Кример и Даттон внесли вторую резолюцию: «1. Происходящая в настоящее время в Европе война между прусским и австрийским правительствами является войной за господство и, как таковая, не сулит народам никаких благ: кто бы ни оказался победителем, результатом будет только замена одного деспота другим.

2. Совет сожалеет о том, что прусский народ дал отвлечь свои силы от борьбы за расширение и укрепление народных свобод военной политикой Бисмарка, который тем самым смог усилить свой политический гнет.

3. Совет также выражает надежду, что итальянский народ, который добивается свободы для венецианцев, не вступит на путь позорного союза с прусским правительством и не совершит моральное и политическое самоубийство тем, что, сражаясь за освобождение венецианцев, одновременно будет помогать прусскому правительству в порабощении германского народа.

4. Так как все войны, предпринятые не ради свободы и справедливости, жестоки и не могут быть оправданы, мы рекомендуем народам Европы воздерживаться от какого бы то ни было активного участия в настоящей несправедливой борьбе» [2].

В последней резолюции правильно осуждались захватнические войны, однако ничего не говорилось об одной из важнейших проблем тогдашней международной обстановки — об объединении Германии и значении его для перспектив революционного движения.

Фокс предложил третью короткую резолюцию, гласившую: «Прусское правительство несет ответственность за бедствия, вызванные настоящей войной на континен-

---

[1] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 145.

[2] Там же.

те»[1]. Данная резолюция, помимо игнорирования вопроса об объединении Германии, не выражала отношения пролетариата к уже начавшейся войне. Дискуссия продолжалась 3 и 17 июля 1866 г. Голосование по всем предложенным резолюциям было проведено 17 июля 1866 г., после нового выступления Маркса, в результате которого Кример и Фокс взяли назад свои резолюции, а первый текст, предложенный Бобчинским и Картером, после некоторых изменений был единогласно принят Советом. В окончательной редакции текст резолюции гласил: «Центральный Совет Международного Товарищества Рабочих считает, что возникший на континенте конфликт является конфликтом между правительствами, и рекомендует рабочим оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для их социального и политического освобождения»[2].

Осуждение династических притязаний обеих воюющих сторон, признание при этом прогрессивности самого факта объединения Германии, хотя и осуществляемого сверху, призыв к германским рабочим использовать новую ситуацию для объединения своих сил, для борьбы с бисмарковским режимом, милитаризмом, развязыванием новых войн — таков был смысл этой резолюции.

Из переписки деятелей Интернационала между собой в период австро-прусской войны 1866 г. видно, насколько чужды им были националистические и шовинистические предрассудки, как стремились они выработать правильную тактику пролетариата, надеясь, что война приведет к революции. 16 июля 1866 г. Ф. Лесснер, сообщая И. Ф. Беккеру в Женеву о политической обстановке на континенте Европы, писал, что эта война «рассчитана лишь на то, чтобы удержать народы от их дальнейшего движения вперед. Больше всего я хочу, чтобы наш немецкий рабочий снова сделал бы из всего этого хорошую революцию, а также, чтобы свернул себе шею Луи [Наполеон III. — *А. К.*], который все же сыграл главную роль»[3]. И. Ф. Беккер отвечал ему: «Жаль, что не при-

[1] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 145.
[2] Там же, стр. 151.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 76/16.

шло еще время для решительного удара. Но мы хотим позаботиться о том, чтобы быть избавленными от любой случайности»[1].

9 августа 1866 г. лионский корреспондент Товарищества сообщал Генеральному Совету, что, хотя первоначально часть рабочих была охвачена узким патриотизмом, то есть шовинизмом, теперь постепенно все начинают понимать, что их интересы не только не совпадают с интересами монархов, но и прямо враждебны им, что у французских рабочих есть общие интересы с рабочими других стран[2].

Хотя ни рабочий класс, ни демократические силы не могли изменить ход событий в период австро-прусской войны, все же осуждение милитаристской политики Бисмарка, предупреждение об ее опасных последствиях сыграли немаловажную роль в разработке тактики пролетариата во внешнеполитических вопросах.

В составленную летом 1866 г. для делегатов Женевского конгресса «Инструкцию» Маркс, в соответствии с решением Лондонской конференции, включил в качестве пункта 10 вопрос о постоянных армиях в их отношении к производству, сформулировав его следующим образом: «(а) Гибельное влияние больших постоянных армий на *производство* достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться на эту тему.

(в) Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

(с) Мы допускаем в качестве временно необходимой меры существование небольших постоянных армий, служащих школами для обучения командного состава милиции; каждый гражданин мужского пола должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях»[3]. В этой формулировке содержались важные положения марксизма относительно заинтересованности пролетариата в демократизации существующих армий,

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 25/2.
[2] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 160—161.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 203.

в введении такой военной организации, которая создавала бы максимальные трудности для использования вооруженных сил в захватнических и контрреволюционных целях и облегчала бы задачу завоевания армии на сторону народа.

ОБОСТРЕНИЕ ФРАНКО-ПРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1866—1867 гг. ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ КРИЗИС

Напряженность международной обстановки в Европе не ослабла после австро-прусской войны. Луи Бонапарт рассчитывал, что австро-прусская война будет вестись с переменным успехом и по мере ослабления обеих германских держав он выступит в роли арбитра. Эти расчеты, однако, не оправдались. Поэтому военно-политические успехи Пруссии привели к обострению противоречий между Пруссией и Францией. Началась усиленная подготовка к новой войне.

Международное Товарищество Рабочих в этот период усилило антимилитаристскую кампанию, учитывая новое соотношение сил на международной арене.

Оценивая создавшуюся обстановку, Маркс и Энгельс отмечали, что победа Пруссии в австро-прусской войне чревата ее войной с Францией. «...Неожиданное непомерное увеличение могущества Пруссии, — писал Энгельс,— толкнет Бонапарта и русских на союз и... первым их усилием будет воспрепятствовать всякому дальнейшему укреплению могущества Пруссии»[1]. Маркс и Энгельс раскрывали членам Товарищества подлинные цели «великих» держав, разоблачали немецких мелкобуржуазных демократов (А. Руге, Г. Кинкеля и др.), прославлявших победы Бисмарка[2].

Прежде всего Маркс и Энгельс стремились помочь немецким рабочим занять правильную позицию в новой обстановке, когда развитие Германии шагнуло далеко вперед по пути создания единого государства. Хотя в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 198—199.
[2] См. там же, стр. 201.

результате победы Бисмарка усилилось влияние реакционного пруссачества, Маркс и Энгельс считали, что образование Северогерманского союза с рейхстагом создало благоприятные условия для ускорения революционного развития. «Итак, — писал Энгельс Марксу 25 июля 1866 г., — по-моему, нам не остается ничего другого, как просто считаться с фактом, не одобряя его, и использовать как можно шире открывающиеся теперь бóльшие возможности для *национальной* организации и объединения германского пролетариата» [1].

6 августа 1866 г. французский министр иностранных дел вручил Бисмарку депешу, в которой предъявлялись требования передачи Франции Саарского бассейна, Пфальца, рейнской части Гессен-Дармштадта с крепостью Майнц, т. е. всех тех территорий, которые были обещаны Наполеону III Бисмарком во время переговоров в канун австро-прусской войны в обмен за доброжелательный нейтралитет Франции. В депеше предлагалось также вывести прусские войска из Люксембурга. 7 августа 1866 г. Бисмарк отклонил все эти требования, рискуя вступить в открытое столкновение с Францией. Обстановка была крайне сложной. «Депеша — большая глупость со стороны Бонапарта, — писал Энгельс 10 августа 1866 г., — но крики оппозиции и, вероятно, также армии, по-видимому, заставили его форсировать дело. Это может иметь очень опасный для него исход. Либо Бисмарк постарается уступить, и тогда он будет вынужден при первой возможности начать с Бонапартом войну, чтобы взять реванш; либо же он не сможет уступить, и тогда дело еще раньше дойдет до войны. В обоих случаях Бонапарт рискует быть вынужденным вести войну против своей воли и без надлежащей дипломатической подготовки, без обеспечения себя союзниками, войну ради откровенно высказанных завоевательных целей. Впрочем, Бисмарк уже много лет тому назад сказал ганноверскому министру Платену, что он подчинит Германию прусской каске, а потом, чтобы «сковать ее воедино», поведет против Франции» [2]. Лихорадочную

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 203.
[2] Там же, стр. 211.

подготовку к реорганизации и перевооружению французской армии после австро-прусской войны Маркс и Энгельс считали верным признаком подготовки к новой войне.

1 сентября 1866 г. видный член Интернационала во Франции В. Шили писал из Парижа группе делегатов Женевского конгресса Товарищества, что в результате последней войны во французских правящих кругах усилился милитаристский дух и перед лицом этих фактов созываемый в Женеве конгресс «должен стать яркой демонстрацией против войны, призвать Международное Товарищество Рабочих сплотиться против поджигателей войны, заклеймить их как врагов человеческого рода»[1]. 8 сентября он к письму И. Ф. Беккеру приложил текст речи, содержавшей протест против агрессивной политики Бисмарка и Наполеона III, предложив произнести ее в виде тоста на банкете участников конгресса. Он писал в этом письме, что антимилитаристские выступления Интернационала будут способствовать его революционизированию[2].

Женевский конгресс обсудил вопрос о постоянных армиях, приняв в виде резолюции сформулированный Марксом пункт 10 «Инструкции делегатам Временного Совета». Выступавшие на конгрессе делегаты подчеркивали, что постоянные армии представляют серьезную опасность для народов[3].

В ответе Совету представителей рабочих обществ Генуи, который в своем приветствии конгрессу высказался против войны[4], делегаты Женевского конгресса писали: «Война — варварство и дикость, в интересах сильных мира сего она уничтожает народ, проливает его самую чистую кровь, отрывает от мирного созида-

---

[1] В. Шили — А. Толену, Э. Фрибуру и Г. Юнгу, 1 сентября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 15/4).

[2] В. Шили — И. Ф. Беккеру, 8 сентября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 15/10).

[3] См. «Vorbote» 1866, № 11, S. 68, «La Première Internationale, Recueil de Documents publié sous la direction de J. Freymont». Genève, 1962, t. I, p. 77.

[4] Совет представителей рабочих обществ Генуи — Женевскому конгрессу, 7 сентября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 15/9).

тельного труда, тормозит и тянет назад цивилизацию в ее поступательном движении и откладывает на неопределенный срок введение справедливых человеческих отношений... Эта варварская и бесцельная резня прекратится лишь с полным уничтожением постоянных армий, которые только что осудил наш конгресс, и с введением всеобщего вооружения народа для защиты его интересов, все это не менее решительно рекомендовано конгрессом всем секциям Международного Товарищества Рабочих и всем присоединившимся обществам»[1].

К весне 1867 г. отношения между Пруссией и Францией еще более обострились из-за попыток Наполеона III добиться присоединения Люксембурга к Франции. Вокруг этой проблемы велась усиленная дипломатическая игра и других «великих держав». Маркс и Энгельс широко обсуждали этот вопрос в своих письмах. Маркс советовал Энгельсу написать брошюру с «*предостережением против России,* одновременно на благо немцам и французам»[2]. Такую брошюру охотно соглашался издать Мейснер в Гамбурге. Энгельс на этот раз не дал согласие писать брошюру, считая, что в обстановке военной шумихи у него не хватило бы времени для серьезной работы. «Кроме того, — писал он, — это сочинение рассматривали бы в известной мере как партийный манифест, а потому нам пришлось бы сперва посоветоваться»[3].

В апреле 1867 г. в связи с люксембургским кризисом машиностроительные рабочие Берлина обратились к французским рабочим с воззванием, в котором писали: «Мы презираем всякую войну, в особенности мы считаем войну между Францией и Германией одинаково вредной интересам цивилизации и свободы...

Мы убеждены, что рабочим нет никакого дела до военных лавров, ибо эти лавры вырастают на удобренных рабочими костьми полях сражения, оплодотво-

---

[1] Женевский конгресс — Совету представителей рабочих обществ Генуи, 11 сентября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 11/5).
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 244.
[3] Там же, стр. 248.

ряются слезами вдов и сирот и покрыты проклятиями погибающих от голода рабочих.

Мы считаем соперничество в сфере труда единственной соответствующей нашей культуре борьбой, а совместную борьбу всех наций за свободу *против* ее врагов — единственно достойной нас борьбой. В этом смысле мы посылаем нашим французским братьям свой мирный привет»[1].

Парижское правление Интернационала от имени французских рабочих ответило в интернационалистском духе. «Вашими устами гласит справедливость и правда, — писали они, — со слезами в глазах и радостью в сердце мы читали ваш адрес. Вместе с вами отвергаем всякие попытки завоеваний и территориальных приобретений»[2].

Эти совместные выступления немецких и французских рабочих в защиту мира были восторженно встречены членами Товарищества в Англии, Бельгии, Швейцарии и других странах. Центральный комитет секций немецкого языка Швейцарии 24 апреля 1867 г. откликнулся воззванием к рабочим всех профессий и всех стран. «Само существование нашего Товарищества, — говорилось в нем, — является непрекращающимся призывом к постоянным протестам против всякой неприязни между народами»[3]. Этот документ был издан на немецком и французском языках. Швейцарские рабочие, поддерживая немецких и французских пролетариев, заявляли, что мир — их заветная цель, но для его сохранения нужны совместные действия рабочих всех стран. Только путем мирного соревнования «надлежит решить, кому принадлежит пальма первенства в деле прогресса и цивилизации»[4].

---

[1] Цит. по кн. *Э. Бернштейн.* «История рабочего движения в Берлине». С.-Петербург, 1908, стр. 174—175.

[2] Там же, стр. 175.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 302/1. «Association Internationale des Travailleurs. Sektionsgruppe deutscher Sprache in der Schweiz. Zentralkomitee. Die Sektionsgruppe deutscher Sprache der Internationale Arbeiter Association an die Arbeiter jeden Standes und Länder». Опубликовано в «Vorbote», 1867, май, стр. 79—80.

[4] Там же.

О своей солидарности с рабочими Парижа и Берлина 5 мая 1867 г. заявила амьенская секция Интернационала[1].

В начале мая 1867 г. в адрес Генерального Совета поступило письмо из Лиона с текстом антивоенного воззвания лионской секции и просьбой при помощи немецких газет довести до сведения немецких рабочих их гневный протест против угрозы войны[2]. Это воззвание было также подписано представителями секций городов Вьенна и Нёвиля-сюр-Сон[3].

ОТНОШЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА К БУРЖУАЗНО-ПАЦИФИСТСКОЙ ЛИГЕ МИРА И СВОБОДЫ. ЛОЗАННСКИЙ КОНГРЕСС 1867 г.

К лету 1867 г. усилилось буржуазно-пацифистское движение в ряде стран, которое являлось, по выражению В. И. Засулич, «едва ли не последней вспышкой умирающего в Западной Европе буржуазного радикализма и свободомыслия»[4]. В Париже и Женеве была создана инициативная группа из представителей французской республиканской интеллигенции (Э. Аколла, Ж. Берни и др.) для созыва европейского конгресса мира и создания постоянно действующей международной организации — Лиги мира и свободы. Эта идея была одобрена видными революционерами и демократами — Дж. Гарибальди, М. Бакуниным, Э. Кине, В. Гюго, Дж. Миллем, братьями Эли и Элизе Реклю, Л. Бланом и др., согласившимися участвовать в учредительном конгрессе Лиги.

В программу создаваемой организации были включены следующие пункты — уничтожение постоянных армий, сохранение мира и создание федерации свободных

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 407. Вырезки из газеты «Avenir National». Документ подписан П. и Р. Каррюель, А. Люганом, Ж. Б. Тассанкуром, А. Маршаном и др.

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы» (в дальнейшем «Генеральный Совет. 1866—1868»). М., 1962, стр. 74.

[3] «Voix de l'Avenir», 5. V. 1867. «Vorbote» № 6, июнь 1867 г.

[4] *В. И. Засулич.* «Очерки истории Международного Общества Рабочих». Женева, 1889, стр. 46.

штатов Европы. Идеи Лиги привлекли внимание и части членов Интернационала. Женевская французская секция обратилась 23 июня 1867 г. в Генеральный Совет с предложением, чтобы делегаты очередного общего конгресса в Лозанне приняли бы участие и в созываемом в это же время конгрессе Лиги мира[1].

9 июля 1867 г. состоялось собрание членов Интернационала в Женеве, которое объявило о безоговорочном присоединении к программе Лиги[2]. Женевские члены Интернационала И. Ф. Беккер, Ф. Дюпле и Ш. Перрон вошли в состав организационного комитета Лиги. Организаторы конгресса, не надеясь на собственные силы, рассчитывали использовать влияние Интернационала в своих целях, а заодно и отвлечь рабочий класс от самостоятельной политической деятельности. Они перенесли срок созыва своего конгресса с 5 на 9 сентября 1867 г., чтобы делегаты Лозаннского конгресса смогли присутствовать при открытии их конгресса. Сам факт обращения Лиги мира к Интернационалу свидетельствовал о том, что представители радикальной буржуазии видели в нем реальную силу, способную бороться за дело мира. Маркс в связи с этим писал Энгельсу: «Главное — это то, что важные господа, организующие конгресс мира — Виктор Гюго, Гарибальди, Луи Блан и т. п., с величайшим презрением игнорировали наше Международное Товарищество. Теперь я заставил их признать нас силой»[3].

Руководимый Марксом и Энгельсом Генеральный Совет, являвшийся сторонником действенной борьбы за мир, постоянно разоблачавший дипломатию господствующих классов и помогавший раскрывать сговор реакционных сил с целью организации новых кровопролитных войн, не мог остаться безучастным к выступлениям буржуазно-радикальных элементов в пользу мира. Необходимо было определить общую позицию Интернационала по отношению к Лиге мира, способ-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 351/2. См. также «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 84.

[2] «Voix de l'Avenir», 21. VII. 1867 г.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 288.

ствуя консолидации антивоенных сил, но не допуская слияния двух совершенно различных организаций, ибо пролетариат в то время еще только вырабатывал самостоятельную позицию в вопросах международной политики и мог легко попасть под влияние буржуазно-пацифистских идей и политически оказаться в подчинении у радикальной буржуазии.

Программа Лиги мира вызывала возражения среди многих членов Интернационала. Так, в письме на имя И. Ф. Беккера Н. Титус из Бомберга от имени местных членов Товарищества высказывал недоумение по поводу первого пункта программы Лиги, требовавшего «уничтожения мелких государств в интересах политической централизации». Титус отмечал, что это противоречит интернационалистской позиции Товарищества [1].

Вопрос о конгрессе Лиги мира и об отношении к нему Интернационала обсуждался на заседании Генерального Совета 13 августа 1867 года. В своей речи на этом заседании Маркс показал, что Лига не намерена бороться с действительными причинами, порождающими войны, поэтому Интернационалу не следует принимать официального участия в конгрессе Лиги, он должен не допускать смешения своих принципов с буржуазно-пацифистскими идеями. «Конгресс Международного Товарищества Рабочих сам по себе является конгрессом мира, — говорил Маркс в своей речи, — поскольку объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными. Если бы инициаторы женевского конгресса Лиги мира понимали суть данного вопроса, они бы присоединились к Международному Товариществу... Те люди, которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира» [2]. Маркс внес проект резолюции, рекомендовавший делегатам

---

[1] Н. Титус — И. Ф. Беккеру, 31 августа 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 70/5).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 556—557. Протокольная запись этой речи сделана Г. Эккариусом очень кратко, о чем писал Маркс Энгельсу в письме от 4 сентября 1867 г., и отражает его точку зрения не полностью.

Совета не принимать официального участия в конгрессе Лиги мира, а на конгрессе Товарищества в Лозанне решительно выступить против возможных предложений в пользу официального участия [1]. Наиболее отрицательную сторону буржуазного пацифизма Маркс видел в подмене реальной борьбы за мир абстрактной фразой о мире, способной посеять благодушие и иллюзии у масс. Официально присоединиться к Лиге означало бы в тех условиях взять на себя ответственность за все недостатки буржуазных пацифистов.

В то же время Маркс считал, что члены Интернационала не должны сектантски отгораживаться от демократической организации, которая при всех ее слабостях отражала антивоенные настроения масс. В индивидуальном порядке они должны использовать трибуну конгресса Лиги, чтобы провозгласить пролетарскую позицию в вопросе войны и мира. Предложенная Марксом резолюция была принята. «Ты знаешь, — сообщал Маркс Энгельсу, — что я высказался в Генеральном Совете против присоединения к болтунам о мире» [2]. Отрицательное отношение к фразеологии Лиги Маркс выразил также в письме французскому демократу О. Верморелю, редактору газеты «Courrier français». Он писал: «Ведь это же (я имею в виду конгресс мира) — трусость в действии. Пусть они протестуют в Берлине и Париже, а если они слишком трусливы для этого, то пусть не обманывают публику двусмысленными, бесплодными и высокопарными демонстрациями» [3].

Натолкнувшись на твердую позицию Генерального Совета, организаторы Лиги мира вынуждены были изменить ее первоначальную программу, обнародованную еще 11 июня 1867 г., включив в нее некоторые социальные требования и даже пункт о «гармонии экономических интересов и свободы» [4].

Часть деятелей Интернационала, однако, первоначально пошла на поводу у буржуазных пацифистов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 210.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 287.
[3] Там же, стр. 465—466.
[4] См. «Courrier français», 27. VIII. 1867 г.

Центральный комитет секций немецкого языка в Женеве 20 августа 1867 г. принял, а общее собрание секций 25 августа утвердило резолюцию, в которой вопреки решению Генерального Совета выражалась солидарность с программой Лиги мира[1]. Разделяя эту точку зрения, лозаннская секция предложила внести в качестве пункта 8 повестки дня общего конгресса вопрос о посылке коллективного адреса от имени Лозаннского конгресса Товарищества Женевскому конгрессу Лиги мира.

Избранная на Лозаннском конгрессе комиссия (Дюпон, Клейн, Бёркли; Гафнер и Рибо) составила проект такого коллективного адреса. Основная идея проекта состояла в том, что, поскольку рабочий класс кровно заинтересован в сохранении мира, что будет способствовать его освобождению, он целиком и безоговорочно поддерживает конгресс Лиги[2]. Проект был оглашен от имени комиссии швейцарским журналистом Гафнером на заседании Лозаннского конгресса 4 сентября 1867 г. Вокруг адреса разгорелись горячие прения. Против присоединения к конгрессу Лиги высказались Де Пап, Эккариус, изложивший точку зрения Генерального Совета, и Шлайфер, заявивший: «Пусть буржуазия делает нам уступки и идет к нам, а не мы к ней»[3]. Входивший в состав комиссии Эжен Дюпон, видный член Генерального Совета, старался придать адресу более действенный характер, связать дело мира с социальной революцией. Швейцарцы (Перрон и Дюпле) выступали за присоединение к Лиге. Перрон категорически заявил, что Лига полностью разделяет идеи Интернационала. Делегаты Толен и Мюра предлагали компромиссное решение: поставить предварительно Лиге ряд вопросов и лишь после утвердительных ответов на них объявить о присоединении. Конгресс после длительной дискуссии постановил добавить к тексту адреса сформулированную Толеном и Де Папом поправку о том, что конгресс присоеди-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 18/2, а также «Vorbote» № 9, сентябрь, 1867 г., стр. 141—142.

[2] «Procès-verbaux du Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs réuniè à Lausanne du 2 au 8 september 1867» (в дальнейшем «Procès verbaux»). Chaux-de-Fonds, 1867, p. 20.

[3] «Procès-verbaux», p. 21.

няется к Лиге при условии разъяснения позиции пролетариата в отношении постоянных армий и войн, заключающейся в том, что для окончательного уничтожения войн необходимо освобождение рабочего класса из-под ига капитала[1].

Треть делегатов Лозаннского конгресса (41 делегат) приняли индивидуальное участие в работе конгресса Лиги мира. Накануне его открытия, 8 сентября 1867 г., в Женеве было созвано собрание участников Лозаннского конгресса для выработки тактики членов Товарищества на предстоящем конгрессе Лиги мира. На этом собрании Л. Кугельман предложил, чтобы в руководящих органах конгресса Лиги были и представители пролетариата[2].

9 сентября адрес Лозаннского конгресса был зачитан на конгрессе Лиги Гильомом на французском и Бюхнером на немецком языках и восторженно встречен большинством делегатов[3]. Однако на следующий день 9 членов Лиги (А. Жуссерандо, Ж. Молинари и др.) выступили с протестом против той части адреса, где говорилось о классово-антагонистическом характере современного общества. Они пытались доказать существование всеобщей гармонии между капиталистами и рабочими[4]. Буржуазное большинство конгресса Лиги поддержало этот протест. С защитой пролетарской декларации выступили представитель Центрального совета рабочих обществ Италии Стампа, Дюпон и Де Пап, причем речь последнего о действительных условиях политической свободы пролетариата была

[1] «Procès-verbaux», p. 25. Текст поправки гласил: «Полагая, что первой и главной причиной всех войн является пауперизм и отсутствие экономического равновесия, что для упразднения войн недостаточно распустить постоянные армии, а необходимо также изменить саму организацию общества в смысле более справедливого распределения продукта труда, конгресс ставит условием своего присоединения к конгрессу Лиги мира и свободы признание последним вышеприведенных принципов» («Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 281).

[2] Г. Эккариус — К. Марксу, 9 сентября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 19/3).

[3] *J. Guillaume.* «L'Internationale», t. 1, Paris, 1905, p. 45.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 19/5. Вырезка из газеты «Liberté», 15 сентября 1867 г.

встречена резкими протестами буржуазных радикалов. В своей речи на конгрессе Лиги мира в защиту адреса Дюпон сказал: «Чтобы установить вечный мир, надо уничтожить все законы, угнетающие труд, все привилегии, превратить всех граждан в единый класс трудящихся, одним словом, принять социальную революцию со всеми ее последствиями» [1].

Столкновения представителей буржуазии и пролетариата на конгрессе Лиги способствовали их размежеванию по вопросам войны и мира и крушению иллюзий некоторых членов Интернационала в отношении буржуазно-пацифистской Лиги мира, которая сразу же забыла о своих свободолюбивых декларациях, как только пролетарские представители полным голосом заявили о своих классовых требованиях.

Жена Маркса Женни, давая оценку двум конгрессам — Лозаннскому конгрессу Товарищества и женевскому конгрессу Лиги мира, — писала И. Ф. Беккеру 5 октября 1867 г.: «А когда его (Лозаннский конгресс. — *А. К.*) сравнивали с его сводным братом, конгрессом мира, то сравнение всегда было в пользу старшего брата, и если в одном видели грозящую неотвратимую трагедию, то в другом не что иное, как фарс и комедийное зрелище» [2]. Беккер и сам вскоре убедился в своем глубоком заблуждении в отношении Лиги. В ответном письме Женни Маркс, а также в письме Лесснеру он отмечал превосходство конгресса Интернационала перед конгрессом Лиги мира [3]. Кроме того, он выступил на страницах журнала «Vorbote» со статьей о конгрессе Лиги мира, получившей высокую оценку Маркса [4].

Вопрос об отношении к Лиге мира был предметом обсуждения и следующего конгресса Товарищества в Брюсселе. Конгресс на своем экстренном заседании 12 сентября 1868 г. обсудил вопрос об отношении к Лиге

---

[1] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 281, прим. 198.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 577.

[3] И. Ф. Беккер — Женни Маркс, 7 октября 1867 г. и Ф. Лесснеру, 11 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 28 и 25/5).

[4] См. «Vorbote» № 10, октябрь 1867 г., стр. 145—151. См. Женни Маркс — И. Ф. Беккеру, позднее 10 января 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 68).

мира в связи с получением приглашения на очередной ее конгресс в Берне, назначенный на 22 сентября 1868 года. Приглашение было сделано Лигой по инициативе члена ее Центрального комитета М. Бакунина, который стремился в это время подчинить Интернационал Лиге. Накануне Брюссельского конгресса Центральный комитет немецких секций в Женеве обратился к конгрессу Товарищества с призывом послать с целью поддержки официальную делегацию на конгресс Лиги мира в Берне; комитет ошибочно считал, что позиция Лиги по вопросам войны и мира не отличается от позиции Международного Товарищества[1]. Эту точку зрения швейцарские делегаты отстаивали и на конгрессе. После продолжительных прений (выступили Ш. Перрон, А. Каталан — за посылку официальной делегации; А. Мюра, Г. Эккариус, С. Де Пап — против) конгресс принял составленную комиссией (Э. Гинс, А. Толен, А. Каталан, Ш. Перрон, Ф. Гралья, Ф. Links Мармильо, А. Мюра) резолюцию: конгресс постановляет, что не пошлет официальную делегацию, но члены Интернационала, которые будут присутствовать на конгрессе Лиги, представят ему от имени Интернационала различные резолюции, принятые на конгрессах в Женеве, Лозанне и Брюсселе, и что всякая дискуссия по поводу резолюций остается на их личной ответственности. Делегатам было поручено провозгласить в Берне принципы Интернационала, заявить, что существование Лиги наряду с Интернационалом не имеет смысла, и предложить Лиге распустить свою организацию, а ее членам в индивидуальном порядке вступить в соответствующие секции Интернационала[2]. Это решение провело грань между пролетарским пониманием вопросов войны и мира и буржуазно-пацифистским; оно подчеркнуло ведущую роль рабочего класса в борьбе за мир, его готовность сотрудничать в этой борьбе с другими прогрессивными

[1] «Association Internationale des Travailleurs. Section de Genève Comite central au congrès de Bruxelles».

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 23/5 и 23/6, а также «Troisième congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Compterendu officiel. Supplément au journal «Le Peuple belge», 6—30 September 1868», p. 40.

силами, но при условии сохранения классово самостоятельной позиции своей организации. Увидев безнадежность своей попытки подчинить пролетарскую организацию своим целям, Центральный комитет Лиги мира 22 сентября 1868 г. опубликовал в виде листовки секретное обращение к своим членам, в котором призывал к совместным действиям с Интернационалом.[1] Соответствующая конкретным историческим условиям гибкая, но в то же время самостоятельная и твердая тактика Международного Товарищества Рабочих позволила определить правильное отношение рабочего класса к демократическому антивоенному движению и сделать первые шаги к тому, чтобы совлечь его с позиций буржуазного пацифизма и направить в русло действенной борьбы за мир.

АНТИМИЛИТАРИСТСКАЯ КАМПАНИЯ В 1867—1869 гг. БРЮССЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС 1868 г.

В своей борьбе за мир пролетарская организация шла своим самостоятельным путем, используя различные формы борьбы, в том числе парламентскую трибуну. Будучи избраны депутатами Северогерманского рейхстага, Либкнехт и Бебель выступали с его трибуны с критикой внешней политики Бисмарка и его экспансионистских устремлений, доказывали необходимость уничтожения постоянных армий и введения народной милиции. На заседании Генерального Совета 8 октября 1867 г. Маркс заявил, что Либкнехт — «единственный член рейхстага, осмелившийся выступить против военной политики Бисмарка»[1]. С яркими речами Либкнехт и Бебель выступили 17 октября 1867 г. при обсуждении рейхстагом законопроекта о воинской повинности. Эти выступления были одобрены рабочими Берлина, Бреславля, Кёльна, Хемница и других немецких городов[2]. Излагая Марксу содержание этой своей речи, Либкнехт писал: «Я предложил упразднение постоянных армий и

[1] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 111.
[2] А. Бебель — Г. Рёйше, редактору «Leipziger Nachrichten», 21 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 202, ед. хр. 23/1).

целый час доказывал, что постоянные армии уничтожают народы, нарушают свободу и не способны отстоять честь и независимость страны... Вначале они (депутаты) улыбались, затем смеялись, потом кричали, наконец сжимали свои кулаки и, казалось, были готовы убить меня... но я продолжал и когда закончил, некоторые депутаты подступили ко мне с поднятыми кулаками, как будто хотели меня избить». В заключение Либкнехт заявил: «История *не будет* стоять на месте, она перешагнет через ваши насилия, через ваш Северогерманский союз, который для Германии является источником раздробления, рабства и слабости, она перешагнет через ваш рейхстаг, который является только фиговым листком абсолютизма» [1].

Маркс придавал огромное значение выступлениям Либкнехта и Бебеля в рейхстаге, рассматривая их как выступления представителей Интернационала, о каждом из них он подробно информировал Генеральный Совет [2]. Речь Либкнехта от 17 октября Маркс поручил Лафаргу перевести на французский язык и постараться опубликовать ее в газете «Courrier français»; английский же ее перевод был опубликован в № 315 газеты «Bee-Hive» от 26 октября 1867 г.

В связи с развернувшимися в октябре — ноябре 1867 г. событиями (поход добровольческой армии Гарибальди на Рим, выступление Наполеона III на стороне римского папы и оккупация города французскими войсками) внешнеполитическая обстановка в Европе крайне обострилась.

Международное Товарищество не осталось безучастным к этим событиям, снова поставившим под угрозу мир в Европе. Члены Товарищества во Франции, Германии и в других странах выступили с протестами против французской оккупации Рима, приветствовали освободительный поход Гарибальди.

Новая бонапартистская авантюра вызвала возмущение всех прогрессивных и революционных сил. 1 ноября

---

[1] В. Либкнехт — К. Марксу, 19 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1757).

[2] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 112.

1867 г. в Париже на Монмартрском кладбище произошла демонстрация французских республиканцев — сторонников независимой Италии. 3 ноября 1867 г. в Тампль Юник состоялся массовый митинг женевских рабочих, который принял обращение к итальянскому народу с выражением одобрения гарибальдийского похода на Рим [1].

Против французской оккупации Рима протестовали проживающие в Лондоне французские демократы, поддержанные членами Генерального Совета [2].

В 1868 г. активную антимилитаристскую кампанию вели члены Интернационала в Бельгии. На заседаниях Генерального Совета 28 января, 11 и 18 февраля 1868 г. были оглашены письма из Бельгии об организации там многочисленных митингов протеста против закона о воинской повинности, против дополнительных ассигнований на вооружение, об официальных протестах секций против этих ассигнований [3].

В сентябре 1868 г. на очередном съезде Союза немецких рабочих обществ в Нюрнберге обсуждался военный вопрос. В своем докладе Либкнехт опирался на решения конгрессов Интернационала и на сформулированную Марксом в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» общую политическую линию Интернационала [4]. Съезд принял резолюцию, осуждавшую постоянные армии и призывавшую к всеобщему вооружению народа [5].

В программу Социал-демократической партии Австрии, созданной в июле — августе 1868 г., был также включен пункт об уничтожении постоянной армии и о вооружении народа.

---

[1] «Association Internationale des Travailleurs. Sectionsgruppe deutscher Sprache in der Schweiz. Arbeiterversammlung, Genf, 1867. Die Arbeiter Genf an das italienische Volk», см. также «Vorbote» № 11, ноябрь 1867 г.

[2] См. «Bee-Hive», 7. XII. 1867.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 128, 131—132.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 203.

[5] «Protokoll über den 5. Vereinstag deutscher Arbeiterverein am 5, 6 und 7 September in Nürnberg», 1868, S. 31—35.

Перед самым открытием очередного общего конгресса Интернационала в Брюсселе немецкие секции в Швейцарии предложили дополнительно включить в его повестку дня вопрос о поведении рабочих в случае возникновения европейской войны. Это предложение было обсуждено и принято Генеральным Советом [1].

Брюссельский конгресс обсуждал этот вопрос, включенный в повестку дня в качестве первого пункта, в тесной связи с вопросом о политической деятельности пролетариата [2].

Пытаясь вскрыть причины войн, парижский делегат Анри ошибочно сводил их к отрицательной роли отдельных правящих личностей, в частности Наполеона III, и призывал к их свержению. Отвечая ему, бельгийский делегат Де Пап утверждал, что войны вызываются не той или иной формой правления, ибо их ведут и монархии и буржуазные республики, а несовершенством социально-экономического строя современного общества, за изменение которого может и должен бороться сам рабочий класс [3]. Другой делегат, Каталан, видел причины войн в существующей государственной власти, якобы стоящей над обществом, и призывал Интернационал направить все свои усилия на действенную борьбу против людей и учреждений, имеющих право развязывать войны, и против невежества, увековечивающего это право. Каталан предложил создать специальную комиссию Интернационала для ведения пропаганды против войны [4]. Делегаты Генерального Совета (Дюпон, Лекрафт, Эккариус) стремились направить обсуждение на конкретную, практическую почву, призывали делегатов занять четкую позицию по вопросу о войне и решительно отстаивать ее. Лекрафт подчеркивал, что существование многочисленных постоянных армий является одной из причин нищеты рабочего класса; миллионы людей не производят, а разрушают материальные ценности и

[1] См. Э. Дюпон — С. Де Папу, 1 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/10).

[2] Подробные материалы Брюссельского конгресса, корреспонденции в английских, французских, бельгийских газетах, собранные Марксом, см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2323.

[3] «Troisième congrès», p. 21.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2323.

уничтожают друг друга; непрерывная гонка вооружений приводит в конечном счете к разрушениям, деградации; за 30 лет Франция и Италия в значительной мере из-за военных расходов удвоили свой национальный долг; члены Интернационала должны поэтому вести антивоенную пропаганду в своих странах[1]. О важности антивоенной пропаганды говорили и бельгийские делегаты Гинс и Пеллеринг.

Поскольку Генеральный Совет не подготовил предварительный проект резолюции по этому вопросу, Маркс дал свои рекомендации делегатам конгресса. 10 сентября 1868 г. он писал Эккариусу и Лесснеру: «Естественно, что публика больше всего интересуется вопросом о войне. Длинные декларации и напыщенные фразы в данном случае вреда не принесут. Резолюция, которую следует принять по этому вопросу, должна попросту гласить, что рабочий класс еще недостаточно организован, чтобы оказывать сколько-нибудь решающее влияние на ход событий, но что конгресс от имени рабочего класса заявляет протест и обличает зачинщиков войны; что война между Францией и Германией есть междоусобная война, гибельная для обеих стран, гибельная и для всей Европы»[2].

13 сентября 1868 г. на конгрессе была зачитана резолюция, составленная И. Ф. Беккером с учетом рекомендаций Маркса. Резолюция содержала классовый анализ современного общества и внешней политики правящих классов, осуждала милитаризм и династические войны, подчеркивала, что европейская война будет лишь на руку реакции и усилит позиции русского царизма. Резолюция призывала рабочих противостоять войне всеми средствами, а членов Интернационала — вести среди народа антимилитаристскую и антивоенную пропаганду[3]. Другая резолюция была предложена Толеном.

---

[1] См. вырезки из газет «Bee-Hive», 12 сентября 1868 г. и «Diplomatic Review», 7. X. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 26/2 и ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2323).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 466.

[3] Полный текст резолюции см. «Le Peuple belge», 22 сентября 1868 г. и «Vorbote» № 10, 1868 г.

Эта вторая резолюция и была принята конгрессом[1]. Резолюция была многословна, война в ней осуждалась с абстрактных позиций справедливости, разума и морали. В ее текст было включено предложение бельгийской делегации об объявлении во время войны всеобщей стачки. Маркс, получавший подробную информацию о конгрессе от делегатов — членов Генерального Совета, назвал этот пункт резолюции нелепым, ибо он в своей основе был анархистским и основное внимание нацеливал не на борьбу с самим современным капиталистическим строем, как главной причиной войны, а на борьбу с его следствием.

Несмотря на то что конгресс в Брюсселе принял не лучший вариант резолюции, обсуждение этого вопроса, широко освещавшееся в буржуазной печати — английской, немецкой, французской, бельгийской («Times», «Daily News», «Evening Star», «Standard», «Opinion nationale» и многие другие), имело большое значение для пропаганды принципов Интернационала и способствовало дальнейшему отмежеванию пролетариата от буржуазии в вопросах войны и мира.

Решение конгресса было одобрительно встречено рабочими, о чем свидетельствуют некоторые дошедшие до нас письма рабочих. Так, один из них, по-видимому член Интернационала, писал в эти дни: «Те, кто выступает против идей мира и свободного развития, идей гуманизма и просвещения, являются врагами порядка... Мне кажется, что все мы должны дать торжественную клятву постоянно бороться всеми силами против защитников войны, какие бы предлоги они при этом ни выдвигали. Война! Это позор для человечества и средство, используемое деспотами для тормоза интеллектуального прогресса. Война всегда преступна. Итак, организуйте новый крестовый поход против войны»[2].

После Брюссельского конгресса Генеральный Совет продолжал быть инициатором антимилитаристских выступлений пролетариата.

---

[1] Протокол заседаний Брюссельского конгресса 12 и 13 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 23/5).

[2] Ж. Б. Фретиньи — Тарту, 14 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 261/3).

Весной 1869 г. появилась новая угроза войны — между Англией и США. Воинственные речи американских сенаторов вызвали возмущение среди рабочих, о чем секции Интернационала в США сообщали Генеральному Совету. На заседании Генерального Совета 11 мая 1869 г. Маркс зачитал составленное им обращение Генерального Совета к американскому Национальному рабочему союзу, которое разоблачало происки реакционных держав и всех реакционных сил, стремящихся разрушить международное сотрудничество междоусобной войной, и призвало американских рабочих «воспрепятствовать войне, в результате которой растущее движение рабочего класса по обе стороны Атлантического океана, несомненно, оказалось бы отброшенным назад на неопределенный срок»[1]. «Вот почему, — заканчивалось обращение, — именно на вас возлагается славная обязанность доказать миру, что теперь, наконец, рабочий класс вступает на арену истории уже не как покорный исполнитель, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне»[2].

Генеральный Совет единогласно принял это обращение. В ответном письме председателя Национального рабочего союза Силвиса от 26 мая 1869 г. говорилось: «Наше дело — общее дело. Идет война между нищетой и богатством. Труд повсюду одинаково угнетен, а капитал во всех частях света является тем же тираном. Вот почему я говорю, что наше дело общее. От имени рабочего класса Соединенных Штатов протягиваю товарищескую руку вам и — в вашем лице — всем тем, кого вы представляете, а также и всем униженным и эксплуатируемым труженикам и труженицам Европы. Двигайте вперед благое дело, которое вы предприняли, до тех пор, пока полный успех не увенчает ваши усилия. Таково и наше намерение. В результате последней войны у нас образовалась гнуснейшая в мире денежная аристократия. Эта денежная власть быстро пожирает живые силы народа. Мы объявили ей войну и намерены победить»[3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 371.
[2] Там же, стр. 372—373.
[3] Там же, стр. 399.

Международное Товарищество способствовало тому, что общественное мнение сложилось не в пользу войны.

Летом 1869 г. в связи с обострением франко-прусских отношений, а также в связи с революционными выступлениями пролетариата во Франции, Маркс отмечал, что организованность пролетариата и его интернационалистское воспитание внутри Международного Товарищества Рабочих являются серьезным препятствием для развязывания войны. «Пруссия, — писал он П. Лафаргу 2 июня 1869 г., — *ничего не сможет сделать* в случае французской революции. (Один рабочий представитель [Бебель] в *Северогерманском рейхстаге* недавно *угрожал ему* приближением французской революции.)»[1]. Вместе с тем Генеральный Совет самым решительным образом высказывался против буржуазных обществ, прикрывавших свою враждебность рабочим пацифистскими лозунгами[2].

ТАКТИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА ДВУХ ЭТАПАХ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870—1871 гг.

Антимилитаристская кампания Интернационала особенно усилилась в 1870 г. Пытаясь упрочить свое пошатнувшееся положение внутри страны, Наполеон III решил провести в мае 1870 г. всенародное голосование (плебисцит), сформулировав вопросы таким образом, что выражение неодобрения внешней и внутренней политике Наполеона III означало бы тем самым неодобрение проведению любых демократических реформ. Парижская федерация Интернационала и Федеральная палата профессиональных рабочих обществ выпустили по этому поводу в апреле 1870 г. манифест, в котором разоблачали демагогический маневр Наполеона III с плебисцитом и призывали рабочих воздерживаться от голосования, так как участие в плебисците означало поддержку внутреннего деспотизма и завоевательных устремлений Империи вовне[3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 508.

[2] «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 17. VIII. 1869 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65.

[3] «Association Internationale des Travailleurs. Fédération des sections parisiennes. Manifeste antiplebiscitaire des sections parisienne

Чтобы обеспечить успех плебисцита, бонапартистская полиция прибегла к испытанному средству — провокационной фабрикации заговора якобы с целью убийства Луи Бонапарта. Были арестованы члены Парижской федерации и началось жестокое преследование членов Интернационала по всей Франции. Генеральный Совет гневно заклеймил эту провокационную затею в своем заявлении «О преследованиях членов французских секций»: «Очередной заговор займет достойное место рядом с двумя его предшественниками, уже ставшими всеобщим посмешищем. Шумиха и меры насилия против наших французских секций преследуют одну цель — *способствовать жульничеству с плебисцитом*»[1].

И действительно глава правительства Эмиль Оливье цинично предписывал арестовывать членов Интернационала, чтобы обеспечить проведение плебисцита.

С 22 июня по 5 июля 1870 г. проходил третий судебный процесс 38 членов Парижской федерации. Обвиняемые были осуждены, но не за мнимый заговор, а только за принадлежность к Интернационалу. «Ничто так не характеризует последние дни французской империи, как судебные преследования членов Интернационала на том основании, что они вели войну против замышлявшейся войны», — писал Маркс жене Вильгельма Либкнехта Наталии Либкнехт 2 марта 1871 г.[2]

8 мая 1870 г. Луи Бонапарт провел плебисцит, получив поддержку только от сельских округов, так как в своей массе рабочий класс последовал призыву Интернационала во Франции и отказался содействовать развязыванию бонапартизму рук в предстоящей войне. Маркс отмечал в первом воззвании о франко-прусской войне: «Биржи, кабинеты европейских государств, господствующие классы и печать Европы приветствовали плебисцит как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом; и плебисцит оказался сигналом к умерщвлению не одной личности,

---

fédérées de l'Internationale et de la Chambre fédérales sociétés ouvriers».

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 446.

[2] Там же, т. 33, стр. 158.

а целых народов»[1]. В мае — июне 1870 г. Наполеон III при активной поддержке французской буржуазии начал дипломатическую, военную и политическую подготовку войны с Пруссией.

В то время как французская буржуазия была охвачена шовинистическим и милитаристским угаром, парижские члены Интернационала выпустили 12 июля 1870 г. обращение «К рабочим всех наций», проникнутое духом пролетарского интернационализма. Авторы обращения писали:

«Французские, немецкие, испанские рабочие! Соединим наши голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии в глазах рабочих может быть лишь преступным безумием. Мы, — те, кто хочет мира, работы и свободы, — мы протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественные несчастья служат источником новых спекуляций!.. Братья в Германии! Вражда между нами имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам как залог неразрывной солидарности добрые пожелания и привет от рабочих Франции»[2].

В других французских антивоенных воззваниях также подчеркивался династический завоевательный характер развязываемой войны и содержался протест против нее. Так, секция Интернационала в Нейи на Сене в своем воззвании, опубликованном 22 июля 1870 г. в газете «Marseillaise», писала: «Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя гуманности, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 2.

[2] «Réveil», 12 июля 1870 г. Цит. по кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 2.

всецело и энергично присоединяемся к протесту Интернационала против войны»[1].

Бонапартистские круги безуспешно пытались противопоставить этим демонстрациям рабочих в пользу мира шовинистические манифестации переодетых в рабочие блузы авантюристических элементов из Общества 10 декабря.

Немецкие рабочие выразили свою полную солидарность с французскими пролетариями[2]. Так, 16 июля 1870 г. созванное руководством немецкой социал-демократической партии грандиозное собрание в Брауншвейге приняло следующую резолюцию: «Мы — враги всяких войн, но прежде всего — войн династических... С глубокой печалью и болью мы видим себя вынужденными принять участие в оборонительной войне как в неизбежном зле; но в то же время мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь для народов власти самим решать вопрос о войне и мире и делая народы господами своей собственной судьбы»[3]. В этой резолюции отмечался оборонительный характер войны со стороны Германии и содержался призыв к французским рабочим уничтожить Вторую империю, единственную, по их мнению, виновницу войны. Маркс, как и другие члены Интернационала (например, Кугельман[4]), считал эту резолюцию ошибочной, потому что в ней не отмечалось, что бисмарковская Германия не менее ответственна за развязывание войны.

Антивоенные демонстрации рабочих произошли во многих городах Южной и Средней Германии (Дрезден, Лейпциг, Хемниц, Мюнхен, Нюрнберг, Бармен, Бреславль и др.)[5]. Руководимый Марксом Генеральный

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 3.

[2] Подробно о позиции немецких рабочих см. статью Е. Г. Светлановой «Германская социал-демократия в период франко-прусской войны» в кн.: «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962, стр. 9—51.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 4.

[4] См. Л. Кугельман — К. Марксу, 18 июля 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2691).

[5] См. «Der Hochverrats-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner vor dem Schwurgericht zu Leipzig vom 11 bis 26 März 1872». Berlin,

Совет помог немецкому рабочему классу преодолеть односторонность, проявившуюся среди отдельных его отрядов в начале войны, и занять последовательную интернационалистскую позицию. Либкнехт вспоминал об этом впоследствии: «Да, это было для нас тяжелое время; в период военного урагана иногда находили сомнения,.. как радовался я, когда почтальон приносил письмо из Лондона,.. которое спокойными, ободряющими словами разрешало сомнения» [1].

На заседании Лондонской конференции Интернационала 20 сентября 1871 г. Маркс говорил: «...когда во время войны, которая велась с Францией, Бебель и Либкнехт начали борьбу против войны, желая снять с рабочего класса всякую ответственность за происходившее, то вся Германия была потрясена, и даже в Мюнхене, где революции совершаются только из-за цены на пиво, произошли крупные манифестации с требованием прекращения войны» [2].

Французское правительство подавляло силой мирные демонстрации рабочих, бросало в тюрьмы членов Интернационала, распускало его секции. На заседании Генерального Совета 26 июля 1870 г. секретарь-корреспондент для Франции О. Серрайе сообщил о том, что 6 членов Интернационала в Бресте приговорены к тюремному заключению, и секция Товарищества распущена; в Лионе для подавления демонстрации рабочих в защиту мира были вызваны войска [3].

Выступления против франко-прусской войны происходили и в других странах — Швейцарии, Бельгии, Италии, Испании, Англии, США, Австро-Венгрии. В отношении к франко-прусской войне международный пролетариат благодаря всей предшествующей деятельности Интернационала выступил сомкнутыми рядами, показав

1894, S. 119, а также «Volksstaat» и «Social-Demokrat» за июль — август 1870 г.

[1] *W. Liebknecht.* «Karl Marx zum Gedächtniss». Nürnberg, 1896, S. 116.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 647.

[3] «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 26 июля 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

великую силу пролетарской солидарности и интернационализма.

В переписке между собой члены Товарищества в разных странах обменивались мнениями относительно тактики пролетариата в войне. Протесты немецких и французских рабочих против войны публиковались в органах печати других стран.

В связи с небывалым ростом антимилитаристских выступлений французских, немецких, бельгийских, английских, американских, австрийских, венгерских, швейцарских, испанских и итальянских рабочих накануне франко-прусской войны Генеральный Совет на своем заседании 12 июля 1870 г. вновь обсуждал вопрос о войне. Член Совета Джон Хейлз, поддержанный Марксом, Уэстоном и Мерреем, предложил включить в качестве пункта 7 программы очередного общего конгресса Интернационала в Майнце «вторичное обсуждение конгрессом вопроса о средствах устранения войны»[1]. На заседании Совета 19 июля 1870 г., то есть как раз в день начала франко-прусской войны, составление такой декларации было поручено Марксу. Конгресс в Майнце, однако, не состоялся из-за начавшейся войны.

Франко-прусская война явилась серьезным испытанием для Международного Товарищества Рабочих и особенно для немецкого и французского пролетариата. Однако благодаря опыту антимилитаристской борьбы международная пролетарская организация была подготовлена к тому, чтобы правильно определить характер этой войны и наметить тактическую линию пролетариата в связи с общими задачами и перспективами международного рабочего движения.

В письме к Энгельсу от 20 июля 1870 г. Маркс говорил об уже наметившемся изменении расстановки сил внутри европейского рабочего движения и о возможности перемещения центра этого движения из Франции в Германию. Он подчеркивал, что победа Наполеона III в войне помешала бы завершению объединения Германии, отбросила бы как немецкое, так и французское рабочее движение назад. Наоборот, в случае победы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 456.

немцев над Второй империей «централизация государственной власти будет полезна для централизации немецкого рабочего класса. Кроме того, при перевесе немцев центр тяжести западноевропейского рабочего движения переместится из Франции в Германию»[1]. 28 июля 1870 г. Маркс писал Полю и Лауре Лафаргам: «Действительно, война классов в обеих странах слишком развита, для того чтобы какая-либо политическая война смогла на длительное время повернуть колесо истории вспять»[2].

На чрезвычайной сессии Северогерманского рейхстага в июле 1870 г. социал-демократические депутаты Либкнехт и Бебель воздержались от голосования за предоставление новых кредитов на войну, зачитав на заседании 21 июля 1870 г. текст декларации, в которой заявили протест против милитаристской, династической политики Пруссии, подготовившей эту войну, а также против «преступной и бессовестной политики Бонапарта». «Как принципиальные противники всякой династической войны, как социалисты-республиканцы и члены Международного Товарищества Рабочих, борющегося против всех угнетателей без различия национальностей и стремящегося объединить всех угнетенных в один великий братский союз, мы не можем высказаться ни прямо, ни косвенно за настоящую войну и поэтому воздерживаемся от голосования, выражая в то же время твердую надежду, что народы Европы, наученные этими роковыми событиями, употребят все усилия, чтобы завоевать себе право самоопределения и уничтожить современную классовую власть и господство сабли, эту первопричину всех политических и социальных бедствий»[3].

Большая заслуга в разработке правильной тактики немецкого и французского пролетариата во время франко-прусской войны принадлежит I Интернационалу. В составленных Марксом двух воззваниях о войне под-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 3.

[2] Там же, стр. 112.

[3] «Volksstaat», 23 июля 1870 г. Цит. по статье Е. Г. Светлановой «Германская социал-демократия в период франко-прусской войны», в кн.: «Германское рабочее движение в новое время», стр. 15.

черкивалось единство интересов немецких и французских рабочих перед лицом завоевательных устремлений правящих кругов обеих стран, выражалось отношение рабочего класса к милитаризму и войне. Первое воззвание заканчивалось словами, ставшими с тех пор как бы знаменем международной пролетарской солидарности: «В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*

Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих» [1].

В первом воззвании, зачитанном Марксом на заседании Генерального Совета 23 июля 1870 г., признавалось, что война со стороны Германии носит оборонительный характер. Однако Маркс поставил перед немецкими рабочими задачу не допустить превращения ее в захватническую, грабительскую войну. В то же время с правящих классов Пруссии не снималась ответственность за развязывание войны, всячески подчеркивалась необходимость делать различие между национальными интересами немецкого народа и династическо-завоевательными поползновениями прусской правящей клики.

Что касается английских рабочих, то в воззвании содержался призыв давать отпор попыткам правящих кругов втянуть Англию в войну на стороне какой-либо из воюющих держав. 31 июля 1870 г. Энгельс писал Марксу по поводу этого воззвания: «Воззвание научит все классы народа понимать, что теперь только у рабочих имеется *подлинная* внешняя политика... Правительства, как и буржуазия, будут невероятно удивлены, когда после войны рабочие спокойно возобновят свою

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 5.

прерванную борьбу, точно совсем ничего не случилось»[1]. Позднее, в августе 1871 г., сам Маркс так характеризовал этот важнейший документ Товарищества: «В своем первом воззвании от 23 июля 1870 г. *Генеральный Совет* заявлял, что война была начата не французским народом, а империей и что по существу Бисмарк был так же виновен, как Бонапарт. В то же время Генеральный Совет обратился к немецким рабочим с призывом не позволять прусскому правительству превратить оборонительную войну в войну завоевательную»[2].

Уже в самые первые дни войны немецкий рабочий класс не дал увлечь себя шовинистическому угару, он в своем подавляющем большинстве, особенно в Саксонии и Южной Германии (исключение составляли лассальянцы, приверженцы И. Б. Швейцера, рассматривавшие войну не только как национальную, но и как «войну за социализм», ратовавшие за «гражданский мир» и объявлявшие всех инакомыслящих изменниками родины), не принял участие в организуемых правительством и буржуазией манифестациях в пользу оборонительной войны, он не поддался аннексионистским призывам, раздававшимся со стороны буржуазных и мелкобуржуазных демократов, решительно выступив против притязаний прусской военщины на Эльзас и Лотарингию. Собрания рабочих в Нюрнберге, Мюнхене, Аугсбурге, Фюрте и других местах продемонстрировали враждебные шовинизму настроения рабочих[3].

Первое воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне, проникнутое ненавистью как к прусскому, так и французскому шовинизму, имело огромный успех, оно широко распространялось в Германии, Франции и в других странах не только членами Интернационала. Так, лондонская буржуазно-пацифистская организация «Общество мира», руководимая фритредерами, пожертвовала 20 ф. ст. на распространение воззвания. На эти деньги И. Ф. Беккер организовал печатание

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 12.

[2] К. Маркс — А. Юберу, 10 августа 1871 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 234).

[3] «Volksstaat», 23 июля 1870 г. Подробнее об этом см. упомянутую статью Е. Г. Светлановой.

текста воззвания в Женеве в количестве 30 тыс. экземпляров. В Англии как первое, так и второе воззвание распространяли буржуазные радикалы и прежде всего Бизли, который писал Марксу 14 сентября 1870 г.: «Я... как можно основательнее пустил в ход оба ваши воззвания... думаю, что их значимость трудно преувеличить»[1]. Распространению воззвания содействовала и Лига мира и свободы[2].

Ф. Энгельс развивал и отстаивал тактику Интернационала в отношении франко-прусской войны в своих «Заметках о войне», публиковавшихся с 29 июля 1870 г. и по февраль 1871 г. в английской консервативно-аристократической газете «Pall Mall Gazette»[3]. Статьи Энгельса оказывали огромное влияние на общественное мнение в Англии, ибо эта газета «задает тон во всех *клубах* и, в особенности, в военных»[4]. Особое значение имели статьи Энгельса, отражавшие второй этап войны, когда были разгромлены армии Второй империи и пруссакам оказывал сопротивление весь французский народ, защищая свою родину.

Генеральный Совет не ограничивался деятельностью среди рабочих, он принимал активное участие и в общедемократическом антимилитаристском движении, отстаивая при этом классовую, пролетарскую позицию в вопросах войны и мира. Ярким свидетельством этого является отношение Маркса к антимилитаристской кампании немецких и французских эмигрантов в Лондоне в июле — сентябре 1870 года. 18 июля 1870 г. один из организаторов этой кампании немецкий демократ Э. Освальд обратился к Марксу с письмом, в котором предложил подписать составленное французскими и немецкими эмигрантами-демократами обращение против войны[5]. Маркс согласился подписать этот документ, поскольку изложенная в нем общая политическая точка зрения и оценка войны совпадали с точкой зрения Гене-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2172.

[2] Женни Маркс — Ф. Энгельсу, 10 августа 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 548).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 7—267.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 23.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2146.

рального Совета, выраженной в первом воззвании о войне, хотя Маркс не считал возможным скрывать, что в целом воззрения участников движения отнюдь не совпадают с принципами Интернационала. В своем ответе Освальду он подчеркивал: «...Я убежден, что действительной силой, способной противостоять возрождению национальной розни и всей теперешней дипломатии, является *только рабочий класс*»[1]. Первое издание обращения эмигрантов было выпущено 31 июля 1870 г., в последующих изданиях этого документа были поставлены подписи членов Интернационала — Маркса, Энгельса, Боркхейма и Таландье со следующей напечатанной под строкой оговоркой: «Я присоединяюсь к опубликованному выше обращению в той мере, в какой оно в общем соответствует по своему духу воззванию о войне Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих»[2]. Правда, Маркс был недоволен текстом обращения. Он писал Энгельсу, что оно написано слабо и фразисто, что в нем «нет даже намека, хотя бы из вежливости по отношению к французам, ведущим с ним переговоры, на оборонительный характер войны со стороны *немцев* (я не говорю со стороны *Пруссии*)»[3]. Маркс все же подписал обращение с вышеприведенной оговоркой, а также при условии, что в текст будет вставлена фраза об оборонительном характере войны со стороны немцев, чтобы выбить оружие из рук шовинистически настроенной группы мелкобуржуазных демократов (К. Блинд и К°), обвинявших авторов обращения в предательстве интересов немецкого народа.

Франко-прусская война выявила антинародную сущность буржуазных партий, в том числе и оппозиционных, показав их раболепство по отношению к правительству. «Война дала нашим профессорам, — писал Маркс Кугельману, — прекраснейший повод осрамить себя перед всем светом как холопствующих педантов. Условия,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 109.

[2] «An das französische Volk. An das deutsche Volk». Ld, 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 46), а также Г. Эккариус — И. Ф. Беккеру, 13 августа 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/16).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 21.

которые являются следствием этой войны, будут служить лучшей пропагандой наших принципов»[1].

В большинстве стран Европы члены Интернационала решительно выступали против войны[2]. Проводились митинги, издавались антивоенные воззвания во многих странах (Англия, Швейцария, Испания, Бельгия и др.). В выпущенном 28 июля 1870 г. воззвании Испанского федерального совета Интернационала ко всем рабочим содержался призыв: «Рабочие всего мира! Все страны и все власть имущие Европы видят в войне средство для раздоров и подавления бедного народа, поэтому они провозглашают «Да здравствует война!» Напротив, мы протестуем против войны. Эта война с обеих сторон будет вестись против революции... мы заявляем: «Долой войну! Да здравствует мир! Да здравствует труд! Да здравствует справедливость!»»[3].

Аналогичные воззвания выпустили секции Интернационала в Бельгии, Швейцарии, Испании, Австрии, США, Германии и Франции[4].

Антимилитаристская пропаганда широко велась на страницах печатных органов Интернационала — «Volksstaat», «Emancipacion», «Internationale», «Liberté», «Tagwacht», «Vorbote», «Volkswille», «Les Cahiers du travail», «La Plebe», органа Русской секции «Народное дело» и др. Орган льежских секций Интернационала газета «Les Cahiers du travail» писала: «Только один (или почти один) Интернационал осмелился ответить на наглый вызов властителей и на своих собраниях и в манифестах продемонстрировал истинные принципы солидарности народов и социального равенства»[5].

Об интернационалистских и антимилитаристских настроениях рабочих свидетельствуют их письма. Так, например, 21 августа 1870 г. Ю. Бремер из Магдебурга писал И. Ф. Беккеру: «Все же я верю, что милитаризм,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 139.

[2] См. «Протокольная книга Генерального Совета», заседания 26. VII; 2, 9. VIII. 1870 г. и др. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 197. Опубликовано в «Vorbote», 1870, № 8, стр. 127—128.

[4] См. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 16. Некоторые из них опубликованы в «Vorbote», август 1870, стр. 124—126.

[5] «Les Cahiers du travail» № 2, август 1870 г.

достигший кульминационного пункта, будет сам побежден в этой войне, я радуюсь прусским победам потому, что они разрушают господство Наполеона III и там возникнет социальная республика; если пруссаки не признают ее, то разразится мировая война, нация в 38 миллионов человек непобедима, ужасные битвы, начало которых может наступить в любой момент и конец которых трудно определить, но успех которых несомненен, устранят милитаризм, с тем чтобы будущее было гарантировано от войн» [1]. Во многих письмах выражалась надежда, что война завершится революцией.

Активную антимилитаристскую кампанию вели английские рабочие и члены Интернационала. Они решительно выступали против воинствующих настроений английской олигархии, которая была готова включиться в континентальную войну на стороне монархической Пруссии, видя в ней надежный оплот реакции на континенте. Маркс писал Энгельсу 28 июля 1870 г.: «Что же касается объявления войны, то это могло бы вызвать весьма серьезное столкновение между powers that be [2] и лондонским пролетариатом. Рабочие решительно настроены против подобного рода «лицедейства»» [3].

В письме к Полю и Лауре Лафаргам Маркс подчеркивал, что делает все возможное, «чтобы через посредство *Интернационала* поддерживать этот дух «нейтралитета» и расстраивать планы *«подкупленных»* (подкупленных «респектабельными кругами») лидеров английского рабочего класса, которые напрягают все силы, чтобы сбить его с правильного пути» [4].

Лидеры английских тред-юнионов самим ходом событий вынуждены были возглавить движение английских рабочих за мир, создав в начале войны Рабочий комитет мира во главе с У. Кримером. Однако основная заслуга в этом мощном движении безусловно принадлежит интернационалистской, антимилитарист-

---

[1] Ю. Бремер — И. Ф. Беккеру, 21 августа 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 81/8).

[2] — власть имущими.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 10.

[4] Там же, стр. 112.

ской кампании Генерального Совета, проводившейся под руководством Маркса и Энгельса.

Эта кампания испугала оппортунистических лидеров тред-юнионов и английских буржуазных радикалов, и они уже в середине сентября 1870 г. начали предпринимать меры, чтобы ослабить влияние Генерального Совета на английских рабочих. Так, Рабочий комитет мира, тесно связанный с буржуазно-пацифистским «Обществом мира», не считаясь с изменившимся характером войны, противопоставлял проводимой Генеральным Советом тактике активной защиты провозглашенной во Франции республики прежний лозунг нейтралитета в отношении воюющих стран, правильный лишь на первом этапе войны.

Серьезные разногласия по вопросу об оценке характера войны и определении тактики пролетариата возникли в Германии между находившимся в Брауншвейге Комитетом Социал-демократической партии (Бракке, Кюн, Бонхорст и др.) и редакцией выходившего в Лейпциге печатного органа партии — газеты «Volksstaat» (В. Либкнехт, А. Гепнер). Комитет исходил из оборонительного характера войны со стороны Германии, но не понимал необходимости при этом разоблачать действия прусского правительства. Редакция газеты допускала в своей борьбе против Бисмарка известное игнорирование задачи национального объединения страны, хотя в целом заняла интернационалистскую позицию. Брауншвейгский комитет обратился за советом к Марксу и Энгельсу. На это обращение Маркс и Энгельс ответили 1 сентября 1870 г. подробным письмом, в котором изложили свое понимание оборонительной войны и наметили следующую тактическую линию немецкого пролетариата в войне: пока война носит со стороны Германии оборонительный характер, следует примкнуть к национальному движению, отмечая при этом коренное различие между общенациональными интересами Германии и прусско-династическими; постоянно подчеркивать единство интересов немецких и французских рабочих; противодействовать аннексии Эльзаса и Лотарингии, в случае установления во Франции республики добиваться почет-

ного мира с французским республиканским правительством [1].

4 сентября 1870 г. во Франции была провозглашена республика, но во главе правительства стали капитулянтски настроенные контрреволюционные буржуазные политики, что сразу же определило ее характер и особенности. В тот же день объединенное собрание делегатов секций Интернационала и парижской федерации рабочих выразило доверие созданному правительству «национальной обороны», а вслед за тем федерация выпустила воззвание — «К немецкому народу и к социалистической демократии немецкой нации». Это воззвание было проникнуто шовинистическим духом. Ссылаясь на патриотические и революционные традиции 1793 г., авторы воззвания заявили, что будут до последней капли крови драться с врагом, оккупирующим их территорию, и требовали отзыва немецких войск из Франции в качестве непременного условия заключения мира [2].

5 сентября 1870 г. Парижский федеральный совет направил Марксу и Эккариусу текст своего воззвания вместе с письмом, в котором просил выступить с новым воззванием к немецкому народу. На следующий день Маркс ответил Парижскому федеральному совету, подвергнув воззвание серьезной критике [3].

Маркс назвал это воззвание шовинистическим, не соответствующим духу Интернационала. В самом деле, официальная прусская пропаганда незамедлительно воспользовалась им, чтобы попытаться вбить клин между немецкими и французскими рабочими. Выпуск этого воззвания Генеральный Совет считал серьезной ошибкой руководства Интернационала во Франции, не посо-

---

[1] См. Ф. Энгельс — К. Марксу, 15. VIII. 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 34, а также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Письмо комитету Социал-демократической рабочей партии». Соч., т. 17, стр. 271—273). Подробнее о разногласиях в руководстве германской социал-демократии см. статью *Е. Г. Светлановой*, а также книгу *H. Beike*. «Die deutsche Arbeiterbewegung und der Krieg von 1870—1871», Berlin, 1957.

[2] «Association Internationale des Travailleurs. Sections françaises. Au peuple allemand, à la démocratie socialiste de la nation allemade». Paris, [1870].

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 46.

ветовавшегося с Генеральным Советом. Секретарь-корреспондент Совета для Франции Э. Дюпон в своем письме к Марксу писал: «Смешно требовать от немецкой социал-демократии увода войск из Франции: это значит требовать от них невозможного. Немцы с бо́льшим правом могли бы требовать от французских социалистов помешать империи начать войну» [1]. Справедливые критические замечания в адрес руководства парижской федерации, поддавшегося шовинистическому угару, содержатся в письмах других деятелей Интернационала (И. Ф. Беккера, П. Лафарга, С. Боркхейма и др.) [2]. Маркс сообщал Энгельсу 10 сентября 1870 г., что воззвание вызвало у английских рабочих возмущение и насмешки, и ему с трудом удалось удержать их от открытого выступления против него. С аналогичным манифестом выступила в середине сентября 1870 г. и марсельская секция Интернационала. Маркс поручил секретарю-корреспонденту для Франции Дюпону ответить марсельцам и «задать им головомойку» [3]. Для помощи Парижскому федеральному совету и исправления его ошибок в Париж уже в сентябре 1870 г. был отправлен в качестве полномочного представителя Генерального Совета О. Серрайе.

С провозглашением Французской республики начался новый этап войны; со стороны Пруссии она превратилась из оборонительной в завоевательную.

6 сентября 1870 г. на заседании Генерального Совета Маркс огласил упоминавшееся выше письмо Парижского федерального совета, выразив твердую уверенность в том, что в Германии будут немедленно организованы выступления рабочих против завоевательной политики прусского правительства. На заседании развернулась дискуссия, причем некоторые члены Совета (Бун, Уэстон) полагали, что именно французы, как напавшая сторона, должны проявить мирную инициативу. Бун даже высказался за аннексию Пруссией Эльзаса и Лотарингии. Маркс решительно осудил это выступление,

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 8 сентября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/19).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2169; ф. 21, ед. хр. 307/4.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 57.

показав, что к аннексии стремятся только правящие круги и не было ни одного выступления в ее защиту со стороны рабочих; хотя рабочий класс недостаточно силен, чтобы сорвать планы милитаристов, все же он способен вызвать мощное недовольство против своих правителей, понимая, что аннексия чревата новой реваншистской войной, войной Франции в союзе с Россией. Совет постановил обратиться с воззванием к немецкому народу и в первую очередь к рабочим, избрав для составления этого воззвания комиссию в составе Маркса, Юнга, Милнера и Serrайе[1].

Воззвание было написано Марксом, который использовал при этом некоторые материалы, присланные ему ранее Энгельсом.

9 сентября 1870 г. Маркс зачитал в Совете второе воззвание. Он определил тактику рабочего класса на новом этапе войны, поставив задачи не только перед немецким, но и перед французским пролетариатом, от организованности которого зависел исход освободительной войны, ибо правительство «национальной обороны» не было всерьез намерено защищать Францию перед лицом врага. В августе 1871 г. в письме к А. Юберу сам Маркс следующим образом оценивал этот документ: «Второе воззвание от 9 сентября 1870 г. (5 дней спустя после провозглашения республики) представляет собой весьма энергичное разоблачение завоевательных планов прусского правительства. Это призыв к немецким и английским рабочим стать на *сторону Французской республики*»[2].

Второе воззвание Генерального Совета отражало позицию Интернационала в отношении внешней политики пролетариата, в отношении войны и мира; в нем прямо говорилось, что пролетариат отвергает аннексию и завоевательные войны вообще, аннексионистские планы прусской военщины в данной войне. Только представители Международного Товарищества, объединявшего передовые элементы пролетариата, во весь голос потребовали от правительств активного сопротивления политике аннексий и контрибуций.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65. «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 6. VIII. 1870 г.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 234.

Выступая в защиту Французской республики, Маркс дал вместе с тем ее классовый анализ, предостерегая пролетариат от буржуазно-республиканских иллюзий. Иллюзорными представлениями о том, что установленный во Франции режим якобы отражает интересы трудящихся, были проникнуты многие приветствия в адрес Французской республики с призывами к ее защите[1]. Второе воззвание Генерального Совета о войне заканчивалось так: «Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* во всех странах призовут рабочий класс к действию. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала»[2].

Помимо второго воззвания Маркс 14 сентября 1870 г. написал подробные инструкции членам Интернационала в Бельгии, Швейцарии и США о тактике рабочих в борьбе за признание Французской республики[3].

Еще 5 сентября 1870 г. Брауншвейгский комитет выступил с обращением, в которое включил значительную часть текста письма Маркса и Энгельса от 1 сентября 1870 г.[4]. Манифест был написан в духе последовательного пролетарского интернационализма, содержал призыв к немецким рабочим активно выступать против завоевательной аннексионистской политики прусского правительства.

---

[1] Такой характер носило и выступление 5 сентября 1870 г. бакунистов Юрской федерации, отбросивших в данном случае в сторону проповедуемое ими воздержание пролетариата от политической деятельности. Оно было показателем авантюризма бакунистов, рассчитывавших силами иностранных волонтеров осуществить социальную революцию (см. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 400/5, а также *J. Guillaume.* «L'Internationale», t. II, Paris, 1908, p. 83—84).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 281.

[3] О борьбе Генерального Совета за признание английским правительством Французской республики см. статью Ф. Г. Рябова «Маркс, Энгельс и борьба английских рабочих за признание республики во Франции» («Из истории марксизма». М., 1961, стр. 193—257).

[4] «Manifest des Ausschusses der socialdemokratischen Arbeiterpartei. An alle deutschen Arbeiter!». Braunschweig, 1870.

После второго воззвания Генерального Совета члены Социал-демократической партии и Интернационала в Германии в соответствии с намеченной воззванием линией требовали почетного мира с Французской республикой, разоблачали аннексионистские стремления прусской военщины, за что подвергались преследованиям со стороны прусских властей. «Германская империя продолжает поход французской империи против *Интернационала*», — замечал Маркс в письме жене В. Либкнехта[1]. Осадное положение на большой части территории Северогерманского союза, арест 9 сентября 1870 г. по приказу военных властей и ссылка без суда членов Брауншвейгского комитета за выпуск 5 сентября 1870 г. манифеста «Ко всем немецким рабочим», арест членов Контрольной комиссии Гейба и Йорка, а также руководителей партийных организаций в Кёльне, Готе и Целле, разгон демонстраций в защиту мира в Лейпциге и других немецких городах, запрещение открытых собраний Социал-демократической партии, незаконные аресты всех тех, кто требовал заключить мир с Францией без аннексий и контрибуций, — таков далеко не полный перечень репрессивных мер прусских властей по отношению к членам Интернационала, боровшимся за дело мира. Маркс полагал, что переход властей к репрессиям разрушит всяческие иллюзии в рабочем классе.

Несмотря на эти репрессии, немецкие члены Интернационала горячо откликнулись на второе воззвание, они активно выступали за заключение почетного мира с Французской республикой без аннексий и контрибуций, против зверств и грабежей на территории Франции[2]. Газета «Volksstaat» с 21 сентября 1870 г. выходила со специальным аншлагом «Справедливый мир с Французской республикой. Никаких аннексий. Наказание Бонапарта и его сообщников!». 26 ноября 1870 г. Бебель и Либкнехт выступили в рейхстаге против предоставления новых военных кредитов для продолжения войны. 17 декабря они, а также один из редакторов газеты «Volksstaat» А. Гепнер были арестованы по обвинению в государственной измене и в тайном сговоре с противником.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 158.
[2] См. «Volksstaat», 1, 8, 26, 29. X. 1870 г. и др.

В качестве предлога для ареста было использовано адресованное Либкнехту и Бебелю письмо французского консула в Вене, который от имени французского республиканского правительства благодарил их за гуманность, проявленную в выступлениях 26 ноября 1870 года.

Узнав об этом очередном репрессивном акте прусских властей, Энгельс писал Наталии Либкнехт: «Мы все здесь были очень обрадованы мужественным поведением обоих в рейхстаге при таких обстоятельствах, когда поистине было нешуточным делом открыто и твердо выступить с защитой наших взглядов» [1]. Энгельс высказал твердое убеждение, что пруссаки могут сильно просчитаться, ибо «при действительно превосходном поведении немецких рабочих, которое заставило даже прохвоста Швейцера подчиниться руководству Либкнехта и Бебеля, этот акт насилия, по всей вероятности, не произведет ожидаемого действия, а скорее вызовет обратное» [2]. Судебный процесс готовился более года. Одним из пунктов обвинения была принадлежность к Интернационалу. В марте 1872 г. Бебель и Либкнехт были приговорены к 2-м годам заключения в крепости.

Несколько ранее, в ноябре 1871 г., окружной суд Брауншвейга вынес приговор членам Комитета немецкой Социал-демократической партии Бракке, Бонхорсту, Шпиру и др. Бракке и Бонхорст были приговорены к 16 месяцам тюрьмы, но этот приговор был столь необоснованным, что высший апелляционный суд был вынужден сократить этот срок до 3 месяцев.

Маркс и Энгельс чрезвычайно высоко оценивали публичную деятельность Либкнехта и Бебеля в рейхстаге в период франко-прусской войны. В письме Испанскому федеральному совету в феврале 1871 г. Энгельс писал: «...оппозиция, которую наши друзья Бебель и Либкнехт могли там организовать против завоевательной войны, оказала гораздо более могущественное действие в интересах нашей интернациональной пропаганды, чем многолетняя пропаганда, проводившаяся через печать и собрания» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 141.
[2] Там же, стр. 142.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 291.

Лондонская конференция Товарищества в сентябре 1871 г. отметила безупречное поведение немецких рабочих во время франко-прусской войны в специальной резолюции[1]. Действия передовых немецких рабочих на всех этапах войны свидетельствовали о понимании ими происходивших событий, о глубоком проникновении в их среду идей пролетарского интернационализма. Подлинно интернационалистская позиция немецких рабочих во время войны показала, что они становятся авангардом европейского рабочего движения.

Пролетарский интернационализм, проявленный в целом немецкими и французскими рабочими, несмотря на некоторые ошибки, совершенные в отдельные моменты руководителями, не могли поколебать никакая клевета буржуазной шовинистической печати, никакие попытки вбить клин между французскими и немецкими рабочими.

Немецкие члены Интернационала как в самой Германии, так и в других странах выступали против аннексионистских планов прусской камарильи. И когда группа немецких мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в Лондоне по инициативе Гейнемана, редактора их печатного органа газеты «Hermann», пыталась на созванных 11 и 18 октября 1870 г. митингах немецкого клуба «Дружба» («Die Freundschaft») опровергнуть всем известную истину о позиции рабочих в вопросе об аннексии и выступить от имени немецких рабочих Лондона в защиту аннексии Эльзаса и Лотарингии[2], лондонское Просветительное общество немецких рабочих и его филиал — общество «Тевтония», являвшиеся фактически немецкими секциями Интернационала в Лондоне, разоблачили эту инспирированную Бисмарком попытку. Уже на первом митинге 11 октября 1870 г. шовинистически настроенные элементы встретили решительную оппозицию и не смогли принять никакого решения, отложив продолжение митинга на 18 октября. Только благодаря различным интригам на втором митинге 18 октября

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 428.

[2] Текст этой позорной аннексионистской декларации см. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/25.

1870 г. была принята шовинистическая декларация, опубликованная затем в газете «Hermann»[1]. Лондонское Просветительное общество при активном участии видных членов Генерального Совета — Эккариуса и Лесснера[2] организовало митинг протеста и в своей контрдекларации отметило: что «всякое изменение границ, диктуемое жаждой приобретения территорий и осуществляемое путем завоеваний, является в силу политических и социальных причин общественным преступлением против международного права.

Что честь и безопасность Германии против прусской агрессии делают настоятельно необходимым, чтобы Германия не была связана с позорными преступными деяниями Пруссии, в особенности в отношении Польши, и воспользовалась первой благоприятной возможностью для провозглашения независимости Польши и защиты ее силой оружия.

Что не необходимость стратегической границы подобной Вогезам, а жадность и интриги дома Гогенцоллернов угрожают миру и безопасности Германии»[3].

Этот документ был послан Эккариусом в Женеву И. Ф. Беккеру для публикации в журнале «Vorbote»[4], что было особенно необходимо в Швейцарии, поскольку редакция издававшегося там органа немецких рабочих просветительных союзов «Felleisen» выступила за аннексию Эльзаса и Лотарингии[5].

---

[1] См. «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 25. X. 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] О роли Ф. Лесснера см. статью И. М. Синельниковой «Фридрих Лесснер — деятель германского и международного рабочего движения», в кн.: «Германское рабочее движение в новое время», стр. 52—83.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/25.

[4] Г. Эккариус — И. Ф. Беккеру, 4 ноября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/26). Опубликовано в «Vorbote» № 11 и 12 за 1870 г. и в «Volksstaat», 12. XI. 1870 г. См. также отдельное издание декларации: «Londoner Arbeiter-Bildungs-Verein. Erklärung des Londoner Arbeiter-Bildungs-Verein und der Teutonie». Genf., 1870.

[5] «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 17. I. 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

ИНТЕРНАЦИОНАЛ — ОРГАНИЗАТОР БОРЬБЫ ЗА ПРИЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В сентябре 1870 — феврале 1871 гг. члены Генерального Совета вели активную кампанию за признание Французской республики, против захватнических планов реакционного пруссачества аннексировать Эльзас и Лотарингию. На созываемых в Англии митингах члены Товарищества — в противоположность только сочувственным и поздравительным резолюциям лидеров тред-юнионов — требовали от английского правительства использовать все его влияние для прекращения кровопролитной войны, для выступления против расчленения Франции и заключения грабительского мира, за обеспечение условий для прочного и длительного мира. Эта широкая кампания велась совместно с демократическими силами Англии и прежде всего — с демократами-позитивистами. Генеральный Совет сам организовывал митинги и принимал участие в митингах, организуемых демократами. Маркс писал Энгельсу 10 сентября 1870 г.: «Я привел здесь все в движение, чтобы рабочие (в понедельник созывается ряд митингов) заставили свое правительство признать Французскую республику» [1].

Члены Интернационала в Англии, кроме того, принимали активное участие в митингах, созывавшихся либеральной буржуазией, выступая с речами против политики Пруссии. Один из таких митингов состоялся 10 января 1871 года. 6 января 1871 г. Эккариус сообщил Марксу о плане своего выступления на предстоящем митинге, приложив текст заготовленной резолюции и список ораторов; среди них были члены Интернационала — Оджер, Хауэлл, Аплгарт [2]. Депутации Генерального Совета посещали много митингов и выступали на них в поддержку парижских рабочих, критиковали умеренную позицию французских буржуазных республиканцев, которую восхваляли оппортунистические лидеры английских тред-юнионов, ограничивавшие и для Англии свои требования установлением буржуазной республики.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 51.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2235.

Движение за признание Французской республики происходило не только в Англии, но и в Германии, Швейцарии, США и в других странах.

В октябре 1870 г. немецкая и французская секции Интернационала в Нью-Йорке на объединенном собрании приняли совместное воззвание против войны, изданное затем на английском, французском и немецком языках[1]. Это воззвание было широко распространено в Европе; 1 ноября 1870 г. Маркс огласил его на заседании Генерального Совета. Текст воззвания был направлен как против милитаристской политики бывшей империи, так и против прусского милитаризма, против бесчинств, чинимых пруссаками на французской территории. В воззвании содержался призыв к рабочим бороться против наемного рабства и военного деспотизма. «А вы, рабочие всех стран, останетесь ли вы спокойными зрителями всех этих преступлений? Будете ли вы спокойно смотреть, как увековечивается наемное рабство и военный деспотизм? Нет, нет, тысячу раз нет! Включайтесь же в борьбу, вы, все рабочие, независимо от того, носите ли вы блузу или форменную одежду, находитесь ли вы в мастерской или на поле сражения, пусть ваш голос прогремит подобно грому против этой самой безнравственной из всех войн, положите конец этому человекоубийству, положите конец, повторяем мы, даже если должны пасть головы всех главнокомандующих и государей. У рабочих всех стран и континентов только один девиз, один боевой клич:

Долой наемное рабство! Долой военный деспотизм!»[2].

19 ноября 1870 г. в Нью-Йорке был организован грандиозный митинг против войны. В США было широко распространено второе воззвание Генерального Совета о войне, которое цитировали даже государствен-

---

[1] «Les citoyens allemands et français des sections Internationale des Travailleurs de la ville de New York à leurs frères d'Europe, 1870» (и соответственно текст этого документа на английском и немецком языках).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 232/2. Текст воззвания см. также Ф. Больте — К. Марксу, 12 октября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 232/1); Ф. Зорге — О. Рунге, 15 октября 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 232/3).

ные деятели, в частности сенатор Самнер в своих лекциях о войне[1].

Французский пролетариат в союзе с пролетариатом других стран решительно выступил в защиту Французской республики, он оказывал давление на правительство «национальной обороны» и требовал активных оборонительных мер против прусской агрессии, требовал оружия для защиты своей родины.

Правительство «национальной обороны» под давлением народных масс было вынуждено создать в стране всеобщее ополчение. В связи с этим Женни Маркс писала Кугельману 19 ноября 1870 г.: «Судя по письмам одного члена Интернационала, «поставщик фраз» Гамбетта делал все от него зависящее, чтобы не допустить вооружения пролетариата. Однако сейчас он уже этого делать не может, так как был вынужден объявить всеобщее ополчение. Лафарг пишет нам относительно этой меры следующее: «Всеобщее ополчение организует и вооружит весь рабочий класс, а так как ему не будет противостоять никакая организованная армия, то рабочие смогут, если не диктовать свои условия, то, по крайней мере, оказать большое влияние при выработке будущей конституции. Я думаю, что потрясение, испытанное буржуазным организмом, настолько сильно, что отныне падение его во Франции произойдет очень быстро»»[2].

Французские члены Интернационала повсеместно явились организаторами сопротивления прусскому вторжению. Большую работу проводили представитель Генерального Совета в Париже Серрайе, П. Лафарг в Бордо и др.[3]. Энгельс писал в феврале 1871 г.: «Во Франции наши секции повсюду являлись душой и оплотом сопротивления вторжению; они захватили местную власть в больших южных городах, и если Лион, Мар-

---

[1] «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 15. XI. 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 34.

[3] О деятельности П. Лафарга см. статью Г. П. Новиковой «Бордоская секция I Интернационала во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны», «Новая и новейшая история», 1961, № 2, стр. 74—88.

сель, Бордо, Тулуза развили небывалую энергию, то только благодаря усилиям членов Интернационала»[1].

В конце января — марте 1871 г. в связи с усилением движения международного пролетариата и всех демократических сил в защиту Французской республики, а также в связи с неправильным пониманием лидерами английских тред-юнионов роли английского пролетариата в этом движении Генеральный Совет по предложению Энгельса провел на ряде своих заседаний широкую дискуссию по вопросу о позиции английского рабочего класса на данной фазе войны. В качестве основы для прений Энгельс представил проекты трех резолюций, которые сводились к тому, что рабочий класс должен заставить британское правительство признать Французскую республику; момент для военного вмешательства в пользу Франции, как это предлагали буржуазные радикалы, был уже упущен, Англия теперь не способна была не только эффективно вмешаться в континентальные дела, но и защитить себя от континентального деспотизма, пока не откажется от Парижской декларации 1856 г., ограничивавшей ее военно-морскую мощь[2]. Последнее требование Маркс и Энгельс выдвигали с целью предотвратить вмешательство в войну царской России на стороне Пруссии, то есть против усиления контрреволюционных влияний в международных делах России и Пруссии.

Маркс и Энгельс в ряде своих выступлений во время дискуссии подчеркивали, что, проводя кампанию за признание Французской республики, не следует восхвалять представителей контрреволюционной буржуазии, вставших в силу ряда причин во главе этой республики, таких как Жюль Фавр и Трошю. Когда личный секретарь Жюля Фавра Ретленжер в связи с предполагавшейся поездкой Жюля Фавра в Лондон обратился к членам Генерального Совета с просьбой организовать публичные демонстрации и митинги в пользу правительства «национальной обороны», советуя при этом говорить только о Франции, а не о республике, Маркс выступил в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 292.

[2] Там же, стр. 289. Подробнее об этой дискуссии см. в упоминаемой выше статье Ф. Г. Рябова.

Совете 17 января 1871 г. с разоблачением этого маневра правительства «национальной обороны».

Дискуссия, отчеты о которой публиковались в органе Генерального Совета газете «Eastern Post», завершилась 14 марта 1871 г. принятием только одной резолюции с требованием отмены Парижской декларации, поскольку две другие резолюции в силу изменившейся обстановки потеряли всякий смысл. Дело в том, что 28 января 1871 г. Бисмарк и Жюль Фавр подписали конвенцию о перемирии и капитуляции Парижа, а затем 26 февраля — прелиминарный мирный договор; английское правительство признало контрреволюционное правительство Тьера.

Дискуссия в Генеральном Совете о франко-прусской войне является ярким примером того, как Международное Товарищество Рабочих последовательно вырабатывало самостоятельную политическую линию пролетариата в области внешней политики, ярким примером последовательного интернационализма Международного Товарищества Рабочих.

Заключение позорного для Франции перемирия с Пруссией вызвало гнев французского пролетариата, который требовал расследования причин согласия правительства на такие условия мира, когда народ горел желанием оказывать сопротивление прусским захватчикам и было достаточно сил для его организации[1]. И в эти тяжелые для Франции дни и месяцы последовательную интернационалистскую поддержку борющемуся французскому пролетариату оказало Международное Товарищество Рабочих.

Чтобы нанести удар по Интернационалу и пролетарской солидарности, буржуазная контрреволюционная печать распространяла клевету о том, что в Париже из Интернационала исключены все немцы, изображая, таким образом, французских членов Интернационала шовинистами. Генеральный Совет по предложению Маркса разоблачил эту клевету[2].

---

[1] «Протокольная книга Генерального Совета», заседание 14. II. 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 299—304.

18 марта 1871 г. в Париже произошла революция и была провозглашена Парижская Коммуна. Первое в истории пролетарское государство с самого начала выступило как поборник мира между народами, как провозвестник интернационалистских принципов. Парижская Коммуна разрушила Вандомскую колонну — символ шовинизма и завоевательных устремлений буржуазных правителей Франции.

С провозглашением Коммуны, которая была духовным детищем Интернационала, все внимание международной пролетарской организации было направлено на организацию помощи первой пролетарской революции.

* * *

Антимилитаристская деятельность Международного Товарищества Рабочих имела огромное значение для интернационального воспитания пролетариата. Эта деятельность особенно проявилась в период австро-прусской (1866) и франко-прусской (1870—1871 гг.) войн, а также в период Парижской Коммуны. Пролетариат и его международная организация были единственными последовательными борцами за подлинный мир, неразрывно связывая борьбу за мир с общими задачами своей освободительной борьбы.

Последовательно выступая против захватнических и династических войн, Интернационал, руководимый Марксом и Энгельсом, вместе с тем неизменно подчеркивал значение народной освободительной борьбы и войн, решавших исторически-прогрессивные задачи. Выступления пролетариата по вопросам внешней политики, против развязывания захватнических войн являлись действенным противоядием реакционной внешней политике правящих кругов Пруссии, Франции, России, Англии и других держав.

Подлинный патриотизм, чуждый шовинизма и национализма, проявил в период франко-прусской войны французский пролетариат, обладавший революционной энергией и готовый на революционные меры во имя спасения своей родины. Французская буржуазия, боясь вооружения своего народа, предала интересы страны и

предпочла заключить позорный мир с Пруссией, боясь перспективы революции.

Генеральный Совет I Интернационала на своих заседаниях, организуемых им массовых митингах, в официальных документах Товарищества, гласных и негласных, на конгрессах и конференциях, в различных печатных органах неустанно пропагандировал идеи мира, пролетарской интернациональной солидарности, разоблачал шовинистические вылазки мелкобуржуазных демократов.

Эта яркая и плодотворная антимилитаристская деятельность I Интернационала, его борьба за самостоятельную внешнюю политику пролетариата имела и имеет огромное неоценимое значение в истории международного рабочего движения. Она является славной традицией рабочего движения, которая в новых исторических условиях помогает коммунистическим партиям вырабатывать правильную тактику в любых, самых сложных условиях борьбы против захватнических устремлений господствующих классов, в борьбе за мир между народами.

Н. М. МЕЩЕРЯКОВА

БРЮССЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

I

В литературе по истории Первого Интернационала нет специальных исследований, посвященных Брюссельскому конгрессу. Лишь отдельные проблемы, стоявшие в повестке дня конгресса, рассматривались в ряде статей советских историков[1]. Однако во всех работах, в которых дается обобщенная картина истории Первого Интернационала, в той или иной степени освещается деятельность этого конгресса. Это свидетельствует о том, что Брюссельский конгресс явился важным этапом в истории Интернационала, и детальное изучение его работы представляется весьма целесообразным.

Подавляющее большинство историков Международного Товарищества Рабочих не располагало достаточно полными документальными материалами, которые позволили бы всесторонне изучить подготовку и работу Брюссельского конгресса.

Однако недостатки в освещении Брюссельского конгресса определяются не только узостью источниковедческой базы. В большинстве общих работ, посвященных Первому Интернационалу, этот важный период его истории изображается неправильно. Почти для всех

---

[1] См., например: *И. А. Бах.* «Маркс и аграрный вопрос в I Интернационале» («Вопросы истории», 1958, № 5); *С. А. Фрумов.* «Вопросы народного образования на Брюссельском конгрессе I Интернационала» («Советская педагогика», 1960, № 4).

работ характерна недооценка роли Маркса в подготовке и проведении конгресса; сведение всей идейной борьбы Маркса и его сторонников на конгрессе лишь к борьбе против прудонистов, в связи с чем искажается подлинное значение конгресса в истории Интернационала. Такого рода тенденции имеются прежде всего в работах, принадлежащих перу идейных противников марксизма — и в книге правого прудониста Э. Фрибура, и в труде анархиста Дж. Гильома, и в позднейших социал-реформистских сочинениях, включая работу германского социал-демократа Ю. Браунталя [1].

К сожалению, подобные ошибки свойственны и работам, представляющим собой первую попытку марксистского подхода к изучению истории Интернационала [2]. В связи с этим целью настоящей статьи является попытка восполнить существующий пробел в изучении одного из важнейших этапов истории Первого Интернационала и показать действительное значение Брюссельского конгресса. Автор опирался при этом на архивные документы, прежде всего письма деятелей Интернационала, на протоколы Генерального Совета, письма и работы Маркса и Энгельса, а также на имеющуюся литературу.

* * *

Женевским конгрессом завершился период конституирования Первого Интернационала. Под руководством Маркса Интернационал в этот период выработал в основных чертах свои программные принципы и организационную структуру.

Программа, разработанная Марксом в Учредительном Манифесте и Временном Уставе, определяла Интер-

---

[1] *E. E. Fribourg.* «L'Association Internationale des Travailleurs». Paris, 1871; *J. Guillaume.* «L'Internationale (1864—1878)». Paris, 1905—1910, t. 1—4; *J. Braunthal.* «Geschichte der Internationale». Bd. 1. Hannover, 1961.

[2] *В. Засулич.* «Очерк истории Международного Общества Рабочих», ч. 1. Женева, 1889; *Г. Иекк.* «Интернационал». СПб., 1906; *Ю. М. Стеклов.* «Первый Интернационал (Международное Товарищество Рабочих)». М. — П., 1923.

национал как классовую международную массовую организацию пролетариата и базировалась на принципах, изложенных еще в «Манифесте Коммунистической партии».

Вместе с тем в целях объединения международного пролетариата в рамках одной организации Маркс должен был учитывать различный уровень рабочего движения в разных странах. Поэтому программа Интернационала могла быть составлена лишь в общей форме, приемлемой для английских тред-юнионистов, французских, бельгийских и швейцарских прудонистов, немецких лассальянцев [1], отдельные ее положения не были раскрыты и конкретизированы.

Для Маркса с самого основания Интернационала было ясно, что в ходе дальнейшего развития организации ее программа должна все глубже раскрываться в духе научного коммунизма и что этот процесс будет происходить в острой идейной борьбе течений внутри Интернационала.

Маркс писал, что «общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы» [2].

Представители реформистских и сектантских направлений в Интернационале (прудонисты, тред-юнионисты и др.) понимали программу, изложенную в Учредительном Манифесте и Временном Уставе, на свой лад, вкладывая в нее свое содержание [3]. Составление подобной программы, гибко учитывавшей уровень рабочего движения в отдельных странах, не отпугнувшей представителей разнообразных течений мелкобуржуазного социализма и вместе с тем не делавшей решительно никаких уступок их сектантским взглядам, явилось большим

---

[1] См. об этом *В. А. Смирнова.* «Из истории создания программных документов Первого Интернационала» («Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963, стр. 337—342).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 363.

[3] См. о понимании программы Интернационала представителями различных идейных течений: *В. И. Засулич.* Указ. соч., стр. 9—12.

успехом Маркса и первым условием существования Интернационала. Много позднее, в 1887 г., Энгельс писал, что «лишь благодаря этой широте своего охвата Интернационал сделался тем, чем он был, — средством постепенного растворения и поглощения всех этих мелких сект...» [1].

Борьба Маркса за «общую теоретическую программу» Интернационала, а точнее, за полное раскрытие ее научных принципов, выраженных в неразвернутом виде в Учредительном Манифесте и Временном Уставе, началась с первых дней деятельности организации. Она протекала именно в тех формах, о которых писал Маркс в вышеприведенном документе: общность действий в экономических и политических выступлениях международного пролетариата; многочисленные дискуссии, обмен мнениями в самом Генеральном Совете, в секциях, на рабочих собраниях и митингах, на страницах органов печати. Наконец, непосредственное обсуждение конкретных вопросов рабочего движения на Лондонской конференции 1865 г., на первых двух конгрессах Интернационала — Женевском и Лозаннском, помогало представителям различных течений внутри Интернационала усваивать научные взгляды на отдельные проблемы теории и тактики пролетарской борьбы (стачки, профессиональные союзы, сокращение рабочего дня, народное образование, отношение к национально-освободительным движениям и т. д.).

Однако в начальный период развития Интернационала пролетарски-социалистическая сущность программы еще не была раскрыта; в ней не были поставлены кардинальные вопросы социалистического переустройства общества — о собственности, о путях ее преобразования пролетарской революцией. Маркс считал своевременным выдвинуть эти вопросы перед третьим общим конгрессом Интернационала, учитывая при этом благоприятные условия, сложившиеся в Товариществе в 1866—1868 годах.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 402.

* * *

Генеральный Совет во главе с Марксом проводил в Интернационале принцип, который был рассчитан на то, чтобы «отнюдь не диктовать или навязывать ему (рабочему движению. — *Н. М.*) какие бы то ни было доктринерские системы» [1], а учитывать назревшие потребности рабочего движения, вопросы, волновавшие рабочих разных стран, и на их основе внедрять в сознание рабочих идеи научного коммунизма.

На Лозаннском конгрессе 1867 г. таким был вопрос о собственности на землю. Начатая на конгрессе руководителем бельгийских секций Интернационала С. Де Папом и его сторонниками дискуссия по проблеме обобществления земельной собственности вызвала горячие споры и выявила весьма противоречивое понимание вопроса. Дискуссия началась стихийно при обсуждении пункта 3 повестки дня [2], который был направлен против перерождения рабочих кооперативов в обычные акционерные общества на паях, в результате чего рабочие — члены кооперации превращались в хозяйчиков предпринимательского типа. Де Пап представил проект резолюции, в которой высказал мысль о том, что пролетариат должен проникнуться идеей преобразования общества путем осуществления ряда мер, в том числе передачи земли в коллективную собственность общества [3].

Парижские прудонисты сразу же встали на защиту мелкой крестьянской собственности. Шемале заявил, что «переход земли в коллективную собственность кажется

---

[1] *К. Маркс.* «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 199).

[2] Пункт 3 повестки дня Лозаннского конгресса формулировался следующим образом: «Не приведут ли усилия, которые предпринимаются сегодня ассоциациями для освобождения четвертого сословия (рабочего класса), к созданию пятого сословия, положение которого будет во много раз хуже? Мютюэлизм или взаимопомощь, рассматриваемые как основа социальных отношений. Эквивалентность функций. Солидарность. Рабочие общества».

[3] «Procès-verbaux du congrès de l'Association Internationale des Travailleurs réuni à Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 27.

ему мерой несправедливой и неприменимой». Толен в своем выступлении говорил, что есть собственность, которая по своей природе индивидуальна [1].

Де Пап тут же произнес обстоятельную речь, в которой горячо отстаивал принцип общественной собственности на землю, оставаясь, по собственному его заявлению, на позициях мютюэлизма. Де Пап признавал их вполне совместимыми. «Говорят, что общественная собственность, — сказал Де Пап, — есть коммунизм. Я это хорошо знаю, слово «коммунизм» не пугает меня...» [2]. Характеристика, данная Де Папом коммунизму, его попытка сочетать принцип обобществления земли с мютюэлизмом, да и вся его аргументация были весьма примитивны, далеки от научного понимания проблемы коллективной собственности на землю. Однако сам факт выдвижения этого принципа, как и попытка обосновать его в противовес прудонистским представлениям о сохранении парцеллярной собственности крестьян, имели большое значение.

Дискуссия завершилась победой прудонистов, которые по предложению Толена большинством 27 голосов против 11 исключили из доклада комиссии фразу о переходе земли в коллективную собственность.

Вторично к земельной проблеме конгресс обратился при обсуждении вопроса о государстве. Проведенная в резолюции мысль о необходимости сосредоточить средства транспорта и обращения в руках государства дала возможность Де Папу вновь обосновать свой тезис о целесообразности перехода земли в коллективную собственность. Против него выступили Лонге, Шемале, Куллери и Толен.

Отвечая защитникам парцеллы, Де Пап разъяснил, что в будущем обществе, которое он назвал мютюэлистским, наряду с шахтами, железными дорогами и т. д. должна перейти в коллективную собственность и земля. Так же, как и другие, он считал себя сторонником свободы личности, но в то же время утверждал, что нет свободы без «свободы желудка», «нет свободы без хле-

---

1 «Procès-verbaux...», p. 29—30.
2 Там же, стр. 30, 32.

ба», и требовал поэтому гарантий свободы личности от тех, которым принадлежат «источники хлеба» [1]. Аргументация Де Папа, стоявшего на позициях коллективизма, исходила еще из прудонистских представлений о «мютюэлистском» обществе, но открытая защита им принципа обобществления земли безусловно положительный и знаменательный момент. Де Папа в ходе дискуссии поддержали немецкие делегаты, ученики и старые соратники Маркса — И. Ф. Беккер, Эккариус, Лесснер, Штумпф, Ладендорф, а также представитель Италии Стампа. Делегаты единодушно решили вернуться к рассмотрению вопроса о земельной собственности на очередном конгрессе.

Обсуждение проблемы земельной собственности на Лозаннском конгрессе выявило среди делегатов конгресса группу коллективистов, а это давало Марксу возможность использовать стихийно всплывший вопрос для того, чтобы на очередном конгрессе подвести рабочих к пониманию путей социалистического переустройства общества и таким образом раскрыть сущность пролетарского социализма, противопоставив его социализму мелкобуржуазному. Теперь Маркс мог рассчитывать, что социалистические принципы получат на предстоящем конгрессе поддержку.

* * *

Маркс считал выдвижение социалистических принципов на конгрессе 1868 г. своевременным еще и потому, что в сентябре 1867 г. вышел в свет I том «Капитала». «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, — писал Энгельс, — не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих» [2]. Появление «Капитала» явилось важнейшим фактором, предопределившим в огромной степени переход международного пролетариата на позиции научного коммунизма. Рабочие приобрели прочный фундамент научной теории в борьбе против буржуазного строя, против капиталистической эксплуатации. Благодаря усилиям

---

1 «Procès-verbaux...», p. 72.
2 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 240.

Маркса, Энгельса, их ближайших друзей и соратников, членов Интернационала — П. Лафарга, И. Ф. Беккера, Ф. А. Зорге, Л. Кугельмана, В. Либкнехта, Ф. Лесснера, Г. Эккариуса и других был ликвидирован тот «заговор молчания», которым официальная буржуазная наука и пресса окружили выход I тома «Капитала» [1].

Пропаганда основных положений «Капитала» в Интернационале началась задолго до выхода в свет I тома, еще в процессе работы Маркса над рукописью (выступления Маркса в Генеральном Совете, перед рабочими на собраниях и митингах и т. д.). Однако естественно, что эта пропаганда приняла особенно широкие масштабы после появления I тома.

Маркс и Энгельс сразу после появления «Капитала» предприняли шаги к осуществлению перевода книги на английский и французский языки.

Буржуазная пресса встретила «Капитал» «заговором молчания». Однако Марксу и Энгельсу удалось сорвать этот заговор. В конце 1867—1868 гг. Энгельс поместил в ряде газет рецензии на книгу; во многих газетах и журналах были даны объявления о выходе «Капитала» (издатель «Капитала» О. Мейснер только за один месяц поместил 50 объявлений о выходе книги [2]); было опубликовано предисловие Маркса к «Капиталу», написаны небольшие заметки о книге; в рабочей и демократической прессе печатались призывы составлять списки подписчиков на книгу [3] и т. д. В целях пропаганды «Капитала» экземпляры книги широко рассылались деятелям рабочего и демократического движения в разных странах.

Друзья и сторонники Маркса использовали все возможности не только печатной, но и устной пропаганды:

---

[1] См. по этому вопросу: *М. М. Михайлова.* «К истории распространения I тома «Капитала»» в кн.: «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963; *А. В. Уроева.* «Людвиг Кугельман — пропагандист произведений Карла Маркса» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса». ИМЛ при ЦК КПСС, № 8, 1962) и др.

[2] См. Мейснер — Марксу, 19 ноября 1867 г. Цитируется по статье М. М. Михайловой, стр. 420.

[3] См., напр., обращение журнала «Vorbote» № 4, апрель 1867 г., ко всем секциям Интернационала и примкнувшим обществам.

выступали с пропагандой «Капитала» на рабочих собраниях, организовывали кружки рабочих по изучению книги[1], использовали даже трибуну Северогерманского рейхстага (В. Либкнехт).

Маркс, как и прежде, выступал перед членами Интернационала, раскрывая отдельные положения «Капитала».

Осенью 1867 г., в период обострения ирландской проблемы в Англии и дискуссии по этому вопросу в Генеральном Совете, Маркс прочитал 16 декабря 1867 г. в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих обстоятельный доклад, изложив, в частности, материал об Ирландии, содержащийся в «Капитале»[2].

20 мая 1868 г. в том же обществе Маркс прочитал лекцию о заработной плате. Его слушала аудитория, насчитывавшая около 100 рабочих; некоторые из них пришли из очень отдаленных районов Лондона[3].

Практическое значение «Капитала» для развития рабочего движения было сразу же оценено передовыми деятелями Интернационала. И. Ф. Беккер писал Лесснеру спустя месяц после выхода книги: ««Капитал» — это наш меч, наша броня, оружие нападения и защиты»[4].

Выход I тома «Капитала» и пропаганда его Марксом, Энгельсом и их соратниками создали реальную почву для завоевания членов Интернационала на сторону научного коммунизма.

* * *

Постановке на очередном конгрессе коренных проблем социалистической теории благоприятствовали и успехи Интернационала в 1867—1868 гг., рост рабочего движения и международной сплоченности пролетариата. В ходе классовой борьбы пролетарские массы постепенно

---

[1] См., напр., Де Пап — Марксу, 14 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1887).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 465—476 и 579—581.

[3] См. Маркс — Энгельсу, 23 мая 1868 г. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 79.

[4] Беккер — Лесснеру, 11 октября 1867 г. Цитируется по диссертации И. М. Синельниковой. «Ф. Лесснер как деятель международного рабочего движения 40—70-х годов 19 века». М., 1955, стр. 197.

освобождались от влияния идей утопического социализма и прежде всего широко распространенного прудонизма.

В 1867—1868 гг. Интернационал под руководством Генерального Совета успешно возглавлял экономическую борьбу рабочих, значительно обострившуюся в связи с кризисом, начавшимся осенью 1866 года. Стачечные бои 1867 г. (рабочих-бронзовщиков Парижа, горняков Бельгии, портных Лондона и др.) и 1868 г. (строительных рабочих Женевы, горняков Бельгии и др.) превратились благодаря Интернационалу в массовые кампании, в ходе которых демонстрировалась классовая солидарность рабочих разных стран. Они в огромной степени способствовали воспитанию пролетарского интернационализма.

Организацией интернациональной поддержки бастующих Генеральный Совет добивался того, «чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали,* но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии» [1].

Маркс подчеркивал, что именно организация Генеральным Советом международной пролетарской поддержки бастующим рабочим обеспечила рост влияния Интернационала в отдельных странах. После стачки парижских бронзовщиков Маркс сообщал Энгельсу: «...теперь мы во Франции — признанная сила» [2]. Победу стачки женевских строительных рабочих весной 1868 г., достигнутую благодаря помощи Интернационала, Маркс также оценивал с точки зрения укрепления Товарищества в Швейцарии [3]. Подобным же образом Маркс рассматривал результаты забастовки горняков Шарлеруа в Бельгии весной 1868 г.: «После событий в Шарлеруа успех Интернационала в Бельгии был обеспечен» [4].

Твердая поддержка Генеральным Советом национально-освободительных движений также содействовала

---

[1] *К. Маркс.* «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 195.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 237.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 335.

[4] Там же, стр. 333.

росту классового сознания и международной солидарности рабочих. В момент подъема ирландского национально-освободительного движения Генеральный Совет осенью 1867 г. провел дискуссию по ирландскому вопросу, которая помогала рабочим разных стран понять общность пролетарских интересов.

Активизация деятельности Интернационала, рост его влияния в рабочих массах были восприняты правящими классами как серьезная угроза существующему строю. Реакционные правительства европейских стран начинают организованную кампанию борьбы с Интернационалом. Об этом свидетельствовали такие факты, как конфискация документов Женевского конгресса французским правительством осенью 1866 г., преследования членов Интернационала во Франции, Пруссии, Бельгии, наконец, открытые судебные процессы над руководителями Парижского правления, сфабрикованные правительством Наполеона III в марте и мае 1868 года.

Как бы подытоживая огромное значение деятельности Интернационала по руководству экономической и политической борьбой пролетариата в 1867—1868 гг., Маркс писал, что «1867—1868 годы составляют эпоху в истории Международного Товарищества Рабочих» [1].

II

Маркс и его соратники, предвидя решительную схватку с представителями мелкобуржуазного социализма и прежде всего с прудонистами, тщательно готовились к Брюссельскому конгрессу и организационно, и идейно.

На предыдущем, Лозаннском конгрессе влияние прудонистов было весьма значительным. «На этот раз, — писал Энгельс после конгресса, — французы, по-видимому, действительно увлекли за собой конгресс, число прудонистских резолюций все же слишком велико» [2]. Уже тогда Маркс считал необходимым дать

---

[1] *К. Маркс.* «Четвертый годовой отчет...». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 331. Важное значение этого периода в развитии Интернационала отмечали и другие его современники и историки — Б. Малон, В. Засулич и др.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 292.

отпор прудонистам на очередном конгрессе и писал о своем намерении Энгельсу[1].

С самого начала 1868 г. Генеральный Совет под руководством Маркса приступил к подготовке третьего конгресса Интернационала.

На первом же своем заседании в 1868 г., состоявшемся 21 января, Генеральный Совет принял решение предложить всем местным организациям Интернационала обсудить вопросы, которые выдвигались в повестку дня предстоящего конгресса. На основании результатов этого обсуждения должна была быть составлена окончательная повестка дня[2]. Вновь выдвигался вопрос о кредите. Обсуждение его на Лозаннском конгрессе пошло не по пути выявления практической пользы кредита для рабочего класса, как это предполагала программа Генерального Совета. Дискуссия по этому вопросу превратилась в декларативную апологию принципа взаимного кредита, проповедуемого прудонистами. В итоге большинство конгресса явно ощущало потребность обратиться на ближайшем конгрессе к рассмотрению, наконец, средств практического использования кредита рабочим классом. Вопрос волновал не только парижских делегатов, которые понимали его специфически, в прудонистском смысле, но и английских тред-юнионистов, общества которых нередко становились обладателями значительных средств и перед ними вставал вопрос о наиболее целесообразном их использовании. Этот вопрос по-прежнему интересовал рабочих разных стран — лассальянцев (государственный кредит), бывших чартистов с их кооперативным планом, словом, всех тех, кто хотел противопоставить буржуазной организации производства рабочую кооперацию.

Генеральный Совет выделил также вопросы о стачках и образовании. Последний вызвал горячую дискуссию на Лозаннском конгрессе, выявившую различные точки зрения.

Вопрос о машинах на Лозаннском конгрессе по существу не обсуждался. Однако он волновал рабочих в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 290.

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы». М., 1963, стр. 127.

связи с успехами в 60-ые гг. XIX в. промышленной революции и распространением машин в промышленности большинства стран Европы. Этот вопрос о влиянии машин на положение рабочего класса также был включен Генеральным Советом в предварительную повестку дня конгресса.

Вопрос о собственности формулировался в этой повестке следующим образом: «Земля, рудники, каналы, шоссейные и железные дороги; должны ли они быть частной или общественной собственностью, эксплуатироваться для выгоды частных лиц или для пользы общества?». 28 января 1868 г. Генеральный Совет принял воззвание, которое включало указанные пять вопросов и в качестве циркулярного письма должно было быть разослано членам Интернационала «для выявления подлинного мнения широких слоев членов Международного Товарищества Рабочих» [1] в соответствии с решением Лозаннского конгресса [2].

Генеральный Совет предпринял шаги к тому, чтобы широко распространить это воззвание. 11 февраля 1868 г. секретарю-корреспонденту для Швейцарии Юнгу было поручено переслать перевод воззвания И. Ф. Беккеру для помещения во всех возможных газетах в Швейцарии, а секретарю-корреспонденту для Франции Дюпону — обеспечить печатание циркуляра во Франции [3]. В результате предварительная повестка дня была помещена в рабочей прессе Англии, Бельгии, Швейцарии, Германии и других стран [4].

Местные секции Интернационала сообщали в Генеральный Совет, что намеченная Советом повестка дня встретила поддержку со стороны членов Интернационала различных стран. Отдельные корреспонденции содержали не только ее одобрение, но и предложения по существу выдвинутых вопросов. Например, секция

---

[1] «Генеральный Совет... 1866—1868. Протоколы», стр. 129.

[2] «Procès-verbaux...», p. 74.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 131.

[4] См. газеты — лондонскую «Bee-Hive» № 331, 15 февраля 1868 г.; брюссельскую — «Tribune du Peuple» № 3, 29 марта; швейцарские — «Vorbote» № 3 за март, «Voix de l'Avenir» № 12, 22 марта; немецкую — «Demokratisches Wochenblatt» № 9, 29 февраля.

английского города Линна прислала резолюции общего собрания, в которых раскрывала свое понимание включенных в повестку дня проблем. Интересна резолюция по земельному вопросу: «Собрание считает, что первоначально не могло быть такого порядка, как частная собственность на землю, и что чем скорее земля снова станет общественной собственностью, тем лучше»[1].

В самом Генеральном Совете по инициативе тред-юниониста Лоренса была проведена дискуссия о кредите с целью обоснования необходимости включить этот вопрос в повестку дня конгресса[2]. Лоренс, внося предложение о дискуссии, говорил 11 февраля: «Чтобы обеспечить успех кооперативного производства, рабочий класс должен иметь свои собственные банки»[3]. В ходе дискуссии, которая состоялась 17 марта, Лоренс рассматривал вопрос о кредите с точки зрения развития кооперации. В этом же плане выступал англичанин Нил: «Трудно понять, что класс наемных рабочих, многочисленные представители которого организованы и собирают большие суммы, должен передавать эти суммы богачам, которые используют их для собственных целей»[4]. Предложение Лоренса, единогласно поддержанное Генеральным Советом, сводилось к тому, чтобы изучить в Совете вопрос о кредитных обществах для содействия производственной кооперации и после этого публично обсудить его[5].

Генеральный Совет поддерживал постоянную связь с комиссией по организации конгресса в Бельгии. Брюссельская секция выпустила листовки на французском и фламандском языках по поводу предстоящего конгресса и сообщала Генеральному Совету об организационной подготовке, которой занимались местные секции Бельгии[6].

---

[1] «Bee-Hive» № 334, 7 марта 1868 г., см. также «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 292.

[2] «Генеральный Совет... 1866—1868. Протоколы», стр. 131.

[3] «Bee-Hive» № 331, 15 февраля 1868 г., см. также «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 291.

[4] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 136—137.

[5] Там же, стр. 137.

[6] Там же, стр. 158.

Учтя результаты обсуждения, Генеральный Совет в середине июня приступил к составлению повестки дня в окончательном виде.

На субботу 20 июня было назначено заседание Постоянного комитета, специально посвященное составлению программы конгресса. Сохранилась записка Шо Марксу с уведомлением об этом заседании [1].

Вопрос об окончательной повестке дня конгресса обсуждался на заседании Генерального Совета 23 июня [2]. Тогда же было решено обратиться с воззванием о конгрессе к английским тред-юнионам. Было внесено предложение, поддержанное Марксом, поручить написание воззвания Хейлзу, а написание части, относившейся к континенту, — Лафаргу. Оба текста обсуждались на следующем заседании, и Копленду было поручено свести их воедино [3]. 7 июля Генеральный Совет принял обращение «К членам тред-юнионов Великобритании и Ирландии» и рекомендовал его в печать [4].

14 июля повестка дня, разработанная в окончательном виде Постоянным комитетом, была принята пункт за пунктом на заседании Генерального Совета [5]. Два вопроса отличали принятую повестку от предварительной. Был включен вопрос о сокращении рабочего дня. Это произошло, по-видимому, под непосредственным влиянием успехов, достигнутых рабочими США, которым удалось как раз в это время добиться большой победы — введения 8-часового рабочего дня для рабочих государственных предприятий и учреждений федерального значения. В связи с этим Генеральный Совет обратился к американским рабочим со специальным приветствием. Кроме того, постановка вопроса о сокращении рабочего дня обосновывалась следующим образом: «На вечные вопли английских капиталистов о том, что заработную плату следует сократить, ибо рабочие на континенте имеют более продолжительный рабочий день и получают меньше денег, чем английские рабочие, —

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 17/6.
[2] «Генеральный Совет... 1866—1868. Протоколы», стр. 156.
[3] Там же, стр. 157.
[4] Там же, стр. 158, 241—244.
[5] Там же, стр. 160.

можно эффективно ответить только попыткой выровнять продолжительность рабочего дня и размеры заработной платы во всей Европе. Такова одна из задач Международного Товарищества Рабочих, и его ежегодные конгрессы — одно из лучших средств решить ее»[1]. На самом заседании английские члены Совета Хейлз и Лекрафт внесли также дополнительный вопрос о кооперативах, который не входил в повестку дня, предложенную Постоянным комитетом. Вопрос о стачках был исключен. Все остальные вопросы предварительной повестки дня сохранились.

Генеральный Совет позаботился о широком распространении утвержденной повестки дня. Она была включена в упомянутую листовку с воззванием «К членам тред-юнионов Великобритании и Ирландии», выпущенную Генеральным Советом двумя тиражами. Она появилась также в лондонской «Bee-Hive Newspaper», в женевском журнале «Vorbote», в газете секции Шо-де-Фона «Voix de l'Avenir» и других газетах, в бельгийских и швейцарских листовках[2]. Из Парижа сообщали, что «программа конгресса была принята хорошо» и ее поместили почти все газеты[3].

В лондонской немецкой газете «Hermann» напечатали «Воззвание к немецким рабочим Лондона» по поводу Брюссельского конгресса[4]. Воззвание, написанное от имени Просветительного общества немецких рабочих Лесснером, было тщательно отредактировано Марксом[5].

Повестка дня включала вопросы, обсуждение которых способствовало бы тому, чтобы подвести делегатов конгресса к пониманию важнейших положений социалистической программы пролетариата. Наряду с вопросами, которые касались частичных требований рабочего движения (сокращение рабочего дня, создание кредитных учреждений и кооперативных обществ, образование рабочих), то есть такими, которые «ближе всего затра-

---

[1] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 243.

[2] «Bee-Hive» № 353, 25 июля 1868 г.; «Vorbote» № 8, август 1868 г.; «Voix de l'Avenir» № 36, 6 сентября 1868 г. и др.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 167.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 586—587.

[5] Там же, т. 32, стр. 465.

гивают интересы рабочего класса»[1], были включены вопросы, возникшие стихийно в среде Интернационала и дававшие возможность поставить на обсуждение представителей международного пролетариата коренные проблемы пролетарского социализма — о собственности и о путях преобразования ее в будущем социалистическом обществе. Такими вопросами были вопрос о собственности на землю и вопрос о машинах.

О том, какое первостепенное значение отводил Маркс вопросу о земельной собственности в процессе подготовки Брюссельского конгресса, можно судить по тому, что он сам предполагал сделать доклад по этому вопросу. Де Пап, инициатор дискуссии по вопросу о собственности на Лозаннском конгрессе, готовивший к Брюссельскому конгрессу доклад о необходимости обобществления земли, писал Марксу позже, в 1869 г.: «Надеюсь, что Ваш великолепный труд «Капитал», над которым Вы продолжаете работать и из-за которого Вы, по Вашим словам, не смогли подготовить доклад о собственности к Брюссельскому конгрессу, не помешает этому в нынешнем году»[2]. Маркс не осуществил своего намерения. Но он знал о работе Де Папа в этой области. Прямые указания на то, что Де Пап ставил Генеральный Совет в известность о своей работе и обсуждал свою точку зрения с его членами, дает письмо Дюпона Де Папу 13 мая 1868 г.: «Прежде всего хочу сказать тебе, что я вполне с тобой согласен относительно земельной собственности; она должна быть общественной, но я расхожусь с тобой в вопросе об управлении... Карл Маркс говорит, что следует установить экономическую централизацию. Я склонен с ним согласиться...»[3]. В практике работы Генерального Совета стало традицией знакомить

---

[1] «Воззвание к немецким рабочим Лондона». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 586.

[2] Письмо Де Папа Марксу от 9 июня 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 30/1), частично опубликовано впервые в книге: «Базельский конгресс Первого Интернационала». М., 1934, стр. 145.

[3] Письмо Дюпона Де Папу от 13 мая 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 78/3) частично опубликовано впервые в статье: *И. А. Бах*. «Маркс и аграрный вопрос в I Интернационале» («Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 68).

его членов с корреспонденцией, полученной с мест и тем более от руководителей местных секций. Во всяком случае, Маркс знал обо всех письмах, которые приходили в адрес Генерального Совета. Нет сомнения в том, что он был осведомлен и о письмах Де Папа, в которых тот высказывал свои соображения в связи с подготовкой доклада о земельной собственности. Это подтверждается и тем, что в упомянутом письме Дюпон сообщал о намерении Маркса переслать Де Папу вышедший том «Капитала». Маркс не поставил эту проблему на обсуждение в Генеральном Совете в ходе дискуссии по повестке дня, будучи, видимо, уверенным, что требование обобществления земельной собственности поддерживается членами Генерального Совета и не вызовет возражений с их стороны и на самом конгрессе.

Вопрос о влиянии применения машин капиталистами, так же как и вопрос о собственности на землю, открывал для Маркса возможность подвести рабочих к пониманию экономических основ социалистического общества. Он был важен для теоретического просвещения членов Интернационала в духе научного коммунизма.

В ходе обсуждения повестки дня конгресса в Генеральном Совете состоялись дискуссии о последствиях применения машин при капитализме и сокращении рабочего дня, хотя некоторые английские члены Совета больше интересовались вопросами о кредите и о кооперации [1]. По обоим вопросам выступал Маркс. Придавая особое значение проблеме машинного производства, он настоял на том, чтобы «в первую очередь был поставлен вопрос о применении машин» [2]. В речи, произнесенной 28 июля, Маркс изложил основные положения I тома «Капитала» о машинном производстве. Он ярко раскрыл пагубные последствия капиталистического применения машин, обратив внимание на интенсификацию труда рабочих, удлинение рабочего дня, эксплуатацию труда

---

[1] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 176. По другим пунктам дискуссий не происходило из-за недостатка времени. Лишь на последнем заседании Генерального Совета накануне конгресса, 1 сентября 1868 г., Уэстон зачитал доклад о кооперации, который, видимо, не обсуждался.

[2] Там же, стр. 161.

женщин и детей и т. д. Вместе с тем Маркс подчеркнул, что машинное производство явится технической базой социализма и «одним из важнейших следствий применения машин является организованный труд»[1]. Маркс разъяснил в своей речи историческую прогрессивность машинного производства, которое «ведет, с одной стороны, к ассоциированному организованному труду, а с другой стороны, — к разрушению существовавших до сих пор общественных и семейных отношений»[2].

Выступивший в ходе дискуссии английский рабочий, бывший чартист Джордж Милнер, отметив значение речи Маркса, заявил: «Совершенно ясно, что всеми выгодами от современных изобретений пользуются немногие, и это будет продолжаться до тех пор, пока рабочие не найдут способа сами для себя стать предпринимателями»[3]. Внесенная Марксом и принятая 11 августа 1868 г. Советом резолюция по этому вопросу гласила: «С одной стороны, машины оказались самым мощным орудием деспотизма и вымогательства в руках класса капиталистов, с другой стороны, развитие машинного производства создает материальные условия, необходимые для замены системы наемного труда подлинно общественной системой производства»[4].

Дискуссия о сокращении рабочего дня выявила среди членов Совета различное понимание этого вопроса, хотя он и обсуждался неоднократно на предыдущих конгрессах. Милнер высказал, например, мысль о том, что сокращение рабочего дня приведет к уменьшению количества продукции[5]. Возражая ему, Маркс осветил в своей речи экономическую и классовую целесообразность

---

[1] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 165.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 168. Во время обсуждения Уэстон упрекнул Маркса в том, что его выводы якобы основаны на фактах, касающихся высокоразвитых отраслей промышленности. Эккариус возразил: «Гражданин Маркс сделал то, что делают все ученые, желающие подчеркнуть особенности какого-либо предмета; они всегда берут для иллюстрации наиболее ярко выраженные случаи, а применение машин наиболее развито в хлопчатобумажной промышленности» (там же, стр. 169).

[4] Там же, стр. 171.

[5] Там же, стр. 173.

выдвинутого пролетариатом требования, напомнил, что вопрос уже решен на Женевском конгрессе, и призвал к развертыванию рабочими разных стран кампании за сокращение рабочего дня. «Сейчас наступило время действовать», — закончил свою речь Маркс [1].

Внесенный Марксом проект резолюции подтверждал решение Женевского конгресса 1866 г. по этому вопросу и указывал, что «настала пора сделать практические выводы из этой резолюции» [2].

* * *

В мае — июне 1868 г. осложнился вопрос о месте созыва конгресса. Бельгийское правительство заявило протест против созыва его в Бельгии и продлило закон об иностранцах. Согласно этому закону любой иностранец, обвиненный в политической неблагонадежности, мог быть выслан из Бельгии. В связи с этим Маркс на заседании Генерального Совета 26 мая предложил отказаться от созыва конгресса в Брюсселе, чтобы не подвергать его работу риску [3]. 2 июня Юнг по поручению Маркса, который в это время уехал в Манчестер к Энгельсу, зачитал резолюцию об изменении места конгресса. Резолюция, написанная Марксом, предлагала созвать конгресс в Лондоне [4]. Маркс полагал, что это позволило бы революционному ядру Генерального Совета оказать непосредственное влияние на работу конгресса. Против резолюции решительно выступил тред-юнионист Оджер. Он, в свою очередь, рекомендовал оппортунистический путь решения вопроса: «вступить в переговоры с бельгийским правительством накануне конгресса и выяснить намерения правительства». Оджеру возразил Юнг: «Мы не должны рассчитывать на милость каких-либо правительств» [5]. Оджер и другие тред-юнионисты стремились помешать проведению конгресса в Лондоне, боясь, что сторонники Маркса получат тогда перевес. Об этом

---

[1] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 174.
[2] Там же, стр. 177.
[3] Там же, стр. 148.
[4] Там же, стр. 149.
[5] Там же.

сообщил Марксу в Манчестер Юнг[1], которому вместе с другими сторонниками Маркса пришлось провести среди членов Генерального Совета разъяснительную работу, чтобы привлечь английских тред-юнионистов на свою сторону[2]. Во время дискуссии, которая продолжалась и 9 июня, Юнг предложил запросить мнение брюссельской секции[3]. Его поддержали многие члены Совета.

Резолюция об изменении места созыва конгресса вызвала интриги против Интернационала со стороны некоторых членов Французской секции в Лондоне[4].

К 1868 г. эта секция все более обнаруживала свою мелкобуржуазную сущность. Антипролетарский тон всей ее деятельности задавала группировка республиканцев 1848 года. Среди руководителей секции были такие люди, как мелкобуржуазный демократ Ф. Пиа, «всегда кричавший про наше Товарищество, — как писал Маркс Энгельсу, — что оно — не революционное, бонапартистское»[5], как мелкобуржуазный публицист П. Везинье, который систематически занимался клеветой на Генеральный Совет.

Везинье присутствовал на заседании Генерального Совета 9 июня 1868 г. и принимал участие в дискуссии о месте созыва конгресса, хотя и не имел прав на это. Затем он за подписью «член Интернационала П. В.» поместил в брюссельской газете «Cigale» статью, в которой представил дискуссию в извращенном виде. В статье содержались также выпады против сторонников Маркса — Юнга и Дюпона[6]. Маркс в письме Энгельсу называл статью Везинье «легендарным отчетом» о заседании Генерального Совета; он возмущался интригами Везинье против Юнга и Дюпона, которых тот объявил «бонапартистами»[7]. Статья Везинье наносила большой вред Интернационалу, создавая впечатление о причастности брюссельской секции к ее напечатанию.

---

[1] Письмо Юнга Марксу от 11 июня 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 78/6).

[2] См. там же.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 151.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 81—83.

[5] Там же, стр. 11.

[6] «Cigale» № 25, 21 июня 1868 г.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 83.

Брюссельская секция в ответ на запрос Генерального Совета по поводу ее мнения о месте созыва конгресса обосновала свою позицию в письме за подписью Де Папа и Ванденхутена, приложив к нему некоторые документы: заявление бельгийского министра юстиции Бара, запрещавшее проведение конгресса в Брюсселе; печатный манифест секций Интернационала в Брюсселе и Вервье с заявлением о том, что конгресс состоится вопреки запрету правительства [1].

Брюссельская секция полагала тактически более правильным сохранить по-прежнему местом конгресса Брюссель. Она обратилась с протестом против закона об иностранцах к правительству [2]. Секция считала, что отказ от созыва конгресса в столице Бельгии означал бы уступку бельгийскому правительству, а это в дальнейшем затруднило бы деятельность Интернационала в стране. Соображения брюссельской секции и документы, присланные ею, побудили Маркса изменить свою точку зрения. 16 июня Маркс на заседании Генерального Совета отказался от резолюции 2 июня [3]. В то же время инцидент раскрыл реформистскую подоплеку позиции тред-юнионистов. Интриги членов Французской секции также были сорваны.

Брюссельская секция сразу после опубликования статьи Везинье обратилась к Генеральному Совету с письмом, в котором выражала свое негодование поведением автора статьи [4]. В письме отмечалось, что Везинье не имел права публиковать протокол заседания Генерального Совета и разглашать сведения о внутренних делах Интернационала, что секция протестует против недоброжелательного отношения к некоторым членам Интернационала (имелись в виду Юнг и Дюпон). Секция заявляла о своей полной непричастности к статье Везинье и о том, что ее письмо будет помещено в той же газете «Cigale», где была напечатана эта статья [5].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 81.
[2] «Tribune du Peuple» № 15, 24 мая 1868 г.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 81.
[4] «Генеральный Совет... 1866—1868. Протоколы», стр. 157.
[5] «Cigale» № 26, 28 июня 1868 г.

* * *

В конце июля — августе Генеральный Совет вел оживленную переписку с местными секциями по вопросам подготовки конгресса. Члены Генерального Совета информировали секции о распространении программы конгресса, о представительстве на конгрессе; в свою очередь, секции сообщали Совету о посылке делегатов на конгресс, о своих финансовых трудностях в связи с этим [1]. Особенно обстоятельную переписку вел Генеральный Совет с брюссельской секцией, непосредственно занимавшейся организационной подготовкой конгресса [2]. В ходе переписки брюссельская секция выдвинула предложение составить к конгрессу отчет о положении рабочих всех профессий во всех странах [3]. Генеральный Совет с января 1868 г. занимался организацией статистического обследования рабочего класса. Маркс придавал серьезное значение вопросам рабочей статистики. Генеральный Совет тогда же разослал циркуляр с вопросами «относительно положения и условий жизни рабочих» [4], и многие секции прислали материалы, однако далеко не все. Предложение брюссельской секции о составлении статистического отчета к конгрессу было неприемлемо именно по этой причине. Генеральный Совет принял дипломатичное решение о том, что «статистическое обследование продолжается и те отделения, работа которых достаточно продвинулась, должны представить их на ближайший конгресс» [5].

Наконец, заключительным этапом подготовки конгресса было составление годового отчета Генерального Совета.

Это было поручено Марксу, который огласил документ на заседании 1 сентября 1868 г. Отчет был принят

---

[1] См. письмо Лесснера Беккеру в Женеву от 19 августа 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/4); «Генеральный Совет. 1866—1868. Протоколы», стр. 167, 176, 177; письмо Беккера Генеральному Совету от 18 августа 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/3).

[2] См. письмо Лонге Де Папу от 24 августа 1868 г. и Дюпона Де Папу от 1 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/7, 22/10).

[3] «Генеральный Совет... 1866—1868. Протоколы», стр. 161.

[4] Там же, стр. 128—129.

[5] Там же, стр. 162.

Генеральным Советом единогласно[1]. По предложению Маркса бухгалтерские книги Генерального Совета после ревизии их членами Совета Бакли и Коплендом были переданы Дюпону, который являлся делегатом от Совета на конгресс вместе с Эккариусом, Шо, Юнгом[2].

Делегация на конгресс от Генерального Совета состояла из сторонников Маркса. Кроме того, из членов Совета делегатами были: Лесснер (соратник Маркса) — от Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, Кон — от общества сигарочников, тред-юнионист Лекрафт — от общества мебельщиков, Степни — от Лиги реформы.

Маркс сыграл важную роль в подготовке Брюссельского конгресса. Определение задач и повестки дня конгресса, теоретические дискуссии в ходе ее обсуждения, борьба против тред-юнионистов внутри Совета и против мелкобуржуазных деятелей из Французской секции вокруг вопроса о месте созыва конгресса, составление годового отчета Генерального Совета и выдвижение делегатов от Совета на конгресс — все это свидетельствует о том, с какой энергией Маркс боролся за осуществление своего плана, рассчитывая на победу принципов пролетарского социализма на Брюссельском конгрессе.

III

Третий конгресс Интернационала приступил к работе 6 сентября 1868 года. В одном из городских залов в день открытия собралось свыше 80 делегатов[3]. Число их возросло за время работы конгресса до 100. Этот конгресс был значительно представительнее первых двух: своих делегатов прислали Англия, Бельгия, Франция, Швейцария, Германия, Италия, Испания. Увеличилось число делегатов от некоторых стран. Так, в составе делегации от Англии были делегаты от сигарочников Лондона, от

---

[1] «Генеральный Совет... 1866—1868. Протоколы», стр. 178.

[2] Там же, стр. 179, 176.

[3] Газеты сообщали, что всего в зале присутствовало до 400 человек (см. «Bee-Hive» за 12 сентября 1868 г.), а Эли Реклю в своем отчете о конгрессе называет цифру — 500 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 25/1).

рабочих обществ Гулля. От брюссельских и других бельгийских секций присутствовало 56 человек (вместо 1 на Лозаннском конгрессе), количество делегатов увеличилось за счет представителей рабочих обществ, примкнувших к Интернационалу, в том числе от горняков Бельгии, борьбу которых поддержал весной 1868 г. Интернационал. Состав бельгийской делегации свидетельствовал также о значительном росте количества секций Интернационала по всей стране. Несмотря на преследования Интернационала правительством Наполеона III, возросло число делегатов от Франции, в первую очередь за счет примкнувших к Интернационалу рабочих обществ. В этом отношении показательна парижская делегация: 11 рабочих обществ Парижа послали делегатов на конгресс (на конгресс в Лозанну только 4). Несколько меньше делегатов прибыло из Германии вследствие того, что там почти в это же время происходил Нюрнбергский съезд немецких рабочих обществ. На Брюссельском конгрессе впервые присутствовал делегат от рабочих Испании[1].

Можно согласиться с выводом В. Засулич в ее упомянутой выше книге, что на Брюссельском конгрессе впервые так широко были представлены рабочие союзы, примыкавшие к Интернационалу[2].

Что касается состава конгресса по профессиональному признаку, то можно отметить две особенности. Наряду с промышленными рабочими (до 80 чел.) и представителями интеллигенции, на конгрессе в связи с постановкой аграрного вопроса присутствовали делегаты от сельскохозяйственных рабочих: Жозеф Анри — «земледелец» из Патиньи (как значилось в списке делегатов), Луи Маренн — «земледелец» из Люксембурга, Энгльберт — делегат от секции сельскохозяйственных рабочих в Брабанте. Значительная группа делегатов Брюссельского конгресса представляла горняков, рабочих-механиков, металлургов, металлистов (эта группа составляла более 20 человек, в то время как на Лозанн-

---

[1] Этот факт Эккариус специально отмечал в письме Марксу от 31 августа 1868 г. из Брюсселя и передавал привет испанца Англоры Лафаргу (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/3).

[2] *В. Засулич.* Цит. соч., стр. 58.

ском конгрессе эти профессии были представлены всего 7-ю делегатами).

Работу Брюссельского конгресса приветствовали рабочие Европы и Америки. В письмах и телеграммах из Амстердама, Вашингтона, Марселя, Женевы, Венгрии и других городов и стран выражались пожелания успехов и пролетарская солидарность. В адрес конгресса пришло приветствие от Нюрнбергского съезда немецких рабочих обществ, в котором сообщалось о решении съезда присоединиться к Интернационалу. Конгресс получил послание от рабочих Италии, собравшихся в это время на свой съезд в Генуе[1].

На всей работе конгресса сказалось значительное влияние Маркса, который не только уделил огромное внимание подготовке конгресса, но и в ходе его работы оказывал непосредственную помощь представителям Генерального Совета; он регулярно обменивался письмами со своими соратниками, делегированными на конгресс, по поводу тактики, которой следовало придерживаться. Все это содействовало плодотворным результатам конгресса.

Эккариус, уехавший на конгресс раньше других членов Генерального Совета, уже в письме 31 августа сообщал Марксу об общей обстановке в Брюсселе накануне конгресса. Из этого письма можно составить представление о тех вопросах, которые волновали Маркса в связи с расстановкой сил на конгрессе. Эккариус писал, что можно не опасаться выходок со стороны Пиа или Везинье. Он информировал Маркса о составе парижской делегации («обычные делегаты от обществ сопротивления» и «один член первого Правления»). Эккариус писал также о договоренности с газетой «Le Peuple Belge» по поводу публикации протоколов конгресса[2]. О ходе прений на заседаниях конгресса Маркса информировал главным образом Лесснер.

---

[1] «Troisième Congrès de L'Association Internationale des travailleurs. Compte rendu officiel». Supplément au journal «Le Peuple Belge», 6—30 septembre 1868, pp. 31, 41, 51, 52.

[2] Письмо Эккариуса Марксу от 31 августа 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/9).

Конгресс открыл руководитель бельгийских секций Интернационала Сезар Де Пап, на протяжении всего конгресса активно защищавший линию Генерального Совета. На втором заседании Юнг от имени Генерального Совета обратился к делегатам конгресса с яркой речью, в которой осветил путь, пройденный Интернационалом за четыре года. Остановившись на задачах Товарищества и подчеркнув необходимость и экономической и политической борьбы рабочих, он решительно заявил, что основной целью Интернационала являются не частичные завоевания, как, например, повышение заработной платы рабочих, а ликвидация самой системы наемного труда[1]. Кооперация, которой увлекаются многие секции Интернационала, говорил он, как бы полемизируя с прудонистскими, лассальянскими и другими поклонниками рабочей кооперации, не может разрешить социальной проблемы. Коротко охарактеризовав состояние рабочего движения в отдельных странах и отметив, что предыдущий конгресс занимался рассмотрением вопросов с абстрактно-теоретической точки зрения, Юнг призвал делегатов конгресса заняться изучением тех средств, которые позволят Интернационалу перейти к практическому осуществлению принятых решений.

Затем начались выступления делегатов с отчетами о деятельности отдельных секций; эти отчеты отличались большой политической остротой. Рассказы бельгийских делегатов о кровавой расправе правительственных войск над горняками Шарлеруа, сообщения французских делегатов о двух судебных процессах членов Интернационала в Париже и в особенности зачитанное на конгрессе письмо осужденных членов Парижского правления из тюрьмы Сент-Пелажи[2] придали атмосфере конгресса боевой революционный дух. «Правительства — против рабочих», «законы — не для них; они против них», — раздавались голоса делегатов. Общая дискуссия, прошедшая под политическими лозунгами и выявившая желание делегатов перейти от абстрактных

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 2.
[2] Там же, стр. 5.

прений к разработке практических мероприятий, определила общий тон последующей работы конгресса.

В состав бюро конгресса вошли: Г. Юнг — председатель; Э. Дюпон и И. Ф. Беккер — его заместители; Ф. Кёнен и Х. Метэн — секретари для Бельгии; Э. Гринан и А. Тейс — для Франции; Клейн и Шепплер — для Германии, Р. Шо — для Англии. Из них Юнг, Дюпон, Беккер, Клейн и Шо стояли на позициях, весьма близких научному коммунизму и активно проводили линию Маркса.

Конгресс выработал порядок своей работы. Утренние заседания отводились организационным вопросам, подготовке докладов и резолюций комиссиями, выбранными для изучения отдельных пунктов программы. На эти организационные заседания допускались только делегаты конгресса. Вечерние заседания посвящались обсуждению докладов и резолюций, представленных комиссиями. Эти заседания объявлялись публичными.

Имея в виду отрицательный опыт Лозаннского конгресса, когда повестка дня, выработанная Генеральным Советом, была дополнена вопросами, выдвинутыми парижскими прудонистами, Маркс в письме Эккариусу и Лесснеру предупреждал против возможных попыток в этом направлении со стороны бельгийцев и французов [1]. Повестка дня, составленная Генеральным Советом, была полностью принята конгрессом. Кроме того, в нее были включены также вопрос о войне, выдвинутый немецкой делегацией [2], и вопрос о стачках, предложенный французским делегатом Э. Тартаре [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 465.

[2] Предложение немецкой делегации включить вопрос о войне в программу конгресса обсуждалось в Генеральном Совете и нашло там поддержку, о чем свидетельствует, в частности, письмо Дюпона из Лондона Де Папу в Брюссель 1 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 22/10).

[3] Вопрос о стачках, рекомендованный Лозаннским конгрессом, был исключен Генеральным Советом в результате обсуждения местными секциями предварительной повестки дня, а также, вероятно, еще и потому, что давал повод прудонистам и представителям некоторых других течений вновь развернуть свои возражения против экономической борьбы, тогда как вопрос был уже решен на Женевском конгрессе.

7 сентября Э. Дюпон зачитал конгрессу отчет Генерального Совета, написанный Марксом. В отчете была раскрыта картина успешного развития Товарищества, показана повседневная работа Совета, объединявшего все отряды международного пролетариата под знаменем Интернационала, а также разоблачались происки французского, бельгийского, австрийского и прусского правительств, пытавшихся подавить рабочее движение и международную организацию рабочего класса. Отчет заканчивался словами: «Международное Товарищество Рабочих, глубоко убежденное в великом значении своей миссии, не позволит ни запугать себя, ни отклонить с правильного пути. Отныне его судьба неразрывно связана с историческим развитием класса, в руках которого возрождение человечества» [1].

Обсуждение первого пункта программы — «Каково должно быть поведение рабочих в случае войны между европейскими державами» вылилось в призыв к борьбе за предотвращение войны. Делегаты заявляли, что следует бороться против войны не только в теории, но прежде всего на практике [2]. Обстоятельный анализ отношения пролетариата к войне сделал Де Пап [3]. Основная его мысль сводилась к тому, что вместе с освобождением пролетариата будут уничтожены и войны. Его речь прерывалась громкими аплодисментами делегатов [4].

Маркс, получив от Лесснера и Эккариуса подробную информацию о ходе первых заседаний конгресса, в своем ответном письме советовал принять на конгрессе конкретную резолюцию по вопросу о войне, которая гласила бы, что рабочий класс еще недостаточно организован, чтобы реально воспрепятствовать развязыванию войны, но должен всячески разоблачать виновников войн и в том числе подстрекателей войны между Францией и Германией [5]. Такая резолюция, подготовленная Беккером, была зачитана 13 сентября немецким делега-

---

[1] *К. Маркс.* «Четвертый годовой отчет...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 336).

[2] «Troisième Congrès...», p. 8.

[3] Там же.

[4] См. «Times» за 9 сентября 1868 г.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 466.

том Шепплером [1]. В этом документе, хотя и не обладавшем еще лаконичной, доступной рабочим формой, был выдержан классовый подход к вопросу о войнах, раскрывались действительные причины войн, вызываемых экономическими условиями буржуазного общества и политикой правящих классов, осуждался милитаризм. В нем содержалось предупреждение, что всякая европейская война и особенно война между Францией и Германией укрепит реакционные силы. В резолюции заявлялось, что рабочие заинтересованы в безусловном прекращении войны, подчеркивалось, что Интернационал, провозглашая политическую борьбу как необходимое средство для освобождения пролетариата, должен занимать самостоятельную позицию во всех международных событиях. Резолюция обязывала все печатные органы Интернационала призывать рабочих к энергичному протесту против войны всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, чтобы не допустить массовых убийств людей и уничтожения продуктов труда; развернуть антивоенную пропаганду среди населения, чтобы рабочие и солдаты осознали свои права и свой человеческий долг. В резолюции предлагалось обязать Генеральный Совет предпринять все необходимые шаги в духе указанной резолюции.

Однако этот проект не был принят. Конгресс принял резолюцию, которая пацифистскими рассуждениями подменяла действительный анализ причин возникновения войн и их характера с классовых позиций пролетариата. В качестве практических мер резолюция предлагала декларативный призыв ко всем секциям Интернационала противодействовать войне и в случае войны объявить всеобщую стачку, что было неосуществимым [2]. И все-таки на конгрессе в Брюсселе значительно более четко, чем это было в Лозанне, определилось отмежевание рабочих от позиции буржуазных демократов в вопросе о войне. Лозаннский конгресс принял адрес учредительному конгрессу Лиги мира и свободы, кото-

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 44.

[2] Там же. В основу этой резолюции легли предложения Толена и Лонге (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 23/5).

рым заявлял о своем присоединении к этой буржуазно-пацифистской организации.

Когда же на конгрессе в Брюсселе было оглашено инспирированное Бакуниным приглашение от имени буржуазной Лиги мира и свободы на ее второй конгресс, назначенный на 22 сентября в Берне, делегаты приняли резолюцию совершенно иного характера, чем в Лозанне[1]. Резолюция Брюссельского конгресса обязывала делегатов, которые отправятся в Берн в частном порядке, провозгласить принципы Интернационала. Брюссельский конгресс заявил, что существование Лиги мира наряду с Интернационалом не имеет смысла, и приглашал Лигу присоединиться к Товариществу[2]. Эта резолюция совпадала по смыслу с теми рекомендациями, которыми Маркс напутствовал делегатов Генерального Совета на Лозаннский конгресс 1867 года[3].

Важнейшим событием в работе конгресса явилось принятие резолюции о земельной собственности.

Комиссия Брюссельского конгресса, готовившая резолюцию по этому вопросу, пришла к согласованным выводам лишь по части проблемы; она признавала необходимым переход в коллективную собственность шахт, рудников, лесов, каналов, железных дорог. Что касается пахотной земли, то здесь единого мнения не было[4].

Доклад руанской секции о земельной собственности, автором которого был руководитель этой секции Обри,

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 40. Сохранилась протокольная запись прений при обсуждении этого вопроса,в частности, запись речи Де Папа, который охарактеризовал конгресс Лиги мира в Берне как «конгресс буржуазных либералов» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 23/5). Эккариус в своей корреспонденции о конгрессе в «Times» за 14 сентября 1868 г., подчеркивал более зрелую позицию делегатов Брюссельского конгресса в отношении к Лиге мира по сравнению с позицией Лозаннского конгресса.

[2] Там же. В своей истории Интернационала, написанной в бакунистском духе, Гильом умаляет значение резолюции Брюссельского конгресса о Лиге мира. Желая оправдать деятельность Бакунина в Лиге мира, Гильом голословно утверждает, что многие делегаты, отсутствовавшие в момент голосования, были на стороне Лиги (*J. Guillaume*. «L'Internationale». Paris, t. 1, p. 67).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 210, 556—557.

[4] «Troisième Congrès...», p. 34.

защищал принцип коллективной собственности на землю, основываясь не на экономических законах, а на естественном праве. Основной доклад был представлен Де Папом от имени брюссельской секции. В противовес докладу Обри Де Пап заявил, что обосновывать переход к коллективной собственности на землю в будущем обществе нужно экономической тенденцией и целесообразностью с точки зрения интересов пролетариата. С таких позиций Де Пап дал обстоятельную критику теории Прудона, для которого индивидуальная собственность на землю служит гарантией независимости и свободы индивида по отношению к обществу [1]. Де Пап же поставил вопрос так: «Если индивидуальная собственность на землю необходима для существования нового общества, основанного на справедливости и экономическом равновесии, тогда она будет законна и сохранится, несмотря на все антипатии и на все коммунистические планы. Если же, напротив, индивидуальная собственность на землю несовместима с этим новым обществом, тогда она не будет законной и исчезнет, несмотря на все симпатии и все идеи, которые высказываются в ее пользу» [2].

В своем докладе, используя исторические примеры и анализируя современное развитие, Де Пап показал, что мелкая частная собственность крестьян на землю изжила себя и должна в будущем уступить место общественной собственности. Де Пап считал преждевременным обсуждать, произойдет ли это путем перехода земли к сельскохозяйственным ассоциациям или к их объединению в рамках нации, или путем перехода земли в руки всего общества [3]. Речь Де Папа свидетельствовала о том, что под влиянием Маркса и его ближайших соратников Де Пап постепенно отказался от утопических воззрений социального реформатора и сторонника национализации земли Колена, которых он придерживался с начала 60-х гг., и воспринял свойственное научному

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 35.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 38.

коммунизму историко-материалистическое обоснование требования обобществления земли[1].

Выступление Де Папа получило горячую поддержку со стороны представителей брюссельской группы прудонистов-коллективистов (Пеллеринга и др.), членов Генерального Совета Эккариуса и Лесснера. Особенно яркое впечатление произвела речь брюссельского коммуниста, ветерана революции 1848 г. Кулона, который резко критиковал мелкобуржуазные идеи Прудона, как бесплодные в практическом отношении, и противопоставил им коммунистические взгляды[2]. Такую же речь в защиту коммунизма и идеи общественной собственности на землю произнес и антверпенский коммунист Кёнен[3].

От правых прудонистов главным оппонентом Де Папа был Толен, который отстаивал индивидуальную собственность, ссылаясь при этом на Руссо. Толен, видя слабое воздействие своей аргументации, предложил вовсе не принимать резолюции на том основании, что конгресс-де не вправе рассматривать вопрос, не зная отношения к нему делегатов сельского населения[4]. Кроме Толена, с подобной же точкой зрения выступали Лонге, бельгийские делегаты Гинс и Фонтен, причем последний резко обрушился на теорию коммунизма[5].

В результате острой дискуссии победу одержали сторонники обобществления земли. Принятая конгрессом резолюция, убедительно обоснованная, провозглашала необходимость общественной собственности на землю и ее недра, в том числе на пахотную землю[6]. Резолюция

---

[1] См. по этому вопросу: *И. А. Бах.* «Маркс и аграрный вопрос в I Интернационале» («Вопросы истории», 1958, № 5).

[2] «Troisième Congrès...», p. 42. Взгляды отдельных представителей рабочего коммунизма 40-х гг. XIX в., принимавших участие в деятельности Интернационала, отличались уже бо́льшей зрелостью, более глубоким пониманием классовых задач пролетариата, хотя были еще довольно далеки от научного коммунизма.

[3] Там же, стр. 43.

[4] Протокольная запись прений на заседании 13 сентября 1858 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 23/5).

[5] «Troisième Congrès...», pp. 41, 42, 43.

[6] Там же, стр. 43. Лафарг в письме Де Папу по поводу поражения прудонистов на конгрессе писал: «Ваша резолюция о собствен-

была принята 30 голосами против 4, при 15 воздержавшихся.

Однако правые прудонисты не сложили оружия; Мюра заявил от их имени, что резолюция принята якобы незначительным большинством, а Толен пытался провозгласить декларацию от имени меньшинства. Он аргументировал это тем, что у делегатов не было времени изучить доклад Де Папа, и предлагал, не принимая никакого решения, перенести обсуждение вопроса на следующий конгресс [1]. Однако конгресс отверг эти попытки [2].

Важным моментом в работе конгресса было отношение делегатов к интересам сельского населения. Делегат Анри из Патиньи заявил на конгрессе о том, что сельские производители еще более несчастны, чем рабочие городов, поэтому они начинают понимать, что им тоже необходимо объединиться и употребить свои силы для разрушения социальной анархии [3]. Дюпон при закрытии конгресса провозгласил: «...Мы здесь торжественно заявляем, что освобождение городских рабочих неотделимо от освобождения сельских рабочих» [4]. Таким образом, делегатов волновали не только перспективы решения земельной проблемы в будущем, но и современное положение сельских тружеников.

Затем обсуждался вопрос о влиянии применения машин. Как уже говорилось выше, Маркс рассматривал его в непосредственной связи с вопросом об экономических основах социалистического общества. Еще при обсуждении вопроса в Генеральном Совете Маркс старался подвести членов Интернационала к пониманию того, что широкое внедрение машинного производства создает материальные условия для перехода к социалистическому хозяйству.

ности — наиболее страшный удар, так как Прудон всегда был сторонником мелкой собственности...» (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 76/4).

[1] См. «Times» за 17 сентября 1868 г.

[2] «Troisième Congrès...», p. 45. В группу меньшинства входили: Фонтен, Лонге, Толен, Дотье, Гинс, Ансель, Гринан, Пэнди, Дюран, Руссель, Тейс, Мюра, Сайян, Кине.

[3] Там же, стр. 5.

[4] Там же, стр. 50.

В докладе брюссельской секции на конгрессе вопрос освещался в том же духе. В нем прямо указывалось, что машины вместе с другими орудиями труда должны перейти из рук капиталистов в руки рабочих и что только тогда наступит освобождение пролетариата[1]. Два других доклада (доклады льежской секции и переплетчиков Парижа), по-разному аргументируя, развивали ту же мысль.

Однако принятие резолюции прошло в горячих спорах. Парижский бронзовщик Тейс от имени комиссии предложил резолюцию, в которой подчеркивалось, что машины являются средством капиталистической эксплуатации рабочих и действительная их польза обнаружится лишь тогда, когда они перейдут в руки самих рабочих в результате развития производственной кооперации. Тейс снова подчеркивал, что только благодаря кооперации можно добиться практических результатов[2]. У Тейса нашло известное отражение прудонистское непонимание прогрессивности машинного производства при капитализме и утопический взгляд на кооперацию как панацею от социальных зол.

Проект резолюции вызвал возражения. Интересно выступил Лесснер. Сославшись на «Капитал» Маркса, он утверждал, что рабочие должны восставать не против машин, а против социальной организации, которая отдает эти машины в руки немногих эксплуататоров. Бельгийский делегат Кулон настаивал на характеристике не только экономических, но и политических причин, которые являются препятствием для использования действительных выгод машинного производства.

Толен от группы парижских прудонистов внес предложение вовсе не принимать резолюцию по вопросу о машинах на том основании, что влияние машин определяется лишь экономическими условиями, которых не может изменить Товарищество[3]. Против этой позиции сразу же выступил Де Пап. Однако в своем проекте резолюции он не был до конца последователен, ибо не

---

1 «Troisième Congrès...», p. 18.
2 Там же, стр. 19.
3 Там же; см. также «Etoile Belge» за 11 сентября 1868 г.

подчеркивал объективно-прогрессивную роль машинного производства[1].

Эккариус предложил одобрить резолюцию Генерального Совета, автором которой был Маркс[2]; его поддержал немецкий делегат Шепплер. Несмотря на оппозицию Толена, составленная Марксом резолюция вошла в качестве мотивировочной части в решение Брюссельского конгресса.

Так же, как и обсуждение аграрного вопроса, дискуссия о применении машин свидетельствовала о преобладании на конгрессе социалистических настроений; в то же время она показала живучесть утопических иллюзий о всеисцеляющей силе кооперации, свойственных прудонистам, лассальянцам и приверженцам других сектантских течений.

Освещение вопроса о стачках в докладах французских секций Женевы и особенно бельгийской секции Льежа мало чем отличалось от трактовки вопроса в прудонистском духе на Лозаннском конгрессе. В докладах то и дело повторялись оговорки, в принципе осуждавшие стачки и признававшие их лишь неизбежным злом: «мы все признаем, что стачки противоречат экономическим принципам...», «нам не нравятся стачки...»[3].

В докладе льежской секции говорилось, что стачки возбуждают ненависть буржуазии и все больше отдаляют от нее народ, в то время как им следует объединиться (!). Ссылками на Прудона обосновывалось положение о «почти всегда печальных результатах» стачек, и снова проповедовалась прудонистская панацея взаимного обмена и дарового кредита[4].

Правильные положения содержал доклад брюссельской секции, в котором резко осуждалось отрицательное отношение к стачкам и говорилось: «стачка не разрешит даже частично великой проблемы нищеты.., но она служит орудием в борьбе, которая приведет в конце кон-

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 19.

[2] «Чтение этой резолюции было встречено громкими аплодисментами аудитории», — сообщал Эккариус в своей корреспонденции о конгрессе в «Times» за 14 сентября 1868 г.

[3] «Troisième Congrès...», p. 10.

[4] Там же, стр. 10—11.

цов к разрешению этой проблемы»[1]. В докладе, который был зачитан Де Папом, провозглашалась конечная цель рабочего движения — «полное изменение социального порядка, то есть уничтожение эксплуатации человека человеком»[2].

Дюпон зачитал известную резолюцию Женевского конгресса о профессиональных союзах и подчеркнул, что «стачка не только оружие в руках рабочих, но также и лучшее средство организации сил рабочего класса»[3].

Резолюция конгресса по вопросу о стачках вопреки прудонистам определяла стачку как необходимое средство в борьбе между трудом и капиталом[4]. В резолюции большое значение придавалось организационной подготовке стачек, выражалось одобрение деятельности секций Интернационала в этом направлении и рекомендовалось, с одной стороны, шире вовлекать в Интернационал массы пролетариата, а с другой — создавать для руководства стачками комиссии, составленные из делегатов различных рабочих обществ данной местности, и арбитражные советы. Подтверждение Брюссельским конгрессом резолюции Женевского конгресса об экономической борьбе вновь продемонстрировало, что большинство активных деятелей Интернационала, собравшихся на конгрессе, совершенно правильно оценивают эту форму рабочего движения вопреки имевшим еще место прудонистским, лассальянским и другим представлениям об отрицательной якобы роли стачек.

По вопросу о всестороннем воспитании рабочих конгресс заслушал 5 обширных докладов. В этих докладах отсутствовал классовый пролетарский подход к проблемам народного образования, но тем не менее были развиты гуманистические и наиболее передовые демократи-

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 12.

[2] Там же, стр. 14.

[3] Там же, стр. 16.

[4] Там же, стр. 17. Лафарг в письме Де Папу, сравнивая обсуждение вопроса о стачках на Женевском и на Брюссельском конгрессах, писал: «...если Вы вспомните Женевский конгресс, то поймете, что тогда стачка рассматривалась с неприязнью бельгийцами и французами, а теперь все ее приветствуют» (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 76/4).

ческие принципы педагогической мысли того времени (доклады брюссельской секции, переплетчиков Парижа и других) [1]. Большинство ораторов высказалось за обязательное и бесплатное обучение. Но ортодоксальные прудонисты считали, что передача вопросов народного образования в руки государства усилит влияние последнего. Они, в частности, ссылались на то, что во Франции это означало бы засилье бонапартистской политики и католической церкви в школьном деле. Такую платформу на конгрессе выдвинул Толен [2]. Многие делегаты выступали за сочетание теоретического и практического профессионального обучения. Выдвигались требования отделения церкви от государства, удаления священников из школ, провозглашалась необходимость всестороннего образования, включающего не только научное, профессиональное, трудовое обучение, но и нравственно-эстетическое.

В резолюции по этому вопросу содержался призыв к секциям вести просветительную работу и отмечалось, что необходимым условием для воспитания рабочих является сокращение рабочего дня [3].

При обсуждении вопроса о кредите прудонисты проявили большую активность, выдвинув ряд докладов, подкрепленных ссылками на Прудона и проект устава обменного банка [4]. Однако прудонистам именно по этому важнейшему принципу теории Прудона пришлось выслушать на Брюссельском конгрессе, может быть впервые так откровенно, мнения, отрицавшие даровой кредит как средство социального раскрепощения рабочих. Эккариус, следуя совету Маркса, привел в своей речи фактический материал о рабочем движении в Германии, Англии и Соединенных Штатах Америки, показав, что теория дарового кредита практически не находит приме-

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 21—29. См. по этому вопросу: *С. А. Фрумов.* «Вопросы народного образования на Брюссельском конгрессе I Интернационала». «Советская педагогика», 1960, № 4, а также *С. А. Фрумов.* «Французская школа в борьбе за ее демократизацию. 1850—1870». М., 1960.

[2] «Troisième Congrès...», p. 31.

[3] Там же, стр. 40.

[4] Там же, стр. 32—33. Проект устава обменного банка был разработан бельгийскими прудонистами.

нения в этих странах[1]. Член Генерального Совета от общества сигарочников Кон поддержал Эккариуса. «Даровой кредит, — сказал он, — пока только теория и теория сомнительная»[2]. Делегат из Германии М. Гесс также весьма резко протестовал против теории кредита прудонистов. «Только маленькая секта принимает эту теорию, опровергаемую наиболее крупными экономистами», — заявил Гесс. В подтверждение Гесс сослался на труд Маркса «Нищета философии»[3]. Против прудонистов выступил и брюссельский делегат Пеллеринг.

Однако конгресс вынужден был принять во внимание и резолюцию, предложенную несколькими делегатами (Гинс, Лонге, Де Пап), присоединив ее к резолюции комиссии. Дополнение к резолюции гласило, что, поскольку обсуждаемый вопрос сложен и не имеет непосредственного практического значения, конгресс, поддерживая теоретически идею взаимного кредита, предлагает разослать секциям проект предложенного устава обменного банка для изучения и обсуждения его на будущем конгрессе[4].

Таким образом, обсуждение этого вопроса на Брюссельском конгрессе совсем не было похоже на безмерные восхваления принципов взаимного кредита на Лозаннском конгрессе. Что касается немецких и английских делегатов, то они вообще воздержались от голосования на том основании, что постановка этого вопроса противоречит положениям экономической науки[5].

Короткий обмен мнениями по вопросу о сокращении рабочего дня на основе двух докладов — доклада руанской секции и доклада комиссии, завершился принятием резолюции, предложенной Эккариусом от имени Гене-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 466; «Troisième Congrès...», p. 33—34.

[2] «Troisième Congrès...», p. 34.

[3] О речи Гесса против прудонистов писал Маркс Энгельсу 16 сентября 1868 г. (Соч., 2 изд., т. 32, стр. 122).

[4] «Troisième Congrès...», p. 40.

[5] См. заявление немецких и английских делегатов о воздержании при голосовании вопроса о кредите (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 23/3). См. также изложение их аргументации Эккариусом («Times» за 15 и 17 сентября 1868 г.).

рального Совета. В ней напоминалось, что на Женевском конгрессе 1866 г. уже было принято единогласное решение о рабочем дне, что теоретически вопрос ясен и настало время приступить к практическому осуществлению резолюции [1].

Доклад комиссии о кооперации и последовавшее обсуждение свидетельствовали о значительном сдвиге, произошедшем со времени Лозаннского конгресса, на котором большинство делегатов еще переоценивали роль кооперации. В Брюсселе делегаты подчеркивали, что кооперация сама по себе в условиях существующего строя не может служить средством освобождения рабочего класса, однако участие в кооперативном движении признавалось полезным [2]. Дискуссия о кооперации и обсуждение проблемы кредита оказали серьезную помощь Генеральному Совету, Марксу и его сторонникам в пропаганде правильных представлений в Интернационале по этим вопросам и в развенчании прудонистских, лассальянских и других взглядов, преувеличивавших значение кредита и кооперации в борьбе рабочих за свое освобождение.

Конгресс принял ряд решений организационного характера, имевших важное значение для укрепления Интернационала, для дальнейшей успешной работы Генерального Совета: подтверждались резолюции Женевского и Лозаннского конгрессов об отчислениях членских взносов Генеральному Совету, было принято решение о том, что участие секций в работе конгрессов обусловливается уплатой взносов и должным организационным оформлением секций; центральные комитеты секций обязывались высылать Генеральному Совету каждые три месяца отчеты о руководстве секций и о состоянии их финансов [3].

В заключение конгресса делегаты заслушали отчеты о положении рабочих в отдельных местностях в соответствии с циркуляром, который был разослан Генеральным Советом еще до конгресса. На последнем заседа-

---

[1] «Troisième Congrès...», p. 40.
[2] Там же, стр. 45—46.
[3] Там же, стр. 50.

нии конгресса в связи с этим фигурировал пункт повестки дня под названием «Наказы труда»[1].

Конгресс переизбрал прежний состав Генерального Совета и местом его работы сохранил Лондон, несмотря на то что Толен и другие парижане хотели перенести Генеральный Совет в Брюссель. «Они очень ревниво относятся к Лондону», — писал Маркс Энгельсу[2]. Следующий конгресс было намечено созвать в Базеле[3].

IV

Брюссельский конгресс представлял собой серьезный шаг Интернационала вперед, в сторону научного коммунизма. Он показал, что у многих членов Интернационала вера в идеи мелкобуржуазного социализма подорвана. Это выразилось прежде всего в принципиальном признании преимуществ коллективной, социалистической собственности на средства производства, а также в большей теоретической зрелости значительного числа делегатов, выявившейся при обсуждении вопросов повестки дня. Маркс в письме к Энгельсу приводит высказывание по этому поводу французской буржуазной газеты: ««Journal des Débats» сожалеет, что англичане, немцы и бельгийцы, как показывает их резолюция о земельной собственности, принадлежат к «коммунистической секте» и что французы, с другой стороны, все время повторяют «смешные декламации Прудона»»[4].

В особенности знаменательными были выступления многих делегатов конгресса против прудонистской теории. На Брюссельском конгрессе впервые так резко и открыто произошло размежевание между приверженцами Прудона и противниками его взглядов. Группы делегатов от секций Бельгии, от французских секций

---

[1] По типу наказов сословий, составленных перед французской революцией конца XVIII в. «Troisième Congrès...», p. 46.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 118.

[3] «Troisième Congrès...», p. 38. «Три раза конгресс состоялся в городах, где преобладал французский язык; в Базеле будет преобладать немецкий язык», — сообщал по этому вопросу Эккариус в газете «Times» за 15 сентября 1868 г.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 121.

Швейцарии, где прежде всегда были сильны прудонистские идеи, обнаружили отход от них. «Более всего меня изумляет то, что прудонизм разбит вдребезги», — писал Лафарг Де Папу после конгресса[1]. Немецкие и английские делегаты, поддерживавшие постоянный контакт с Марксом и Энгельсом, отстаивали на конгрессе идеи пролетарского социализма. Для деятельности конгресса характерны не только споры с прудонистами по отдельным проблемам рабочего движения (стачки, рабочий день и др.), но и прямая критика основных принципов самой теории Прудона. И если на Лозаннском конгрессе Де Пап, выступая по отдельным вопросам против прудонизма, оставался в общем на почве прудонистских представлений, то на Брюссельском конгрессе он и его соратники подвергали сомнению и опровергали главные догмы прудонизма. Маркс и Энгельс выражали свое полное удовлетворение успехами борьбы против прудонистов на конгрессе[2].

Наиболее ярким свидетельством того, что конгресс в целом прошел под сильным влиянием идей научного коммунизма, явилось принятие резолюции о «Капитале» Маркса. Эта резолюция была принята по инициативе немецких делегатов, которые, в обоснование своего предложения, заявили, что труд Маркса лучшее, научно аргументированное слово в пользу освобождения пролетариата[3]. Принятая Брюссельским конгрессом резолюция призывала рабочих всех национальностей изучать «Капитал», содействовать переводу его на различные языки и отмечала «неоценимую заслугу первого экономиста, который дал научный анализ капитала»[4].

Значение конгресса состоит также в практическом, деловом подходе ко всем вопросам, стоявшим в повестке дня. В отличие от Лозаннского конгресса в Брюсселе обсуждение не носило абстрактно-теоретического характера. Конкретный, классовый подход к проблемам

---

[1] Лафарг — Де Папу, 25 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 76/4).
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 120.
[3] «Troisième Congrès...», p. 50.
[4] Там же.

рабочего движения, оценка различных явлений общественной жизни с точки зрения интересов пролетариата показывали повышение общего идейного уровня делегатов конгресса, активных деятелей Интернационала. Маркс и Энгельс подчеркивали важность резолюции Брюссельского конгресса, так же как и ранее Лозаннского конгресса, о сохранении Генерального Совета в Лондоне[1]. Пребывание Генерального Совета в Лондоне было залогом реальной возможности для Маркса руководить Интернационалом.

Маркс, высоко оценивавший успехи конгресса, заботился о распространении и пропаганде его важнейших решений. 3 ноября 1868 г. Генеральный Совет поручил Марксу редактирование перевода резолюций Брюссельского конгресса на английский язык[2]. В конце ноября резолюции Брюссельского конгресса стали печататься в газете «Bee-Hive»[3], а несколько позже появились отдельной брошюрой[4].

Официальный отчет о конгрессе был подготовлен Генеральным Советом[5] и опубликован брюссельской секцией в качестве отдельного приложения к газете «Le Peuple Belge».

* * *

Выдвижение Марксом перед Брюссельским конгрессом коренных проблем социалистической программы пролетариата с учетом конкретной обстановки внутри Интернационала, сложившейся в 1868 г., целиком оправдало себя. Брюссельский конгресс подтвердил правиль-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 120, 122.

[2] См. «Minutes of the Meetings of the General Council of the International Working Men's Association» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65).

[3] Они были напечатаны в номерах газеты за 21 ноября и 12 декабря.

[4] «The International Workingmen's Association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868». London.

[5] См. письмо Лафарга Де Папу 25 сентября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 76/4).

ность тактики вождей международного рабочего движения, рассчитывавших на постепенное раскрытие научных основ платформы Интернационала и на консолидацию пролетарски-социалистических сил внутри организации вокруг «общей теоретической программы» [1]. При основании Интернационала Маркс отчетливо сознавал невозможность открыто выдвигать важнейшие принципы научного коммунизма. Тогда он писал Энгельсу: «Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи» [2].

Строгий учет Марксом соотношения сил в Товариществе и умение выделить стихийно поднятые в самом рабочем движении вопросы, которые могли служить раскрытию социалистических принципов программы Интернационала, обеспечили успешное решение стоявших перед Брюссельским конгрессом задач. Значение конгресса состоит в том, что на нем впервые была открыто провозглашена не развернутая еще в Учредительном Манифесте и Временном Уставе социалистическая программа пролетариата, прежде всего в области экономических преобразований. В дальнейшем, в особенности в результате обобщения опыта Парижской Коммуны, на Лондонской конференции и Гаагском конгрессе были провозглашены также политические принципы научного коммунизма. Только после Парижской Коммуны стала возможной открытая пропаганда идей диктатуры пролетариата, пролетарского государства, раскрытие сущности политической борьбы и роли партии пролетариата. Подчеркивая ценность полностью оправдавшей себя тактики Маркса в борьбе против сектантских течений, за привлечение масс на сторону научного коммунизма, Энгельс с удовлетворением писал в 1887 г.: «Где были бы мы теперь, если бы мы в период времени от 1864 до 1873 г. всегда хотели бы идти рука об руку только с теми, которые открыто признавали себя сторонниками нашей программы? Мне кажется, вся наша практическая деятельность показала, что можно работать в контакте

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 363.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 13.

с общим движением рабочего класса на каждой стадии его развития, не принося в жертву и не скрывая своей собственной, четко выраженной позиции и даже сохраняя организацию...» [1]

Брюссельский конгресс Интернационала был важной вехой на пути рабочего движения к научному коммунизму.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 402—403.

ЯН СТАНЕК
(ЧССР)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ И ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Прошло сто лет с того памятного собрания трудящихся в Лондоне, на котором было основано Международное Товарищество Рабочих. На этом собрании представителей рабочих нескольких стран был заложен фундамент действительно массовой международной организации пролетариата, поставившей своей целью полное освобождение рабочего класса.

Влияние Товарищества быстро росло и распространялось в европейских странах, вскоре оно охватило также и Австро-Венгрию. Многонациональный состав монархии Габсбургов, различия в историческом развитии отдельных наций наложили отпечаток на характер рабочего движения в стране. В авангарде движения были немецкие рабочие, тесно связанные с общегерманским рабочим движением и установившие также непосредственный контакт с Интернационалом. Представители австрийских рабочих приняли участие в Эйзенахском съезде германской социал-демократии и присоединились к принятой съездом программе. Немецкие социалисты были первыми пропагандистами идей Интернационала в Австро-Венгрии.

Однако позиция, которую занимали австрийские социалисты вслед за немецкими по некоторым насущным вопросам рабочего движения Австро-Венгрии, была противоречивой и не соответствовала уже сложившимся историческим условиям. Они рассматривали австрийское рабочее движение только как составную часть об-

щегерманского движения[1] и не понимали необходимости создания собственной партии, способной решить сложную проблему руководства многонациональным рабочим движением. Они таким образом проявляли нигилистическое отношение к национальному вопросу. Под интернационализмом они понимали выражение общих интересов рабочего класса, с одной стороны, и в то же время отрицание национальных требований рабочих других наций — с другой. Они отвергали, в частности, чешское национальное движение, считая его реакционным, и не освободились в этом вопросе от влияния «своей» буржуазии. Такая позиция облегчала, в свою очередь, чешской буржуазии националистическую пропаганду среди рабочих-чехов. Непонимание австрийскими социалистами необходимости иметь собственную партию и присоединение ее к германской социал-демократии задержали процесс включения в социалистическое движение рабочих других национальностей. Однако в начале 70-х годов под влиянием Интернационала эти трудности и ошибки были в основном преодолены, и в австро-венгерской монархии была создана самостоятельная рабочая партия с революционной программой, объединившая различные национальные отряды рабочего класса.

С самого начала организованного движения пролетариата в габсбургской монархии социалистический характер приняло не только движение рабочих немецкой национальности. Революционные идеи проникали одновременно и в ряды чешских рабочих как в Вене и Будапеште, так и в собственно чешских землях и в областях со смешанным немецким и чешским населением[2].

---

[1] Австрийские социалисты в своем органе печати заявляли: «Наша прежняя партийная программа дополнена сейчас решениями Эйзенахского съезда, на котором было представлено более 100 000 австрийских рабочих. Наша партия увеличилась и расширилась, так как *формальное* разделение, которое провели дипломаты в 1866 г. между отдельными родственными национальными племенами, в определенной степени потеряло значение в результате *духовной* связи, которая установилась в Эйзенахе».

[2] В чешских землях (имеются в виду Чехия, Моравия и Силезия) проживало чешское и немецкое население. Чехи жили во внутренних областях страны, бо́льшая же часть немецкого населения находилась в пограничных районах и в нескольких городах, как, напри-

Усвоение социалистических идей рабочими в этих смешанных областях открывало широкую возможность для их быстрейшего распространения среди чешских рабочих в чешских землях.

Большую роль в развитии рабочего движения во всей габсбургской монархии сыграла Вена, важнейший экономический и политический центр страны. В столице жили главным образом австрийские рабочие, однако по мере роста промышленности туда стекались рабочие всех национальностей, населявших монархию. Там образовалось, в частности, значительное чешское меньшинство[1].

Это способствовало тому, что рабочие разных национальностей начинали понимать общность классовых интересов, и создавало условия для преодоления национальных предрассудков. С целью добиться удовлетворения общих политических и социальных нужд и требований венские рабочие разных национальностей основали 15 декабря 1867 г. «Рабочее просветительное общество» («Arbeiterbildungsverein»). С созданием Общества австрийское рабочее движение вступило на путь массового, организованного социалистического движения, а Вена стала центром рабочего движения всей монархии, центром социалистической агитации.

«Рабочее просветительное общество» в Вене развернуло активную политическую деятельность. В ответ на усиление националистической агитации буржуазии венские социалисты выпустили «Манифест к трудящимся Австрии»[2], призывая рабочих всех национальностей к единству, братскому сотрудничеству и созданию само-

мер, в Брно, Оломоуце, Иглаве. Немецкое население в чешских землях не представляло компактного целого, хотя в ряде мест в пограничных районах оно и составляло большинство.

[1] На этот факт обратил внимание и Ф. Энгельс, который в письме К. Марксу 4 ноября 1868 г. писал: «Мур говорит, что в Вене почти все фабричные рабочие либо жители Моравии, либо Богемии, большей же частью *чехи*. Это объясняет кое-что в тамошнем движении» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 156).

[2] «Манифест к трудящимся Австрии» был принят 10 мая 1868 г. на открытом собрании венских рабочих, организованном Обществом. Он распространялся в виде листовки на немецком и чешском языках («Manifest pro pracující lid v Rakousku». In: Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864 až 1874. Praha, 1961, s. 63—65).

стоятельных интернациональных организаций. Это был первый шаг к освобождению от влияния либеральной буржуазии.

По мере развития рабочего движения в Вене его интернациональный характер усиливался. Летом 1868 г. венские рабочие готовили праздник братства всего пролетариата монархии. На эту встречу были приглашены также западноевропейские рабочие. В обращении к французским и английским пролетариям венские социалисты подчеркивали, что борьба рабочих в Австрии является частью общеевропейского рабочего движения и что «социальный вопрос можно решить только совместно, при участии всего рабочего населения цивилизованной Европы» [1]. Для участия в празднике был приглашен также представитель Генерального Совета Интернационала [2]. Однако провести встречу рабочих не удалось, в последний момент она была запрещена венским правительством.

Идея братания рабочих монархии при участии европейского пролетариата была настолько знаменательной, что в отчете Генерального Совета IV конгрессу Интернационала говорится об австрийском рабочем движении именно в связи с этим подготовлявшимся праздником [3].

Под влиянием социалистической агитации венских рабочих и рабочее движение в Транслейтании развивалось в таком же духе. В обоих главных центрах рабочего движения Транслейтании, в Будапеште и Братиславе, были основаны рабочие просветительные общества социалистического и интернационального направления [4],

---

[1] «Vorbote», August 1868, S. 122. Это обращение к французским и английским рабочим орган немецких секций в Женеве рассматривал как фактическое присоединение венских рабочих к Интернационалу (см. там же, стр. 123).

[2] К. Маркс 28 июля 1868 г. в письме Ф. Энгельсу писал: «Наконец, мы получили приглашение из Вены, где тоже в начале сентября устраивается торжество солидарности австрийских рабочих. Мы послали полномочия на представительство Фоксу, находящемуся сейчас в Вене» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 104).

[3] *К. Маркс*. «Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 395).

[4] См. подробнее *Милош Госиоровский*. «История словацкого рабочего движения 1848—1918». М., 1958, стр. 33—42.

которые вскоре установили связь с Интернационалом[1].

Большую положительную роль в развитии движения чешского рабочего класса в чешских землях и в установлении связи его с австрийскими рабочими сыграли чешские пролетарии в Вене. Находясь среди рабочих других национальностей, они сумели преодолеть национальные предрассудки и восприняли принципы пролетарского интернационализма. Большинство из них участвовало в деятельности Международного Товарищества[2]. Интернациональная позиция чешских рабочих в Вене помогала австрийским социалистам преодолевать пренебрежительное отношение к национальному вопросу, а их сотрудничество содействовало созданию атмосферы доверия к австрийскому пролетариату и в чешских землях способствовало тому, что революционные идеи становились там ближе и понятнее рабочим.

В чешских землях социалистические идеи нашли отклик прежде всего среди чешских и немецких рабочих в областях со смешанным населением. Одним из первых социалистических центров в чешских землях стал Брно. Брненские рабочие были тесно связаны, а многие даже поддерживали личные дружеские отношения с венскими пролетариями. Попадая в поисках работы в Вену, они принимали там активное участие в рабочем движении и возвращались в Брно активными пропагандистами социалистических идей и организаторами рабочего движения. По примеру венских рабочих они основали «Рабочее просветительное общество взаимопомощи», которое распространяло социалистические идеи в Брно и его окрестностях. Немцы и чехи, входившие в это Общество, сотрудничали между собой и выступали солидарно про-

[1] Карл Маркс в отчете Генерального Совета Базельскому конгрессу Интернационала сообщил: «...до Генерального Совета дошли из Пешта и Пресбурга самые достоверные сообщения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 396) (Пресбург — немецкое название Братиславы).

[2] В донесении венской полиции говорится: «В Вене чехи объединились в славянском рабочем обществе, однако большая часть — большинство присоединилось к Международному Товариществу» (Haus- Hof- und Staatsarchiv. Wien, Informationsbüro, ad 1300/1869, Agenten — Raport, 15. Juni 1869).

тив капиталистической эксплуатации. В мае 1869 г. Общество издало «Воззвание к моравским рабочим»[1], в котором призывало рабочих всех национальностей к сотрудничеству и объединению и к созданию подобных же обществ в других местах Моравии и Силезии. Брненские рабочие в июле 1869 г. провели митинг, на котором выдвинули демократические требования. На митинге выступил руководитель социалистического движения в Братиславе Эдуард Немчик. Передовая роль рабочих Брно в социалистическом движении подтверждается тем, что на съезде германской социал-демократии в Эйзенахе, кроме трех австрийских делегатов, присутствовал также представитель брненских рабочих — единственный делегат из чешских земель[2]. Наравне с Веной Брно был тем центром, в котором выступали вместе рабочие немецкой и чешской национальностей и где чешские рабочие принимали участие в социалистическом движении.

Другим важным очагом социалистической агитации в чешских землях стал Либерец, центр рабочего движения в северочешской промышленной области. На рабочее движение в Северной Чехии в конце шестидесятых годов оказало большое влияние развитое рабочее движение соседней Германии. В 1867—1868 гг. на либерецких текстильных фабриках работали десятки рабочих из Саксонии и Силезии. Многие из них принимали участие в рабочем движении у себя на родине, и они первые знакомили либерецких пролетариев с социалистическими идеями, давали им читать немецкие рабочие газеты[3] и таким образом способствовали еще более тесному сотрудничеству между либерецкими и саксонскими рабочими. Как было принято в те времена, и рабочие из чешских земель уходили «повидать свет», чтобы в других странах совершенствовать свое ремесло. Благодаря

---

[1] Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864 až 1874. Praha, 1961, s. 85—87.

[2] Этим делегатом, который представлял 25 000 рабочих, был молодой литератор и журналист Эдмунд Мюльвассер, секретарь «Рабочего просветительного общества взаимопомощи» и редактор самых старых в Моравии рабочих газет «Arbeiter-Zeitung» и «Volkstribun». Однако вскоре он был разоблачен как провокатор.

[3] См. *Jiři Kořalka*. «Vznik socialistického dělnického hnutí na Liberecku». Liberec, 1956, s. 134—135.

этому многие из них и знакомились с революционным рабочим движением. Первый руководитель либерецких рабочих, текстильщик Йозеф Крош, начал свою революционную деятельность в Саксонии. Под его руководством в Либерце создалась социалистическая группа, которая летом 1869 г. основала самостоятельное рабочее общество[1]. Для разработки устава этого общества были использованы как Устав Международного Товарищества Рабочих, так и уставы брненского и лейпцигского рабочих обществ[2]. Социалисты немецкой национальности в Северной Чехии сотрудничали в духе интернационализма с чешскими рабочими, они активно поддерживали решения Эйзенахского съезда и на открытом рабочем собрании приняли приветствие Базельскому конгрессу Интернационала[3].

Такими путями идеи социализма проникали также в среду чешских рабочих в чешских землях и становились им близкими. Перед рабочими немецкой национальности в Цислейтании стояла важная задача: привлечь на сторону социализма и Интернационала и чешских рабочих в чешских землях.

* * *

В шестидесятых и семидесятых годах XIX века чешские земли были сравнительно развитыми в промышленном отношении и занимали передовое место в экономике габсбургской монархии. И там происходил переход от мануфактурного к фабричному производству, преобладавшему главным образом в текстильной промышленности, в машиностроении и в отраслях, обрабатывавших сельскохозяйственные продукты. Текстильные фабрики строились преимущественно в северочешских пограничных областях и в Моравии, в Брненской обла-

[1] Крош писал в органе австрийских социалистов: «Либерец, 15 июля. Вчера здесь состоялось *собрание* рабочих, на котором была единогласно принята социал-демократическая программа. Одновременно было решено создать рабочее общество по образцу «Рабочего просветительного общества» в Вене. Й. К.» («Volksstimme», 25. Juni 1869, S. 77).

[2] *Václav Peša*. «K počátkům socialistického hnutí na Liberecku». «Československý časopis historický». Praha, roč. IV, 1956, č. 4, s. 655.

[3] «Vorbote», Mai 1870, S. 74.

сти, машиностроение развивалось прежде всего в Праге и ее окрестностях; обрабатывающая промышленность — в наиболее плодородных земледельческих областях. Собственницей крупных текстильных фабрик была немецкая буржуазия, в то время как чешская буржуазия большей частью была связана с мелким производством. Однако многие чешские предприниматели также постепенно становились крупными капиталистами, для которых немецкая буржуазия была сильным конкурентом.

При установлении дуалистического строя в 1867 г. на основе соглашения между господствующими классами Австрии и Венгрии не были учтены интересы чешской буржуазии, экономическое могущество которой все время возрастало. Чешская буржуазия хотела достигнуть политической власти, отвечающей ее экономическому положению, и поэтому добивалась автономии чешских земель в рамках монархии. С этой целью она провозглашала национальные лозунги, которые оказывали влияние на широкие слои населения. Ей удалось развернуть широкое национальное движение, которое завершило процесс формирования чешской буржуазной нации.

В то время чешская буржуазия делилась политически на два крыла: на так называемых «старочехов», представителей помещиков, промышленной и торговой буржуазии, то есть на консервативное крыло, и на «младочехов», либералов, выражавших интересы сельской и городской мелкой буржуазии. Младочехи находились в оппозиции к старочехам.

В конце шестидесятых и в начале семидесятых годов в чешских землях произошли дальнейшие социально-экономические изменения. Быстрое развитие промышленности сопровождалось ростом рядов фабричного пролетариата. Фабричные рабочие рекрутировались из мануфактурных подмастерьев и ремесленников, и в их сознании было много пережитков мелкобуржуазных взглядов. Несмотря на быстрое развитие фабричного производства, в чешских землях все еще преобладающее большинство пролетариата составляли сельскохозяйственные и мануфактурные рабочие, идейно связанные с мелкой буржуазией. Однако фабричные рабочие, как

немцы, так и чехи, начинали осознавать противоположность своих классовых интересов интересам немецкой буржуазии, так как испытывали на себе самую сильную эксплуатацию именно с ее стороны.

С целью укрепить свое руководящее положение в народе чешская буржуазия стремилась подчинить своему влиянию рабочее движение. Она пропагандировала среди рабочих организацию «самопомощи» по образцу Шульце-Делича, используя для этого издаваемую при ее материальной поддержке газету «Dělník»[1], идейным руководителем которой стал либеральный политик и экономист д-р Франтишек Хлеборад. Он проводил в газете мысль о том, что миссией рабочего движения является улучшение материального положения рабочих, которое надо поднять до уровня средних слоев. Средством для достижения этой цели должны служить капитал и образование, и поэтому Хлеборад советовал рабочим основывать кооперативы «самопомощи» и распространять просвещение. Среди политически неопытных чешских рабочих, связанных большей частью с мелким производством, буржуазная агитация на время достигла определенного успеха. Движение «самопомощи» распространилось не только в Праге, главном центре чешской промышленности, но и в провинциальных городах, захватив Либерецкую и Брненскую области. Кооперативные общества «самопомощи» отвлекали рабочих от классовой и политической борьбы, буржуазия использовала их как средство упрочения своего влияния среди рабочих и как преграду для проникновения социализма в рабочее движение. Однако уже осенью 1869 г. в Праге появилась оппозиция движению «самопомощи». Чешские рабочие постепенно, на основе собственного опыта приходили к заключению, что «самопомощь» не помогает рабочим и что улучшения материального положения можно достичь только путем политиче-

---

[1] «Dělník», Praha, roč. I, č. 1, 1. prosince 1867. В газете вскоре обнаружились две тенденции. Наряду с проповедью мелкобуржуазных теорий она стала также трибуной оппозиции против движения «самопомощи» и с 1869 г. начала пропагандировать социалистические идеи. Однако социал-демократической газетой она никогда не была.

ской и профессиональной борьбы, путем демократизации общественной жизни. Кооперативные общества постепенно переходили в руки буржуазии, движение «самопомощи» пришло в упадок и завершилось полным провалом.

В тот период, когда социалистическая агитация находила благодатную почву в Австрии и среди немецких рабочих в чешских землях, чешское рабочее движение оставалось еще тесно связанным с движением национальным. Чешские рабочие видели в «своей» буржуазии не только союзника, но и вождя в борьбе за осуществление демократических и национальных требований. Эти общие для обоих классов требования заслоняли у рабочих понимание их классового антагонизма с буржуазией. Впервые чешские рабочие убедились в том, что интересы чешской буржуазии отличны от их собственных, когда старочехи выступили в защиту антидемократических требований. Это помогло рабочим понять различие политических требований, но не означало еще действительного развития классового сознания. Большое влияние на рабочих продолжительное время оказывали младочехи, которые выступали за демократизацию политической жизни и введение всеобщего избирательного права, но в то же время заявляли, что рабочие могут улучшить свое положение только идя вместе со «своей» буржуазией. Поддерживая программу младочехов, рабочие принимали участие в открытых политических собраниях, организованных чешской буржуазией, но постепенно начали созывать и свои рабочие митинги, имевшие, однако, ту же националистическую направленность. Так продолжалось до начала семидесятых годов, когда политическое движение рабочего класса начало выходить на самостоятельный путь.

Отставание движения чешских рабочих в Праге и в других городах чешских земель по сравнению с центрами социалистического движения в других частях монархии имело свои причины. Прежде всего это было вызвано более медленным переходом от мелкого производства к крупной промышленности по сравнению с Веной, а также Либерецким и Брненским промышленными районами. Кроме того, именно Прага была центром чешского национального движения. Сохранению влияния

чешской буржуазии на рабочих способствовала не только ее националистическая агитация, особенно действенная в условиях национального угнетения и антидемократического режима, но и определенные ошибки австрийских социалистов в национальном вопросе. Австрийские рабочие, отвергая сепаратные националистические организации[1], вообще выступали против национального движения и тем самым игнорировали национальное угнетение. Отношение чешских рабочих к такой точке зрения австрийских социалистов выразил в то время передовой деятель пражского демократического рабочего движения типограф Ян Баворский. В статье «Венские рабочие» он, осуждая равнодушное отношение венских рабочих к национальному вопросу, выступал против сотрудничества австрийского и чешского рабочего движения[2]. Ошибочная, нигилистическая позиция австрийских социалистов в национальном вопросе мешала развитию чешского рабочего движения и играла на руку чешской буржуазии[3].

Одновременно с появлением оппозиции против Хлеборада в чешском рабочем движении возникло новое демократическое течение, базой которого служили пражские рабочие общества — «беседы». Оно стремилось к тому, чтобы пражские рабочие занимались не только просветительной, но также и политической деятельностью по примеру венского и брненского просветительных рабочих обществ. Это новое направление было тесно

---

[1] Часть чешских рабочих в Вене попала под влияние националистической пропаганды чешской буржуазии, с помощью которой в марте 1868 г. было основано сепаратное чешское рабочее общество. Однако уже в конце 1869 г. в обществе взяли верх социал-демократические тенденции и было налажено сотрудничество с австрийскими рабочими.

[2] Баворский писал: «Пути наши разные — мы признаем *братство рабочих,* однако оно *должно основываться на совершенно другой базе...*» («Dělník», 1. května 1868).

[3] В резолюции собрания венских рабочих 4 мая 1869 г. говорилось: «С осуществлением принципов социал-демократии национальный вопрос будет сам собой разрешен» («Volksstimme», 9. Mai 1869, S. 30). А в ответ на это газета «Český dělník» писала: *«В политической борьбе за права чешского народа рабочий класс будет всегда идти рука об руку с остальными классами»* («Český dělník», 15. května 1869, s. 3).

связано с профсоюзами и с младочехами, в то время как движение «самопомощи» продолжало поддерживать связь со старочехами. Базой консервативного направления в рабочем движении было ремесленное производство, демократическое ее течение опиралось на фабричный пролетариат и подчеркивало необходимость политической и профессиональной борьбы.

Наряду с участием в национальном движении чешские рабочие вели крупные социальные бои, в ходе которых развивалось и крепло их классовое сознание. В этих сражениях рабочий класс сталкивался не только с классом капиталистов, но и с государственной властью. Забастовка брненских текстильщиков летом 1869 г., охватившая почти все фабрики, углубила конфликт между рабочими и фабрикантами и снова показала, что государственная власть выступает в защиту капиталистов. Забастовка укрепила сотрудничество между немецкими и чешскими рабочими в Брно, став примером единых действий пролетариата обеих национальностей. Успехи рабочих в Брно подняли дух и пражских пролетариев, которые осенью того же года начали упорную борьбу за выполнение своих экономических требований. Общие интересы и сопротивление террору сблизили рабочих обоих городов, создав условия для более тесного их сотрудничества.

Таким образом, в 1867—1869 гг. движение чешских рабочих, еще молодое и слабое, приобрело первый опыт классовой и политической борьбы.

* * *

В 1869—1871 гг. в чешских землях наряду с социально-экономическими переменами произошли также и политические изменения. Из растущего чешского демократического национального движения выделилось политическое движение чешских рабочих, которое теперь было уже способно воспринять опыт международного рабочего движения. Под влиянием Международного Товарищества Рабочих и германской социал-демократии, а также при существенной помощи венских социалистов и немецких рабочих в чешских землях в среду чешских

пролетариев начинают постепенно проникать социалистические идеи.

Венское правительство решительно выступило против социалистической агитации в Цислейтании, усилившейся после Эйзенахского съезда. Социалистические общества были распущены, рабочая печать конфисковывалась, Эйзенахская программа была провозглашена опасной для государства, а членство в Интернационале каралось тюрьмой. Рабочие выступили против антидемократических мероприятий правительства, развернув в Либерце, Брно и главным образом в Вене движение за легализацию рабочих обществ. В борьбу против венского буржуазно-либерального правительства включились вместе с немецкими рабочими также и чешские. Так как проведение рабочих собраний, посвященных протесту против преследований рабочих обществ, было запрещено, эта борьба велась в значительной мере через прессу. Газета «Dělník» в статье «Наступление на политико-социальные общества»[1] выдвинула требование восстановления легальности социал-демократических обществ. В борьбе за защиту демократии сблизились пражские и венские рабочие. Установление взаимных связей создавало основу для распространения социалистических идей и принципов Устава Интернационала[2] также в рядах чешских пролетариев. В борьбе против преследований складывалось единство чешского и австрийского рабочего движения.

Рост социалистического сознания у передовых чешских рабочих можно проследить по статьям пионеров социализма, печатавшимся начиная с осени 1869 г. в газете «Dělník». Одна из первых таких статей под названием «Свобода, сплоти народы»[3] была посвящена меж-

[1] «Dělník», 29. října 1869, s. 30.

[2] Видный деятель чешского рабочего движения Йозеф Гибеш в своих воспоминаниях писал: «Для распространения социал-демократических теорий, что было особенно необходимо на начальном этапе движения, нам немало помогли документы и Устав учрежденного в то время Международного Товарищества Рабочих» (*Josef Hybeš*. «Křížová cesta socialismu». In: «Průkopníci socialismu u nás». Praha, 1961, s. 156).

[3] «Dělník», 26. listopadu 1869, s. 61—62.

дународным организациям. Положительно оценивая идеи Интернационала и его стремление объединить рабочих, автор в то же время выражал опасение, не будут ли ущемляться национальные интересы чехов в случае вступления чешских рабочих в Интернационал. Однако в общем статья свидетельствовала о большой притягательной силе идей Интернационала для чешского рабочего движения.

Среди первых пражских социалистов, пропагандистов социалистических идей, надо прежде всего назвать рабочего Йозефа Болеслава Пецку. В своих статьях он выдвигал последовательные демократические требования, ориентируя рабочий класс на политическую борьбу; в них заметно влияние некоторых принципов Устава Интернационала[1].

Борьба рабочих монархии за свободу и демократию велась в духе решений Эйзенахского съезда немецких социалистов. Во время огромной демонстрации перед венским парламентом 13 декабря 1869 г. участники ее требовали расширения демократических прав, что отвечало требованиям Эйзенахской программы. Вслед за венской демонстрацией последовали другие, главным образом в Либерце и Брно. Борьба венского пролетариата за политические права вызвала симпатию и в рядах пражских рабочих; на большом собрании они выступили в поддержку требований декабрьской демонстрации[2]. Взаимная поддержка в борьбе за общие

---

[1] В статье «Спасение рабочего класса и его будущее» Пецка писал: «Благо рабочего класса и его будущее должны находиться в его собственных руках. Пока судьба рабочих будет находиться в руках пристрастного правительства, они никогда не дождутся своего спасения!.. Цель рабочего класса такова: справедливое представительство в человеческом обществе. От самих рабочих зависит, достигнут ли они этой цели, никто другой им не поможет... Социально-политическая борьба, которую ведут рабочие против нападок различных либеральных умников, тоже связана с их спасением и будущим... Вождями рабочих должны быть люди, знающие очень хорошо их характер и положение... Рабочие, сплоченные и стремящиеся к одной цели, победят...» («Dělník», 17. prosince 1869, s. 78—79).

[2] Отклики на венскую демонстрацию в чешских землях подробно описывает Михаил Рейман в книге «Первые шаги чешского рабочего движения» (*Michal Reiman.* «U prvních dob českého dělnického hnutí». Praha, 1958, s. 134—137).

требования вносила дух интернационализма в среду рабочих чехов и немцев [1].

Дальнейшему усилению солидарности и преодолению национального недоверия между чешскими и немецкими рабочими способствовали крупные классовые столкновения весной 1870 г. в Либерецком промышленном районе. Бастующих поддержали и рабочие собственно чешских областей; они выступили против преследования забастовщиков. В результате этой совместной борьбы установились более тесные связи между рабочими обеих национальностей в Северной Чехии и произошло сближение их с рабочими собственно чешских областей. Рабочие начинали понимать силу организации и эффективность совместных действий, осознавать возможность и необходимость сотрудничества между чешским и немецким пролетариатом. Когда в мае 1870 г. в пражской тюрьме умер руководитель либерецких рабочих Йозеф Крош, его похороны превратились в первую мощную демонстрацию интернациональной солидарности пражских и немецких рабочих. В похоронах приняли участие, кроме либерецких социалистов, представители социал-демократов из Брно, Вены и Саксонии. Сотрудничество пражских и либерецких рабочих становилось более прочным, было решено созвать совместный митинг, чтобы выработать общую точку зрения и преодолеть различие во взглядах по национальному вопросу [2]. В принятой митингом резолюции признавалось равно-

---

[1] Об этом свидетельствует, в частности, отрывок из письма Яна Баворского: «Однако мы надеемся, что скоро увидим, как в Праге будет развеваться красное знамя, под которым объединятся для борьбы против общего врага чешские и немецкие социал-демократы» («Volkswille», 19. Februar 1870, S. 3. См. также *Václav Peša*. «Dělnické hnutí v Praze na přelomu 60. a 70. let XIX. století a vídeňské dělnické časopisy «Volksstimme» a «Volkswille»». In: «Sborník prací filosofické fakulty brněnské university». Roč. X. řada historická, č. 8. Brno, 1961, s. 526).

[2] Митинг происходил 7 августа 1870 г. на горе Эштед возле Либерца при участии 30 тысяч рабочих обеих национальностей. На митинге присутствовали представители рабочих обществ из Праги, Либерца, Вены и редактор газеты «Volksstaat» д-р Август Отто-Вальстер из Дрездена. Подробности приведены в книге: *Jiří Kořalka*. «Vznik socialistického dělnického hnutí na Liberecku». Liberec, 1956, s 193—210.

правие чехов и немцев на демократической основе, осуждалась национальная ненависть и подчеркивалась необходимость сотрудничества рабочих обеих национальностей. Основой для дальнейшего сотрудничества были объявлены некоторые основные требования Эйзенахской программы. Была принята также резолюция, содержавшая призыв к созданию рабочих обществ на основе принятых требований.

Митинг на горе Ештед вызвал большое воодушевление у рабочих обеих национальностей. Он превратился в грандиозную манифестацию братания чешских и немецких рабочих, которая свидетельствовала о дальнейшем усилении взаимного доверия рабочих обоих народов, укрепила дружбу и сотрудничество между социалистическими пролетариями Либерца и демократическими рабочими Праги. Это укрепление произошло на основе признания демократических требований чешского рабочего класса и договоренности о совместных действиях. Принятие некоторых пунктов Эйзенахской программы как общих требований рабочих обеих национальностей было важным шагом в развитии самостоятельного рабочего движения в чешских землях. Однако для того чтобы действительно включить эти пункты Эйзенахской программы в свою программу, чешский рабочий класс должен был накопить дальнейший собственный опыт политической борьбы.

Вспыхнувшая в 1870 г. война между Францией и Пруссией повлияла на политическую жизнь европейских народов и государств и на развитие рабочего движения. Обострилось внутреннее положение и в Цислейтании. Австрийская либеральная буржуазия считала, что победа Пруссии ускорит процесс объединения Германии и усилит ее позиции в борьбе против движения угнетенных народов австро-венгерской монархии. Правда, венское правительство по ряду причин сохраняло нейтралитет в течение всей войны.

Международное Товарищество Рабочих ясно и четко выразило свое отношение к войне. Его документы, написанные Марксом и Энгельсом, помогли передовым рабочим европейских стран выработать свою тактику по отношению к войне. Деятельность Интернационала в

этот период способствовала распространению и укреплению его влияния, дальнейшему проникновению идей научного социализма в широкие массы рабочих. Чешская демократическая печать публиковала документы Международного Товарищества Рабочих и его секций в связи с франко-прусской войной. Позиция Интернационала, немецких и австрийских социал-демократов и проводившаяся на ее основе республиканская и социалистическая агитация находили большой отклик в чешском рабочем движении. Передовые чешские рабочие, использовавшие газету «Dělník» для распространения идей Интернационала, с самого начала войны были на стороне народов против их правительств и ожидали приближения того момента, когда исполнятся их стремления. В статье «Голову выше!» эта газета писала: «Братья! Вскоре мы станем хозяевами положения. Дерево социализма в полном цвету. Будем ухаживать за ним тщательно и прилежно, как хорошие садоводы, чтобы никакая буря не погубила его плодов. Его плодами будет наше освобождение; его плодами *будет поражение подлецов, тунеядцев и паразитов на нашем здоровом теле; его плодами будет справедливость, правда и право*...» [1].

Во время франко-прусской войны социалистические идеи стали проникать и в пражские рабочие «беседы», где находился центр тяжести демократического рабочего движения. Особенно выделялась Малостранская рабочая «беседа», деятельность которой была посвящена главным образом политическим вопросам и социальному положению рабочих [2]. «Беседа» пропагандировала также

[1] «Dělník», 1. srpna 1870, s. 190.

[2] За политической активностью Малостранской рабочей «беседы» внимательно следила полиция, и в апреле 1871 г. ее деятельность была приостановлена властями на том основании, что не только в помещениях «беседы», но и на других сходках рабочих проводится социал-демократическая агитация (*Pavla Vrbová*. «Ke vzniku a charakteru tak zvaných dělnických besed v devadesátých letech 19. století v Praze». «Československý časopis historicky». Praha, 1957, roč. V, č. 1, s. 133).

Председатель Малостранской рабочей «беседы» Ян Баворский писал о ее характере: «Малостранское рабочее общество — одно из самых активных и лучших рабочих обществ в Праге, в котором почти половина членов — социал-демократы, находится под постоянным надзором полиции» («Volkswille», 19. Februar 1870, S. 3).

идеи Интернационала. На конец июля 1870 г. был намечен доклад Яна Баворского «О Международном Товариществе Рабочих, его происхождении, организации и деятельности в Европе». Однако полиция запретила высказываться об актуальных вопросах международного рабочего движения [1].

Немалую роль в переходе чешских рабочих на позиции Интернационала сыграла деятельность чешских эмигрантов в США. Передовые деятели из среды чешских рабочих в Нью-Йорке основали в середине 1870 г. чешскую секцию Интернационала [2], которая стала называться «Чехославянское рабочее общество» и впервые открыто выступила во время франко-прусской войны. Она в полном составе приняла участие в общем собрании всех нью-йоркских секций Интернационала в ноябре 1870 г., которое выразило протест против продолжения войны Пруссии с Французской республикой.

Деятельность секции имела большой отклик в чешских землях. Газета «Dělník» напечатала обширный отчет об учредительном собрании секции и текст ее устава [3]. В той же газете были опубликованы широкие комментарии собственного корреспондента газеты по поводу вышеуказанного собрания нью-йоркских секций и напечатаны принятые этим собранием резолюции [4]. В помещенном в газете письме из Нью-Йорка говорилось о росте числа сторонников Интернационала в Соединенных Штатах и о создании Центрального комитета Интернационала для Америки [5]. Автор письма рассматривал чешскую секцию как передовой отряд

---

[1] Státní ústřední archív. Praha, PP 1870/75, V 6/3, N 3537/1870.

[2] Чешская секция Интернационала в Нью-Йорке была секцией № 3. Она была создана после известной немецкой секции № 1 и французской секции № 2. Успешное сотрудничество чешской секции с немецкими рабочими-иммигрантами, а также с американскими рабочими способствовало тому, что передовые чешские пролетарии избавлялись от узкой национальной изолированности в своих обществах и включались в общее движение рабочего класса Соединенных Штатов. Создав собственную секцию, чешские рабочие заняли место в передовых рядах революционного американского и международного рабочего движения.

[3] «Dělník», 15. listopadu 1870, s. 49—50; 1. prosince 1870, s. 65.

[4] Там же, 1 февраля 1871 года.

[5] Там же, 1 мая 1871, стр. 203.

чешского народа в его борьбе за свободу, равенство и братство, подчеркивая необходимость и значение представительства чешской секции в Центральном комитете. Печатание отчетов и документов о деятельности чешских передовых рабочих в Соединенных Штатах свидетельствовало о согласии редакции газеты с их содержанием, о тесной связи пражских рабочих с чешской секцией и об их интересе к развитию движения чешских рабочих за границей под знаменами Интернационала.

Великая Парижская Коммуна, эта первая попытка рабочего класса установить диктатуру пролетариата, вызвала живой отклик и в чешских землях. Старочехи с самого начала держались враждебно по отношению к Парижской Коммуне, их газета «Pokrok» нападала на героических коммунаров и била в набат против социализма и его сторонников. Младочехи, стремясь сохранить свое влияние среди рабочих, не высказались открыто против Коммуны, и их печатный орган наряду с сообщениями версальского правительства публиковал также декреты Коммуны. Позиция старочехов помогала рабочим уяснить классовые противоречия между ними и чешской буржуазией, однако большинство рабочих все еще не освободилось от влияния младочехов.

Парижская Коммуна вызвала энтузиазм во всех центрах рабочего движения габсбургской монархии, рабочие с гордостью встали на ее сторону, выступив на защиту коммунаров, против нападок и клеветы реакции. Наиболее передовая часть чешских рабочих восторженно приветствовала Коммуну и твердо верила в успех рабочего правительства. В статье «Парижское восстание» газета «Dělník» писала: «Если Красные захватят в Париже власть, то незачем думать, что будет господствовать несчастная анархия. Не верьте этому; если они победят, то сумеют, безусловно, очень хорошо упорядочить как личные, так и прочие интересы. Если когда-нибудь *победит революция,* то это будет большой шаг вперед; этим народ достигнет огромных успехов»[1].

На примере Парижской Коммуны рабочие все больше убеждались в общности их интересов и в необходи-

---

[1] «Dělník», 1. dubna 1871, s. 175.

мости совместной борьбы пролетариата всех стран. Коммуна явилась новым могучим толчком для восприятия социалистических идей чешскими рабочими. В Праге произошла дальнейшая, более глубокая дифференциация между консервативным и демократическим направлениями в рабочем движении. Под влиянием Коммуны сформировалось самостоятельное социалистическое ядро пражских рабочих, возглавляемое Йозефом Болеславом Пецкой. В Либерецкой, Брненской и других областях под влиянием Коммуны усилилась экономическая борьба рабочих, сплачивались их ряды. Стремление к единству проявилось в попытке разработать единую программу для чешских рабочих Чехии и Моравии на собрании делегатов рабочих обществ, состоявшемся в Праге в октябре 1871 года[1].

Благодаря Парижской Коммуне возрос интерес чешских пролетариев не только к борьбе рабочих во Франции и Германии, но и ко всему международному рабочему движению и особенно к Интернационалу. Передовые отряды чешского рабочего класса знакомились с принципами Международного Товарищества Рабочих и привлекали на его сторону новых сторонников социализма. О большом интересе чешских рабочих к Интернационалу и социализму свидетельствует также полемическое выступление выражавшей взгляды консервативного направления газеты «Dělnické Noviny» против Интернационала и социалистической агитации среди рабочих. В статье «Международное единство» эта газета была вынуждена признать, что идеи Интернационала распространились в ряде стран и приобрели сторонников также в Австрии, что их последователи находятся и среди рабочих Праги. Газета выражала надежду, что Интернационал «теперь начнет медленно чахнуть, хиреть, пока не будет похоронен»[2]. Однако надежды консерваторов не сбылись. Идеи Интернационала все лучше воспринимались рабочими. Доказательством этого была также судьба газеты «Dělník»,

---

[1] *Jaroslav Purš.* «Tábory v českých zemích 1868—1871». «Československý časopis historický». Praha, 1958, roč. IV, č. 4, s. 686—687.

[2] «Dělnické Noviny», 8. července 1871, s. 147.

которая после изгнания из редакции в середине 1871 г. Йозефа Болеслава Пецки стала выступать против социалистической агитации и пропагандировала теории «самопомощи». Эти писания не вызывали теперь никакого интереса среди рабочих, газета потеряла свое влияние и вскоре закрылась.

Социалистическое ядро пражских рабочих не имело своего органа, через который оно могло бы пропагандировать свои взгляды и привлекать рабочих на сторону социализма. Для основания своей собственной газеты у него не хватало сил. Сознавая, что определенные слои чешских рабочих еще находятся под влиянием младочехов, социалисты решили наладить временное сотрудничество с левым крылом младочехов. Первым результатом этого было создание общего комитета по изданию новой рабочей газеты «Dělnické Listy». В редакцию вошли представители как младочехов, так и консервативного направления в рабочем движении, однако социалисты постепенно завоевывали все более сильные позиции. Уже через полгода после основания газеты редакция заявила, что хочет писать о рабочих делах «с чисто рабочей точки зрения», что она будет помещать материалы и «о социализме, о социал-демократии других стран» [1]. Уже в первых номерах газеты печатались сообщения об Интернационале, о росте числа его сторонников в Западной Европе. Одновременно разъяснялась организационная структура Товарищества [2].

В 1872 г. чешские рабочие имели уже две рабочие газеты. Кроме газеты «Dělnické Listy» немецкими и чешскими социалистами в Брно издавалась чешско-немецкая газета «Noppeisen». На ее страницах выступали социалисты не только Брно, но и Праги.

1869—1871 гг. явились важным этапом в развитии рабочего движения в чешских землях. Интернациональ-

---

[1] «Dělnické Listy», 4. října 1872, s. 181.

[2] В примечании редакции к сообщению *«В Италии»* говорилось: «Международное Товарищество состоит из *«секций»,* из которых каждая включает членов общества, находящихся в одном месте. Каждая *секция* сама решает свои внутренние дела, в вопросах же международных она подчиняется Лондонскому Генеральному Совету» («Dělnické Listy», 2. února 1872, s. 25).

ная позиция передовых чешских рабочих способствовала установлению сотрудничества с австрийским рабочим классом и немецкими рабочими в чешских землях, постепенному принятию требований Эйзенахской программы, сознательному усвоению идей Интернационала особенно в связи с франко-прусской войной и Парижской Коммуной. Под влиянием этих международных событий чешские рабочие начали осознавать необходимость интернационального сплочения рабочего класса.

* * *

Опыт Парижской Коммуны выдвинул на первый план перед отдельными отрядами международного рабочего движения задачу создания самостоятельных политических партий рабочего класса. В западноевропейских странах уже созревали условия для создания таких партий. Лондонская конференция Интернационала в сентябре 1871 г. в своей XI резолюции выдвинула в качестве главной задачи рабочего класса создание политической партии в каждой стране[1].

Крупнейшим событием в международном рабочем движении явился V конгресс Интернационала, состоявшийся в сентябре 1872 г. в Гааге. Конгресс подтвердил решения Лондонской конференции, указав на неизбежность перехода к новым организационным формам и новой тактике и обосновав необходимость создания массовых политических партий рабочего класса.

Вопрос о создании социал-демократической партии назревал также и в рабочем движении Цислейтании. Уже в августе 1868 г. на IX венском собрании рабочих был избран комитет, который должен был стать первым руководством партии. И хотя венское правительство распустило этот комитет и партия не была оформлена, но в рабочем движении говорилось с тех пор о социал-демократической партии. Тогда венские социалисты еще не стремились создать партию в общегосударственном

[1] Сообщения о работе Лондонской конференции Интернационала и о ее решениях были напечатаны в двух пражских газетах: в младочешской газете «Národní Listy», 16. listopadu 1871, s. 2 и в либеральной немецкой газете «Politik», 29. Dezember 1871, S. 3.

масштабе, речь шла только о местном объединении социал-демократических обществ. Присоединение социалистического движения Цислейтании к созданной в Эйзенахе социал-демократической партии Германии в качестве ее основной части и непонимание сущности многонационального государства тормозили процесс создания самостоятельной политической партии пролетариата. Рабочие отдельных национальностей в монархии должны были сначала порвать с буржуазным национальным движением, занять правильную позицию в национальном вопросе и объединиться на общей идейной основе. Рабочие Цислейтании и всей многонациональной габсбургской монархии могли объединиться только на базе принципов пролетарского интернационализма.

Объединению рабочих разных национальностей оказал значительную помощь Интернационал и особенно Гаагский конгресс, подготовка и работа которого широко освещались печатью Цислейтании. Буржуазные газеты внимательно следили за работой конгресса, и их подробные сообщения, часто от собственных корреспондентов, являлись зачастую источниками информации и для рабочих. Немецкие рабочие в чешских землях узнавали о ходе конгресса из австрийских рабочих газет. Интерес чешских рабочих к Интернационалу в то время был настолько велик, что даже консервативные «Dělnické Noviny» опубликовали Устав Международного Товарищества Рабочих [1].

Особенно ярко отношение чешских пионеров социализма к Интернационалу отражалось в газете «Dělnické Listy». Во время подготовки Гаагского конгресса она перепечатывала сообщения из буржуазных венских и заграничных газет, в которых правильно комментировались принципы Интернационала и проводилось явное разграничение между Интернационалом и бакунинским

[1] «Dělnické Noviny», 21. září 1872, s. 192—193. В конце подробного сообщения о работе конгресса под названием «Конгресс Интернационала в Гааге» редакция подчеркивала, что она печатает Устав для более детального ознакомления с характером и ролью этого Товарищества и «другой цели опубликование этого документа не преследует» (там же, стр. 194).

Альянсом[1]. Газета помещала подробные сообщения об открытии и ходе работы конгресса. При этом наибольшее внимание было уделено отчету Генерального Совета. Содержание отчета было изложено полностью, причем многие места приводились дословно. Так, была процитирована часть отчета, посвященная процессу пештских социалистов, обвиненных в измене родине и привлеченных к суду за то, что они «приняли программу немецкого конгресса в Эйзенахе в 1869 г. и действовали в соответствии с этим»[2]. Целиком была перепечатана и заключительная часть отчета, в которой сравнивались результаты борьбы пролетариата до возникновения Интернационала с успехами, достигнутыми после его создания, и содержался призыв к укреплению международного единства рабочего класса. На видном месте был помещен полный текст решения конгресса о необходимости объединения рабочих в самостоятельную политическую партию[3]. Все это свидетельствовало о положительном отношении чешских рабочих к решениям конгресса и о понимании ими его значения. Показателем роста влияния Интернационала в чешских землях было также то, что среди делегатов из монархии был один чех, выступавший под псевдонимом Людвиг Хейм (настоящее имя его до сих пор не известно). Согласно протоколу Гаагского конгресса, записанному Зорге, он был представителем «чешской секции»[4] и на заседаниях конгресса поддерживал Маркса.

Первые чешские социалисты сознавали необходимость самостоятельных действий рабочих. В том же номере газеты «Dělnické Listy», в котором были опубликованы сообщения о конгрессе, была помещена статья «По прошествии года», посвященная первой годовщине основания газеты. В статье говорилось: «У нас *своя* газета, *совершенно своя, и в этом ключ ко всему дальнейшему...*

---

[1] «Dělnické Listy», 6. září 1872, s. 160.

[2] Там же, 4 октября 1872 г., стр. 185.

[3] Там же, 18 октября 1872, стр. 195.

[4] Protokoll des 5ten allgemeinen Kongresses der Internationalen-Arbeiter-Association im Haag, September 1872. In: «The First International. Minutes of the Hague Congress of 1872 with related documents». Edited and Translated by Hans Gerth. 1958, p. 12.

Только год *прошел,* а мы уже объединяемся в самостоятельную политическую партию, которая *знает, чего она хочет,* и независимо от всех, самостоятельно готовится принять участие в общей деятельности народа!»[1]. Идея самостоятельных политических выступлений рабочих, независимо от буржуазии все более пробивала себе путь. Однако этому препятствовало многолетнее сотрудничество рабочих с младочехами в борьбе против консервативной части буржуазии, это было связано с тем, что демократические требования еще не были удовлетворены. Гаагский конгресс усилил стремление социалистов избавиться от влияния буржуазии и создать самостоятельную политическую партию рабочего класса.

Распространению социалистических идей среди чешских рабочих пытались помешать как буржуазия, так и консервативные элементы в рабочем движении. С этими попытками боролись передовые чешские рабочие — сторонники Интернационала. Так, когда противники социализма организовали в Пльзне 8 декабря 1872 г. собрание, на котором поставили доклад против Интернационала и против газеты «Dělnické Listy», оно фактически вылилось в демонстрацию солидарности с Интернационалом. Об этом с раздражением писала старочешская газета «Pokrok» в антисоциалистической статье «Рабочие вожди», в которой она нападала на газету «Dělnické Listy» и всех сторонников Интернационала[2]. Эти нападки поддержала консервативная «Dělnické Noviny»; она перепечатала эту статью, восхваляя при этом «Pokrok» как орган «передовых вождей народа»[3].

Под влиянием Интернационала и с помощью германской социал-демократии рабочее движение в Цислейтании перешло от расплывчатой программы, отвечавшей периоду стихийного развития, к выработке программных

---

[1] «Dělnické Listy», 4. října 1872, s. 182.

[2] В заключительной части статьи говорилось: «Кто хочет называться чехом и патриотом, должен отвернуться от социализма. Учение Интернационала похваляется тем, что не знает ни родины, ни национальности, и оно их действительно знать не может, оно знает только социальный переворот. Социализм и патриотизм несовместимы!» («Pokrok», 15. prosince 1872, s. 1).

[3] «Dělnické Noviny», 21. prosince 1872, s. 241.

документов, основывающихся на марксистском учении. В газете «Dělnické Listy» 3 января 1873 г. под заголовком «Чего мы хотим»[1] была опубликована программа, за которую намеревалась бороться газета. В этой первой самостоятельной программе чешские рабочие-социалисты заявляли, что они будут добиваться политической свободы и общественного равенства, защищать чешскую национальность, права народа и родины, исходя из социал-демократических принципов. Программа провозглашала, что существовавшие до этого политические организации рабочих хотя и способствуют борьбе за улучшение социального положения рабочих, но не могут оставаться единственной формой движения. Выдвинутые в программе частичные политические и социальные требования были аналогичны требованиям эйзенахской социал-демократии. Первая социалистическая программа чешских рабочих была веским ответом на клевету старочехов, утверждавших, что патриотизм и социализм несовместимы. После опубликования программы пражская газета «Dělnické Listy» стала органом чешских рабочих в Вене, Брно и других городах.

Теперь передовые чешские рабочие уже понимали, что чешский фабрикант такой же эксплуататор, как и предприниматель немецкой национальности[2]. В то же время младочехи внимательно следили за ростом классового сознания чешского пролетариата и стремились удержать его в рамках национального движения. В так называемом новогоднем послании[3] они проводили мысль о сотрудничестве всех слоев народа, выдвинув лозунг «Дружно к победе!». В ответ на призыв младочехов газета «Dělnické Listy» в передовой статье высказалась за сотрудничество в борьбе, но не за привилегии буржуа-

---

[1] См. также «Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864—1874», s. 243—244.

[2] «Dělnické Listy» писала: «Времена меняются, и недостаточно теперь все мерить национальным масштабом. Чешский рабочий понял, что фабрикант может быть очень «хорошим патриотом» и при этом эксплуатировать своих рабочих, и поэтому недостаточно судить о нем только с национальной точки зрения. Уже пора смотреть на вещи с точки зрения чисто рабочей...» («Dělnické Listy», 3. ledna 1873, s. 236).

[3] «Národní Listy», 1. ledna 1873, s. 1.

зии, а за широчайшую политическую свободу и социальное равноправие[1]. В этой борьбе совместно с младочешской левой, говорилось далее в статье, рабочие «ради согласия» не откажутся от своих принципов.

Рабочие немецкой национальности в Цислейтании после Гаагского конгресса также разработали новые самостоятельные программные принципы. Хотя основой деятельности служила Эйзенахская программа, продолжала еще официально существовать социал-демократическая программа, принятая в августе 1868 г., а среди венских рабочих все еще были сильны националистические и оппортунистические тенденции. Новая революционная ориентация в австрийском рабочем движении пробивала себе путь в ожесточенной борьбе против этих буржуазных теорий[2]. Сторонники радикального направления, руководимого Андреасом Шёем, на собрании, состоявшемся в июне 1873 г. в Вене, отказались от программы 1868 г. и выступили с собственным программным заявлением. Основные положения этой новой программы базировались на решениях Гаагского конгресса и Эйзенахской программе, в ней подчеркивалось значение рабочей партии и ее борьбы: «Австрийской рабочей партии совершенно необходимо установить свои принципы на основе твердой и ясной программы, чтобы она могла участвовать в общей борьбе рабочих за свое политическое и экономическое освобождение»[3]. В резолюции, принятой на собрании, предлагалось созвать съезд для создания всеобщей рабочей партии.

Принятие принципов Интернационала двумя главными отрядами рабочего класса Цислейтании стало идейной и политической основой для создания единства

---

[1] «Dělnické Listy», 17. ledna 1873, s. 243.

[2] Столкновение между революционными и оппортунистическими элементами произошло позднее, когда один из лидеров венских рабочих Генрих Обервиндер со своими сторонниками проводил в обществе «Фольксштимме» оппортунистическую политику поддержки либеральной правительственной реформы. Несогласная с этим группа социал-демократов во главе с Андреасом Шёем вышла из «Рабочего просветительного общества» и привлекла на свою сторону ряд рабочих обществ в австрийских и чешских землях.

[3] «Dělnické Listy», 18. července 1873, s. 355.

рабочих всех наций и национальностей и его закрепления в политической партии пролетариата.

Но для осуществления этой цели надо было устранить различия во взглядах между австрийскими и чешскими рабочими. Решению этой задачи в значительной мере содействовало обсуждение на собрании чешских рабочих в Вене 17 августа 1873 г. вопроса «Об отношении чехославянских рабочих к программе австрийских рабочих». Это собрание и его решения явились ответом на июньское собрание австрийских рабочих. Чешские рабочие в Вене летом 1873 г. еще выступали за создание самостоятельной политической партии, которая боролась бы за общие требования и с этой целью организовала бы рабочих чешской национальности. Такая партия выступала бы солидарно с рабочими других национальностей. Выступавшие на этом собрании ораторы указывали на то, что из одинакового положения рабочих любой угнетенной нации вытекает необходимость совместной борьбы за национальное равноправие. Поэтому в принятой резолюции содержалось решительное требование *«созыва съезда рабочих всех национальностей, проживающих в Австрии, которые договорились бы о совместной программе, особенно по национальному вопросу, такому важному в Австрии... и таким образом сделали бы возможным объединение всех рабочих без различия национальности для совместных действий за освобождение от угнетения духовного и материального»*[1]. Чешским рабочим в Вене принадлежит та заслуга, что, последовательно добиваясь обсуждения национального вопроса, они способствовали созданию условий для объединения рабочих различных национальностей.

Решения этого собрания чешских рабочих в Вене обсуждались в австрийских и чешских рабочих обществах, в рабочей печати. Так, газета «Dělnické Listy» в статье «Чехославянские рабочие в Вене» приветствовала положительное отношение австрийских рабочих газет к этим решениям. В статье особенно подчеркивалось высказанное этими газетами пожелание того, чтобы чешское рабочее движение развивалось в том направлении, которое

[1] «Dělnické Listy», 5. září 1873, s. 382.

должно привести к установлению единства рабочего движения всех населяющих монархию наций на основе общих целей и взаимной поддержки. Подробно разъясняя идеи, высказанные на собрании чешских рабочих, газета указывала на международный характер рабочего движения. Газета писала: «Цель свою рабочий класс уже наметил, и эта цель не разделяет и не раскалывает рабочих, она сияет одинаково перед всеми. Отдельные отряды рабочего класса могут отличаться друг от друга, но в совокупности они останутся всегда одним и тем же, интересы у них — общие. У рабочих одинаковые нищета и тяготы; к рабочим мир всюду не благосклонен, и поэтому рабочим не остается ничего другого, как защищаться от этого одинаковыми средствами, то есть совместно бороться за единую великую цель» [1]. Далее в статье говорилось о необходимости принятия всеми чешскими рабочими тех принципов, которыми руководствуется развитое рабочее движение на Западе, и отмечалось, что одной из важных задач чешского рабочего движения является участие во всеавстрийском съезде и разработка совместной программы.

По мере приобретения чешскими рабочими опыта и распространения среди них социалистических идей совершенствовалась и программа, опубликованная в январе 1873 года. К началу 1874 г. редакция газеты «Dělnické Listy» разработала новое программное заявление. Частичные требования, содержавшиеся во вновь разработанной программе, представляли еще более полное выражение принципов Эйзенахской программы, которые были только в деталях изменены и дополнены [2].

---

[1] «Dělnické Listy», 3. října 1873, s. 399.

[2] Программа, напечатанная в первом номере газеты «Dělnické Listy» от 2 января 1874 г. под названием «Чего мы хотим», была конфискована. Во втором, «исправленном» издании того же номера газеты от 5 января 1874 г. название статьи было сохранено с примечанием о конфискации. Текст программы сохранился в переводе на немецкий язык, сделанном полицией, и находится в Государственном центральном архиве в Праге, PP 1870—75 P(19) 130 čj. 50/1874. Чешский текст программы был перепечатан в книге: *Jaroslav Marek.* «Šedesát let programové výstavby sociálně demokratické strany dělnické». Praha, 1927, s. 30.

Период подготовки съезда был использован для дальнейшей широкой пропаганды марксизма и принципов Интернационала. Газета «Dělnické Listy» опубликовала перевод отрывка из работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»[1] и статью Пецки «К истории Коммуны»[2], в которой было использовано написанное Марксом воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Гражданская война во Франции».

После провозглашения общих требований рабочего класса во всех центрах Цислейтании, после того, как венские рабочие отказались от ошибочных принципов организационной перестройки партии и начали постепенно подходить к правильному пониманию национального вопроса, были выяснены остававшиеся до тех пор не разрешенными вопросы взаимоотношений между австрийским и чешским рабочим движением. Теперь разработка совместной программы и создание единой организации были только вопросом времени. С инициативой созыва съезда выступили и основную подготовку его взяли на себя социалисты в Граце (Штирия). Рабочее движение жило предстоящим съездом. Социалисты Северной Чехии устроили дискуссию в связи с этим. «Dělnické Listy» в статье «Организуемся!» призывала рабочих: *«Объединимся в могучую самостоятельную рабочую партию,* организуемся на социал-демократических началах»[3]. В Праге был создан подготовительный комитет для Чехии и Моравии, который созвал на 2 февраля 1874 г. собрание делегатов рабочих обществ из чешских земель. Взаимные связи отдельных центров движения укреплялись, и в результате был созван съезд пролетарских организаций австро-венгерской монархии.

Съезд проходил нелегально в ночь с 5 на 6 апреля 1874 г. в Транслейтании, в городке Нейдорфле, вблизи Винер-Нейштадта. На съезде присутствовали 74 делегата, представлявшие 25 000 членов рабочих организа-

---

[1] «Dělnické Listy», 5. ledna 1874, s. 1—2 a. 6. února 1874, s. 18.
[2] Там же, 16 января 1874 г., стр. 10—11.
[3] Там же, 5 января 1874 г., стр. 4.

ций из всех частей монархии. Австрийские рабочие послали самую большую делегацию — 50 человек. В составе делегации из чешских земель были представители 22 городов, причем рабочих чешской национальности было 10 человек. Двумя заместителями председателя съезда были избраны представители из чешских земель — пражский делегат Йозеф Болеслав Пецка и руководитель либерецких рабочих Йозеф Шиллер. В работе съезда приняли участие и три делегата Транслейтании, среди которых один представлял братиславских рабочих. Съезд обсудил программу партии, обсудил и принял принципы организации партии и провозгласил создание Австрийской рабочей партии. Съезд избрал руководство партии, утвердил ее печатные органы и установил членские взносы.

В программе, принятой съездом, были поставлены конечные цели рабочего движения, выяснено отношение партии к национальному вопросу и сформулированы частичные требования рабочих. В основных пунктах программы провозглашалось: «Австрийская рабочая партия, связанная с рабочим движением всех стран, стремится освободить трудящихся от наемного труда и классового господства устранением современного, привилегированного капиталистического способа производства. Вместо этого она стремится достигнуть общественного, организованного государством производства материальных ценностей. Что касается национального вопроса, то она берет за основу право свободного самоопределения наций, не видя в национальном различии своих товарищей никаких препятствий к совместным усилиям для материального освобождения, наоборот, она видит единственную гарантию достижения определенных результатов в единых, братских действиях, в которых имеют равное право и одинаково обязаны участвовать рабочие всех национальностей» [1].

Пролетариат австро-венгерской монархии в Нейдорфльской программе с гордостью заявил о своей принадлежности к международному рабочему движению. Программа провозгласила целью рабочего движения

---

[1] «Dělnické Listy», 1. května 1874, s. 66.

свержение капитализма и установление социализма, хотя из-за низкого теоретического уровня движения в формулировках имелись неточности. В отличие от Устава Первого Интернационала и положений Эйзенахской программы здесь не были сформулированы положения о значении для рабочего класса политической борьбы и необходимости завоевания политической власти.

Важным вкладом в международное рабочее движение был пункт программы, касавшийся отношения партии к национальному вопросу. Социалисты всех наций и национальностей в монархии пришли в данных условиях к правильному пониманию интернациональных и национальных интересов рабочих. Они выдвигали требование права наций на самоопределение и добивались единства всего рабочего класса.

Во второй части программы были сформулированы требования демократических свобод и удовлетворения конкретных нужд рабочего класса. Эти требования представляли собой почти дословное повторение положений Эйзенахской программы.

Таким образом, принятая съездом программа была в общем построена на базе марксизма. Передовые рабочие австрийской монархии приняли принципы Интернационала и Эйзенахской программы сначала в отдельных центрах движения; на этой идеологической основе они постепенно объединились и приняли общую революционную программу. Созданная в апреле 1874 г. партия своей программой заложила идеологическую основу дальнейшего роста рабочего движения как движения социалистического и массового.

Несмотря на слабые стороны и недостатки, порожденные теоретической незрелостью рабочего движения, Нейдорфльский съезд означал значительный шаг вперед. Принятая им программа стала программой для всех рабочих монархии, так как в ней были выражены их общие требования и учитывались нужды рабочих угнетенных наций.

Учредительный съезд партии объединил идейно и организационно чешское рабочее движение с рабочим движением всей монархии. Чешский рабочий класс стал составной частью единого пролетарского фронта всей

монархии в целом. Это нашло свое подтверждение в той активной роли, которую играли чешские делегаты на съезде, в их участии в разработке программных установок по национальному вопросу, наконец, в том, что газета «Dělnické Listy» была провозглашена органом партии на чешском языке. «Dělnické Listy» и немецкий орган партии — «Gleichheit» напечатали одинаковые отчеты о решениях съезда[1]. В передовой статье газеты «Dělnické Listy», посвященной принципам Нейдорфльской программы, подчеркивалась главным образом идея интернационального единства рабочего движения[2]. Чешские рабочие таким образом безоговорочно вошли в единую рабочую партию и нашли в австрийских и немецких рабочих чешских земель верного союзника в борьбе за свои права. Это расширение организационной основы борьбы чешского пролетариата углубило его разногласия с младочехами и способствовало освобождению чешского рабочего движения из-под влияния буржуазии, утверждению его самостоятельности и независимости. Осенью 1874 г. чешские социалисты приступили к изданию новой газеты под названием «Budoucnost»[3].

---

[1] «Gleichheit», 11. April 1874, S. 1—2; 18. April 1874, S. 1—2. «Dělnické Listy», 1. května 1874, s. 65—66.

[2] В статье говорилось: «Рабочие всех стран уже давно были убеждены, что только выполнением этих требований они добьются лучшего будущего. Но они до сих пор разъединены и ослаблены, так как находятся в различных лагерях, поэтому их усилия не могли иметь такого веса, такой силы, какие необходимы против мощной коалиции недружелюбных к ним элементов. Но эта разнородность основывалась не на социально-политических началах, а только на национальных или местных... Чешские рабочие поняли определенные выгоды, вытекающие из объединения всех рабочих Австрии, они поняли, насколько лживы утверждения, будто благодаря этому чешские рабочие подчинились бы чужеземным элементам...» («Dělnické Listy», 15. května 1874, s. 73—74).

[3] Программа новой газеты была изложена в первом ее номере в обращении под названием «Сограждане и товарищи по работе!». Газета писала: «Освобождение нашего класса должно стать единственной целью нашего существования... Борьба за освобождение рабочего класса... это борьба за равные права и равные обязанности и за отмену всякого классового господства. Борьба за освобождение рабочего класса не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых господствует современное об-

Австрийская рабочая партия была основана как интернациональная партия всего пролетариата большого многонационального государства. Объединение рабочего движения господствующей нации и угнетенных национальностей в единую партию произошло на основе осуждения национального угнетения, признания права наций на самоопределение и принятия принципов пролетарского интернационализма. Рабочие Габсбургской империи на деле доказали, что единственно правильной и возможной формой совместных действий рабочих многих национальностей в едином государстве является создание интернациональной партии рабочего класса.

Создание революционной рабочей партии в австро-венгерской монархии было не только внутренним делом рабочих этого многонационального государства, оно стало важным событием и для всего международного революционного рабочего движения. Нейдорфльский съезд выполнил постановление Гаагского конгресса Интернационала о создании собственной политической партии рабочего класса. Была создана независимая от буржуазии политическая организация рабочих с собственной революционной программой. Создание ее приветствовал Генеральный Совет I Интернационала в Нью-Йорке, его орган «Arbeiter-Zeitung» и 1 немецкая секция Интернационала в Нью-Йорке[1]. Карл Маркс очень высоко оценил интернациональное сотрудничество чешских рабочих с австрийскими социалистами[2].

* * *

Развитие рабочего движения в чешских землях и во всей Австро-Венгрии в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века является подтверждением того, что

щество, и это освобождение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее развитых стран». Газета знакомила чешских рабочих с произведениями основоположников научного коммунизма, объясняла роль Интернационала и значение политической партии рабочего класса, уделяла внимание национальному вопросу и пролетарскому интернационализму.

[1] «Volksstaat», 16. September 1874, S. 2.

[2] К. Маркс — Ф. А. Зорге, 4 августа 1874 г. (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 533).

деятельность и влияние Интернационала означали поворот в истории международного рабочего движения. Под воздействием идей Международного Товарищества Рабочих, на основе собственного опыта революционной борьбы рабочее движение в австро-венгерской монархии пришло к созданию самостоятельной классовой организации пролетариата. Рабочие избавились от влияния буржуазии, преодолели как национализм, так и нигилистическое отношение к национальному вопросу в собственных рядах и приняли принципы пролетарского интернационализма. Объединение пролетариата в революционную политическую партию означало завершение усилий по созданию самостоятельного движения рабочего класса; это была кульминационная точка политического и идейного влияния Интернационала на рабочее движение в габсбургской монархии. В первые годы рабочего движения пионеры социализма не усвоили еще полностью теоретические основы научного социализма, однако они уже приняли некоторые положения марксизма. И хотя для них вопрос о диктатуре пролетариата не был еще вполне ясен, в целом они стояли на позиции революционного свержения буржуазного строя и решали задачи рабочего движения в духе Интернационала.

Совместные действия рабочих и закрепление их Нейдорфльским съездом в совместной программе и организации создали традицию братских отношений между немецкими и чешскими рабочими, традицию единого рабочего движения в чешских землях, в Цислейтании и во всей монархии как части всего международного революционного рабочего движения. Тем самым в Австро-Венгрии была создана надежная основа борьбы за социализм. Осуществление единства и солидарности рабочих многонациональной монархии при соблюдении полного равноправия имело большое значение для всего международного рабочего движения. Этот принцип стал впоследствии лозунгом как для русских большевиков, так и для международного революционного рабочего движения [1].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 209.

Идею международного единства пролетариата и сознание общности интересов рабочих разных национальностей и государств не сумели искоренить ни буржуазная клевета и нападки на Интернационал и Коммуну, ни националистическая позиция социал-демократии в эпоху империализма. В буржуазной и реформистской историографии Нейдорфльский съезд изображается как незначительный эпизод начальной стадии рабочего движения. Австрийская социал-демократическая историография, замалчивая интернационалистские традиции, считала моментом создания партии Гайнфельдский съезд социал-демократии в Цислейтании на рубеже 1888—1889 годов. Историческое значение Гайнфельдского съезда заключается в том, что он вновь объединил рабочее движение и выдвинул программу, которая «с точки зрения марксизма была самой продуманной программой, которая когда-либо была разработана социал-демократической партией в Австрии за все время ее существования»[1]. Однако Гайнфельдский съезд нельзя считать учредительным съездом партии, которая уже существовала ряд лет. Гайнфельдский съезд нельзя считать также завершением того периода развития рабочего движения, в течение которого проходил процесс усвоения революционных идей Интернационала и опыта Коммуны. Гайнфельдская программа явилась кульминационной точкой дальнейшей, качественно более высокой ступени усвоения марксизма. В Австро-Венгрии уже в семидесятых годах под непосредственным влиянием Международного Товарищества Рабочих и на основе собственного опыта рабочее движение было объединено и была создана единая партия. Признание Гайнфельдского съезда учредительным съездом партии означало бы игнорирование непосредственного влияния революционной международной организации на рабочее движение в габсбургской монархии.

С другой стороны, чешская буржуазная реформистская историография националистически выпячивает значение Бржевновского съезда Чехословацкой социал-де-

---

[1] «История Коммунистической партии Чехословакии». М., 1962, стр. 53.

мократии в 1878 году, хотя на этом съезде чешских рабочих была основана Чехославянская социал-демократия, но не как самостоятельная партия, а как особая организация чешских рабочих в рамках существующей рабочей партии, созданной в Нейдорфле. В результате недостатка опыта по строительству партии в многонациональном государстве чешские рабочие с ведома и согласия Центрального комитета, а затем съезда всей партии создали свою партийную организацию, но не по территориальному, а по национальному принципу. Программа, принятая в Бржевнове, была тождественна Нейдорфльской программе, в вопросе же права наций на самоопределение она была дополнена положениями Устава Первого Интернационала о том, что освобождение труда является социальной проблемой. Бржевновский съезд был значительным вкладом в дело укрепления рабочей партии всей Цислейтании.

Однако даже прогрессивная чехословацкая и австрийская историография долго недооценивала интернациональную традицию рабочего движения. Хотя передовые деятели чешского рабочего движения в начале нашего века, а также выдающиеся чешские коммунистические публицисты в период между двумя мировыми войнами отмечали ее в своих статьях и работах, только с развитием марксистской историографии после второй мировой войны и главным образом в связи с работой над учебником по истории КПЧ чехословацкие историки вместе с австрийскими историками-марксистами приступили к более основательному исследованию начального периода рабочего движения, особенно подчеркивая его интернациональный характер и роль Международного Товарищества Рабочих в его развитии.

На принципы, провозглашенные Нейдорфльским съездом, опирался Гайнфельдский съезд, на решения которого оказал влияние Фридрих Энгельс. В ходе дальнейшего развития рабочего движения в эпоху империализма как австрийская, так и чешская социал-демократия игнорировали решения обоих съездов; реформисты изменили интернациональному сотрудничеству рабочих, и движение раскололось по национальному

признаку. Только основание Коммунистической партии вернуло рабочему движению Чехословакии его интернациональную основу. Коммунистическая партия с самого начала своего существования встала на позиции пролетарского интернационализма. Она возникла как часть международного коммунистического движения и всегда была и остается одним из передовых и боевых его отрядов.

К. Л. СЕЛЕЗНЕВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

(1864—1865 гг.)

Передовые немецкие рабочие принимали непосредственное участие в создании и всей деятельности Первого Интернационала и сыграли большую роль в той борьбе за торжество идей научного социализма, принципов пролетарского интернационализма, которая развернулась в этой организации. В то же время деятельность Международного Товарищества Рабочих имела большое значение и для самого германского рабочего класса, для вовлечения широких масс немецких пролетариев в классовую борьбу, для их идейного развития. Именно это идейное развитие рабочего класса Германии, формирование «теоретического смысла у рабочих», как говорил Ф. Энгельс [1], дало ему возможность уже в годы I Интернационала обогнать и английское рабочее движение, с его высокой профессиональной организованностью отдельных отрядов рабочего класса, и французское движение, с его давними традициями живой политической борьбы, и основать раньше, чем в других странах, массовую политическую партию, стоящую на почве научного социализма. Ведущую роль в международном рабочем движении, завоеванную рабочим классом Германии в годы I Интернационала и в значительной степени под его влиянием, он продолжал

---

[1] *Ф. Энгельс.* Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 498).

сохранять на протяжении ряда последующих десятилетий [1].

На ту роль, которую в Международном Товариществе Рабочих играли немецкие пролетарии, указывал уже в первой печатной истории Интернационала, появившейся в 1868 г. [2], молодой немецкий социалист Вильгельм Эйххоф. Он отметил рост «немецкого элемента среди делегатов конгрессов Товарищества» [3] и подчеркнул, что в Германии существуют [4] «многие группы» Интернационала, а помощь бастовавшим весной 1868 г. женевским рабочим оказали многочисленные организации *германских* рабочих: Рабочий союз в Ганновере, Рабочий просветительный союз в Гамбурге, строители Шверина, рабочие из Ростока, Каукемена, Золингена, Союз портных в Маннгейме, рабочие просветительные союзы в Эслингене и Мюнхене [5].

Выдающийся историк германского рабочего движения Ф. Меринг справедливо отмечал, что «на развитие германской социал-демократии Интернационал оказал благотворное и прочное влияние» [6]. Но Мерингу не уда-

---

[1] Характерно, что анархисты упорно не желали признавать эту роль. Так, даже в 1869 г., когда германский рабочий класс уже создавал свою классовую политическую партию, которой не было еще ни в Англии, ни во Франции, секретарь Романского федерального комитета Интернационала Перре высокомерно исключал Германию из числа стран «революционного рабочего движения» и относил ее наряду с Англией к числу «стран медленного развития рабочего класса» (А. Перре — Г. Эккариусу. Март 1869 г. О содержании этого письма мы знаем из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 14 марта 1869 г. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 222).

[2] Строго говоря, первой была работа П. Лафарга «Краткий обзор развития Международного Товарищества Рабочих» («Rive Gauche» № 24, 17. VI. 1866). Но это была газетная статья.

[3] *W. Eichhoff*. «Die Internationale Arbeiterassoziation. Ihre Gründung, Organisation, politisch-sociale Tätigkeit und Ausbreitung». Berlin, 1868, S. 5, 26.

[4] Речь идет о 1868 г., т. е. о позднейшем времени.

[5] *Eichhoff*. Op. cit., S. 74, 39.

[6] *Ф. Меринг*. «История германской социал-демократии». М. — Л., 1923, т. III, стр. 168. Своими работами Меринг, указывает современный марксистский историк И. Шлейфштейн, способствовал «правильному освещению исторического значения I Интернационала и прежде всего его влияния на германское рабочее движение». Он «подчеркнул большое значение I Интернационала для охвата рабочих профсоюзами, для борьбы за ограничение законом продолжитель-

лось детально рассмотреть и отчетливо показать это влияние. Более того: неправильная оценка им лассальянства мешала ему проследить подлинные масштабы этого влияния в истории германского рабочего движения. Ф. Меринг полагал, что «число немецких рабочих, непосредственно примкнувших к Интернационалу, всегда было очень незначительно...»[1]. Этот взгляд представляется нам ошибочным.

О том, какое гигантское международное значение придавал рождению пролетарской партии в Германии В. И. Ленин, выразительно говорит его вывод о *главном итоге* всего первого периода всемирной истории, начавшегося с появлением марксизма на исторической арене. «Рождаются, — писал Ленин, — самостоятельные *пролетарские* партии: Первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия»[2]. Ленин поставил *рядом* оба эти события. И между ними действительно существует глубокая внутренняя связь.

Современный германский историк-марксист Г. Гемков справедливо указывает, что «без влияния I Интернационала, без постоянной помощи, советов и критики К. Маркса, являвшегося в Генсовете секретарем для Германии, немыслимо возникновение и укрепление первой марксистской массовой партии в Германии, партии эйзенахцев»[3]. Однако анализ и освещение повседневной работы и многообразной деятельности I Интернационала в Германии требует, писал он, дальнейших интенсивных исследований[4].

Действительно, перед наукой открывается здесь много неизученных проблем. Каким образом, в силу каких внутренних причин германскому пролетариату удалось уже тогда, на ранней ступени его развития, когда

ности рабочего дня и за охрану труда» (*J. Schleifstein*. «Franz Mehring. Sein marxistisches Schaffen, 1891—1919». Berlin, 1959, S. 213).

[1] *Ф. Меринг*. Цит. соч., стр. 187.

[2] *В. И. Ленин*. «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 2).

[3] *H. Gemkow*. Zur Tätigkeit der Berliner Sektion der I. Internationale. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1959, Nr. 3, S. 515.

[4] Ibid., S. 516.

он еще только складывался, сыграть столь выдающуюся международную роль? В какой мере Интернационал оказывал влияние на рабочее движение Германии? И, наконец, какое место занимает в этом подъеме рабочего движения под влиянием Интернационала первый год его существования, со дня знаменитого митинга в Сент-Мартинс-холле (28 сентября 1864 г.) до открытия первой, Лондонской, конференции (25 сентября 1865 г.)?

Марксистские исследования истории I Интернационала и германского рабочего движения той поры, которым мы так многим обязаны [1], не исчерпали, разумеется, ответа на эти вопросы.

Чтобы ответить на них, необходимо, очевидно, исследовать состояние германского рабочего класса ко времени основания Интернационала, проанализировать борьбу, какую он повел в первый год существования Товарищества за свои экономические и политические требования. Нужно проследить, как зарождалось и укреплялось в недрах германского пролетариата чувство международной рабочей солидарности, как передовые рабочие делали свои первые шаги навстречу Международному Товариществу Рабочих, как возникали и крепли первые интернационалистические организации немецких пролетариев.

---

[1] См. *Ernst Engelberg*. «Die Rolle von Marx und Engels bei der Herausbildung einer selbständigen deutschen Arbeiterpartei (1864—1869)». In: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1954, Hf. 4, 5; *А. К. Воробьева*. «Из истории рабочего движения Германии и борьбы Маркса и Энгельса против Лассаля и лассальянства в 1862—1864 гг.». В сб. «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955; *G. Benser*. «Zur Herausbildung der Eisenacher Partei». In: «Beiträge zur Geschichte und Theorie der Arbeiterbewegung», 1956, Hf. 8; *K. H. Leidigkeit*. «Wilhelm Liebknecht und August Bebel in der deutschen Arbeiterbewegung 1862—1869». Berlin, 1957; *H. Gemkow*. Op. cit. *R. Dlubek*, *U. Hermann*. «Die Magdeburger Sektion der I. Internationale und der Kampf um die Schaffung einer revolutionären Massenpartei der deutschen Arbeiterklasse». In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1962, Sonderheft; *H. Hümmler*. «Opposition gegen Lassale. Die revolutionäre proletarische Opposition im Allgemeinen Deutschen Arbeiterverein 1862/1863—1866». Berlin, 1963.

В пределах данной статьи мы сможем, разумеется, коснуться лишь некоторых сторон этой темы и рассмотреть их по необходимости самым сжатым образом.

Мы лишены возможности дать здесь развернутую критику фальсификаторских работ буржуазных и реформистских историков. Отметим лишь, что освещение истории Интернационала с первых лет его существования стало — и является поныне — предметом ожесточенной идейной борьбы. Свои усилия враги рабочего класса сосредоточивают на попытках умалить влияние идей научного социализма на членов Интернационала и его деятельность — в частности в Германии. В 1933 г. меньшевик Б. Николаевский пустил в ход легенду, будто Маркс не только не содействовал всеми силами деятельности сторонников I Интернационала в Германии, но, напротив, «не оказывал поддержки» германским секциям МТР, так как легальная их деятельность была невозможна, а всякую противозаконную деятельность он будто бы «отвергал»[1]. Ту же версию Николаевский отстаивает и в своей недавней статье[2].

Современный западногерманский историк Г. Хейдеггер, вступая в полное противоречие с фактами, силится уверить читателей, что интернационализм был чужд германской действительности, и рабочее движение этой страны, которое «страдало от него несколько десятилетий», в дальнейшем от него избавилось[3].

* * *

Основание Международного Товарищества Рабочих явилось важнейшим со времени возникновения Союза коммунистов событием в истории международного освободительного движения рабочего класса. Рождение Товарищества было закономерным итогом длительного

---

[1] См. *B. Nikolajewsky.* Karl Marx und die Berliner Sektion der I. Internationale. «Die Gesellschaft». Berlin, 1933, März.

[2] *B. I. Nicolaevsky.* Who is Distorting History? (Woprosy Istorii and Karl Marx in 1848—1849). «Proceedings of the American Philosophical Society», 1961, v. 105, Nr. 2, p. 211.

[3] *H. Heidegger.* «Die deutsche Socialdemokratie und der Nationalstaat (1870—1920)». Göttingen, 1956, S. 20.

предшествующего движения пролетариата. Интернационал предстал перед миром, как «плод самопроизвольного роста пролетарского движения, которое, в свою очередь, порождается естественными и непреодолимыми тенденциями современного общества»[1]. Возникновение Товарищества должно было иметь глубокие последствия и для германского рабочего движения как одного из его отрядов.

Период 1864—1866 гг. был для Интернационала как бы периодом его конституирования — выработки программных положений и принципов внутреннего строения, роста вширь, образования секций на местах и Генерального Совета в центре, подготовки к созыву первого международного конгресса. Это был, как отмечал впоследствии Маркс, период относительно мирного, «спокойного поступательного развития»[2], подготовки к той фазе ожесточенной борьбы, в которую Товарищество вступило в 1867 году. Однако и в этот первый период Интернационалу пришлось выдержать ряд серьезных испытаний. Об этом красноречиво говорит летопись первого года его истории.

Немецкие рабочие, находившиеся в Лондоне, приняли, как известно, самое активное участие в историческом учредительном митинге. От их имени на митинге выступил И. Г. Эккариус и поддержал проект резолюции об основании Товарищества. Решение было принято под звуки революционных и народных песен, исполненных хором немецких рабочих. Эккариус и Маркс были избраны в президиум митинга и вошли в состав созданного участниками митинга «Временного комитета», превратившегося в дальнейшем в «Центральный» (Генеральный) Совет Интернационала.

Уже в первые недели существования Товарищества обнаружилась сильная тяга сознательных рабочих в эту организацию. На ряде заседаний Совет пополнил свой состав активными участниками рабочего движения разных стран Европы, находившимися в Лондоне. Среди

[1] *К. Маркс.* «Четвертый годовой отчет Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 336).

[2] Там же, стр. 331.

них наибольшую активность проявили германские рабочие-эмигранты. Именно они прежде всего откликнулись на призыв митинга и примкнули к Товариществу. Эккариус был избран на одном из первых заседаний вице-председателем Совета[1]. В дальнейшем он выполнял главную организаторскую работу в Совете и председательствовал на 26 из 47 заседаний, состоявшихся в течение первого года его существования[2]. Маркс и Эккариус привлекли к работе Центрального Совета видных представителей немецкой революционной эмиграции, находившихся в Лондоне. По предложению Маркса и при его поддержке в состав Совета были кооптированы портной Ф. Лесснер, живописец К. Пфендер и плотник Г. Лохнер, а также К. Кауб, Г. Боллетер и Л. Брейтшверт (Отто), позднее — К. Шаппер и другие.

Известно, что перу Маркса принадлежат первые программные документы, принятые Центральным Советом и определившие все направление деятельности Товарищества, — «Учредительный манифест» и «Временный устав». Под текстом этих документов, опубликованных по-английски в Лондоне 24 ноября 1864 г., среди 55 подписей членов Центрального Совета стоят подписи девяти деятелей германского рабочего движения. Немецкие рабочие-эмигранты являлись в Совете Товарищества стойкими и активными борцами за революционную линию, за пролетарский интернационализм. Именно по их инициативе в июне 1865 г. в Лондоне было организовано собрание, посвященное годовщине славного июньского восстания парижских рабочих 1848 года[3]. Когда Центральный Совет по предложению Маркса решил «обратиться к рабочим организациям с приглашением присоединиться к Товариществу в коллективном порядке»[4], то одними из первых откликнулись на этот призыв общества немецких рабочих в

[1] См. протокол от 11 октября 1864 г. «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961 (далее — «Генсовет...»), стр. 8.

[2] Подсчитано по книге протоколов заседаний Совета (см. «Ген совет...»).

[3] Там же, стр. 60, 63.

[4] Там же, стр. 15.

Лондоне. «Мы с радостью приветствуем, — говорилось в их послании Центральному Совету, — намерение установить прочную интернациональную связь между слишком долго остававшимися разобщенными рабочими различных стран Европы, ибо мы убеждены в том, что только сплоченные действия рабочих всей цивилизованной Европы в состоянии противостоять соединенным усилиям всех угнетателей Европы» [1]. Заслушав это послание, Центральный Совет принял эти общества в свои ряды.

Немецкая революционная эмиграция в Лондоне и в других городах Англии являлась важной опорой Маркса и его единомышленников в борьбе за сплочение рабочих всех стран на почве принципов научного социализма и пролетарского интернационализма. Большую помощь оказывали этой борьбе и другие немецкие социалисты, находившиеся на чужбине, — эмигрант, участник революции 1848—49 гг., В. Шили и старый друг В. Либкнехта Ренье в Париже [2], И. Ф. Беккер в Женеве и другие. Так, И. Ф. Беккер выступил в феврале 1865 г. со статьей, в которой указывал, что «Международное Товарищество Рабочих должно быть краеугольным камнем всех стремлений рабочих. Социальный вопрос теснейшим образом связан с вопросом о преодолении господства капитала... Этот вопрос может быть разрешен только объединенными усилиями рабочего класса всех цивилизованных стран» [3].

Важным районом, где было сконцентрировано большое число немецких рабочих, являлась Швейцария. Они живо откликнулись на известия об основании Интернационала. В Женеве уже в начале октября

---

[1] «Генсовет...», стр. 26—27.

[2] Маркс называл В. Шили «одним из самых дельных, смелых и надежных членов партии» (К. Маркс — Ф. А. Зорге, 1. IX. 1870. Соч., т. 33, стр. 123). Примыкавший к лассальянцам М. Гесс злобно отзывался о В. Шили как об «опасном марксианце»; такой отзыв мог быть только лестным для пролетарского социалиста (см. В. Шили — К. Марксу, 10. IX. 1865. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 21, оп. 1, ед. хр. 259/12). О Ренье Шили упоминает в письме к Марксу от 20. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 259/8).

[3] «Nordstern», № 296, 11. II. 1865.

1864 г. был основан Временный комитет для установления связи с рабочими других стран[1], преобразованный затем в Комитет женевской секции[2]. 5-го февраля 1865 г. Комитет обратился к различным рабочим обществам в Женеве с призывом примкнуть к Интернационалу[3]. 2-го апреля 200 женевских рабочих вступили в ряды Интернационала, основали собственную секцию и избрали ее руководящие органы[4]. И. Ф. Беккер был по предложению Юнга и Маркса назначен корреспондентом Товарищества в Швейцарии.

Однако *главным* полем деятельности Интернационала среди немецких рабочих должны были стать, конечно, рабочие массы *в самой Германии*. На это и обратил Маркс особое внимание.

Перепиской с Германией, восторженно сообщал в Швейцарию член Генсовета часовщик Г. Юнг, «руководит человек очень способный и всецело преданный делу, так что я уверен в благоприятных перспективах и в прогрессе нашего движения в Германии»[5].

Если вдуматься в последующий ход событий, то можно прийти к выводу, что главная задача, которую поставил перед собой Маркс в отношении рабочего движения в Германии (хотя такой отчетливый план первоначально, конечно, им еще не был сформулирован), заключалась в том, чтобы расчистить путь для самостоятельных, классовых выступлений германского пролетариата, помочь созданию условий для основания в стране революционной рабочей партии. Этим и определялись все конкретные шаги К. Маркса, Ф. Энгельса и их ближайших соратников по Интернационалу.

---

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 10/9.

[2] См. «Nordstern» № 290, 31. XII. 1864.

[3] См. Дюпле и др. — Толену, 11. X. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 296). См. также: И. Ф. Беккер — В. Шили, 15. V. 1865 (там же, ф. 185, ед. хр. 21/8).

[4] См. Секция — Юнгу, 9. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 299/2. См. также: Протокол Центрального Совета от 25. IV. 1865. «Генсовет...», стр. 50).

[5] Г. Юнг — Ф. Дюпле, 15. IV — 1. VI. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, оп. 75, ед. хр. 15). Слова «в Германии» в черновике были позднее зачеркнуты. Юнг хотел этим, видимо, подчеркнуть *международное* значение деятельности К. Маркса.

Предпосылкой такой «расчистки почвы» являлась выработка выдержанных в духе научного социализма исходных программных и тактических положений. Этой цели служил ряд теоретических трудов, созданных К. Марксом и Ф. Энгельсом вскоре после основания Интернационала.

Замечательно выпуклое, глубокое и сжатое изложение идей классовой солидарности пролетариата и международного сплочения рабочих, идей научного социализма, в доступной рабочему читателю форме было дано К. Марксом в «Учредительном манифесте». Своим острием он был направлен против мелкобуржуазного социализма, продолжавшего еще пользоваться значительным влиянием на массы рабочего класса, в том числе и против лассальянства как одной из его разновидностей.

Показав, что для освобождения трудящихся необходимо прежде всего завоевание рабочим классом политической власти, Маркс подвел рабочих к мысли о сплочении их воедино в масштабе каждой страны и в международном масштабе. Сила рабочих возрастет и приобретет решающее значение, когда рабочие будут объединены *организацией* и будут руководствоваться наукой, знаниями. Поэтому необходимо основание рабочих партий или «политическая реорганизация» существующих объединений рабочих. Надо установить братский союз между рабочими разных стран. Он должен «побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга» [1].

Великая мысль о международной пролетарской солидарности как залоге победы была сформулирована здесь с необыкновенной ясностью и силой, и ее мощь сразу почувствовали передовые немецкие социалисты. «...Особенно захватил меня в Манифесте именно пронизывающий его дух интернационализма», — писал Марксу его старый соратник Шили [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 10.

[2] В. Шили — К. Марксу, 3. I. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1511).

В «Учредительном манифесте» Маркс выдвинул перед рабочим классом всех стран целую программу действий, оказав этим неоценимую помощь и германскому пролетариату. «Исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения» Маркс называл «агитацию за полную политическую свободу, нормирование рабочего дня и планомерное международное сотрудничество рабочего класса»[1]. Именно эти задачи он и поставил перед деятелями германского рабочего движения.

Либкнехт и другие ученики и соратники Маркса в Германии увидели свою задачу прежде всего в том, чтобы возможно шире и полнее донести идеи Манифеста до германских рабочих и побудить их действовать в духе этих идей.

Уже в первые дни после выхода в свет брошюры с английским текстом «Учредительного манифеста» Маркс разослал ее ряду деятелей германского и международного рабочего движения, а также друзьям и знакомым, в том числе и в Германию. Во всяком случае, уже в конце ноября — первых числах декабря Либкнехт, получив английский текст Манифеста, сделал его «импровизированный перевод»[2] и огласил его на собрании Союза печатников, сопроводив своими комментариями. Он писал Марксу, что Манифест произвел на берлинских рабочих сильное впечатление[3]. Через 10—12 дней после этого, в середине декабря, Либкнехт огласил Манифест на собрании берлинской общины Всеобщего германского рабочего союза. Как он с радостью сообщал Марксу, Манифест «был встречен аплодисментами»[4].

Одновременно Либкнехт предпринял шаги к опубликованию перевода Манифеста в Германии, использовав для этой цели начавшую выходить в Берлине лассальянскую газету «Social-Demokrat». В первом номере газеты, вышедшем 21 декабря, была напечатана первая его часть, вторая появилась 30 декабря. 18 января в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 329.

[2] В. Либкнехт — К. Марксу, 2. XII. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1493).

[3] Там же.

[4] В. Либкнехт — К. Марксу, 15. XII. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1500).

№ 10 был опубликован и «Временный устав» Товарищества. «Учредительный манифест» был перепечатан в «Mainzer Journal»[1]. Маркс добивался опубликования его и в других газетах. (Позднее, 30 мая, Центральный Совет МТР принял решение выпустить «Учредительный манифест» на немецком языке отдельным изданием[2].

В декабре Маркс послал экземпляр Манифеста в Эльберфельд своему старому единомышленнику и другу К. Зибелю. Последний сообщал ему: «Манифест, который я от тебя получил, нужно перевести. Я позаботился о том, чтобы он был переведен на хороший немецкий язык, и займусь его дальнейшим распространением»[3]. Позднее получил от Маркса экземпляр Манифеста и другой старый его соратник, В. Штрон, живший в Редфорде. «Твои хорошие новости пришлись мне очень по душе. Я думаю, что эта организация приобретет могучую мускулатуру», — писал он Марксу из Гамбурга, прочитав известия об основании Международного Товарищества Рабочих[4].

В начале 1865 г. прочел «Учредительный манифест» и молодой лейпцигский токарь Август Бебель, будущий вождь германских рабочих[5].

* * *

К моменту основания Международного Товарищества Рабочих рабочий класс Германии еще не имел своей классовой политической организации, способной повести его по верному пути. Единственной существовавшей в стране централизованной организацией рабочих являлся в ту пору Всеобщий германский рабочий союз. Союз объединял несколько тысяч рабочих, и Маркс

---

[1] См. К. Маркс — Женни Маркс (дочери), 11. I. 1865 (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 373).
[2] См. «Генсовет...», стр. 60.
[3] К. Зибель — К. Марксу, 25. XII. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1504).
[4] В. Штрон — К. Марксу, 1. XII. 1865 (там же, ед. хр. 1523).
[5] См. *А. Бебель.* «Из моей жизни». М., 1963, стр. 131.

считал необходимым пропагандировать среди них идеи научного социализма, привлекая их к Международному Товариществу Рабочих. В письме Зибелю 22 декабря 1864 г. он подчеркивал, что «в интересах *здешнего* движения (Интернационала. — *К. С.*) нам важно получить от немецких рабочих обществ сообщение о присоединении их к здешнему Центральному комитету»[1]. В составе Союза были и передовые рабочие, прошедшие школу классовой политической борьбы в рядах Союза коммунистов, — К. Клейн, К. Клингс, Э. Вильмс, А. Фогт и другие. Сыном деятеля Союза коммунистов был механик Я. Аудорф. Они, хотя и смутно, ощущали неудовлетворенность идейными позициями Союза, навязанными ему Ф. Лассалем, и тянулись к научному социализму. В их среде пользовалось высоким уважением имя Маркса. Так, руководитель его золингенской общины, самой крупной в Союзе рабочей организации, Клингс в 1864 г. писал двум рейнским рабочим, отправившимся в Лондон: «Заверьте Маркса, что мы будем стремиться быть достойными таких защитников»[2]. И они выполнили это поручение. Из беседы с ними Маркс вынес твердое впечатление, что рабочие — руководители рейнских общин ВГРС, «как и прежде, являются нашими решительными сторонниками»[3]. 28 сентября 1864 г. Клингс писал Марксу: «...Рабочее движение приобретает здесь радующее развитие. ...Нельзя ли было бы получить оттуда (из Лондона. — *К. С.*) партию «Манифеста»? Он был бы нам так нужен!»[4]. Свое письмо Клингс закончил теплыми, волнующими словами: «Передайте от нашего имени привет всем партийным товарищам, которые ради нас томятся там, на чужбине; они могут быть уверены, что мы научимся ценить таких людей, и прежде всего мы ничего не желаем так страстно,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс:* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 369.

[2] К. Клингс — Ф. Моллю и Ю. Мельхиору, 27. V. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 458, оп. 1, ед. хр. 7819).

[3] К. Маркс — Ф. Энгельсу, 3. VI. 1864 (Соч., 2 изд., т. 30, стр. 330).

[4] К. Клингс — К. Марксу, 28. IX. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1474). В письме идет речь о «Манифесте Коммунистической партии», памятном Клингсу со времен революции 1848 года.

как выразить и подтвердить на деле свою благодарность Вам, навсегда дорогой для нас человек».

В среде членов ВГРС ко времени основания Интернационала уже существовали отдельные разрозненные группы рабочих, которым были не по душе культ личности Лассаля и заигрывание вожаков Союза с режимом Бисмарка. Эти классово сознательные силы, начавшие складываться внутри Союза к 1864 году, В. Либкнехт справедливо назвал впоследствии «зачатком рабочей партии»[1]. Так, в Альтоне уже 7 ноября 1864 г. на собрании общины при обсуждении вопроса о путях борьбы за единство Германии отчетливо обнаружилась враждебность рабочих к притязаниям прусской монархии с ее планами «воссоединения сверху»[2]. Член гамбургской общины А. Вагнер выступил в феврале 1865 г. в печати с протестом против заигрывания одного из руководителей Союза, И. Б. Швейцера, с правительством Бисмарка[3]. Но эти группы были распылены. Образование Интернационала открывало перед ними истинный путь к борьбе за дело рабочего класса.

Обращаясь к Зибелю с просьбой встретиться с Клингсом, Маркс просил его разъяснить Клингсу, насколько важно, чтобы ВГРС (на предстоявшем генеральном собрании) «принял резолюцию о присоединении к Международному Товариществу». Одновременно Маркс предупредил, что «впоследствии всю организацию этого Союза, как в самой основе своей ложную, придется взорвать»[4].

Однако на заседании генерального собрания новый президент ВГРС Б. Беккер заявил, что Союз не должен вступать в тесную связь с Международным Товариществом Рабочих, так как подобная связь могла бы повредить организации Союза» и не сулила бы «практической пользы». Под его нажимом делегаты не при-

[1] W. *Liebknecht*. «Karl Marx zum Gedächtniss». Nürnberg, 1896, S. 113. В «Воспоминаниях о К. Марксе и Ф. Энгельсе» (М., 1956) эта статья помещена в сокращенном виде.

[2] См. *H. Hümmler*. Op. cit., S. 159.

[3] Ibid., S. 160.

[4] К. Маркс — К. Зибелю, 22. XII. 1864 (Соч., 2 изд. т. 31, стр. 369).

няли какого-либо решения о присоединении к Интернационалу.

Правда, Клингс не получил еще к тому времени от Зибеля поручения Маркса. Но и позднее он не проявил должной политической зрелости. Он заверял Маркса, что стоит всецело на его стороне и что «так же настроено и большинство рабочих Золингена»; «Рабочее просветительное общество намерено выйти из ВГРС» и «примкнуть к Лондону». Клингс находил лишь более целесообразным отложить этот выход из ВГРС, чтобы «попытаться провести очищение всей немецкой организации, а для присоединения (к МТР. — *К. С.*) общины — время не уйдет» [1].

Позднее, покидая Европу, Клингс писал Энгельсу: «Следовало бы кому-либо поехать в Германию, чтобы направлять тамошнее движение, так как сейчас там нет никого, кто мог бы руководить движением. Наилучшее место — это во всяком случае Кёльн; оттуда можно осуществлять нужное руководство» [2]. Одно время Энгельс обсуждал с Марксом мысль о переезде в Германию Эккариуса [3], но план этот отпал.

Передовые рабочие тянулись к Марксу, стремясь получить у него ясную ориентировку и совет о том, какую линию вести. Характерно в этом смысле письмо Г. Матцерата из Кёльна. Кёльнские рабочие, писал он, выражают согласие с линией Маркса и просят советов из Лондона [4]. Из Майнца П. Штумпф обращался в июне 1865 г. к Марксу с просьбой сообщить, что он думает о «нынешней агитации» [5], и прислать ему труды Маркса и Энгельса [6].

---

[1] К. Зибель — К. Марксу, 1. II. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1522).

[2] К. Клингс — Ф. Энгельсу, 22. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1551).

[3] См. Ф. Энгельс — К. Марксу, 3. V. 1865 (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 96).

[4] См. Г. Матцерат — Ф. Лесснеру, 8. I. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 178, ед. хр. 38/3).

[5] Имеется, очевидно, в виду развернутая радикалами и рабочими организациями кампания за свободу собраний и союзов.

[6] См. П. Штумпф — К. Марксу, 29. VI. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1591).

Как упоминалось выше, в конце 1864 г. Всеобщий германский рабочий союз приступил к изданию собственной газеты, и Швейцер обратился к Марксу и Энгельсу с просьбой о сотрудничестве в ней [1]. Хотя они и не питали никаких иллюзий относительно направления этого будущего органа, они, в интересах Интернационала, все же решили принять это предложение. «Для нас важно, — писал Маркс Энгельсу, — иметь орган в Берлине, специально ради того общества, в создании которого я принял участие в Лондоне» [2]. «Очень хорошо, что у нас опять будет орган», — отвечал ему Энгельс [3]. В то же время Маркс предупреждал Либкнехта, что сам Союз «нам обоим не нравится..., *мы немедленно их дезавуируем,* лишь только они сделают глупость» [4]. По определению В. И. Ленина, Маркс старался «направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма» и, в частности, «лассальянские качания вправо в Германии», в то же время подвергая критике ложные, мелкобуржуазные теории [5], присущие этим течениям.

В первые месяцы существования газеты «Der Social-Demokrat» на ее страницах появилось несколько марксистских работ. Вслед за «Учредительным манифестом» здесь было напечатано (в начале февраля 1865 г.) письмо Маркса «О Прудоне». Ф. Энгельс поместил в этой газете перевод старинной датской народной песни «Барин Тидман», прославляющей крестьянскую войну. Газета опубликовала также заявление лондонских немецких рабочих просветительных обществ о присоединении их к Интернационалу [6]. Но уже в начале марта по требованию Маркса и Энгельса на страницах газеты появилось их совместное письмо с решительным протестом против тактики заигрывания Швейцера с прави-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 86.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 17.
[3] Там же, стр. 18.
[4] К. Маркс — В. Либкнехту, до 24. XI. 1864. Это письмо до нас не дошло; его содержание устанавливается по письму К. Маркса Ф. Энгельсу от 24. XI. 1864 (см. там же, стр. 25).
[5] *В. И. Ленин.* «Карл Маркс» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49).
[6] См. «Social-Demokrat» N 7, 11. I. 1865.

тельством помещиков. Эта тактика, заявили они, «исключает возможность их дальнейшего сотрудничества в нем»[1]. Конфликт со Швейцером относительно *тактики* рабочей газеты в Германии был, как подчеркнул Маркс, «перманентным, начиная с *первого* пробного номера»[2]. Наряду с этим и многие сознательные рабочие отказывались читать «Social-Demokrat», подписываться на него. В Берлине на заводе Борзига все 30 подписчиков, а в союзе печатников все 50 подписчиков с 1 марта прекратили подписку на эту газету[3].

Вслед за Марксом и Энгельсом от сотрудничества в газете отказались Либкнехт, Гервег, Рюстов и И. Ф. Беккер. Таким образом, сотрудничество Маркса и Энгельса и их соратников в «Social-Demokrat» оказалось весьма кратковременным. С тем большей настойчивостью они продолжали добиваться установления и расширения связей с рабочим движением на местах.

Некоторую роль в развертывании движения на севере Германии играла еженедельная лассальянская газета «Nordstern», выходившая в Гамбурге. Она напечатала ряд полезных статей, доносивших до рабочего читателя идеи революционной демократии и пролетарского социализма. Среди них выделяется обширная серия пропагандистских статей И. Ф. Беккера[4], а также выработанный им «Манифест социал-демократической партии», принятый на состоявшемся в Лейпциге 2—3 сентября расширенном собрании местной общины с участием представителей общин Гамбурга, Майнца, Киля и Золингена[5]. В нем было отчетливо заметно влияние идей «Учредительного манифеста»[6]. Однако в целом эта газета продолжала оставаться на почве правоверного лассальянства.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 79.

[2] Там же, т. 31, стр. 83.

[3] См. В. Либкнехт — К. Марксу, ранее 10 марта 1865 года (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1543).

[4] *J. Ph. Becker*. «Ein unumwundenes Wort an die social-demokratische Partei über den «Social-Demokrat», Organ des Allgemeinen Deutschen Arbeitervereines, dessen Taktik, Stifter und Beschirmer». «Nordstern» № 303—318, 1. IV. — 27. VII. 1865.

[5] «Nordstern» № 326—327, 6—13, I. 1866.

[6] См. *H. Hümmler*. Op. cit., S. 190—192.

Среди рабочих союзов, действовавших в Берлине, наибольшей зрелостью классового сознания отличался Союз подмастерьев-наборщиков и книгопечатников, в котором вел пропаганду Либкнехт. В письме Марксу 4 ноября 1864 г. он сообщал, что пользуется влиянием в местном союзе печатников, насчитывающем 700 членов, а также в союзе ремесленников предместья и начинает устанавливать связи с комитетом больничных касс Берлинского союза старших подмастерьев. «Я включен, — писал он, — в комиссию, которая должна агитировать за право коалиций (и подавать петиции). Я много раз выступал не только в комиссии, но и в Союзе с большим успехом, а это немаловажно, так как Союз этот имеет за собой 15—20 тысяч рабочих. Во всяком случае, я могу сказать без преувеличения, что контролирую, если не направляю, здешнее рабочее движение» [1].

Видя в распространении среди германских рабочих идей Интернационала угрозу для себя, лассальянцы пытались исказить существо Международного Товарищества Рабочих. Так, Фрицше заявлял, что не видит в нем «ни ясной программы, ни единой цели, ни определенных средств» [2]. Швейцер утверждал, что Интернационал якобы и не стремится иметь какую-либо программу, цель или определенные средства борьбы; вступающие в него рабочие союзы сохраняют-де все свое «своеобразие», и вся задача Интернационала — «установить в общем согласованность действий» [3]. Идеология лассальянства была проникнута плохо замаскированным национализмом в противоположность интернационализму пролетариата. Так, лассальянцы лишь *допускали* возможность поддержки рабочих движений *«помимо германского»,* да и то лишь в том случае,

---

[1] В. Либкнехт — К. Марксу, 4. XI. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1485). Либкнехт, по-видимому, переоценивал тогда результаты своей агитационной деятельности в Берлине. Однако рост его влияния в столичных рабочих союзах не подлежит сомнению.

[2] *Ф. Меринг.* Цит. соч., т. III, стр. 177.

[3] Там же, стр. 178. Ф. Меринг сам неправильно оценивал такую позицию Швейцера, оправдывая это его отношение к Интернационалу (см. там же).

«если от связи с ними можно ожидать практической пользы» [1].

В дальнейшем лассальянцы перешли к прямым нападкам на Интернационал и открыли кампанию против Маркса, подменяя идейную борьбу клеветой. 12 марта Б. Беккер провел в Бармене собрание рейнско-вестфальских рабочих и с помощью ренегата и полицейского осведомителя Рёзера протащил резолюцию, полную гнусных нападок на Маркса и Энгельса. Спустя 10 дней, 22 марта, он произнес в Гамбурге еще более подлую речь, в которой возвел всевозможные обвинения на Маркса и Либкнехта [2]. Наибольшее озлобление вызвало у него, как видно из этой речи, то обстоятельство, что Либкнехт стремился «марксизировать» рабочее движение в Германии.

В клеветническую кампанию против деятелей Интернационала включился и М. Гесс. В августе 1865 г. он выступил в газете «Nordstern» с «Предостережением» против Интернационала [3]. В сентябре «Social-Demokrat» опубликовал лживое сообщение «из Лондона», в котором содержалось клеветническое утверждение, будто Товарищество не получило поддержки рабочих масс и состоит «главным образом из членов Генсовета» [4]. Присоединение к Интернационалу рабочих организаций в Англии, Бельгии и других странах наглядно опровергало эти домыслы.

Идейная борьба между сторонниками и противниками Интернационала, развернувшаяся в Германии уже в первые месяцы после его основания, живой опыт

---

[1] «Social-Demokrat» № 3, 30. XII. 1864. Эту установку пролетарские социалисты встретили с негодованием. Так, Шили писал Марксу, что из нее видно, что «социальная партия склоняется к национализму, не видит не только целесообразности, но и необходимости единой агитации и действия, солидарности интересов, средств и целей»; согласно этой установке, немецкие рабочие «должны выяснить у английских и французских рабочих *практическую пользу* от связи с ними...» (В. Шили — К. Марксу, 3. I. 1865. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1511).

[2] См. «Social-Demokrat» №№ 36, 39; 19. III и 26. III. 1865.

[3] «Nordstern» № 320, 19. VIII. 1865.

[4] «Social-Demokrat» № 79 (см. также: В. Шили — К. Марксу, 10. IX. 1865. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 159/12).

борьбы классов должны были показать на практике, чей путь верен. Ареной этой борьбы были и экономические и политические бои пролетариата[1].

* * *

Традиционной формой борьбы рабочих против эксплуататоров всегда была *стачка.* В Пруссии, как и в других германских государствах, законодательство лишало рабочих права стачек; их участникам грозило тюремное заключение. Тем не менее и в Германии постепенно развертывалась стачечная борьба. По сведениям официальной статистики, число стачек в Пруссии выросло с 5 в 1863 г. до 10 в 1864 г., то есть удвоилось[2]. По более полным данным, только в течение первых девяти месяцев этого года во всей Германии произошли 22 стачки[3], а в течение года после основания Интернационала отмечался дальнейший рост движения. По далеко не полным данным, имеющимся в нашем распоряжении, можно установить, что в ноябре 1864 г. произошла стачка рабочих железоделательного

---

[1] Ход идейно-теоретической борьбы между марксистами и лассальянцами уже в известной мере освещен в существующих работах и особенно в монографии И. Шлейфштейна (см. выше). Поэтому мы в последующем изложении сосредоточимся, главным образом, на некоторых практических вопросах — стачечной и парламентской борьбе и организационном строительстве.

[2] См. *Stieda.* «Arbeitseinstellungen». «Handwörterbuch der Staatswissenschaft». См. также *W. Ritscher.* «Koalitionen und Koalitionsrecht in Deutschland». Stuttgart und Berlin, 1917, S. 225. Германская статистика стачек этого периода весьма несовершенна. 13 июня 1865 г. правительство Пруссии опубликовало статистику стачек в Пруссии за время с 1846 по май 1865 г. В подсчет включались только те стачки, в отношении участников которых властями были применены антирабочие §§ 181 и 182 «Уложения о промыслах».

[3] См. *W. Steglich.* «Eine Streiktabelle für Deutschland 1864 bis 1880». «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», 1960, Teil II, SS. 247—248. Однако и В. Штеглих, помимо упомянутого выше правительственного опроса регирунгспрезидентов в Пруссии (весна 1865 г.) опирается (в отношении 1864—1865 гг.) на данные только двух газет, в том числе одной — гамбургской. Поэтому в его таблице преобладают сведения по Северной Германии и почти полностью отсутствуют данные по Центральной и Восточной, а особенно по Южной Германии.

завода в Люнебурге, в январе 1865 г. — стачка 250 корзинщиков в Гамбурге, поддержанных корабельными плотниками, в марте — стачка 350 слесарей на гамбургской верфи Годфруа, стачка корабельных плотников в Гамбурге и суконщиков в Пруссии, в апреле — стачка поденных рабочих на судах в гамбургском порту, стачка чулочников в Апольде и четыре стачки в Альтоне (каменщиков, подмастерьев-маляров, корабельных плотников, ткачей головных платков), стачки ткачей в Бурге и портновских подмастерьев в Берлине. Особенно широко известна упорная забастовка наборщиков, вспыхнувшая в марте в Лейпциге и длившаяся почти до середины мая.

В мае были учтены стачки наборщиков и инструментальщиков в Альтоне, двух тысяч сапожников в Гамбурге, сапожных подмастерьев во Франкфурте-на-Майне и портновских подмастерьев в Висбадене, каменщиков в Берлине. В июне происходили стачки парусных мастеров в Гамбурге, 200 железнодорожников, стачка плотников, подмастерьев-столяров, сапожников и 1200 портных[1]. В июле — стачка 3 тысяч столяров и подручных инструментальщиков в Гамбурге, ткачей в Кальбе, горняков в Рендсбурге, корабельных плотников в Любеке. В августе была зарегистрирована стачка каменщиков в Мариенбурге, в сентябре — подмастерьев-каменщиков в Гамбурге. В том же году происходили стачка сапожников и других ремесленников в Лейпциге и осенняя стачка каменщиков в Берлине[2].

---

[1] В мае — июне Гамбург и его пригороды были охвачены небывалой стачечной волной. Вслед за начавшими борьбу 2 тысячами сапожников выступили щеточники, каменщики, плотники, кузнецы в Альтоне, столяры и инструментальщики, портные, землекопы Газового общества, жестянщики, плотники, парикмахеры, железнодорожные рабочие, токари, пекари, горшечники, продавцы галантереи, подручные каменщиков, рабочие бойни, часовщики, скорняки, каменотесы, скульпторы (Bildhauer), парусные мастера, бочары и др. (см. *H. Bürger*. «Die Hamburger Gewerkschaften und deren Kämpfe, von 1865 bis 1890». Hamburg, 1899, S. 24).

[2] Основные данные почерпнуты у В. Штеглиха (*W. Steglich*. Op. cit., SS. 247—248). Стачка суконщиков в Пруссии упоминается в письме С. Боркхейма К. Марксу от 24. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1,

Таким образом, стачечная борьба в 1864—1865 гг., в сравнении с предшествующим периодом, заметно усилилась.

Почти половина учтенных стачек приходится на портовые города. Именно там, в портах Балтийского и Северного морей, были сосредоточены довольно значительные по тем временам массы пролетариата, отличавшиеся бо́льшим развитием, уровнем сознательности, боевым духом. В одном лишь Гамбурге (с Альтоной), крупнейшем торговом порту Германии, произошло в течение одного года более 15 стачек.

Несмотря на раздробленность, низкий уровень классовой сознательности и организованности, на полное отсутствие организаций профсоюзного типа и боевого опыта, несмотря на отсутствие поддержки со стороны рабочих той же профессии из других городов и тем более рабочих других профессий (хотя бы в том же городе), рабочие ряда предприятий, особенно кораблестроители, долго и упорно боролись за свои требования.

Что дала стачечная борьба 1864—1865 гг. рабочему классу Германии? Существенное значение имело завоеванное сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, отмена патриархальных методов эксплуатации (например, вынужденного пользования хозяйскими харчами и жильем). Кое-где хозяева, напуганные размахом стачечного движения, сами, не ожидая возникновения стачек на своих предприятиях, шли навстречу требованиям рабочих. Так, владельцы швейных мастерских во

оп. 5, ед. хр. 1552); стачка чулочников в Апольде — в газете «Social-Demokrat» за апрель 1865 г. (см. также *H. Müller*. «Geschichte der deutschen Gewerkschaften...». Berlin, 1918, S. 41); стачка каменщиков в Берлине в мае 1865 г. — в газете «Deutsche Industriezeitung»; стачка сапожников и других ремесленников — в книге: *А. Бебель*. Цит. соч., стр. 115; выступление каменщиков в Берлине осенью 1865 г. — в книге: *Эд. Бернштейн*. «История рабочего движения в Берлине. От 1848 года до издания закона против социалистов». СПБ, 1908, стр. 158. Наиболее полные данные о стачечном движении 1865 г. в Гамбурге собраны в книге: *H. Bürger*. Op. cit. Подробнее о стачечной статистике этих лет см.: *K. Selesnjow*. «Über die Streikstatistik in Deutschland in den Jahren 1864 bis 1865». «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Heft 2.

Франкфурте-на-Майне, Эрфурте и Дрездене, а также сапожных мастерских в Берлине повысили оплату рабочих [1].

С другой стороны, по свидетельству А. Бебеля, «добрая часть стачек 1865 года кончилась неудачей вследствие того, что рабочие не были организованы и не располагали никакими денежными фондами» [2]. Но нельзя выразить в цифрах такое ценное приобретение молодого рабочего класса Германии, каким явился накопленный в ходе этих стачек, в том числе и в ходе стачек, не увенчавшихся победой, *боевой опыт*, рост сознания общности классовых интересов рабочих, их противоположности интересам хозяев, рост сознания собственной мощи, чувств пролетарской солидарности. Не подлежит сомнению, что каждая из стачек, больших и малых, внесла свой вклад в этом смысле.

Ростки классового самосознания пробивали себе дорогу даже в среде отсталых рабочих. Так, на собрании Берлинского рабочего союза 4 декабря 1864 г. один рабочий, Гайде, заявил, что, по его мнению, главной задачей союза должна быть «организация рабочих для того, чтобы они были способны выступать в экономических вопросах, как особое сословие...». Гайде сослался на стачку судостроителей в Гамбурге, которые «добились того, что с их требованиями стали считаться» [3].

Особенно важным было то, что из среды рабочих выделялись вожаки, передовые бойцы, выступавшие в качестве организаторов стачек. Именно из их числа выдвигались в дальнейшем первые рабочие делегаты, старосты, будущие организаторы заводских комитетов и союзов, строители пролетарской партии [4].

Хозяева, стремясь сломить сопротивление рабочих, стали прибегать к ввозу штрейкбрехеров. Так, Лауэнштейн, владелец шорной фабрики в Гамбурге, рабочие

---

[1] См. «Social-Demokrat», Nr. 42, 2. IV. 1865; *H. Hümmler*. «Opposition gegen Lassale...», S. 124.

[2] *А. Бебель*. Цит. соч., стр. 198—199.

[3] *Э. Бернштейн*. Цит. соч., стр. 132—133.

[4] Так, в ходе июньской стачки 1300 портных (1865 г.) в Гамбурге выдвинулся портновский подмастерье Эльферс. За энергичное руководство стачкой рабочие — участники сходки увенчали его венком (см. *H. Bürger*. Op. cit., S. 28).

которой в мае 1864 г. прекратили работу, пытался завербовать новых рабочих в других городах. С другой стороны, рабочие, прибегая к стачкам, учились оказывать поддержку своим братьям по классу и ценить такую помощь. Так, великодушную материальную поддержку бастовавшим в Гамбурге корзинщикам оказали корабельные плотники. В благодарность корзинщики сплели из камыша и подарили плотникам боевое знамя [1]. Бастовавшие в июне 1300 гамбургских портновских подмастерьев получили помощь от подмастерьев Магдебурга и Любека, Франкфурта-на-Майне и Берлина.

В ходе борьбы рабочие приходили к мысли о создании совместных касс, обществ и союзов. Летом 1864 г., под впечатлением только что закончившейся стачки шорников на фабрике Лауэнштейна в Гамбурге, столяры-подмастерья Альтоны, выдвинув 8 пунктов требований к хозяевам, основали свой *союз*. В 1865 г. там возникла единая касса взаимопомощи, платившая пособия стачечникам. В марте в ней было 3 тысячи членов, а во II квартале — уже 5 тысяч [2]. В июне рабочие основали в Гамбурге «Братство портновских подмастерьев» [3]. Учредили в июле 1865 г. свой союз и рабочие фабрики Изермана, но он оказался недолговечным. В августе основали союз столяры и инструментальщики Гамбурга, он охватил до тысячи чел. [4]; в сентябре возник Союз садовников. Представляет особый интерес тот факт, что уже в августе в Гамбурге был создан «Рабочий совет» для общего руководства стачечной борьбой; в него вошли 24 представителя от рабочих всех профессий [5].

Правда, почти все союзы, возникшие в ходе стачек в 1864—1865 гг., оказались непрочными и вскоре распались. Но память о них глубоко врезалась в сознание и навсегда осталась в умах рабочих.

Стачки вызвали к жизни и другую форму пролетарской борьбы. В том же Гамбурге, где рабочие собрания

---

[1] См. *H. Bürger*. Op. cit., S. 23.
[2] Ibid.
[3] Ibid., S. 29.
[4] Ibid., S. 27.
[5] Ibid., S. 35.

были запрещены, стачечники стали проходить стройными колоннами по главным улицам, под звуки оркестра, направляясь на поляну Лангенфельде или в рощу Вандсбек. Опыт стачечной борьбы показывал рабочим, что, несмотря на отмену запретительных законов, власти продолжали пускать в ход против стачечников силу оружия, грозить им тюрьмой. Правда, в Бурге, например, суд оправдал в 1865 году 175 бастовавших суконщиков. Но в Гамбурге полиция обрушила в конце мая тяжелые удары на бастовавших сапожных подмастерьев. В июне были арестованы и высланы из города также все члены стачечного комитета, избранного портными. В июле полиция распорядилась высылать вообще всех забастовавших рабочих в случае, если они в течение 8 суток после начала стачки не вернутся на работу. Эти меры ставили рабочих лицом к лицу уже не только с отдельными предпринимателями, а и со всем эксплуататорским ганзейским городом-государством.

Стачки способствовали дальнейшему ослаблению влияния лассальянцев на массы германского рабочего класса. Лассальянские вожди не только равнодушно относились к экономической борьбе пролетариата, но и открыто выступали с осуждением стачек. Один из лассальянских лидеров Фрицше в связи со стачкой лейпцигских наборщиков публично высказался против «эпидемии стачечного азарта», которая охватила-де рабочий класс и лишь «отвлекает» его от стоящих перед ним целей[1]. Тот же Фрицше на собрании бастовавших чулочников в г. Апольда заявил о «бесплодности стачек»[2].

Лассальянцы, верные догмам своего учения, пытались убедить рабочих в бесполезности и даже вреде стачек[3]. Но победы, одержанные многими группами рабочих в схватках с предпринимателями, убедительно опровергали домыслы лассальянцев.

---

[1] См. *H. Müller*. «Geschichte der deutschen Gewerkschaften bis zum Jahre 1878». Berlin, 1918, S. 41.

[2] См. там же.

[3] В Гамбурге они ставили на обсуждение рабочих собраний вопрос о том, «может ли улучшиться положение рабочих благодаря стачкам?» (см. *Bürger*. Op. cit., S. 35).

Живой опыт классовой борьбы подтачивал, подрывал влияние на рабочих различных мелкобуржуазных учений и прокладывал дорогу научному социализму.

Внимательно следя за развитием рабочего движения в Европе, Маркс 20 и 27 июня 1865 г. выступил на заседании Центрального Совета с речами, в которых теоретически обосновал борьбу рабочего класса за повышение уровня заработной платы. Непосредственно, на первый взгляд, эти речи были направлены против взглядов члена Совета, английского плотника, оуэниста Уэстона. Но по существу они опрокидывали весь надуманный «железный закон заработной платы», то есть наносили сильнейший удар по одной из основных догм лассальянства. Если бы рабочие, заявил Маркс, отказались от сопротивления посягательствам капитала и прекратили свои усилия, «они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения. Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение» [1].

Хотя текст речи Маркса был впервые издан лишь спустя много лет, основные ее положения, несомненно, уже вскоре после заседаний 20 и 27 июня приобрели известность не только в среде членов Совета, присутствовавших на этих заседаниях (в том числе Эккариуса, Лесснера, Кауба, состоявших в переписке с немецкими рабочими), но и в кругах деятелей рабочего движения в Германии. В речах Либкнехта и некоторых выступлениях передовых рабочих можно видеть прямые отголоски аргументов Маркса.

Развенчание лассальянства было непременной предпосылкой дальнейшего развития революционного движения германского рабочего класса. «Пока эта лассальянская дрянь будет преуспевать в Германии, — писал К. Маркс, — для *Международного Товарищества* там не будет места» [2]. 13 апреля 1865 г. Маркс опубликовал в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 154.
[2] Там же, т. 31, стр. 60.

газетах «Berliner Reform» и «Rheinische Zeitung» статью «Президент человечества», в которой разоблачил деятельность Б. Беккера[1].

Весной в лассальянском Союзе становится еще более заметным глухое брожение. 23 мая во Франкфурте-на-Майне происходило празднование второй годовщины Союза с участием делегатов от 32 общин. Часть из них открыто высказалась против лассальянских догм. 28 мая члены общины Союза во Франкфурте-на-Майне приняли участие в стачке сапожных подмастерьев.

Стачечная борьба 1864—1865 гг. в Германии способствовала подрыву сектантской политики лассальянцев, возрождению и усилению традиций международной пролетарской солидарности в рабочем классе как самой Германии, так и ряда других европейских стран — Англии, Франции, Швейцарии. Наглядным примером тому служит стачка *типографских рабочих в Лейпциге,* происходившая весной 1865 года. Наборщики требовали повышения сдельных расценок на 20% (с 25 до 30 зильбергрошей за набор тысячи условных печатных знаков) и сокращения рабочего дня. Проведение стачки сильно осложнялось не только отсутствием у рабочих опыта стачечной борьбы, но и отсутствием профессиональной организации. Существовало, правда, Просветительное общество печатников, руководимое Р. Гертельсом, но оно стояло в стороне от стачки, опасаясь репрессий властей[2].

Тем не менее рабочие вступили в борьбу. В ответ на отказ предпринимателей ввести новый тариф они объявили стачку, охватившую первоначально 545 из 800 наборщиков или 68% общего их числа. Через несколько дней число участников стачки достигло 600, а затем дошло до 650 человек[3]. Начавшись еще 21 марта, стачка длилась, по-видимому, до середины мая.

Стачка способствовала росту пролетарской солидарности. Даже консервативное правление возникшего

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 91—95.

[2] См. *Ad. Braun.* «Die Gewerkschaften vor dem Kriege». Berlin, 1921, S. 57; *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 107.

[3] См. *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 107; «Генсовет...», стр. 289; Б. Фейстель — К. Марксу, 15. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 177/1).

позднее Союза книгопечатников, выпустившее в 1882 г. верноподданническую брошюру, признает, что стачка в Лейпциге дала толчок к тому, чтобы «объединить отдельные союзы для мощного совместного действия». Именно в ходе этой стачки «среди подмастерьев окрепло убеждение, что только охват всех подмастерьев в масштабе всей Германии и соглашение с предпринимателями об условиях труда могут создать удовлетворительное положение»[1]. Известно, что именно в Лейпциге спустя год после окончания стачки состоялся и первый общегерманский съезд местных союзов наборщиков и печатников, на котором было представлено 85 местных организаций с 3187 членами, и был основан Союз[2].

Лейпцигская стачка встретила живой отклик среди других отрядов германского рабочего класса — прежде всего, собратьев по профессии в других германских городах. Сборы пожертвований в пользу лейпцигских наборщиков провел в начале апреля союз наборщиков в Берлине. Помимо 1000 талеров, собранных в Берлине, поступили 17 талеров из Киля[3]. Лейпцигская стачка приобрела известность и за пределами Германии. 500 талеров поступило из Вены. Благодаря инициативе Международного Товарищества Рабочих пролетарские организации других стран попытались прийти на помощь своим германским собратьям.

Непосредственным поводом к выступлению послужило письмо комитета берлинского Союза наборщиков Центральному Совету. В этом письме председатель комитета Б. Фейстель просил поддержать бастующих лейпцигских наборщиков и организовать помощь им со стороны рабочих Лондона[4]. Письмо было переслано Марксу Либкнехтом, который, со своей стороны, также поддержал эту просьбу[5]. Либкнехт справедливо

---

[1] «Zur Arbeitsversicherung. Geschichte und Wirken des Unterstützungsvereins Deutscher Buchdrucker 1866—1881». Leipzig und Stuttgart. 1882, S. 193.

[2] Ibid.

[3] См. «Social-Demokrat», № 47, 14. IV. 1865.

[4] Б. Фейстель — К. Марксу, 15. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 177/1).

[5] См. В. Либкнехт — К. Марксу, 15. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1564).

подчеркнул, что организация такой помощи Товариществом важна «в целях пропаганды идей Интернационала»[1]. Он с тревогой известил Маркса, что материальное положение стачечников нелегко, а сведения о будто бы уже полученных из Лондона средствах в размере «2000 пенсов» (8 ф. ст.) оказались преждевременными[2].

Еще ранее, в письме Марксу 10 апреля, важные соображения о деятельности Товарищества в связи со стачкой портных в Лондоне высказал В. Шили. Он подчеркнул необходимость для Интернационала использовать забастовки для пропаганды пролетарского интернационализма[3].

В результате разобщенности немецких рабочих и отсутствия у них интернациональных связей, предприниматели в прошлом не раз использовали их в качестве штрейкбрехеров. Так, когда в Париже забастовали кузнецы, хозяева ввезли в город «черноногих» (штрейкбрехеров) из Франкфурта, и те помогли хозяевам подавить своих французских братьев по классу[4]. Владельцы крупных швейных мастерских в Лондоне и в Шотландии также имели обыкновение вербовать в ганноверских и мекленбургских деревнях портных-подмастерьев и нанимать их при этом на наихудших условиях, чтобы принудить к покорности английских портных, подавить их сопротивление[5]. «С величайшим напряжением я слежу по «Times» и другим газетам за ходом стачки, — писал Шили. — В ходе прежней стачки английских портных хозяева прибегали к ввозу немецких портных, как людей «менее независимых», темных и забитых. Это не должно повториться!». Шили предлагал, чтобы Интернационал препятствовал ввозу рабочих из любой страны в другую и добивался немедленной помощи из всех стран, помощи моральной, посредством «воодушев-

---

[1] Письмо за подписью «Library» без даты. Судя по тексту, отправлено В. Либкнехтом не ранее 19. IV.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1567.

[3] В. Шили — К. Марксу, 10. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1562).

[4] См. *Ф. Меринг*. Цит. соч., т. III, стр. 221.

[5] См. «Генсовет...», стр. 256.

ляющих и выражающих симпатии посланий», а также и материальной поддержки. «Вы могли бы, — писал Шили, — издать международное обращение, чтобы осветить в нужном свете положение дел... Эта стачка дает повод и создает подходящие условия для того, чтобы Международное Товарищество показало свою способность действовать... и проявило подлинно интернациональный *подход* в полном смысле слова так, чтобы иностранные члены, особенно рабочие, ...теплее и настойчивее потянулись к организации... Ах, если бы только в вашем распоряжении была газета!» [1]

Сразу после получения упомянутых выше писем Фейстеля и Либкнехта от 15 апреля Маркс обратился к генеральному секретарю Центрального Совета Уильяму Кримеру с просьбой привлечь лондонских рабочих к оказанию помощи бастующим лейпцигским наборщикам [2]. Маркс, в частности, просил Кримера переговорить по этому вопросу с председателем Совета Дж. Оджером.

Однако английские тред-юнионисты переадресовали обращение лондонскому союзу наборщиков, который, в свою очередь, заявил, что не располагает средствами [3]. Около 1 мая Маркс перевел в Лейпциг 30 талеров [4], почерпнув их, по-видимому, из своих личных средств, а также средств ближайших своих друзей по Интернационалу.

Одновременно с усилиями, направленными на привлечение английских рабочих к делу помощи их бастующим германским братьям, Маркс предпринял соответствующие шаги и во Франции, обратившись для этого к Шили. Письмо это до нас не дошло, но из ответа Шили видно, что Маркс просил его связаться с парижскими рабочими.

[1] В. Шили — К. Марксу, 10. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1562).

[2] Письмо Маркса Кримеру не сохранилось. Возможно также, что это обращение было не письменным, а устным. Оно, несомненно, имело место, что видно из сохранившегося ответного письма Кримера Марксу от 20. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 75/14).

[3] См. «Генсовет...», стр. 53.

[4] См. «К. Маркс. Даты жизни и деятельности». М., 1934, стр. 229. Источник этого сообщения в «Датах» не указан.

Однако и Шили натолкнулся на значительные трудности и сумел добиться перевода в Лейпциг только 100 талеров в помощь стачечникам. Парижские наборщики, писал он, «как и наборщики в Лондоне, как видно, еще стоят далеко от Интернационала» [1].

По инициативе Маркса о стачке в Лейпциге были информированы и швейцарские рабочие. Сохранился черновик письма Юнга к Ф. Дюпле, председателю французской секции Интернационала в Женеве. Юнг сообщал: «Мы только что получили письмо наборщиков из Лейпцига, которые бастуют; в этом письме они просят нас помочь им в их борьбе...» [2].

Неполный охват рабочих стачкой, а также появление штрейкбрехеров привели к тому, что рабочие добились лишь частичного успеха. Что касается помощи извне, то Центральный Совет, сам не располагавший никакими средствами и находившийся еще фактически в стадии организации, имевший за плечами лишь полгода работы, столкнулся с косностью лидеров английских тред-юнионов и французских прудонистов и не смог преодолеть этих препятствий. Тем не менее эта неудача обогатила его некоторым опытом, и в дальнейшем его попытки наладить такую помощь оказались более успешными.

Для лейпцигских наборщиков опыт стачки также не прошел бесследно. Менее чем через год они приняли активнейшее участие в первом общегерманском съезде наборщиков, положившем начало существованию их союза, одного из первых общегерманских рабочих союзов (см. выше).

Стачка в Лейпциге усилила тягу немецких рабочих и других отраслей производства к созданию собственных классовых организаций. Уже в мае того же года табачники Штутгарта обратились ко всем рабочим табачной промышленности Германии с призывом к основанию профессионального союза, и во Франкфурте

---

[1] В. Шили — К. Марксу, 27. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 259/10).

[2] Г. Юнг — Ф. Дюпле, 15. IV — 1. VI. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 75/15).

была создана Организационная комиссия для подготовки созыва общенациональной конференции табачников[1].

Инициатива лейпцигских наборщиков дала толчок стачечному движению по всей стране. Уже 12 мая орган германских промышленников «Deutsche Industriezeitung» с тревогой писал: «Стачки приобретают все более широкий размах»[2].

Стачка способствовала и дальнейшему росту классового самосознания германских рабочих, их высвобождению из-под влияния буржуазно-либеральной идеологии и политики. Знаменательно, что 25-летний токарь А. Бебель, будущий вождь германского пролетариата, именно в дни этой стачки, как он сам впоследствии вспоминал, «впервые принял участие в борьбе классов»: по предложению лейпцигского издателя Л. Зоннемана он выступил в качестве «посредника»[3]. В этот период он был еще полон либеральных иллюзий, но именно в ходе стачки осознал, что требования рабочих встречают ожесточенное сопротивление со стороны как раз тех, кто хвалился своим «рабочелюбием», то есть либералов, и вскоре после окончания стачки опубликовал в листовке рабочих просветительных обществ статью, в которой высказывал эту мысль[4].

Несмотря на то, что ни в одной из перечисленных выше стачек рабочие не выдвигали еще каких-либо политических требований[5], забастовочная борьба 1864—

---

[1] См. *H. Müller*. «Geschichte der deutschen Gewerkschaften bis zum Jahre 1878», S. 41.

[2] «Deutsche Industriezeitung», 12. V. 1865. Chemnitz (см. *W. Ritscher*. «Koalitionen...», S. 252).

[3] См. *А. Бебель*. Цит. соч., стр. 107; *Ad. Braun*. «Die Gewerkschaften vor dem Kriege», S. 57.

[4] «Flugblätter des ständigen Ausschusses der Arbeiterbildungsvereine», 1865, Nr. 8. Цит. по кн. *Ad. Braun*. Op. cit., S. 57.

[5] Из 27 стачек, за время с 25. XI. 1864 по 26. IX. 1865 г. учтенных В. Штеглихом, в 23 случаях выдвигались требования, касающиеся размера оплаты, в одном случае — продолжительности рабочего дня, в двух случаях фигурировали оба эти требования и в одном — отмена штрафа за опоздания. Из 15 стачек в Гамбурге, учтенных за 1865 г. Г. Бюргером, 4 были объявлены с целью добиться повышения зарплаты, пять — для сокращения рабочего дня, две — с одновременным требованием повысить зарплату и сократить рабочее время, одна — с требованием установить определенный тариф оплаты труда и сократить рабочий день, другая — с требованием установить

1865 гг. имела несомненное политическое значение. Она прямо была связана с борьбой рабочего класса за отмену ненавистных антирабочих законов, за установление свободы коалиций. Напомним, что, по известному определению Маркса (в письме к Ф. Больте), участники стачек, выдвигая требование законодательно регулировать трудовые отношения и добиваясь признания организаций рабочих и их прав, тем самым выходят на арену политической борьбы[1]. Вопреки догме Лассаля насчет «железного закона заработной платы» рабочие — члены ВГРС начали понимать, что дружными усилиями они могут добиться уступок у хозяев, а профессиональные союзы придадут им новые силы. В феврале многие общины ВГРС вслед за общиной в Альтоне выдвигают требование, чтобы право рабочих создавать коалиции было обеспечено законом. В Саксонии такую петицию подписали 4 тыс. горняков[2].

Вопрос об отмене полицейских запретов, о введении свободы коалиций, о легализации рабочих союзов приобрел в этот период для рабочего движения в Германии и всей политической жизни страны особую остроту. В письме Швейцеру Маркс дал глубокий анализ роли рабочих союзов в классовой борьбе пролетариата. «Коалиции и вырастающие из них профессиональные союзы, — писал он, — имеют чрезвычайно важное значение не только как средство организации рабочего класса для борьбы с буржуазией, ...но в Пруссии и вообще в Германии право коалиций, кроме того, означает брешь в господстве полиции и бюрократизма, оно кладет конец уложению о челяди и хозяйничанью дворянства в деревне»[3].

Быстрое развертывание немецким пролетариатом стачечной борьбы положило начало, говоря словами

твердый тариф и отменить выдачу зарплаты натурой, одна — с требованием сократить рабочее время, установить тариф и повысить заработок и одна — с требованием повысить зарплату, отменить выдачу части ее натурой и сократить рабочий день.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 282—283.

[2] См. «Nordstern», Nr. 297, 18. II. 1865; *H. Hümmler*. «Opposition gegen Lassale», S. 126.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 376.

Энгельса, «одной из наиболее бурных эпох, какие мы пережили со времени 1848 г.»[1]. Рабочий класс стремился организовать свои ряды. В то же время партии эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии, — преследуя собственные корыстные цели, вели сложную игру, стремясь изобразить себя в глазах рабочих борцами за их интересы и одновременно нейтрализовать их требования. В этой сложной обстановке одни рабочие шли в фарватере либеральной рабочей политики, другие оказывались инструментом в руках прусского правительства.

Особое значение для выработки правильной тактической линии немецких пролетариев имела брошюра Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», вышедшая в свет в конце февраля 1865 года. В этой брошюре Энгельс объяснил, почему оба эксплуататорских класса, помещики и буржуазия, «обращаются к пролетариату и ищут его поддержки»[2]. Но рабочий класс является особым классом, с особыми интересами и с особым самостоятельным будущим. Какую же позицию должна занять рабочая партия перед лицом развернувшейся борьбы? В интересах рабочих — поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов, добиваться свободы печати, союзов и собраний. Но пролетариат становится силой лишь с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию. Поэтому для рабочих главное — «сохранять и развивать свою собственную организацию»[3]. В брошюре Энгельса звучал обращенный к немецким пролетариям вдохновенный призыв к борьбе за создание самостоятельной классовой партии[4].

Выступление Энгельса встретило живой отклик со стороны деятелей германского рабочего движения. Так, И. Я. Клейн сообщал Энгельсу, что его брошюра

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 99.

[2] Там же, т. 16, стр. 68.

[3] См. там же, стр. 77, 78.

[4] Подробнее о ее значении см. *H. Hümmler*. «Zur Bedeutung des Werkes von Friedrich Engels «Die preussische Militärfrage und die deutsche Arbeiterpartei»», в книге: «Friedrich Engels' Kampf und Vermächtnis». Berlin, 1961.

хорошо раскупается в Кёльне. «Что касается меня, то она не раз напомнила мне о «Манифесте»: я прочел ее с величайшим интересом», — писал он [1]. Восторженно отозвался о труде Энгельса и Зибель. «Я два раза основательно проштудировал брошюру. Она пришлась мне очень по душе», — писал он [2]. Об успешной продаже брошюры сообщал и Либкнехт из Берлина [3]. «Судя по полученным мной газетам, — писал Энгельс Вейдемейеру в Сент-Луи, — вещь эта, особенно на Рейне, вызвала большой шум и во всяком случае будет сильно препятствовать тому, чтобы рабочие примкнули к реакции в данный момент» [4].

Единомышленники Маркса и Энгельса активно пропагандировали в Германии идеи Интернационала. 28 февраля 1865 г. на собрании Союза подмастерьев-книгопечатников в Берлине Либкнехт, осветив вопрос об отношении рабочего класса к буржуазным партиям, выдвинул требование безусловной независимости рабочих от прогрессистов [5]. Эта его речь имела большое политическое значение. Опираясь на аргументы, выдвинутые Ф. Энгельсом, В. Либкнехт горячо и убедительно доказывал рабочим, что «феодальное государство есть прямая противоположность государству народному» и что рабочие Германии не должны «за чечевичную похлебку феодально-социалистической болтушки продавать свое будущее» [6].

Подводя итоги первому этапу борьбы за завоевание поддержки идей Интернационала со стороны пролетариев Германии, Маркс выражал уверенность в том, что удалось развеять «роялистские иллюзии немецких рабочих» [7].

---

[1] И. Я. Клейн — Ф. Энгельсу. Позднее 8. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1542).

[2] К. Зибель — Ф. Энгельсу, 6. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1541).

[3] См. В. Либкнехт — К. Марксу. Ранее 19. III. 1865 (там же, ед. хр. 1550).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 390.

[5] См. В. Либкнехт — К. Марксу, 25. II. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1534). См. также: *Э. Бернштейн.* Цит. соч., стр. 140.

[6] «Nordstern» № 301, 18. III. 1865.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 94.

* * *

Весной 1865 г. брожение в рядах лассальянцев усилилось[1]. Очагами оппозиционного движения стали рейнские и берлинская общины ВГРС. К числу виднейших его деятелей принадлежали Ю. Вальтейх, К. Клингс, Т. Йорк, А. Фогт, Т. Метцнер. Рабочие были недовольны тактикой заигрывания с прусскими властями, которую проводили вожаки ВГРС, а также осуждали антидемократические порядки, царившие в Союзе. Они требовали энергичной борьбы Союза в защиту непосредственных интересов пролетариата и демократических преобразований в стране. Передовые рабочие осуждали провокационные выпады Б. Беккера против Маркса и требовали смещения Беккера с поста президента, изгнания его из рядов Союза. Еще 26 марта, когда лассальянские вожаки протащили на собрании золингенской общины «одобрение» клеветнической «барменской резолюции» с нападками на Маркса и Энгельса, старый деятель рабочего движения, ветеран 1848 г., Петерс выступил в защиту политической линии Маркса и Энгельса и осудил провокационную политику Б. Беккера — Швейцера[2]. Вслед за тем более ста рабочих опубликовали письмо с протестом против поведения Б. Беккера[3].

Нападки лассальянских вожаков не остались без ответа со стороны Международного Товарищества Рабочих. Немецкие рабочие, члены Центрального Совета, подняли на заседании Совета вопрос о клеветнических нападках лассальянцев. 4 апреля Совет поручил Каубу ответить на провокационную речь Б. Беккера в Гамбурге[4]. Такой ответ был помещен в «Nordstern»

---

[1] Процесс нарастания пролетарской, демократической оппозиции лассальянству в недрах ВГРС обстоятельно освещен в недавнем исследовании Г. Хюммлера (*H. Hümmler*. «Opposition gegen Lassale...»), на выводы которого мы и опираемся. В пределах данной статьи мы можем отметить, однако, лишь некоторые наиболее существенные пункты.

[2] См. «Social-Demokrat», Nr. 42, 2. IV. 1865; *H. Hümmler*. Op. cit., S. 178.

[3] См. «Nordstern», Nr. 305, 15. IV. 1865; *H. Hümmler*. Ibid.

[4] См. «Генсовет...», стр. 47.

22 апреля за подписью другого члена Совета, также немецкого эмигранта, Г. Боллетера.

Обстановка в берлинской общине Союза особенно интересовала Маркса и Энгельса. Маркс обращался к Либкнехту с советами о том, как следует вести агитацию среди берлинских рабочих за присоединение к Товариществу[1]. 21 марта Либкнехт выступил на собрании общины, состоявшемся под председательством Т. Метцнера, с речью, в которой вскрыл антирабочую сущность лассальянства[2]. Либкнехт внес на обсуждение собрания резолюции, которые одобряли отказ Маркса и его единомышленников от сотрудничества в газете «Social-Demokrat», осуждали нападки со стороны Б. Беккера и требовали исключения его из рядов ВГРС. На следующем собрании общины, 30 марта, эти резолюции были приняты[3]. Разъяренный неожиданным выступлением берлинских рабочих, Б. Беккер единоличным распоряжением сместил Метцнера с поста уполномоченного, то есть руководителя общины. Однако значительная часть членов общины не подчинилась этому приказу. Община раскололась. В мае в состав президиума оппозиционной общины были избраны сторонники революционного направления — Либкнехт, Фогт, Метцнер, о чем с тревогой извещала лассальянца Ф. Арндта графиня С. Гацфельдт[4]. Таким образом, уже к лету 1865 г. в берлинской общине ВГРС сложилось революционное крыло, к которому, кроме Фогта и Метцнера, примкнул студент З. Мейер. Поздней осенью они обратились к Марксу с письмом, в котором высказались за необхо-

---

[1] См. В. Либкнехт — Ф. Энгельсу, 4. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1558); В. Либкнехт — К. Марксу, 29. IV. 1865 (там же, ед. хр. 1571).

[2] См. «Social-Demokrat» № 39, 26. III. 1865 (см. также: В. Либкнехт — К. Марксу, 27. III. 1865. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1554).

[3] *K. Schilling*. «Die Ausstossung der Präsidenten Bernhard Becker aus dem ADAV und der «Social-Demokrat». Bericht über die am 27. und 30. März in der Berliner Gemeinde abgehaltenen Versammlungen». Berlin, 1865, S. 7, 14, 42; *H. Hümmler*. Op. cit., S. 169—170.

[4] См. С. Гацфельдт — Ф. Арндту. Май (?) 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. 1766).

димость «централизации рабочей партии в Германии». Они просили Маркса «направить и поддержать лучшие силы», «помогать им время от времени своими советами»[1]. Вслед за Берлином резолюции с требованием отставки Б. Беккера, а также осуждающие политическую линию газеты «Social-Demokrat», были приняты многими другими общинами ВГРС (например, в Альтоне, Гамбурге, Кёльне, Майнце). Оппозиционная община была основана в Лейпциге. Ее возглавляли кузнец Лушер и портновский подмастерье Хассельбахер. И. Ф. Беккер, связанный со многими деятелями этих оппозиционных общин, отмечал, что в них господствует «решительно республиканский дух». С помощью переписки, писал он В. Шили, «я постепенно подготовляю их к присоединению к Международному Товариществу Рабочих»[2].

Однако оппозиционные общины, недостаточно зрелые идейно и продолжавшие находиться под влиянием мелкобуржуазных учений, а также в результате искусного маневрирования заправил Союза, долго не решались пойти на полный разрыв с лассальянством. Они не поднимались до выдвижения последовательной революционной программы и тактики, часто сбивались на второстепенные предложения о разного рода мелких «реформах» в структуре Союза, замене одних лиц другими и т. д. Одной из самых крупных помех являлось отсутствие социалистической рабочей газеты, которая несла бы в массы рабочих идеи международной солидарности, сплачивала их воедино. В одном из писем к Энгельсу Либкнехт справедливо указывал, что созданию почвы для Интернационала в Германии сильно мешает

---

[1] См. Т. Метцнер, З. Мейер, А. Фогт — К. Марксу, 13. XI. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1619). См. также: «Vorwärts», 8. XII. 1913; «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1959, № 3. В. Либкнехт («Zwei Pioniere». «Die Neue Welt», 1900, № 7) и Б. Андреас (*Bert Andréas*. «Le Manifeste Communiste de Marx et Engels. Histoire et Bibliographie. 1848—1918». Milano, 1963, p. 40) называют среди участников этой группы также Реймана.

[2] И. Ф. Беккер — В. Шили, 3 и 6. VII. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/9).

отсутствие боевой рабочей газеты[1]. Необходимость такой газеты понимали также И. Ф. Беккер и В. Шили[2]. Ее издание удалось наладить лишь в следующем, 1866, году. Но даже и в этих трудных условиях дело Интернационала пробивало себе в Германии дорогу.

Секции Интернационала, группы его сторонников создавались в Германии на различной основе. Их организаторами были и некоторые передовые деятели общин ВГРС, и сохранившие связь с Марксом старые участники Союза коммунистов, и отдельные сознательные рабочие, студенты и ученые, тянувшиеся к Интернационалу. Организационному оформлению этих групп и кружков препятствовало то обстоятельство, что, согласно германским законам, рабочие общества не имели права ни объединяться, ни даже переписываться с другими обществами, в особенности с обществами за границей. Поэтому *прямое* присоединение к Товариществу было для них невозможно[3]. Учитывая это, Маркс призывал всех сторонников Интернационала в Германии вступать в Товарищество, применяя форму как коллективного, так и индивидуального членства. После окончания Лондонской конференции он писал Либкнехту: «Главное — это завербовать в Германии членов, как индивидуальных, так и общества»[4].

Тяга к Интернационалу была особенно заметна в общинах ВГРС на Рейне. Уже на рабочем съезде, состоявшемся 2 октября 1864 г. в Оффенбахе, обнаружилась сильная оппозиция лассальянским «наследникам» со стороны Золингенского рабочего союза[5]. Золингенская община ВГРС, узнав о выдвижении Б. Беккера на пост президента Союза, заявила протест[6]. Выше уже

[1] См. В. Либкнехт — Ф. Энгельсу, 30. VIII. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1603).

[2] См. В. Шили — И. Ф. Беккеру. Ранее 15. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 54/11). И. Ф. Беккер — В. Шили, 15. V. 1865 (там же, ед. хр. 21/8).

[3] См. *В. Либкнехт.* «Доклад о рабочем движении в Германии». «Генсовет...», стр. 189.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 411.

[5] См. *Ф. Меринг.* Цит. соч., т. III, стр. 190.

[6] См. [*E. Richter.*] «Die Geschichte der socialdemokratischen Partei in Deutschland seit dem Tode Ferdinand Lassale's». Berlin, 1865, S. 8,

говорилось, что Маркс просил Зибеля связаться с руководителем общины ВГРС в Золингене Клингсом, однако тогда этот план осуществить не удалось[1]. Ярая пропагандистка ортодоксального лассальянства С. Гацфельдт выражала уверенность в том, что в золингенской общине влияние лассальянства останется прочным[2]. Однако в январе 1865 г. золингенские рабочие выразили желание присоединиться к Интернационалу, сделав тем самым важный шаг к разрыву с лассальянством[3]. Некоторая оппозиция линии руководителей Союза обнаружилась также в Гамбурге и Лейпциге[4]. О положении в организации Союза в Бармене Зибель сообщал Марксу, что лассальянцы «располагают здесь небольшими силами. В речах о социальных стремлениях нет недостатка, но все дело настолько зашло в тупик, что ни один энергичный рабочий не может к нему примкнуть»[5].

5 марта 1865 г. кёльнское отделение ВГРС заявило протест против линии газеты «Social-Demokrat» и президента Союза Б. Беккера и решило приостановить перевод Президиуму союза членских взносов[6].

Вскоре Клингс эмигрировал в Америку и по дороге посетил Маркса в Лондоне. «Вы можете быть уверены, что и в Америке я сделаю в интересах нашего дела все возможное»[7], — писал он Энгельсу из Ливерпуля. «Настоящий «рейнский» рабочий!» — отозвался о нем Маркс[8]. Таких рабочих на предприятиях Золингена было немало. По их инициативе 23 апреля там состоялось собрание членов общины Союза, несогласных с политической линией Б. Беккера. Было решено основать самостоятельную общину и избрать ее уполномоченным

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 369.

[2] См. С. Гацфельдт — Ф. Арндту. Начало 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. 1774).

[3] См. К. Зибель — К. Марксу, 1. II. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1522).

[4] *Richter.* Op. cit., S. 17, 19—20.

[5] К. Зибель — К. Марксу, 25. XII. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1504).

[6] См. К. Маркс — Ф. Энгельсу, 18. III. 1865 (Соч., т. 31, стр. 88).

[7] К. Клингс — Ф. Энгельсу, 22. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1551).

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 87.

К. Ф. Дюльтгена, который призвал собравшихся следовать по пути, указываемому Марксом[1]. Влияние новой общины было столь велико, что в июне старая община решила прекратить свое существование и в полном составе примкнула к оппозиции[2].

Маркс и Энгельс уделяли особенное внимание укреплению влияния Интернационала среди рабочих Рейнской области. «Очень обрадовался, прочитав в «Nordstern», что в Золингене, наконец, тоже началось какое-то движение против Беккера и Швейцера, — писал Энгельс. — ...Очень важно знать, как обстоят дела на Рейне... Крайне необходимо было бы иметь на Рейне некоторые связи среди рабочих»[3]. В одном из позднейших писем Энгельс подчеркивал, что еще в 1848—1849 гг. золингенские рабочие были «наиболее развитыми и самыми решительными рабочими Рейнской провинции»[4].

Надежды Маркса на живой отклик со стороны рейнских рабочих оправдались. В июле рабочие Грефрата (Золингенский округ), ознакомившись с «Учредительным манифестом», восторженно одобрили его и решили приветствовать высказанные в нем идеи. Об этом руководитель местной общины Ф. Дюльтген поспешил уведомить Международное Товарищество Рабочих (через И. Ф. Беккера)[5]. Позиция рабочих Грефрата встревожила лассальянских вожаков, сообщал он, и породила всевозможные проекты «реорганизации» Союза.

Но кружки сторонников Интернационала возникали и складывались и в других районах Германии. Обращаясь к Л. Кугельману, Маркс призвал его, «вместе с наиболее близко стоящими к нему людьми», основать в Ганновере небольшое общество, т. е. секцию на основе индивидуального членства, и вступить в состав Интер-

---

[1] См. «Nordstern», № 307, 29, IV. 1865; *H. Hümmler*. Op. cit., S. 178.

[2] См. «Nordstern», № 313, 24. VI. 1865; *H. Hümmler*. Op. cit., S. 179.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 95.

[4] Там же, т. 32, стр. 538.

[5] См. Ф. Дюльтген — И. Ф. Беккеру, 17. XII. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 60—65).

национала[1]. В конце 1865 г. Л. Кугельман и Г. Менке вступили в состав Товарищества[2], в Берлине вступил Метцнер[3]. В Нидерзаульгейме — старый друг Маркса И. Шламп[4], а в Майнце — Пауль Штумпф[5] тоже стали работать в духе Интернационала.

Штумпф создал кружок сторонников научного социализма. В одном из писем, относящемся уже к началу октября, он сообщил, что каждый вечер в узком кругу друзей участвует в занятиях «коммунистической школы». Очевидно, они начались ранее, до открытия Лондонской конференции. «Я надеюсь, что к твоему приезду смогу предъявить кое-какие результаты», — писал он. Штумпф просил прислать ему литературу, с помощью которой можно было бы глубже уяснить сущность лассальянства с точки зрения научного социализма.

Знаменательно, что в обстановке подъема рабочего движения возрождается интерес к коммунистической теории и политике, растет тяга к коммунистической литературе. Тот же Штумпф пишет Марксу: «Помимо Манифеста 48-го года были также «Требования коммунистической партии». Пошли мне их!»[6]. Либкнехт неоднократно отмечал, что среди немецких рабочих растет спрос на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса[7]. В апреле — мае Юнг констатировал, что в Германии «хотя и медленнее (чем в Швейцарии, Франции и Бельгии. — *К. С.*), движение развивается»[8].

Уже в январе 1865 г. сложился, по-видимому, своего рода кружок сторонников МТР в Кёльне, от лица

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 384.

[2] См. Л. Кугельман — К. Марксу, 20. XII. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1623).

[3] См. В. Либкнехт — К. Марксу, до 26. XII. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1624).

[4] См. И. Шламп — Ф. Лесснеру, 25. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 178, ед. хр. 38/5).

[5] См. П. Штумпф — К. Марксу, 9. X. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1613).

[6] Там же.

[7] См., напр., В. Либкнехт — К. Марксу, 15. IV. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1564).

[8] Г. Юнг — Ф. Дюпле, апрель — 1 июня 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 75/15).

которых обращался к Марксу (через Ф. Лесснера) Г. Матцерат[1]. В Кёльне же работал и Клейн, поддерживавший связи с Энгельсом. В своем письме к Энгельсу от начала марта он передает приветы и от Шнейдера (видимо, К. Шнейдера, выступавшего в защиту коммунистов на Кёльнском процессе)[2]. Членом Интернационала являлся уже в 1865 г. проживавший в Гамбурге Ф. Мейнеке[3]. В том же 1865 г. в ряды Интернационала фактически вступил Ф. Эйххоф[4].

В августе — сентябре В. Шили, опираясь на пролетарское ядро немецкой эмиграции, предпринял усилия к созданию и в Париже немецкой секции Интернационала. О том, что он встречается со «здешними немецкими рабочими, способными людьми», которым он «предлагает международные членские билеты», Шили сообщал К. Марксу[5]. Но решающее значение должно было иметь, разумеется, появление секций в самой Германии.

Таким образом, уже на протяжении первого года деятельности Интернационала к нему примыкают, помимо ряда зарубежных немецких рабочих организаций и кружков (в Лондоне, Женеве, Париже), первые секции, кружки и группы единомышленников, возникшие на немецкой земле. Первой оформленной немецкой секцией Товарищества была секция в Золингене. Уже предпринимаются, заявил Маркс на одном из заседаний Генерального Совета в конце 1865 г., «шаги к созданию отделений Товарищества в Берлине, Майнце и Лейп-

---

[1] См. Г. Матцерат — Ф. Лесснеру, 8. I. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 178, ед. хр. 38/3).

[2] См. И. Я. Клейн — Ф. Энгельсу, позднее 8. III. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1542).

[3] В начале 1866 г. он обратился в Женеву к И. Ф. Беккеру с просьбой прислать ему экземпляр «Манифеста Коммунистической партии». См. Ф. Мейнеке — И. Ф. Беккеру, 20. II. 1866. Архив Института социальной истории в Амстердаме, фонд И. Ф. Беккера. Цит. по кн.: *Bert Andréas*. Op. cit., p. 40.

[4] Формально он вступил позднее, в июле 1868 г., но К. Маркс, учитывая его прошлую деятельность в пользу Интернационала, пометил его стаж 1865 годом (см. *H. Gemkow*, Op. cit., S. 522).

[5] В. Шили — К. Марксу, 10. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 259/12).

циге»; за это дело взялись люди, за которых он ручается[1]. В конце того же 1865 г. Лейпцигское просветительное рабочее общество выразило желание образовать отделение (секцию) Интернационала[2]. Возникают, по позднейшему свидетельству Юнга, «несколько секций на севере и юге Германии»[3]. «Есть надежда, — заявил Юнг на заседании Совета, опираясь на сообщения газеты «Nordstern», — что к Товариществу присоединится ряд отделений в Германии»[4]. Вероятно, уже тогда закладывались основы тех секций, которые в марте 1866 г. действовали в Пиннсберге (Шлезвиг-Гольштейн) и в Силезии (6 — в Вюстегирсдорфе, по 2 — в Петерсвальдау и Лангенбилау и одна — в Эмсдорфе)[5].

Дальнейший путь многих рабочих показывает, как они с помощью Интернационала выходили на широкую дорогу революционной борьбы. Деятель возникшей в мае оппозиционной общины ВГРС в Майнце часовщик Ф. Я. Шеплер, в прошлом — активный участник революции 1848 г., сблизился с работавшим в том же городе Штумпфом и с его помощью вступил в ряды Интернационала. Членом МТР стал и активный деятель Союза в Дрездене Грумпельт. Бывший член Союза коммунистов берлинский сапожник Фогт, являвшийся одним из основателей общины ВГРС, уже в 1865 г. установил связь с Марксом, а в 1866 г. создал первую секцию Интернационала в Берлине. Один из первых рабочих, выступавших против антипролетарской линии Б. Бекке-

---

[1] «Генсовет...», стр. 93.

[2] Там же, стр. 301, 109.

[3] Г. Юнг — в редакцию «Echo de Verviers» 15. II. 1866. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 539. Было бы важно раскрыть это глухое указание. Возможно, имеются в виду Лейпциг, Гота. Штутгарт и Нюрнберг, названные несколько ранее И. Ф. Беккером в письме его к К. Марксу (И. Ф. Беккер — К. Марксу, 18. XII. 1865. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 348/2. См. также: К. Маркс — В. Либкнехту, 15. I. 1866. Соч., т. 31, стр. 419). Плодотворными могли бы быть поиски в местных архивах свидетельств о зарождении секций МТР в таких пунктах, где, как доподлинно известно, они существовали в позднейшие годы. Мы имеем в виду, помимо названных выше, Аугсбург, Бармен, Билефельд, Брауншвейг, Бреславль, Гамбург, Гейдельберг, Кальк, Кримичау, Лугау, Майнц, Хемниц.

[4] «Генсовет...», стр. 109.

[5] См. «Vorbote» № 3, III. 1866; «Генсовет...», стр. 119.

ра, — Ю. Вальтейх, был исключен из ВГРС. Работая сапожником в Дрездене, он продолжал вести агитацию за интересы рабочего класса, а в дальнейшем, в 1866 году, вступил в Интернационал и стал организатором его местной секции. Стал в ряды эйзенахской партии плотник Т. Йорк, выступавший в лассальянском Союзе против сделок с реакцией.

Выдающееся значение имело присоединение к Интернационалу участников рабочих обществ и союзов в Германии. Либкнехт еще в декабре 1864 г. выразил надежду, что ему удастся побудить берлинский союз печатников к вступлению в Товарищество. «Союз печатников безусловно вступит», — писал он Марксу[1]. Действительно, спустя месяц этот союз официально заявил о своей солидарности с целями Интернационала[2].

В начале апреля 1865 г. Либкнехт развернул агитацию и в других столичных рабочих союзах[3]. Благодаря Интернационалу германские рабочие быстрее преодолевали унаследованный от прошлого провинциализм, замыкание в узких рамках местных интересов, мелочных столкновений и выходили на широкую дорогу политической борьбы. Показателен в этом смысле живой отклик немецких рабочих на крупные события международного значения. Так, в начале мая по предложению В. Либкнехта в рабочих союзах Берлина прошли собрания и митинги протеста в связи с убийством реакционерами президента США А. Линкольна[4]. В те дни, когда Центральный Совет принял известное Обращение к новому президенту Э. Джонсону[5], берлинская община выразила Джонсону соболезнование в аналогичном послании и отправила его в Вашингтон за подписью В. Либкнехта, А. Фогта и Г. Шиллинга[6].

---

[1] В. Либкнехт — К. Марксу, 20. XII. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1503).

[2] См. В. Либкнехт — К. Марксу, 21. I. 1865 (там же, ед. хр. 1517).

[3] См. В. Либкнехт — К. Марксу, 8. IV. 1865 (там же, ед. хр. 1559).

[4] См. В. Либкнехт — К. Марксу, 3. V. 1865 (там же, ед. хр. 1573).

[5] Решение о его выработке было принято 2 мая; текст был составлен К. Марксом в последующие дни, а 9 мая одобрен Советом (см. «Генсовет...», стр. 52, 54, 222—223).

[6] См. Берлинская община ВГРС — президенту США, 11. I. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 6945).

Сильное возбуждение вызвали в рабочей среде акты произвола прусских властей. В связи с тем что Бисмарк запретил встречу депутатов-прогрессистов, рабочие энергично выступили в защиту гражданских прав и свобод. 23 июля по стране прокатилась волна рабочих митингов в поддержку требования свободы собраний. Вопреки догмам лассальянцев, отвергавших участие рабочих в борьбе за свободу собраний, коалиций, печати и видевших панацею от всех бед во введении всеобщего избирательного права, рабочие почувствовали, что в свободе собраний пролетариат кровно заинтересован и их долг — поддержать это требование. В Берлине рабочие избрали «Комитет девяти» для руководства дальнейшей борьбой, но власти объявили, что комитет является «политическим сообществом» и потому незаконен, и распустили его [1].

30 июля, на областной конференции Саксонского союза, состоявшейся в Глаухау, Бебелю удалось добиться поддержки предложения о создании «Общества для защиты и поддержки духовных и материальных интересов рабочих». В отличие от просветительных обществ, эта новая организация могла бы охватывать и область экономической борьбы пролетариата. Более того, в ней были заложены зачатки будущей политической организации саксонских рабочих. В новый Союз вошли 29 местных союзов с 4600 членами, и его председателем был избран А. Бебель [2].

Именно в эти дни — 7 августа — он впервые встретился с В. Либкнехтом. «Вот у кого можно многому научиться!» — воскликнул А. Бебель в разговоре с друзьями. «Знакомство с Либкнехтом, — писал он впоследствии, — ускорило мое превращение в социалиста» [3]. В Лейпцигском рабочем просветительном обществе В. Либкнехт осенью 1865 г., как вспоминал впоследствии А. Бебель, распространял «Учредительный манифест» Интернационала [4].

---

[1] См. *Э. Бернштейн.* Цит. соч., стр. 153; *W. Ritscher.* «Koalitionen...», S. 253. См. также: «Zeitlersche Korrespondenz», 2. VIII. 1865.

[2] См. *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 125—126.

[3] *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 130.

[4] См. А. Бебель — Ф. Мерингу, 18. VI. 1894 (ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. 2).

Несомненным признаком роста политической активности рабочих явился III съезд рабочих просветительных обществ, который состоялся 3—5 сентября 1865 г. в Штутгарте. Съезд принял решения о развертывании борьбы за применение сдельной оплаты труда, за сокращение рабочего дня, против произвола предпринимателей. С докладом о создании рабочих кооперативных столовых выступил А. Бебель. Видное место в работе съезда заняли вопросы политической борьбы рабочего класса. Съезд обсудил вопрос о праве коалиций и принял резолюцию с требованием свободы союзов. Важнейшее значение имело обсуждение вопроса о борьбе за всеобщее, равное и прямое избирательное право. На съезде прозвучали резкие речи, обличавшие режим деспотизма и призывавшие к борьбе против монархического строя, за республику, против политической раздробленности страны, за единую Германию. Было принято решение об установлении постоянного взноса для всех входящих в объединение рабочих обществ, что должно было способствовать их организационному укреплению [1].

Съезд в Штутгарте явился новым шагом на пути высвобождения рабочего класса из-под влияния буржуазии. По свидетельству В. Шили, съезд «придал новый импульс духу интернационализма» благодаря приглашению на съезд делегатов французских рабочих [2].

* * *

С конца июля 1865 г. развернулась практическая подготовка к предстоящей первой конференции Товарищества. Центральный Совет утвердил повестку дня конференции [3]. Она была напечатана отдельной листов-

---

[1] См. *А. Бебель*. Цит. соч., passim; *H. Müller*. «Geschichte der deutschen Gewerkschaften». Berlin, 1918, S. 5; *Ad. Braun*. «Die Gewerkschaften vor dem Kriege». Berlin, 1921, S. 58.

[2] В. Шили — К. Марксу, 10. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 259/12).

[3] См. «Генсовет...», стр. 71—72.

кой[1] и передана на предварительное обсуждение местных секций Интернационала.

В сентябре Либкнехт по просьбе Маркса написал доклад делегатам предстоящей конференции «О рабочем движении в Германии». Ему не удалось самому приехать в Лондон, и он послал этот доклад Марксу в надежде, что он будет оглашен на заседании конференции. В этом документе Либкнехт воздал должное заслугам К. Маркса и Ф. Энгельса как руководителей «Neue Rheinische Zeitung», творцов теории научного социализма, борцов за дело пролетариата. Неизменно осуждавший всякое публичное признание своих заслуг, Маркс не допустил оглашения доклада[2].

Либкнехт ярко обрисовал трудный путь развития германского рабочего движения, особенно за последние 2—3 года, и заверил делегатов конференции, что, несмотря на все преграды, идеи Товарищества распространяются среди немецких пролетариев, а его принципы пользуются одобрением каждого мыслящего немецкого рабочего[3]. Его программа встретила единогласное и восторженное одобрение в рабочих организациях Берлина. Немецкий рабочий класс, писал Либкнехт, «идет вперед»[4].

В 20-х числах сентября под председательством Дюльтгена в Грефрате (Золингенский округ) состоялось собрание группы рабочих, симпатизирующих Международному Товариществу Рабочих. На этом собрании был оглашен «Манифест Коммунистической партии»[5], экземпляр которого был получен, по-видимому, от И. Ф. Беккера из Женевы. Фактически это собрание явилось первым, учредительным собранием местной секции Интернационала — первой его секции на немецкой земле.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 2.

[2] «Я *не* мог огласить его на конференции, так как мне лично уделялось в нем слишком много внимания», — писал Маркс (см. К. Маркс — В. Либкнехту, 21. XI. 1865. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 410).

[3] См. «Генсовет...», стр. 189.

[4] Там же, стр. 190.

[5] См. К. Дюльтген — И. Ф. Беккеру, 24. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 60/06).

«Если Вам доведется увидеть Маркса, — писал Дюльтген И. Ф. Беккеру, — скажите ему, что я его высоко ценю и как раз сегодня утром прочел моим друзьям «Манифест» сорок седьмого года»[1]. Резолюция, принятая собранием, начинается торжественными, волнующими словами: «Собравшиеся сегодня люди из Золингенского округа... целиком преданы социал-демократическому делу и желают Международному Товариществу Рабочих все более широкого размаха»[2]. То обстоятельство, что участники собрания считали себя членами Интернационала, убедительно подтверждается тем фактом, что после оглашения «Манифеста» участники собрания обсудили вопрос о повестке дня предстоящей Лондонской конференции Товарищества. Интересны предложения, выдвинутые рабочими. Из 10 вопросов, включенных Центральным Советом в повестку дня, золингенские рабочие выделили несколько, на их взгляд, наиболее существенных. Первое место занимал пункт «Какова цель Товарищества и каковы могут быть его средства?», представлявший собой видоизмененный § 3 лондонского проекта («Объединение действий с помощью Товарищества и борьба между капиталом и трудом в отдельных странах»); на второе место был поставлен пункт «Безработица и средства к ее устранению», отсутствовавший в лондонском проекте; на третье — «Товарищество, его принципы и их применение», отчасти совпадающий с § 1, и, наконец, на четвертое место — пункт «Постоянное войско с точки зрения производства» (в лондонском проекте — «Постоянные армии; их влияние на интересы производящих классов»)[3].

Участники собрания избрали делегатом на предстоящую конференцию И. Ф. Беккера, уже имевшего мандат от женевской немецкой секции. Посылая ему мандат золингенских рабочих, Дюльтген попросил его передать в Лондоне привет Марксу, вождю рабочих[4].

[1] См. К. Дюльтген — И. Ф. Беккеру, 24. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 60/06).
[2] Мандат И. Ф. Беккеру, 24. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, оп. 9, ед. хр. 3).
[3] См. там же, а также «Генсовет...», стр. 72.
[4] К. Дюльтген — И. Ф. Беккеру, 24. IX. 1865 (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 60/06).

28 сентября 1865 г., ровно через год после основания Международного Товарищества Рабочих, в том же здании в Сент-Мартинс-холле состоялось торжественное собрание рабочих, посвященное первой годовщине Интернационала. На него собралось свыше 300 человек. В речах, произнесенных на этом собрании, звучало отчетливое понимание исторического значения этого события.

Прозвучал здесь и голос германских рабочих. От лица германских и швейцарских рабочих выступил И. Ф. Беккер, который выразил глубокое убеждение в том, что «освобождение рабочего класса решит спор между трудом и капиталом»[1]. В этой речи было схвачено главное направление в деятельности Интернационала, как инструмента подготовки к грядущим боям за социальное освобождение пролетариата.

Ярким свидетельством идейного роста германских рабочих был тот факт, что принципы Интернационала, выраженные в его «Учредительном манифесте», его программа, по свидетельству В. Либкнехта, «*встретила единогласное* и *восторженное одобрение*» «*во всех более или менее крупных рабочих организациях* Берлина»[2].

Один за другим к Товариществу присоединялись рабочие кружки и союзы. Создавались инициативные группы рабочих, которые приходили к мысли об основании секций Товарищества. Страстный призыв к организации рядов пролетариата, прозвучавший в Сент-Мартинс-холле, встретил живой отклик в рабочем классе Германии, как и других стран, и за год Товарищество выросло в серьезную силу.

В этом историческом итоге велик вклад молодого германского пролетариата. А для самого германского рабочего класса одухотворяющее влияние великих идей интернационализма, свет, зажженный Интернационалом, имели неоценимое значение.

---

[1] «Генсовет...», стр. 322.
[2] Там же, стр. 189.

Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ

ИСТОРИЯ РАЗОБЛАЧЕНИЯ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ БАКУНИСТСКОГО ТАЙНОГО АЛЬЯНСА

Борьба с анархистской идеологией была одной из важнейших сторон идейной борьбы, которую вели Маркс и Энгельс в I Интернационале за торжество принципов научного коммунизма. Она складывалась из борьбы как с французскими, бельгийскими и швейцарскими прудонистами, так (с 1868 г.) и с бакунистами. Этой очень широкой теме, имеющей немало различных аспектов, посвящено довольно много как общих, так и специальных исследований. В данной статье мы не ставим своей задачей показать в целом идейную борьбу с бакунизмом, этой специфической формой анархистской идеологии. Мы ставим своей задачей раскрыть один, на наш взгляд, весьма важный и совершенно не освещенный в исторической литературе конкретный вопрос — когда и как Маркс и Энгельс узнали о существовании тайного бакунистского Альянса, когда и какие документальные подтверждения этого они получили, какое значение это имело для общей идейной борьбы в Интернационале. Освещение этого вопроса, как нам кажется, даст возможность более точно определить значение как Лондонской конференции 1871 г., так и Гаагского конгресса Интернационала (1872 г.). Дело в том, что ряд историков считает, что Лондонская конференция и Гаагский конгресс не только означали торжество идейных и организационных принципов научного коммунизма над анархистской идеологией, но и разгром Альянса. Гаагский конгресс рассматривается как завершение борьбы с бакунистами, считается, что Альянс был уже разоблачен задолго до

конгресса[1]. Некоторые историки, наоборот, считают, что борьба велась недостаточно остро, что Маркс и Энгельс недооценивали опасность, которую представлял Альянс[2].

Для того чтобы понять значение данного вопроса, необходимо коснуться некоторых специфических черт бакунизма, в частности создания бакунистской организации и истории взаимоотношений бакунистов с Интернационалом.

Выйдя с небольшим числом своих приверженцев из Лиги мира и свободы, Бакунин решил вступить в Интернационал, захватить в нем руководство и через него навязать рабочему движению свои догмы. Для этой цели им был образован Международный альянс социалистической демократии. При его создании Бакунин использовал в качестве основы уже существовавшую в Италии, созданную им же, тайную, по своему составу, организационным и программным принципам типично мелкобуржуазную, заговорщическую организацию, во многом соприкасавшуюся с традициями карбонарских, мадзинистских и, отчасти, масонских организаций[3]. По мысли Бакунина, Альянс должен был быть своего рода двуликим Янусом. Был создан открытый Международный альянс социалистической демократии, имевший свою программу и устав[4]. По этому уставу Альянс мыслился как самостоятельная международная организация, имеющая свой руководящий центр, проводящая свои местные съезды, а во время конгрессов Интернационала свои отдельные заседания (т. е. фактически свои конгрессы) и ставящая перед собой свои особые цели.

---

[1] См., например, *А. Е. Коротеева.* «Гаагский конгресс I Интернационала» в сб. «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955.

[2] См., например, *Ю. Стеклов.* «Михаил Бакунин. Его жизнь и деятельность», т. 4. М., 1927; *А. Гонсалес.* «Из истории борьбы марксизма против бакунизма в Испании (1869—1872)» в сб. «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960.

[3] Этот вопрос в той или иной мере рассматривался в работах: *A. Romano.* «Storia del movimento socialista in Italia». V. I. Milano — Roma, 1954; *G. Cerrito.* «Radicalismo e socialismo in Sicilia (1860—1882)». Messina — Firenze, 1958 и ряде других.

[4] «Programme et Réglement de l'Alliance internationale de la Démocratie socialiste». Genève, [1868].

В то же время Альянс претендовал на то, чтобы войти в качестве коллективного члена в Интернационал. Бакунин рассчитывал, что, используя свою международную организацию, а также трескучую псевдореволюционность написанной им программы[1], он сможет сплотить вокруг себя на конгрессе Интернационала большинство и таким образом захватить руководящий орган Интернационала — Генеральный Совет.

Одновременно с открытым Международным альянсом Бакунин создал тайную организацию, имевшую то же название — Альянс социалистической демократии.

Тайный Альянс был иерархически построенной, двухстепенной организацией, которую с полным основанием Маркс и Энгельс сравнивали с орденом иезуитов. Первую ступень тайного Альянса составляли «национальные братья» — тайная организация, создаваемая в каждой стране. «Национальные братья» должны были слепо повиноваться своему руководству, проводить негласно предписываемую им линию внутри организации Интернационала. Само существование высшей ступени — «интернациональных братьев» и международного центра тайного Альянса им не должно было быть известно. «Интернациональные братья» — небольшое число особо посвященных — призваны были осуществлять руководство Альянсом, а через него и рабочим движением в международном масштабе. Они также беспрекословно должны были подчиняться центру в Женеве — практически Бакунину[2]. Таким образом, с самого начала практика и организационные принципы построения Альянса находились в вопиющем противоречии с проповедуемым бакунистами анархизмом.

---

[1] Анархистские историки Гильом, Неттлау и др. неоднократно пытались доказать, что программа Альянса была даже более революционна, чем программа Интернационала. Характерно, что современный американский буржуазный историк Хостеттер пишет буквально то же самое (*R. Hostetter*. «The italian socialist mouvement. Origins. 1860—1882». New York, 1958, p. 117).

[2] Первое и до сих пор являющееся лучшим разоблачение характера и структуры тайного Альянса дано в работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих»; в приложении к работе даны статуты тайной организации (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18).

Опираясь на эту организацию, Бакунин рассчитывал целиком сосредоточить в своих руках руководство международным рабочим движением, осуществляемое как открыто, так и тайно.

Планы Бакунина встретили противодействие Генерального Совета. Получив просьбу о приеме и программу и устав Альянса, Маркс сразу же разгадал замысел Бакунина. 22 декабря 1868 г. Маркс написал циркулярное письмо «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии», принятое в тот же день Генеральным Советом. В этом документе убедительно вскрывалась попытка создания внутри Интернационала самостоятельной международной организации, существование которой «послужило бы вернейшим средством для его [Интернационала] дезорганизации». Альянсу было отказано в приеме[1]. 27 февраля 1869 г. Альянс вновь обращается к Генеральному Совету с письмом, в котором запрашивает, будут ли приняты группы Альянса в Интернационал в качестве секций последнего в случае роспуска международной организации Альянса. 9 марта 1869 г. Генеральный Совет утвердительно ответил на это письмо[2]. Позиция Генерального Совета объясняется тем, что Интернационал, как широкая массовая организация пролетариата, не закрывал своих дверей для организаций, стоящих на разных ступенях теоретического развития. Прекрасно понимая пустое фразерство и мелкобуржуазную сущность программы Альянса[3], Генеральный Совет тем не менее, исходя из Устава Интернационала, не мог отказать группам Альянса в приеме.

Получив решение Генерального Совета, открытый Международный альянс заявил о своем роспуске. В Интернационал вступила одна его секция — женевская, получившая название «Альянс социалистической демократии»; эта международная по составу (в нее входили швейцарцы, итальянцы, испанцы, русские, фран-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 353—355.

[2] Там же, стр. 363—364.

[3] В этом отношении большой интерес представляют замечания Маркса на программу Альянса (см. «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы». М., 1964, стр. 205—208).

цузы и бельгийцы) секция в то же время была и Центральным бюро тайного Альянса.

Таким образом, первоначальный план Бакунина — захватить руководство Международным Товариществом Рабочих, опираясь на открытый Международный альянс, — потерпел крах. Дальнейшие его планы были связаны как с действиями открытых групп Альянса, вошедших в Интернационал в качестве его секций (женевская секция, неаполитанская секция, испанские секции и ряд мелких секций в горной Юре), так и в основном с деятельностью групп тайного Альянса, существовавших в Швейцарии, Италии, Испании, Бельгии. Число членов в этих группах было невелико, однако им удалось захватить руководящие посты в ряде местных организаций и редакциях органов Интернационала.

Если деятельность открытых организаций бакунистов проходила на виду у всего Интернационала и за ней внимательно следили Маркс и Энгельс, то деятельность тайного Альянса составляла для них долгое время тайну. До 1870 г. планы Бакунина оставались прежними — захват уже сложившихся руководящих органов Товарищества. Крах этих попыток в результате противодействия Генерального Совета на Базельском конгрессе Интернационала (1869) и съезде Романской федерации в Шо-де-Фоне (1870) хорошо известен. Провал этих попыток определил то, что с 1870 г. Бакунин основную ставку делал на тайный Альянс.

Вступление Интернационала после принятия на Базельском конгрессе решений о коллективной форме собственности на землю в новую фазу развития — в период борьбы за утверждение политической программы — обусловливало то, что анархистская идеология в тех странах, где она получила распространение, становилась основным противником научного коммунизма. Этот исторически назревший конфликт был усилен и ускорен Парижской Коммуной. Обобщение Марксом опыта Коммуны, как первого в мире пролетарского государства, и борьба за то, чтобы уроки Коммуны — в первую очередь вопрос о необходимости создания самостоятельных политических партий пролетариата — стали достоянием рабочего класса — все это обусловливало открытый раз-

рыв с анархизмом, обострение борьбы со всеми видами анархистской идеологии внутри Интернационала и в первую очередь с бакунистами, выступившими против уже завоеванных принципов пролетарской организации. В этом отношении решающим рубежом была Лондонская конференция 1871 года. Резолюции Лондонской конференции 1871 г. «О политическом действии рабочего класса», «О земледельцах», «О международных связях профессиональных союзов» знаменовали дальнейший шаг в соединении теории научного коммунизма с рабочим движением. В них развивались важнейшие положения марксизма о пролетарской партии и завоевании пролетариатом политической власти. Резолюции наносили сокрушительный удар анархистской идеологии в целом.

Конференция вынуждена была заняться и деятельностью секций открытого Альянса. Вызванный бакунистами — женевской секцией «Альянс» и мелкими секциями в горной Юре — раскол в швейцарской Романской федерации был вынесен на рассмотрение конференции. Однако накануне конференции основной центр бакунистов, их женевская секция, заявила о самороспуске. Эти шаги, означавшие на деле то, что бакунисты отказывались от попыток действовать, опираясь на открытый Альянс, по их мысли, должны были дезориентировать Генеральный Совет и делегатов конференции. Отчасти это им удалось. Резолюции конференции «О наименованиях национальных советов», «Об Альянсе социалистической демократии», «О расколе в Романской Швейцарии» положили конец попыткам бакунистов, опираясь на свои *открытые* организации, существующие как секции Интернационала, захватить руководство рабочим движением. В резолюции «Об Альянсе социалистической демократии» конференция, исходя из того, что женевская секция «Альянс» заявила о своем самороспуске, что резолюция «О наименованиях национальных советов» запрещает создавать сепаратистские организации, претендующие на выполнение особых задач, что Генеральный Совет имеет возможность отказывать вновь образовавшимся секциям в приеме, объявила «вопрос об Альянсе социалистической

демократии исчерпанным»[1]. Такое решение объяснимо лишь тем, что ни Маркс и Энгельс, ни Генеральный Совет не знали о существовании тайного Альянса.

Решения Лондонской конференции были приняты бакунистами в штыки. Они ясно понимали, какой удар наносили эти резолюции всем противникам марксизма в Интернационале. Сразу же после конференции бакунисты меняют тактику борьбы. Основным объектом своей атаки они избирают организационные принципы Товарищества. Категорически выступая против решений Лондонской конференции, они требуют полной дезорганизации Товарищества, ликвидации Генерального Совета, прикрываясь лозунгом автономии секций. План Бакунина состоял в том, чтобы, опираясь на централизованную тайную организацию Альянса, существующую внутри Интернационала, использовать предлагаемый им план установления полной «автономии» для утверждения своего осуществляемого тайно господства в Интернационале. Для реализации своих планов бакунисты привлекают все враждебные марксизму в Интернационале силы — бельгийских и голландских прудонистов, а несколько позднее и английских оппортунистов, испанских анархистов и т. д. Программа их действий получает свое выражение в так называемом Сонвильерском циркуляре[2].

Таким образом, идейная борьба Маркса и Энгельса за принятие Интернационалом подлинно пролетарской, революционной политической программы, в центре которой стояли вопросы необходимости создания самостоятельных пролетарских политических партий и установления диктатуры пролетариата как средства достижения социализма, их борьба с анархистской и реформистской идеологией тесно переплеталась с отстаиванием организационных принципов строения Товарищества. Основными противниками были бакунисты. Борьба с их подрывной деятельностью, с их тайной организацией, которая сама по себе грозила самому существованию Интернационала, приобретала первостепенное значение.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 429.

[2] «Circulaire à toutes les fédérations de L'Association Internationale des Travailleurs». Genève, 1871.

Конечно, подпольная подрывная деятельность бакунистов не могла не быть замеченной еще до Лондонской конференции. Конфликт, возникший в Швейцарии между членами Романской федерации и открытыми секциями Альянса, заявления бакунистов, что ими созданы секции в Испании и Италии, единообразие выступлений против Генерального Совета в ряде стран привели Маркса и Энгельса к выводу, что внутри Интернационала бакунисты ведут тайную подрывную работу, рассчитывая захватить руководство Товариществом в свои руки. Об этом свидетельствуют письма Энгельса, особенно те, в которых он давал общую картину состояния Товарищества[1]. Расширение связей Маркса и Энгельса, в особенности установление через Куно и Кафьеро связей с Италией, через Ф. Мора, Х. Меса, а позже через Лафарга — с Испанией, укрепляли их предположения. Выход в свет Сонвильерского циркуляра и поднятая затем бакунистами единообразная кампания в разных странах окончательно убедили Маркса и Энгельса в том, что подрывная деятельность бакунистов имеет международный характер.

Все имевшиеся у них к началу 1872 г. сведения о подрывной деятельности бакунистов были собраны Марксом и Энгельсом в «Мнимых расколах в Интернационале», негласном циркуляре Генерального Совета, выпущенном в ответ на Сонвильерский циркуляр. Значение этой работы в деле обоснования резолюций Лондонской конференции, разоблачения сектантства вообще и сектантства бакунистов в особенности как черт, характерных для первых шагов рабочего движения и исторически изжитых уже в Интернационале, хорошо известно. Отметим некоторые второстепенные моменты этой работы. Во-первых, в ней Маркс и Энгельс дают «исторический обзор всех этих (Альянса. — *Н. К.*) интриг»[2]. Таким образом, «Мнимые расколы» довольно точно характеризуют то, что к этому времени (к марту 1872 г.) было известно Марксу и Энгельсу: в основном это мате-

---

[1] См. письма Маркса и Энгельса П. Лафаргу, К. Кафьеро, Т. Куно (Соч., 2 изд., т. 32, стр. 561—566 и т. 33, стр. 200—205, 218—227, 326—332).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 5.

риал, показывающий взаимоотношения открытого Международного альянса и Генерального Совета и конфликт в Швейцарии; хотя Маркс и Энгельс к этому времени уже знали о нечаевской авантюре и связях Нечаева с Бакуниным (на основании материалов процесса, сообщений Лопатина и Утина), этот материал ими использован не был. По-видимому, они еще не имели возможности проследить связь между нечаевским делом и действиями Альянса в целом.

Во-вторых, обращает на себя внимание и заглавие брошюры — «*Мнимые* расколы в Интернационале» (курсив наш. — *Н. К.*). Под этим заглавием брошюра вышла в свет в конце мая 1872 г., т. е. когда, как будет показано ниже, Маркс и Энгельс уже узнали о существовании тайного Альянса, когда раскол в Интернационале стал неизбежен. Но в марте 1872 г. Маркс и Энгельс еще не знали, как далеко зашла подрывная, раскольническая деятельность бакунистов, а главное, что она направлялась тайным Альянсом: имеющиеся у Маркса и Энгельса разрозненные сведения о деятельности бакунистов еще не складывались в единую, общую картину. Само заглавие возникло как ответ на статьи реакционной буржуазной печати, возвещавшей «раскол» и «кризис» Интернационала. Прекрасно сознавая весь вред, который приносит рабочему движению и Интернационалу пропаганда и деятельность бакунистов, Маркс и Энгельс продолжали бороться за единство Товарищества. В этом отношении весьма характерно, что *все* документы Генерального Совета против Альянса принимались как *конфиденциальные*, т. е. Маркс и Энгельс стремились ограничить борьбу идейной полемикой внутри Интернационала. Однако Маркс и Энгельс не знали в это время, что бакунисты уже фактически раскололи Интернационал, довольно широко распространив в нем сеть своей тайной организации, имевшей свои устав и программу, свои организационные и идеологические основы, прямо противоположные и враждебные Интернационалу.

В середине апреля 1872 г. Маркс и Энгельс впервые получают от Лафарга из Испании сведения о существовании там тайного Альянса. По нашему мнению, с этого

времени начинается новый этап борьбы Маркса и Энгельса с бакунизмом в Интернационале — этап, который заканчивается в 1873 г. принятием Генеральным Советом резолюции от 30 мая об исключении из Интернационала анархистских организаций и выходом в свет работы Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (август 1873 г.).

Разоблачение Альянса было связано с деятельностью Лафарга в Испании, с борьбой внутри Испанской федерации — этих вопросов мы не можем здесь касаться сколько-нибудь подробно[1]. Под воздействием Энгельса и Лафарга наиболее передовые деятели испанского рабочего движения, члены Федерального совета, являвшиеся также и членами тайного Альянса, Х. Меса, Ф. Мора, А. Лоренцо[2], приходят к выводу, что эта тайная организация наносит лишь вред рабочему движению. На Сарагосском съезде Испанской федерации (апрель 1872 г.), во время которого, согласно уставу Альянса, проходили тайные собрания его членов, Меса предложил распустить Альянс. Предложение это было отвергнуто. В то время Меса, Мора и др. еще не решались выступать с публичным разоблачением Альянса, они исходили из того, что Альянс пользуется влиянием в массах, и боялись вызвать раскол. Основываясь на письмах Лафарга, Энгельс писал 7—8 мая 1872 г. Куно, что они остались в Альянсе, чтобы «следить за ним и парализовать его деятельность»[3]. Присутствовавший на

---

[1] Эти вопросы более или менее подробно разобраны в статьях *А. Гонсалеса* «Из истории борьбы марксизма против бакунизма в Испании (1869—1872)» в сб. «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960; *Н. Колпинского* «Роль газеты «Emancipacion» в пропаганде идей марксизма в Испании (1871—1873)» в сб. «История социалистических учений». М., 1962.

[2] Х. Меса, Ф. Мора, П. Иглесиас и др. были членами редакции газеты «Emancipacion», в 1871—1872 гг. — членами Испанского федерального совета, летом 1872 г. образовали Новую мадридскую федерацию. Эта группа, постепенно становясь под влиянием П. Лафарга и Энгельса на позиции научного коммунизма, вела борьбу с бакунистским влиянием в Испании. В дальнейшем мы будем именовать эту группу для простоты изложения — редакторы «Emancipacion» или члены Новой мадридской федерации.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 386.

съезде Лафарг, по-видимому, от Меса узнал о существовании тайного Альянса, но в отличие от Меса, Мора и др. он решает немедленно публично разоблачить факт существования тайной организации внутри Интернационала.

12 апреля 1872 г. Лафарг пишет Энгельсу, что в «Испании всегда существовал Альянс как тайная организация», сообщает имеющиеся у него сведения о его структуре, называет имена некоторых его лидеров[1]. 27 апреля он со слов Мора сообщает Энгельсу содержание письма Бакунина Мораго, в котором совершенно недвусмысленно раскрываются цели тайного Альянса как организации, призванной «руководить» Интернационалом, а также пишет, что Мора, Меса и др. члены мадридской группы Альянса собираются добиться роспуска этой организации[2]. 5 мая в брюссельской газете «Liberté» публикуется вторая корреспонденция Лафарга о Сарагосском съезде, в которой впервые публично разоблачалось существование тайного Альянса. В ней Лафарг писал: «Альянс здесь конституировался как тайное общество, он рекрутировал своих членов из числа лучших и наиболее энергичных людей движения и видел свою миссию в том, чтобы руководить Интернационалом и следить за чистотой его принципов; одним словом, Альянс был аристократией в Интернационале»[3]. Немедленно после публикации статьи Лафарга Энгельс сообщает о содержавшихся в ней фактах своим соратникам, настаивает на ее перепечатке в органах Интернационала. 7—8 мая он пишет о ней Куно, 7 мая — Либкнехту[4]. Энгельс способствует установлению непосредственных связей Лафарга с органом Романской федерации «Égalité».

Основной задачей, вставшей перед Марксом и Энгельсом в связи с разоблачением Альянса, было получение документальных подтверждений этому, а также документов, разоблачающих тайный Альянс в других странах. Дело заключалось в том, что Лафарг знал и писал

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 204/3.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3190.
[3] «La Liberté» № 18, 5 мая 1872.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 383, 386.

о существовании тайного Альянса лишь в Испании, да и то со слов связанных с ним редакторов «Emancipacion». Позиция же их в это время, как отмечалось выше, состояла в том, чтобы, избегая публичных разоблачений, действовать внутри Альянса, добиваясь его роспуска. Будучи сами членами Альянса, они освещали его деятельность так, как понимали ее сами, подлинных же документов у Лафарга не было. С другой стороны, Маркс и Энгельс прекрасно понимали, что, для того чтобы иметь возможность официально выступить против бакунистской тайной организации и потребовать исключения бакунистов, нарушивших все организационные нормы Товарищества, надо быть во всеоружии документов. Зная всю историю подрывной деятельности бакунистов, Маркс и Энгельс, конечно, понимали, что тайный Альянс существует как международная организация, но для того чтобы доказать это, необходимо было иметь и сопоставить документы из разных стран. А их в это время у Маркса и Энгельса не было. Они имели лишь документы, связанные с основанием открытого Международного альянса и историей его взаимоотношений с Интернационалом, документы, связанные с расколом в Швейцарии, публичные выступления бакунистов против решений Лондонской конференции. Кроме того, от Лопатина и Русской секции (Утина) им было известно о так называемом нечаевском деле, о роли в нем Бакунина. По решению Лондонской конференции Утин должен был составить доклад о нечаевском процессе. Однако доклад не был еще готов. В ходе его подготовки Утин собрал значительное количество документов, характеризующих деятельность тайного Альянса как в России, так и в Швейцарии, но до окончания работы материалы свои Марксу и Энгельсу он не передавал (возможно, что к этому времени он сам еще не закончил сбор материала, во всяком случае еще не разобрался в нем).

В мае — августе 1872 г. Маркс и Энгельс ведут обширную переписку с Утиным, Куно, Даниельсоном, Беккером, Боркхеймом, Лафаргом, Меса и др., стремясь собрать к очередному конгрессу как можно больше документов. В 1892 г. Энгельс в письме в газету «Berliner

Volks-Tribüne» писал, что «Генеральный Совет получал доказательства этого (существования тайного Альянса. — *Н. К.*) раньше всего из Испании, а затем из Женевы им был получен устав и множество других документов...»[1]. Когда же эти документы были получены?

Судя по ответным письмам Лафарга, Энгельс в не дошедших до нас письмах от 2—5 мая и 23 мая 1872 г. просил предоставить в его распоряжение документы. 29 мая Лафарг посылает Энгельсу устав тайного Альянса в Испании и копию письма Бакунина к Мора от 5 апреля 1872 года[2]. Но в письмах указывалось, что документы предназначаются только для узкого круга ближайших соратников, а не для публичного их употребления[3]. В то же время Лафарг стремился ускорить переход членов редакции «Emancipacion» к решительным действиям, к открытому выступлению против Альянса. 17 мая Лафарг писал Энгельсу: «Я возьму на себя то, что они не осмелились сделать на съезде, я разоблачу альянсистов»[4]. Видимо, по совету Энгельса он начинает работать над составлением брошюры, разоблачающей происки Альянса[5]. В письмах к Энгельсу он продолжает сообщать все получаемые им сведения.

Дальнейшее поступление документов было связано с развитием борьбы в Испанской федерации. 2 июня 1872 г. редакторы «Emancipacion», являвшиеся членами мадридской группы Альянса, выпустили конфиденциальное обращение ко всем группам тайного Альянса в Испании, в котором извещали о самороспуске мадридской группы и предлагали всем группам последовать их примеру; решение это мотивировалось тем, что тайный Альянс «перестал быть необходимым» и деятельность его наносит вред Интернационалу. Циркуляр был сразу переслан Энгельсу, но опять-таки без разрешения использовать его публично.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 22, стр. 363.

[2] Письмо было опубликовано Марксом и Энгельсом в работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (Соч., 2 изд., т. 18, стр. 451—452).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3227 и 3228.

[4] Там же.

[5] См. Лафарг — Энгельсу, 5 июня 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3245).

18 июля Энгельс сообщает о полученных им сведениях Исполнительному комитету Генерального Совета (так с лета 1872 г. стал называться Подкомитет Генерального Совета). Но небольшое количество документов, которое он имел, и запрещение использовать их публично не позволяли вынести вопрос на заседание Генерального Совета.

Борьба внутри Интернационала в Испании продолжалась. Альянсистское руководство местной мадридской федерации приняло решение об исключении редакторов «Emancipacion» из федерации. Они образуют свою федерацию, получившую название Новая мадридская федерация. В конце июня выходит в свет брошюра Лафарга «Членам Интернационала в Испании», в которой Лафарг на основании всех имевшихся у него сведений разоблачал действия тайного Альянса, доказывал, что его существование и действия противоречат букве и духу Устава Интернационала, направлены на его раскол, наносят вред рабочему движению. Появление этой брошюры, отпечатанной в типографии «Emancipacion», вызвало усиление нападок бакунистов на членов редакции «Emancipacion». В этих условиях, а также под воздействием Энгельса и Лафарга, редакторы «Emancipacion» стали действовать более решительно. 4 июля Меса от имени Новой мадридской федерации обращается к Энгельсу. В своем письме он сообщает, что члены Испанского федерального совета являются бакунистами, и просит поддержать действия Новой мадридской федерации конфиденциальным циркуляром Генерального Совета, в то же время он подчеркивает, что не считает еще возможным публично выступить против Альянса[1]. Почти сразу же вслед за этим Лафарг посылает Энгельсу экземпляр тайного циркуляра бакунистского Испанского федерального совета от 7 июля, в котором Федеральный совет предписывал такие правила выборов делегатов на предстоящий общий конгресс Интернационала, которые обеспечили бы бакунистский состав испанской делегации на конгресс. Появление этого циркуляра диктовало необходимость

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3263.

принятия решительных мер. 24 июля Энгельс от имени Исполнительного комитета Генерального Совета направляет письмо Испанскому федеральному совету (документ в подлинном виде до нас не дошел; он известен нам по более позднему обращению Генерального Совета к испанским секциям, в которое был включен целиком [1]). Этот документ должен был показать испанским бакунистам, что Генеральный Совет знает об их интригах. В то же время категорические требования, которые предъявлялись Испанскому федеральному совету, — сообщить список всёх членов Альянса в Испании, произвести расследование характера и деятельности Альянса, прислать негласный циркуляр от 7 июля и др. — должны были окончательно выявить позицию Испанского федерального совета. Как и следовало ожидать, совет отказался выполнить требование Генерального Совета [2], чем окончательно разоблачил себя как орган бакунистов.

Во второй половине июля кончаются колебания членов Новой мадридской федерации. В письме, относящемся к середине (или второй половине) июля 1872 г., Лафарг сообщал Энгельсу мнение Меса, что наступило время действовать решительно [3]. 27 июля 1872 г. в газете «Emancipacion» появляется большая статья, напечатанная по решению Новой мадридской федерации, в которой разоблачалась деятельность тайного Альянса в Испании и, что гораздо важнее, целиком публиковался циркуляр мадридской группы Альянса от 2 июня 1872 г. о самороспуске. Таким образом, *впервые* в печати было опубликовано документальное подтверждение существования тайного Альянса. 28 июля 1872 г. Меса от имени Новой мадридской федерации, посылая этот номер газеты Энгельсу, пишет: «...в том, что касается Альянса, вы можете действовать свободно... в интересах Интернационала» [4]. Энгельс получил возможность публично использовать имеющиеся у него доку-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 116—118.

[2] Испанский федеральный совет — Генеральному Совету, 3 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 200/13).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3285.

[4] Там же.

менты и сведения, открыто выступить против Альянса. В том же письме Меса обещал собрать и послать Генеральному Совету все документы Альянса, какие ему удастся достать. Письмо было получено, видимо, 4 августа, и Маркс и Энгельс начинают подготовлять решительное выступление против бакунистов. 4 августа Энгельс пишет Куно: «Посылаю Вам номер «Emancipacion» и написанный Лафаргом (зятем Маркса) на испанском языке циркуляр, который прошу Вас тщательно изучить. Из него Вы увидите, чего хотел Бакунин — создать тайное общество внутри Интернационала, чтобы таким путем забрать Интернационал в свои руки. К счастью, тем самым этот план разоблачен, и притом своевременно». 4—6 августа Энгельс составляет от имени Исполнительного комитета проект обращения Генерального Совета ко всем членам Интернационала. 5 августа он пишет Беккеру: «...завтра вечером мы бросим бомбу, которая вызовет среди бакунистов немалую панику, а именно — публичное заявление относительно Альянса социалистической демократии, продолжающего существовать как *тайное общество.* Мы получили наконец нужный материал и обличительные документы из Испании...»[1]. 6 августа 1872 г. Энгельс на заседании Генерального Совета зачитывает проект обращения Генерального Совета ко всем членам Международного Товарищества Рабочих[2]. В этом документе Энгельс сообщал, что «...в наших руках оказались документы, неоспоримо доказывающие, что этот же Альянс социалистической демократии вопреки своему формальному обещанию все время продолжал и продолжает существовать как международное объединение внутри Интернационала, и притом в виде тайного общества...». Указывая, что это является явным нарушением общего Устава, что «впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 427, 430.
[2] Там же, т. 18, стр. 110—115.

борьбу», Энгельс характеризовал деятельность бакунистов как «заговор, направленный против самого пролетарского движения». На этом основании Энгельс предлагал, чтобы Генеральный Совет потребовал от предстоящего конгресса в Гааге исключения *всех членов Альянса* из Интернационала. Проект вызвал острую дискуссию, английские оппортунисты (Хейлз и др.), начавшие в это время блокироваться с бакунистами, резко выступили против него. Большинством голосов было решено проект не публиковать. Интересен тот факт, что против публикации обращения выступил и ряд бланкистов, в этот период обычно поддерживавших Маркса и Энгельса. На резкие обвинения Хейлза и требования ряда членов Совета предоставить исчерпывающие документальные доказательства Энгельс ничего не ответил. Это объясняется тем, что к этому времени, кроме тех документов, которые были получены от Лафарга в мае, Маркс и Энгельс располагали лишь обращением мадридской секции Альянса от 2 июня, статьей «Emancipacion» от 27 июля, секретным циркуляром Испанского федерального совета от 7 июля, его ответом на циркуляр Исполнительного комитета, письмами Лафарга и Меса (по существу не являвшимися официальными документами). Документы из Швейцарии еще не были получены.

В связи с необходимостью получить по возможности большее количество документов, которые можно было бы представить конгрессу, Маркс и Энгельс от имени Исполнительного комитета 8 августа 1872 г. направляют открытое письмо испанским секциям Международного Товарищества Рабочих, в котором всем секциям предлагалось провести расследование деятельности тайного Альянса и данные представить Генеральному Совету[1]. Получив это письмо, Новая мадридская федерация на собрании 22 августа выносит решение предоставить Генеральному Совету все имеющиеся у нее сведения и документы, касающиеся тайного Альянса. 23 августа Пахес от имени Новой мадридской федерации направляет *официальное* письмо Генеральному Совету о

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 116—118.

создании и деятельности Альянса в Испании[1]. 25 и 26 августа и 2 сентября Меса посылает Энгельсу все имеющиеся у него официальные документы Альянса[2], а также свое официальное заявление Гаагскому конгрессу об Альянсе в Испании[3].

Таким образом, документы были получены буквально накануне Гаагского конгресса. О том, какие документы были получены Энгельсом от Меса и представлены Гаагскому конгрессу, можно судить по двум сохранившимся спискам документов, составленным Энгельсом[4]. Один список является перечнем только испанских документов, он разбит Энгельсом на две группы: «Наши документы» и «От Меса». Второй список содержит перечень всех материалов и имеет гораздо более дробное деление («Наши документы», «Документы Меса», «Документы Утина», а также дается разбивка тех же документов по странам — «Швейцария», «Россия», «Смесь»). В отношении испанских документов оба списка совпадают. Среди «Наших документов», — т. е. документов, имевшихся у Маркса и Энгельса до получения в сентябре новой партии документов от Меса, Энгельс перечисляет: статью «Emancipacion» (от 27 июля), циркуляр Новой мадридской федерации (от 2 июня), статуты испанской организации Альянса из газеты «Federacion» № 155, устав секции «Разных ремесел» (печатная брошюра), брошюру, содержащую решения съезда в Сарагосе («Estracto de las actas del segundo congreso obrero de la Federacion regional Española, celebrado en Zaragoza...»), циркуляр Испанского федерального совета от 7 июля, письмо Энгельса Испанскому федеральному совету от 24 июля, письмо Бакунина Мора от 5 апреля 1872 г. (видимо, Маркс и Энгельс получили подлинник письма). Во втором списке к этому добавлен номер «Federacion», содержащий ответ Испанского федерального совета на письмо от 24 июля.

Список от Меса содержит 11 документов: «Письмо из Лиссабона о махинациях Мораго» (видимо, речь

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3311.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3306, 3307 и 3323.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3311.
[4] Там же.

идет о письме Португальского федерального совета Гаагскому конгрессу), циркуляр секции Альянса в Валенсии (от 30 января 1872 г., подписан Монторо), письмо Алерини Бастелика от 14 ноября 1871 г. (об отношении к Сонвильерскому циркуляру, письмо в копиях рассылалось испанскими руководителями Альянса всем группам Альянса), циркуляр пальмской секции Альянса (февраль 1872 г., подпись: Томас), циркуляр барселонской секции Альянса (от 25 октября 1871 г., подпись: Фарга Пелисер); 3 циркуляра севильской секции Альянса (от 25 октября 1871 г., от 23 февраля 1872 г. и одно не датировано, подпись: Марселау); рукописные статуты «Групп защитников Интернационала» (предложение о создании групп было внесено Меса и Мора в конце 1871 г. в связи с правительственными преследованиями Интернационала; по мысли Меса и др. членов Испанского федерального совета, группы эти должны были поглотить тайные секции Альянса) [1].

Таким образом, мы видим, что наиболее важные, подлинные документы тайного Альянса в Испании были получены от Меса, но получены они были буквально накануне конгресса.

Приблизительно в то же время Маркс и Энгельс получают разоблачающие Альянс материалы и документы из Швейцарии (от Утина). Здесь необходимо отметить одну неточность в нашей исторической литературе. Основываясь на ошибке в расшифровке одного места из письма Энгельса Беккеру от 16 февраля 1872 г., допущенной в 1 издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, некоторые историки считали, что ряд документов, касающихся Альянса, был получен Марксом и Энгельсом уже в феврале 1872 г.[2] Основано это было на трактовке следующего места из письма Энгельса: «Письмо Утина и ящик с гравюрами прибыли»[3]. Считали, что

---

[1] Все эти документы были затем использованы в работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Подлинники документов с пометками Энгельса хранятся в ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3311.

[2] См., например, *Б. П. Козьмин.* «Русская секция Первого Интернационала». М., 1957, стр. 354.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 216.

под «ящиком с гравюрами» Энгельс подразумевает посылку с документами. Однако в подлиннике письма сказано не «ящик с гравюрами», а «Suis. Rad.», то есть «Suisse Radicale» — швейцарская газета. В действительности документы, касающиеся деятельности тайного Альянса в Швейцарии, русские произведения Бакунина, ряд документов, связанных с нечаевским процессом, были получены от Утина во второй половине августа 1872 г. и в ноябре 1872 года.

До получения этих документов Маркс и Энгельс имели устав и программу открытого Альянса (получены от Беккера), всю переписку, связанную со вступлением Альянса в Интернационал, заявление о роспуске женевской секции «Альянс», ответы бакунистов на «Мнимые расколы» и другие печатные материалы. От Лопатина и Утина, а также по отчетам в русских газетах Маркс и Энгельс знали о нечаевском деле и роли в нем Бакунина. В конце августа Маркс через Даниельсона получает в свое распоряжение письмо Нечаева Любавину, связанное с переводом Бакуниным I тома «Капитала» на русский язык. Это письмо, написанное с ведома Бакунина, являлось ярким примером злоупотребления Нечаевым и Бакуниным именем революционной организации. Оно явилось основой решения Гаагского конгресса об исключении из Интернационала Бакунина в пункте мотивировки «...за личный проступок» [1]. Основные документы, собранные Утиным, были использованы им для составления огромного (более 7 печатных листов) конфиденциального доклада Гаагскому конгрессу о деятельности Альянса в Швейцарии и России [2]. Доклад этот Утин начал писать еще в 1871 г., когда Лондонская конференция поручила ему составить сообщение о нечаевском деле. В докладе были использованы большое количество русских листовок и воззваний Бакунина, «катехизис революционера» и другие документы, связанные с делом Нечаева, ряд документов, характеризующих деятельность Бакунина в Швейцарии, и самое главное — *статуты тайного Альянса* — программа и

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 149.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3311.

устав организации «Интернациональных братьев» (высшей ступени в тайном Альянсе) и программа и устав организации «Национальных братьев». Эти документы были целиком приложены к докладу[1]. Доклад, как уже отмечалось, был получен Марксом и Энгельсом в конце августа 1872 года. В октябре и ноябре 1872 г. Утин посылает Марксу подлинники русских документов (в докладе пространные выдержки из них давались в переводе на французский язык).

Таким образом, только накануне Гаагского конгресса Маркс и Энгельс получили в свое распоряжение достаточное количество документов для разоблачения существования тайного Альянса и его подрывной деятельности внутри Интернационала. Но для того, чтобы в целом вскрыть сущность деятельности бакунистов, показать, что существовала общая тайная деятельность, направленная на подрыв Интернационала и захват руководства рабочим движением, все эти документы (как открытого, так и тайного Альянса) надо было сопоставить друг с другом, связать их таким образом, чтобы эти разобщенные документы представили бы более или менее единую, общую картину[2]. В полной мере спра-

---

[1] Документы воспроизведены в работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (Соч., 2 изд., т. 18, стр. 439—449). Впоследствии анархистские историки (Гильом и др.) не раз пытались отрицать подлинность этих документов, выдавая их либо за никогда не реализовавшиеся проекты, либо за статуты тайной организации, существовавшей в Италии приблизительно в 1866—1867 годах. Но на основании того, что было найдено еще несколько экземпляров этих документов, при этом часть из них была напечатана, а некоторые экземпляры принадлежали лицам, познакомившимся с Бакуниным лишь в 1868—1869 гг., еще Стеклов неоспоримо доказал, что все эти документы являются именно статутами тайного Альянса и относятся к 1868—1869 годам. Тем более вызывает удивление ничем не подкрепленное утверждение Лёнинга, главного редактора издаваемого амстердамским Институтом социальной истории «Архива Бакунина», о том, что эти документы являются статутами итальянского тайного общества, созданного в 1866 г. («Archives Bakounine. I. Michel Bakounine et L'Italie. 1871—1872. Première partie. La polémique avec Mazzini». Leiden, 1961, p. XXV note).

[2] Об этом Маркс и Энгельс писали в введении к работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (Соч., 2 изд., т. 18, стр. 328).

виться с этой задачей за несколько дней, оставшихся до конгресса, Энгельс, которому было поручено составить доклад Генерального Совета об Альянсе, не успел. В докладе конгрессу были использованы в основном (причем не все) документы, полученные из Испании, и статуты тайного Альянса, которые сравниваются с уставом испанской организации Альянса [1].

По нашему мнению, это обстоятельство не могло не сказаться на решениях, которые принял Гаагский конгресс по вопросу об Альянсе.

Конгресс заседал с 2 по 7 сентября 1872 года [2].

Решения Гаагского конгресса означали торжество принципов научного коммунизма над анархистской и реформистской идеологией. Они закладывали прочный фундамент для создания самостоятельных политических партий. Борьба с анархистской идеологией как в области программных положений, так и организационных вопросов в Интернационале была доведена до логического завершения. Однако был и еще один аспект борьбы с бакунистами, тесно связанный с остальными, — разоблачение тайной организации внутри Интернационала, ведущей подпольную подрывную деятельность в рабочем движении.

На заседании конгресса 3 сентября 1872 г. во время обсуждения мандата Лафарга Маркс внес предложение *«исключить Альянс из Международного Товарищества Рабочих»* и назначить комиссию для рассмотрения документов по этому делу [3].

5 сентября была выбрана комиссия по рассмотрению дела об Альянсе. В ее состав вошли Куно, Спленгар (бакунист), Хеддегем, Люкен и Вишар. Комиссия работала 5 (вечер) и 6 сентября. Она заслушала показания Маркса, Энгельса, Лафарга, Врублевского, Дюпона, Серрайе, Гильома, Швицгебеля, Жуковского, Мораго, Марселау, Алерини и Фарга Пелисера (семь последних — бакунисты). 6 сентября Энгельс зачитал комиссии

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 132—142.

[2] Конгрессу посвящена книга *А. Е. Коротеевой* «Гаагский конгресс I Интернационала». М., 1963.

[3] Протоколы Гаагского конгресса (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед хр. 5926).

составленный им по поручению Генерального Совета «Доклад об Альянсе социалистической демократии»[1] и представил ей все собранные им и Марксом документы. Как отмечали впоследствии Маркс и Энгельс, «дело об Альянсе было настолько объемисто, что комиссия, заседавшая во время конгресса, успела лишь ознакомиться с наиболее важными документами...»[2]. Маркс и Энгельс прекрасно понимали, что разобраться во всех документах комиссия не успеет, что бакунисты постараются ввести ее в заблуждение (действительно, все заслушанные комиссией бакунисты дали ложные показания, отрицая сам факт существования тайного Альянса в международном масштабе и заявляя, что в Испании он будто бы уже распущен). Кроме того, сами Маркс и Энгельс не вполне успели разобраться в поступивших так поздно документах. Нам кажется, что именно этим объясняется тот факт, что предложение, сделанное Энгельсом в докладе, несколько изменяет предложение Маркса (исключить Альянс в целом). Энгельс предлагал:

«Принимая во внимание:

1. Что основанный и руководимый М. Бакуниным Альянс (главным органом которого является Центральный комитет Юрской федерации) представляет собой общество, враждебное Интернационалу, так как он стремится либо подчинить своему господству Интернационал, либо дезорганизовать его.

2. Что вследствие этого Интернационал и Альянс являются несовместимыми.

Конгресс постановляет:

1. М. Бакунин и все нынешние члены Альянса социалистической демократии исключаются из Международного Товарищества Рабочих. Они смогут снова вступить в него, лишь публично отказавшись от всякой связи с этим тайным обществом.

2. Юрская федерация как таковая исключается из Интернационала»[3]. В этом предложении вопрос расчле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 132—144.
[2] Там же, стр. 328.
[3] Там же, стр. 142.

нен, что позволяло более свободно маневрировать. Если предложение об исключении Альянса в целом не было бы принято, то могло пройти исключение его вожаков.

Действительно, как показывает доклад комиссии по делу Альянса, зачитанный на заседании конгресса 7 сентября, комиссия пришла к довольно неопределенным выводам. В докладе говорилось: «1. Что тайный Альянс, основанный со статутами, прямо противоположными Уставу Международного Товарищества Рабочих, существовал, но что недостаточно доказано его существование и в настоящее время; 2. Что проект статутов и письма, подписанные Бакуниным, доказывают, что этот гражданин пытался, а может быть, и основал в Европе общество по названию Альянс, статуты которого полностью противоречат в социальном и политическом плане Международному Товариществу Рабочих» [1].

По предложению комиссии Гаагский конгресс исключил из Интернационала Бакунина и Гильома [2]. Кроме того, было принято решение опубликовать документы, относящиеся к деятельности Альянса.

Таким образом, конгресс не разрешил окончательно вопрос с Альянсом. Не было до конца разоблачено существование тайного Альянса, не была предана гласности его подрывная деятельность. Не было принято и предложение Маркса об исключении Альянса в целом [3]. В связи с этим нам кажется, что хотя Гаагский конгресс и нанес сокрушительный удар бакунистам, знаменовал собой торжество принципов научного коммунизма, но он не является завершением борьбы Маркса и Энгельса с бакунистами в Интернационале. Лишь 30 мая 1873 г. под воздействием Маркса и Энгельса Генеральный Совет в Нью-Йорке принимает решение, почти совпадающее с предложениями, содержащимися в письмах Маркса и Энгельса, о том, что анархистские организации, отказавшиеся признать решения Гаагского конгресса, «поставили себя *вне рядов Международного*

---

[1] «Égalité» № 20, 20 ноября 1872 г., стр. 2.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 149.

[3] В письме в редакцию «Volksstaat» от 20 октября 1872 г. Маркс специально подчеркивал, что он предлагал конгрессу исключить Альянс (Соч., т. 18, стр. 174).

Товарищества Рабочих и не являются больше его членами» [1]. Хотя это решение было принято в новых, сложившихся после Гаагского конгресса условиях и являлось завершением нового этапа борьбы, оно означало реализацию внесенного Марксом в Гааге предложения об исключении Альянса как организации.

С другой стороны, лишь выход в свет в августе 1873 года брошюры Маркса и Энгельса, написанной в апреле — июле 1873 г. при участии П. Лафарга, «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» завершал публичное разоблачение подрывной деятельности бакунистского Альянса. В этой работе на основе детального анализа и сопоставления всех полученных накануне Гаагского конгресса и после него (от Утина) документов Маркс и Энгельс до конца вскрыли подрывную деятельность Альянса в международном масштабе, показав на этом конкретном примере классовые корни сектантства и вред, который оно наносит рабочему движению.

Таким образом, история борьбы Маркса и Энгельса с бакунистским Альянсом завершается в мае — августе 1873 года.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 19, стр. 653.

И. А. БАХ

ЭЖЕН ДЮПОН — ДРУГ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Великие учители рабочего класса Маркс и Энгельс были не только теоретиками, авторами научных трудов и программных документов пролетарской партии, они вели огромную организационную работу по созданию этой партии, работу тем более сложную и кропотливую, что организация еще складывалась и речь шла не только о руководстве большими массами пролетариата, но и о воспитании первого партийного ядра, первых кадров сознательных революционеров-коммунистов. Этой стороне деятельности Маркса и Энгельса в период Союза коммунистов посвящен ряд исследований[1]; что же касается периода Первого Интернационала, то в этой области сделаны только первые шаги.

С момента основания Международного Товарищества Рабочих Маркс начал сплачивать в Генеральном Совете группу ближайших помощников, с которыми вел систематическую работу, терпеливо разъясняя им основы своего учения и помогая избавиться от свойственных ранним стадиям рабочего движения утопических и мелкобуржуазно-сектантских воззрений. Маляр Роберт Шо, часовщик Герман Юнг, механик и мастер музыкальных инструментов Эжен Дюпон и другие находили силы и время после 12—14 часов рабочего дня в мастерской

[1] См. сборник биографических очерков «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры» под ред. Е. П. Канделя. М., 1961; книги: *В. А. Смирнова.* «В. Вольф, человек, которому Маркс посвятил «Капитал». М., 1963; *К. Obermann.* «Joseph Weydemeyer». New York, 1947.

или на фабрике, чтобы изучать произведения Маркса, активно участвовать в еженедельных заседаниях Генерального Совета, вести пропаганду в лондонских рабочих союзах и клубах, с огромными трудностями (некоторым из них приходилось преодолевать свою малограмотность) переписываться с товарищами в других городах и странах, писать статьи и корреспонденции в органы Интернационала.

Ученик и соратник Маркса и Энгельса Эжен Дюпон был в продолжении семи лет секретарем-корреспондентом Генерального Совета Интернационала для Франции. С начала 1865 г. до 1872 г. он поддерживал постоянную переписку с членами Интернационала в различных концах Франции, неоднократно ездил в Париж и французские провинции для установления связей, через него проходила большая часть советов и призывов, с которыми Маркс обращался к французским рабочим в различные моменты истории Интернационала. Дюпон был близко знаком с семьей Маркса, он часто бывал в его доме в Лондоне, в доме Энгельса в Манчестере. Маркс называл Дюпона «своим другом». Биография этого человека, которому выпало счастье работать вместе с Марксом и Энгельсом в первой международной массовой организации пролетариата, проливает яркий свет на одну из сторон партийно-политической и революционной деятельности основоположников научного коммунизма.

* * *

Эжен Дюпон родился в Париже; точная дата его рождения пока не установлена. 16-летним юношей он участвовал в июньской битве парижского пролетариата в 1848 году. Пылкий, восторженный, самоотверженный, настоящее дитя Парижа — Гаврош — таким рисует нам его Поль Лафарг в этот период[1].

Свои ученические годы Дюпон провел в мастерских знаменитого фабриканта медных духовых инструментов Адольфа Сакса. Живой ум и золотые руки Дюпона нашли себе здесь широкое применение; он вскоре попал в

[1] «Égalité», 29. I. 1882.

число лучших мастеров, которым Сакс поручал осуществление новых образцов духовых инструментов. Дюпон сам был изобретателем и с первых шагов своей деятельности столкнулся с горькой участью рабочего-изобретателя в капиталистическом обществе: его изобретения, обогащая хозяина, только ухудшали положение рабочего. «Фабриканты, — писал Дюпон в 1862 г., — постоянно ставят себе целью производить дешевле, используют усовершенствования в методах производства для того, чтобы снижать заработную плату. Сколько мыслей погибло по этой единственной причине! Как часто рабочие хранят при себе упрощения и усовершенствования, которые, примененные в широком масштабе, продвинули бы производство на огромный шаг вперед»[1].

Дюпон сумел завоевать авторитет среди товарищей и в середине 1862 г. был в числе 200 французских рабочих-делегатов, посетивших Всемирную промышленную выставку в Лондоне; он участвовал в дружеской встрече английских и французских рабочих в помещении Фримэсонс-таверн 5 августа 1862 года[2].

Доклад, представленный Дюпоном и его товарищами об итогах посещения Всемирной выставки, характерен для теоретического уровня тогдашних передовых французских рабочих[3]. Доклад группы рабочих, изготовлявших музыкальные инструменты, подписан в числе других и Дюпоном. Он начинается с общего описания тяжелого положения рабочего класса во Франции: растет дороговизна, заработная плата снижается, рабочий день неограничен, рабочий не имеет ни времени, ни возможности учиться и повышать свою квалификацию, ученичество не охраняется никакими законами, подростки используются для неквалифицированной и тяжелой работы. Главная причина бедственного положения французских рабочих заключается в «необузданной конкуренции», которая заставляет предпринимателя «стремиться к дешевизне, не заботясь о качестве рабо-

---

[1] «Rapports des délégués des ouvriers parisiens à l'exposition de Londres en 1862». Paris; 1862—1864.

[2] «Troisième procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris». Paris, 1870, p. 111.

[3] «Rapports des délégués...», p. 878—885.

ты». Кто несет всю тяжесть этого положения? Рабочий: из его доли удерживается доля всех остальных. «Сокращая заработную плату, хозяин побеждает в конкурентной борьбе, раздает крупные премии посредникам и обеспечивает большую прибыль торговцам». В Англии положение рабочего не столь тяжелое, потому что тред-юнионы охраняют заработную плату и добились ограничения рабочего дня 10-ю часами. Чем же помочь французским рабочим? «Созданием синдикальных или корпоративных палат», — отвечают авторы доклада. Эти палаты должны были бы состоять в равных частях из представителей предпринимателей и рабочих; но ввиду того, что фабриканты музыкальных инструментов недавно объединились без участия рабочих, рабочим предлагается «*немедленно* (подчеркнуто в тексте. — *И. Б.*) образовать свою рабочую синдикальную палату».

Доклад заканчивается ссылкой на «великие принципы 89 года», в силу которых рабочие должны обладать теми же правами, что и их хозяева. В нем наряду с чертами, свойственными прудонистам, — ужасом перед быстрым развитием капитализма, ложным представлением, будто конкуренция является корнем социальных бед, мечтой о сотрудничестве классов, заметны и окрепшие под влиянием знакомства с английскими рабочими тред-юнионистские тенденции. Именно таковы были взгляды Толена и его группы, с которой Дюпон был связан еще в Париже[1]. Но Дюпон, очевидно, уже тогда отличался более резко выраженными антибонапартистскими, республиканскими стремлениями. По-видимому, этот момент наряду с материальными соображениями побудил Дюпона переехать в Лондон, где он поступил старшим мастером к фабриканту духовых инструментов Дистину.

В Лондоне Дюпон познакомился и с представителями французской мелкобуржуазной эмиграции, местом встреч которой была ресторация француза Жака на Перси-стрит, Лейстер-сквер. Вместе с демократическим журналистом Жозефом Колле Дюпон присутствовал на

---

[1] «С Дюпоном меня связывали узы дружбы, мы с тех пор все время переписывались», — заявил Мюра на третьем процессе парижских членов Интернационала в 1870 г. («Troisième procès...», p. 111).

свидании Толена с Оджером и другими членами Лондонского совета тред-юнионов на следующий день после собрания в Сент-Джемс-холле 27 июля 1863 года[1]. Здесь впервые велся разговор о создании международного объединения рабочих. Весьма вероятно, что Дюпон присутствовал и на собрании в Сент-Мартинс-холле 28 сентября 1864 г., на котором было основано Международное Товарищество Рабочих.

В ноябре 1864 г. по рекомендации одного из наиболее активных представителей французской эмиграции, переводчика Ле Любе, Э. Дюпон был избран в состав Центрального (Генерального) Совета Интернационала[2].

Дюпон впервые присутствовал на заседании Совета 1 ноября 1864 г., в тот день, когда утверждались составленные Марксом Учредительный Манифест и Временный Устав Международного Товарищества Рабочих. Принятие Советом программных документов, выработанных Марксом, явилось важнейшей предпосылкой победы марксизма в международном рабочем движении. Но предстояли еще годы упорной работы для сплочения вокруг этих документов широких масс рабочих различных стран Европы и Америки. В этой работе Дюпону довелось сыграть активную роль.

Важнейшей задачей на первых порах было укрепление классового пролетарского характера молодой международной организации, ограждение ее от посягательств вожаков европейской буржуазной демократии, стремившихся подчинить своему влиянию растущее рабочее движение. Опираясь на рабочих — членов Генерального Совета, Маркс вел упорную борьбу против сторонников Мадзини, Ледрю-Роллена, против английских буржуазных радикалов, проникших в состав руководящего органа Интернационала. Особенно острый характер эта борьба приняла во время конфликта, возникшего в начале 1865 г. между рабочими-прудонистами, основателями первой секции Интернационала в

---

[1] *E. Fribourg.* «L'Association Internationale des Travailleurs». Paris, 1871, p. 10.

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 10.

Париже, и группой французских буржуазных республиканцев. Руководители парижской секции сами обратились за содействием в Генеральный Совет. В течение нескольких недель члены Генерального Совета и весь состав более узкого исполнительного органа — Постоянного комитета — были заняты разбором французских дел[1]. Понадобился огромный тактический и организационный талант Маркса, чтобы уладить сложный вопрос, от правильного решения которого зависели пролетарский и интернациональный характер Международного Товарищества Рабочих[2]; притязаниям буржуазных элементов был дан отпор, а прудонистскому руководству парижской секции Совет рекомендовал установить более тесный контакт с рабочими массами. В эти дни Дюпон, который все же стоял ближе к парижским прудонистам, чем к лондонским эмигрантским кругам, неотступно сопровождал приехавших из Парижа Толена и Фрибура[3]. По-видимому, именно тогда и завязалось первое знакомство Маркса с Дюпоном.

Позиция, занятая в парижском конфликте большинством Генерального Совета, обусловила выход из его рядов группы буржуазных демократов, в том числе и Ле Любе, выполнявшего ранее обязанности секретаря-корреспондента для Франции. По предложению Маркса на освободившийся пост 11 апреля 1865 г. был избран Дюпон. Уже 28 марта ему было поручено временно вести переписку с французскими членами Интернационала, так как Ле Любе отказался выполнять поручения Генерального Совета. Назначение Дюпона совпало с ответственным моментом в развитии французских секций. Необходимо было использовать живой интерес французских рабочих к Товариществу для вовлечения в секции новых членов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 74, 84 и др.

[2] См. *К. Маркс*. «Записка Г. Юнгу по поводу конфликта в парижской секции». («Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 195—199).

[3] «Толен и Фрибур, имея 120 франков в кармане в качестве единственного багажа, выехали в Булонь и на следующий день, 1 марта, в 2 часа дня были на Лондон-бридж. Конец дня ушел на беготню под предводительством Эжена Дюпона в поисках членов Генерального Совета и на завоевание симпатий Юнга, секретаря для Швейцарии» (*E. Fribourg*. Op. cit., p. 27).

Между 11 и 25 апреля 1865 г. Дюпон по поручению Генерального Совета ездил в Париж. Вместе с В. Шили[1] он провел там большую работу по укреплению парижской секции и расширению ее связей с массами. Во время пребывания Дюпона было подготовлено собрание представителей различных рабочих обществ Парижа, состоявшееся 26 апреля[2]. Собрание приняло решение об избрании комиссии в составе 17 человек для содействия правлению секции. Такая реорганизация руководства секции обеспечила ей поддержку рабочих. В числе избранных в первый состав комиссии содействия были такие подлинные представители французского рабочего класса, как будущий коммунар, выдающийся деятель Интернационала переплетчик Эжен Варлен и чеканщик Зефирен Камелина, начальник монетного двора в дни Парижской Коммуны, впоследствии один из основателей Коммунистической партии Франции, член редакции «Humanité».

Из Парижа Дюпон привез казначею Генерального Совета сто франков — первое отчисление, сделанное в кассу Интернационала парижским правлением, первое материальное доказательство организованности и жизнеспособности французских секций. Уже в начале своей деятельности Дюпон завязал переписку с Парижем, Лионом, Нёшато (в Вогезах), Каном, Лизьё и рядом других местностей, из недели в неделю сообщая на заседаниях Генерального Совета об основании новых секций в различных местностях Франции.

С первых дней существования Интернационала Маркс начал сплачивать вокруг себя наиболее сознательных и преданных делу пролетариата рабочих — членов Генерального Совета, постепенно приобщая их к идеям научного коммунизма. В этой терпеливой и

---

[1] Немецкий адвокат, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г. Виктор Шили с начала 50-х гг. эмигрировал во Францию. Он был по своим убеждениям близок к научному коммунизму и по предложению Маркса был назначен уполномоченным Генерального Совета для содействия парижской секции (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 83).

[2] В. Шили — К. Марксу, 27 апреля 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 259/10).

неустанной воспитательной работе большую помощь оказывали ему несколько старых членов Союза коммунистов — Г. Эккариус, Ф. Лесснер, К. Кауб. Уже к середине 1865 г. начало складываться то возглавляемое Марксом ядро пролетарских революционеров, вожаков рабочего класса различных стран, благодаря которому Генеральный Совет превратился в боевой штаб международного пролетариата. Наличие этого ядра ускорило процесс консолидации всех социалистических элементов и способствовало победе марксизма в Интернационале. В лице Дюпона Маркс приобрел надежного помощника по руководству французскими секциями Интернационала. Дюпон с величайшим вниманием прислушивался к Марксу, последовательно поддерживал его позицию в Генеральном Совете при решении общих вопросов, отстаивал линию Совета на международных конгрессах. Дюпон всегда считал себя учеником Маркса. «Всему тому, что я знаю, я научился у него» [1], — повторял он. К Марксу он обращался во всех затруднительных случаях, со всеми неясными вопросами. «Наспех пишу Вам несколько слов, — писал Дюпон Юнгу 23 июня 1865 г. — Только что у меня был член Общества, делегат парижского правления, он уезжает в субботу утром. Я назначил ему свидание завтра вечером, в 7 часов, он хочет видеть кого-нибудь из членов комитета. Зайдите или напишите Карлу Марксу, и кому Вы сочтете нужным...» [2].

Летом 1865 г. Дюпон провел под руководством Маркса большую и ответственную работу в связи с отсрочкой предполагавшегося конгресса в Брюсселе и созывом конференции в Лондоне в сентябре 1865 года.

По сохранившимся письмам этого периода можно судить о размахе переписки, которую Дюпону пришлось вести с Парижем, Лионом, Каном, Нёшато. «Я получил также письмо из Лондона, в котором мне сообщают, что моя просьба принята», — пишет в конце июня Фрибуру Талбо из Кана. «Я получил из Лондона письмо с изве-

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 3 марта 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2789).

[2] Э. Дюпон — Г. Юнгу, 29 июня 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 75/21).

щением об отсрочке конгресса и созыве конференции», — пишет 14 июля тому же Фрибуру Э. Лефебр из Нёшато. «Комитет постановил послать пригласительное письмо редакторам всех газет..., — пишет сам Дюпон Фрибуру 17 сентября 1865 г., — ...поэтому прошу Вас пригласить их на вечер 28 сентября. Мы прекрасно знаем, что они не придут. Это делается для того, чтобы некоторым образом заставить их заинтересоваться Товариществом». В том же письме Дюпон просит Фрибура представить конференции ряд сведений об организации советов прюдомов (согласительных комиссий) во Франции: состав комиссий, на какие средства они существуют и т. п.

После Лондонской конференции 1865 г., значительно укрепившей Интернационал организационно, круг деятельности Дюпона заметно расширился. Влияние Интернационала во Франции росло, все новые секции обращались в Лондон за инструкциями, почти на каждом заседании Генерального Совета Дюпон оглашает письма своих корреспондентов во Франции — Фрибура и затем Варлена в Париже, Ферре в Пантене, Шеттеля в Лионе, Бодрана и Беньера в Флёриё и Нёвиле-сюр-Соне, Маркела в Гранвиле, Прюдона и Бюзона в Бордо, Мадио в Ренне, Дюамеля в Лизьё, Тутена в Конде-сюр-Нуаро, Тальбо в Кане, Айу, Вагане и Маршевале в Вьенне, Лефебра в Нёшато, Обри в Руане. Дюпон высылает членские билеты, принимает отчеты, наводит справки по запросам отдельных секций и лиц, информирует их о развитии Интернационала в Англии и в других странах, завязывает и закрепляет все новые и новые связи.

По мере того как Дюпон овладевал английским языком, он принимал все большее участие в работе самого Генерального Совета. С осени 1865 г. он входил в состав делегаций Совета, систематически посещавших английские рабочие организации для пропаганды идей Интернационала. Эти посещения Дюпон обычно проводил совместно с Германом Юнгом, с которым его вскоре связала тесная дружба. Протоколы Генерального Совета и переписка Юнга говорят о постоянных встречах и совместных выступлениях Дюпона и Юнга. В записке к Юнгу 15 ноября 1865 г. Маркс пишет как о само собой

разумеющемся: «Зайду к Вам *в воскресенье после обеда.* Мне хотелось бы встретиться у Вас с Дюпоном, так как я должен сообщить ему ряд вещей» [1].

Вместе с Юнгом Дюпон посетил большое собрание делегатов тред-юнионов, созванное для обсуждения законопроекта о постоянной третейской конфликтной палате для урегулирования конфликтов между рабочими и предпринимателями, внесенного в английский парламент лордом Сент-Леонардсом. Генеральный Совет поручил Дюпону и Юнгу специально осветить на этом собрании действующее во Франции законодательство об арбитражных палатах и советах прюдомов. «Дюпон очень хорошо осведомлен в этом вопросе, — писал Г. Юнг Марксу 5 февраля 1866 г., — и я думаю, что мы неплохо справимся с задачей» [2].

Важнейшую задачу Интернационала применительно к Франции, так же как и в Швейцарии и Бельгии, Маркс видел в преодолении влияния прудонизма. Мелкобуржуазное учение Прудона с его отрицательным отношением к стачкам, к профессиональным союзам, к политической борьбе, с реакционными взглядами на семью и воспитание, слепой верой во всеспасающую силу кооперации, обмена эквивалентных продуктов и дарового кредита являлось серьезным тормозом к развитию рабочего движения. Особый вред приносило отрицательное отношение к стачкам.

Вопрос о стачках имел в то время для Интернационала первостепенное значение. В 1864—1865 гг. волна стачек прокатилась по всем странам Западной Европы, в стачечное движение стихийно вступали все более широкие массы рабочих различных профессий. Между тем вожаки рабочих организаций не только не поддерживали этого движения, но выдвигали против него принципиальные возражения. Отрицательное отношение к стачкам было свойственно не только последователям Прудона во Франции, Бельгии и Швейцарии, но и немецким лассальянцам и некоторым более отсталым лидерам английских тред-юнионов. Правильное понима-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 408.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 76/3.

ние места экономической борьбы в общей освободительной борьбе пролетариата было необходимым условием дальнейшего развития рабочего движения. Обращаясь к членам Генерального Совета на заседании 20 июня 1865 г., Маркс прямо говорил: «Сейчас на континенте царит настоящая эпидемия стачек, и требование повышения заработной платы стало всеобщим. Этот вопрос будет обсуждаться на нашем конгрессе. Вы, стоящие во главе Международного Товарищества Рабочих, должны иметь по этому важнейшему вопросу твердо сложившиеся убеждения»[1]. В выводах, предложенных Марксом Генеральному Совету в докладе о заработной плате, цене и прибыли, подчеркивалось огромное значение стачек как школы классовой борьбы. Но Маркс одновременно предостерегал рабочих от переоценки возможных результатов чисто экономической борьбы. Рабочий, говорил Маркс, не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий системы наемного труда, а не против самой этой системы, что он «применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь»[2].

Одним из первых печатных выступлений Дюпона в качестве секретаря Генерального Совета для Франции было его письмо о стачках, адресованное в редакцию газеты «Temps»[3]. Это письмо, написанное приблизительно через месяц после доклада Маркса в Генеральном Совете, вполне соответствует позиции Маркса в затронутом вопросе и показывает, насколько Дюпон уже освободился от своих прежних прудонистских иллюзий относительно гармонии классов. Письмо написано в связи с речью барона Шарля Дюпена во французском сенате по вопросу о стачках. Сославшись на многочисленные стачки, возникавшие в течение 1865 г. во Франции, сенатор потребовал восстановления закона против стачек, отмененного французским правительством 25 мая 1864 года. «Барон, очевидно, следует пословице:

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 103.
[2] Там же, стр. 154.
[3] Письмо было напечатано в лондонской газете «Bee-Hive», 8. VII. 1866 г.

«мудрый отец не жалеет розги», — пишет по этому поводу Дюпон. — К счастью, *рабочие* уже не великовозрастные дети, которых можно напугать розгами; рабочий класс выдержал экзамен на аттестат зрелости в 1848 г. и руководствуется в своем поведении уроками прошлого. Убежденный в том, что применение насилия только ухудшило бы его положение, рабочий класс, недовольный своим положением и социальным строем, обращается к разуму, который является подлинным орудием прогресса. Вот почему тот факт, что бастующие соблюдают полный порядок, вызывает тревогу г-на Шарля Дюпена, философа, попечителя и друга рабочего класса. Он уже не узнает своего подопечного. Как! Стачка следует за стачкой, и — ни малейшего столкновения! Это против законов природы. Итак, отменим закон о коалициях. Я не придерживаюсь того мнения, что стачка может привести к окончательному решению вопроса: стачка лишь средство, необходимое при существующих отношениях между капиталом и трудом. Во всяком случае, ничего нельзя добиться без права собрания и свободы обсуждения; принудительные меры могут только отодвинуть решение вопроса и усложнить его, но не разрешить. Последние события доказали даже самым ненаблюдательным, что вопросы общественного устройства требуют немедленного и пристального внимания к себе. Именно таково направление деятельности Международного Товарищества Рабочих: оно призывает каждого европейского рабочего принять участие в общем деле».

Условия мелкого, полуремесленного производства, преобладавшие еще в романских странах, определяли распространение в рабочей среде прудонистских догм. С развитием промышленности многие из этих догм неизбежно терпели крушение при столкновении с реальными условиями классовой борьбы пролетариата. Труднее было преодолеть влияние мелкобуржуазной идеологии в вопросах, лежавших вне непосредственного опыта рабочих. Рабочие против своей воли вовлекались в движения, чуждые их классовым интересам и отражавшие реакцию мелкой буржуазии на централизаторскую тенденцию капитализма. Основное содержание историче-

ского процесса 60-х гг. прошлого века — завершение образования крупных национальных государств в Западной Европе воспринималось Прудоном и другими идеологами мелкой буржуазии как катастрофическое явление, как гибель индивидуальной свободы, поглощение отдельных судеб всесокрушающим целым. Пропагандируя федералистские и автономистские идеи, мелкобуржуазные публицисты осуждали образование крупных централизованных государств, видели в них оплот милитаризма и будущие очаги войн.

Позиция Маркса и Энгельса в вопросе об итальянском и германском единстве коренным образом отличалась и от позиции мелкобуржуазных федералистов и от позиции итальянских буржуазно-либеральных и прусских военно-юнкерских кругов. Рассматривая устранение феодальной раздробленности и образование крупных национальных государств как прогрессивное явление, открывающее больший простор для развития рабочего класса и его дальнейшей борьбы против капитализма, основоположники марксизма всегда решительно стояли за осуществление национального единства «снизу», путем демократической революции, опирающейся на широкие социальные слои, развязывающей инициативу народных масс и приобщающей их к политической жизни.

Выработка у членов руководящего органа международной пролетарской организации правильного взгляда на эту важнейшую проблему европейской политики имела первостепенное значение.

Между тем члены Совета Лафарг и Лонге, которые разделяли в этом вопросе прудонистские взгляды редакции французской газеты «La Rive gauche», выходившей в Бельгии, высказывались против объединения Германии и фактически выступали заодно с бонапартистами, поддерживая выгодные Второй империи сепаратистские настроения некоторых южногерманских государств.

Весной 1866 г. в связи с подготовкой австро-прусской войны парижские студенты обратились с воззванием к студентам Германии[1]. Воззвание отражало

---

[1] «Courrier français», 20. V. 1866.

антивоенные настроения рабочего класса и широких слоев мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции и было подписано многими участниками Льежского конгресса учащейся молодежи 1865 года. Составленное по инициативе Дюпона и Лафарга ответное воззвание обсуждалось на заседании Генерального Совета 1 июня 1866 г. и было опубликовано за подписью его французских членов[1]. Маркс, который в это время был у Энгельса в Манчестере, остался воззванием недоволен. Сам факт протеста молодежи и рабочих различных стран против угрозы войны можно было приветствовать, но авторы ответного воззвания, составленного в прудонистском духе, не использовали свое выступление для провозглашения позиции Интернационала в данном вопросе. Вскоре началась австро-прусская война, и в Генеральном Совете 19, 26 июня и 17 июля 1866 г. была проведена дискуссия об отношении пролетариата к войне, которая свелась, писал Маркс, «как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» вообще и нашем отношении к нему»[2]. Маркс произнес речь, в которой дал развернутую критику прудонистской позиции в национальном вопросе. Во время прений Юнг высказал поддержанную Марксом мысль, что война может вызвать революцию в Берлине; в связи с этим Юнг призывал английских членов Совета готовиться к тому, чтобы посредством массовых митингов помешать английскому правительству выступить на стороне контрреволюции[3]. Положение было трудное. Как писал Маркс, надо было «выступать в одинаковой мере как против глупого английского итальянофильства, так и против неправильной французской полемики с ним, и в особенности избегать всякой демонстрации, которая увлекла бы наше Товарищество на путь односторонности»[4]. Принятая Генеральным Советом резолюция оценивала австро-прусскую войну как «конфликт между правительствами» и рекомендовала рабочим «оставаться нейтральными и

---

[1] «Генеральный Совет 1864—1866», стр. 258—260.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 192—193.
[3] Г. Юнг — И. Ф. Беккеру. 4. VII. 1866 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 76/14).
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 193.

объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для их социального и политического освобождения»[1].

Весной и летом 1866 г. Дюпон был занят подготовкой Женевского конгресса, срок созыва которого был первоначально намечен на май, перенесен на июнь, а затем окончательно назначен на 3 сентября. На отсрочке настаивали руководители швейцарских секций Дюпле и И. Ф. Беккер, ссылаясь на невозможность провести организационную подготовку конгресса в такой короткий срок; побуждал к отсрочке конгресса и недостаток средств у Генерального Совета. Французские секции, со своей стороны, настаивали на немедленном созыве, и Дюпону стоило больших усилий убедить своих корреспондентов в необходимости согласиться с мнением большинства.

На Женевском конгрессе 3—8 сентября 1866 г. Дюпон присутствовал в качестве представителя лондонской Французской секции. Это был первый конгресс Интернационала. Он утвердил общий Устав Интернационала на основе составленного Марксом Временного Устава, принял важнейшие резолюции о 8-часовом рабочем дне, о женском и детском труде, о профессиональных союзах и о кооперации, сформулированные в специальной «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», написанной Марксом[2]. Конгресс одобрил деятельность Генерального Совета с момента основания Интернационала и переизбрал его в прежнем составе.

Дюпон участвовал в работах комиссий по выработке Устава и Регламента; он огласил французский перевод тезисов Маркса, выступал по вопросу о рабочей статистике, о сокращении рабочего дня, о женском и детском труде. Протоколы Женевского конгресса сохранили для нас запись нескольких речей Дюпона; стиль его выступлений останется таким же на протяжении всей его деятельности: фактическая справка, конкретный пример,

[1] «Генеральный Совет 1864—1866», стр. 151.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 194—203.

никаких громких фраз, никакой декламации, простота и деловитость.

На обратном пути из Женевы Дюпон вместе с Юнгом, Толеном и Фрибуром задержался в Лионе. Там они выступили с докладами о решениях конгресса. Сам Дюпон воспользовался возможностью ознакомиться с деятельностью многочисленных секций Интернационала в окрестностях Лиона. В подробном отчете Генеральному Совету он обрисовал настроения членов Интернационала и принятые ими формы организации: он видел кооперативное производство готового платья, мельницу на паях, кооперативную бакалейную лавку и пекарню; многие члены Товарищества заняты возделыванием винограда. Дюпон был поражен их верой в Товарищество[1].

После Женевского конгресса французское правительство, которое раньше смотрело сквозь пальцы на деятельность Интернационала во Франции, конфисковало на границе протоколы и другие материалы конгресса, предназначенные для Генерального Совета. Одновременно перестали доходить по назначению письма, адресованные французскими членами Интернационала Дюпону[2]. Французская полиция установила строгое наблюдение за перепиской Дюпона. В связи с этим в заявлении, опубликованном Генеральным Советом по поводу конфискации материалов конгресса, говорилось: «Разумеется, гражданин Дюпон не может больше доверять французской почте»[3]. Это был замаскированный призыв переходить к нелегальным методам работы.

В то же время Генеральный Совет, соблюдая величайшую осторожность и не поддаваясь на возможные провокации со стороны французского правительства, подчеркивал гласный характер Интернационала. В лондонской французской газете «Courrier International» были напечатаны письма, полученные Дюпоном из Франции после двухмесячного перерыва, письмо Эжена Варлена от 12 января и письмо из Флёриё-сюр-Сона от

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы». М., 1963, стр. 13.
[2] Там же, стр. 34, 38.
[3] Там же, стр. 50.

19 января 1867 года[1]. Варлен сообщал о профессиональном союзе переплетчиков, организованном в соответствии с данными, полученными от Дюпона, по образцу лондонского общества переплетчиков; секция в Флёриё сообщала о своих успехах в области кооперации.

С конца 1866 г. Дюпон начал систематически сотрудничать в газете Вермореля «Courrier français». «Очень рекомендую Вам распространять «Courrier français», — писал он Эмилю Обри в Руан 14 января 1867 г. — Это единственная социалистическая политическая газета»[2].

Первые статьи Дюпона в этой газете посвящены ряду стачек, поддержанных Интернационалом, в том числе стачке лондонских землекопов, стачке лондонских кондукторов и, наконец, стачке парижских бронзовщиков. В этой последней стачке, сыгравшей большую роль в укреплении Интернационала во Франции, Дюпон принял самое непосредственное участие. Стачка, начавшаяся с отдельных выступлений в январе 1867 г., приобрела в течение февраля общий характер, после того как предприниматели потребовали роспуска общества взаимопомощи рабочих-бронзовщиков. 4 марта 1867 г. правление парижской секции обратилось к Генеральному Совету с просьбой поддержать бастующих рабочих. В тот же день, 4 марта, в Лондоне Генеральный Совет избрал делегацию, в которую вошли в числе прочих Маркс, Дюпон, Юнг и Лафарг, для посещения лондонских тред-юнионов и сбора средств в пользу бастующих. «Интернационал не мог оставаться безучастным к тому положению, в которое решение предпринимателей поставило рабочих, — писал Дюпон. — Как только Генеральный Совет узнал об этом положении от своих парижских корреспондентов, он тотчас же энергично принялся за дело. Мы надеемся достать для этой стачки значительные суммы. Главное, никаких уступок, необходимо, чтобы в этой борьбе Интернационал одержал верх»[3]. Лондонские тред-юнионы с большой отзывчивостью отнеслись к борьбе парижских рабочих. Деньги, собранные

[1] «Courrier International», 3. II. 1867.

[2] *O. Testut.* «L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe». Paris, 1872, v. 1, p. 7—8.

[3] «Courrier français», 10. III. 1866.

Генеральным Советом, оказали решающее влияние на ход стачки. Несколько тысяч франков были доставлены из Лондона прямо на одно из собраний в Мениль-монтане, на котором присутствовали представители предпринимателей. «Впечатление было огромное, — пишет Фрибур, — письмо с благоприятными известиями и наличные деньги привели в смятение коалицию хозяев; сомневаясь в исходе, они взяли обратно свой ультиматум, и мастерские вновь открылись» [1].

В статьях, помещенных в «Courrier français» за первую половину 1867 г. Дюпон в сдержанной, суховатой форме, избегая общих фраз, на конкретных примерах показывает, чего рабочий класс может добиться путем организации. Подчеркивая, что рабочий лишен тех возможностей объединения и организации, которыми располагает капиталист, Дюпон раскрывает классовую сущность буржуазного государства и приводит постепенно своего читателя к пониманию необходимости политической борьбы.

В своих частных письмах, адресованных во Францию, Дюпон писал гораздо свободнее, предостерегал своих корреспондентов против буржуазно-республиканских иллюзий, указывал на близость революции, говорил о задачах пролетариата и Интернационала в этой революции. «Вы говорите, дорогой Обри, — писал он 14 января 1867 г., — что нас мало. Так что ж! Надо быть убежденным и не терять мужества... Ничто не должно лишать нас надежды, ни невежество наших братьев, ни преследования правительства. Ибо революция неизбежна, она придет, и мы должны быть готовы к этому дню и не допустить, чтобы власть ускользнула из рук народа в руки тех, кто мечтает о союзе капитала и труда. Ибо если вы присмотритесь к этой позиции, то увидите либеральничающую буржуазию...» [2].

На Лозаннском конгрессе Интернационала, который состоялся 2—8 сентября 1867 г., Дюпон был избран председателем. Положение было трудное. Из 71 делегата большинство были французы и романские швей-

---

[1] *E. Fribourg.* Op. cit., p. 101.
[2] *O. Testut.* Op. cit., v. 1, p. 8.

царцы, почти все прудонисты. Опереться Дюпон мог только на делегацию Генерального Совета, на отдельных членов швейцарских секций и на нескольких немцев, в числе которых были два постоянных корреспондента и ученика Маркса — Кугельман и Пауль Штумпф. Дюпон, не владевший немецким языком, не мог с ними сговориться. Сообщая Марксу перипетии борьбы с прудонистами и затруднения, связанные с отсутствием общего языка, Лесснер писал: «Нам не хватает дельного немца, который владел бы французским языком, чтобы тут же давать этим людям правильный ответ» [1]. В этом отношении Г. Юнг, председатель Женевского конгресса, был незаменим: он говорил хорошо по-французски, английски, немецки и понимал по-итальянски. Несмотря на эти трудности, делегации Генерального Совета удалось дать отпор попыткам прудонистов установить свою гегемонию в Интернационале. Генеральный Совет был переизбран в прежнем составе и оставлен в Лондоне. «На этот раз французы, по-видимому, действительно увлекли за собой конгресс, число прудонистских резолюций все же слишком велико, — писал Энгельс Марксу 11 сентября 1867 г. — ...Однако в общем эти постановления все же не будут иметь никакого значения, пока Центральный Совет остается в Лондоне» [2].

Маркс высоко оценил борьбу Дюпона против прудонизма на Лозаннском конгрессе. В письме Энгельсу он писал 12 сентября 1867 г.: «Хуже всего то, что у нас в Париже нет никого, кто мог бы установить связь с *враждебными* прудонистам рабочими секциями (а они составляют большинство!). Если бы Дюпон пробыл несколько недель в Париже, все было бы в порядке, но полиция зорко следит за ним» [3].

Одновременно с конгрессом Интернационала в Лозанне состоялся международный конгресс буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы в Женеве, на который были также приглашены представители Интернационала. Считая, что официальное участие в конгрессе

---

[1] Ф. Лесснер — К. Марксу, 7 сентября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 19/2).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 292.

[3] Там же, стр. 295.

Лиги мира грозило бы утратой самостоятельного пролетарского характера Интернационала и сделало бы его ответственным за пацифистские иллюзии, распространяемые Лигой, Генеральный Совет по предложению Маркса принял решение не направлять особой делегации. Однако членам Интернационала было рекомендовано присутствовать и выступать на конгрессе Лиги мира от собственного имени и в частном порядке[1].

Дюпон вместе с рядом других участников Лозаннского конгресса посетил женевский конгресс и выступил 10 сентября с большой речью, в которой изложил свой взгляд на отношение пролетариата к буржуазному пацифизму. Это первое большое публичное выступление Дюпона подробно передано в воспоминаниях другого участника конгресса Джемса Гильома. «Дюпон взошел на трибуну очень спокойно, — пишет Гильом, — и окинул взором нетерпеливую аудиторию. Он увидел много лиц, выражающих симпатию, а также немало враждебных лиц, которые, казалось бы, ожидали от социалистического делегата объявления войны. Он начал так: «Граждане, наиболее горячий сторонник вечного мира — это, безусловно, рабочий; ибо его терзают пушки на поле брани, и он же должен своим трудом и бессонными ночами пополнять военный бюджет. С этой точки зрения он хочет мира. Но мир не принцип, он может быть только результатом. Считаете ли вы, граждане, что его можно достичь теми средствами, которые были нам предложены вчера, созданием новой религии? Нет, конечно». (Тут Дюпон намекал на выступление Гарибальди, который явился на конгресс с теофилантропической проповедью, в которой говорил о «религии истины и разума», «о пропаганде этой религии через просвещение», «воспитание и добродетель».) «Разум должен уничтожить существующие религии, а не создать новую. Всякая религия является особой формой деспотизма, который также имеет свою армию — попов». Затем Дюпон перешел к вопросу об упразднении постоянных армий, которое, по его словам, также не могло бы обеспечить мир. «Чтобы установить вечный мир, — продолжает изла-

[1] «Генеральный Совет 1866—1868», стр. 100.

гать речь Дюпона Гильом, — надо уничтожить все законы, которые угнетают труд, все привилегии и сделать из всех граждан единый класс трудящихся. Одним словом, принять социальную революцию со всеми ее последствиями»[1].

В этой речи уже ясно вырисовывается образ Дюпона, выросшего под влиянием Маркса в сознательного пролетарского революционера.

Дюпон чутко реагировал на обострение классовой борьбы в связи с экономическим кризисом 1866—1867 гг. и с надеждой ловил признаки революционных настроений. Весной 1867 г. в Англии широкое стачечное движение и новая волна массовых выступлений английских рабочих с требованием всеобщего избирательного права совпали с попыткой национально-освободительного восстания ирландских фениев. В стране сложилась напряженная обстановка. В эти дни (17 апреля) Дюпон писал одному из руководителей парижской секции Шемале по поводу англичан: «Лучшее, что мы можем сделать, это толкать их на путь революции. Два отделения Лиги реформы уже обсуждают в настоящий момент такой вопрос: является ли республика более подходящей для английского народа, чем монархия»[2]. 20 мая он сообщает тому же Шемале о грандиозном митинге сторонников избирательной реформы, который состоялся в Гайдпарке 6 мая 1867 г., несмотря на запрещение английских властей, и пишет: «Вы спрашиваете, собираются ли англичане покончить с делом; это — в зависимости от обстоятельств. Если бы правительство не испугалось и применило бы силу, сегодня все было бы сделано. Более 200 000 человек из провинции ждали лишь сигнала, чтобы двинуться с оружием на Лондон, на помощь сторонникам реформы. Будем надеяться, что это отступление, сделанное, чтобы лучше прыгнуть»[3].

С таким же пристальным вниманием Дюпон следил за ростом революционных настроений во Франции.

---

[1] *J. Guillaume.* «L'Internationale». Paris, 1905, vol. 1, p. 50—51.

[2] «Procès de l'Association Internationale des Travailleurs. Première et Deuxième Commissions du bureau de Paris». Paris, 1870, p. 106.

[3] Там же.

В связи с демонстрациями сочувствия Гарибальди, которыми парижские рабочие протестовали против отправки в Италию для поддержки контрреволюции французского экспедиционного корпуса, он писал все тому же Шемале 1 ноября 1867 г.: «Что делается в Париже?.. Среди франко-итальянской неразберихи имеет ли Интернационал шансы быть услышанным? Что вы думаете об интервенции? Очень хорошо, если у французов еще есть силы: это им придаст пыл. Что касается меня, то вот уже несколько дней, как я в состоянии крайнего возбуждения, я каждую минуту надеюсь услышать известие о восстании в Париже... Сообщите подробности, каково действительно положение?»[1]. Эти письма Дюпона были перехвачены полицией, начиналась новая полоса гонений. Французское правительство готовилось к большому политическому процессу против парижского правления Интернационала.

Осенью 1867 г. в центре внимания Генерального Совета, который уже раньше выступал в защиту борцов за национальную независимость Ирландии — фениев, снова стоял ирландский вопрос. На этот раз речь шла о протесте против приговора к смертной казни пяти фениев, схваченных во время вооруженного нападения на тюремную карету, в которой перевозили руководителей восстания. Генеральный Совет принял составленное Марксом обращение к английскому министру внутренних дел, в котором несправедливый приговор, вынесенный на основе ложных показаний, клеймился как акт политической мести[2].

Дюпон, регулярно посылавший в «Courrier français» корреспонденции об английском рабочем и демократическом движении, подробно осветил обстоятельства дела в очередных статьях[3].

В ходе развернувшейся в Генеральном Совете дискуссии по ирландскому вопросу выступил и Дюпон. Он подробно остановился на точке зрения некоторых слоев английского пролетариата, которые осуждали фениев за «применение насилия». «Хорошо англичанам, — заявил

[1] «Procès... Première et deuxième commissions...», p. 106.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 224—225.
[3] «Courrier français», 5 et 21. XI. 1867.

Дюпон, — говорить о легальности и справедливости тем людям, которые при малейшем подозрении в фенианстве арестовываются и заключаются в тюрьму, где они подвергаются физическим и моральным пыткам, оставляющим далеко позади жестокости короля-бомбы, столь возмущавшие псевдосторонников освобождения». «Английские рабочие, которые осуждают фениев, — закончил свое выступление Дюпон, — совершают больше, чем просто ошибку, ибо дело обоих народов тождественно: обоим приходится бороться против тех же врагов — земельной аристократии и капиталистов». Газетный отчет о заседании Генерального Совета 19 ноября, помещенный в «Reynolds's Newspaper» 24 ноября 1867 г., отмечает, что слова Дюпона были встречены аплодисментами.

В своих корреспонденциях в «Courrier français» Дюпон подробно изложил сущность ирландского вопроса и позицию, занимаемую в нем Интернационалом, указывая на то, что правительственный террор только разжигает огонь восстания. Дюпон пытался также объяснить экономические причины фенианского движения. «Ирландский вопрос, — писал он, — не надо этого забывать, носит в себе социальный вопрос; каждый год население уменьшается в необычайном размере вместе с поголовьем волов, лошадей и количеством картошки. Но зато свекла покрывает всю Ирландию, и количество овец увеличилось за то же время (12 месяцев) более чем на 200 000... Ирландия буквально умирает с голоду, выкармливая скот для имущих классов». Рассказывая о ряде эксцессов английской полиции над невооруженной толпой, Дюпон писал: «Эти маленькие войны являются для солдат прекрасной тренировкой, и готовят их к большим войнам». Корреспонденция кончалась выражением надежды на то, что «партизанская война против Англии» вскоре «возродит неисправимую Ирландию», которая имеет наглость желать освободиться от ига своих господ [1].

Вся эта статья и по существу и по форме свидетельствует о непосредственном влиянии Маркса на Дюпона в этот период.

[1] «Courrier français», 14. X. 1867.

Другая корреспонденция Дюпона, датированная 19 ноября, кончалась словами: «Здесь дороговизна делает неудовольствие всеобщим, и, если в субботу казнь четырех приговоренных состоится, можно ожидать всяких событий» [1].

Еще более гневно клеймил Дюпон английское правительство в частных письмах к своим корреспондентам в Париже. «Фении отняли у нас много времени, — писал он 23 ноября 1867 г. Мюра, — все усилия, сделанные в их пользу, были напрасны, и трое приговоренных по манчестерскому делу поплатились жизнью за свою преданность свободе. Не удивляйтесь в Париже, если здесь начнутся жестокие расправы. В газетах каждый день печатаются письма с угрозами, а в Америке съезд фениев в Бостоне поклялся, если приговор будет приведен в исполнение, поджечь все английские суда в американских портах. Все процессы в Англии являются актами мести, а не правосудия, и сегодняшнее убийство — подлое политическое убийство». Эти опасения Дюпона оправдались: в числе других актов отчаяния фении 13 декабря 1867 г. произвели взрыв в клеркенуэллской тюрьме в Лондоне, где содержались заключенные фении, за взрывом последовали новые репрессии, аресты и приговоры.

Во Франции тем временем началось следствие по делу правления парижской секции Интернационала; во время обысков, произведенных 30 декабря 1867 г., были захвачены письма Дюпона. В обвинительном акте имперский адвокат пытался использовать эти письма, чтобы изобразить Интернационал как тайную террористическую организацию.

По решению Генерального Совета от 18 августа 1868 г. каждый член Совета, желавший за свой счет поехать на конгресс Интернационала в Брюссель, мог получить делегатский билет, но только три делегата назначались специально в качестве представителей Генерального Совета: это были Дюпон, Эккариус и Р. Шо. Конгресс состоялся 6—13 сентября 1868 года. Избранный вице-председателем конгресса, Дюпон с 9 по 13

---

[1] «Courrier français», 21. XI. 1867.

фактически руководил всей его работой, так как приехавший в Брюссель всего на несколько дней Юнг смог провести только первые пять заседаний.

Среди делегатов конгресса больше половины были бельгийцы, французская делегация была менее многочисленна, так как руководители парижской секции находились в тюрьме и выборы новых делегатов были затруднены полицейскими преследованиями. И бельгийцы и французы в большинстве своем были прудонистами, но за ними стояли рабочие массы, прошедшие в течение 1867—1868 гг. школу многочисленных стачек. Под влиянием этих масс и вожаки их шли на уступки, благодаря чему сторонники Маркса одержали над прудонистами на Брюссельском конгрессе ряд решающих побед.

Одним из важнейших решений конгресса было провозглашение необходимости перехода средств производства в общественную собственность. Это решение ознаменовало победу в Интернационале пролетарского социализма над мелкобуржуазными реформистскими течениями.

Доклад о земельной собственности был сделан бельгийским социалистом-коллективистом С. Де Папом, который использовал в нем указания, полученные от Маркса непосредственно и отчасти через Дюпона. 13 мая 1868 г. в ответ на письмо Де Папа, в котором тот излагал свои взгляды на земельную собственность, Дюпон писал ему: «Прежде всего хочу сказать тебе, что я вполне с тобой согласен относительно земельной собственности; она должна быть общественной, но я расхожусь с тобой в вопросе об управлении, ибо, мне кажется, нельзя предоставлять коммуне неограниченное право действовать по своему усмотрению. Ассоциация — пустое слово, если ее не дополняет солидарность. Коммуна, обрабатывающая неблагодарную почву, оказалась бы в невыгодном положении по отношению к коммуне, расположенной на плодородной почве. Далее, мне кажется, что коммуна должна исчезнуть в общей ассоциации. Карл Маркс говорит, что следует установить *экономическую централизацию*. Я склонен с ним согласиться, ибо как же иначе установить гармонию, которая

должна существовать между различными отраслями производства?»[1].

По вопросу о стачках выступил Дюпон. Сославшись на решения, принятые Женевским конгрессом об экономической борьбе пролетариата, Дюпон указал на классовую структуру общества, делающую необходимой классовую борьбу рабочего против наступления капитала. В этой борьбе стачка является одним из наиболее эффективных оружий, «оружие действительно страшное, но отнюдь не обоюдоострое, как здесь говорили, ибо все его удары направлены против капитала. Мы рассматриваем стачки не только как средство борьбы, но и как лучший способ организовать силы рабочего класса. Стачки не только создают узы международной солидарности, они также подготовляют рабочих к использованию своих социальных и политических прав и дают им в руки простейшую форму управления на тот день, когда они окажутся достаточно сплоченными, чтобы вырвать социальную власть из рук эксплуататоров». Отметая попытки противопоставить стачкам создание кооперативов, Дюпон доказывал, что эти различные формы организации борьбы пролетариата дополняют одна другую и вполне совместимы. Он привел примеры производственных кооперативов, основанных бастующими рабочими, а также примеры кооперативов, окрепших благодаря кризису, вызванному стачкой в данной отрасли производства. Особенно интересна речь, произнесенная Дюпоном на заключительном заседании конгресса 13 сентября 1868 года.

«Работы конгресса закончены, — сказал Дюпон, — но наша работа не закончена». Говоря далее о развитии Интернационала, Дюпон сравнивал его с другими организациями, основанными до Интернационала в тех же целях; один лишь Интернационал смог окрепнуть и развиться, потому что он исходил из принципа, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. «Мы никого не зовем на помощь, — заявил Дюпон, — наши ряды открыты всем людям, преданным нашим

---

[1] Э. Дюпон — С. Де Папу, 13. V. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 79/10).

принципам, многие из нас принадлежат к буржуазному классу, но мы никогда не согласимся на чье-либо покровительство». По адресу буржуазных республиканцев, упрекавших Интернационал в том, что он отвлекает рабочих от политики и тормозит развитие революции, Дюпон заявил: «Политикой в том смысле, в каком ее понимают люди, бросающие нам этот упрек, рабочие пренебрегают потому, что, проделав две революции, они не увидели никакого улучшения в своем положении; они объяснили себе это тем, что революции 1830 и 1848 гг. были революциями *по форме,* но не *по содержанию:* изменить следует самую сущность общества; истинная почва революции — это социальный вопрос». Переходя дальше к обвинениям, брошенным в адрес конгресса правыми партиями, Дюпон заявил: «Они говорят правду: мы не хотим правительств, потому что правительства угнетают нас налогами, не хотим армий, потому что армии избивают нас, не хотим религий, потому что религии затемняют разум. Видя, что их влияние в городах убывает, наши враги апеллируют к крестьянству и говорят нам: «Вас мало, а за нами численность». Не численность составляет их силу, а невежество; они надеются посеять раздор между нами и нашими братьями. Но мы торжественно заявляем здесь, что освобождение рабочих города неотделимо от освобождения рабочих деревни» [1].

В этой речи, проникнутой революционным духом, Дюпон раскрыл сущность Интернационала как пролетарской организации, указал на задачи пролетариата в революции и впервые на конгрессе Интернационала прямо поставил вопрос об отношении городских рабочих к сельскому пролетариату. Речь Дюпона произвела сильное впечатление. Фраза «Мы не хотим правительств» неоднократно цитировалась и фигурировала в обвинительном акте по третьему процессу Интернационала во Франции в 1870 году. В отчетах о Брюссельском конгрессе, напечатанных в «Times», речь Дюпона была

[1] «Troisième Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel». Supplément au journal «Le Peuple Belge», p. 50.

передана не точно. В записи сильно преувеличено заявление Дюпона об участии в Интернационале представителей буржуазии и совершенно опущена часть речи, направленная против буржуазных республиканцев. Последним Маркс и Дюпон были особенно недовольны, так как считали размежевание с буржуазными республиканцами необходимым для дальнейшего сплочения пролетарских элементов во Франции и подготовки почвы для создания партии рабочего класса.

Ко времени Брюссельского конгресса значительно возросли обязанности Дюпона как корреспондента Генерального Совета для Франции. Члены парижского правления второго состава с июля 1868 г. отбывали срок тюремного заключения. Постоянная организационная связь местных секций во Франции была порвана. Лишенные своего естественного центра в Париже, рабочие все чаще обращались непосредственно в Лондон. Дюпон, который уже и раньше имел большую переписку с французской провинцией, от общего инструктажа и информации постепенно переходил к непосредственному руководству деятельностью местных секций. О том, насколько имя Дюпона было известно во Франции, свидетельствует следующий факт, рассказанный Марксом: агент тайной французской полиции, являясь к женам арестованных членов парижской секции, называл себя «Эженом Дюпоном из Лондона», чтобы войти в доверие и выведать нужные ему данные [1].

В обвинительном акте по третьему процессу Интернационала во Франции в июне 1870 г. Дюпон описывается как облеченный огромной властью диктатор, в руках которого будто бы сосредоточивалось все руководство Интернационалом во Франции. На основе ряда выдержек, выхваченных из различных писем Дюпона [2],

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 116.

[2] Подлинность писем Дюпона, приведенных в обвинительном акте, ни разу не оспаривалась на процессе. В изданиях материалов первого, второго и третьего процессов, осуществленных парижской секцией, эти письма воспроизведены вместе с обвинительными актами и другими документами без каких-либо оговорок. Встречаются лишь расхождения (опечатки) в датах в тех случаях, когда одно и то же письмо упоминается несколько раз.

имперский адвокат пытался доказать, что распоряжения Дюпона выполнялись беспрекословно, что все стачки и демонстрации, имевшие место в 1868—1869 гг., проводились по его указке. Разумеется, ничего подобного не было, да и не могло быть. Маркс и Энгельс были всегда противниками какого-либо «импортирования» революции и умели внушить этот важнейший принцип марксизма своим ученикам. Все дело было в том, что Дюпон, неизменно стоя на своем посту, ведя неустанную пропаганду идей Интернационала среди французских рабочих, стал для них как бы живым воплощением международной пролетарской организации.

С лета 1868 г., тотчас после разгрома парижской организации, Дюпон пишет во все концы Франции, чтобы выяснить, кто уцелел из старых работников и где можно возобновить деятельность секции.

В условиях полицейского террора Дюпон рекомендует создавать небольшие группы рабочих, насчитывающие меньше 20 человек (собрания до 20 человек можно было проводить без особого разрешения полиции) и непосредственно связанные с лондонским Генеральным Советом. Эту же тактику в свое время Маркс рекомендовал Либкнехту для Германии. «Вы правы, что не сдаетесь, — пишет Дюпон члену бывшего правления парижской секции Мюра, — ваше положение приговоренных по суду придает вам больший вес в глазах рабочих, пользуйтесь этим для пропаганды наших идей» — и спрашивает: «Думаете ли вы, что поездка в Париж может оказаться для меня опасной?» [1].

Когда в Руане в конце декабря 1868 г. возникла стачка рабочих хлопчатобумажной промышленности, руководитель руанской секции Обри немедленно обратился к Дюпону за помощью; Генеральный Совет по предложению Маркса передал руанской организации право на получение с общества парижских бронзовщиков 20 фунтов стерлингов, предоставленных им в долг лондонским тред-юнионом плотников во время стачки в 1867 году [2]. «Мы, разумеется, известили этих людей

[1] «Troisième procès...», p. 68—69.

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы». М., 1964, стр. 26.

через Дюпона о плохом положении здешних дел (в частности, хлопчатобумажного производства) и связанных с этим трудностях в сборе денег в настоящее время», — писал Маркс Энгельсу 13 января 1869 года[1].

Ряд писем Обри самому Дюпону, Марксу и различным членам Интернационала во Франции, систематические сообщения Дюпона на заседаниях Генерального Совета свидетельствуют о той активной поддержке, которую через Дюпона Генеральный Совет оказал руанским рабочим. Благодаря этой поддержке руанская организация Интернационала стала одной из наиболее крепких организаций во Франции и выступила в апреле 1869 г. под названием Руанской рабочей федерации с самостоятельной избирательной платформой и рабочей кандидатурой в лице Эмиля Обри. Сам Обри, прудонист, на Базельском конгрессе сделал доклад по аграрному вопросу, в котором высказывался за передачу земли в коллективную собственность под управлением объединенных коммун.

Дюпон сам ездил в Руан зимой 1868—69 гг. для закрепления завоеванных позиций и очень настаивал перед Марксом на необходимости обобщить опыт руанской секции. Он предлагал напечатать воззвание от имени Генерального Совета, в котором была бы изложена позиция Интернационала в связи с подъемом стачечного движения во Франции и в Швейцарии. «Как Вы, вероятно, помните, — обращается он к Марксу 4 апреля 1869 г.[2], — я писал в Руан, что такое воззвание появится, и во время своего пребывания там я возобновил свое обещание. Мне кажется, что, связав в этом воззвании Базель, Руан и Женеву, мы могли бы, при необходимой огласке, привлечь более успешно внимание англичан». Как известно, выступление Генерального Совета по поводу стачек было осуществлено несколько позже, в связи с другими событиями. 4 мая появилась листовка, составленная Марксом, по поводу избиений бастующих рабочих в Серене (Бельгия) 9—11 апреля 1869 года[3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 196—197.

[2] Э. Дюпон — К. Марксу, 4. IV. 1869 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 79/3).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 365—370.

С Лионом, где во главе секции Интернационала стоял будущий бакунист Альбер Ришар, Дюпон также состоял в оживленной переписке. Молодой и честолюбивый Ришар на первых порах увлекался внешней стороной политической деятельности. Опасаясь, что он пойдет на поводу у буржуазных республиканцев, Дюпон очень резко ставил вопрос о самостоятельном движении пролетариата. «Не входя в дальнейшие подробности, — писал он 13 августа 1868 г., — скажу Вам, что для нас революция целиком заключается в социальном вопросе; нужно изменить сущность, а не форму. Революция 48 г. была революцией формы. В Америке республика и свобода существуют, но народ там эксплуатируется так же, как и в Европе. В Англии тоже существует свобода, но тысячи человеческих существ без крова, без одежды, без хлеба! Свобода в том виде, в каком она существует, в том виде, в котором хочет ее буржуазия, это лишь — удобрение капитала!». «Я с удовольствием узнал о том, что вы, лионцы, на правильном пути, — писал он в том же письме по поводу выдвинутой лионской секцией кандидатуры рабочего Рея. — Надеюсь, что наш друг Рей будет избран. Это было бы победой социализма» [1]. Дюпон напоминает Ришару о необходимости точно соблюдать установленные уставом формы организационной связи с Генеральным Советом. «Вы хорошо сделали, — пишет он, — что вступили в идейный бой с буржуазными экономистами. Но Вы должны были переслать нам соответствующие газеты: устав обязывает Вас к этому».

Дружеский тон переписки Дюпона с Ришаром дает, казалось бы, основание предположить, что Ришар пользовался полным доверием Генерального Совета. Между тем, организационная связь Ришара с Бакуниным доказана рядом писем Бакунина к нему за 1868—1869 годы [2]. Тот факт, что Дюпон, который очень энергично выступал против Альянса на заседании Генерального Совета 29 декабря 1868 г., поддерживал с Ришаром дружескую переписку и даже в качестве секретаря для Франции

---

[1] Э. Дюпон — А. Ришару, 13. VIII. 1868 (Лионский архив).
[2] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III, 1927, стр. 328—376.

послал ему циркулярное письмо Генерального Совета от 1 января 1870 г., лишь свидетельствует о том, что Дюпон, как и ряд других членов Совета, очень долго оставался в неведении относительно действительных целей Бакунина.

Систематической подготовке очередного конгресса, который должен был состояться в Базеле 6—11 сентября 1869 г., Генеральный Совет начал уделять внимание с середины июня. Повсеместный рост низовых организаций Интернационала наряду с недостаточно налаженной организационной связью между ними и слабостью центрального руководства в пределах каждой страны создавали большую опасность засорения конгресса нежелательными элементами: в Швейцарии — бакунистами, в Германии — лассальянцами, во Франции — различными правыми прудонистами и буржуазно-оппозиционными группами. Чтобы противостоять этой опасности, Генеральный Совет по настоянию Маркса особо подтвердил на заседании 3 августа § 8 устава Интернационала, согласно которому могли быть представлены на конгрессе только организации, должным образом оформленные и уплатившие свои годовые взносы Генеральному Совету; таким образом, мандатной комиссии конгресса обеспечивался контроль над его составом.

Во Франции центрального правления после процесса 1868 г. уже не существовало, и регистрация низовых организаций не проводилась. Часть секций — руанская, лионская, о которых уже была речь, марсельская и ряд других — находилась в прямой связи с Дюпоном. С другой стороны, многие рабочие состояли в индивидуальном порядке членами Интернационала и также находились на учете непосредственно в Лондоне. В июле 1869 г. Мюра сообщил Дюпону, что в связи с предстоящим конгрессом, программа которого появилась в печати, многие лица выражали желание вступить в члены Интернационала.

В ответ на это сообщение Дюпон выслал Мюра полномочия, утвержденные Генеральным Советом на заседании 27 июля 1869 года. Мюра предоставлялось право приема в Товарищество отдельных лиц или целых организаций, сбора членских взносов и пожертвований, а

также проведения мероприятий, «имеющих целью пропаганду принципов Международного Товарищества Рабочих». В сопроводительном письме к Мюра 31 июля 1869 г. Дюпон снова подчеркивал, что только уплатившие членские взносы получали право на участие в конгрессе. Такие же полномочия были посланы также ряду других лиц во Франции[1].

Материальные затруднения и болезнь жены не позволили Дюпону выехать из Лондона. Впервые ему не пришлось участвовать в работах очередного конгресса. «Бедняга Дюпон очень жалеет, что не был в Базеле», — писал Лафарг Марксу в сентябре 1869 года[2].

Дюпон восторженно встретил решение Базельского конгресса по вопросу об обобществлении земли, означавшее окончательное поражение правых прудонистов, он сразу правильно усмотрел в нем поворотный пункт в деятельности Интернационала во Франции. В интереснейшем письме к Марксу 22 ноября 1869 г. он подробно излагает свою точку зрения на необходимость в связи с базельскими решениями перестроить всю организацию Интернационала. «Вы, вероятно, знаете уже о несчастном случае, из-за которого я сижу дома вот уже 2 недели, — пишет он. — Пользуюсь досугом, чтобы написать нашим корреспондентам, и хочу об этом с Вами поговорить. Пока наше Товарищество было малоизвестно, пока его путь не был свободен, было политически правильно, даже необходимо привлекать к нему всех людей различных направлений. Но теперь, когда на двух конгрессах подряд коллективная собственность была торжественно провозглашена, мы не должны больше бояться произвести *чистку* наших корреспондентов-*индивидуалистов*. Конечно, не *официально,* а *постепенно.* Эти люди нас только связывают, ибо прудонисты в Интернационале то же, что «политиканы в революции» (я имею в виду людей вроде Ледрю, Гюго, Пиа и им подобных). Поскольку положение во Франции препятствует существованию там центрального комитета (что

---

[1] «Troisième procès...», p. 20.

[2] П. Лафарг — К. Марксу, IX. 1869 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 79/10).

я считаю очень удачным, так как такой комитет по составу был бы прудонистским), я хотел бы, чтобы нашим корреспондентам-коммунистам предоставлялись более широкие права для более активной пропаганды. В нескольких департаментах у нас имеются крепкие корреспонденты, постепенно нам удастся сплотить всех коммунистов и отмежеваться от прудонистов». Дальше Дюпон подробно останавливается на избирательной кампании во Франции, сетует на популярность среди парижского населения буржуазных демократов, лозунгом которых является «Свобода и собственность». «Парижский народ, — с горечью восклицает Дюпон, — социалистический по чувству, готов сделать революцию в пользу этих людей!». «Если империя еще продержится некоторое время, — заканчивает Дюпон свое письмо, — это даст нам возможность организоваться в том направлении, о котором я говорил выше, тогда Интернационал сможет сыграть эффективно свою роль в революции» [1].

Это письмо, в высшей степени знаменательное, свидетельствует о том, что Дюпон уже в 1869 г. ясно представлял себе роль партии пролетариата в надвигавшейся революции и прилагал все усилия к тому, чтобы такой партией стал Интернационал.

Большое значение для укрепления Интернационала во Франции имела деятельность Дюпона в среде французской политической эмиграции в Лондоне. Здесь приходилось отстаивать пролетарские позиции против псевдореволюционного фразерства и авантюристической тактики мелкобуржуазных демократов, эпигонов Горы 1849 года. «Вы могли подумать, — писал Дюпон в 1868 г., — что в Лондоне я дал увлечь себя кому-либо из наших «изгнанников», для которых революция сводится лишь к смене лиц, стоящих у власти: разделавшись с Бонапартом, остается лишь водрузить их на его место, и дело в шляпе. Отнюдь нет, с тех пор, как я попал в Лондон, я не прекращал борьбу против них» [2].

В октябре 1865 г. в Лондоне возникла Французская секция. Инициаторами ее создания были представители

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 29. IX. 1869 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 6118).

[2] Э. Дюпон — А. Ришару, 13. VIII. 1868 (Лионский архив).

мелкобуржуазной эмиграции, вышедшие из состава Генерального Совета в связи с парижским конфликтом. Они были связаны с буржуазно-республиканскими эмигрантскими кругами в Бельгии и с лондонскими мадзинистами. Деятельность секции Маркс характеризовал как «оппозиционную»[1], однако считал целесообразным участие в ее заседаниях Дюпона, Юнга и других надежных членов Генерального Совета, владевших французским языком.

Враждебные действия секции против Генерального Совета начались с опубликования проекта нового устава Интернационала, который секция предполагала выдвинуть на утверждение Женевского конгресса в 1866 году[2]. Главной чертой проекта было изменение в порядке выборов Генерального Совета: вместо общих выборов, производимых на конгрессе Интернационала, предлагалось избирать Генеральный Совет путем частных выборов по секциям; место пребывания Совета должно было меняться каждый год, а полномочия его сводились к нулю. Другими словами, из руководящего органа Интернационала Совет превращался в простое представительство с чисто техническими функциями информации и статистики.

В это же время в бельгийских газетах появились статьи французского мелкобуржуазного публициста П. Везинье, в которых искажалась работа Лондонской конференции 1865 г. и выдвигались клеветнические обвинения против Маркса, Генерального Совета и членов парижского правления Толена и Фрибура[3]. Генеральный Совет ответил клеветнику в письме, составленном Г. Юнгом и отредактированном Марксом[4]. Со своей стороны, Дюпон систематически вел работу в лондонской Французской секции, куда в первую очередь заходили вновь прибывшие в Лондон французские политические эмигранты. Здесь Дюпон познакомился с Полем Лафаргом и Шарлем Лонге.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 142.
[2] «Echo de Verviers», 27. XII. 1865.
[3] «Echo de Verviers», 16. XII. 1865.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 536—543.

Исключенный из университета за участие в студенческом конгрессе в Льеже, Лафарг появился в Лондоне в начале 1866 года. 24 февраля 1866 г. Дюпон, Лафарг и Лонге выступали на собрании, посвященном годовщине февральской революции 1848 г., которое состоялось на Олд-Комптон-стрит, в ресторации, хозяин которой, Франсуа Лардо, сам был ветераном 1848 года. Ораторы, касаясь причин поражения революции 1848 г., все пришли к общему выводу: «Ошибка республики заключалась в том, что она не сразу поняла все значение экономических и социальных реформ»[1].

6 марта 1868 г. по рекомендации Дюпона Лафарг был единогласно избран в состав Генерального Совета. Дюпону и Юнгу удалось также привлечь к работе в Генеральном Совете редактора газеты «Rive gauche», будущего коммунара, журналиста Шарля Лонге. «В субботу вечером я зашел к Дюпону, и мы вместе пошли к Лонге, у которого провели два часа, — рассказывает Юнг Марксу. — Лонге..., очевидно, станет постоянным участником наших собраний. Его прудонистские убеждения вовсе не так крепко засели в нем, как мне сначала показалось, и если бы Вы могли побеседовать с ним в течение нескольких часов, это принесло бы ему много пользы»[2]. На заседаниях Французской секции Дюпон подружился и с молодым французским сапожником Огюстом Серрайе, который под его влиянием впоследствии стал видным деятелем Интернационала.

Отношения между лондонской Французской секцией и Генеральным Советом обострились после Женевского конгресса 1866 г., и в связи с тем что конгресс, переизбрав весь прежний состав Совета, исключил из него Ле Любе за клевету на руководство парижской секции Интернационала. Узнав об этом, Ле Любе созвал экстренное собрание лондонской Французской секции, где не только не отрицал своих выступлений против парижан, но всячески их усугублял. В прениях, продолжавшихся несколько вечеров, в защиту решений конгресса

---

[1] «Rive gauche» № 9, 4. III. 1866.
[2] Г. Юнг — К. Марксу, 15. I. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 76/1).

выступали Дюпон, Юнг, Лафарг, Лонге. Тем не менее секция 16 голосами против 4 выразила доверие Ле Любе и избрала его своим председателем [1]. Дюпон и его товарищи все же продолжали посещать секцию, где систематически отстаивали революционно-пролетарскую линию Маркса. Это было тем более важно, что Ле Любе и его группа пользовались известной поддержкой со стороны таких английских членов Генерального Совета, как Оджер, Кример, Картер, Делл.

Весной 1867 г. во время пребывания в Лондоне делегации парижских рабочих, руководителей стачки бронзовщиков, состоялись похороны одного из ветеранов революции 1848 г., Антуана Эмона. Узнав о том, что делегаты будут на кладбище, неоякобинец Феликс Пиа, один из руководителей тайного общества «Революционная коммуна», явился туда и произнес полную псевдореволюционной риторики речь. Обращаясь к французским рабочим, он призвал их к убийству Наполеона III, упомянув международный конгресс в Льеже и конгресс Интернационала в Женеве так, как будто он к ним имел отношение. Его поклонники, присутствовавшие на похоронах, встретили речь возгласами «Да здравствует республика!» [2].

Маркс сурово осудил бестактный и провокационный характер этого выступления Пиа, который раньше держался в стороне от Интернационала, а теперь пытался выдавать себя за одного из его руководителей, чтобы использовать его авторитет. Маркс особенно подчеркнул трусость Пиа, который, находясь в безопасности в эмиграции, подводил приезжих парижских рабочих под удар правительственных преследований. «Чтобы выпутаться из затруднительного положения, Бонапарту в настоящий момент нужно восстание или тайное общество в Париже... А осел Пиа как раз теперь подготавливает для него отсюда нужное corpus delicti» [3].

2 декабря 1867 г. группа французских левых республиканцев выпустила в Париже воззвание, в котором

---

[1] «Suisse radicale», 17. II. 1867.

[2] *E. Fribourg*. Op. cit., p. 166.

[3] — вещественное доказательство (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 327).

также клеймила в очень резких выражениях правительственный террор в Англии. На собрании 5 января 1868 г. группа лондонских сторонников Ф. Пиа присоединилась к этому воззванию, в котором Ирландию называли «английской Польшей». Воззвание вместе с сопроводительным письмом Пиа было напечатано на французском языке в «Times» от 8 января 1868 года. В своем сопроводительном письме Пиа не упустил случая спровоцировать французских авторов воззвания ссылкой на то, что во Франции также не все обстоит благополучно с борьбой против деспотизма и правительственного террора.

В письме Энгельсу 8 января 1868 г. Маркс объяснял выступление Пиа желанием использовать для поднятия своего престижа процесс против Интернационала во Франции. «Г-н Пиа, — писал Маркс, — всегда кричавший про наше Товарищество, что оно — не революционное, бонапартистское и т. д., опасается такого оборота дел и пытается даже поскорее сделать вид, будто и *он* принимает какое-то участие в этом деле и «толкает» его» [1].

Вскоре после этого Пиа выступил на торжественном вечере, организованном лондонской Французской секцией в честь годовщины февральской революции 1848 г.; вечер состоялся 24 февраля 1868 г. в Клеркенуэлле под председательством Юнга; пригласительные билеты были подписаны Э. Дюпоном и другими членами Французской секции. На собрании, на котором предполагалось объединить самые широкие круги французской эмиграции, были оглашены приветствия В. Гюго и Мадзини. Маркс на собрании не присутствовал. «Различные ораторы громогласно клеймили французского императора и его политику, — пишет об этом собрании анонимный корреспондент газеты «Bee-Hive», — в частности по вопросу о Мексике и Риме, и чем сильнее клеймили, тем восторженней был прием, оказанный ораторам. На собрании царила, казалось, всеобщая надежда, что в Париже в скором времени произойдет новая революция, которая приведет к низвержению наполеоновской дина-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 11.

стии. Собрание закончилось поздно под громкие крики: «Да здравствует демократическая и социальная республика»»[1].

Пиа произнес на этом собрании пламенную речь, в которой опять говорил о Женевском и Лозаннском конгрессах Интернационала и об их революционном значении. Речь эта была перепечатана в ряде газет и приводилась сторонниками Пиа как программная речь, исходящая от руководства Интернационала.

В лондонской Французской секции вновь разгорелась борьба между сторонниками Генерального Совета, возглавленными Дюпоном, и оппозиционными элементами. К последним в конце апреля 1868 г. присоединился П. Везинье, высланный из Бельгии по обвинению в «оскорблении величества иностранного государя».

Один из наиболее острых моментов борьбы внутри Французской секции относится к периоду подготовки Брюссельского конгресса Интернационала. Пытаясь препятствовать успешной деятельности Интернационала, бельгийский министр юстиции внес в парламент предложение о возобновлении закона, дающего властям право высылки нежелательных иностранцев за пределы Бельгии в течение 24 часов. В связи с этим Маркс предложил перенести место созыва конгресса из Брюсселя в Лондон. Предложение встретило горячую поддержку его ближайших соратников — Дюпона, Эккариуса, Лесснера, Юнга, Шо, считавших весьма желательным, чтобы работа очередного конгресса проходила в Лондоне под непосредственным руководством Маркса. Повидимому, считая как раз это нежелательным, против перенесения места созыва конгресса выступила группа тред-юнионистских лидеров во главе с Оджером[2].

Везинье использовал разногласия в Генеральном Совете, чтобы выступить против Маркса. Явившись на заседание 9 июня 1868 г. в отсутствие Маркса, который первую половину июня гостил у Энгельса в Манчестере, Везинье обвинил Генеральный Совет в примиренчестве, в подрыве авторитета Интернационала и в

---

[1] «Bee-Hive», 29. II. 1868.

[2] «Генеральный Совет 1866—1868», стр. 148, 149.

бонапартизме[1]. На заседаниях лондонской Французской секции, которые аккуратно посещал Дюпон, Везинье направлял свои удары против него и Юнга, объявляя их «бонапартистами».

Между тем, руководители бельгийских секций не разделяли точки зрения Маркса. Зная заведомо, что возобновление закона против иностранцев рассчитано непосредственно на срыв конгресса Интернационала, они выступили с открытым письмом к министру юстиции, в котором опротестовали вопиющее нарушение права собраний и бросили властям вызов, заявив, что конгресс при всех обстоятельствах состоится в Бельгии[2]. Ознакомившись с этим письмом и другой информацией, полученной от бельгийских секций, Маркс 16 июня 1868 г. взял обратно свое предложение[3]. Суть своего выступления он изложил следующим образом в письме Энгельсу: «...закон против иностранцев не был направлен непосредственно против Интернационала. Он носил *общий* характер. Поэтому Интернационал сделал бы *уступку* бельгийскому правительству, если бы при таком законодательстве избрал Брюссель местом своих заседаний. Теперь дело обстоит наоборот. Теперь, после того, как бельгийское правительство грозит нам непосредственно и провоцирует нас, мы сделали бы ему уступку, если бы перенесли конгресс из Брюсселя...»[4].

На протяжении всей этой дискуссии в Генеральном Совете Везинье и другие оппозиционно настроенные члены Французской секции вели себя в высшей степени вызывающе. В газете «Cigale» Везинье помещал тенденциозные отчеты о заседаниях Генерального Совета и лондонской Французской секции. Руководители бельгийских секций выразили негодование по поводу разглашения в печати внутренних дел организации. Они писали Генеральному Совету: «Если отчет в «Cigale» появился с ведома Генерального Совета, то мы можем

---

[1] «Cigale» № 25, 21. VI. 1868.
[2] «Tribune du Peuple», 24. V. 1868.
[3] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 154.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 81.

только выразить сожаление по поводу столь неполитичного и неосмотрительного шага»[1].

Перед Марксом и его соратниками все более настоятельно вставала необходимость оградить Интернационал от ответственности за авантюристические, провокационные выступления мелкобуржуазных демократов из лондонской Французской секции.

29 июня в Кливленд-холле в Лондоне состоялось торжественное традиционное собрание, посвященное годовщине июньского восстания 1868 г., организованное лондонским Коммунистическим просветительным обществом немецких рабочих. На этом собрании Феликс Пиа огласил и предложил одобрить воззвание, якобы полученное им от «центрального комитета действия парижской революционной коммуны». Воззвание заканчивалось следующей резолюцией: «Так как Наполеон Бонапарт посягнул своим государственным переворотом на свободу Франции, своими войнами против Мексики и Рима на честь Франции, а своим последним военным законом — на само существование Франции, мы объявляем общим долгом открытое и перманентное восстание против тиранов; мы также объявляем, что каждый имеет право посягать на жизнь тирана в соответствии со своими силами и оружием, пока справедливость не будет восстановлена». Выступление Пиа было напечатано в «Bee-Hive» от 4 июля 1868 г. и опять преподнесено Везинье в статьях в бельгийских газетах «Cigale» и «Espiègle» в качестве программы Интернационала. Из бельгийской печати выступление Пиа попало в парижскую бонапартистскую газету «Pays». В своем отчете «Pays» приписывала главную роль в собрании 29 июня Дюпону.

Бельгийские секции Интернационала снова обратились к Генеральному Совету с протестом против провокационной деятельности Пиа[2]. 7 июля по предложению Маркса Генеральный Совет решил опубликовать заявление о том, что он «снимает с себя всякую ответствен-

---

[1] С. Де Пап и др. — А. Бессону, 23. VI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 156/3).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 94.

ность за речь, произнесенную на публичном собрании в Кливленд-холле Феликсом Пиа, который не имеет никакого отношения к Товариществу»[1].

Во всей этой шумливой деятельности лондонской Французской секции Маркс видел «интригу старых партий, республиканских ослов 1848 г. и главным образом маленьких великих мужей, которые представляют их в Лондоне. Наше общество для них — сучок в глазу. После того как они тщетно пытались бороться против него, самое естественное теперь — постараться его скомпрометировать. Пиа — как раз подходящий малый, чтобы делать это лучше других. Поэтому более умные выдвигают его вперед... Если здешняя Французская секция не прекратит своих идиотских выходок, — писал Маркс, — придется выгнать ее из Интернационала. Невозможно позволить 50 олухам, вокруг которых во время таких публичных выступлений группируются крикуны всех национальностей, подвергать опасности существование Международного Товарищества в такой момент, когда благодаря событиям на континенте оно начинает становиться серьезной силой»[2].

С очень резкой отповедью Ф. Пиа выступил также бланкист Ж. Тридон. Опровергая существование упомянутого Пиа «комитета действия» в Париже, Тридон доказывал, что псевдореволюционные выступления Пиа могли только сослужить службу французской полиции. Касаясь политической стороны выступления Пиа, Тридон заявлял, что годовщина июньского восстания должна бы напоминать не столько о деспоте Наполеоне, сколько о «республиканцах — врагах народа и врагах социализма, которые в этот день подготовили почву для империи и умертвили республику»[3].

Оскорбленный Пиа отвечал уже чисто провокационным письмом, в котором чуть ли не сообщал адреса своих парижских корреспондентов, желая «доказать, — писал он, — Фемиде..., что, если она хочет найти настоящих виновных, наиболее достойных, единственно

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 324.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 94—95.
[3] «Cigale», 19. VII. 1868.

достойных ее меча, она должна искать их не в Лондоне и не в Брюсселе, а в Париже»[1]. Чтобы положить конец притязаниям Пиа, Дюпон и его товарищи решили выйти из лондонской Французской секции, тем самым прекратив ее существование как секции Интернационала. В июле 1868 г. после бурного собрания, на котором «дошло до потасовки», Дюпон, Юнг, Лафарг, Лассаси, Жоаннар, Серрайе, Плантад и ряд других подали заявления о выходе из секции[2]. «Я и другие социалисты были вынуждены подать в отставку, — писал Дюпон А. Ришару 13 августа 1868 г. в уже цитированном выше письме. — Мы вышли из Французской секции. Людишки там имеют набор готовых фраз, которые они преподносят под всеми соусами, и когда они повторяют на все лады: Свобода! Равенство и Братство, толпа — увы! — рукоплещет». Уже после выхода Дюпона и его товарищей из ее рядов лондонская Французская секция прислала на Брюссельский конгресс своего представителя в лице Филиппа Маэтенса, бельгийца-механика, за несколько времени до того приехавшего в Лондон. Маэтенс представил конгрессу протест от имени секции против действий Генерального Совета и требовал, чтобы секретарь Генерального Совета для Франции избирался лондонской Французской секцией. Конгресс даже не стал разбирать это заявление, а просто перешел к очередным делам[3].

8 сентября на одном из утренних заседаний, протоколы которых не публиковались, Брюссельский конгресс занялся вопросом о Везинье в связи с жалобой, поступившей от члена правления парижской секции Э. Варлена. Варлен жаловался на то, что Везинье не прекращал своих выпадов против парижского правления, обвиняя Толена, Фрибура и Лимузена в бонапартизме и в растрате общественных денег и попутно черня Дюпона и Юнга, которых объявлял «соучастниками». Конгресс поручил брюссельской секции Интернационала в течение 4 недель после конгресса потребовать от

---

[1] «Cigale», 23. VIII. 1868.

[2] Ф. Маэтенс — Э. Дюпону и др., 11. VIII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 254/1).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 122.

Везинье доказательства брошенных им обвинений и, в случае если эти доказательства окажутся недостаточными, исключить Везинье из Интернационала. Вместо доказательств Везинье представил брюссельской секции оправдательный приговор, вынесенный третейским судом, организованным лондонской Французской секцией для разбора дела между Везинье, Дюпоном и Юнгом. Заседание суда, на которое ни Юнг, ни Дюпон не смогли попасть, так как были извещены слишком поздно[1], состоялось 26 сентября 1868 г. на Перси-стрит. «Я не в состоянии выразить негодование, вызванное оглашением пресловутого лондонского приговора», — писал Генеральному Совету секретарь брюссельской секции Бернар 28 октября[2]. Брюссельская секция от имени конгресса выразила полное одобрение деятельности Дюпона и Юнга в отношении лондонской Французской секции, объявила все обвинения Везинье ложными и необоснованными и постановила исключить Везинье из Интернационала как клеветника.

В дальнейшем лондонская Французская секция, утратив всякую связь с Генеральным Советом, явилась притягательным центром для различных враждебных марксизму элементов лондонской эмиграции, в частности лассальянцев, исключенных из лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих.

Выступления Пиа и лондонской Французской секции широко использовались обвинением в третьем процессе Интернационала во Франции в 1870 году. Это поставило Генеральный Совет перед необходимостью вторично отмежеваться от деятельности секции, которая, как указывалось в принятом по этому поводу решении, утратила всякую связь с Интернационалом[3].

Огромная организационная работа, которую Дюпон нес совершенно безвозмездно, ложилась на его плечи тяжелым грузом, семейная жизнь его складывалась очень трудно. Больная чахоткой жена и три девочки —

---

[1] Ф. Маэтенс — Г. Юнгу, 14. IX. 1868, с припиской Г. Юнга (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 254/2).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 156/7.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 447.

Евгения, 7 лет, Мария, 5 лет, и маленькая Кларисса, родившаяся в конце 1868 г., требовали постоянных расходов, которые с трудом удавалось покрыть из небольшого жалования старшего мастера в мастерских Дистина. Длительное пребывание в мастерской среди медной пыли и ядовитых испарений плохо отражалось на здоровье самого Дюпона: уже осенью 1868 г., сразу после Брюссельского конгресса, он захворал. Врач рекомендовал ему бросить вредное производство. Это было не так просто. Многочисленные технические усовершенствования, произведенные Дюпоном в мастерских Дистина, не принесли самому изобретателю материальной обеспеченности. Тщетно Дюпон пытался осуществить свои изобретения, например машину для выделки спичечных коробок[1]. 8 января 1869 г. в письме Марксу Дюпон просил одолжить ему 4—5 ф. ст. для того, чтобы довести до конца это изобретение: две расписки, первая в 5 ф. ст., вторая в 1 ф. ст., свидетельствуют о том, что, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он сам находился, Маркс не отказал в помощи своему «другу Дюпону», как он называет его в письме к Энгельсу 15 апреля 1869 года[2].

Попытки Дюпона не увенчались успехом: сообщая Марксу, что он не сможет еще вернуть ему свой долг, он пишет: «Вы, наверное, считаете меня очень бесцеремонным, но чем дальше, тем больше я чувствую, что погружаюсь в болото, не имея возможности выполнить свои обязательства»[3]. Дело в том, что разбогатевший на изобретениях Дюпона Дистин продал предприятие, даже не позаботившись о дальнейшей судьбе своего старшего мастера. «Дюпон, наивный, как всякий изобретатель, не думал о наживе, а лишь о своих изобретениях. Он даже не потребовал премии за образцы, сконструированные благодаря его изобретениям. Дюпон — лучший пример того, как предприниматели вознаграждают изобретателей. В один прекрасный день он

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 8. I. 1869 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1946).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 241.

[3] Э. Дюпон — К. Марксу, 22. XI. 1869 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 79/15).

узнал, что Дистин продал свое предприятие за 350 000 франков. ...Он не захотел быть проданным вместе с кузницей и с медными заготовками»[1]. Для Дюпона началась тяжелая полоса безработицы. «Дюпон, самый дельный из здешних людей, не только сидел без работы, но к тому же еще его жена смертельно больна. Он так скромен, что ни у кого не занимает без самой крайней нужды, и настолько добросовестен, что всегда платит свои долги», — писал Маркс Энгельсу[2]. Маркс, сколько мог, помогал Дюпону в этот трудный период, проявляя подлинно товарищеское, чуткое отношение к нему. Женни Маркс и ее дочери окружили заботой больную Клариссу и ее детей. Дюпон подыскал временную работу, но с весны 1870 г. снова оказался на улице. 14 апреля 1870 г. Маркс просит Энгельса прислать немного денег для Дюпона, так как его снова уволили. «*Предлог,* — пишет Маркс, — его политические взгляды; *действительная причина:* он автор *всех изобретений,* которые присвоил его фабрикант... Я уже дал Дюпону несколько фунтов, ибо он в течение нескольких недель был вынужден со своими тремя маленькими девочками питаться одним сухим хлебом. Помощь нужна лишь на несколько недель, пока он не найдет нового места. Кто сможет написать историю рабочих, уволенных из-за своих *изобретений!*»[3].

Кларисса в это время уже находилась в госпитале, где вскоре скончалась.

Дюпон нежно любил жену, с которой, из принципиальных соображений, не был обвенчан. «Что касается венчания, — писал он Энгельсу в 1871 г., — предоставляю желающим защищать его, но я был обвенчан один раз и твердо решил этого не повторять. Кларисса знала мои убеждения и никогда об этом не говорила со мной. Она не была из-за этого менее хорошей матерью и менее терпеливой с детьми; семья моей первой жены знала Клариссу, и всегда выражала ей величайшую симпатию».

---

[1] «Égalité», 29. I. 1882.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 256.
[3] Там же, стр. 293.

Оставшись с тремя дочурками на руках, Дюпон не смог дольше оставаться в Лондоне; он принял предложение манчестерского фабриканта музыкальных инструментов Хайама, прекрасную продукцию которого сам отмечал в своем докладе о лондонской выставке 1862 года. В июле 1870 г. Дюпон переехал в Манчестер на должность помощника мастера.

Ф. Энгельс, переезд которого в Лондон к этому времени был уже делом решенным, оказал Дюпону в первые недели его пребывания в Манчестере огромную поддержку; он встретил его на вокзале, приютил у себя вместе с одной из девочек, подыскал квартирку и домашнюю работницу и сопровождал его во время его переговоров с новым хозяином. В письме Марксу Дюпон подробно рассказывает, как во время такого посещения он разминулся с Энгельсом, не подозревая, что дом, в котором они были, имеет два выхода и Энгельс прождал его на улице целых три часа.

«Энгельс встретил меня как старого друга, — пишет Дюпон 13 июля 1870 г., — и в этом тоже я обязан Вам!»[1]

Приветливый, жизнерадостный Энгельс сумел окружить Дюпона той теплой, дружеской атмосферой, в которой он так нуждался. В доме Энгельса Дюпон нашел не только материальную поддержку и деловой совет, но и товарищескую беседу за традиционной кружкой пива с одним из величайших умов человечества. Энгельс знакомил Дюпона с условиями жизни манчестерского пролетариата, выслушивал его соображения о тактике Интернационала, сам излагал свои взгляды.

«Я бываю у Энгельса несколько раз в неделю, — пишет Дюпон, — и провожу воскресные дни с ним и с двумя его товарищами[2]. Много говорят про Вас и про мадемуазель Тусси, которая оставила здесь неизгладимые воспоминания. Все это напоминает мне Мэйтланд-парк[3]. Вчера они хохотали, как сумасшедшие, читая рецензию на Ваш *«Капитал»* какого-то германского

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 13. VII. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2144).

[2] По-видимому, К. Шорлеммер и С. Мур.

[3] Адрес Маркса в Лондоне.

экономиста-дурака, как говорят. В душе я, признаюсь, радовался тому, что прудонисты встречаются не только во Франции»[1].

Уехав из Лондона, Дюпон сохранил свои функции секретаря Генерального Совета для Франции; с Марксом и Юнгом он поддерживал оживленную переписку, в которой то и дело упоминается имя Энгельса как человека, с которым можно обсудить и решить тот или иной вопрос. Некоторые поручения Маркс непосредственно передавал Дюпону через Энгельса. «Вы, вероятно, уже получили резолюции об Альянсе, — пишет Дюпон Марксу 25 июля; — я так задержался, потому что мне было *очень* трудно их разыскать и, главное, дополнить их, так как текст, оставленный мне Юнгом, неполный», — и добавляет: «Мы с Энгельсом переписали их до конца»[2].

В том же письме, написанном в начале франко-прусской войны, Дюпон подробно останавливается на вопросе об очередном конгрессе, который предполагалось созвать в Майнце в сентябре 1870 г., и высказывается против его созыва. Конгресс не сможет не заняться вопросом о войне, говорит он, а так как «Интернационал недостаточно могуч, чтобы добиться действительного эффекта, все те резолюции, которые конгресс сможет принять, только сделают его смешным вроде пресловутой Брюссельской резолюции о всеобщей стачке». Дюпон предлагал вместо конгресса созвать в Лондоне конференцию делегатов и в этом вопросе опять ссылается на авторитет Энгельса. «Я вчера говорил об этом с Энгельсом и его двумя друзьями, — пишет он, — они разделяют мое мнение. Обсудите, насколько эта мысль политически правильна и осуществима»[3]. 30 августа 1870 г. Генеральный Совет действительно принял решение об отсрочке конгресса «до первой возможности»; что касается второй половины предложения Дюпона, то оно тогда осуществлено не было; конференция

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 25. VII. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 38/9).

[2] Там же.

[3] Там же.

Интернационала состоялась лишь в сентябре 1871 г., уже после Парижской Коммуны.

Около 18 сентября 1870 г. Энгельс окончательно переехал в Лондон. С этого момента значительную часть переписки, касавшуюся Интернационала, Маркс передал Энгельсу, и связь Дюпона с Генеральным Советом также стала осуществляться через Энгельса. Вместе с тем Энгельс не переставал оказывать Дюпону и материальную и моральную поддержку в воспитании его детей. Это придает особый интерес сохранившимся письмам Дюпона Энгельсу, в которых переплетаются отчеты о деятельности секций Интернационала в Манчестере, анализ положения во Франции во время войны и Парижской Коммуны, тревога за успехи революции и деятельность членов Интернационала. Эти письма полны заботы о детях, тоски человека, лишенного возможности принять непосредственное участие в революционной борьбе, бесконечной преданности Марксу и Энгельсу.

Дюпон приехал в Манчестер 11 июля 1870 г., а 18-го началась франко-прусская война. Революционная ситуация, за назреванием которой во Франции Дюпон следил с таким вниманием и надеждой, подходила к своему разрешению. Вынужденный материальными обстоятельствами переезд в Манчестер сильно отразился на дальнейшей политической деятельности Дюпона. Вырванный из среды Генерального Совета в тот самый момент, когда Совет под руководством Маркса вступал в новую полосу активной политической борьбы, связанной именно с положением во Франции, Дюпон не сыграл в этой борьбе той активной роли, к которой его предназначали теоретическая подготовка и практические связи.

Дюпон оставался до конца 1871 г. официальным секретарем Генерального Совета для Франции; неоднократные попытки подать в отставку каждый раз отводились Советом, так как перемена секретаря могла дезориентировать всех корреспондентов Интернационала во Франции. Но, продолжая вести с Францией постоянную переписку, Дюпон не мог уже действовать с необходимой быстротой и решительностью. Часть писем, приходивших на его имя в Генеральный Совет, оглаша-

лась там до того, как он мог с ними ознакомиться, другие, адресованные прямо в Манчестер, так же как и свои ответы, он должен был пересылать в Лондон для согласования и для информации. На это уходило много времени, и как раз в такой момент, когда требовалась максимальная оперативность.

Связь с Генеральным Советом Дюпон поддерживал отчасти через Г. Юнга и О. Серрайе, но в первую очередь через Маркса и Энгельса. Уже 19 июля на заседании Генерального Совета в Лондоне Маркс оглашает письмо Дюпона, в котором тот предлагает Совету выпустить воззвание против войны. Предложение Дюпона было тогда же поддержано другими членами Совета, и составление соответствующего воззвания поручено Марксу. В «Первом воззвании о франко-прусской войне» Маркс определял войну на данном этапе как оборонительную со стороны немецкого народа и указывал на то, что перспективы революции, связанные с военным поражением бонапартистской империи, придавали также войне со стороны Германии прогрессивный характер.

На заседаниях Совета 26 июля и 2 августа Маркс и Серрайе опять оглашают сообщения из Франции, полученные через Дюпона. Затем в работе Совета наступило некоторое затишье: с 9 по 31 августа Маркса не было в Лондоне. Генеральный Совет занимался текущими делами, спорил о разграничении функций между генеральным и финансовым секретарями; 30 августа было оглашено письмо Дюпона с просьбой оказать поддержку бастующим в Париже рабочим-литографам; по предложению Юнга просьба была отклонена ввиду отсутствия средств, затем Генеральный Совет выслушал длинный доклад приезжего американца о формах кооперации в Соединенных Штатах.

5 сентября в 4 часа утра Маркс получил от Шарля Лонге из Парижа телеграмму, извещавшую о падении II империи и провозглашении республики. Немногим позже событие стало известно в Манчестере Энгельсу и Дюпону. Весть о революции в Париже привела Дюпона в сильнейшее возбуждение: то, чего он ждал столько лет, к чему так готовился, свершилось; это была еще, согласно его терминологии, революция «по форме», но

революционные силы пролетариата были приведены в движение, и, правильно направленные, они могли и должны были прийти к революции «по существу», к «социальной революции», к революции пролетарской. Забывая о семейных обязательствах, Дюпон немедленно предлагает Генеральному Совету свои услуги. На заседании 6 сентября секретарь сообщает: Дюпон готов ехать в Париж, если Совет сочтет это необходимым.

Анализ положения во Франции и задачи секций Интернационала он дает в письме Ришару 7 сентября 1870 г. «Жалкий конец имперского зулука приводит к власти Фавров и Гамбетт, — пишет он, — ничто не изменилось, власть остается в руках буржуазии. В этих обстоятельствах роль рабочих, или, вернее, их долг, заключается в том, чтобы предоставить этой буржуазной сволочи заключить мир с пруссаками (ибо позор этого мира останется на них несмываемым пятном), не укреплять их позиции восстанием, но использовать свободы, дарованные обстоятельствами, чтобы организовать все силы рабочего класса. Буржуазия, которой в настоящий момент торжество победы вскружило голову, не сразу заметит успехи организации, а когда настанет час решающей битвы, рабочие будут готовы. Оживить, распространить повсюду эту организацию — вот задача нашего Товарищества. Удвойте усилия. Нужно умножить во сто раз свою самоотверженность, объединить вокруг себя, под знаменем нашего дорогого Товарищества, всех активных и убежденных людей, и это значительно приблизит нас к той цели, которой мы добиваемся. Генеральный Совет написал всем своим корреспондентам, чтобы концентрировать все усилия в этом направлении и обеспечить единство действий в надлежащий решительный момент» [1].

Одновременно с письмом Ришару Дюпон отправил во Францию письма и другим своим корреспондентам. Свою точку зрения он предварительно подробно обсудил с Энгельсом: «Только что ушел Дюпон, — пишет Энгельс Марксу 7 сентября, — ...у него абсолютно ясные

[1] Э. Дюпон — А. Ришару, 7. IX. 1870 (см. *O. Testut.* Op. cit., v. 2, p. 26—27).

и правильные взгляды по данному вопросу: использовать неизбежную при республике свободу для организации партии во Франции; переходить к действию, когда, после создания организации, представится возможность. Интернационалу во Франции до заключения мира держаться в стороне»[1]. «Скажи Дюпону, что я совершенно согласен с его взглядами», — отвечает Маркс 10 сентября[2].

Между тем, уже 4 сентября парижская секция Интернационала выступила в шовинистическом духе, чего и опасался Дюпон: объединенное собрание делегатов секций Интернационала и парижской федеральной палаты выразило доверие правительству национальной обороны и выпустило проникнутое шовинистическим духом воззвание, в котором говорило о невозможности заключить мир, «пока враг не покинул французскую территорию». Немецким социал-демократам предлагалось добиться от правительства вывода германских войск из Франции. Это воззвание, адресованное «немецкому народу и германской социал-демократии», было послано в Лондон Генеральному Совету с просьбой выпустить от имени Совета второе воззвание, специально обращенное к немцам[3]. Письмо и воззвание попали в руки Маркса 6 сентября. Маркс, не теряя времени на то, чтобы списаться с Дюпоном, тотчас же ответил парижскому комитету, взяв на себя неблагодарную задачу «открыть им глаза на действительное положение вещей»[4]. В тот же вечер, 6 сентября, огласив парижское воззвание на заседании Совета, Маркс переправил его Энгельсу и Дюпону в Манчестер.

Еще до получения французского текста воззвания Дюпон узнал о нем из английских газет. «Если перевод воззвания точный, — писал он Марксу 8 сентября, — парижский комитет сделал большую глупость. Смешно требовать от немецких социал-демократов, чтобы они вывели войска из Франции: это значит требовать невоз-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 48—49.
[2] Там же, стр. 51.
[3] А. Бахрух — К. Марксу, 4. IX. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 267/4).
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 46.

можного. Немцы с большим правом могли бы просить французских социалистов, чтобы они помешали империи начать войну». Дюпон считал, что такое требование дискредитировало Интернационал, по его мнению, имя Интернационала можно было упоминать только в тех случаях, когда успех был обеспечен. «Я написал нашим корреспондентам совсем в ином смысле, — пишет далее Дюпон Марксу, — говоря, чтобы они не давали себя обманывать видимостью республики, что для нас хорошо было бы, чтобы эти люди заключили мир с Бисмарком, что все усилия нужно направить на организацию сил рабочих, что легко будет использовать для этого временные свободы, дарованные обстоятельствами, что у буржуазии закружилась голова от победы и она меньше обратит внимание на их успехи, одним словом, что надо организоваться активно для настоящей войны» [1].

Дюпон действовал в полном согласии с Марксом, постоянно справляясь о его мнении и признавая его безусловное руководство. В том же письме он настоятельно просит Маркса «прислать ему указания и замечания, которые он сочтет необходимыми для его руководства». Ряду своих корреспондентов он уже сообщил адрес Маркса для того, чтобы они могли получать немедленный ответ. «Таким образом, — писал Дюпон, — Вы лучше будете знать обстоятельства и легче сможете мне указать, как мне действовать». Абсолютное доверие Дюпона к руководству Маркса явствует также из следующих слов Энгельса в письме Марксу 7 сентября. Воззвание привело Дюпона в ярость, пишет Энгельс. «Успокаивает его то, что Серрайе едет туда, поговорив предварительно об этом с тобой» [2].

Рабочий-сапожник Огюст Серрайе, друг Дюпона, с которым он даже жил некоторое время на одной квартире в Лондоне, направлялся в Париж в качестве полномочного представителя Генерального Совета. Он выехал 7 сентября — как предполагалось сначала, всего на несколько дней, — чтобы наладить связь с секциями

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 8. IX. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/19, 80/20).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 48.

Интернационала во Франции. Однако уже 12 сентября в письме Бизли Маркс сообщал, что Серрайе «счел своим долгом остаться там не только для того, чтобы принять участие в обороне, но и для того, чтобы оказывать влияние на наш парижский федеральный совет». «Это человек действительно весьма высоких интеллектуальных способностей»[1], — добавляет он. Серрайе пробыл в Париже до 19 февраля 1871 г., затем вторично отправился в Париж после провозглашения Коммуны. Он сделал на заседании Генерального Совета 28 февраля 1871 г. подробный отчет о своей деятельности и о положении дел во Франции. Серрайе столкнулся в Париже с огромными организационными трудностями и честно боролся за их преодоление. Однако он нигде не достигает ни теоретического уровня Дюпона, ни его принципиальной непримиримости, ни полного пренебрежения к личным интересам и забвения всякого тщеславия.

Решительно высказываясь против отъезда Дюпона в Париж, Маркс, конечно, исходил в первую очередь из общих интересов Интернационала. Во Франции Дюпона все знали; оставаясь в Англии, он не переставал быть связующим звеном всех секций и отдельных членов Интернационала во Франции. Он был центром, к которому через заставы и блокады, легально и нелегально, почтой и с оказиями, письменно и устно стекались сведения со всех концов Франции; с отъездом Дюпона нарушились бы эти связи, созданные многолетними усилиями. С другой стороны, в самом Париже Дюпон был бы, может быть, менее полезен. Еще до объявления войны, когда ставился вопрос об отъезде Дюпона из Лондона и ему предоставлялась возможность найти работу в Париже, Маркс отсоветовал ему туда ехать. Будучи высокого мнения о Дюпоне («Дюпон в области политики обладает характером», — писал он Энгельсу 5 июля 1870 г.[2]), Маркс в то же время прекрасно знал свойственную ему горячность и стремительность. «Его не только скоро бы арестовали, но и втянули бы в ссоры

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 125.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 429.

с различными местными кликами», — пишет он в том же письме от 5 июля.

Серрайе придерживался другого мнения и перед отъездом в Париж в начале сентября телеграфировал и писал Дюпону, что «его место не в Манчестере». Дюпон, очень задетый, тотчас же обратился к Марксу. «Может показаться, — пишет он, — что я боюсь ехать в Париж, когда мой долг призывает меня туда. Если такого мнения Совет, то меня это удивляет, так как я написал Эккариусу и Серрайе, что нахожусь в распоряжении Интернационала. Вы доставите мне большое удовольствие, сообщив, в чем тут дело, потому что письмо это меня очень огорчает»[1]. В ответ на это письмо Маркс 10 сентября просил Энгельса передать Дюпону, что он «*прямо* поручил Серрайе написать ему, чтобы он пока *не* покидал Манчестера»[2].

В том же смысле писала Энгельсу и жена Маркса: «Было бы, может быть, лучше не говорить пока Дюпону о том, что Серрайе помогает защищать священную землю. В конце концов ведь и ему может стать невмоготу и он устремится туда. А к чему? Дюпону с его раздражительностью пришлось бы там очень плохо... Я так рада, что он в безопасности»[3].

Имя Дюпона, тесно связанное с именами первых парижских корреспондентов Интернационала, Толена, Фрибура и Лимузена в течение ряда лет упоминалось каждый раз, когда вновь раздавались против парижского правления обвинения в бонапартизме. Дюпон, возглавлявший борьбу Генерального Совета против лондонской Французской секции, насчитывал среди ее бывших членов немало личных врагов. Те из них, которые не вернулись уже в Париж после амнистии 1869 г., устремились туда тотчас же после 4 сентября. У Дюпона неизбежно возникли бы столкновения с этими людьми, которые, как писал Маркс, отправились в Париж, «чтобы от имени *Интернационала* натворить там глупостей. «Они» хотят свергнуть временное правитель-

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 6—9. IX. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 80/20).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 51.

[3] Там же, стр. 552.

ство, учредить в Париже коммуну, назначить Пиа французским посланником в Лондон и т. п.»[1]. Тратить драгоценные силы и время на полемику с болтунами, которые только и искали случая создать вокруг себя побольше шуму, было нецелесообразно. В этом отношении Серрайе, менее известный, чем Дюпон, и позже вступивший в состав Генерального Совета, являлся более подходящим для роли полномочного представителя Генерального Совета; однако и он подвергся позже нападкам сторонников Пиа.

Дюпон остался в Манчестере, продолжая с неутомимой энергией бороться за дело своей жизни на том посту, на который поставил его Интернационал. Во Франции дела шли не так, как он этого хотел, не так, как он советовал. Разрозненные, плохо подготовленные выступления в провинции навлекли на членов Интернационала новые преследования. Письма, полученные в течение октября и ноября 1870 г. от Обри (из Руана), Ришара (из Лиона), Ледоре (из Бреста), принесли весть о гонениях на Интернационал. В Бресте все 12 членов комитета Интернационала были арестованы в начале октября и судились военно-полевым судом по обвинению в измене отечеству; несколько человек были приговорены к 2-летнему тюремному заключению. В Руане полиция оставалась в руках бывших императорских чиновников, которые всячески преследовали местную секцию. Обри предусматривал возможность искать убежище в Англии[2]. В Туре, где Обри был проездом, настроение было такое же. В Бордо Лафарг развернул большую деятельность, но владелец типографии под давлением властей отказался печатать очередной номер органа Интернационала «Defense nationale». Из Парижа со времени его обложения — 18 сентября не было никаких известий.

По вопросу об отношении к войне и миру секции Интернационала во Франции в большинстве своем не заняли правильной позиции. Не только в Париже, но и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 46.

[2] Э. Обри — Э. Дюпону, 15. XI. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 292/3).

в провинции преобладали шовинистические настроения. Члены Интернационала были в плену громких фраз о революционной войне, против которых Маркс как раз предостерегал французских рабочих во «Втором воззвании» 9 сентября 1870 года[1]. В своих письмах во Францию Дюпон терпеливо разъяснял задачу, стоявшую тогда перед французскими рабочими, задачу собирания сил для предстоявшей неизбежно борьбы против буржуазии, задачу создания пролетарской партии. Он писал: «Наша роль заключается в том, чтобы использовать все свободы, все события, чтобы расширить организацию рабочего класса. Ибо без хорошей организации рабочие всегда будут игрушкой в руках буржуазии и жертвами ее обмана. К сожалению, многие из наших друзей этого не поняли; они дали ослепить себя шовинистическому угару и оказались подголосками буржуа, которые кричат: забудем наши распри: принесем наши самые дорогие убеждения в жертву на алтарь отечества и прогоним неприятеля, это — бесчестный обман! Ибо буржуазии нечего приносить в жертву, да никогда и не было, а народ лишний раз обманут, потому что он неорганизован. Теперь, когда ему заткнули рот, всемогущая реакция подымает голову и преследования возобновляются с новой силой...»[2].

Это полное горечи письмо хорошо рисует настроение Дюпона в конце осени 1870 г.: затянувшаяся война истощала рабочий класс, укрепляя позиции буржуазии; в Англии начали появляться, правда, пока еще единицами, эмигранты из Франции, рассказы которых полностью подтверждали мысли Дюпона о слабости организации пролетариата. Эти эмигранты в первую очередь искали помощи у Дюпона, имя которого было им известно еще во Франции. Дюпон по мере возможности помогал им устроиться. Живой, общительный, он уже с первых месяцев жизни в Манчестере оказался окруженным многочисленными французскими рабочими, проживавшими в Манчестере. Но переписка и встречи с французскими эмигрантами не могли удовлетворить

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 17, стр. 274—282.

[2] Э. Дюпон — Шарве, 17. X. 1870 (см. *O. Testut*. Op. cit., v. II, p. 28).

жажду деятельности пламенного агитатора и революционера. Дюпон искал применения своим организаторским способностям, своей энергии.

До 1870 г. среди манчестерских рабочих лидеров насчитывалось несколько отдельных членов Интернационала, но влияние Интернационала на массы было совершенно ничтожно. Дюпон с обычной для него горячностью взялся за пропаганду и уже 21 ноября 1870 г. мог сообщить Генеральному Совету о присоединении к Интернационалу манчестерского совета тред-юнионов, который обещал «Международному Товариществу Рабочих моральную поддержку в различных мероприятиях среди рабочих всего мира». Письмо, в котором Дюпон сообщал Марксу об этой победе, полно бодрости. Дюпон подробно рассказывает о своих методах работы: остроумный собеседник, он в личной беседе часто достигал бóльших результатов, чем в речах на собраниях. Эта его особенность пришлась кстати в среде медленных на подъем и рассудительных манчестерских рабочих. «Зная особенности английского характера,— пишет Дюпон Марксу,— я начал действовать путем индивидуальной пропаганды; таким образом лучше узнаешь своих людей, и дело было уже предрешено, когда рассматривалось в комитете» [1].

Убедившись в том, что для пропаганды в Манчестере имеется благоприятная почва, Дюпон с негодованием отзывается о тред-юнионистских лидерах — членах Генерального Совета, которые не делали никаких попыток укрепить Интернационал в провинции. «Я пришел к убеждению, что если бы наши английские члены, которые почти все побывали здесь, захотели немного поработать, то Манчестер давно был бы с нами». «Теперь,— продолжает он,— я буду вести пропаганду в низовых организациях и, если только здоровье мне это позволит, надеюсь добиться присоединения всех организаций Манчестера и Солфорда... Рассчитываю на Вас, чтобы прислать мне как можно скорее все имеющиеся в Совете уставы, обращения, резолюции и отчеты. Дело стоящее,

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 21. XI. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 135/8).

и, если Вы меня поддержите, я доведу эту кампанию до конца. Признаюсь, дорогой Маркс, что мне было бы очень приятно проучить лондонцев!». Чтобы закрепить это завоевание, Дюпон предлагал Марксу создать в Манчестере комитет или секцию Интернационала. «Важно вербовать новых членов, — пишет он, — но не менее важно поддерживать с ними постоянную связь».

Письмо Дюпона было зачитано на заседании Генерального Совета 29 ноября 1870 года. По предложению Маркса Дюпон на том же заседании был назначен уполномоченным Генерального Совета «в Манчестере и Ланкашире». Он продолжал пропаганду, добиваясь присоединения к Интернационалу низовых отделений тред-юнионов и упорно сколачивая вокруг себя преданный Генеральному Совету актив; поддержку он нашел на первых порах у молодого Харриса, сына члена Генерального Совета, чартиста. «Мы вместе были у тред-юнионистов, — пишет Дюпон Марксу 25 января 1871 г., — он должен посетить также общество каменщиков, и в субботу у меня дома состоится собрание для окончательной организации комитета» [1].

В январе 1871 г. Дюпон считал уже, что располагает достаточным влиянием среди рабочих, чтобы созвать большой митинг сочувствия парижскому пролетариату. 17 января Марксу пришлось выступить в Генеральном Совете с разоблачением предательской роли правительства Жюля Фавра. Дюпон тотчас же откликнулся на это. «Я очень рад, мой дорогой Маркс, — пишет он, — что Вы нарушили спокойствие грязных участников комедий Фавра... Что Вы скажете о собрании в Манчестере для вынесения резолюции, соответствующей нашим принципам?» [2]. 7 марта в письме Энгельсу Дюпон снова пишет о своей работе среди манчестерских тред-юнионов: «Я веду среди юнионистов пропаганду, которая, может быть, принесет пользу нашему Товариществу» [3].

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 25. I. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 138/8).

[2] Там же.

[3] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 7. III. 1871.

Весть о революции 18 марта 1871 г. в Париже в тот же вечер докатилась до Англии. 21 марта на очередном заседании Генерального Совета Энгельс уже делал сообщение о событиях в Париже, и Генеральный Совет по предложению Маркса назначил делегацию для выражения симпатии парижской революции на большом республиканском собрании, предполагавшемся на следующий день.

В этот самый вечер, 21 марта 1871 г., вернувшись из мастерской Хайама, где его должность надсмотрщика всегда задерживала его несколько позже, чем полагалось, в небольшой домик на Карнавон-стрит, Дюпон писал Энгельсу взволнованное письмо: «Что Вы скажете о парижских делах? Мне кажется, что там занимаются сущими пустяками. Ведь до сих пор ни один серьезный акт еще не был приведен в исполнение. Может быть, Вы лучше осведомлены?».

Дюпон недаром был учеником Маркса. Уже по отношению к перевороту 4 сентября 1870 г. он совершенно самостоятельно, до беседы с Энгельсом и получения указаний от Маркса, занял безусловно правильную марксистскую позицию. По отношению к Парижской Коммуне Дюпон также сразу занял позицию, вполне соответствовавшую позиции Маркса. Если в сентябре 1870 г., так же как и Маркс, он предостерегал французских рабочих против восстаний, которые, по его словам, только укрепили бы власть буржуазии, то уже 21 марта 1871 г. он горит желанием помочь восставшим рабочим, возмущается их нераспорядительностью, спешит исправить их ошибки. «Мне кажется, что наступил момент, когда Совет должен вмешаться», — заканчивает он свое письмо Энгельсу 21 марта[1].

До нас дошло всего несколько писем, написанных Дюпоном Марксу и Энгельсу в дни Коммуны. Из одного письма видно, что в конце марта или начале апреля Дюпон приезжал в Лондон, где виделся с Марксом и Энгельсом и подробно обсудил создавшееся положение. Этим, вероятно, и объясняется, что среди писем Дю-

---

[1] «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 169.

пона Марксу и Энгельсу за это время нет того последовательного изложения взглядов, которое он в каждой возникшей новой ситуации посылал Марксу, чтобы получить, как он выражался, «исправления и дополнения». До нас дошли большей частью короткие записки без даты, написанные неровным, торопливым почерком, с недописанными и даже пропущенными словами — записки, свидетельствующие о той крайней тревоге, с которой Дюпон следил за развертывающимися событиями.

Поддерживать связь с членами Интернационала в Париже и во всей Франции — вот на чем сосредоточилось в первое время существования Коммуны все внимание Дюпона. Письма его полны заботой сохранить эту связь. «Посылаю Вам письма, только что полученные мной от наших корреспондентов, — пишет он Марксу в одном из писем, — присоединяю к ним два частных письма, думаю, что приведенные в них подробности будут для Вас интересны... Вы забыли вернуть мне письмо Бастелика. Пришлите мне все вместе... Почему Вы не огласили письма из Бордо?». «Мой друг, человек с седыми волосами, — пишет он в другом письме, — получил сегодня утром письмо от своего сына, капитана в штабе Эда. Я только что написал ему. Я думаю, это даст нам возможность переписываться, посылая письма на имя г-на Де Живри, их кузена. Если Вам нужно что-нибудь переслать, то пришлите мне. Я уже говорил ему о той неизвестности, в которой нас держит Коммуна, и просил у него точных сведений» [1].

Дюпон, понимая значение партии рабочего класса для победоносной пролетарской революции, все еще не терял надежды на то, что именно Интернационал выполнит историческую роль авангарда пролетариата. Он ловил с величайшей надеждой малейшие признаки влияния на массы парижских секций Интернационала. «Я с радостью отметил, что Интернационал зашевелился. Это даст мне работу и поднимет немного мое настроение!» — пишет он Марксу по поводу выборов в

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 21. III. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/4).

Коммуну и в то же время трезво оценивает сложившуюся в Париже обстановку, спрашивая: «Чему обязаны наши парижские друзья своим избранием: Интернационалу или своему шовинизму?» [1].

21 апреля должны были состояться дополнительные выборы в Парижскую Коммуну; Серрайе настойчиво звал Дюпона в Париж: он выставил его кандидатуру в 17-й округе. «Нужно, чтобы Дюпон приехал сюда во что бы то ни стало, — пишет Серрайе. — Его присутствие необходимо во многих отношениях. Выборы должны произойти в воскресенье, и если в понедельник я узнаю, что он прошел, то я сейчас же напишу тебе, чтобы он приехал. Его кандидатура выставлена в рабочем квартале, и он пройдет почти наверное» [2]. В том же письме Серрайе сообщал, что Ф. Пиа возобновил борьбу против Генерального Совета, предприняв в печати кампанию против Серрайе и Дюпона. На очередном заседании Генерального Совета в апреле 1871 г. Марксу было поручено написать в Париж опровержение этих слухов, что он и сделал в известном письме к Лео Франкелю в апреле 1871 г., кратко охарактеризовав деятельность Пиа в лондонской Французской секции и разъяснив подоплеку его интриг [3].

Дюпон не поехал в Париж в марте — апреле 1871 г. в основном по тем же причинам, по которым он не поехал туда в сентябре 1870 года. В его письмах не встречается никаких указаний на его отношение к приглашению Серрайе, но в одном из писем Марксу, 2 апреля 1871 г., Г. Юнг выразил на этот счет мнение, по-видимому отражавшее точку зрения Маркса и Дюпона. Узнав из газет, что в Париже находятся и Бастелика из Марселя, и Обри из Руана, и некоторые руководители лионской секции, Юнг писал: «Я скорблю о безумии наших товарищей, которые с какой-то ребяческой торопливостью бегут в Париж, чтобы воспользоваться плодами революции, прежде чем обеспечили ее

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 21. III. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/4).

[2] О. Серрайе — Э. Серрайе, 15. IV. 1871 («Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 184—187).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 181—182.

успех. Что хорошего они могут сделать в Париже? Разве они не были бы более полезны у себя, в своих городах, и разве они не сделали бы гораздо больше для успеха революции, выполняя свой долг на месте? Движение в Лионе, Марселе и других местах терпит крушение, потому что главари, по-видимому, бежали с самой подходящей для них арены деятельности»[1]. В письмах Серрайе, торопившего жену с переездом в Париж, где он приготовил для нее квартиру с садом[2], сквозит известная успокоенность и уверенность в том, что Коммуна победила окончательно. Эти письма отчасти подтверждают мнение Юнга и показывают, насколько даже лучшие деятели Интернационала не были еще подготовлены к решению стоявших перед ними задач.

Дюпон не разделял иллюзии Серрайе. Он понимал, что, оставаясь на своем посту в Манчестере, сможет не менее успешно, чем в Париже, бороться за дело Коммуны. По примеру Маркса он боролся по двум линиям: с одной стороны, в постоянной переписке с Парижем и французской провинцией он, как мог, помогал французским рабочим советами и указаниями; с другой стороны, он стремился создать во всех доступных для его агитации слоях массовое движение в защиту Коммуны: во французской провинции, через своих корреспондентов, среди манчестерских рабочих через местный совет тред-юнионов, в Америке — через нью-йоркскую французскую секцию Интернационала, с которой он состоял в переписке с 1870 года.

Разгром Коммуны был для Дюпона страшным ударом. Его записка Энгельсу без даты, очевидно написанная под первым впечатлением известия, звучит как вопль отчаяния: «Дорогой Энгельс, — пишет он, — каким бедствием для нашего дела является торжество этих негодяев! Июньские подвиги побледнеют перед тем, что нам предстоит увидеть. Имеете ли Вы известия из Парижа? Получили ли что-либо от Серрайе? Я нахожусь в лихорадочном состоянии, не дающем мне никакого покоя. Напишите мне несколько слов, если получили

---

[1] «Первый Интернационал...», стр. 178—179.
[2] Там же, стр. 176.

известия»[1]. Вслед за запиской, 29 мая, он шлет письмо, в котором анализирует положение, определяет опасность, намечает план действий. Реакция версальцев находит поддержку буржуазных правительств всех стран — говорит Дюпон: «все правительства готовятся к выдаче тех, кому удастся бежать». Нужно апеллировать к массам, чтобы через них повлиять на правительства; но никакая газета не захочет напечатать такое воззвание; Генеральный Совет сам должен напечатать его и распространить. Дюпон берет на себя довести обращение до всех манчестерских рабочих организаций. Конец письма полон боевой энергии, которую пролетарий Дюпон черпал в своей классовой ненависти. «Я болен и подавлен, — пишет Дюпон, — так как свирепость буржуазии превосходит все то, что самое причудливое воображение может придумать. Но я уверен, что ненависть, которую мне внушает этот гнусный класс, вернет мне энергию. Надеюсь, что через несколько дней мои дети будут устроены и я сумею целиком посвятить себя мести или, точнее выражаясь, революции»[2].

В письме от 17 июня Дюпон уже благодарит за присылку воззвания «Гражданская война во Франции». «Получил и прочел манифест, — пишет он, — он написан превосходно. Надо сделать все возможное, чтобы широко распространить его в среде рабочего класса»[3]. Сам Дюпон немедленно принялся за это дело и приложил большие усилия к тому, чтобы довести воззвание до масс. Первое издание, выпущенное в количестве 1000 экземпляров, продавалось по 6 пенсов. 21 июня Дюпон просит у Энгельса разрешения продавать его рабочим по 2 пенса[4]. В другом письме, относящемся также к концу июня, он сообщает, что заказал печатные объявления и сговорился с продавцами газет, которые согласились распространять воззвание на обычных условиях за определенный процент. «Я обращаю особое внимание на рабочие кварталы, — пишет Дюпон, — я распространил в мастерских по соседству довольно зна-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2338.
[2] «Первый Интернационал...», стр. 207—208.
[3] Там же, стр. 211.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2362.

чительное число экземпляров. Эффект в высшей степени удовлетворительный». В том же письме Дюпон рассказывает о попытках заинтересовать своей агитацией совет тред-юнионов и союз машинистов. Он просит Энгельса выслать ему как можно скорее несколько сот экземпляров «Гражданской войны во Франции»[1]. Эта цифра представляется весьма значительной, если вспомнить, что первое издание «Гражданской войны» вышло всего в 1000 экземпляров. Правда, в следующих письмах Дюпон жалуется на то, что воззвание расходится плохо: «Нужно вести индивидуальную пропаганду; я так и делаю, к сожалению, мне не хватает времени. Я делаю все, что могу, в этом направлении, и, если бы не служба, которая отнимает у меня целый день, я мог бы поручиться за успех»[2].

С первых же дней после падения Коммуны Маркс в Генеральном Совете возглавил дело международной пролетарской помощи французским революционерам. Организация побегов из Франции посредством доставки фальшивых паспортов, устройство на работу прибывших в Лондон коммунаров, сбор средств для помощи больным, безработным, многодетным — вот формы поддержки, оказанной Марксом жертвам версальского террора. Дюпон всеми путями помогал Марксу. Он немедленно приступил к сбору средств в Манчестере; не найдя поддержки в манчестерском совете тред-юнионов, он обратился непосредственно к рабочим через печать; 6 августа он мог сообщить Марксу, что собрал 3 шиллинга путем взносов в 1 пенни, причем каждый подписавшийся взял на себя обязательство вносить еженедельно по 1 пенни, «вплоть до окончательного облегчения судьбы эмигрантов»[3]. 27 августа Дюпон опять посылает Энгельсу 4 шиллинга 7 пенсов, собранных таким же путем. Это был плод систематической работы Дюпона среди манчестерских рабочих.

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 7. VII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 135/11).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 26. VII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2421).

[3] Э. Дюпон — К. Марксу, 6. VIII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2450).

Дюпон также обратился к своим корреспондентам в Америке с предложением организовать там сбор средств. Он неоднократно упоминает в письмах к Марксу и Энгельсу о своих попытках устроить на работу кое-кого из бывших коммунаров. Он пишет: «Укажите мне профессии тех, кто находится в Лондоне, может быть, кого-нибудь удастся устроить на работу здесь»[1], — и несколько позже: «Я занялся подысканием работы для тех друзей, которые обратились ко мне, пока безуспешно». Все это свидетельствует об упорной агитационно-пропагандистской деятельности, которую Дюпон развернул в Манчестере и которая почти целиком ложилась на его плечи. В ряде писем Энгельсу и Марксу Дюпон жалуется на то, что ему одному трудно справиться с работой, в особенности из-за необходимости индивидуально «обрабатывать» каждого, прежде чем добиться массового выступления. «Я стремлюсь в настоящее время создать здесь секцию, чтобы иметь больше поддержки», — пишет он 27 августа 1871 года[2].

В жестоком подавлении Коммуны, в последовавшем разгуле реакции Дюпон видел урок классовой ненависти, классовой борьбы и сразу поставил вопрос о том, чтобы ничто из этого урока не пропало. В письме от 21 июня 1871 г., написанном из Манчестера после двухдневного пребывания в Лондоне, в течение которого он подробно говорил с Марксом и Энгельсом, Дюпон сообщает последнему, что встретил в поезде шотландца, много лет прожившего во Франции и имеющего в своем распоряжении какие-то листовки, напечатанные в Париже во время Коммуны. Дюпон сообщает Энгельсу, что намерен ознакомиться с этими листовками, и попутно ставит вопрос о широком собирании материалов по истории Коммуны. «Нам необходимо, — пишет он, — собрать все то, что мы сможем, касательно действий версальцев. Я уже приступил к этому и рекомендовал всем, кого видел, поступать так же. Я напишу им с

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 26. VII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2421).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 27. VII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/31).

просьбой прислать мне все данные и займусь их классификацией как материала для нашей анкеты»[1].

С начала 1871 г. материальное положение Дюпона опять пошатнулось. Узнав о деятельности Дюпона в Интернационале и о той агитации, которую он вел в тред-юнионах, Хайам подвергал Дюпона постоянным притеснениям. «Я так настроен против Хайама, — пишет Дюпон Энгельсу 19 февраля 1871 г., — что иногда кажется: еще одно мгновение, терпение мое лопнет, и я окажусь без места. Если бы Вы еще были здесь, я, может быть, легче переносил бы его придирки, но я один и строю тысячи проектов, чтобы попытаться создать себе более независимое положение. Одним словом, цель моя заключается в том, чтобы осуществить мое изобретение»[2]. И Дюпон подробно излагает Энгельсу суть своего изобретения — корнет-а-пистона особой конструкции, соединяющего «совершенство звука» с «легкостью исполнения». Он советуется с Энгельсом не только о том, стоит ли ему брать патент на свое изобретение и где это лучше сделать, в Англии или во Франции, но и о том, как лучше наладить воспитание своих детей. Целый день занятый в мастерской, он вечерами посещает рабочие собрания и заседания комитетов во всех концах города и, конечно, не может уделить своим детям достаточного внимания; перед ним встает вопрос о том, чтобы поместить их в какое-нибудь воспитательное заведение.

Дюпон был любящим отцом; в одном из писем к Марксу в первые дни своего пребывания в Манчестере он описывает, каким лишением для него является отсутствие детей. «Я решил съездить за детьми в субботу вечером или в воскресенье, — пишет он, — я знаю, что им очень хорошо там, где они находятся, но несмотря на это я слишком несчастен без них; я очень мало сплю, и мой сон прерывается кошмарами; мне снятся раздавленные дети и тому подобные ужасы, напоминающие

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 21. VI. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2362).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 19. II. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2275).

мне слишком тяжелые минуты»[1]. Как ни боялся Дюпон разлуки с детьми, ему пришлось на нее решиться. После довольно длительных поисков в Лондоне нашлось подходящее по цене заведение; им руководили католические монахини. Это обстоятельство было особенно неприятно Дюпону, который всю свою жизнь боролся против религии. «Мне не очень-то нравится отдавать их в руки этих чернавок, — пишет он. — Все же с большим трудом я на это решился, так как невозможно оставлять их дольше без воспитания»[2].

В понедельник 19 июня 1871 г. Дюпон привез детей в Лондон и, проведя несколько часов с Марксом и Энгельсом, в тот же день уехал обратно, даже не успев заглянуть на очередное заседание Генерального Совета, состоявшееся как всегда во вторник. Дюпон вез с собой в Манчестер кипу только что вышедшего из печати воззвания «Гражданская война во Франции» и рассчитывал всецело посвятить свое внимание делам Интернационала. Но вот монахини, разузнав, кто такой Дюпон, отказываются держать его детей у себя; Энгельс временно опять берет их к себе и детально занимается их устройством. Он просит начальницу пансиона «Сестер провидения» в Хемпстеде принять в свое учреждение трех девочек за плату 13 фунтов в год с ребенка[3]. Этим не ограничивается забота Энгельса о детях Дюпона; он по списку требует обратно у монахинь детское приданое: столько-то юбочек, кофточек, пар чулок; каждую неделю получает от Дюпона деньги на содержание детей, подчас округляя сумму из собственного кармана. «Мои бедные сиротки, поставленные обществом вне закона за прегрешения своего отца, нашли у Вас и у Маркса настоящую семью, — пишет Дюпон. — Слова не могут выразить то, что я чувствую, спасибо всем, в особенности Вам и Вашей жене за Ваше сочувствие»[4]. «Я с удо-

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 13. VII. 1870 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 38/9).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 17. VI. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2362).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 228.

[4] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 21. VII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2412).

вольствием думаю о том, что в настоящий момент Вы, может быть, находитесь с моими детьми. Я могу быть спокойным только потому, что, уверяю Вас, знаю, с какой добротой Вы заботитесь о них», — пишет он в другом письме от 27 августа[1].

Нельзя без волнения думать о том, что у Энгельса, заваленного огромной перепиской по делам Интернационала, в самый разгар подготовки Лондонской конференции 1871 г. все же находилось время для этих мелких хлопот и поручений, которые он выполнял с педантичной аккуратностью и бесконечным терпением, лишь изредка позволяя себе иронические замечания относительно непрактичности Дюпона («в практических делах он смыслит столько же, сколько мой пес», — писал он Зорге 26 июля 1873 г.[2]).

Интересы революции, интересы Интернационала оставались для Дюпона всегда на первом плане. Лето 1871 г. было омрачено для Дюпона не только глубоким горем в связи с поражением Коммуны, не только болью из-за страданий своих братьев по классу, но и трениями и проявлениями некоторого недоброжелательства со стороны товарищей по Интернационалу.

Приезд в Лондон многочисленных коммунаров внес большое оживление в среду рабочей и революционной эмиграции: возникали организации взаимопомощи, землячества различных направлений и т. п., заседали бесконечные комитеты, созывались собрания и митинги. Маркс и Генеральный Совет, естественно, стали центром тяготения всех пролетарских и социалистических элементов новой эмиграции; заседания Совета становились все более многолюдными и оживленными; с конца июня в них принимал участие только что вернувшийся из Франции Серрайе, в течение июля и августа были кооптированы коммунары Франкель, Вайян, Ранвье, Делаэ и другие. Имя Дюпона упоминалось все реже, его роль как секретаря-корреспондента постепенно сходила на нет, так как переписки с Францией уже почти

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/31.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 503.

не было, а личный авторитет Дюпона пострадал от того, что он не был активным участником событий.

План собирания материалов для изучения истории Коммуны, который Дюпон изложил своим французским товарищам, в конце июня был представлен Совету Серрайе и Роша от их собственного имени на заседании 1 августа 1871 г. После довольно длительных прений для осуществления плана была создана особая комиссия, в которую Дюпон не вошел. На том же заседании Джон Хейлз, который с 16 мая 1871 г. был секретарем Генерального Совета, внес предложение назначить нового секретаря для Франции, мотивируя свое предложение тем, что Дюпон, находясь в Манчестере, не в состоянии выполнять свои функции. Вопрос отложили до конференции, созыв которой был намечен на конец сентября, но само предложение Хейлза очень взволновало Дюпона. Как всегда в тяжелые минуты, он обратился прежде всего к Марксу. У него уже раньше было намерение подать в отставку, пишет он Марксу 6 августа 1871 г., тем более что с возвращением Серрайе и других в Совете имеется достаточный выбор; он не сделал этого только потому, что Энгельс отговорил его во время их последнего свидания, 22 июня. В том же письме Дюпон настойчиво просит Маркса опровергнуть в Совете распускаемые про него клеветнические обвинения и подтвердить, что он не поехал в Париж только потому, что Совет дал ему указание этого не делать; подавая в отставку, Дюпон обещает выполнять обязанности секретаря вплоть до назначения ему заместителя. Даже под впечатлением обиды, нанесенной ему товарищами, он не дает личным чувствам взять верх. Дело Интернационала остается для него дороже всего; он заканчивает свое письмо к Марксу словами, в которых звучит преданность партии и несломленная воля к борьбе: «Я останусь таким же преданным Интернационалу, — пишет он, — и найду себе здесь широкое поле деятельности» [1].

---

[1] Э. Дюпон — К. Марксу, 6. VIII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2450).

Ответ Маркса на это письмо до нас не дошел. И в протоколах Генерального Совета не встречается больше упоминаний о секретаре для Франции вплоть до 12 декабря 1871 г., когда Хейлз предложил «предоставить гражданину Серрайе такие же полномочия, какими ранее располагал Дюпон». Под официальным изданием резолюций Лондонской конференции 1871 г., выпущенным осенью 1871 г., уже стоит подпись О. Серрайе в качестве секретаря для Франции.

В Лондонской конференции, состоявшейся 17—23 сентября 1871 г., Дюпон должен был участвовать в качестве члена французской делегации, но, не имея возможности надолго отлучиться из Манчестера, он присутствовал только на двух первых заседаниях — 17 и 18 сентября. Маркс и Энгельс непосредственно руководили работой конференции. Центральным вопросом конференции был вопрос о политической организации рабочего класса. В борьбе против бакунистов Маркс и Энгельс предложили конференции ряд резолюций, укрепляющих организационную структуру Интернационала и подчеркивающих руководящую роль Генерального Совета, и добились утверждения их. Дюпон, который не только безоговорочно разделял точку зрения Маркса на роль пролетарской партии в революции, но и на деле в течение ряда лет боролся под руководством Маркса за проведение ее в жизнь, конечно, всячески поддерживал позицию Маркса и на конференции.

Созданная усилиями Дюпона манчестерская секция Интернационала организационно оформилась в начале октября 1871 г. В письме от 16 октября 1871 г. Дюпон пишет Энгельсу: «У нас наконец есть здесь секция, и я надеюсь, что Интернационал пустит корни среди рабочих обществ»[1]. Секретарем секции был избран Е. Джонс (не следует путать этого Джонса со старым чартистом Эрнестом Джонсом, также жившим в Манчестере и умершим в 1869 г.). Дюпон отказался от какой-либо официальной должности и согласился быть лишь членом комитета, «считая, — писал он, — что это даст ему

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 16. X. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/1).

больше возможности принести пользу». Благодаря Дюпону манчестерская секция оставалась оплотом Генерального Совета и Маркса в такой момент, когда почти вся Британская федерация Интернационала и реформистские элементы в самом Генеральном Совете выступили против руководства Маркса.

Вновь образованный в сентябре 1871 г. Британский федеральный совет сразу же занял враждебную позицию по отношению к Генеральному Совету, отказываясь подчиниться его указаниям и стремясь присвоить себе его функции. Секретарь Генерального Совета Хейлз был одновременно секретарем Британского совета и проводил двурушническую политику: он находился в контакте с бакунистскими элементами на континенте, а в Англии всячески тормозил образование местных секций и окончательную организацию Британской федерации, за которой должны были последовать перевыборы федерального совета.

Поведение Хейлза вызвало в Генеральном Совете острую борьбу, в результате которой Совет вынес 5 декабря 1871 г. резолюцию о недопустимости совместительства должностей секретаря Генерального и федеральных советов. Хейлз отказался от поста секретаря федерального совета, оставаясь фактическим его вдохновителем [1].

Дюпон в Манчестере использовал свой авторитет уполномоченного Генерального Совета, чтобы бороться против линии Хейлза. «Я уже давно разгадал Хейлза, — пишет он в ответ на письмо, в котором Энгельс сообщал ему о последних заседаниях Генерального Совета, — он безусловно надеялся, что федеральный совет станет орудием в его руках. Если бы я не намылил голову англичанам, наша секция еще не была бы организована. Он писал, чтобы мы ничего не делали до образования федерального совета. Чтобы пресечь всякие интриги, я указал секретарю, чтобы он по всем вопросам обращался ко мне в качестве *официального* представителя

---

[1] Подробнее см. *В. Э. Кунина.* «Из истории деятельности Маркса в Генеральном Совете I Интернационала» (Сборник «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963, стр. 343—411).

Совета... Я все время настороже, — и не позволю делать никаких ложных шагов, но Вы должны позаботиться о том, чтобы держать меня в курсе событий»[1].

Хейлз предложил манчестерской секции выделить из своей среды делегата в федеральный совет. На заседании комитета манчестерской секции 18 декабря Дюпон, не имея точных инструкций из Лондона, добился отсрочки выборов: «Мне пришлось выдержать очень горячий бой, чтобы задержать выборы нашего делегата в федеральный совет», — сообщает он Энгельсу 23 декабря 1871 г. и добавляет: «жду Вашей информации»[2]. 3 января 1872 г. он опять торопит Энгельса с ответом: «Вы не сообщили мне, какое решение принято относительно Хейлза». В том же письме он дает очень резкую критику предложенного Хейлзом проекта устава Британской федерации. Тайный смысл устава в том, пишет он, чтобы присвоить федеральному совету все функции Генерального Совета. В проекте сказано: «Федеральный совет может кооптировать членов — это противоречит общему уставу, поскольку федеральный совет должен состоять из делегатов секций. Далее: «индивидуальные члены уплачивают взносы в размере 1 шиллинга», — я не вижу, почему бы эти взносы не уплачивались Генеральному Совету. Если этот устав принят Генеральным Советом без изменений, то нам нечего вмешиваться. Сообщите мне, как обстоит дело»[3].

8 января 1872 г. он опять настойчиво просит Энгельса: «Сообщите мне решения Генерального Совета так, чтобы я имел их в среду вечером. У нас будет собрание». «Получил Ваше письмо сегодня утром, — пишет он 11 января, — а собрание состоялось вчера вечером... Я внес два предложения — упразднение § 1 и насчет кооптации членов, но безуспешно. Я не мог оттягивать дольше, чтобы не казалось, что я чиню систематическую обструкцию.., а поскольку Генеральный

---

[1] Письмо Энгельса не сохранилось. Ответ Дюпона от 10. XII. 1871 (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5616).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 23. XII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/5).

[3] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 8. I. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 82/5).

Совет имеет право отклонять пункты, противоречащие Общему уставу, то, по-моему, наше голосование лишено всякого смысла»[1].

Ответ Энгельса задержался из-за того, что вопрос об уставе Британской федерации обсуждался Генеральным Советом лишь 9 января. На этом заседании, благодаря сообщению Дюпона, вскрылась двурушническая политика Хейлза. Хейлз, желая ввести в заблуждение Генеральный Совет и поставить его перед совершившимся фактом, представил в комиссию проект устава, отличный от того, который он сам разослал секциям. Когда Маркс от имени Постоянного комитета доложил, что в уставе не обнаружено ничего, по существу противоречащего Общему уставу Интернационала, Энгельс выразил удовлетворение по поводу того, что полученные от Дюпона сведения, будто федеральный совет претендует на право кооптации, — ложны: Хейлз, припертый к стене, был вынужден признать, что сведения Дюпона правильны и что такой пункт действительно существует в проекте устава.

Дюпон правильно считал, что, выделив своего делегата в возглавленный Хейлзом Британский совет, манчестерская секция как бы санкционирует его оппозиционную деятельность, и потому всячески оттягивал выборы делегата в ожидании окончательного решения Генерального Совета и утверждения устава Британской федерации. Эта политика затягивания была непонятна остальным членам манчестерского комитета, которые, доверяя вполне Генеральному Совету, не были в курсе его внутренней борьбы. Когда уже нельзя было оттягивать выборы, Дюпон добился избрания человека, не принадлежащего ни к какой фракции и в достаточной мере свободного от буржуазных и тред-юнионистских влияний. Это был врач Джордж Секстон. «Доктор Секстон ближе к нам, чем я думал, — пишет Дюпон Энгельсу 11 января. — Вчера вечером он объявил себя безусловным коммунистом и очень резко выступил против республиканцев и буржуазии, когда один из членов

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 11. I. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр 136/8).

комитета потребовал, чтобы слова «война против капитала» были изменены»[1]. Дюпон очень настаивал на том, чтобы Секстон повидался с Марксом во время одной из своих поездок в Лондон и не без беспокойства ждал оценки последнего. «Надеюсь, что Вы останетесь довольны нашим делегатом», — пишет он все в том же письме от 11 января.

В малом масштабе в манчестерской секции сталкивались те же течения, что и в Интернационале в целом. Борьба Маркса против Республиканской лиги и его полемика против буржуазного радикала Брэдло, организатора атеистического движения, которое он противопоставлял самостоятельному движению пролетариата, нашли свое отражение в жизни манчестерской секции. Дюпон всегда стоял в центре этой борьбы как защитник линии Маркса. «Мне приходится, — пишет он Энгельсу 10 декабря 1871 г., — защищать здесь наше Товарищество и Генеральный Совет против всевозможных нападок, и это — изо дня в день. Сегодня вечером ко мне пришло несколько англичан. Одни — сторонники Оджера, другие — Брэдло, Холиока, Кримера, и т. п. Надо было их убедить; мне это в значительной степени удалось. Но это еще не конец, и чем более у меня будет материалов, чтобы продолжать борьбу против всех этих чучел за наше Товарищество, тем лучше»[2].

В письмах к Марксу и Юнгу Дюпон просит сообщить ему подробности о различных моментах борьбы. «Я писал Марксу с просьбой сообщить мне подробности о причине выхода Холиока из Совета», — пишет он все в том же письме. В другом письме, от 16 октября, он рассказывает Энгельсу о своем столкновении с Оджером. «Я встретился с Оджером в субботу, на собрании по поводу стачки в Ньюкасле. Я имел с ним дискуссию при всех делегатах. Результат был не в его пользу, так как несколько человек, сопровождавших его, записались в нашу секцию». В том же письме Дюпон сообщает о росте влияния Брэдло, и опять-таки просит прислать

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 11. I. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/8).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 10. XII. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5616).

ему материалы для выступления против буржуазных атеистов. «Я имел уже несколько споров с его сторонниками. Но мне нужны аргументы в ответ на их мальтузианство, а я никогда не читал Мальтуса. В следующем Вашем письме сообщите мне несколько убедительных опровержений. Я воспользуюсь ими при ближайшем случае»[1]. Энгельс исполнил просьбу Дюпона, и 31 октября последний благодарит его за подробные сведения[2].

В этих боях манчестерская секция крепла. С начала января 1872 г. комитет смог снять помещение на три месяца: «*респектабельное* помещение», — пишет Дюпон Энгельсу 11 января, три раза подчеркивая это слово. Помня, что Энгельс — манчестерский старожил, Дюпон сообщает ему адрес, «Юнион-чемберз, Диксон-стрит, Альберт-сквер», и добавляет: «думаю — это Вам знакомо»[3].

С наступлением весны секция приступила к широкой пропаганде на открытом воздухе. «С сегодняшнего дня, — пишет Дюпон 28 апреля 1872 г., — несколько членов нашего комитета начали вести пропаганду на площадях, наиболее посещаемых простым народом. На каждом собрании мы записываем многочисленных членов. Дело развивается очень хорошо»[4].

В одном из еженедельных отчетов о деятельности манчестерской секции в «International Herald» сообщается, что очередное собрание секции на открытом воздухе состоялось в воскресенье 12 мая в Нью-Кросс. «Присутствовало не менее 700 человек», — сообщает секретарь секции Джонс. В том же отчете сообщается о вступлении в секцию 15 индивидуальных членов и коллективном присоединении общества сапожников, насчитывающего 150 человек[5]. На заседании 12 июня

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 16. X. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/1).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 31. X. 1871 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/2).

[3] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 11. I. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/8).

[4] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 28. IV. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 136/9).

[5] «International Herald», 18. V. 1872.

присоединилось «несколько индивидуальных членов» и союз каменщиков, насчитывающий 400 человек. Аналогичные сведения встречаются и в других отчетах[1].

Численный рост секции ставил перед комитетом новые задачи; уже недостаточно было вести индивидуальную пропаганду среди членов секции. С весны 1872 г. манчестерская секция организует ряд теоретических лекций о задачах Интернационала, о 9-часовом рабочем дне, о капитале и труде, о национализации земли и т. п. Вдохновителем этой работы и одним из докладчиков был Дюпон. 8 мая после рассмотрения очередных дел Дюпон прочел доклад о национализации земли.

Этот доклад был написан Марксом. К выступлению по аграрному вопросу Дюпон готовился очень серьезно. «Наша секция, — пишет он 3 марта 1872 г., — обсуждала вопрос о национализации земли. Было сказано столько глупостей, что я взялся их опровергнуть. Одни хотят, чтобы правительство сдавало землю в аренду крестьянам, другие хотят раздела, парцелляции, как во Франции и т. п. ...», и Дюпон посылает Энгельсу «несколько беглых заметок» с просьбой их исправить, сократить и прибавить то, что он сочтет нужным. «Я бы написал Марксу, — заявляет он, — но я знаю, что он слишком занят, чтобы ответить мне». «1. Обобществление земли является общественной необходимостью, — начинает Дюпон свои заметки. — 2. Национализация земли в руках буржуазии явилась бы новым способом эксплуатировать народ. 3. Раздел, парцелляция, противоречили бы современным принципам и средствам производства, требующим обработки в крупном масштабе. 4. Предоставить обработку земли одной категории производителей означало бы поставить общество в зависимость от этой категории. 5. Национализация земли будет истинной тогда, когда народ будет обладать общественной властью, станет *сам правительством*. Поскольку целью его будет экономическая централизация, он найдет способ направить производство и обработку земли по правильному пути, в интересах всех»[2].

---

[1] «International Herald», 22. VI. 1872.

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 3. III. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2789).

Вопреки предположениям Дюпона Маркс нашел время ответить ему и прислал на четырех, мелко исписанных страничках небольшой доклад, в котором в предельно сжатой форме изложил сущность марксистского учения по аграрному вопросу. С обычным для него товарищеским тактом Маркс в основном следовал плану, набросанному Дюпоном, и в частности подробно остановился на анализе положения во Франции. Записка Маркса была оглашена Дюпоном на заседании комитета 8 мая и затем без каких-либо значительных изменений опубликована без указания автора в «International Herald» от 15 июня 1872 г. под заглавием «Национализация земли. Доклад, оглашенный в манчестерской секции Международного Товарищества Рабочих»[1].

Общественно-политическая деятельность Дюпона в Манчестере вызывала неудовольствие его хозяина; здоровье ухудшалось. Дюпон решился, наконец, отказаться от места и переехать обратно в Лондон, рассчитывая реализовать свои изобретения. Начиная с 28 мая 1872 г. Дюпон снова аккуратно появляется на заседаниях Генерального Совета. Последние месяцы перед Гаагским конгрессом в Совете шла ожесточенная внутренняя борьба. Дюпон попал в самую гущу событий и решительно принял сторону Маркса; его роль в качестве организатора манчестерской секции позволяла ему авторитетно высказываться по английским делам. Уже 18 июня 1872 г. Дюпон огласил на заседании Генерального Совета письмо из Манчестера, в котором указывалось, что в связи с быстрым численным ростом секции потребовались членские марки. В ходе дискуссии Энгельс потребовал, чтобы Британский федеральный совет выполнял постановления Лондонской конференции и позаботился о снабжении английских секций членскими марками. Хейлз возражал, что Генеральный Совет не компетентен вмешиваться во внутренние распоряжения федерального совета. В Ноттингеме 21—22 июля состоялся первый съезд Британской федерации. Хейлз предполагал нанести на съезде решительный удар руководству Маркса в Генеральном Совете. Чтобы, по воз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 54—57.

можности, связать ему руки, Маркс добился на заседании Постоянного комитета 19 июля временного отстранения Хейлза от должности секретаря Генерального Совета. Решение было мотивировано действиями Хейлза «как против Генерального Совета, так и против интересов Товарищества». В подтверждение этой мотивировки Дюпон подробно рассказал о поведении Хейлза в отношении манчестерской секции. Дюпон был направлен на Ноттингемский съезд в качестве представителя Генерального Совета с полномочиями «действовать так, как он сочтет лучшим в интересах Товарищества».

В порядке дня съезда было 6 пунктов: организационный вопрос, сокращение рабочего дня, политическое действие пролетариата, отношение британских секций к ирландскому вопросу, народное образование, тред-юнионы, стачки и локауты. Главный бой развернулся по организационному вопросу: предстояло утверждение устава Британской федерации. План Хейлза заключался в следующем: по всем пунктам принимать резолюции, на первый взгляд соответствующие программе Интернационала, но не одобрять решений Лондонской конференции и, если удастся, выразить недоверие Генеральному Совету. Хейлз внес в проект устава пункт, разрешающий сношение между федеральными советами различных стран помимо Генерального Совета; этим пунктом, по существу не противоречившим уставу, Хейлз рассчитывал замаскировать блок Британского федерального совета с враждебными Генеральному Совету секциями.

Съезд открылся в воскресенье 21 июля, но делегаты начали приезжать в субботу вечером. Перед отъездом в Ноттингем Дюпон получил от Маркса инструкции. «Со вчерашнего вечера, — пишет он Энгельсу 21 июля,— мы начали *обрабатывать* делегатов. Возможно, что резолюция о федеральных советах, предложенная Хейлзом, будет снята... Мы предложили вотум доверия Генеральному Совету и одобрения решений конференции. Будем требовать *поименного голосования* по этим двум пунктам; бой предстоит жаркий». «Если мы *одержим победу,* — пишет далее Дюпон, — я пошлю Вам телеграмму, которую Вам следует понимать так: вотум

доверия — № 1; одобрение решений конференции —№ 2; снятие резолюции — № 3. Во всяком случае, невозможно, чтобы Хейлз оставался дольше в Генеральном Совете: его надо *прогнать*»[1].

В 5 часов вечера 22 июля Дюпон смог послать Энгельсу следующую телеграмму: «№№ 1 и 2 прошли, № 3 отложен; победа!»[2].

Ноттингемский съезд одобрил решения Лондонской конференции и выразил доверие Генеральному Совету. Отчет о съезде, помещенный в дружественном Хейлзу «International Herald», передает весь ход работы съезда в очень смягченной форме, а ряд моментов совсем упущен. Оживленную дискуссию вызвал вопрос о месте пребывания федерального совета: Джонс, второй делегат из Манчестера Хей и ряд других настаивали на том, чтобы Совет заседал в Манчестере; Дюпон и Лесснер поддерживали это предложение, которое вывело бы Британский совет из-под влияния Хейлза; но предложение было отвергнуто, и Совет остался в Лондоне. По вопросу о политическом действии рабочего класса съезд признал желательным создание в Англии самостоятельной политической партии пролетариата. В платформу Британской федерации был включен пункт о национализации земли. Дюпон предложил подтвердить резолюции Брюссельского конгресса о национализации земли и средств производства, но предложение было отвергнуто Хейлзом, который заявил, что «это заходит слишком далеко для современного уровня знаний англичан».

На съезде Хейлз шел на уступки и избегал резких выступлений, которые могли бы оттолкнуть от него сторонников и помешать его переизбранию в федеральный совет. 27 июля Дюпон, отчитываясь перед Постоянным комитетом, подчеркнул эту тактику Хейлза и обвинил его в том, что он «двусмысленно держался на съезде». В течение второй половины июля и всего августа 1872 г. Генеральный Совет был занят подготовкой Гаагского конгресса. Вместо отстраненного Хейлза ряд случайных

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 21. VII. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 107/1).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 22. VII. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 107/2).

секретарей — Жоаннар, Курне, Лонге и другие — вели менее подробные и менее связные записи. Два последних протокола записаны самим Дюпоном; оба относятся к концу августа, но не имеют точной даты. В одном из них имя Дюпона упоминается в числе шести делегатов, направленных Генеральным Советом на Гаагский конгресс.

В последних числах августа Дюпон выехал в Гаагу в сопровождении Серрайе, Жоаннара и нескольких других делегатов. Конгресс открылся 1 сентября в большом концертном зале на Ломбард-страат в Гааге. Личное присутствие Маркса и Энгельса снимало с Дюпона большую долю той ответственности, которую ему приходилось нести на предыдущих конгрессах. Он отказался от должности вице-председателя, которая была предоставлена мало известному тогда членам Интернационала в Европе Ф. А. Зорге.

При ожесточенном сопротивлении бакунистов конгресс постановил исключить из Интернационала Бакунина и его ближайшего пособника Гильома, а Генеральный Совет перевести в Нью-Йорк. Последнее решение, принятое по настоянию Маркса, вызвало недовольство многих из тех, кто искренне считал себя его сторонником.

Некоторые из наиболее активных членов Генерального Совета, из тех, кто вкладывал всю душу в дело Интернационала и отдавал ему все свои силы, отнеслись наиболее отрицательно к этому решению. К их числу принадлежал и Г. Юнг, один из, казалось, верных сторонников Маркса в первые годы существования Интернационала, а после Гаагского конгресса докатившийся до того, что вместе с Хейлзом начал вести против Маркса клеветническую борьбу.

Против перевода Генерального Совета в Нью-Йорк голосовали многие ближайшие товарищи Дюпона — коммунары Вайян, Курне, Ранвье, Дерёр, Арно и даже Лео Франкель, в остальных вопросах один из наиболее последовательных учеников Маркса. С другой стороны, за переезд Генерального Совета из Лондона голосовали противники Маркса, вроде бакуниста Брисме или секретаря Британской федерации Роча, которые рассчиты-

вали таким образом вывести Совет из-под влияния Маркса.

В этой сложной обстановке Дюпон не колебался: он вместе с Энгельсом, Лафаргом, Лесснером, И. Ф. Беккером голосовал за резолюцию, целью которой было увести Интернационал с исторической арены «чистым и не фальсифицированным».

Дюпон был избран в комиссию по изданию резолюций Гаагского конгресса; официальное издание резолюций конгресса, брошюра в один печатный лист, напечатанная в Лондоне на французском языке, вышла в свет 21 октября 1872 г. Подпись Э. Дюпона стоит в алфавитном порядке, впереди подписей Энгельса, Франкеля, Ле Муссю, Маркса и Серрайе.

С переездом Генерального Совета в Нью-Йорк Маркс и Энгельс не прекратили руководство Интернационалом; в письмах к Зорге они не переставали до осени 1873 г. оказывать новому Генеральному Совету помощь разъяснениями и указаниями. Многие секции в Европе продолжали непосредственно обращаться к Марксу и Энгельсу. Энгельс, который в этот период взял на себя значительную часть организационной работы, ранее выполнявшейся Марксом, многие вопросы решал вместе со «старой гвардией» — Лафаргом, Лесснером, Дюпоном. Немало внимания приходилось уделять Британскому федеральному совету, который тотчас после конгресса начал поход против Маркса. Уже 19 сентября Хейлз был торжественно избран вновь на пост секретаря Британской федерации; он незамедлительно разослал английским секциям циркуляр, в котором выдвигал против Маркса клеветнические обвинения и выступал от имени английских рабочих против фразы о «продажных вождях английских рабочих», произнесенной Марксом на конгрессе [1]. Письмо Хейлза вызвало большое возмущение в ряде секций, в частности в манчестерской, которая на заседании 2 октября потребовала от Британского федерального совета подтверждения, что циркуляр действительно был одобрен советом. Не вступая в ненужную полемику с Хейлзом, Маркс и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 639.

Энгельс стремились изолировать и разоблачить его в глазах английских рабочих. В конце ноября Дюпон и ряд других сторонников Генерального Совета вошли в состав Британского федерального совета. На заседании 5 декабря они выступили против совмещения функций и публикации недобросовестных отчетов, практикуемых Хейлзом. 10 декабря тайное собрание приняло манифест ко всем английским секциям, в котором высказывалось против решений Гаагского конгресса и созывало на 26 января 1873 г. съезд британских секций. В ответ на этот шаг группа Дюпона и Лесснера, в которую входил ряд англичан, в том числе издатель «International Herald» Рили, на заседании 19 декабря постановила сместить Хейлза и произвести перевыборы совета. В английских секциях произошел раскол. Часть секций, в частности опять-таки манчестерская федерация, поддержала новый федеральный совет, в который впоследствии вошли Мальтман Барри, Серрайе, Ле Муссю, Викери и др. Остальная часть секций объединилась вокруг Хейлза и продолжала некоторое время существовать в виде самостоятельной федерации.

Из старых товарищей Дюпона к Хейлзу примкнул только Герман Юнг. Дюпон был чрезвычайно огорчен этой изменой, хотя она и подготовлялась уже издавна. Он всячески стремился удержать Юнга от решительного шага. Прочтя под манифестом Хейлза подпись своего друга, Дюпон сразу же написал ему: «Я вчера только познакомился с манифестом «автономных» федерального совета. Я редко видал такую нечестность в соединении с такой наглостью. В первый раз видно, чтобы большинство устраивало переворот против меньшинства. Сознаюсь, со своей стороны, я очень доволен; неловкость врагов нашего Товарищества может только быть ему полезной. Ты обещал мне быть на заседании федерального совета в четверг. Ты не пришел, хотя погода была хорошая. Постарайся прийти сегодня. Заседание будет интересным. (Речь идет именно о том собрании, на котором были объявлены перевыборы Британского совета. — *И. Б.*) Предлагаю тебе прийти, хотя твое имя и стоит под этим дипломатическим документом. Я всем сказал, что ты его не подписывал, и буду это утвер-

ждать, пока ты мне сам не подтвердишь, что это действительно твоя подпись. Я верю этому тем меньше, что в прошлый раз, когда я тебя видел, ты мне говорил, что хочешь подать в отставку, чего я не одобрил. Если ты не читал этого документа, очень советую тебе прочесть его. Он начинается ложью, затем следует отрицание того Интернационала, который мы с тобой помогали создавать и отстаивали бок о бок. Привет твоей жене, поцелуй своих детей, твой Эжен Дюпон»[1]. Так заканчивается это трогательное письмо, в котором Дюпон с одинаковой силой обнаружил и способность к большому чувству дружбы и непоколебимую преданность своему делу. Юнг пытался оправдаться перед Дюпоном. «Юнг прислал мне письмо на 12 страницах»,— сообщает Дюпон Энгельсу и как-то обескураженно добавляет,— «его 12 страниц полны упреков и ни одного солидного довода»[2].

Нужда засасывала Дюпона. Он вкладывал в свое изобретение все новые и новые средства и был недостаточно практичен, чтобы получать с него доход. Уже в ноябре 1872 г. по поводу переписки с Францией Энгельс жалуется Зорге, что «Дюпон слишком ленив, если не подгонять его ежедневно, а мы часто не видим его недели по две»[3]. «Дюпон слишком ненадежен для такой обширной переписки и слишком занят своим патентом»,— опять пишет Энгельс 7 декабря 1872 г.[4]

Летом 1873 г. Дюпон организовал вместе с Лафаргом фабрику музыкальных инструментов. Но Лафарг тоже был не очень опытный делец. В письмах к Энгельсу Дюпон высказывает свои тревоги: дело ведется не так, как следовало бы. В ноябре 1873 г. был получен крупный заказ, но не хватало средств на покупку сырья. «Все эти разочарования лишают меня мужества»,— пишет он Энгельсу.— «...Я все испробовал, но дошел до точки... Больше всего меня мучает мысль о моих де-

[1] Э. Дюпон — Г. Юнгу, 19. XII. 1872 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 116/16).
[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 15. I. 1873 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 117/5).
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 451.
[4] Там же, стр. 456.

тях... Чем дальше, тем больше залезаю в долги...»[1]. В том же письме Дюпон жалуется на плохое состояние здоровья: у него развивалась чахотка. «Хотел зайти к Вам сегодня вечером, но чувствую себя очень нехорошо и по вечерам ложусь как можно раньше». В этом письме впервые Дюпон рассматривает возможность переезда в Америку, где у него были связи среди французской эмиграции. Если бы у него была возможность это сделать, писал он, он не сомневался бы ни минуты.

Дюпон приехал в Америку в начале зимы 1874—75 годов. «Я провел здесь ужасную зиму, — пишет он Энгельсу, — лишенный всего; когда я приехал сюда, у меня шла кровь горлом, но вот уже несколько дней как мне лучше»[2].

Сломленный болезнью и тяжелыми условиями эмиграции, Дюпон все же не прерывал связей с товарищами по партии. Об этом свидетельствуют заметки и письма, появлявшиеся время от времени в американской рабочей печати, а также в парижской газете «Égalité», органе французской Рабочей партии[3]. 29 января 1882 г. в этой газете появился некролог, в котором, сообщая о кончине Эжена Дюпона в госпитале в Чикаго, П. Лафарг воздал должное славному пролетарскому революционеру, первому ученику и соратнику Маркса и Энгельса, вышедшему из рядов французского рабочего класса.

---

[1] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 20. XI. 1873 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3341).

[2] Э. Дюпон — Ф. Энгельсу, 29. V. 1875 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3529).

[3] См. «Égalité», 21. IV. 1878, 21. VII. 1880.

Н. С. РУМЯНЦЕВА

ФРИДРИХ АДОЛЬФ ЗОРГЕ — ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКЦИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В АМЕРИКЕ

(1867—1872 гг.)

«Если жить, то действовать!»
Н. Бестужев

Имя Фридриха Адольфа Зорге занимает достойное место в славной когорте деятелей международного рабочего движения, воспитанных непосредственно Марксом и Энгельсом. Этот человек прошел сложный большой путь: от простого солдата революционной баденско-пфальцской армии 1849 г., демократа, проникнутого горячим сочувствием к национально-освободительной борьбе польского народа, до пролетарского революционера, вооруженного знанием теории научного коммунизма. Особенно известен Зорге как создатель и руководитель секций I Интернационала в Северной Америке.

По свидетельству Э. Эвелинга, он был «одним из самых близких друзей Маркса и Энгельса в более поздние годы их жизни»[1]. Талантливый ученик и соратник Маркса и Энгельса, Зорге со всей ясностью понял все величие их учения, всю грандиозность их научного подвига и до конца своего пути сохранил верность этому учению. Позднее он говорил о своем отношении к вождям мирового пролетариата: «Я никогда не хотел и *не мог* быть ничем иным.., как усердным работником пролетарского движения, и в борьбе за освобождение рабочего класса я охотно и с радостью подчинялся Марксу и Энгельсу, то есть тем, которые это лучше меня понимали»[2].

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 328.

[2] «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С.-Петербург, 1907, стр. 34—35.

За эту необыкновенную преданность, неподкупную справедливость друзья называли Зорге «человеком упрямой справедливости»[1]. Враги же, которые за попытки ревизовать учение Маркса и Энгельса подвергались самой беспощадной критике со стороны Зорге, — враги называли его «неисправимым «медведем»»[2], ибо он немедленно становился «грубым и резким», «когда какой-нибудь «интеллигентный» товарищ являлся к нему с «либеральными» предложениями, скрывавшими в себе буржуазные предрассудки и буржуазное непонимание исторической пролетарской точки зрения»[3]. Но этот «грубый и резкий» человек был самым преданным другом, никогда не оставлявшим в беде своих товарищей и делившимся с ними своими скромными средствами. А за его неказистой внешностью скрывалось необыкновенно доброе и отзывчивое сердце.

Вожди международного пролетариата с большим уважением и дружбой относились к Зорге, признавая его неоценимые заслуги в деле распространения идей научного коммунизма в широких слоях рабочего класса США, и всегда поддерживали его в борьбе за чистоту и неприкосновенность принципов Международного Товарищества Рабочих. Когда в сентябре 1874 г. Зорге сообщил Энгельсу о своем уходе с поста генерального секретаря нью-йоркского Генерального Совета, последний писал ему, оценивая его роль в истории Интернационала на последнем этапе его существования: «С твоим уходом *старый* Интернационал полностью завершил свое существование»[4].

Деятельность Ф. А. Зорге в Интернационале получила также самую высокую оценку В. И. Ленина, который называл его «ветераном первого Интернационала»[5].

Жизнь и деятельность Зорге, как и деятельность многих соратников Маркса и Энгельса, были преданы забвению в буржуазной исторической литера-

---

[1] «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С.-Петербург, 1907, стр. 5.

[2] Там же, стр. 3.

[3] Там же, стр. 2.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 537.

[5] *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 13, стр. 69.

туре. Никто не пытался осветить полностью жизненный путь одного из виднейших соратников Маркса и Энгельса в период существования Международного Товарищества Рабочих. Имеются лишь отдельные упоминания о Зорге в ряде общих работ. Так, в работах, посвященных истории американского рабочего движения и деятельности секций Интернационала в США, таких, как работы социалиста Хилквита, прогрессивных американских историков Фонера и Бернстайна[1] — пусть неравноценных и появившихся в различное время, — в той или иной мере авторы касаются деятельности Зорге, отмечая его большую роль в истории Интернационала.

Значительно больше внимания уделяется Зорге в работах американских коммунистов. В книге бывшего генерального секретаря Коммунистической партии США У. Фостера «История трех Интернационалов» и статьях, опубликованных в журнале «Communist» — теоретическом органе Коммунистической партии[2], дается общая оценка деятельности Интернационала в США и его руководителя Ф. А. Зорге.

Неоднократно упоминает имя Зорге историк ГДР К. Оберман в своей книге об Иосифе Вейдемейере[3], останавливаясь на их совместной деятельности по пропаганде идей научного коммунизма в Северной Америке. Он высоко оценивает участие Зорге в организации и деятельности Коммунистического клуба, одним из активных членов и руководителей которого Зорге становится вскоре после его основания. В то же время К. Оберман не совсем точно освещает деятельность Зорге до Гражданской войны в США. Так, вряд ли Зорге, приехав в 1852 г. в Нью-Йорк, мог иметь полномочия от Маркса для установления связи с Вейдемейером.

---

[1] *М. Хилквит*. «История социализма в Соединенных Штатах». Санкт-Петербург, 1907; *Ф. Фонер*. «История рабочего движения в США». М., 1949; *S. Bernstein*. «The First International in America». New-York, 1962.

[2] «The Communist» № 9, сентябрь 1939 г., статья: *V. J. Jerome*. «Forerunners (To commemorate the seventh-fifth Anniversary of First International of United States of Amerika)».

[3] *K. Obermann*. «Joseph Weydemeyer — pioneer of American socialism». New-York, 1947.

Особо следует отметить работу Г. Шлютера о первом Интернационале в Америке[1]; в ней имеется глава, в которой автор, хорошо знавший Зорге, останавливается на жизненном пути и деятельности Зорге. Эта глава по сути дела является первой попыткой систематизировать биографический материал о Зорге. Но в ней из-за ее небольшого размера не раскрыты важнейшие моменты биографии Зорге, показ его жизни и деятельности носит схематичный характер, хотя автор пробует проанализировать путь Зорге к научному коммунизму, его колебания и искания на этом пути. Шлютер дает высокую оценку деятельности Зорге в Интернационале.

Хотя и в советской исторической литературе нет обобщающей работы о жизни и деятельности Ф. А. Зорге, но в целом ряде специальных работ об американском рабочем движении впервые по-настоящему осмысливается деятельность Международного Товарищества Рабочих на американской почве и роль Зорге в создании американских секций Интернационала[2].

Наличие большого количества архивных документов, представляющих собой личную корреспонденцию Зорге с Марксом, Энгельсом и их соратниками, официальные отчеты и другие документы руководящих органов Международного Товарищества Рабочих в США, написанные в своем большинстве Зорге, позволяет осветить интересную деятельность этого замечательного человека. Большой интерес представляют написанные живым и сочным языком воспоминания Зорге о его участии в

---

[1] *H. Schlüter.* «Die Internationale in Amerika». Chicago, 1918.

[2] Речь идет в первую очередь о работах: *Л. И. Зубок.* «История США». М., 1956 и «Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918». М., 1962, построенных на богатом документальном материале; а также о статьях: *Э. Вильховченко.* «Страница из истории борьбы Маркса, Энгельса и Генерального Совета Интернационала против буржуазного влияния на американское рабочее движение» в научно-информационном бюллетене ИМЛ при ЦК КПСС № 5; *А. Коротеева.* «Гаагский конгресс I Интернационала». М., 1963; *А. Полетаев.* «Маркс и Энгельс о рабочем движении в США» в сборнике «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955; *В. Кунина.* «Из истории деятельности К. Маркса в Генеральном Совете (окт. 1870 — ноябрь 1871)» в сборнике «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963.

баденско-пфальцском восстании 1849 г., а также его книга «Рабочее движение в Соединенных Штатах», получившая высокую оценку Энгельса, считавшего ее одной из лучших работ по истории американского рабочего движения. Большой фактический материал о деятельности Зорге и руководимых им организаций Интернационала в Америке дает пресса того периода, такие газеты и журналы, как «Workingman's Advocate», «Arbeiter-Union», «Woodhull and Claflin's Weekly», «Socialiste», «Vorbote», «Volksstaat» и другие.

Ставя перед собой задачу дать очерк жизни и деятельности Ф. А. Зорге лишь за период 1867—1872 гг., то есть во время образования и наиболее активного действия американских секций Международного Товарищества Рабочих, мы вместе с тем считаем нужным остановиться хотя бы кратко на предшествовавших годах жизни Зорге — тех годах, когда происходило формирование его марксистского мировоззрения.

* * *

Фридрих Адольф Зорге родился 9 ноября 1828 г. в местечке Бетау, близ города Торгау (прусская провинция Саксония), в многодетной семье священника. Незначительных доходов отца едва хватало на содержание семьи, поэтому дети вынуждены были учиться дома, под руководством отца и матери. Как вспоминает Зорге, его родители, высокообразованные люди, были в курсе всех выдающихся достижений в области искусства, литературы и науки; кроме того, его отец обладал незаурядным педагогическим талантом, который унаследовал Фридрих Адольф Зорге. Зорге-старший был свободомыслящим священником, принадлежавшим к «друзьям света» — течению, которое было одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии 40-х годов XIX века реакционными порядками в Германии. Это не могло не отразиться на взглядах юноши Зорге, который так же, как и его братья и сестры, был атеистом и придерживался радикальных взглядов. А его любимым ге-

роем был Роберт Блюм, видный демократ, трибун и борец против прусской реакции. И это неудивительно, ибо вся обстановка отцовского дома была пропитана демократическим и революционным настроением. В своих воспоминаниях о детстве Зорге пишет: «...Движение в других странах по ту сторону пограничных столбов Пруссии и Германии находило живое отражение в отцовском доме, и в 40-е годы наш дом был в течение долгого времени станцией тайной дороги, которая шла из Франции и Бельгии в Польшу. Агенты польских революционеров часто останавливались в нашем доме» [1].

Поэтому с началом революционных событий 1848 г. в Пруссии и других немецких государствах Ф. А. Зорге вместе с отцом принимает активное участие в народных собраниях, проходивших в Торгау, и агитирует против призыва в ландвер. Отказавшись служить в ландвере, который Фридрих-Вильгельм IV использовал в борьбе против революции, и вынужденный из-за этого покинуть свой родной городок, Зорге уезжает в Швейцарию, но при первом известии о народном восстании в Бадене и Пфальце в защиту имперской конституции и образования там народного ополчения он отправляется в Карлсруэ, становится солдатом добровольческой революционной армии, в рядах которой принимает участие в ряде крупнейших сражений весной 1849 г. и вместе с ней переходит швейцарскую границу. Зорге не мог оставаться на территории Германии, так как был приговорен торгауским судом к расстрелу за отказ от службы в ландвере и участие в баденско-пфальцском восстании.

8 июля 1849 г. Зорге вновь оказался на швейцарской земле. Он не знал, что на этот раз его пребывание в Швейцарии окажется более длительным, чем раньше, что больше никогда он не сможет вернуться в свой родной Бетау и увидеть своих родных. В течение нескольких месяцев своего пребывания в Швейцарии Зорге, как и его товарищи по оружию, не имел никаких средств к существованию, ему приходилось работать на полях мелких землевладельцев, помогать чистить и заряжать

---

[1] «Neue Zeit», Jg. XVII, Bd. II, 1898—1899, S. 156.

ружья во время стрелковых соревнований в Женеве и т. д., питаясь все это время лишь кофе и хлебом.

Здесь, в Женеве, Зорге впервые соприкоснулся с рабочим движением, стал членом местного Просветительного общества немецких рабочих, одним из руководителей и организаторов которого был Вильгельм Либкнехт. В Обществе Зорге познакомился со многими членами Союза коммунистов, соратниками Маркса и Энгельса, которые стали его друзьями на долгие годы и оказывали на него плодотворное влияние. Среди них можно назвать Либкнехта, Дронке, Имандта, Шили, И. Ф. Беккера и других. Посещая собрания и заседания Общества, Зорге знакомится с важнейшими произведениями научного коммунизма — «Манифестом Коммунистической партии» и др., а также заочно — и с его авторами. Вспоминая о своих посещениях Просветительного общества, Зорге писал: «...был я ревностным и постоянным членом Общества рабочих. В нем я нашел удовлетворение всех своих серьезных и лучших стремлений и почти никогда не пропускал заседания... Слишком юный и неопытный, чтобы понять и оценить значение этой предварительной школы рабочего движения, я, однако, инстинктивно понял суть этого движения» [1]. Так уже в начале 50-х годов XIX века Зорге подошел вплотную к пониманию идей научного коммунизма, оставаясь пока еще на почве революционно-демократических воззрений.

В конце 1851 г. Зорге было предложено покинуть пределы Швейцарии из-за его активного участия в работе Просветительного общества.

Покинув Швейцарию, Зорге через Францию направился в Бельгию, где в Льеже жил его брат. Брат помог Зорге устроиться преподавать немецкий язык в частной школе. Начав работать в школе, Зорге старался не привлекать к себе внимания бельгийской полиции, не посещал никакие рабочие общества, занимаясь самообразованием. Однако уже спустя два месяца за ним был установлен полицейский надзор, а затем ему было предложено покинуть страну в 24 часа. Причиной вы-

[1] «Neue Zeit», Jg. XVII, Bd. II, 1898—1899, S. 382.

сылки было его участие в Просветительном обществе немецких рабочих в Швейцарии.

У Зорге оставался один путь — уехать в Англию, куда уже уехали его многие товарищи. Весной 1852 г. Зорге приехал в Лондон. Неприветливо встретил Лондон Зорге. После светлой и солнечной Швейцарии он показался ему сплошным морем серых домов с бесконечно сменяющими друг друга улицами и площадями, над которыми висело свинцовое небо, а воздух был тяжелым от сырости и туманов. У Зорге не было ни одного адреса знакомых ему по Германии или Швейцарии. Но зато у него был адрес Маркса, которого он до сих пор не знал лично, но о котором «составил себе очень высокое мнение» и к которому «проникся огромным уважением» [1].

Встреча с Марксом произвела на Зорге огромное впечатление, навсегда оставшееся в его памяти. «Маркс жил на Дин-стрит, — вспоминал позднее Зорге. — Я застал его в довольно просторной комнате, которая показалась мне недостаточно светлой. Он писал за большим столом.

Великолепная большая голова, иссиня-черная шевелюра, острый и пристально-серьезно-дружелюбный взгляд его глаз вызывали во мне какое-то почтение и в то же время внушили глубокое доверие» [2].

Все усилия Зорге найти себе какую-нибудь работу в этом огромном городе, ставшем пристанищем эмигрантов разных наций, не увенчались успехом. Поэтому Зорге решил уехать в Австралию, но из-за болезни перепутал пароход и 21 июня 1852 г. очутился в Нью-Йорке. Так по иронии судьбы Зорге случайно оказался в стране, которая стала его второй родиной.

С этого времени в жизни Зорге начинается новый период, самый значительный и плодотворный, когда вся его жизнь была тесно связана с историей американского рабочего движения.

Правда, мы почти не располагаем документами относительно первых лет жизни Зорге в Нью-Йорке,

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 197.
[2] Там же.

вплоть до 1857 года. Однако можно предположить, что в течение этих пяти лет ему пришлось много сил отдавать борьбе за сносное существование, пока он не устроился работать учителем музыки и пения, тратя все свое время на преподавание в буржуазных семьях. О том, что эти годы были самыми трудными и тяжелыми в жизни Зорге, свидетельствует тот факт, что сам Зорге не любил вспоминать о них и предпочитал не говорить о пережитой им нужде и лишениях. «Лишь однажды, — вспоминает Меринг, — когда мы заметили ему, до чего прекрасен вид, открывающийся со скамей Беттери на нью-йоркский порт, он сухо заметил: «да, на этих скамьях я не одну ночь провел в голоде и холоде»» [1].

В эти тяжелые годы Зорге познакомился с молодой немкой, которую не остановило то, что он не мог обеспечить ей благополучие и спокойную жизнь. Много позже Екатерина Зорге, вспоминая о начале их совместной жизни, говорила, что все их имущество после свадьбы сводилось «к *одной* кровати, *одному* стулу, *одному* столу и некоторым кухонным принадлежностям» [2]. Екатерина Зорге стала верным другом Фридриха Адольфа Зорге во всех превратностях и радостях его беспокойной жизни.

* * *

1857 год был важным годом в жизни Зорге. В этом году немецкими эмигрантами, бывшими членами Союза коммунистов, был основан Коммунистический клуб. В первом параграфе устава, опубликованного в октябре 1857 г., было записано: «Члены Коммунистического клуба... признают полное равенство всех людей, без различия расы и пола, и поэтому борются прежде всего за уничтожение частной собственности, наследственной или приобретенной, и за замену ее участием всех людей в материальных и интеллектуальных благах земли. Они

[1] «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С.-Петербург, 1907, стр. 7.

[2] Там же.

обещают, что по мере возможности будут проводить свои цели в современном общественном строе и помогать друг другу нравственно и материально»[1].

С первого дня существования Клуба его члены много времени отдавали своей учебе. Именно здесь Зорге по-настоящему изучает важнейшие произведения научного коммунизма: «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Нищету философии», статьи Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung» и «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Зорге принимал самое активное участие во всех дискуссиях и обсуждениях важнейших теоретических вопросов, как, например, вопросов о роли и значении классовой борьбы, о необходимости воспитания пролетариата в революционном и коммунистическом духе, о причинах первой французской революции конца XVIII века и революции 1848 года[2]. Выступления Зорге во время этих обсуждений показывают, что он постепенно становится марксистом. Это способствовало росту его авторитета среди остальных членов Клуба. Поэтому уже в апреле 1858 г. его избирают председателем Коммунистического клуба, а с 1861 г. он бессменно остается на этом посту.

Одной из главных своих задач члены Клуба считали пропаганду своих взглядов всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, а именно, «путем частных связей, общественных собраний, корреспонденции с американскими и европейскими коммунистами, путем обмена газетами и книгами»[3]. Признавая необходимость воспитания пролетариата в коммунистическом духе и пропаганды в его рядах, члены Коммунистического клуба, руководимого Зорге, до Гражданской войны в США, однако, не сумели установить связь с американским рабочим движением. В известной мере это объясняется небольшим числом членов Клуба, а также его национальным составом (50 человек, немцы по национальности), а кроме того тем, что члены его в первую оче-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. 4617.
[2] Там же.
[3] Там же.

редь уделяли основное внимание повышению своего теоретического образования.

Большое место в работе членов Клуба занимала борьба против рабства; в этом вопросе они примыкали к левому крылу республиканской партии США, которое выступало за немедленную отмену рабства. Руководство Клуба во главе с Зорге придавало большое значение воспитанию членов в духе солидарности коммунистов разных наций. Так, 23 июня 1858 г. по инициативе Коммунистического клуба был организован многолюдный митинг, посвященный 10-летней годовщине июньского восстания 1848 г. в Париже. Это был истинно пролетарский митинг, на сцене было водружено красное знамя, которое в 1848 г. развевалось на парижских баррикадах. Зорге от имени Коммунистического клуба выступил с большой речью и отметил всемирно-историческое значение июньской битвы парижских пролетариев, которые боролись и гибли за равное право всех жить и работать по-человечески. В своем выступлении Зорге высказал полную уверенность в том, что хотя рабочие, боровшиеся за коммунизм, на этот раз и потерпели поражение, однако они не побеждены и будут праздновать свою победу также и на американской земле[1].

Вплоть до 1867 г. мы почти не располагаем сведениями о деятельности Зорге. Известно только, что в Гражданской войне в США он не принимал непосредственного участия, хотя всецело был на стороне северных штатов, боровшихся за уничтожение рабства.

Окончание Гражданской войны в США победой северных штатов открывало новый этап в развитии самих штатов и американского рабочего движения. Ибо, как писал К. Маркс, «в Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо»[2]. Начавшееся бурное промышленное развитие страны способствовало быстрому росту индустриального пролетариата

[1] «Sociale Republik» № 10, 26 июня 1858 г.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 309.

и буржуазии. После войны еще резче обозначился антагонистический характер противоречий между пролетариатом и буржуазией, что вело к завершению формирования пролетариата в самостоятельный класс, его выделению из общедемократической массы населения и вступлению на путь самостоятельных классовых действий. Именно поэтому Зорге мог с полным основанием сказать, что после Гражданской войны рабочий вопрос встал на повестку дня и оказался в центре внимания всей жизни Соединенных Штатов[1].

Однако исторически сложившиеся в США условия привели к возникновению ряда особенностей американского рабочего движения, которые тормозили развитие классового сознания американских рабочих, задерживая рост влияния социалистических идей в этой стране и создавая американским коммунистам значительные трудности для работы среди американских рабочих.

Основной причиной слабости рабочего движения США было отсутствие постоянного ядра рабочего класса, текучесть его состава, объяснявшееся наличием значительного фонда свободных земель на Западе и притоком рабочих-иммигрантов. В случае недовольства условиями работы в промышленности часть американских рабочих имела возможность уйти на Запад и превратиться в фермеров. Другой особенностью рабочего класса США было то, что он состоял из двух элементов — иностранцев-рабочих различных национальностей, составляющих значительную его часть и наиболее сознательный и развитый элемент, вооруженный «опытом, приобретенным за долгие годы классовой борьбы в Европе»[2], и коренных американских рабочих. Эти коренные американские рабочие, не имевшие за спиной почти никакого опыта классовой борьбы против капитала в национальном масштабе, могли в течение многих лет «в расцвете физических сил «отказываться» от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа

---

[1] См. *Ф. А. Зорге.* «Рабочее движение в Соединенных Штатах». С.-Петербург, 1907, стр. 84.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 351.

по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов»[1]. Таким образом, коренные американские рабочие составляли в рабочем движении Соединенных Штатов «аристократию по сравнению с иммигрантами»[2]. И эта возможность сравнительно легко подняться на более высокую социальную ступень способствовала тому, что они не всегда выступали солидарно со своими товарищами по классу, говорящими на другом языке, не поддерживали их в борьбе за лучшие условия труда и слабо поддавались коммунистической пропаганде. При этом надо учитывать, что идеи научного коммунизма начали пропагандировать в США немецкие коммунисты на немецком языке, что, естественно, сужало возможность их распространения и настораживало коренных американских рабочих. Кроме того, не надо забывать, что сами иммигранты хотя и были в политическом отношении более сознательными по сравнению с американскими рабочими, вместе с тем являлись часто носителями всевозможных форм утопического и мелкобуржуазного социализма, вывезенного ими со своей родины. Так, среди многочисленной группы немецких иммигрантов господствовали идеи Лассаля с его отказом от повседневной политической борьбы, верой в силу всеобщего избирательного права; среди французских иммигрантов имелось немало сторонников Прудона и Бланки, а среди самой многочисленной части иммигрантов — ирландцев господствовали националистические идеи фенианства и т. д.

Все это создавало значительные трудности в работе первых американских коммунистов во главе с Зорге. Однако быстрое развитие рабочего движения в США, постепенное превращение его в подлинно массовое, особенно в 60-х годах, когда началось движение за установление 8-часового рабочего дня, не могли не повлиять на изменение характера деятельности и Коммунистического клуба, руководимого Зорге. Постепенно перед его членами все отчетливее выступало значение рабочего

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 21, стр. 263—264.
[2] Там же, стр. 264.

движения, его роль в деле преобразования всего общества. Образование после окончания Гражданской войны ряда рабочих организаций, объединявших в своих рядах как коренных американских рабочих, так и рабочих-иммигрантов (Национальный рабочий союз, Всеобщий немецкий рабочий союз, основанный сторонниками Лассаля в 1866 г.), ставило перед Коммунистическим клубом и его руководством задачу установления с ними тесной связи и начала пропагандистской работы. Эта тенденция особенно усилилась с весны 1867 г., когда Коммунистический клуб решил присоединиться к Международному Товариществу Рабочих в качестве его секции.

В мае 1867 г. Зорге, как председатель Коммунистического клуба, обратился к И. Ф. Беккеру, которого хорошо знал еще по Швейцарии, с письмом, в котором сообщал о решении Клуба вступить в ряды Международного Товарищества Рабочих. В ответном письме Беккер приветствовал это решение Зорге и дал ему несколько практических советов по организации секций в стране[1]. 2 июля 1867 г. на заседании Коммунистического клуба Зорге зачитал обращение ЦК немецких секций в Швейцарии от 5 февраля 1865 г. ко всем рабочим обществам о присоединении к Международному Товариществу Рабочих, присланное ему И. Ф. Беккером, и внес предложение присоединиться к Товариществу. Его предложение было принято единогласно всеми членами Клуба[2]. Об этом решении Коммунистического клуба Зорге писал 10 июля непосредственно самому Марксу. В письме он сообщал о присоединении к Интернационалу и установлении связей с ЦК немецких секций в Швейцарии, руководимым И. Ф. Беккером, поскольку в США пока еще не было других секций. В своем письме Зорге прямо заявлял, что для того, чтобы «Интернационал мог здесь (то есть в США. — *Н. Р.*) процветать и действовать успешно», «необходимо привлечь значительную часть англо-американских, го-

---

[1] «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С.-Петербург, 1907, стр. 1—5.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. 4617.

ворящих по-английски, рабочих и заинтересовать их Интернационалом»[1]. Но для этого, писал Зорге, «мне необходимы документы Международного Товарищества Рабочих, такие, как «Манифест», «Устав» и условия приема и прежде всего газета этого Товарищества на английском языке»[2]. Зорге просил Маркса прислать ему эти документы как можно скорее, ибо он уже установил связь с рядом своих друзей — коренных американских рабочих — и призывал их к образованию секций Товарищества.

В этом же письме он подчеркивает сложность работы среди широких масс рабочих в США, где имеется большое количество патентованных политиканов, задурманивающих своими мнимореволюционными фразами головы американских рабочих. Вместе с тем Зорге отмечает постепенное высвобождение рабочих из-под влияния буржуазно-радикальных политиков. Он сообщает Марксу, что в США рабочий класс также начинает наконец «понемногу сознавать себя и высказывать свои стремления открыто, перед глазами политиков»[3]. Несмотря на такую сложную обстановку, в которой Зорге и его соратникам приходилось вести свою повседневную пропагандистскую работу, его письмо полно оптимизма и веры в конечный успех взятой на себя задачи. Поэтому он заканчивает его словами великого итальянского астронома Галилея: «E pur si muove!» («А все-таки она вертится!»)[4]. Это письмо Зорге — первое письмо Марксу — свидетельствует о том, какой огромный сдвиг произошел в мировоззрении Зорге, как по-марксистски он стал мыслить, встав окончательно на почву научного коммунизма.

Перед руководством Коммунистического клуба в первую очередь встала задача установления самых тесных связей со Всеобщим немецким рабочим союзом, в котором в это время развернулась ожесточенная борьба между лассальянцами и марксистами. Взаимное стрем-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 228/1.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ление к объединению привело к образованию в конце 1867 г. первой рабочей партии — Социальной партии города Нью-Йорка и окрестностей. Создание этой партии было несомненной победой марксистских элементов Союза, поддержанных коммунистами Клуба во главе с Зорге, над лассальянцами, выступавшими против этого объединения.

Теперь перед Зорге встала задача отразить достигнутые результаты в программе новой партии. 20 января 1868 г. на общем собрании членов партии были утверждены ее программа и устав, подготовленные комитетом, возглавляемым Зорге. В программе партии, во вступительной ее части, была сформулирована основная задача партии: «Задачей всех угнетенных, так же как и всех мыслящих людей, является улучшение существующего положения»[1]. Среди требований, которые должны были способствовать достижению этой цели, в программе партии были названы такие, как введение прогрессивного налога; установление 8-часового рабочего дня; отмена законов, противоречащих равенству людей, невзирая на цвет кожи, сословие, религию; введение уголовного преследования за подкупы и взятки во время избирательных кампаний и т. д. Таким образом, мы видим, что в политической части программы прямо нигде не формулировалась конечная цель партии — построение бесклассового коммунистического общества, хотя и признавалось наличие эксплуатации труда капиталом. В области экономической партия по существу не шла дальше требования улучшения материального положения трудящихся. Зорге, готовя такую программу, правильно учитывал уровень американского рабочего движения и сознательно выставил в программе лишь такие требования, «на которые рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок»[2]. Ведь Зорге ставил перед партией задачу привлечь в ее ряды

---

[1] *H. Schlüter*. «Die Internationale in Amerika». Chicago, 1918, S. 87.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 443.

самые широкие массы американского рабочего класса. Через З. Мейера он обратился к Марксу, прося его указать ему, каким образом можно связаться с коренными американцами, а также просил прислать адреса тех организаций и лиц в США, которые находились в переписке с Генеральным Советом в Лондоне, для того чтобы установить с ними непосредственную связь[1]. Стремление Зорге привлечь в партию коренных американских рабочих нашло свое отражение и в уставе партии. Ему удалось при поддержке своих сторонников добиться того, что в уставе партии было записано требование образования тред-юнионов среди рабочих разных национальностей и в различных отраслях производства, работы в них и поощрения создания потребительских и производственных союзов, одной из задач которых был сбор статистических сведений о положении рабочего класса. В этом несомненно сказалось влияние на программу партии отдельных положений программных документов Международного Товарищества Рабочих и решений его конгрессов. Однако наряду с этим в программе партии нашли отражение отдельные положения, заимствованные из арсенала лассальянцев. Так, наряду с призывом к работе в тред-юнионах и их организации в уставе вместе с тем говорилось об отказе вести работу с теми тред-юнионами, которые не захотят присоединиться к Социальной партии. Это в значительной мере вело к тому, что партия по сути дела отказывалась работать среди коренных американских рабочих. Несмотря на большую подготовительную работу, проведенную Зорге до собрания, ему не удалось полностью нейтрализовать влияние лассальянцев и отстоять по всем вопросам правильную, марксистскую позицию.

Под руководством Зорге Социальная партия добилась больших успехов. И хотя Зорге не сумел добиться официального присоединения партии к Интернационалу, но во всей своей деятельности в партии Зорге в первую очередь руководствовался принципами Международного Товарищества, решениями его конгрессов и всемерно их

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1826.

пропагандировал. Это и не удивительно, если вспомнить, что все это время Зорге поддерживал самую тесную связь с руководителями Интернационала, с Генеральным Советом, Марксом и Эккариусом, а летом 1868 г. получил от Генерального Совета мандат следующего содержания:

«Рекомендуем г-на Зорге всем друзьям Международного Товарищества Рабочих и вместе с тем уполномочиваем его действовать от имени и в интересах этого Товарищества.

По распоряжению Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих

Карл Маркс,
секретарь для Германии»[1].

В сентябре 1868 г. Социальная партия прекратила свое существование. Одной из причин этого можно считать обострение борьбы между марксистами и лассальянцами.

Однако деятельность Социальной партии не пропала даром. Зорге и его соратники по партии оказали самое благотворное влияние на бывших членов Социальной партии — членов Всеобщего немецкого рабочего союза, которые после роспуска партии реорганизовали свой Союз и добились включения в его программу вопреки сопротивлению лассальянских элементов ряда марксистских положений, заимствованных из программы Социальной партии. Члены реорганизованного Союза считали отныне своей главной задачей работу в тред-юнионах, установление самых тесных связей с коренными американскими рабочими. Можно прямо сказать, что именно под влиянием Зорге руководство реорганизованного Всеобщего немецкого рабочего союза приняло решение о присоединении к Национальному рабочему союзу — одной из крупнейших и влиятельнейших организаций коренных американских рабочих. С этого времени он стал называться Рабочим союзом № 5 и в уставе его было записано: «Мы стоим на платформе

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 459.

Национального рабочего союза и признаем принципы Международного Товарищества Рабочих»[1]. Следующей задачей Рабочего союза № 5 Зорге считал работу в НРС. Он хотел добиться официального присоединения его к Интернационалу.

После роспуска Социальной партии Зорге в течение некоторого времени оставался вне всякой организации. Но уже в декабре 1869 г. он вступает в реорганизованный Всеобщий немецкий рабочий союз рядовым членом, а в январе 1870 г. его избирают секретарем-корреспондентом Союза[2]. Так снова Зорге становится руководителем организации немецких рабочих.

О деятельности Зорге в Рабочем союзе № 5 не сохранилось почти никаких документов, кроме отчета-справки, написанной Зорге и посланной им президенту Национального рабочего союза Тревелику. Этот отчет-справка дает возможность представить те линии, по которым в основном велась работа Зорге в Рабочем союзе № 5. В нем мы читаем: «Наш Рабочий союз № 5 действует, наше движение расширяется путем письменных связей не только с нашими союзниками в Национальном рабочем союзе, но также с рабочими союзами негров, французов и с нашими братьями по ту сторону океана»[3].

12 декабря 1869 г. на общем собрании Рабочего союза № 5 было принято решение о присоединении к Международному Товариществу Рабочих в качестве секции № 1. «Нижеподписавшаяся секция, — писал Зорге Генеральному Совету в Лондон, — на своем последнем заседании решила пропагандировать идеи Международного Товарищества Рабочих среди здешних пролетариев и призывает различные тред-юнионы к вступлению в Международное Товарищество Рабочих»[4].

Провозглашение Рабочего союза № 5 секцией № 1 Интернационала имело огромное значение. Ведь это

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 230/1.
[2] Там же, ед. хр. 229.
[3] *H. Schlüter.* «Die Internationale in Amerika». Chicago, 1918, S. 103.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 230/1.

означало, что организация коренных американских рабочих — Национальный рабочий союз через одну из своих организаций вступил в прямой контакт с Интернационалом. Для того чтобы окончательно закрепить достигнутый успех и добиться официального присоединения Национального рабочего союза к Интернационалу, Зорге обратился 27 февраля 1870 г. с письмом к Генеральному Совету, предлагая прислать своего представителя на очередной съезд Национального рабочего союза в Цинциннати летом 1870 года. Однако из-за отсутствия денежных средств Генеральный Совет не смог послать своего представителя на съезд НРС. Тогда Рабочий союз № 5 решил послать на этот съезд своего делегата, и его выбор пал на Зорге, одного из руководителей Союза, верного марксиста, который по-настоящему мог представлять свою организацию на съезде НРС. Зорге получил инструкцию — всеми силами способствовать присоединению НРС к Интернационалу и твердо защищать его принципы. Согласно этой инструкции Зорге должен был также предложить НРС начать совместную последовательную борьбу за установление 8-часового рабочего дня и выставить одним из главных своих требований национализацию всех средств связи и транспорта. Однако, несмотря на все усилия Зорге, на всю его настойчивость и такт, ему не удалось решить основной задачи — присоединения Национального рабочего союза к Интернационалу. Правда, он добился принятия внесенной им резолюции: «Национальный рабочий союз заявляет свою приверженность принципам Международного Товарищества Рабочих и надеется, что присоединится к упомянутому Товариществу в ближайшее время»[1]. Но этому благому пожеланию не суждено было осуществиться: уже через год Национальный рабочий союз по сути дела переродился и перестал играть руководящую роль в американском рабочем движении, а в 1872 г. совсем прекратил свое существование. Это

---

[1] *М. Хилквит.* «История социализма в Соединенных Штатах». С.-Петербург, 1907, стр. 141—142; J. R. Commons and associates. «Documentary history of American Industrial Society». Cleveland, vol. IX, p. 339.

и послужило поводом к выходу секции № 1 из Национального рабочего союза.

К концу 1870 г. секция № 1 перестала быть единственной секцией Международного Товарищества Рабочих в США. Среди секций, возникших вскоре после образования секции № 1, мы можем назвать французскую и чешскую секции в Нью-Йорке, а также секции в Чикаго и Сан-Франциско. Образование нескольких секций показало Зорге необходимость установления между ними тесных связей и координации действий по пропаганде принципов Интернационала среди широких масс американского рабочего класса. В начале октября 1870 г. Зорге докладывает на заседании своей секции о посещении им французской секции Нью-Йорка и о предложении установить между обеими секциями тесную связь для совместной пропаганды. Это стремление к координации своих действий особенно выросло после совместных выступлений обеих секций на антивоенных собраниях 16 и 19 октября 1870 г., вызванных начавшейся франко-прусской войной.

1 декабря 1870 г. на совместном заседании трех секций города Нью-Йорка — немецкой, французской и чешской, подготовленном благодаря неустанной деятельности Зорге, был организован временный Центральный комитет Международного Товарищества Рабочих для США. В него вошли представители этих трех секций, в том числе и Зорге, который как секретарь-корреспондент ЦК фактически стал его неофициальным руководителем.

Сразу же после образования Центрального комитета Зорге сообщил об этом Марксу и просил его присылать теперь документы Генерального Совета и членские билеты Интернационала. Однако Маркс, знавший еще в ноябре 1870 г. о подготовке к образованию ЦК от З. Мейера, тенденциозно освещавшего события вокруг образования ЦК, высказался против того, чтобы этот Комитет присваивал себе звание Центрального комитета Международного Товарищества Рабочих для США, поскольку в нем еще не были представлены секции коренных американских рабочих. Теперь, узнав о его образовании Маркс и Энгельс, не возражая по существу против обра-

зования такого Комитета, представляющего секции рабочих-иммигрантов, считали такой шаг несколько преждевременным, пока не были созданы в стране секции коренных американских рабочих. Кроме того, у Маркса вызывал известное опасение делегатский принцип состава Центрального комитета. 24 января 1871 г. на заседании Генерального Совета при обсуждении вопроса о положении в организации Интернационала в Соединенных Штатах Маркс прямо заявил, что «не следует придавать комитету чрезмерно делегатского характера, так как это может способствовать образованию группировок»[1]. Именно это и привело к тому, что Маркс и руководимый им Генеральный Совет медлили с признанием ЦК в Нью-Йорке. Они опасались, что он встанет на сектантскую позицию и откажется от работы среди коренных американских рабочих.

Когда же в марте 1871 г. Маркс получил новое письмо Зорге с просьбой о признании ЦК в качестве руководящей организации Интернационала в Северной Америке и ознакомился с основными направлениями его работы за три месяца, получившими его полное одобрение, он 14 марта на заседании Генерального Совета внес предложение о признании ЦК, поддержанное Энгельсом. Предложение Маркса было принято, и ему было поручено сообщить о решении Генерального Совета в Северную Америку вместе с разъяснением полномочий ЦК.

Зорге и другие члены временного Центрального комитета были не согласны с утверждением Генерального Совета о том, что в США не существует секций американского рабочего класса, а лишь секции, созданные «иностранцами», проживающими в США. Зорге считал термин «иностранцы» неверным, возникшим в результате смешения положения так называемых иностранцев в США с положением иностранных рабочих в европейских странах. Зорге писал, что этого делать ни в коем случае нельзя по следующим причинам: «1) рабочие из других государств, прибывшие сюда, не приехали с намерением поселиться здесь временно; 2) их рассматри-

[1] Протокольная книга Генерального Совета, заседание 24 января 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. № 65).

вают здесь не как иностранцев, или резидентов, а как граждан страны.., 3) они не только требуют этого, но они de facto и de jure граждане этой страны со всеми политическими правами; 4) они составляют важную и значительную часть в тред-юнионах и рабочих обществах этой страны, будучи представлены в каждом из них, в то время как некоторые наиболее сильные и лучшие профессиональные организации в США состоят почти исключительно из так называемых иностранцев, как профсоюз горняков, международный союз сигарочников, Орден криспинцев и т. д.» [1]. В заключение письма, объясняя причины такого отношения Генерального Совета к ЦК, Зорге писал: «Если имеется какое-либо сомнение, то оно возникло потому, что наш случай был решен в соответствии с обстоятельствами, сильно отличающимися от обстоятельств в европейских странах» [2]. Зорге исходил из того, что иммигранты составляли существенную и неотъемлемую часть американского рабочего класса. Именно поэтому он считал неверным утверждение, что ЦК для США, представлявший в данный момент только рабочих-иммигрантов, не мог являться представителем американского рабочего класса. Кроме того, как было сказано выше, сам Зорге никогда не отказывался от работы среди коренных американских рабочих, наоборот, считал ее своей целью и прямо заявлял, что без их участия и поддержки Интернационал не сможет действовать успешно в этой стране [3]. Пока в стране не было секций коренных американских рабочих, перед Центральным комитетом, руководимым Зорге, как раз и встала эта серьезная и ответственная задача — задача пропаганды принципов Интернационала среди коренных американских рабочих и организации среди них секций Товарищества.

В известной мере такое отношение Маркса и Энгельса к ЦК в США определялось той информацией, которую присылали им З. Мейер и А. Фогт, — информацией, неверно изображавшей истинное положение дел

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 218/1.
[2] Там же.
[3] См. стр. 331—332 настоящей статьи.

в американском рабочем движении и неправильно представлявшей деятельность Зорге. Но вскоре Маркс и Энгельс убедились в правильности той политики, которую проводил Зорге в США, и стали оказывать ему всемерную поддержку. Вместе с тем они выступили с осуждением позиции, занятой Мейером и Фогтом в отношении временного Центрального комитета Международного Товарищества Рабочих, и предложили им войти в ЦК и поддерживать ту политику, которую проводил Зорге. Но Мейер и Фогт остались на старой позиции, которая привела их затем в лагерь буржуазных реформаторов.

Добившись образования Центрального комитета, а потом и признания его Генеральным Советом, Зорге фактически стал его руководителем. Он был подлинной душой ЦК, инициатором и во многих случаях исполнителем всех его важных мероприятий. Причем на плечи Зорге легла и вся огромная переписка Центрального комитета со многими его корреспондентами и по самым разнообразным вопросам. Это особенно ярко видно, если посмотреть книгу копий исходящих бумаг Центрального комитета. Все его бумаги, от самых пустяковых с простым уведомлением о переносе заседания ЦК до важнейших — отчетов Генеральному Совету, обращений к секциям и рабочим обществам, очень обстоятельных и ярких, написаны самим Зорге. И не удивительно то, что иногда он писал Энгельсу о тяжелом заболевании его правой руки из-за многочисленной корреспонденции. А ведь его руки, руки учителя музыки, были единственным источником добывания средств к существованию его семьи и многих друзей, которым он оказывал поддержку в трудную минуту. Внутри самого Центрального комитета Зорге приходилось вести неустанную разъяснительную и идеологическую работу, ибо состав Комитета был неоднородным. Заслуга Зорге состоит в том, что он все-таки сумел на первом этапе существования ЦК создать внутри него ядро пролетарских революционеров, составлявших большинство в Комитете, и с их помощью мог проводить линию поддержки Генерального Совета и действовать в духе Устава и важнейших решений конгрессов Интернационала.

С чего же начал свою деятельность Зорге в Центральном комитете? Он хорошо знал, что успех Интернационала в США возможен только при условии привлечения в его ряды обеих частей американского рабочего класса, особенно коренных американских рабочих, труднее поддававшихся социалистической пропаганде. Необходимо было развернуть работу по организации новых секций Интернационала и установить связь с уже существующими секциями. Поэтому одним из первых мероприятий Зорге было опубликование обращения ко всем секциям Товарищества с призывом вести пропаганду среди рабочих, собирать статистические данные о положении рабочих и устанавливать тесные контакты с профсоюзами и рабочими обществами. Немедленно на этот призыв откликнулись две немецкие чикагские секции, которые сами являлись инициаторами создания Центрального комитета в США. И очень скоро число секций, представленных в Центральном комитете, стало быстро расти. Так, если при его основании в нем было представлено всего три секции, то, согласно ежемесячным отчетам Зорге, уже в апреле их было восемь, в мае — десять, в августе — шестнадцать, в сентябре — двадцать, в октябре — двадцать четыре, а к концу 1871 г., то есть ровно через год после образования Центрального комитета, их было уже более тридцати. Из них только 6 секций были секциями коренных американцев. Уже вскоре после образования этих секций Зорге писал Марксу в сентябре 1871 г.: «С американскими секциями, принятыми по требованию Генерального Совета, настаивающего на «настоящих американских секциях», мы испытываем величайшие затруднения. Ничего — кроме болтунов и высокопарных реформаторов» [1]. Такую оценку дает Зорге американским секциям, или секциям коренных американцев. И в самом деле в них преобладали мелкобуржуазные, реформаторские элементы.

Так, нью-йоркские секции №№ 9 и 12, возглавляемые буржуазными суфражистками, сестрами В. Вудхалл и Т. Клафлин, вели свое происхождение от бур-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/13.

жуазно-реформаторского общества американских интеллигентов «Новая демократия». Секция № 23 в Вашингтоне в большинстве своем состояла из журналистов и первоначально отказалась признавать ЦК в США, а установила связь прямо с Генеральным Советом в Лондоне. Лишь в сентябре 1871 г. она присоединилась к ЦК. Особенно показателен состав секции № 26 в Филадельфии, образовавшейся в октябре 1871 года. Членами этой секции были 7 механиков, 5 сапожников, 6 врачей, инженер, каретник, мастер медицинских инструментов, шорник, архитектор, фабрикант, портной, дантист, медник, два студента права, скульптор, 2 плотника, маляр, каменотес, бухгалтер, артист, шапочник, пиротехник, 2 торговца, часовщик, учитель, экономка, строитель, фотограф, 2 печатника, швея, адвокат, 2 каменщика и фабрикант сапожных инструментов [1], то есть руководящую роль в ней несомненно играли представители интеллигенции и мелкой буржуазии, но никак не рабочие. Именно об этом и писал Зорге в Лондон: «Большинство этих секций состоит из представителей всех классов, и мелкая буржуазия естественно преобладает в них» [2]. Наличие в этих секциях хотя бы небольшого количества настоящих рабочих было подлинным успехом работы Зорге и руководимого им ЦК, ибо это свидетельствовало о том, что наиболее сознательная часть коренных американских рабочих также стала вступать на путь формирования классового сознания, солидарно выступать с рабочими-иммигрантами и все острее чувствовать «свою нынешнюю обреченность на пожизненный наемный труд» [3].

Считая ирландцев важнейшей частью американского рабочего класса, Зорге прилагал огромные усилия, чтобы добиться образования секций Товарищества среди ирландских рабочих. Поэтому образование первой ирландской секции и посылка ею своего делегата в ЦК были встречены Зорге с большим энтузиазмом, и он

---

[1] Сведения заимствованы из книги: *Ф. Фонер.* «История рабочего движения в США». М., 1949, т. 1, стр. 467.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5618.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 264.

тотчас же об этом сообщил Марксу[1]. В то же время Зорге постоянно оказывал Девою — делегату этой секции в ЦК — помощь и поддержку в его трудной работе среди соотечественников.

Трезво оценивая состояние американского рабочего движения, Зорге считал, что центр тяжести в работе должен лежать не в создании секций, а в пропагандистской работе среди организованных и неорганизованных в тред-юнионы рабочих. Особенно это относилось к коренным американским рабочим, ибо они были менее всего подготовлены к восприятию идей научного коммунизма и пониманию принципов Интернационала.

В мае 1871 г. Зорге пишет «Обращение ко всем тред-юнионам и рабочим обществам Северной Америки», в котором он сообщает об образовании временного Центрального комитета и тех обществах, которые уже примкнули к нему. В «Обращении», опубликованном от имени ЦК, Зорге призывал тред-юнионы «вступать в связь с ЦК, признав принципы Международного Товарищества Рабочих»[2]. В «Обращении» были изложены основные программные положения Интернационала, заимствованные из вводной части Устава; Зорге хотел ознакомить с ними американских рабочих.

Сразу после утверждения ЦК «Обращения» перед Зорге встала задача его распространения и ознакомления с ним широких слоев рабочего класса Северной Америки. Ведь в распоряжении ЦК пока еще не было своего собственного печатного органа. И это вынуждало Зорге обращаться к редакторам всех рабочих и демократических газет с просьбой опубликовать «Обращение». Кроме того, Зорге надеялся, получив оттиски «Обращения», разослать их по известным ему адресам. Так, он обращается с этой просьбой к Камерону, одному из редакторов «Workingman's Advocate», органа Национального рабочего союза, и Джонсону, редактору «Anthracite Monitor», газеты пенсильванских шахтеров, одновременно прося его прислать 100 оттисков «Обращения»

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/5.

[2] Международное Товарищество Рабочих. Североамериканская федерация. Центральный комитет. Обращение, май 1871 г.

для распространения его среди других тред-юнионов. В обеих газетах «Обращение» было опубликовано, только в «Workingman's Advocate» Камерон самовольно опустил ту часть, где содержалась выдержка из Устава Интернационала с изложением его основных принципов[1].

Зорге использовал для этого и свои личные связи с руководителями крупнейших рабочих организаций Северной Америки, как Национальный рабочий союз, Рабочая ассамблея штата Нью-Йорк, объединенные профсоюзные организации рабочих, говорящих по-английски и по-немецки, и т. д. Так, он поддерживал постоянную связь с Джессепом, Камероном и другими, пытаясь оказывать влияние на них, а через них влиять и на руководимые ими организации. Эта работа не прошла даром. В январе 1871 г. некоторые рабочие организации, как, например, Рабочая ассамблея штата Нью-Йорк, заявили о признании принципов Интернационала[2]. Очень часто Зорге вместе со своими товарищами по ЦК посещал заседания и собрания рабочих обществ и тред-юнионов. Так, в апреле 1871 г. Зорге и его товарищи приняли участие в дискуссии, организованной «Workingman's-Union» по вопросу о роли кооперации и кооперативных обществ. В ходе дискуссии Зорге доказал ошибочность утверждения руководителей этой организации о том, что «интересы труда и капитала одинаковы», и внес резолюцию, подтверждавшую, что данная организация является представительницей интересов труда, а не капитала. Резолюция была принята единогласно[3].

Руководя работой ЦК в борьбе за влияние на трудящиеся массы Северной Америки, Зорге прекрасно понимал, что этого можно будет добиться лишь сочетая большую пропагандистскую работу среди рабочих с защитой их экономических интересов, то есть постоянно поддерживая всеми средствами борьбу рабочего класса

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 217, лл. 7, 11, 17, 19, 20, 24.

[2] Международное Товарищество Рабочих. Североамериканская федерация. Центральный комитет. Обращение, май 1871 г.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/6.

Северной Америки за улучшение его положения и условий труда. Поэтому он считал, что ЦК должен быть всегда в курсе всех форм движения рабочего класса и информировать об этом Генеральный Совет, чтобы своевременно оказывать помощь рабочим в их борьбе. И все отчеты, написанные Зорге, являются ярким доказательством этого. В них Зорге детально информирует Генеральный Совет о положении рабочих различных отраслей промышленности и их забастовочной борьбе. Особенно много внимания Зорге уделял вопросу организации помощи и поддержки бастующим рабочим. Так, в течение нескольких месяцев весны и лета 1871 г. Зорге пристально следит за разворачивающейся борьбой пенсильванских шахтеров, выступивших в защиту своего профсоюза и требовавших повышения заработной платы, и из отчета в отчет сообщает о ней Генеральному Совету. В отчете за апрель 1871 г. Зорге писал, что ЦК постоянно держал борьбу пенсильванских шахтеров в центре своего внимания, «стараясь оказывать влияние на действия профсоюза шахтеров»[1]. По инициативе Зорге был созван митинг солидарности с бастующими шахтерами и организован сбор средств для семей бастующих среди рабочих всей Северной Америки. Собранные деньги Зорге 11 июля отправил в Пенсильванию, казначею профсоюза шахтеров О'Холлорану, подчеркнув большую заинтересованность Интернационала в существовании профсоюза шахтеров и желая ему успехов в его плодотворной деятельности[2]. О'Холлоран в ответ на письмо Зорге писал: «Шахтеры не просят ни о какой благотворительности, они ведут борьбу за существование тред-юнионов и имеют право ожидать поддержки со стороны тред-юнионов. Они стоят в первом ряду борьбы между трудом и капиталом и никогда не отступят, либо победят, либо умрут»[3].

Такая поддержка пенсильванских шахтеров, организованная ЦК под руководством Зорге, способствовала росту авторитета ЦК Северной Америки и его влияния

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/6.
[2] Там же, ед. хр. 217, стр. 30.
[3] Там же, ед. хр. 218/2.

среди рабочих, видевших в нем своего верного защитника. Поддержка забастовки рабочими других отраслей привела к победе пенсильванских шахтеров, добившихся повышения заработной платы и сохранения своего профсоюза. Это свидетельствовало о росте сплоченности рабочих, их пролетарской солидарности и сознательности. О замечательном факте пролетарской солидарности и единства пенсильванских шахтеров Зорге сообщил Генеральному Совету. Он писал, что часть рабочих пенсильванских шахт, добившись выполнения своих требований раньше, чем остальные их товарищи, и приступив к работе, делила с ними свою заработную плату. Это письмо Зорге было зачитано Марксом на заседании Генерального Совета 4 июля 1871 года.

Много внимания Зорге уделял вопросу поддержки борьбы американских рабочих за установление 8-часового рабочего дня. Хотя закон о 8-часовом рабочем дне в США был принят в таких штатах, как Иллинойс, Висконсин, Коннектикут, Миссури, Нью-Йорк, Калифорния, но он никогда не соблюдался фабрикантами и заводчиками. В 1868 г. конгресс США принял закон о 8-часовом рабочем дне для рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений федерального значения, но этот закон содержал столько оговорок, что был фактически сведен на нет. Зорге знал, что ограничение рабочего дня является, как учил Маркс, «предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу»[1]. Здесь Зорге приходилось преодолевать сопротивление прудонистов и других противников законодательного ограничения рабочего дня. Поэтому, когда Зорге узнал об организации нью-йоркскими тред-юнионами 13 сентября 1871 г. большой демонстрации рабочих за установление 8-часового рабочего дня, он внес предложение на заседании ЦК о самом активном участии секций в этой демонстрации. Кроме того, Зорге считал, что одного участия в демонстрации недостаточно. Необходимо было показать ее участникам значение этой борьбы для окончательного освобождения рабочего

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 196.

класса и вместе с тем подчеркнуть, что эта борьба является лишь «предварительным условием» и не может привести к полному освобождению рабочего класса. Зорге предложил Центральному комитету распространить во время демонстрации листовку, содержащую выдержку из первого тома «Капитала» Маркса о рабочем дне в переводе на английский язык. Это предложение Зорге было принято единогласно. По-видимому, сам Зорге и сделал этот перевод, ведь он был теоретически наиболее подготовлен к этой работе и прекрасно владел английским языком. Было отпечатано 13 000 экземпляров этой листовки — тираж для того времени очень большой. Большая подготовительная работа, проведенная ЦК под руководством Зорге, не пропала даром. Несмотря на дождливую погоду, 13 сентября 1871 г. улицы огромного города были заполнены большим количеством народа. На демонстрацию вышло около 20 000 человек, празднично одетых и торжественно настроенных. Впервые в истории американского рабочего движения в этой демонстрации приняли участие негры, которые шли бок о бок со своими белыми товарищами. Это было несомненной заслугой ЦК, руководимого Зорге. Ему удалось преодолеть сопротивление коренных американских рабочих, зараженных ядом расизма, и доказать, что «труд, являющийся подневольным для черных, никогда не может быть свободным для белых» [1].

В общем шествии рабочих разных профессий Нью-Йорка шли и секции Интернационала, возглавляемые секцией № 1. Члены секции № 1, в рядах которой был и Зорге, несли свое красное знамя, на котором по-немецки и по-английски был написан лозунг пролетарского интернационализма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [2]. Демонстранты несли огромное количество лозунгов и транспарантов с такими призывами: «Восемь часов — на работу, восемь часов — на образование и отдых, восемь часов — на сон!», «Восемь часов мирно, если возможно, насильственно, если вынудят!»,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 450.
[2] «Volksstaat» № 83, 14 октября 1871 г.

«Единство делает сильными!», «Не хотим никаких законов на бумаге!» и т. д. Рабочие с большим воодушевлением встречали появление секций Интернационала с красным знаменем, приветствуя их возгласами: «Да здравствует Коммуна!». Члены секций раздавали во время шествия подготовленную Зорге листовку. Рабочие с большим одобрением читали ее. Демонстрация прошла организованно и показала, какой огромный сдвиг произошел в сознании американского рабочего класса под влиянием пропагандистской деятельности секций Международного Товарищества Рабочих.

Еще в 1867 г. в своем первом письме Марксу Зорге отмечал слабое знакомство американских рабочих с произведениями научного коммунизма, а также с программными документами Интернационала. Поэтому он считал одной из задач секций Интернационала в Северной Америке распространение этих документов и произведений Маркса и Энгельса.

Однако распространение и пропаганда идей научного коммунизма, важнейших решений Интернационала были затруднены тем, что в распоряжении Зорге и руководимого им Центрального комитета не было печатного органа. И хотя вопрос о необходимости создать свой орган печати возник сразу же после создания ЦК, но для осуществления этого плана требовались большие денежные средства, которыми не располагал ни ЦК, ни Зорге, часто приходивший на помощь своим товарищам.

Потребность в документах для пропагандистской работы была настолько велика, что Зорге неоднократно обращался к Марксу, Энгельсу, Хейлзу, секретарю Генерального Совета, с просьбой присылать как можно больше экземпляров решений Женевского, Брюссельского и Базельского конгрессов Интернационала, его Устава и Манифеста. Полученные документы, брошюры и т. д. Зорге немедленно рассылал во все секции, обращая особенное внимание на обеспечение этими документами вновь организованных секций. Но присылаемых материалов явно не хватало для удовлетворения всех потребностей. И уже 28 мая 1871 г. Зорге внес предложение на заседании Центрального комитета о сборе

денег на расходы по печатанию документов Интернационала[1]. Об этом решении он тотчас же оповестил все секции.

Но все это не могло удовлетворить растущую вширь организацию Интернационала в Северной Америке, и Зорге приходилось прибегать к услугам рабочих и буржуазно-демократических газет, таких, как «Workingman's Advocate», «Arbeiter-Union», «Socialiste» и «Woodhull and Claflin's Weekly», тратя на это массу энергии и прибегая к самым изощренным дипломатическим уловкам. Так, в «Arbeiter-Union» и «Workingman's Advocate» были опубликованы оба Обращения Генерального Совета о войне, в последней газете было опубликовано Обращение Генерального Совета об Уошберне, а воззвание Генерального Совета «Гражданская война во Франции» — важный документ научного коммунизма — было опубликовано в ряде нью-йоркских, чикагских и вашингтонских газет, а также отдельной брошюрой[2].

Эти шаги Зорге предпринял потому, что количество присланных Генеральным Советом экземпляров этого воззвания было очень невелико, о чем он писал в своем отчете 6 августа 1871 г., а интерес к нему среди американских рабочих был бесконечно велик. «Мы были разочарованы, — писал Зорге, — получив только 11 экземпляров и не удовлетворив спрос наших разных секций по одной на каждую, не говоря уж о простом распространении его среди наиболее влиятельных рабочих обществ и о предоставлении его в газеты»[3].

Зорге придавал большое значение пропаганде среди американских рабочих «Манифеста Коммунистической партии» — этого классического произведения научного коммунизма, на идеях которого воспитывалось первое поколение пролетарских революционеров в Европе. 22 сентября 1871 г. Зорге писал Марксу: «Нам нужны издания... и в первую очередь «Коммунистический ма-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 217, стр. 18.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 218/3 и «Volksstaat» № 77, 23 сентября 1871 г.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 218/3.

нифест» 1848 г. на английском языке»[1]. Не получив английского перевода «Манифеста» из Лондона, немецкие секции Интернационала в Чикаго предприняли в сентябре 1871 г. новое немецкое издание «Манифеста»[2]. В конце 1871 г. «Манифест» по-английски был опубликован в «Woodhull and Claflin's Weekly», а в начале 1872 г. по-французски в «Socialiste». Несмотря на то, что эти переводы оставляли желать много лучшего, Энгельс 17 марта 1872 г. обратился к Зорге с просьбой прислать 50—100 экземпляров обеих газет с «Манифестом» для пропаганды в Европе[3].

Зорге хорошо помнил слова Маркса из «Учредительного Манифеста» Интернационала: «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий»[4]. И вся его деятельность в ЦК Международного Товарищества Рабочих для Северной Америки была посвящена воспитанию у американских рабочих чувства пролетарской солидарности и интернационализма. Под его руководством секции Товарищества в Северной Америке провели большую кампанию защиты и поддержки ирландских фениев, продемонстрировали симпатии американского рабочего класса к национально-освободительному движению ирландского народа. 2 февраля 1871 г. в Нью-Йорк прибыла группа амнистированных фениев. Североамериканский ЦК для их встречи направил делегацию в лице Зорге и Юбера. Делегаты передали ирландцам обращение от имени Интернационала в Америке и всего американского рабочего класса. В обращении, зачитанном Зорге, говорилось: «Мы выражаем наши горячие симпатии делу, за которое вы боретесь... Мы протягиваем вам руку дружбы и солидарности. Ваш враг — наш враг: это — аристократия и буржуазия, лендлорды и

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/3.
[2] «Volksstaat» № 83, 14 октября 1871 г.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 363.
[4] Там же, т. 16, стр. 10—11.

хлопчатобумажные лорды и фабриканты, — все они объединились, чтобы лишить рабочих плодов их труда... Мы надеемся, что недалек тот день, когда рабочие по обе стороны Ла-Манша протянут друг другу руки братской дружбы, и именно в этот день судьба нашего врага будет решена и оковы спадут с рук не только ирландцев, но и рабочих всех стран»[1]. Обращение, автором которого был Зорге, свидетельствует о том, что и в понимании национального вопроса Зорге стоял на марксистских позициях, связывая решение национального вопроса с решением основного вопроса — вопроса об освобождении рабочего класса и ликвидации общества рабства и эксплуатации.

События, разыгравшиеся в марте 1871 г. во Франции, установление Парижской Коммуны, а затем ее разгром объединенными силами Пруссии и версальцев с самого начала стали в центре внимания Зорге. Он считал своей основной задачей разъяснение широким массам Северной Америки значения и смысла событий в Париже и организацию моральной и материальной поддержки парижским пролетариям. Под руководством Зорге Центральный комитет выступил инициатором проведения ряда митингов и собраний, на которых американские рабочие, руководимые секциями Интернационала, продемонстрировали свое сочувствие борьбе парижских рабочих и поддержку их детищу — Парижской Коммуне. 20 июня 1871 г. Зорге писал Марксу: «Мы вскоре проведем грандиозный митинг местных секций, чтобы выразить наши взгляды и мысли об июньском восстании 1848 г. и Коммуне 1871 г.»[2]. Это решение было принято еще 28 мая, и до 2 июля 1871 г. — дня этого митинга — Зорге вел непрестанно большую подготовительную работу, чтобы привлечь на митинг как можно большее число участников. В митинге приняли участие все нью-йоркские секции Товарищества и многие представители рабочих обществ. Зал был украшен лозунгами с датами выдающихся битв рабочего класса за свою свободу. Над трибуной висело небольшое крас-

[1] «Volksstaat» № 27, 1 апреля 1871 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 218/2.

ное знамя, на котором по-английски было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На балконе над трибуной висело другое знамя с немецким лозунгом «Да здравствует республика!». На митинге по инициативе Зорге было зачитано воззвание Генерального Совета «Гражданская война во Франции», в котором Маркс дал гениальный анализ исторических условий возникновения Парижской Коммуны, раскрыл ее истинный характер как «правительства рабочего класса»[1] и сущность ее деятельности. Воззвание было встречено собравшимися рабочими с большим энтузиазмом[2]. Это же воззвание было переведено, по-видимому, Зорге на немецкий язык и зачитано на совместном заседании немецких секций города Нью-Йорка № 1 и № 6.

Чтобы пресечь потоки клеветы, распространяемые продажной буржуазной печатью Северной Америки о Парижской Коммуне, необходимо было ознакомить американский рабочий класс с воззванием Генерального Совета, в котором разоблачались действия посла американского правительства в Париже Уошберна во время Парижской Коммуны. Так как ЦК не имел газеты, Зорге пришлось обратиться к разным газетам. 1 августа это воззвание было опубликовано в распространенной буржуазной газете Нью-Йорка «Sun», а потом в ряде рабочих и демократических газет, как «Workingman's Advocate» (5 августа), «National Standard» (9 сентября) и «Woodhull and Claflin's Weekly» (30 сентября). Воззвание Генерального Совета сопровождалось предисловием, написанным Зорге. Это предисловие сыграло большую роль в деле пропаганды воззвания «Гражданская война во Франции» и разъяснения значения Парижской Коммуны. В своем предисловии Зорге выступает как пропагандист идей научного коммунизма. Он писал: «Не забудьте, что Коммуна являлась рабочим правительством и как таковая вызывала ненависть, страх и клевету привилегированных классов и их вездесущих агентов, точно так же как и всякое рабочее движение в нашей стране... Не забывайте, что Коммуна

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 346.
[2] «Volksstaat» № 66, 16 августа 1871 г.

боролась и погибла, отстаивая права, которых вы или уже добились, или пытаетесь добиться, — право на самоуправление, право рабочих на плоды своего труда»[1]. Призывая рабочих не верить информации буржуазных газет, Зорге вместе с тем дал резкую характеристику американского посла в Париже Уошберна, причислив его «к категории государственных паразитов, пристроившихся к общественной кормушке»[2].

Не меньшее значение для парижских коммунаров имела и та материальная помощь, которая им была оказана их американскими братьями. Зорге становится организатором сбора денежных средств для коммунаров. Именно в его секции № 1 рождается идея попросить Генеральный Совет официально обратиться к американским рабочим с призывом оказать помощь парижским коммунарам. В ответ на их запрос Генеральный Совет поручил Марксу составить текст обращения с призывом ко всем секциям Интернационала в Северной Америке «поддержать по мере возможности нуждающихся членов Коммуны за границей»[3]. 4 сентября 1871 г. это обращение было написано Марксом, а 5 сентября — отослано в Северную Америку[4]. Откликаясь на призыв Генерального Совета, секции Интернационала в Северной Америке проделали огромную работу по сбору средств для оказания помощи коммунарам и их семьям. Так, только 22 сентября 1871 г. Зорге сообщал Хейлзу о посылке в Женеву 1700 долларов и 500 долларов в Лондон «для оказания помощи нашим парижским знаменосцам»[5].

Все вышесказанное показывает, какую огромную и замечательную по своим результатам работу проделал Зорге. Впереди, казалось, открывался путь для новых

---

[1] «Woodhull and Claflin's Weekly», 30 сентября 1871 г. Перевод дается по книге: *Л. И. Зубок.* «Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918». М., 1962, стр. 81—82.

[2] Там же.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2961.

[4] Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в настоящее время не располагает текстом этого обращения, составленного Марксом 4 сентября 1871 г.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 217, стр. 52.

побед идей научного коммунизма в американском рабочем движении. Но осенью 1871 г. в Интернационале в Северной Америке создалось такое положение, которое поставило под вопрос всю проделанную здесь до сих пор работу.

С момента образования двух секций коренных американцев — секции № 9 и № 12 — в Интернационал хлынул поток буржуазных реформаторов, стремившихся использовать эту боевую организацию в своих собственных целях — «для погони за местами и для избирательных целей» [1], как говорил Маркс. Чего же добивались эти две секции коренных американцев, руководимые Вудхалл и Клафлин? С самого момента возникновения их руководители предлагали Зорге выработать свою программу Интернационала в Северной Америке. Но Зорге самым решительным образом противился этому. Объясняя свою позицию, он заявлял: «Мы были против этого, так как считали «Устав» и резолюцию конгрессов достаточными» [2]. Тогда руководство этих секций, которому именно эти документы и мешали развернуть свою деятельность, 23 сентября 1871 г. опубликовало в своем печатном органе «Woodhull and Claflin's Weekly» воззвание ко всем гражданам, говорящим по-английски, за подписью У. Уэста, секретаря и представителя секции № 12 в Центральном комитете. Это воззвание, которое являлось изложением программы этих секций, призывало всех граждан Северной Америки «в каждой деревне, местечке и городе каждого штата в Союзе образовывать секции» и присоединиться к Интернационалу. В нем было ясно сформулировано отношение этих секций к принципам и Уставу Товарищества. В нем говорилось: «Конечная цель Интернационала проста: освобождение рабочих и работниц путем завоевания политической власти. Это предполагает прежде всего политическое равенство и социальную свободу обоих полов. *Политическое равенство* означает личное участие каждого в подготовке, принятии и осуществлении законов, которым подчиняются все. *Социальная свобода* означает

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3217.
[2] Там же, ед. хр. 5619.

полную гарантию от какого бы то ни было неуместного вмешательства во все вопросы чисто личного характера, каковы, например, религиозные убеждения, *отношения между полами, моды* и пр. Далее, оно включает создание *всеобщего правительства* для всего мира. Само собой разумеется, что в эту программу входит и *уничтожение всех языковых различий*»[1]. Авторы воззвания сообщали в нем и о новой выработанной ими «организационной программе» построения будущего общества, которая предполагала создание «в рамках существующих форм новой формы правления, которая должна заменить старую»[2]. Таким образом, авторы этого воззвания выступали против ниспровержения существующего государства, ставя задачу его использования.

Зорге с самого начала понял огромный вред этого документа. Опубликование его секциями № 9 и № 12 показало Зорге совершенно ясно, что они претендуют на руководящую роль в Интернационале в Северной Америке, направляя свой главный удар против секций так называемых «иностранцев» и в первую очередь против него самого как руководителя истинно пролетарских элементов Товарищества. Отношение Зорге к этому документу было отрицательным, а критика его очень резкой. В своем отчете за сентябрь 1871 г. Зорге сообщал Генеральному Совету в Лондоне: «Намерение политиканов и других теперь совершенно очевидно — отождествить Международное Товарищество Рабочих в этой стране с движением за предоставление права голосования женщинам, с движением за свободную любовь и другими подобными движениями»[3]. Несколько позже он вновь писал: «Публикация этого воззвания рассчитана только на то, чтобы уменьшить влияние Международного Товарищества Рабочих, создать о нем неправильное впечатление, воспрепятствовать рабочим вступать в него»[4]. Все это, вместе взятое, показало Зорге, какая огромная опасность угрожает Интернационалу в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 92.
[2] Там же, стр. 93.
[3] *Ф. Фонер*. «История рабочего движения в США». М., 1949, т. 1, стр. 469.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5889.

Северной Америке — опасность превращения его из организации пролетарской по своей сущности в организацию реформаторов всех мастей. Необходимо было сделать все, чтобы парализовать влияние воззвания и воспрепятствовать образованию секций на его основе.

Зорге начал свою борьбу с обращения к Генеральному Совету. Учитывая авторитет Генерального Совета среди секций Интернационала в Северной Америке, он требует, чтобы Совет «вмешался в это дело и предупредил насколько возможно распространение лживых и ошибочных утверждений относительно целей, организации и т. д. Международного Товарищества Рабочих» [1].

Но этого мало. Зорге понимает, что главная борьба — это борьба за поддержку его линии остальными секциями внутри Интернационала в Северной Америке. 15 октября от имени секции № 1 Зорге вносит протест против воззвания секции № 12 на заседании Центрального комитета и предлагает: 1) не одобрять воззвание, опубликованное без ведома и согласования с Центральным комитетом, и 2) обязать секцию № 12 впредь представлять всю свою корреспонденцию на просмотр Центральному комитету [2]. На этом же заседании Зорге впервые подробно, пункт за пунктом разбирает содержание воззвания секции № 12, вскрывает его тенденцию, явно враждебную и противоречащую основным принципам Интернационала. Этот разбор был затем им послан Марксу. Основная масса членов Центрального комитета поддержала Зорге. Теперь вставала задача добиться поддержки среди членов остальных секций. Для этого Зорге немедленно информирует все секции Интернационала в Северной Америке об отношении Центрального комитета к воззванию секции № 12, причем в первую очередь посылает такую информацию секциям коренных американцев. Еще 4 октября он пишет Хинтону, секретарю-корреспонденту секции в Вашингтоне: «Для информации вашей секции я сообщаю, что манифест (так Зорге называет воззвание секции № 12. — *Н. Р.*), подписанный г-ном Уэстом и опубликованный в

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5889.
[2] Там же.

известном «Weekly» от имени секции № 12 города Нью-Йорка, был опубликован и издан *без* разрешения и согласования с Центральным комитетом»[1]. Одновременно с посылкой писем Зорге предлагает послать делегатов секции № 1 во все остальные секции, чтобы лично выяснить отношение членов этих секций к линии Центрального комитета и секции № 12. Это было необходимо сделать, так как Зорге прекрасно знал, что в Центральном комитете не все поддерживают его линию. Да и как могло быть иначе, если в его состав проникли люди, не имевшие ничего общего с истинными целями и задачами Интернационала. К. Шпейер, один из верных помощников и друзей Зорге в Центральном комитете, приводит очень интересные сведения о составе Центрального комитета накануне опубликования воззвания секции № 12. Вот что он пишет: «Наше Товарищество стало превращаться в товарищество мелких буржуа и лиц с университетским образованием; рабочий вопрос стал в конце концов вопросом подчиненным. И могло ли быть иначе с Юбером из секции № 2, владельцем фортепьянной мастерской, с Уэстом, № 12, служащим по найму у Вудхалл и Клафлин, с д-ром Штибелингом, № 13 (Союз свободомыслящих), с Милло, № 14, переплетчиком и мелким ремесленником, с Лограном, сотрудником Прудона, как он иногда себя сам рекомендует, с Констаном Кристенером, № 22, хозяином «Интернационального ресторана», 68, Гранд-стрит, с полковником Бладом, вторым мужем В. Вудхалл, с Шарнье, № 30, виноторговцем. Это — восемь делегатов старого Центрального комитета, о которых мне известно, что они мелкие буржуа. В его составе было безусловно еще несколько других мелких буржуа по своей классовой принадлежности»[2].

Это произошло из-за делегатского принципа формирования Центрального комитета, против чего так предупреждал Маркс.

И хотя во время посещений делегатами секции № 1 остальных секций Зорге была обещана поддержка его

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 217, стр. 55.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5621.

линии, на заседании 23 октября при голосовании поставленного на утверждение протеста секции № 1 11 представителей проголосовали против этого протеста. Результат голосования ясно показал Зорге, что он имеет дело не с одними буржуазными реформаторами, что их по всем линиям поддерживают лассальянцы, прудонисты и т. д., объединившиеся в своей борьбе против научного коммунизма. Это показало также Зорге, что он сам и руководимый им ЦК, поглощенные работой в секциях и среди широких рабочих масс, прежде мало обращали внимания на все вылазки прудонистов и лассальянцев, которые не были окончательно разгромлены еще в период существования Коммунистического клуба и Социальной партии. Их взгляды оказались живучи. В известной мере такой результат голосования можно объяснить еще тем, что члены Центрального комитета не знали о том, что секция № 12 обратилась к Генеральному Совету с требованием признать ее ведущей и руководящей секцией в Северной Америке. Но Генеральный Совет, загруженный работой в связи с только что прошедшей Лондонской конференцией, затянул разбор этого вопроса, не придавая первоначально большого значения событиям в Интернационале в Северной Америке, что несомненно сыграло свою отрицательную роль.

Обстановка в Интернационале накалилась. Борьба, развернувшаяся между рабочими и сторонниками секций № 9 и № 12, наносила огромный вред авторитету и влиянию Интернационала в широких массах американских рабочих. Хорошо понимая это, Зорге писал Марксу 21 ноября 1871 г.: «Секция № 12 до такой степени отравила нам существование, что мы не могли ничего больше предпринять. Эти интриганы и болтуны наводнили свет таким количеством ошибок, лжи и оскорблений, что сотрудничество с ними стало невозможно»[1]. В такой обстановке собралось заседание Центрального комитета 19 ноября 1871 года. Зорге по поручению секции № 1 внес предложение исключить секцию № 12 из Интернационала и признать недействительными мандаты тех

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/17.

секций, которые не состоят по крайней мере на $^2/_3$ из наемных рабочих. Это предложение вызвало раскол в Центральном комитете и привело к его роспуску. Большинство секций (все немецкие, кроме двух лассальянских, все ирландские, несколько французских и одна секция коренных американцев) поддержало предложение Зорге. Остальные проголосовали против (Гроссе — немецкая секция № 6, Бэнкс — секция коренных американцев № 9, Штибелинг — немецкая секция № 13, Милло — французская секция № 14 и Шарнье — французская секция № 30).

Большинство делегатов ЦК во главе с Зорге, представлявших интересы пролетарских элементов в Интернационале в Северной Америке, на этом же заседании образовали временный Федеральный совет, в состав которого вошло 14 секций (8 немецких, 3 ирландских, 2 французских и 1 говорящая по-английски) [1]. Обо всех событиях, происходивших на заседании ЦК 19 ноября 1871 г., Зорге сообщил в тот же день Марксу. Прежде всего он объяснил Марксу причины, побудившие его внести предложение о роспуске Центрального комитета, ибо его обвиняли в незаконности такого действия, противоречащего уставу Центрального комитета. Зорге писал: «...у нас в Центральном комитете было решительное большинство, но мы находили роспуск и реорганизацию более целесообразными, чем какое-либо дисциплинарное решение» [2]. И это решение не было принято внезапно, без обсуждения. 24 ноября Зорге писал вновь Марксу: «Мы поставили перед собой вопрос: продолжать таким образом работать вместе с секцией № 12 — это превратило бы движение здесь в стране в мелкобуржуазно-фантастически-реформаторское. Оно бы лишилось характера рабочего движения и отпугнуло бы самих рабочих. В *этом* мы уверены! Мы долго и основательно обдумывали, результатом являются действия, о которых сообщалось. Другим путем мы не могли уберечь в чистоте партию, принципы, организацию» [3].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 217, стр. 74.
[2] Там же, ед. хр. 219/17.
[3] Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5619.

Оценивая события, происшедшие на заседании Центрального комитета, Зорге с особенной резкостью выступал против французских делегатов, на которых он надеялся опереться в своей борьбе против буржуазных реформаторов из секции № 12. Зорге прямо заявил, что «старшие по возрасту и более продолжительное время живущие здесь французы почти все исключительно принадлежат к типу болтунов и хвастунов... Они прудонисты» [1]. Спустя день после роспуска Центрального комитета, то есть 20 ноября 1871 г., Зорге получил письмо Маркса от 6 ноября с резолюциями Генерального Совета относительно претензий секции № 12 на руководящую роль в Интернационале Северной Америки, а также с резолюциями Лондонской конференции 1871 года. Маркс сообщал Зорге, что «секция № 12 (Нью-Йорк) предложила Генеральному Совету признать ее руководящей секцией в Америке. Решение против этих претензий и за сохранение теперешнего комитета уже, вероятно, послано Эккариусом секции № 12» [2].

В резолюциях Генерального Совета от 5 ноября 1871 г. очень высоко оценивалась роль Центрального комитета в США, а это означало в первую очередь самую высокую оценку деятельности Зорге, который руководил этим Комитетом и деятельности которого Интернационал в Северной Америке во многом обязан своими успехами. Резолюция Генерального Совета осуждала деятельность секции № 12, стремившейся внести в Интернационал дух национализма и вражды между отдельными секциями.

Получив письмо Маркса и резолюции Генерального Совета, Зорге еще раз убедился в том, что его решение о необходимости роспуска Центрального комитета было единственно правильным и принято своевременно. «Ваши сообщения, — писал он Марксу 21 ноября, — являются блестящим подтверждением правильности нашего образа действия, и те немногие честные люди, которые оказались в заблуждении, уже на втором заседании будут у нас» [3].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/17.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 264.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/17.

Однако Зорге считал действия Генерального Совета не совсем правильными. Он считал, что Генеральный Совет несколько поторопился, приняв решение, не предоставив североамериканскому Центральному комитету возможности высказаться по этому важному вопросу, так как только в этом случае можно было принять наиболее правильное решение и правильно оценить поведение секции № 12 [1].

И действительно, секция № 12 тотчас же использовала резолюции Генерального Совета для своей борьбы против пролетарского крыла организации Интернационала в Северной Америке, руководимого Зорге. 2 декабря 1871 г. секция № 12 опубликовала в своей газете эти резолюции под броским заголовком «Секция № 12 поддержана» («Section 12 sustained»). Почему секция № 12 опубликовала резолюции Генерального Совета, которые на самом деле были направлены против нее? Дело в том, что секцию № 12 устраивало то, что в резолюциях Генерального Совета говорилось о необходимости сохранить нью-йоркский Центральный комитет, «до тех пор пока распространение Интернационала в Америке не сделает своевременным созыв всех секций Соединенных Штатов для избрания нового Федерального комитета» [2]. Секция № 12 хотела воспользоваться этой фразой из резолюций, принятых Генеральным Советом, не знавшим о дальнейших событиях в американской организации Интернационала, еще до роспуска Центрального комитета. Ведь она ни в коем случае не хотела допустить роспуска и реорганизации ЦК, боясь потерять в новом Федеральном совете то влияние, каким она пользовалась в старом Центральном комитете. Кроме того, она хотела доказать остальным секциям в Северной Америке, что ее поддерживает Генеральный Совет в Лондоне, авторитет которого в Америке был непререкаем. Но надежды секции № 12 не оправдались. Подлинно пролетарские секции не поддержали ее.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5618.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 664.

В трудной и сложной обстановке начал свою работу временный Федеральный совет во главе с Зорге, который остался в нем секретарем-корреспондентом для внешних связей. В создавшейся обстановке Зорге понимал, что сейчас все усилия должны быть направлены на работу среди отколовшихся с целью вновь привлечь их на свою сторону, и на создание секций на основе устава, дополненного и окончательно утвержденного на заседании 3 декабря. Ни на одну минуту Зорге не терял уверенность в том, что пролетарский элемент отколовшихся секций, на время одураченный буржуазными реформаторами и их сторонниками, вскоре поймет свои ошибки и вновь примкнет к новому Федеральному совету. Уже в своем письме вскоре после раскола Зорге сообщал Марксу об определенных успехах в этом направлении, особенно надеясь на молодежь во французской секции № 2. Он писал, что «среди эмигрантской молодежи имеются хорошие элементы, еще не выявившие себя» [1].

Чтобы привлечь их на свою сторону, необходимо было прежде всего раскрыть истинный характер раскола в Североамериканской федерации, разоблачить всю ложь, которую возводила секция № 12 на Центральный комитет и его руководителя. Поэтому 4 декабря Зорге предложил Федеральному совету выпустить циркулярное письмо ко всем секциям в стране. В этом письме, написанном при непосредственном участии Зорге, подвергались резкой критике буржуазно-реформаторские взгляды, пропагандируемые секцией № 12, и обосновывалась правильность решения о роспуске Центрального комитета. В письме Федеральный совет писал: «В Центральном комитете, который должен был бы служить преградой против всякого реформистского шарлатанства, под конец образовалось большинство из почти уже забытых ныне реформаторов и филантропов; в результате люди, проповедующие евангелие свободной любви, в братском единении сидели рядом с людьми, желающими осчастливить мир универсальным языком; дельцы сельскохозяйственной кооперации, спириты,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 219/17.

атеисты и деисты — каждый старался оседлать своего конька. В особенности секция № 12 (Вудхалл)... Первый шаг, который надо сделать в интересах нашего движения, это — организоваться и одновременно активизировать революционный момент, заложенный в противоположности интересов рабочего и капиталиста... Делегаты секций №№ 1, 4, 5, 7, 8, 11, 16, 21, 23, 24, 25 и других, убедившись в бесплодности всех попыток положить конец этому безобразию, постановили: после того как старый Центральный комитет приостановил свою деятельность на неопределенный срок (3 декабря 1871 г.), основать новый комитет, *состоящий из подлинных рабочих*»[1].

Однако Зорге было ясно, что борьба между пролетарскими и буржуазно-реформаторскими элементами может быть успешной только в том случае, если новый временный Федеральный совет будет признан и поддержан авторитетом Генерального Совета в Лондоне. Поэтому в своем отчете о деятельности Федерального совета Зорге писал: «Мы требуем от Генерального Совета признания североамериканского Федерального совета до конгресса секций в 1872 г.»[2]. Это было сделано не случайно. Ведь и второй сепаратистский совет обратился с той же просьбой в Лондон. Зорге же знал, что несколько секций, в их числе все ирландские секции, секция из Нового Орлеана, французская секция № 10, отозвали своих представителей из обоих советов. Причем секция № 10 1 февраля 1872 г. обратилась к Генеральному Совету с сообщением о своем решении не посылать своего делегата ни в один из советов, «пока Генеральный Совет не решит вопрос и не сообщит нам, какой из Интернационалов является подлинным»[3].

Давая оценку обоим советам, образовавшимся в стране, Зорге в своем отчете прямо заявлял, что Федеральный совет, в который входил сам Зорге, является «представителем рабочих секций и рабочего движения»,

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 222/1. Цитируется по Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., т. 18, стр. 94.

[2] Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5618.

[3] Там же, ф. 21, ед. хр. 236.

стоит на принципах Международного Товарищества Рабочих, в то время как другой совет в большинстве своем состоит из «купцов и так называемых представителей независимых профессий, принадлежащих к буржуазии и не имеющих никаких связей с рабочим движением США»[1].

От имени временного Федерального совета Зорге еще раз подчеркнул пролетарскую сущность Североамериканской федерации Интернационала в Северной Америке и свое стремление сохранить в чистоте его принципы. «Мы стояли на том, — пишет Зорге, — что наше движение — рабочее движение и не больше, что Международное Товарищество Рабочих есть и должно быть исключительно рабочей организацией. Как раньше, так и в будущем мы намерены охранять его от того, чтобы оно стало орудием в руках грязных интриганов и лестницей, с помощью которой могли бы подняться на видное место политиканы и тщеславные себялюбцы»[2].

Понимая, что Генеральный Совет может предложить обоим советам объединиться, Зорге выработал те условия, на которых, он считал, можно было бы пойти на объединение с сепаратистским советом, не поступившись принципами. Вот эти условия, внесенные Зорге и одобренные Федеральным советом:

«1) только рабочий вопрос может стоять в нашей организации;

2) только те новые секции признаются, которые на $^{2}/_{3}$ состоят из наемных рабочих;

3) секция № 12 и секции, образованные на основе ее воззвания, должны быть исключены как посторонний элемент в рабочем движении»[3].

Надо прямо сказать, что, выдвигая последнее условие, Зорге, увлеченный борьбой с буржуазными реформаторами и их сторонниками, встал в известной мере на сектантскую позицию. Ведь нельзя было забывать о том, что и в старых секциях коренных американцев и во

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5618.
[2] Там же.
[3] Там же.

вновь образовавшихся на основе воззвания секции № 12 несомненно имелся хоть и небольшой, но пролетарский элемент. И ни в коем случае нельзя было отказываться от борьбы за него, отбросив его в объятия буржуазных реформаторов. Как мы увидим ниже, Зорге под влиянием Маркса и Энгельса вскоре исправил свою ошибку.

Еще 12 декабря 1871 г. Генеральному Совету стало известно о расколе в Североамериканской федерации. Генеральному Совету необходимо было в ответ на требование Зорге и других секций ясно и недвусмысленно высказать свое отношение к обоим советам, решив вопрос, кто же из них является подлинным представителем Международного Товарищества в Северной Америке. По предложению Энгельса, вопрос о положении в Североамериканской федерации был передан на рассмотрение Подкомитета, где должен был сделать доклад Маркс, используя огромный материал, который послал ему Зорге. По докладу Маркса были приняты 5 и 12 марта 1872 г. важные решения, определившие пути существования и развития Интернационала в Северной Америке. Сам Маркс, подчеркивая значение этих решений, говорил: «Судьба Интернационала в США зависит от этих решений» [1].

В своем докладе Маркс констатировал, что Генеральный Совет и его руководители «далеко не своевременно и не точно получали информацию об элементах, которые вызвали раскол» [2]. Это объяснялось позицией Г. Эккариуса, который был секретарем-корреспондентом для Северной Америки и поддерживал секцию № 12, чем нанес большой вред Интернационалу в Северной Америке, так как многие секции его позицию расценивали как позицию Генерального Совета во главе с Марксом.

Резолюции Генерального Совета подтвердили решение Федерального совета об исключении секции № 12 из рядов Товарищества. Обоим советам было рекомендовано «объединиться и действовать, до созыва ближай-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 3217.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 353.

шего американского общего съезда, как единый временный Федеральный совет для Соединенных Штатов»[1]. Генеральный Совет предлагал созвать этот съезд в июле 1872 года. Им был поддержан также выдвинутый Зорге принцип о приеме в ряды Товарищества лишь тех секций, которые на $^2/_3$ состоят из наемных рабочих.

Добившись признания Федерального совета и его действий со стороны Генерального Совета, Зорге решил уйти с руководящего поста в Федеральном совете. Он прекрасно видел, что в борьбе между пролетарскими и буржуазно-реформаторскими элементами в Интернационале основной поток лжи и оскорблений был направлен против него как наиболее последовательного марксиста, стоявшего на позиции сохранения в чистоте и неприкосновенности принципов Интернационала. В начале марта он сложил с себя полномочия секретаря-корреспондента Комитета, оставшись в нем как представитель секции № 1. Сообщая об этом Марксу, Зорге писал: «Партии я все равно буду служить по мере сил»[2]. Зорге знал, что, оставаясь членом ЦК в качестве представителя секции № 1, наиболее влиятельной в Североамериканской федерации Интернационала, он сумеет через своих сторонников проводить линию Генерального Совета и поможет им ориентироваться в сложной обстановке борьбы двух течений в Североамериканской федерации. Несмотря на официальный уход с руководящего поста Федерального совета, фактически Зорге оставался его руководителем. Его влияние по-прежнему было велико. Он вел переписку с Марксом и Энгельсом, сообщал им о ходе дел в Северной Америке и получал от них указания относительно тактики Федерального совета. Авторитет его среди секций остался таким же, как и раньше. Так, в начале мая 1872 г. Зорге получил предложение от вновь образовавшейся немецкой секции в Нью-Йорке представлять ее в Федеральном совете, но он отклонил это предложение, так как это снова обострило бы борьбу в тот момент, когда перед Федеральным советом стояла задача объединения с сепаратистским

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 47.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 226/6.

советом, поставленная перед ним в резолюциях Генерального Совета.

Резолюции Генерального Совета были одобрены временным Федеральным советом, однако по его поручению Зорге сообщал Марксу в Лондон о некотором недоумении его сторонников в связи с тем, что Генеральный Совет в своих резолюциях 5 и 12 марта обращался к обоим советам в Северной Америке. Сам Зорге считал, что «лучше всего было бы, если бы Генеральный Совет высказался, что он признает настоящую рабочую организацию — временный Федеральный совет на Уордотель, 10» [1].

Зорге, встав на сектантскую позицию, не понял, что Маркс и Энгельс требовали тем самым от него и его сторонников разъяснительной работы среди коренных американцев, которые были в отколовшихся секциях, пытаясь сохранить их в северо-американской организации Интернационала. Зорге же заявил в своем письме, что отныне Федеральный совет будет работать только среди немецкого и ирландского элемента в американском рабочем движении [2]. Но под влиянием Маркса и Энгельса он скоро понял всю ошибочность и вредность своей сектантской позиции, понял необходимость кропотливой разъяснительной работы среди всех членов сепаратистского совета и тех секций, которые примкнули к нему. Целью его работы, к которой он призывал и своих сторонников из временного Федерального совета, было разоблачение секции № 12 в глазах тех, кого ей удалось запутать, и борьба за присоединение отколовшихся к своим рядам. 17 апреля 1872 г. Зорге писал Энгельсу о положении в оппозиционном совете: «Между прочим, в так называемом Федеральном совете на Принс-стрит имеются люди столь разнообразных взглядов, что в ближайшее время там должен произойти взрыв. Французы начали находить неудобным существующее господство вышеназванных секций (то есть секций № 9 и № 12. — *Н. Р.*)... Обе немецкие секции, которые там находятся, открыто гово-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 226/6.

[2] Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5618.

рят нашим людям, что они хотят объединиться, чтобы можно было выступить против лжецов. Итальянцы сообщили нам о себе как об организации, которая придерживается взглядов Генерального Совета. А среди ирландцев вообще не нужно вести никакой пропаганды, пока здешняя организация объединяется с секцией № 12 и ее сторонниками»[1].

Много сил и труда, много дипломатии и энергии проявил Зорге, пытаясь установить контакты с сепаратистским советом, чтобы добиться объединения с ним. Но все попытки окончились неудачей. Сепаратистский Федеральный совет отклонил все предложения, заявив одновременно о намерении основать свой собственный Интернационал в Северной Америке, независимо от «иностранцев» и Генерального Совета[2].

Итак, исчерпав все средства, Зорге сообщил 7 мая 1872 г. Генеральному Совету: «Временный совет сделал все, что было возможно, не изменив принципам. Ему придется теперь идти своим путем в одиночестве»[3].

Получив последние сведения от Зорге, Маркс окончательно убедился в невозможности объединения обоих федеральных советов, сохранив пролетарский характер Товарищества, поэтому 28 мая по предложению Маркса и Энгельса Генеральный Совет признал Федеральный совет на Уорд-отель, 10 единственным руководящим органом Интернационала в США, ибо им стало понятно, что сохранение такого двойственного положения в организации Интернационала подрывает его авторитет в американском рабочем классе и способствует проникновению в его ряды чужеродных элементов. А 29 мая Маркс писал Зорге: «...Генеральный Совет решил, что ваш совет является единственным, который состоит с ним в регулярных сношениях и поэтому признан им»[4].

Это решение Генерального Совета, а также большая работа, проведенная Федеральным советом по инициативе Зорге среди отколовшихся секций, способствовали

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 226/7.
[2] Там же, ед. хр. 226/8.
[3] Там же, ед. хр. 226/9.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 405.

разоблачению секции № 12 в глазах ее бывших сторонников и широких рабочих масс. Постепенно секции отозвали своих делегатов из сепаратистского совета, так что к концу мая 1872 г. из него вышло 10 секций, и остались в нем, как писал впоследствии Энгельс, «только те сомнительные американские элементы, которые еще и до своего вступления в Интернационал фактически составляли одно целое: г-жу Викторию Вудхалл и ее окружение» [1].

Приближался июль 1872 г. — месяц первого съезда Североамериканской федерации Международного Товарищества Рабочих, который должен был сыграть важную роль в ее жизни, закрепить победу пролетарских элементов над буржуазно-реформаторскими и выработать линию ее дальнейшего развития. Поэтому Зорге требовал от Федерального совета особой тщательности в подготовке этого съезда. Отныне и вплоть до начала съезда Североамериканской федерации Зорге всю свою деятельность направил на то, чтобы добиться укрепления влияния нового Федерального совета и доверия к нему среди секций и широких рабочих масс. Эта деятельность не прошла даром, так как уже накануне съезда многие секции заявили о своем одобрении его программы, опубликованной по инициативе Зорге еще в мае 1872 г., и о своем обязательном участии в нем. Еще больше энергии и дипломатии требовалось от Зорге на самом съезде, куда он был избран делегатом от французской секции из Сан-Франциско. На съезде, который продолжался 3 дня, 6—8 июля 1872 г., был принят ряд важных решений.

Во-первых, был точно определен количественный состав Федерального совета в размере 9 человек. Это решение предложил Зорге, который под влиянием Маркса окончательно убедился во вреде так называемого делегатского принципа организации руководящего органа федерации. Именно этот принцип во многом способствовал проникновению в него самых случайных людей, заведомо враждебно настроенных к Интернационалу.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 18, стр. 97.

Во-вторых, было принято решение об обязательном пролетарском составе секций по крайней мере на $^3/_4$, что и было закреплено в уставе Североамериканской федерации, организационно оформленной на этом съезде.

В-третьих, в новом уставе получила отражение одна из важных сторон деятельности федерации — борьба за влияние на тред-юнионы, к которой звал Зорге, выполняя указание Маркса. Вся работа руководимого Зорге Центрального комитета шла под этим лозунгом, ибо он считал, что Интернационал черпает в тред-юнионах силу, подобно Антею[1]. В статье 9 второго раздела устава о секциях было прямо записано: «Все секции приглашаются установить хорошие отношения с тред-юнионами и способствовать их формированию»[2]. Так осуществлялся наказ Маркса о том, что необходимо во что бы то ни стало завоевать тред-юнионы[3]. Вместе с тем это решение означало победу марксистов во главе с Зорге над лассальянцами, которые выступали против участия в работе массовых организаций американского рабочего класса, что тормозило установление связи марксистов с массовым движением трудящихся.

В-четвертых, в соответствии с решениями Лондонской конференции 1871 г. о создании пролетариатом разных стран своих самостоятельных политических партий было принято решение об отношении Североамериканской федерации Интернационала к существующим в стране политическим партиям буржуазии. В этом решении говорилось о том, что задачей Североамериканской федерации является «освободить рабочий класс от влияния и власти всех политических партий и доказать ему, что существование этих партий является преступлением и угрозой рабочему классу», а также «сплотить рабочий класс для общего независимого действия в его собственных

---

[1] «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С.-Петербург, 1907, стр. 21.

[2] «Rules and Regulations of the North American Federation of the International Workingmens Association, adopted by the first annual congress which was held on the 6th, 7th and 8th of July 1872, in N. Y.», p. 3. Перевод дается по книге: *Л. И. Зубок.* «Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918». М., 1962, стр. 86.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 271.

интересах, не подражая продажным организациям современных политических партий»[1]. Это важное решение ставило перед марксистами во главе с Зорге задачу создания самостоятельной политической рабочей партии в Северной Америке — задачу очень сложную в той обстановке, которая создалась в стране.

В-пятых, съезд одобрил и подтвердил все решения Генерального Совета относительно положения в Североамериканской федерации и решения Лондонской конференции 1871 года.

Жаркие прения развернулись на съезде вокруг вопроса о выборе делегатов на общий конгресс Интернационала в Гааге. Вопрос о том, кто будет избран на Гаагский конгресс от Североамериканской федерации, имел большое значение, ибо, как писал Маркс Зорге 21 июня 1872 г., *«на этом конгрессе речь будет идти о жизни или смерти Интернационала»*[2]. Поэтому необходимо было избрать таких людей, которые оказали бы на конгрессе безусловную поддержку линии Генерального Совета, выработанной Марксом и Энгельсом в их борьбе против бакунистов. Сам Маркс считал, что таким делегатом от Североамериканской федерации может и должен быть только Зорге[3]. После долгих дебатов на съезде было принято решение послать в Гаагу двух делегатов — Зорге и Дерёра, участника Парижской Коммуны, бывшего члена французской секции № 2. Избрание Зорге делегатом на всеобщий конгресс в Гааге было высокой оценкой его деятельности по руководству федерацией.

Участие Фридриха Адольфа Зорге в Гаагском конгрессе — последнем конгрессе Международного Товарищества Рабочих — представляет огромный интерес, ибо, с одной стороны, именно на этом конгрессе с яркой определенностью проявилась верность Зорге идеям научного коммунизма, его зрелость как марксиста, а с другой стороны, участие его в этом конгрессе было большой и

---

[1] J. R. Commons and associates. «History of Labor in the United States». New York, 1926, vol. II, p. 214.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 413—414.
[3] Там же.

полезной школой для всей его последующей деятельности.

19 августа 1872 г. Зорге вместе с Дерёром прибыл в Лондон и на следующий же день с утра отправился к Карлу Марксу, который с необыкновенной сердечностью встретил своего верного ученика и преданного друга и соратника. Так же сердечно встретили Зорге Энгельс, Лонге, Франкель и другие. Они информировали Зорге о положении дел в Генеральном Совете и в различных национальных федерациях. Присутствуя на последнем заседании Генерального Совета, слушая Маркса и его соратников, Зорге понял, что на Гаагском конгрессе должен быть окончательно решен вопрос об идейном и организационном разгроме бакунистов. Этот конгресс должен был стать также важнейшим этапом в борьбе Маркса, Энгельса и их соратников за идейные и организационные основы пролетарской партии, должен был наметить переход к новым организационным формам, соответствующим изменившимся потребностям рабочего движения.

1 сентября 1872 г. Зорге вместе с остальными делегатами, едущими из Лондона, приехал в Гаагу. Вот как описывает Зорге свои первые впечатления об этом городе: «В Гааге почти нет промышленного рабочего класса. Двор и его свита, чиновники и служащие составляют ее жителей. Жители с удивлением смотрели на нас, как на чудовищ и сказочных зверей, и не было недостатка в оскорблениях, хотя к концу недели народ стал относиться к нам более терпимо»[1].

С первого дня работы Гаагского конгресса Зорге не пропускает ни одного его заседания, активно участвуя в дискуссиях, голосовании и руководстве конгресса, и оказывает самую безусловную поддержку линии Маркса. Первое его выступление происходит на третьем утреннем заседании конгресса 3 сентября во время проверки и утверждения мандатов делегатов, что имело исключительно важное значение для будущей работы конгресса. На этом заседании Сова, делегат трех отколовшихся

---

[1] *Gerth.* «The First International. Minutes of the Haque congress of 1872». Madison, 1958, p. 245.

секций Североамериканской федерации № 2, 29 и 42, выступил с нападками на мандат Зорге. В ответ на его нападки Зорге заявил, что его мандат выдан ему съездом Североамериканской федерации, и спросил: «А какие выборы могут быть более законными, чем выборы, произведенные всеобщим съездом страны?»[1]. И мандат Зорге был признан конгрессом действительным. Одновременно Зорге поставил под сомнение мандат Сова и мандат Уэста, полученный им от секции № 12. Особенно горячо дебаты развернулись по поводу мандата Уэста. В ответ на полуторачасовую речь Уэста, в которой последний пытался оправдать все действия своей секции, Зорге разоблачил сектантскую позицию секции № 12, отказавшейся признавать руководящую роль Генерального Совета и подчиниться его решениям, и заявил: «Мы здесь требуем дисциплины и подчинения не лицам, а принципу и организации»[2]. В своем выступлении Зорге нарисовал яркую картину подрывной деятельности секции № 12 и положения в американском рабочем классе, потребовав утвердить решение съезда Североамериканской федерации об исключении секции № 12: «Очистите нас от вредных элементов и дайте нам таким образом открытое поле и свободу действия, чтобы мы могли из Интернационала в Америке сделать нечто достойное!»[3]. Предложение Зорге было поддержано Марксом, в результате чего мандат Уэста был признан недействительным, а вместе с этим было подтверждено решение Федерального совета Северной Америки об исключении секции № 12 из федерации: «Международное Товарищество Рабочих, базирующееся на принципе уничтожения классов, не может допустить никакой буржуазной секции»[4].

4 сентября 1872 г. Зорге избирается в состав президиума конгресса в качестве заместителя председателя, а с 7 сентября он становится председателем конгресса,

---

[1] Отчет о Гаагском конгрессе, заседание 2 сентября. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5926.

[2] Там же, заседание 4 сентября.

[3] Там же.

[4] Там же.

стремясь всеми имеющимися в его распоряжении средствами парализовать демагогическую деятельность открытых бакунистов и солидаризирующихся с ними делегатов Испании, Италии и др., мешавших деловому обсуждению важнейших вопросов.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на конгрессе, был вопрос об организационных принципах Товарищества и роли его руководящего органа. В частности, речь шла об усилении полномочий Генерального Совета. В борьбе против организационных принципов марксизма объединились все дезорганизаторские элементы — от бакунистов до английских тредюнионистов. Но их попытка навязать всему Интернационалу бакунистский план организационного построения Товарищества и превратить Генеральный Совет в «почтовый ящик» [1], по выражению Маркса, встретила твердое сопротивление пролетарских революционеров и марксистов. Позицию бакунистов по этому вопросу изложил Гильом, который, желая опорочить Генеральный Совет и его руководителей, заявил, что в экономической борьбе труда и капитала, а также в организации революций Генеральный Совет не проявил своей власти, не организовал ни одной стачки, ни одной революции. Со страстной и яркой речью в защиту Генерального Совета и его руководителей выступил Зорге. Он показал, что вся история Первого Интернационала является опровержением нелепых измышлений Гильома. Генеральный Совет, говорил Зорге, действительно не устраивал никаких стачек, не посылал тайных приказов, но всегда там, где возникали стачки и где требовалась помощь моральная или материальная, он оказывал ее и всегда успешно, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Генерального Совета, а также ежегодные отчеты конгрессам. В качестве примеров такой помощи Зорге напоминает о забастовке парижских бронзовщиков, английских машинистов и нью-йоркских рабочих Зингеровской швейной фабрики. Что же касается общего политического руководства со стороны Генерального

---

[1] Отчет о Гаагском конгрессе, заседание 4 сентября. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5926.

Совета, то Зорге страстно выступил с защитой деятельности Генерального Совета: «Если даже Генеральный Совет и не является генералом, то все же он должен быть генеральным штабом, который формирует и организует кадры. Если Гильом желает видеть Международное Товарищество Рабочих без головы, то этим он унижает его до степени низших животных организмов. Мы желаем иметь не только голову, но голову, полную мозга (при этих словах Зорге все присутствующие обращают свои взоры на Маркса), и если наши враги стреляют из пушек, то мы не хотим отвечать на их огонь горохом или мелкой дробью»[1]. По поручению первого съезда Североамериканской федерации Зорге прямо высказался за расширение полномочий Генерального Совета и строгую централизацию. «Нам нужна централизация, — заявил Зорге с трибуны Гаагского конгресса, — без нее мы были бы беспомощны перед лицом правящих классов. Следовательно, нам нужен Генеральный Совет, а если Совет сделал недостаточно, то это потому, что он не имел достаточных полномочий. Эти полномочия мы и должны ему дать»[2]. И он проголосовал вместе с Марксом и его соратниками за включение в Устав Интернационала новых статей № 2 и № 6, которые расширяли полномочия Генерального Совета.

Затем конгресс приступил к избранию нового Генерального Совета и его местопребывания. Для Зорге было большой неожиданностью предложение Энгельса перенести местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк, и он при голосовании этого вопроса воздержался, понимая, какая огромная ответственность будет возложена в связи с этим на американских членов Интернационала, и боясь, что они не подготовлены для этого. Энгельс предложил также избрать в состав Генерального Совета новый Федеральный совет Североамериканской федерации с правом кооптировать еще 7 человек, чтобы число членов Генерального Совета не превышало 15. Против этого предложения выступил Сова,

---

[1] Отчет о Гаагском конгрессе, заседание 6 сентября. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5926.

[2] Там же.

заявив, что в новом Федеральном совете Северной Америки преобладают немцы. Это заявление было опровергнуто Зорге, который, перечислив фамилии членов Совета, показал, что в его состав входят всего лишь 3 немца, остальные — 2 ирландца, 1 француз, 1 швед и 1 итальянец. Тогда Сова представил свой список Генерального Совета, в который он включил и кандидатуру Зорге. Но Зорге отклонил свою кандидатуру. После этого прошло предложение Лафарга об избрании 12 членов Генерального Совета, в основном членов Североамериканской федерации, с правом кооптации еще 3 человек.

И по всем остальным вопросам Зорге оказал самую определенную поддержку Марксу и Энгельсу. На последнем заседании Гаагского конгресса Зорге внес предложение Североамериканской федерации, касающееся упорядочения представительства на конгрессах и упрощения наименования обществ, принадлежащих к Интернационалу. Такой же наказ был дан Энгельсу секцией № 6, от которой он получил свой мандат. Но этот вопрос остался нерешенным. В половине первого ночи 7 сентября Гаагский конгресс закончил свою работу. Зорге, как его председатель, объявил пятый конгресс Международного Товарищества Рабочих закрытым и провозгласил лозунг: «Ура труду!».

Участие Зорге в этом конгрессе, явившемся кульминационным пунктом развития Интернационала, оказало на него большое влияние. Повседневное непосредственное общение с вождями международного пролетариата — Марксом и Энгельсом было большой идейной и политической школой, где он набирался опыта и знаний для будущего руководства нью-йоркским Генеральным Советом и Международным Товариществом Рабочих на последнем этапе его существования, твердо и непреклонно проводя линию, намеченную Марксом и Энгельсом на Гаагском конгрессе.

С этого момента Фридрих Адольф Зорге выходит на арену международного рабочего движения.

Проследив день за днем, месяц за месяцем деятельность Зорге первоначально в Центральном комитете, затем во временном Федеральном совете, руководителем

и душой которых он был, мы видели, что ни один шаг, ни одно важное решение не было принято в Североамериканской федерации без участия Зорге. И эту деятельность Зорге вожди мирового пролетариата высоко ценили. Недаром Маркс еще в ноябре 1871 г. писал о Зорге: «Что касается Зорге..., я убежден, что Генеральный Совет должен быть ему очень благодарен за его деятельность, — мнение, которое я неоднократно высказывал в Генеральном Совете» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 271.

И. П. ОСОБОВА

ВИЛЬГЕЛЬМ ЭЙХХОФ — АВТОР ПЕРВОЙ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Вильгельм Эйххоф принадлежит к славному отряду первых деятелей пролетарского движения, учеников и соратников Маркса и Энгельса в Международном Товариществе Рабочих. Неутомимый журналист и публицист, один из руководителей Берлинской секции Интернационала, Эйххоф сыграл значительную роль в пропаганде идей научного коммунизма и распространении влияния Интернационала в широких массах немецкого рабочего класса. Эйххоф прошел сложный путь от мелкого полицейского чиновника до уполномоченного Генерального Совета Интернационала в Берлине, от мелкобуржуазного радикала до сознательного борца за освобождение рабочего класса. Нередко ему приходилось переживать тяжелые дни нужды, полицейских гонений и недоверия друзей. Но несмотря на все лишения, он оставался стойким борцом, не изменившим своим убеждениям. Дружба с Марксом и Энгельсом, под влиянием которых сформировались взгляды Эйххофа, проходит яркой нитью через всю его жизнь.

В исторической литературе об Эйххофе писали мало. Несколько беглых упоминаний о его деятельности в Берлинском рабочем союзе имеются в работе ревизиониста Э. Бернштейна, посвященной рабочему движению в Берлине. Сравнительно немного места уделено Эйххофу в труде Меринга по истории германской социал-демократии. Отдельные замечания встречаются в работе

Лайдихкайта[1] и других историков. Единственной работой, где ему уделено значительное место, является статья Г. Гемкова, в которой освещается деятельность Эйххофа в Берлинской секции Международного Товарищества Рабочих[2].

То обстоятельство, что деятельность Эйххофа только сейчас становится предметом изучения, объясняется, очевидно, известной недооценкой его роли и отчасти скудостью дошедших до нас материалов (в частности, почти полностью отсутствуют какие-либо сведения о первых 26 годах жизни Эйххофа).

Из имеющихся в нашем распоряжении источников наиболее ценными являются упоминания об Эйххофе в письмах и произведениях Маркса и Энгельса и письма Эйххофа к ним. Переписка Эйххофа с основоположниками научного коммунизма началась в 1860—1861 годах и продолжалась более тридцати лет, почти до самой его смерти[3]. Она дает возможность восстановить хронологическую канву его жизни, проследить эволюцию его теоретических взглядов, выяснить основные этапы его деятельности в немецком рабочем движении. Немногочисленные упоминания об Эйххофе содержатся в письмах Лассаля, Либкнехта, Кугельмана, Боркхейма и других. Наконец, важный круг источников составляют произведения самого Эйххофа — его книги и статьи в периодической печати.

---

[1] *Э. Бернштейн.* «История рабочего движения в Берлине». СПб. 1908, стр. 179; *Меринг.* «История Германской социал-демократии», т. II, стр. 280—281; *Leidigkeit.* «Wilchelm Liebknecht und August Bebel in der deutschen Arbeiterbewegung 1862—1869». Berlin, 1958.

[2] *H. Gemkow.* «Zur Tätigkeit der Berliner Sektion der I. Internationale». In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», № 3, 1959.

[3] Из 66 писем Эйххофа Марксу и Энгельсу, имеющихся в нашем распоряжении, первое письмо — Марксу датируется 16 февраля 1861 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1215), последнее письмо — Энгельсу датируется 26 ноября 1890 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5092). К сожалению, ответные письма Маркса и Энгельса не сохранились, так что о содержании их приходится только догадываться по ответам Эйххофа или иногда по краткому изложению в письмах Маркса и Энгельса друг другу.

* * *

Эйххоф родился в 1833 г. в довольно состоятельной семье. Закончив университетский курс, он получил степень доктора прав[1] и поступил на службу в Берлине в качестве мелкого полицейского чиновника[2]. Знакомство Эйххофа с полицейской системой Пруссии, являвшейся оплотом крайней реакции и как в фокусе собравшей все отвратительные черты юнкерского государства, не замедлило сказаться.

Во второй половине 1859 г. в лондонской еженедельной газете «Hermann», издававшейся группой немецких мелкобуржуазных демократов, появился ряд анонимных корреспонденций из Берлина, вызвавших сенсацию. Статьи неизвестного корреспондента под заголовком «Силуэт десятилетней коррупции в Пруссии» печатались регулярно почти из номера в номер с августа по ноябрь[3]. Статьи принадлежали Вильгельму Эйххофу.

Согласно свидетельству автора, поводом к их написанию послужило письмо одного берлинского дельца, в котором тот защищался от обвинений в совершении тайных денежных махинаций под покровительством министра-президента Пруссии Мантёйфеля. Вслед за разъяснением истинного характера этих операций в № 32 газеты «Hermann» последовала серия разоблачений нравов, процветавших в государственном аппарате Пруссии. Острие направлялось против прусской полицейской системы и ее носителей, главным образом против полицейдиректора Штибера. Карьере начальника прусской политической полиции было посвящено семь статей[4]. Биография Штибера являлась, по словам автора, «историей тайного прусского шпионажа, его возникновения, его демагогических кровавых расследова-

---

[1] Эти биографические сведения требуют дополнительного исследования (см. *W. Eichhoff*. «Berliner Polizei-Silhouetten». Berlin, 1860, S. 25—29).

[2] Эйххоф — Марксу, 31 октября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2325).

[3] «Hermann» №№ 31—38, 40, 42, 43, 45; 6, 13, 20, 27 августа, 3, 10, 17, 24 сентября, 8, 22, 29 октября и 12 ноября 1859 г.

[4] Статьи в №№ 36—38, 40, 42, 43 и 45 в «Hermann» печатались с подзаголовком «Штибер».

ний — являлась историей штиберовской шпионской системы»[1].

В № 42 от 22 октября 1859 г. разоблачалась провокаторская роль Штибера на организованном прусским правительством в 1852 г. кёльнском процессе коммунистов. На основании сведений, публиковавшихся в печати, а также на основе полученного им «наследства»[2] Эйххоф заклеймил подлог и клятвопреступление Штибера по поводу мнимой «книги протоколов», его провокаторскую роль и лжесвидетельство по так называемому заговору Шерваля. В это время Эйххоф не был знаком с книгой Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», что объясняет некоторые неточности в его изложении[3].

Статьи вызвали интерес Маркса. Имея возможность ознакомиться с их оригиналом, он с возмущением писал Энгельсу о том, что редактор газеты, мелкобуржуазный демократ Юх, значительно сократил часть корреспонденции Эйххофа, посвященной кёльнскому процессу[4], в связи с чем Маркс собирался «как следует прочистить мозги» редактору Юху[5]. В том же письме Маркс отметил и ограниченность задачи, которую ставил перед собой Эйххоф, — защита полицейского чиновника Дункера, уволенного под воздействием Штибера[6]. Однако, каковы бы ни были побудительные мотивы Эйххофа,

---

[1] «Hermann» № 37, 17. IX. 1859, S. 294.

[2] См. «Hermann» № 42, 22. X. 1859, S. 332. Очевидно, имеются в виду полицейские материалы, происхождение и характер которых нам неизвестны (см. примечание 6).

[3] Эйххофу, например, осталось неизвестным истинное лицо и роль провокатора Шерваля (под этим именем действовал полицейский агент Кремер) и т. д.

[4] Маркс писал Энгельсу 13 декабря 1859 г.: «Эти паршивые собаки вычеркнули в «Hermann» из разоблачений Эйххофа, направленных против Штибера, все относящееся к нашему процессу, и в них только *мимоходом* говорится о «маленькой незначительной партии»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 29, стр. 425).

[5] Там же, стр. 425.

[6] Там же, стр. 425—426. Поводом для этой оценки послужила последняя статья серии («Hermann» № 45, 12 ноября 1859 г.), в которой Эйххоф превозносит достоинства Дункера. Вполне вероятно, что Дункер из чувства личной мести передал Эйххофу ряд разоблачающих Штибера сведений, что и сыграло известную роль в появлении корреспонденций.

объективное значение его статей превзошло первоначальные замыслы автора.

Статьи произвели в Германии огромное впечатление. Обозреватель реакционной немецкой газеты «Neue Preussische Zeitung» 18 сентября 1859 г. писал: «Выходящий в Лондоне журнал Кинкеля «Hermann»[1] в течение нескольких недель публикует статьи одного из своих берлинских корреспондентов, затрагивающие деятельность здешнего полицейского управления, статьи, которые по своей дерзости превосходят все, что появлялось до сих пор в этом роде»[2]. Ввиду необычайной осведомленности корреспондента авторство статей приписывалось различным лицам, занимавшим ответственные посты в полиции, в частности барону фон Келлеру, бывшему мантёйфелевскому агенту[3].

Берлинская полиция приняла контрмеры. В октябре, ноябре и декабре 1859 г. начинаются конфискации еженедельника «Hermann» на прусской границе, так что берлинские подписчики за эти месяцы почти не получали газеты[4].

Штибер после тщетной попытки прекратить путем крупной взятки печатание компрометирующих материалов возбуждает против автора корреспонденций процесс, обвиняя его в клевете. Слушание дела назначается на 22 декабря 1859 года.

В этот период Маркс и возглавляемая им группа пролетарских революционеров подверглись грубым нападкам бонапартистского агента Карла Фогта. В декабре 1859 г. вышла клеветническая книга Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», в январе 1860 г. берлинская буржуазная газета «National-Zeitung» воспроизвела в двух передовых статьях содержание фогтовской брошюры. Маркс привлекает «National-Zeitung» к суду за клевету, а в ответ на нападки Фогта пишет свой блестящий памфлет «Господин Фогт», в котором выступает с защитой пролетарских революционеров от

---

[1] Кинкель редактировал «Hermann» до июля 1859 г., с августа владельцем и редактором газеты стал Юх.

[2] *W. Eichhoff*. «Berliner Polizei-Silhouetten». Berlin, 1860, S. 9.

[3] Там же, стр. 10.

[4] Там же, стр. 11—14.

злостных нападок идеологов буржуазии. Маркс писал Фрейлиграту 23 февраля 1860 г., что эта борьба против грязной фогтовской кампании лжи и клеветы «имеет решающее значение для *исторического оправдания* партии и для ее будущего положения в Германии»[1]. В письме Энгельсу от 20 декабря 1859 г. он подчеркивал, что на процессе Штибера — Эйххофа кёльнский процесс коммунистов «будет вторым изданием публично слушаться в Берлине»[2]. В письме к Фрейлиграту от 29 февраля 1860 г. Маркс так оценивает значение будущего судебного разбирательства: ««Разоблачения», которые будут сделаны на этом процессе... *снимают* с бывших членов Союза даже видимость юридической *виновности* и *«разоблачают» прусскую полицейскую систему,* которая, раз утвердившись в результате «кёльнского процесса» и гнусной трусости кёльнских присяжных, выросла в Пруссии в господствующую силу, ставшую теперь, наконец, невыносимой даже для самих буржуа и для министерства Ауэрсвальда»[3].

В декабре 1859 г. Маркс встречается с редактором «Hermann» Юхом, который обратился к нему с просьбой предоставить материалы, необходимые для защиты Эйххофа. Маркс дает ему экземпляр своей книги «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», которая была немедленно отослана в Берлин Эйххофу[4].

Далее Маркс советует вызвать в качестве свидетеля защиты В. Гирша, бывшего прусского полицейского агента в Лондоне, причастного к фабрикации мнимой «книги протоколов» Союза коммунистов[5]. Маркс обращается к старым членам Союза, в частности к Фрейлиграту, с просьбой разрешить публикацию некоторых документов, если это потребуется по ходу процесса[6].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 373.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 427.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 399.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1064. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 427; т. 30, стр. 399.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 13, 399.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 373, 399. Фрейлиграт — Марксу, 28. II. 1860 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1099).

Книготорговца А. Печа Маркс просит держать его постоянно в курсе событий, посылая ему газету «Publicist» с отчетами о процессе[1]. Наконец, перед разбором дела в суде второй инстанции Маркс посылает в Германию подробные указания, которые через Лассаля передаются защитнику Эйххофа Левальду[2].

Разбор в суде первой инстанции, который несколько раз откладывался по требованию защиты, продолжался в Берлине с февраля по май 1860 года[3].

В ходе процесса двадцатисемилетний «литератор» Вильгельм Эйххоф проявил большое гражданское мужество и энергию, отличавшие его всю жизнь. Чтобы привлечь к процессу внимание общественности, он сам посылает подробные отчеты в гамбургскую литературную газету «Die Reform», где они печатаются с 5 марта по 31 мая 1860 года (с небольшими перерывами). Ход процесса освещался и в других буржуазных органах — «Publicist», «Berliner Gerichtszeitung»[4], «Vossische Zeitung»[5] и др.

Как и предвидел Маркс, процесс вышел далеко за рамки обычного процесса «о клевете»; основным его содержанием становится разоблачение махинаций прусской полиции в связи с кёльнским процессом коммунистов. Из обвиняемого Эйххоф превращается в обвинителя. Во многом это определилось тем, что Эйххоф внимательнейшим образом изучил посланную ему Марксом книгу «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»[6]. На одном из заседаний суда он заявил: «Я тщательно изучил кёльнский процесс коммунистов и вынужден поэтому не только полностью поддержать свое первоначальное обвинение Штибера в клятвопреступлении, но и расширить его в том смысле, что все показания Штибера на этом процессе были лживыми...

[1] Печ — Марксу, 18. IV. 1860 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1125).

[2] Лассаль — Марксу, 3. IX. 1860 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5462).

[3] *W. Eichhoff.* «Berliner...», S. 32—33.

[4] «Die Reform» № 34, 19. III. 1860.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 14, стр. 438.

[6] Главу из книги Маркса (о заговоре Шерваля) Эйххоф публикует в «Reform» № 39, Beilage, 31. III. 1860.

Приговор над кёльнскими подсудимыми был произнесен лишь на основании показаний Штибера... Все показания Штибера — последовательно совершенное клятвопреступление»[1]. В качестве свидетеля Эйххоф вызывает по совету Маркса В. Гирша, который 8 мая 1860 г. дает свои показания о том, каким путем была сфабрикована подложная «книга протоколов» — один из главных документов Штибера на кёльнском процессе[2]. Эйххоф не ограничивается разоблачением роли Штибера на процессе. Он клеймит всю прусскую полицейскую систему политического шпионажа, весь реакционный прусский режим. «Кёльнский процесс коммунистов играет в истории хинкельдеевской[3] шпионской системы выдающуюся роль: с него берет начало все дальнейшее существование политической полиции в Пруссии», — заявляет Эйххоф[4]. Он разоблачает грязные методы подлога и лжесвидетельства, с помощью которых строилось обвинение, и показывает классовый характер суда присяжных, который не оставлял ни тени сомнения в исходе процесса: «Среди присяжных были представители верхушки буржуазии, городского патрициата, юнкеров, государственные советники, камергеры и профессора — одним словом, только представители господствующих классов, резко враждебных коммунистам»[5].

Самого Эйххофа судил тот же прусский сословный суд. «Процесс был бы чрезвычайно прост, — писал Маркс Лассалю 2 июня 1860 г., — если бы правительство действовало добросовестно, но при данных условиях вести его весьма трудно»[6]. Несмотря на явные улики, Штибер был оправдан послушными судьями, хотя его все-таки пришлось уволить с поста берлинского полицей-директора (тем самым частично цель процесса

---

[1] Маркс цитирует это заявление Эйххофа в своей книге «Господин Фогт» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 14, стр. 438).

[2] «Die Reform» № 59, Beilage, 16. V. 1860, S. 2.

[3] К. Хинкельдей с 1853 г. был начальником департамента полиции в Пруссии.

[4] *W. Eichhoff*. «Berliner...», S. 30.

[5] Там же [ср. *К. Маркс*. «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (Соч., 2 изд., т. 8, стр. 428)].

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 30, стр. 450.

была достигнута)[1]. Эйххоф же 16 мая 1860 г. был признан судом первой инстанции виновным в клевете и оскорблении Штибера и приговорен к 14 месяцам тюремного заключения[2].

Таков был финал шестимесячного судебного разбирательства.

Этот процесс стал поворотным пунктом для всей дальнейшей жизни Эйххофа, он во многом определил направление его будущей деятельности. Эйххоф проникается глубокой ненавистью к политическому строю Пруссии, понимает необходимость уничтожения существовавших в Германии реакционных порядков. Он становится на путь политической борьбы. Во время процесса он заочно знакомится с Марксом и по его книге — с деятельностью Союза коммунистов — первой руководимой Марксом пролетарской организации, что предопределяет в дальнейшем его поворот к рабочему движению.

Исход процесса не обескуражил Эйххофа. Он подает апелляцию в высшие судебные инстанции и снова берется за перо, чтобы подвести итоги и «продолжить начатую борьбу»[3]. Он пишет книгу «Berliner Polizei-Silhouetten» («Берлинские полицейские силуэты»), в которой подробно излагает историю своего процесса и выступает с резкой критикой прусского государственного строя. На опыте собственного политического процесса Эйххоф познакомился с полицейским произволом, с погрязшим в коррупции прусским чиновничеством, с ничтожеством прусских государственных деятелей вплоть до принца-регента. Его книга является ярким изобличением всей системы «бездушной прусской бюрократии»[4].

Книга выходила отдельными выпусками — сериями. Первая серия была написана в августе и вышла 4 сентября 1860 г. в Берлине.

Сразу же после выхода книги Эйххоф посылает два экземпляра Лассалю с просьбой отослать один Марксу

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 15, стр. 44—45. *Меринг*. «История германской социал-демократии», т. II, стр. 280—281.

[2] *W. Eichhoff*. «Berliner...», S. 29.

[3] Там же, Zweite Serie, S. 5.

[4] Там же, Vierte Serie, S. 46.

в Лондон[1]. Книга не отличалась большими литературными достоинствами, но содержание ее Маркс оценил высоко. Он писал Энгельсу 15 сентября 1860 года: «Раздел II о Пацке[2] и т. д., как он ни плохо написан, заставляет смеяться до упаду. Кроме того, ты видишь, как обстоит дело с паршивыми судами в Берлине. Подлая пресса в Берлине изливает все свое либеральное львиное мужество на короля-бомбу[3], так что ей ничего не остается для ее Пацке, судов и презренного принца-регента»[4]. В тот же день Маркс писал Лассалю: «В Берлине вышли в свет «Полицейские силуэты» д-ра Эйххофа. Написаны они плохо, но содержат ценные факты. Бросают яркий свет на либеральную «полицию» и «суды» в Берлине»[5].

Не успела книга появиться, как была тотчас же конфискована берлинской полицией. Невзирая на преследования, в ноябре 1860 г. Эйххоф выпускает вторую серию и экземпляр ее снова отсылается Марксу[6]. Маркс намеревался организовать перевод брошюры на английский язык и опубликовать его целиком или в выдержках, но это намерение осталось неосуществленным[7]. На этот раз дело не ограничивается запрещением продажи книги. Эйххофу предъявляется обвинение в «оскорблении его величества», книга расценивается как «угроза общественному спокойствию»[8].

Не дожидаясь решения своих судебных дел и опасаясь нового процесса, грозившего серьезными неприятностями, Эйххоф покидает Берлин и через Гамбург и

---

[1] Эйххоф — Лассалю, 5. IX. 1860 (ЦПА ИМЛ, ф. 183, III, 1521). Лассаль, однако, задержал отсылку книги, и Маркс пользовался другим, «единственным в Лондоне экземпляром» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 69).

[2] Пацке — прусский полицейский чиновник, начальник полиции Берлина.

[3] — неаполитанский король Фердинанд II.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 69.

[5] Там же, стр. 466.

[6] Эйххоф — Лассалю, 14. XII. 1860 (ЦПА ИМЛ, ф. 183, III, ед. хр. 1520); Лассаль — Марксу, 19. I. 1861 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5468).

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 476.

[8] Эйххоф — Марксу, 16. II. 1861 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1215).

Киль в феврале 1861 г. уезжает за границу, в Англию, чтобы «иметь возможность для дальнейшей деятельности» [1].

Необходимо отметить, что в это время Эйххоф оставался типичным представителем радикально настроенной мелкобуржуазной интеллигенции. При всех своих симпатиях и интересе к рабочему движению он еще не становится пролетарским революционером. Его социальные взгляды довольно неопределенны. Он подвергает резкой критике прусское государственное устройство, но требования его носят буржуазно-либеральный характер. Его идеалы государственного устройства Пруссии весьма умеренны, скорее всего, это — конституционная монархия. В четвертой серии «Берлинских силуэтов» он пишет: «Пруссия должна... стать конституционным государством. В каждом конституционном государстве права короны и народа в отношении закона и управления должны разделяться таким образом, чтобы законодательная власть осуществлялась совместно согласно договору между ними, исполнительная же власть предоставляется короне, но на основе законов и притом в виде ответственного перед народом министерства. Нарушения с той или другой стороны приводят к революции снизу или сверху, к мятежу или государственному перевороту, к двум явлениям, которые, по существу, отличаются тем, что государственный переворот сохраняет видимость законности, а мятеж возникает в результате открытого призыва» [2].

Преодоление этих либеральных иллюзий происходит уже в период эмигрантской жизни Эйххофа. Решающую роль в его духовном развитии сыграли встреча и общение с Марксом и Энгельсом.

---

[1] В Лондоне он выпускает еще две серии «Силуэтов» — третью в июне, четвертую — в сентябре 1861 года. Обе они, как и две первые, были запрещены в Берлине (Эйххоф — Марксу, 23. XII. 1862, ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1340).

[2] Мы подробно привели эту выдержку, так как в статье Г. Гемкова (цит. выше) Эйххоф в период эмиграции из Германии назван радикальным республиканцем.

* * *

Во время пребывания в Лондоне[1] Эйххоф очень сблизился с Марксом и его семьей. Он становится частым гостем в гостеприимном доме Маркса, а после переезда Эйххофа в Ливерпуль Маркс навещает его там[2]. В Англии Эйххоф изучает произведения Маркса. В одной из своих берлинских корреспонденций[3] он цитирует книгу «Господин Фогт», которую Маркс послал ему в Берлин сразу же после ее выхода в декабре 1860 г.

С Энгельсом у Эйххофа также устанавливаются дружеские отношения. Во время своих деловых поездок по Англии он всегда заезжал к Энгельсу в Манчестер[4]. Энгельс снабдил его книгой Вермута и Штибера «Коммунистические заговоры XIX столетия», по которой Эйххоф смог познакомиться с документами Союза коммунистов[5]. Энгельсу посылал Эйххоф для просмотра рукопись своей брошюры по шлезвиг-гольштейнскому вопросу, ставшему в начале 60-х годов основным спорным вопросом австро-прусского соперничества, приведшего к войне 1866 года (судьба брошюры нам неизвестна)[6].

В этот период жизни Эйххоф много занимается журналистской и публицистической деятельностью. Его корреспонденции, посвященные текущим политическим событиям, печатаются в ряде английских и немецких га-

---

[1] В Лондоне Эйххоф живет около года, а затем в начале 1862 г. поселяется с семьей в Ливерпуле (Эйххоф — Марксу, 1. I. 1862 (см. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1280); Эйххоф — Марксу, 24. II. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1287). Первое письмо помечено Лондоном, второе — Ливерпулем).

[2] Эйххоф — Марксу, 6. IV. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1297).

[3] Эйххоф — Марксу, 11. IV. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1301).

[4] Эйххоф — Марксу, 11. VII. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1336).

[5] Эйххоф — Энгельсу, 26. XI. 1863 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1420).

[6] Эйххоф — Энгельсу, 27, I. 1864, 29. I. 1864, 15. II. 1864 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1424, 1425, 1426).

зет — «Morning Star»[1], «Kölnische Zeitung»[2]. Он являлся постоянным корреспондентом ганноверской «Zeitung für Norddeutschland», в которой помещал статьи по вопросам международных отношений[3].

Письма и статьи Эйххофа этого периода свидетельствуют о коренном изменении его мировоззрения и, в первую очередь, его политических взглядов. Эйххоф выступает как убежденный республиканец. В апреле 1862 г. он посылает в английскую газету «Morning Star» восторженную заметку о Симоне Бернаре, французском республиканце, обвинявшемся в покушении на императора Наполеона III[4]. Он приветствует польское восстание 1863 г. и надеется, что искры его воспламенят всю Восточную Европу[5].

Для характеристики дальнейшей эволюции взглядов Эйххофа в этот период интерес представляет его полемика с мелкобуржуазными демократами — Готфридом Кинкелем и Бетцихом, которая развернулась в феврале — июле 1862 г. на страницах лондонского еженедельника «Hermann»[6].

В этой полемике Эйххоф отстаивает уже пролетарскую позицию Маркса против анархистской, псевдореволюционной тактики лидеров мелкобуржуазной демократии и существовавшей в 50-х годах сектантской фракции Виллиха — Шаппера. Он решительно отвергает обвинение Кинкеля в своей принадлежности к коммунистической «секте» Виллиха[7].

---

[1] Эйххоф — Энгельсу, 28. IV. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1308).

[2] Эйххоф — Марксу, 1. I. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1280).

[3] См. вырезки из этой газеты в справочном кабинете К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС.

[4] Эйххоф — Энгельсу, 28. IV. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1308).

[5] Эйххоф — Марксу, 9. II. 1863 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1383).

[6] См. об этом также письма Эйххофа Марксу от 24 февраля, 9, 11, 23 марта, 26 мая, 8 июня и 23 июля 1862 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1287, 1291, 1292, 1293, 1322, 1325, 1340) и Эйххоф — Юху, до 23 марта 1862 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1293).

[7] Эйххоф — Юху, до 23. III. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1293).

Маркс придавал большое значение разоблачению идеологии и тактики различных мелкобуржуазных течений с целью ограждения пролетариата от их влияния. Он оказал большую помощь Эйххофу, предоставив в его распоряжение материалы о Кинкеле, собранные для памфлета «Великие мужи эмиграции». Вся полемика проходила под руководством Маркса и при его непосредственном и деятельном участии [1]. Эйххоф постоянно держал его в курсе полемики, сообщал ему подробности в письмах, которые Маркс отсылал в Манчестер Энгельсу и Вольфу. Рукописи статей Эйххофа также отсылались на просмотр Марксу, и замечания его и Энгельса тщательно учитывались.

Таким образом, несмотря на скудость материалов, относящихся к этому периоду деятельности Эйххофа, ясно, что дружеские отношения с Марксом и Энгельсом, которые возникли в Англии и не прерывались на протяжении всей жизни Эйххофа, имели решающее значение для формирования его взглядов и постепенного превращения его в пролетарского революционера и публициста.

В годы эмиграции (1861—1866) Эйххофу приходилось зарабатывать на жизнь, занимаясь коммерцией. Но из-за его неопытности и «мании видеть все в розовом свете», как писал о его деловых качествах Энгельс Марксу 7 августа 1865 г. [2], его постоянно преследовали неудачи.

Получив небольшую сумму денег от матери, Эйххоф вложил ее в сентябре 1862 г. в одно довольно сомнительное предприятие — снаряжение судов, идущих из Германии через английские порты в тропики. Оказалось, что в Ливерпуль эти суда заходить не будут, и предприятие лопнуло, оставив Эйххофу долг в 100 ф. ст. [3] Затем под руководством Дронке он занимается рискованными агентурными делами, становится посредником в торговле самыми разнообразными товарами, от мыла до золингенских стальных изделий, рекламирует усовер-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 30, стр. 187.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 117.

[3] Эйххоф — Марксу, 30. IX. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1359).

шенствования для прядильного станка[1] и т. д. Все его коммерческие начинания терпят крах.

В феврале 1863 г. Эйххоф покидает Ливерпуль[2], переезжает из Манчестера в Брадфорд, оттуда в Лидс и, наконец, в мае 1863 г. устраивается в Лондоне в качестве торгового служащего[3], а в 1865 г. входит в правление одного акционерного общества по торговле шелком[4]. Однако и здесь его ждет неудача. Кризис 1867 г., начавшийся в Англии с ряда банкротств еще в 1866 г., окончательно разорил его.

Эйххоф решает вернуться в Германию. В марте 1867 г. он уже в Берлине.

* * *

В Германии также свирепствовал экономический кризис. Газеты сообщали ежедневно о десятках и сотнях банкротств, в промышленности и торговле царил застой. Огромных размеров достигла нужда среди крестьян, разоренных неурожаем. Рабочий класс Берлина, значительно выросший, страдал от безработицы и острой жилищной нужды. В дождливые и холодные дни полицейские участки были переполнены бездомными людьми.

Потрясения мирового экономического кризиса побудили Эйххофа заняться изучением экономических явлений жизни общества, интерес к которым возник у него еще в Англии в результате общения с Марксом. «Я наверстываю теперь то, что упустил в Англии, — занимаюсь исключительно политической экономией. Мне жаль, что вместо того, чтобы заниматься ею, я бесполезно потратил время, хотя его у меня было для этого достаточно», — пишет он Марксу 25 марта 1868 года[5].

---

[1] Эйххоф — Энгельсу, 1. XI. 1862 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1366); *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 275—276.

[2] Эйххоф — Марксу, 9. II. 1863 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1383).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 546.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 117, 190.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1838.

Возможно, известную роль в решении Эйххофа сыграло и то обстоятельство, что его брат, берлинский издатель и книготорговец Альберт Эйххоф, специализировался на выпуске экономической литературы[1].

Эйххоф изучает проблему кризисов, систему денег и банковского кредита, читает книги Шульце-Делича, Бастиа, Кэри, Дюринга, Лассаля[2]. О его критическом отношении к вульгарным буржуазным экономистам и изобретателям панацей от экономических бедствий и социального неравенства свидетельствует письмо Энгельсу от 16 марта 1867 года. Он пишет с иронией, что в Берлине «величайшими авторитетами по вопросам политической экономии наряду с Шульце и Фаухером является, очевидно, Давид Буттермильх (Д. Борн)»[3].

Как только выходит из печати первый том «Капитала», Эйххоф приступает к его изучению. Высоко оценив величайшее научное и революционное значение труда Маркса, Эйххоф много сделал в деле популяризации «Капитала» в Германии. Им самим или под его непосредственным влиянием в ряде немецких демократических и либеральных газет публикуется ряд статей, пропагандирующих идеи «Капитала», приводятся обширные выдержки из него. Разумеется, не всегда в этих статьях обнаруживалось понимание выводов Маркса, но в них неизменно подчеркивалось огромное значение его труда для рабочего класса.

Маркс пытался использовать любую возможность, чтобы разбить заговор молчания, созданный буржуазной прессой после выхода книги. 25 марта 1868 г. Эйххоф по его поручению передает Швейцеру разрешение на публикацию в газете «Social-Demokrat» отрывков из «Капи-

---

[1] В 1865 г. А. Эйххоф издает книгу Дюринга «Капитал и труд», в 1866 г. — «Критические основоположения учения о народном хозяйстве». В издательстве А. Эйххофа в 1869 г. выходит брошюра члена Генерального Совета Первого Интернационала И. Г. Эккариуса «Опровержение рабочим некоторых положений политической экономии Джона Стюарта Милля».

[2] Боркхейм — Марксу, 24. III. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1837).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5593.

тала». В отчете Марксу о своем визите к Швейцеру он пишет: «Ваш «Капитал» поразил его (а также и меня)»[1]. В марте, апреле и мае 1868 г. Эйххоф читает в рабочем обществе «Alt-Cölln», находившемся под влиянием лидера прогрессистов Шульце-Делича, цикл лекций « О причинах современных торговых кризисов». В этих лекциях, отчеты о которых печатались в немецкой демократической газете «Die Zukunft», он приводит выдержки из главы «Капитала» о деньгах, цитирует «Манифест Коммунистической партии». В целом эти лекции вряд ли давали истинно марксистское изложение вопроса. В частности, сохранился ряд критических замечаний Маркса по плану третьей лекции Эйххофа, в которой тот неверно освещал вопросы о торговых договорах и промышленном развитии Франции[2]. Энгельс подчеркивал односторонность выводов, сделанных лектором: «Эйххоф, наконец, закончил свои лекции о кризисах. Как и следовало ожидать, берлинский ипотечный кризис был солью и венцом всего»[3]. Но в общем лекции сыграли положительную роль. В них были подвергнуты критике идеи Шульце-Делича, Лассаля и др., что вызвало оживленную дискуссию среди рабочих[4].

Эйххоф внимательно следит за выходящей в Германии экономической литературой и 29 июня 1868 г. с возмущением сообщает Марксу о содержании невежественной рецензии на «Капитал», появившейся в журнале немецкого буржуазного экономиста Фаухера «Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte», в которой Маркс изображается как плагиатор Бастиа[5]. Маркс отвечает на эти нападки статьей «Мой плагиат у Ф. Бастиа»[6].

---

[1] Эйххоф — Марксу, 25. III. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1838).

[2] Эйххоф — Марксу, 9. IV. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1850).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 76.

[4] Эйххоф — Марксу, 25. III. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1838).

[5] Эйххоф — Марксу, 29. VI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1865).

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 325—326.

В июле 1868 г. в газете «Die Zukunft»[1] печатаются «Экономические письма», в которых, как пишет Маркс Энгельсу 4 августа 1868 г., «воздается хвала моей книге. В действительности же содержание этих писем большей частью списано из нее»[2]. Возможно, эти «Письма» и не принадлежат Эйххофу, но, несомненно, учитывая его связи с редакцией газеты, опубликование их явилось результатом его усилий.

* * *

Но наибольшая заслуга перед рабочим и коммунистическим движением принадлежит Эйххофу в деле распространения в Германии идей Международного Товарищества Рабочих. Его официальное вступление и деятельность в этой пролетарской организации начались не совсем обычно — с написания первой работы по истории I Интернационала, брошюры «Международное Товарищество Рабочих».

Замысел брошюры возник в связи с намерением брата Эйххофа, издателя, летом 1868 г. выпустить «Рабочий календарь» на 1869 год. Календари самого различного содержания, рассчитанные на все вкусы и взгляды, выпускались в то время в большом количестве. Издатель предназначал свой календарь для рабочих и намеревался поместить в нем в качестве передовицы статью о рабочем движении и главным образом о лассальянском Всеобщем германском рабочем союзе. Для Эйххофа, уже несколько лет знакомого с Марксом и выступавшего в связи с пропагандой «Капитала» против лассальянства, было ясно, что для рабочих нужно пропагандировать другие идеи и другую организацию. Он предложил брату посвятить передовую статью истории возникновения, распространения и деятельности Международного Товарищества Рабочих, характеристике его влияния в различных странах. Статью на эту тему он обещал написать сам. 6 июня 1868 г. он сообщил Марксу о своем плане «создать своего рода рекламу для

[1] «Die Zukunft», 25 и 29 июля 1868 г. (Morgenausgabe) (см. *G. Gemkow*. «Zur Tätigkeit...», «Beiträge» № 3, 1959, S. 524).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 105.

Международного Товарищества»[1] и в случае, если Маркс одобрит его инициативу, просил прислать ему необходимые для этого материалы. Маркс полностью одобрил намерение Эйххофа. Несмотря на тяжелое положение — две дочери в это время были больны скарлатиной — Маркс подбирает и посылает в Берлин большую пачку материалов. Кроме этого, Маркс пишет и посылает ему свои заметки. 26 июня 1868 г. он сообщает Энгельсу: «Пишу кое-что для Эйххофа. Завтра отправлю»[2]. Спустя два дня бандероль прибыла в Берлин, и уже 29 июня 1868 г. Эйххоф благодарит Маркса за материалы, «которые в действительности превзошли все мои ожидания. Я или дословно использую Вашу рукопись, или дополню и расширю ее согласно Вашим указаниям, во всяком случае вопрос ясен. Надеюсь, работа появится в свет уже в июле, чтобы своевременно оказать влияние здесь, в Вене, Лейпциге и т. д. в пользу Брюссельского конгресса»[3].

Таким образом, можно с большим основанием предположить, что Марксом был составлен подробный тезисный план работы, определивший ее структуру, общую направленность и основные выводы. Подтверждается это и тем, что работа была написана Эйххофом в рекордно короткий срок — за две недели. Она по объему вышла далеко за рамки статьи, и издатель решил выпустить ее в виде отдельной брошюры под названием «Международное Товарищество Рабочих. Его основание, организация, общественно-политическая деятельность и распространение»[4].

---

[1] Эйххоф — Марксу, 6. VI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1860).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 87.

[3] Эйххоф — Марксу, 29. VI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1865).

[4] *W. Eichhoff*. «Die Internationale Arbeiterassociation. Ihre Gründung, Organisation, politisch-sociale Tätigkeit und Ausbreitung». Berlin, Verlag von Albert Eichhoff, 1868.

«Рабочий календарь А. Эйххофа на 1869 год» («A. Eichhoff's Deutscher Arbeiter-Kalender für 1869») также был составлен и в количестве 10 000 экземпляров отпечатан в августе 1868 года (см. Эйххоф — Марксу, 22. VIII. 1868, ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1883; Эйххоф — Марксу, 24 июня 1869 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2012). Передовая статья, написанная самим издателем, была посвящена в основном истории Интернационала, причем материал цели-

Брошюра состоит из одиннадцати глав и заключения. Первые главы посвящены основанию Международного Товарищества, созданию его первых программных документов, трудностям начального периода. Описание митинга в Сент-Мартинс-холле, положившего начало Первому Интернационалу и прошедшего с необыкновенным «единодушием и энтузиазмом», заканчивается оценкой совершившегося события: «Люди сознавали, что открывают новую эру рабочего движения»[1].

Автор показывает, как с первых же шагов Товариществу пришлось бороться «с представителями отживающих форм движения», которые «примыкают к новым, чтобы сделать их проводниками старого»[2]. Речь идет о мадзинистах, представивших в качестве проекта программы и устава Интернационала свою старую политическую программу тайного общества, отрицавшую классовую борьбу и лишь слегка прикрашенную социалистической фразеологией. Этот проект устава «с самого начала подорвал бы условия существования Международного Товарищества Рабочих, которое не преследует цель создавать движение, а призвано лишь объединить и связать воедино уже имеющееся в разных странах разрозненное классовое движение»[3]. Таким образом, Эйххоф подчеркивает принципиально важное положение, являвшееся в период конституирования Товарищества основным вопросом борьбы, — *классово-пролетарский характер* новой организации.

Автор брошюры высоко оценивает роль Маркса в этот решающий момент истории Товарищества и созданные им программные документы Интернационала — Учредительный Манифест («своего рода программу»[4]) и Временный Устав. В брошюре публикуется полный

ком был взят из брошюры В. Эйххофа. Г. Гемков (цит. выше) приписывает авторство этой статьи К. Гиршу. Это неточность. Гиршу принадлежит следующая статья «Календаря», посвященная политическим событиям, — «Обзор 1868 года», подписанная его инициалами. Поскольку распространение «Календаря» шло плохо и расходы по печатанию не окупались, выпуск его был прекращен.

[1] *W. Eichhoff*. «Die Internationale Arbeiterassociation», S. 3, 4.

[2] Там же, стр. 4.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 1.

текст этих документов в новом переводе Эйххофа, сделанном с большой точностью и отредактированном самим Марксом.

Нужно подчеркнуть, что более ранние публикации Учредительного Манифеста в Германии — в «Mainzer Journal» в январе 1865 г., «Vorbote» в январе — марте 1866 г., «Mitteldeutsche Volkszeitung» в августе 1866 г. и даже авторский перевод, опубликованный в «Social-Demokrat» №№ 2 и 3, 21 и 30 декабря 1864 г., — не получили широкого распространения в Германии.

Лишним свидетельством довольно туманных представлений о программе Интернационала в Германии явился тот факт, что накануне Нюрнбергского съезда Союза немецких рабочих обществ, когда обсуждался вопрос об отношении к Товариществу, вместо текста Манифеста в «Arbeiterhalle», а затем в «Demokratisches Wochenblatt» было опубликовано начало статьи Беккера «Was wir wollen und sollen» из № 1 «Vorbote» за 1866 г. Ошибка эта, правда, была тут же исправлена [1]. Эйххоф также ничего не знал о существовавших уже переводах Учредительного Манифеста и в ответ на запрос Дрезденского просветительного рабочего общества о программе Интернационала отправил ему свой вариант перевода [2]. Этот перевод перепечатывается позднее во многих немецких работах об Интернационале [3].

Главы 5, 6 и 7 брошюры посвящены описанию первой, Лондонской, конференции Интернационала, Женевского и Лозаннского конгрессов. В главе о Женевском конгрессе центральное место занимает подробное изложение написанной Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», одного из важнейших документов Товарищества того периода.

---

[1] Бебелю был известен текст Манифеста, напечатанный в журнале «Vorbote» за январь — март 1866 (*Бебель*. «Из моей жизни». М., 1963, стр. 190).

[2] Эйххоф — Марксу, 20. XII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1871).

[3] *W. Bracke*. «Der Braunschweiger Ausschuß der Sozial-demokratischen Arbeiter-Partei», 1872, S. 121—131; *E. Jäger*. «Der moderne Sozialismus», 1873, S. 50—56; «Leipziger Hochverratsprozess», 1872, S. 140—150, а также в изданиях 1874 и 1894 гг.; «Der Volksstaat» №№ 5, 6, 17 и 20 января 1872 г. и др.

В главе о Лозаннском конгрессе автор останавливается на небольшом эпизоде, имевшем, однако, большое принципиальное значение для воспитания членов Интернационала в духе пролетарской демократии. Конгресс отклонил предложение итальянского делегата Стампа назначить специальную делегацию для встречи и приглашения на конгресс Гарибальди, который должен был быть в эти дни проездом в Женеве. На конгрессе было постановлено, что «как бы ни был популярен Гарибальди, конгресс, представляющий рабочий класс, не может воздавать почести отдельным личностям. Если Гарибальди пожелает занять свое место на конгрессе в качестве почетного председателя итальянских обществ, ему будет оказан, как и любому другому делегату, сердечный прием»[1]. Глава о Лозаннском конгрессе заканчивается меткой характеристикой, которую дала ему жена Маркса Женни в своем письме И. Ф. Беккеру от 5 октября 1867 года[2]. Наряду со слабыми сторонами конгресса («Но разве всякое дело не имеет наряду с возвышенной также и свою комическую сторону, и почему наш славный рабочий конгресс со своими болтливыми французами должен быть совершенно свободен от этого?»), в главе отмечается то внимание, которое уделила ему буржуазная пресса, охарактеризовав его как «важное и знаменательное событие»[3].

Специальная глава брошюры (восьмая) посвящена выяснению значения экономической борьбы рабочего класса, отношению Международного Товарищества к профсоюзам и стачкам. Приведя оценку, данную Марксом в его работе «Нищета философии» профессиональным союзам, которые имеют «для организации рабочего класса такое же значение, как образование средневековых коммун для средних классов буржуазного общества», автор подчеркивает качественное изменение характера деятельности английских тред-юнионов с момента основания Товарищества. Если раньше они «были заняты исключительно борьбой за повышение заработной

[1] *Eichhoff*, S. 27.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 577.
[3] *Eichhoff*, S. 28.

платы и сокращение рабочего времени и не были свободны от ограниченностей средневековой цеховщины», то «теперь они впервые стали принимать участие в политическом движении», осознали, что они, с одной стороны, являются «средством для организации рабочего класса и помимо своих непосредственных ближайших целей не должны забывать общей цели — полного политического и социального освобождения рабочего класса», с другой стороны, они также осознали, «что без интернациональных связей конечный успех невозможен» [1]. Доказательство тому — Шеффилдская конференция английских тред-юнионов 1866 г., принявшая резолюцию о присоединении к Товариществу, и борьба английских тред-юнионов за избирательную реформу. Эта часть брошюры интересна не столько оценкой тред-юнионов, сколько проводимой в ней мыслью о соотношении экономической и политической борьбы рабочего класса, что прямо было направлено против прудонистских и лассальянских догм. Для Германии было особенно важно подчеркнуть необходимость борьбы за демократические реформы. Безусловно эти положения, развитые на очень конкретном материале (что было важно как для облегчения их понимания рабочими, так и в цензурных отношениях), исходят от Маркса.

Большое место в брошюре уделено описанию стачечной борьбы рабочего класса 1866—1868 годов. Автор выясняет причины широкой волны забастовок и локаутов, пронесшейся в Европе в эти годы. Прежде всего они явились результатом мирового экономического кризиса 1866—1867 гг. с его последствиями — застоем в производстве и снижением заработной платы, а также в связи с повышением цен на продовольственные товары из-за неурожая в эти же годы.

Автор выделяет и подробно разбирает три важнейших выступления рабочего класса. Во-первых, стачку парижских бронзовщиков в феврале 1867 г., в которой речь шла о существовании профессиональных союзов во Франции, только что начавших создаваться после

---

[1] *Eichhoff*, S. 29—30.

отмены закона против рабочих коалиций. Во-вторых, женевскую стачку строительных рабочих весной 1868 г., когда был поставлен на карту вопрос о самом существовании Интернационала в Швейцарии. Стачка закончилась блестящей победой рабочих. Массовое вступление швейцарских рабочих в члены Интернационала, материальная поддержка стачки рабочими других стран продемонстрировали рост влияния Международного Товарищества и успех его принципов пролетарской солидарности.

Организация поддержки стачечного движения играла огромную роль в деятельности Международного Товарищества Рабочих. Большое значение придавал ей Маркс, видя в ней школу пролетарского интернационализма. В этом разделе брошюры Эйххоф на примерах недавних классовых боев доказывает, что залог успеха борьбы рабочих заключается в классовой солидарности, в единстве рабочего класса.

Третьим важнейшим событием истории Интернационала этих лет явилась организованная им кампания протеста в связи с расстрелом забастовавших рабочих-горняков в Бельгии в марте 1868 г. Описание событий в Шарлеруа представляет собой одно из самых ярких мест брошюры. На основании богатого круга источников (воззвания Генерального Совета, выдержек из прессы — «Demokratisches Wochenblatt», реакционной «Independance belge» и др.) автор подробно выясняет экономические причины забастовки, рисует мрачную картину безысходной нужды и нечеловеческих условий существования бельгийских горняков, трагические сцены расстрела рабочей демонстрации в районе Шарлеруа. В написании этого раздела несомненно чувствуется влияние Маркса. Ему принадлежит характеристика «образцового буржуазного государства»[1] Бельгии, экономические материалы о положении бельгийской угольной промышленности и рабочих-горняков, им подобраны и выдержки из прессы. Маркс был членом комиссии, которая по заданию Генерального Совета Интернационала должна была в мае 1868 г. подготовить обращение,

---

[1] *Eichhoff*, S. 40.

разоблачающее бельгийское правительство[1]. Впоследствии эти материалы были использованы Марксом также и в других работах — «Четвертом годовом отчете Генерального Совета» и воззвании Генерального Совета «Бельгийские избиения»[2].

Глава девятая брошюры посвящена политической деятельности Генерального Совета. Очень важен ее первый абзац, где подчеркивается, что Генеральный Совет, «верный программе, в которой он призывал рабочих подготавливать свое социальное освобождение завоеванием политической власти, помимо своей общественной деятельности, не упускал, при соответствующих обстоятельствах, случая выступить также по политическим вопросам»[3].

В главе излагается позиция Генерального Совета в отношении Гражданской войны в Америке, Польши, франко-прусских военных приготовлений в 1866 г., отмечается деятельность Совета в английской Лиге реформы и движении в защиту фениев. Этот раздел, написанный кратко и сжато, в стиле конспекта, также принадлежит Марксу, судя по содержанию, точности и лаконичности формулировок. Основная идея — необходимость пролетариату выступить в качестве самостоятельной политической силы, отстаивать во всех политических событиях свою, классовую, подлинно демократическую позицию, — была прямо направлена против лассальянства.

Глава десятая показывает картину жестокой борьбы, которую постоянно приходилось вести Генеральному Совету и местным секциям с буржуазными правительствами стран Европы, отстаивая право на существование международной пролетарской организации. Правда, Эйххоф ограничился здесь конфликтами, имевшими место в Бельгии и во Франции (процессы Парижского бюро, противодействие бельгийского правительства

---

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы. 1866—1868», стр. 148.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 331—336, 365—370.

[3] *Eichhoff*, S. 52.

созыву конгресса Интернационала в Брюсселе), и, опасаясь преследований прусских властей, ни словом не упомянул о реакционном прусском законодательстве, запрещавшем образование секций Интернационала в Германии, хотя описание положения во Франции давало возможность провести подобную параллель.

Последняя глава брошюры содержит краткую справку о состоянии Товарищества в различных странах к июлю 1868 г. и список его печатных органов, присланный Марксом. По предложению Эйххофа в список органов печати Интернационала был включен еженедельник Либкнехта «Demokratisches Wochenblatt», «который, хотя и не является органом Товарищества, но представляет его принципы»[1].

Заканчивая брошюру сообщением о введении на государственных предприятиях в Соединенных Штатах восьмичасового рабочего дня, Эйххоф приводит слова «глубокого исследователя и знатока социальных условий» Карла Маркса о значении для европейского пролетариата американских революционных войн 18 и 19 столетий[2].

Таково краткое содержание брошюры.

12 июля 1868 г. Эйххоф посылает Марксу на просмотр первые корректурные листы. «Будьте добры, — пишет он, — исправьте и измените все, что, по Вашему мнению, необходимо исправить, или, вернее, все, что Вам не понравится»[3]. Чтобы Маркс имел возможность править корректуру, имея перед собой оригиналы, Эйххоф 16 июля отправляет обратно в Лондон все присланное ему ранее[4]. Последние корректурные листы уходят в Лондон 22 июля, а отредактированные Марксом к этому времени возвращаются в Берлин[5]. Маркс заканчивает просмотр и правку листов в две недели.

---

[1] *Eichhoff*, S. 74. Эйххоф — Марксу, 12. VII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1868).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 9.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1868.

[4] Эйххоф — Марксу, 18. VII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1870).

[5] Эйххоф — Марксу, 22. VII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1872).

29 июля готовая брошюра в 4 печатных листа отсылается Марксу в Лондон [1]. Экземпляры были посланы также Энгельсу, В. Либкнехту, И. Ф. Беккеру, Ф. Лесснеру, Л. Кугельману, С. Боркхейму, И. Дицгену, а также в адрес Генерального Совета, Коммунистического просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, в редакцию газеты «Die Zukunft» и т. д. Бебелю для распродажи среди членов Союза немецких рабочих обществ было отправлено 300 экземпляров [2]. Эйххоф запрашивает Маркса об адресах для рассылки брошюры в Германию, Швейцарию, Англию и Соединенные Штаты Америки.

Работа Эйххофа представляет чрезвычайно большой интерес. Это был первый труд по истории Первого Интернационала, написанный очевидцем и участником движения. Поэтому брошюра ценна для нас как живое свидетельство эпохи. Книга написана на богатой документальной базе. Круг источников, посланных Марксом Эйххофу, которые потом целиком или в кратком переложении вошли в брошюру, можно легко установить на основании текстологического анализа работы. Это — документы Генерального Совета, написанные Марксом (Учредительный Манифест, Временный Устав, обращение к президенту Линкольну, Инструкция делегатам Временного центрального совета по отдельным вопросам), протоколы Женевского и Лозаннского конгрессов, обращение Генерального Совета к горнякам и рабочим-металлургам Великобритании, написанное членом Совета Эккариусом, документы местных секций, брошюра Беккера о женевской стачке 1868 г., брошюра о процессах Парижского бюро, изданная парижским отделением Товарищества. Затем следуют материалы из английских, немецких, французских и бельгийских газет о деятельности местных секций. Ряд материалов представляет собой выдержки из рукописей Маркса, которые затем были опубликованы также и в других работах

---

[1] Эйххоф — Марксу, 30. XII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1877).

[2] Эйххоф — Марксу, 24. VI. 1869 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2012).

(события в Шарлеруа, описание инцидента с документами Женевского конгресса на французской границе и беседа министра Руэ с рабочими, раздел о политической деятельности Генерального Совета, список печатных органов Товарищества и др.).

Большинство источников книги, особенно документы Генерального Совета, в настоящее время опубликованы в собранном виде. Исключение составляют материалы тогдашней прессы. Но в момент выхода и вплоть до конца XIX века работа Эйххофа была по существу единственным собранием достоверных источников по истории I Интернационала. В известных пределах она сохраняет это свое значение и до сих пор.

Однако односторонне рассматривать работу Эйххофа лишь как подбор источников, как это делал в конце XIX века орган германской социал-демократии «Vorwärts» [1], было бы неверно. Книга Эйххофа приобретает для нас особое значение ввиду того участия, которое принимал в ее создании Маркс. Ни Маркс, ни Энгельс не оставили нам общей работы по истории I Интернационала. Брошюра Эйххофа является в этом отношении единственной в своем роде; отредактированная Марксом и написанная по его материалам, она правдиво и с марксистских позиций освещает историю Товарищества, помогает определить задачи, которые Маркс ставил перед Товариществом, основные линии его борьбы на первых этапах развития Интернационала. Именно эту ее сторону отмечал неоднократно Энгельс. В письме Марксу 6 августа 1868 г. он писал: «Брошюра Эйххофа доказывает, что он в состоянии объективно передавать факты... Правда, ты облегчил ему задачу. Вещь подействует очень хорошо» [2]. В 1893 году Энгельс утверждал, что из всех работ, посвященных Интернационалу, «доверия заслуживает *только* Эйххоф, который работал по заметкам Маркса; *у всех остальных* — сплошь *ложь и легенды»* [3]. Об этом же Энгельс писал Зорге 17 мая

[1] «Vorwärts» № 119, 23 мая 1895 г.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 107—108.

[3] Энгельс — В. Шмуилову, 7. II. 1893. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIX, стр. 195.

1893 г.[1] На это важное обстоятельство указывают в своих работах немецкие историки Э. Энгельберг и Г. Гемков[2].

Книга Эйххофа была боевым памфлетом; в ней не только пропагандировались идеи Интернационала, но и велась борьба с влиянием мелкобуржуазной идеологии (лассальянства, прудонизма и т. п.) на рабочий класс, разоблачалась клевета на Интернационал, распространяемая буржуазной прессой и официальными кругами, в частности в связи с судебными процессами во Франции.

Особое значение имела книга Эйххофа для Германии, где в силу законодательства, запрещавшего создание секций Интернационала, пропаганда его принципов приобретала огромное значение. Брошюра Эйххофа сыграла важную роль в деле распространения идей Интернационала в рабочих массах. Она появилась как раз накануне Гамбургского генерального собрания Всеобщего германского рабочего союза (22—26 августа 1868 г.) и Нюрнбергского съезда Союза немецких рабочих обществ (5—7 сентября 1868 г.), на котором был поставлен вопрос о присоединении Союза к Интернационалу. Несомненно, что в период оживленных дискуссий о программе накануне Нюрнбергского съезда она во многом способствовала ознакомлению рабочих Германии с деятельностью Международного Товарищества Рабочих. Кугельман в письме Марксу от 2 августа 1868 г. отмечал, что работа «хорошо написана и очень полезна ввиду двух предстоящих немецких рабочих съездов»[3].

Широкое распространение получила книга за пределами Германии. Австрийский делегат Querbeat Неймайер сообщал на Базельском конгрессе Товарищества, что именно из книги, написанной Эйххофом, рабочие Вены узнали

---

[1] Энгельс — А. Зорге, 17. V. 1893. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 219.

[2] *E. Engelberg.* «Die Rolle von Marx und Engels bei der Herausbildung einer selbstständigen deutschen Arbeiterpartei (1864—1869)». В журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1954, Heft 4, S. 532—533; *G. Gemkow.* «Zur Tätigkeit...», «Beiträge», S. 522.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5594.

о существовании Интернационала и его целях[1]. Русский революционер А. А. Серно-Соловьевич, член женевских секций Товарищества, собирался перевести ее на французский язык для распространения в Романской Швейцарии[2].

Сохранились сведения о том, что Эйххоф параллельно с работой над брошюрой предпринимал и другие шаги для пропаганды идей Международного Товарищества Рабочих. В связи с намерением редактора «Zukunft» Вейса опубликовать ряд передовых статей об Интернационале Эйххоф предполагал, как он сообщал Марксу, использовать газету для пропаганды принципов Интернационала[3]. Однако это намерение осталось нереализованным.

Эйххоф принимал участие не только в пропаганде идей Интернационала, но и в его практически-организационной деятельности. До написания своей брошюры Эйххоф формально не был членом I Интернационала; официально он им стал в июле 1868 г. в период работы над брошюрой о Международном Товариществе. Свой членский билет он получил непосредственно от Маркса, причем Маркс проставил на нем дату вступления — 1865 г., учитывая предыдущую деятельность Эйххофа в пользу Товарищества. Одновременно с получением членского билета Эйххоф был утвержден берлинским корреспондентом Генерального Совета[4].

Написание брошюры имело еще одно важное последствие в жизни Эйххофа. Рассылая экземпляры берлинским рабочим организациям, он вступил в более тесные контакты с рабочими. До этого времени Эйххоф был в основном связан с мелкобуржуазными демократическими кругами (редакция газеты «Die Zukunft»), хотя ему приходилось читать лекции в рабочих обществах.

---

[1] «Базельский конгресс...». М., 1934, стр. 34.

[2] Эйххоф — Марксу, 21. XII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1936).

[3] Эйххоф — Марксу, 18. VII. 1868 и 8. VIII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1870 и ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1880).

[4] Эйххоф — Марксу, 20. VII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1871); Эйххоф — Марксу, 22. VIII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1883).

* * *

После выхода брошюры имя Эйххофа стало известно в рабочих союзах, он приобретает большой авторитет и влияние среди берлинских рабочих.

В сентябре 1868 г. Эйххоф получает от Бебеля мандат делегата на Нюрнбергский съезд Союза немецких рабочих обществ[1]. Делегатом Генерального Совета Интернационала на съезде был И. Г. Эккариус. Когда Эккариусу пришлось срочно уехать из Нюрнберга, Эйххоф приветствовал съезд от имени Международного Товарищества Рабочих[2]. На Нюрнбергском съезде было принято решение о присоединении Союза немецких рабочих обществ, руководимого Бебелем и Либкнехтом, к Интернационалу.

После окончания Нюрнбергского съезда Эйххоф вместе с Бебелем выступает с докладом о съезде на собрании саксонских рабочих в Колисе, близ Лейпцига. В письме к Марксу 11 сентября 1868 г. Эйххоф отмечает, что здесь «почва обработана превосходно (благодаря агитации Бебеля и Либкнехта) и можно ожидать многочисленных заявлений о вступлении (в Интернационал. — *И. О.*)»[3]. Особенно высоко оценивал Эйххоф деятельность Бебеля[4].

Основную работу по пропаганде идей Товарищества и по вовлечению рабочих в его ряды Эйххоф ведет в Берлине. Здесь обстановка была гораздо сложнее, чем в Саксонии. Среди берлинских рабочих было еще сильно буржуазное влияние, с одной стороны, и влияние лассальянских идей — с другой. Значительная часть берлинских рабочих отличалась политической незрелостью и непониманием своих классовых интересов. «Обо всем, что было раньше, — о значении июньской битвы в Париже, о коммунистическом движении 40—50-х годов — лассальянец имеет лишь очень расплывчатое, неясное и туманное представление, если он вообще имеет на этот счет какое-

---

[1] Эйххоф — Марксу, 22. VIII. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1883).

[2] «Demokratisches Wochenblatt» № 37, 12. IX. 1868, S. 294.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1886.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 252.

нибудь представление», — пишет Эйххоф Марксу 8 августа 1868 года[1]. Поразила его политическая отсталость одного рабочего, для которого американская республика была «сказочным Эльдорадо», «красной республикой»[2].

К сожалению, сохранилось очень немного сведений о деятельности Эйххофа как члена Берлинской секции, да и о самой секции, хотя Эйххоф находился в постоянной переписке по делам Интернационала с Марксом и И. Ф. Беккером[3]. Судя по письмам к Марксу, Эйххоф участвовал в вербовке новых членов в секцию, организовывал представительство секции на конгрессах Интернационала[4]. Значительную роль сыграл Эйххоф в той борьбе, которую вела Берлинская секция с руководителем Берлинского рабочего союза[5] Кребсом. Кребс, являясь членом Товарищества, выступал в то же время против присоединения Союза к программе Интернационала.

Эта позиция Кребса особенно ярко проявилась на Нюрнбергском съезде, когда он выступил против заявления о присоединении Союза немецких рабочих обществ к принципам Международного Товарищества Рабочих. Эйххоф со съезда пишет письмо Марксу с предложением поставить вопрос о поведении Кребса в Генеральном Совете[6]. Он обсуждает его также с Либкнехтом и Швейхелем, которые согласились с его мнением о необходимости исключения Кребса из Интернационала и нюрнбергского объединения.

В самом Берлинском союзе этот вопрос дебатировался на трех заседаниях. Дело закончилось расколом.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1880.

[2] Там же.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 19; ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 177/2. Эйххоф — Марксу, 2. X. 1868.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1936, 2142, 2954; Эйххоф — Марксу, 21. XII. 1868, 10. VII. 1870 и 14. VII. 1872.

[5] Широкая рабочая организация, в которую входили члены Берлинской секции Интернационала (Эйххоф вступил в нее в сентябре 1868 г.). Среди членов Берлинского рабочего союза довольно широко были распространены идеи Шульце-Делича, ряд членов находился под влиянием партии «прогрессистов».

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1884. Эйххоф — Марксу, 7. IX. 1868.

Кребс и 25 других членов Союза отказались признать нюрнбергское постановление и образовали свой особый союз на базе программы шульце-деличского толка. Левое крыло Союза (26 человек) во главе с членами Берлинской секции — Эйххофом, К. Гиршем, П. Зингером, А. Вейсом и др. выпустило 6 октября 1868 г. воззвание о создании нового — Демократического рабочего союза [1]. Эйххоф входит во временный комитет Демократического союза, который объявляет о своем присоединении к нюрнбергской программе и принципам Международного Товарищества. Целью Союза объявляется «политическое и социальное освобождение рабочего класса» [2]. 15 октября состоялось первое заседание, на котором Эйххоф произнес вступительную речь, осветив в ней историю возникновения Союза, а затем выступил еще раз с разъяснением нюрнбергских постановлений [3]. 26 октября Демократический союз окончательно конституировался. Несмотря на рогатки прусского законодательства о союзах, почти все члены берлинского Демократического союза были членами Интернационала, и сам Союз открыто присоединился не только к нюрнбергской организации, но и к Международному Товариществу Рабочих [4].

Демократический рабочий союз стал на путь решительной борьбы как против буржуазно-реформистских идей Шульце-Делича, М. Гирша и Ф. Дункера, так и против лассальянства. В этом немалая заслуга принадлежала В. Эйххофу. На первом заседании Союза 15 октября 1868 г. Эйххоф разъяснил буржуазную ограниченность требований сторонников Шульце-Делича (больничные кассы и т. д.), утопичность их надежд на то, что правительство Бисмарка поможет удовлетворению этих «достижимых требований» [5]. Но особенно резкой и

---

[1] «Demokratisches Wochenblatt» № 41, 10. X. 1868, S. 323.

[2] Там же.

[3] «Demokratisches Wochenblatt» № 43, 24. X. 1868.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 352.

[5] Эйххоф — Марксу, 31. X. и 1. XI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2325). Отчет в «Demokratisches Wochenblatt» № 43, 24. X. 1868 г., перепечатанный из «Zukunft», был составлен репортером и давал превратное представление о речи Эйххофа.

непримиримой была борьба с лассальянцами, которую вели члены Берлинской секции Интернационала. Решающую роль в ней сыграл Эйххоф.

На втором заседании Союза, 19 октября 1868 г., разгорелась дискуссия об отношении Союза к лассальянскому Всеобщему германскому рабочему союзу. Эйххоф выступил с большой яркой речью, в которой сравнил социализм Лассаля с католическим социализмом Бюше, также проповедовавшим производительные ассоциации; в качестве примера он привел уставы лассальянского товарищества сигарочников и кооперативный устав Бюше 1834 года[1]. Не подлежит сомнению, что в этом выступлении Эйххофа особенно сказалось влияние Маркса[2]. 30 сентября 1868 г. на собрании Союза печатников Эйххоф сделал доклад, в котором также выступил против Швейцера[3].

Эйххоф постоянно информирует Маркса о ходе борьбы с лассальянцами, регулярно посылая ему орган швейцеровского Союза «Social-Demokrat». Отчет Эйххофа о Берлинском рабочем съезде, созванном Швейцером в сентябре 1868 г., Маркс подробно пересказывает Энгельсу в письме от 29 сентября 1868 г.[4] Эйххоф не ограничивался полемикой с лассальянцами, он вел большую работу по пропаганде марксизма в рабочих обществах Берлина. В обществе печатников он намеревался прочитать три доклада о современном рабочем движении, его истоках, целях и средствах борьбы. «Задачей докладов является, — пишет он Марксу, — объяснить рабочим, что социал-демократическое движение после насильственного подавления в 1849—1850 годах возродилось с еще большей силой и энергией и несомненно может само проложить себе дорогу без искусственной агитации à la Лассаль, что благодаря Вашему «Капиталу» движение получило научную основу, со-

---

[1] «Demokratisches Wochenblatt» № 44, 31. X. 1868. Этот отчет, несомненно, принадлежит самому Эйххофу, судя по полноте, с которой отражены все его выступления (ср. также Эйххоф — Марксу, 31. X. и 1. XI. 1868, ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2325).

[2] Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 126, 474—475, 500.

[3] Эйххоф — Марксу, 2. X. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 177/2).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 135—136.

зрело в обстановке экономических неурядиц и через политический распад партий придет к взрыву. В связи с этим я хочу проанализировать Ваш «Капитал» и заставить Макса Гирша, вместо того чтобы прятаться от коммунистов, опровергнуть Ваши основные положения»[1], т. е. обнаружить тем самым свои подлинные классовые интересы.

Интересны взгляды Эйххофа на соотношение экономической и политической борьбы рабочего класса. В феврале 1869 г. в газете «Die Zukunft» печатается без подписи серия статей «Профессиональные союзы»[2], которая скорее всего принадлежала В. Эйххофу. Энгельс, отсылая статьи Марксу, утверждает, что «статьи написаны им (и безусловно не кем иным)»[3]. Авторство Эйххофа подтверждается анализом содержания статей. Автор знаком с «Капиталом» Маркса, работой Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», работой Эккариуса «Опровержение рабочим некоторых положений политической экономии Джона Стюарта Милля», печатавшейся в это время в типографии Альберта Эйххофа. Автор хорошо знает немецкую экономическую литературу, подвергает критике взгляды Шульце-Делича. В статьях упоминается Интернационал и высоко оценивается деятельность «наших партийных товарищей в Саксонии и Южной Германии». Если учесть большое внимание Эйххофа к экономическим вопросам и высокую оценку, которую он давал агитационной работе Бебеля и Либкнехта, можно с уверенностью сказать, что автором статей является Эйххоф.

Эйххоф правильно подмечает отрицательные стороны работы английских тред-юнионов, «чисто социальную, совсем или почти совсем аполитичную агитацию». Он призывает к «социал-политической агитации», в качестве примера которой приводит революционную деятельность английских чартистов и деятельность Либкнехта и Бебеля в Саксонии.

---

[1] Эйххоф — Марксу, 2. X. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 177/2).

[2] «Die Zukunft» №№ 32, 35, 37, 40, 47; 7, 11, 13, 17 и 25 февраля 1869 г.: «Die Gewerkgenossenschaften».

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 215.

Но вместе с тем Эйххоф совершает крупную ошибку, отрицая необходимость экономической борьбы профсоюзов за непосредственные требования рабочих — повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д. Он считает эту борьбу бесполезной, так как она-де не уничтожает самих основ капиталистической эксплуатации. Маркс в письме Энгельсу 14 марта 1869 г. подверг это утверждение уничтожающей критике: «Но и он (автор статей. — *И. О.*) делает вывод, что рабочие должны любезно таскать для господ демократов каштаны из огня и не заниматься пока такими пустяками, как организация тред-юнионов. Если эти господа являются такими горячими сторонниками непосредственных *революционных* действий, почему же *они* не подают примера в этом отношении, вместо того чтобы писать осторожные, выдержанные в спокойном тоне статьи в «Zukunft»? И этакой дрянью думают вызвать революционные страсти! Да этим и собаки не заманишь!» [1].

В августе 1869 г. Эйххоф принимает участие в Эйзенахском съезде. Наряду с Бебелем, Либкнехтом и др. он подписывает воззвание о созыве съезда Союза немецких рабочих обществ [2]. Берлинский Демократический рабочий союз входит в Эйзенахскую социал-демократическую партию.

В это же время Эйххоф переживает тяжелое испытание — на него пало необоснованное подозрение в связях с прусской полицией.

Обвинения исходили из двух источников — от Либкнехта и Боркхейма. Либкнехт после приезда Эйххофа в Берлин обратился к нему с просьбой предоставить в его распоряжение материалы о Штибере, на что Эйххоф, по словам Либкнехта, ответил отказом [3]. Однако вскоре Либкнехт сообщает в Лондон о необоснованности своих подозрений, так как Эйххоф проявил полную

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 222.

[2] *Меринг.* «История германской социал-демократии», т. 3, стр. 344.

[3] Боркхейм — Марксу, 15. III. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1833).

готовность передать ему все необходимые материалы о прусской полицейской системе шпионажа [1].

Вторая версия исходила от Боркхейма. Боркхейм основывался на факте личного общения Эйххофа с чинами берлинской полиции и его выступлении 15 октября на заседании берлинского Демократического союза. Факты сводились к тому, что по приезде в Берлин Эйххоф раз 5—6 играл в карты в пивной с полицейскими чиновниками. Как разъяснил Эйххоф, один из них был старый университетский знакомый, который временно служил в иностранном отделении берлинского полицей-президиума, другой — бывший начальник Эйххофа, благодаря поручительству которого с Эйххофа было снято полицейское наблюдение, установленное вначале. Затем они были переведены в другие города, и Эйххоф их больше не видел. Что касается речи Эйххофа в Демократическом союзе, то недобросовестный репортер «Zukunft», откуда речь была перепечатана в «Demokratisches Wochenblatt», составил отчет так, что могло показаться, будто оратор уповает на помощь правительства Бисмарка в создании рабочих производительных товариществ и т. д. На самом деле, речь шла о точке зрения Шульце-Делича, которую оратор как раз подвергал критике.

Большую помощь в реабилитации Эйххофа оказал Маркс. Получив из Германии сообщение о павших на Эйххофа подозрениях, Маркс немедленно написал ему с просьбой дать разъяснения [2]. В обширном письме Марксу от 31. X — 1. XI. 1868 г. Эйххоф камня на камне не оставляет от выдвинутых против него обвинений [3].

Объяснения Эйххофа вполне убедили Маркса и Энгельса в его полной невиновности. Признал это и сам Боркхейм [4]. В письме Марксу от 6 ноября 1868 г. Энгельс называет подозрения Боркхейма «пустяками» [5], а

---

[1] Боркхейм — Марксу, 21. V. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1858).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 155. Из письма ясно, что Маркс сразу же не поверил в эти обвинения.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2325.

[4] Боркхейм — Марксу, 9. XI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1920).

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 157.

когда Либкнехт попытался распространять их в Германии [1], Маркс резко отчитал его: «Я писал Вильгельму, чтобы он прекратил свою злобную болтовню и писания против Эйххофа, так как теперь Боркхейм сам признал свою ошибку», — сообщал он Энгельсу [2]. Недоверие друзей, одно из самых тяжелых испытаний, которое выпадает на долю революционера, не сломило Эйххофа, не погасило в нем энергии и воли.

1868—1870 гг. являются кульминационным пунктом деятельности Эйххофа. Уполномоченный Генерального Совета Интернационала в Берлине, один из руководителей берлинского Демократического рабочего союза, делегат Нюрнбергского и Эйзенахского съездов, постоянный сотрудник центрального органа партии «Volksstaat», неутомимый популяризатор учения Маркса, Эйххоф в этот период сыграл значительную роль в борьбе немецкого рабочего класса за создание своей революционной партии, в пропаганде идей марксизма и распространении влияния Интернационала среди рабочих масс Германии.

* * *

В последующие годы, до самой смерти, Эйххоф продолжает свою публицистическую деятельность — участвует в ряде демократических и социалистических газет и журналов («Neue Zeit» [3], «Berliner Volksblatt», «Münchener Post», «Schwäbischen Wochenblatt» и др.), в 1876 г. выпускает направленный против политики Бисмарка памфлет «Pro Nihilo», переводит социальный роман английской писательницы Гаркнесс «Городская девушка» [4] и вместе с Каутским знаменитую книгу Моргана «Древнее общество». От практически-революционной работы в это время Эйххоф, видимо, отходит. Полу-

---

[1] См. об этом Кугельман — Марксу, 6. I. 1869; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1945.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 244.

[3] В 1890 г. он выступил на страницах журнала с разоблачением клеветнических нападок Брентано на Маркса («Die Neue Zeit», Bd. II, № 32, 1890—1891, S. 170—173).

[4] Эйххоф — Энгельсу, 2. VI. 1888 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4847).

чив в 1868 г. после смерти матери долю наследства, Эйххоф возобновляет свою коммерческую деятельность [1], но по-прежнему его деловые начинания терпят крах.

Эйххоф умер в Штутгарте в ночь на 23 мая 1895 года. Его имя входит в славный список соратников Маркса и Энгельса, отдавших свои силы великой цели торжества коммунизма на земле.

---

[1] Боркхейм — Марксу, 9. XI. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1920) и Эйххоф — Марксу, 2. X. 1868 (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 177/2).

Т. Л. АРТЕМЬЕВА

ЛЮДВИГ КУГЕЛЬМАН — ДРУГ И СОРАТНИК К. МАРКСА В ГОДЫ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(1864—1874)

Имя Людвига Кугельмана широко известно по письмам к нему К. Маркса, написанным в период с 1862 по 1874 год. В этих письмах содержатся важнейшие высказывания Маркса по вопросам рабочего движения в различных странах, политической экономии и философии, они являются важным источником для изучения истории I Интернационала. Именно в этих письмах Маркс дал глубокий анализ Парижской Коммуны, который неоднократно использовал В. И. Ленин. К изданным в 1907 г. на русском языке письмам Маркса Кугельману Ленин написал специальное предисловие[1].

Бо̀льшую часть предисловия Ленин посвятил революционной политике Маркса, особенно подробно остановившись на его письмах о Парижской Коммуне. Ленин подчеркивал также большое теоретическое значение писем, отметив как наиболее важное в этом отношении письмо от 11 июля 1868 г., касающееся трудовой теории стоимости, а также письма, в которых Маркс приводит оценку различных писателей и идейных течений — прудонистов, Дюринга, Бюхнера и других. В своем основном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин неоднократно использует письма Маркса Кугельману в полемике с противниками марксистской материалистической философии. Ленин отмечал, что «о французском рабочем движении и особенно о

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 371—379.

Парижской Коммуне Маркс высказывался гораздо чаще и обстоятельнее в тех письмах, которые он писал немецкому с.-д. Кугельману»[1]. Сравнивая годы реакции в России с периодом реакции в Германии после поражения революции 1848—1849 гг., Ленин ссылается при этом на слова Маркса из письма Кугельману от 3 марта 1869 г. о том, что «реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 года»[2].

Между тем о самом Кугельмане известно довольно немногое. Ему посвящено лишь несколько небольших статей, в которых его биография представлена весьма неполно и есть отдельные неточности.

Наиболее подробные данные о Кугельмане содержатся в статье Э. Цобеля, написанной в качестве введения к книге «Письма Маркса к Кугельману». М. — Л., 1928. Однако и эта статья невелика, а отдельные моменты освещены в ней неверно[3].

В 1940 г. в журнале «Пролетарская революция» была спубликована небольшая статья М. Зоркого «К. Маркс и Л. Кугельман (по неопубликованным материалам)»[4];

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 232.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24.

[3] Так, например, на стр. VIII говорится, что Кугельман под влиянием ганноверского эмигранта В. Пипера уже в студенческие годы, в Гёттингене, стал изучать произведения Маркса. Между тем сам Маркс писал В. Либкнехту 24 июня 1865 года: «С д-ром Кугельманом ты попал пальцем в небо. Я уже много лет как состою с ним в переписке. Он был социалистом уже в 1848 г., в Дюссельдорфе. Что до Пипера, то он даже имени Кугельмана не знал, когда был здесь» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 402).

О политической деятельности Кугельмана в студенческие годы в статье говорится очень мало. В указателе имен этого издания отсутствует имя сподвижника Кугельмана тех лет — Абраама Якоби, хотя в письмах оно упоминается; по-видимому, его приняли за Иоганна Якоби, на которого и дана аннотация. Далее, в статье утверждается, что К. Маркс и Л. Кугельман познакомились в 1862 году; однако на основе изучения источников можно сделать вывод, что это произошло еще в период революции 1848—1849 годов; правда, весьма возможно, что это знакомство было только заочным.

[4] «Пролетарская революция» № 2, 1940, стр. 225—230.

в ней содержатся лишь краткие сведения о Кугельмане, причем его жизнь освещается только до 1874 года.

Наконец, в двух очень кратких статьях рассматривается деятельность Кугельмана по пропаганде I тома «Капитала». Это: предисловие Э. Цобеля к публикации «Четыре рецензии на «Капитал» Маркса»[1] и статья А. В. Уроевой «Людвиг Кугельман — пропагандист произведений К. Маркса»[2]; эта тема затрагивается и в статье М. Михайловой «К истории распространения I тома «Капитала»»[3].

Кроме того, некоторые сведения о Кугельмане содержатся в воспоминаниях его дочери Франциски, опубликованных под заглавием «Несколько штрихов к характеристике великого Маркса»[4].

Настоящая статья является первым опытом написания биографии Л. Кугельмана, часть которой уже была опубликована в биографии его товарища по борьбе, члена Союза коммунистов А. Якоби[5].

* * *

Людвиг Кугельман родился 19 февраля 1830 г. близ Оснабрюка в Вестфалии. Предки его приехали в Вестфалию из Австрии в начале XIX века. У него рано определилась склонность к медицине, однако отец категорически возражал против этого, настаивая, чтобы сын посвятил себя сельскохозяйственной деятельности, и поэтому не отдал его в гимназию. Только после смерти

---

[1] «Летописи марксизма», кн. IV. М. — Л., 1927, стр. 1—9.

[2] «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС» № 8, 1962, стр. 98—105.

[3] «Из истории марксизма и международного рабочего движения. К 145-летию со дня рождения Карла Маркса». М., 1963, стр. 424—425.

[4] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 286—301. Полный текст воспоминаний хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (*F. Kugelmann.* «Erinnerungen an Ludwig Kugelmann». ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16).

[5] «Из истории марксизма и международного рабочего движения. К 145-летию со дня рождения Карла Маркса». М., 1963, стр. 583—586 и 595—597.

отца Людвигу удалось поступить в Гёттингенский университет на медицинский факультет [1].

В Гёттингене И. Микель — в то время сторонник Маркса, ставший позднее прусским министром — вовлек Кугельмана в студенческую корпорацию «Нормания». От Микеля он, по свидетельству его дочери, «получил лондонский адрес Маркса, написал ему и получил ответ, после чего завязалась переписка, которая продолжалась долгие годы» [2].

Летом 1848 г. Кугельман находился в Дюссельдорфе, где был членом правления Народного клуба [3].

Близким другом Кугельмана в молодые годы был Абраам Якоби; они были ровесниками, оба окончили гимназию в Миндене и учились в Гёттингенском университете. Из Гёттингена Кугельман и Якоби перевелись в Боннский университет; можно предположить, что этот переезд был связан с выполнявшейся ими революционной работой. В Бонне они совместно со студентом Гартманом основали в июне 1850 г. Гимнастический союз [4]. После поражения революции 1848—1849 гг. гимнастические союзы играли значительную роль в политической жизни Германии; в них концентрировались революционно настроенные элементы. Около половины членов Гимнастического союза в Бонне вначале составляли студенты, а затем преобладание в нем получили рабочие; постоянный состав его насчитывал 30—40 человек; по тому времени это была крупная политическая организация. Союз действовал легально, однако одновременно он был связан с Союзом коммунистов, реорганизованным Марксом и Энгельсом и их сторонниками после поражения революции. По-видимому, А. Якоби

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 6—13.

[2] Там же, стр. 13—14.

[3] «Neue Rheinische Zeitung» № 7, 7. VI. 1848, Beilage, S. 1; Кугельман — Марксу, 9 июля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1866).

[4] «Kölnischer Anzeiger» № 247, 17. X. 1852; Köln. «Rheinischer Appelations-Gerichtshof. Anklageschrift gegen P. G. Roeser, J. H. G. Bürgers, P. Nothjung, W. J. Reiff, H. H. Becker, R. Daniels, C. W. Otto, A. Jacobi, J. J. Klein und F. Freiligrath». Köln, 1852, S. 64 (в дальнейшем — Anklageschrift); *K. Bittel.* «Der Kommunistenprozeß zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenössischen Presse». Berlin, 1955, S. 84.

при организации Гимнастического союза действовал в качестве члена и представителя Союза коммунистов, который, как видно из «Обращения ЦК к Союзу коммунистов» от июня 1850 г., придавал подобным организациям большое значение. «Центральный комитет, говорилось в этом документе, обращает внимание всех общин и членов Союза на то, что... влияние Союза на рабочие, гимнастические, крестьянские, батрацкие и другие организации имеет огромное значение, и его везде следует добиваться. Он предлагает руководящим округам и тем общинам, которые сносятся с ним непосредственно, в ближайших своих письмах сообщить, что сделано ими в этом отношении»[1]. Дата организации Гимнастического союза в Бонне — июнь 1850 г. — совпадает с датой этого обращения.

Гимнастический союз в Бонне находился под непосредственным руководством кёльнской общины Союза коммунистов[2]. А. Якоби, активный деятель этого Союза, поддерживал прямую связь с его Центральным комитетом, который с конца сентября 1850 г. находился в Кёльне; он часто выезжал в Кёльн, где встречался с руководящими деятелями Союза — Р. Даниельсом, Г. Бюргерсом, Г. Беккером и др.[3] Л. Кугельман был одним из руководителей Гимнастического союза. Он сам, по-видимому, не входил в Союз коммунистов, однако в студенческие годы был близок к этой организации, будучи хорошо знаком с руководящими деятелями Союза — Г. Бюргерсом, секретарем его Центрального комитета, и известным поэтом Ф. Фрейлигратом, относительно которого есть все основания считать, что он в 1850—1851 гг. был членом Центрального комитета[4].

Уже в годы революции Кугельман начал собирать свою библиотеку, в которой важнейшее место занимала

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 326.

[2] Anklageschrift, S. 63.

[3] *Т. Артемьева*. «Абраам Якоби — один из активных деятелей Союза коммунистов» (в сборнике «Из истории марксизма и международного рабочего движения. К 145-летию со дня рождения Карла Маркса». М., 1963, стр. 591—594).

[4] См. об этом: *Б. Крылов*. «Фердинанд Фрейлиграт» (в сборнике «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». М., 1961, стр. 342—343).

социалистическая литература. С течением времени она стала уникальным собранием книг по революционно-политической, социальной, исторической и экономической тематике. После смерти Кугельмана, в 1902 г., был издан каталог этой библиотеки, содержавший 1539 названий[1], в том числе свыше 50 книг, изданных в 1848—1851 гг., а также книги, появившиеся еще до революции 1848—1849 годов. Кугельман покупал их, по-видимому, сразу же по выходе в свет, ибо литература такого рода тогда быстро исчезала из продажи.

Среди упомянутых в каталоге книг значатся: первое издание работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», вышедшее в Лейпциге в 1845 году; гамбургское издание 1849 г. произведения Г. Веерта «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского»; брошюра Ф. Фрейлиграта «Подробный отчет о процессе против Фердинанда Фрейлиграта», изданная в 1848 г.[2]; книга революционного демократа, соратника Маркса и Энгельса, Иоганна Филиппа Беккера «История южногерманской майской революции» (выпущена в Женеве в 1849 г.) и другие произведения революционного содержания. В библиотеке имелась также работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство». Об этом Маркс писал Энгельсу 24 апреля 1867 г.: Кугельман «обладает гораздо лучшим собранием наших работ, чем мы оба вместе взятые. Здесь я вновь увидел «Святое семейство», которое он мне подарил и экземпляр которого он пошлет тебе»[3].

Таким образом, уже в студенческие годы — в период революции 1848—1849 гг. и в ближайшее после нее время — Кугельман проявлял очень большой интерес к литературе крайнего революционного направления. Он читал труды Маркса и Энгельса, работы их соратников и друзей, революционные брошюры и листовки.

---

[1] *M.* und *H. Schaper.* «Enthaltend die Bibliothek des weiland Dr. Louis Kugelmann, Hannover, Freund von Karl Marx und Friedrich Engels, darunter viele Seltenheiten und Unica. Politik. Nationaloekonomie. *Socialismus und Kommunismus.* Revolutionsgeschichte. Geschichte der Neueren und Neuesten Zeit. Antiquariats-Katalog N 53».

[2] Об этом процессе см. *Б. Крылов.* Цит. соч., стр. 334—336.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 245.

Есть все основания предполагать, что библиотека Кугельмана находилась в распоряжении и его друга А. Якоби; последний происходил из бедной семьи и не имел средств для покупки литературы, подобно Л. Кугельману, семья которого была довольно состоятельной (его родители владели небольшим имением близ Оснабрюка) и который получал материальную поддержку от матери.

В Гимнастическом союзе в Бонне Якоби и Кугельман проводили теоретические занятия, а также устраивали дискуссии по актуальным политическим вопросам. По-видимому, там читались статьи Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» — теоретического и политического органа Союза коммунистов[1].

В мае 1851 г. прусская полиция арестовала руководящих деятелей кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов; среди арестованных был и А. Якоби; началось судебное следствие, которое продолжалось в течение полутора лет и закончилось судебным процессом, проходившим с 4 октября по 12 ноября 1852 года. Суд по обвинению в государственной измене приговорил председателя кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов Рёзера, секретаря ЦК Бюргерса, эмиссара Союза Нотъюнга — к 6 годам заключения в крепости, членов Союза коммунистов Рейфа, Отто, Г. Беккера — к 5 годам, члена Союза Лесснера — к 3 годам; Даниельс, Клейн, А. Якоби и Эрхард были оправданы[2].

В мае 1851 г. был арестован и Л. Кугельман во время его поездки в Дюссельдорф. В ответ на его протест ему предъявили черный список, где значилось его имя, и заявили: «Видишь, паренек, мы знаем тебя давно и не нуждаемся в твоей визитной карточке»[3]. На следующий день Кугельману, как заключенному, обрили голову, но к вечеру внезапно объявили, что начальство навело справки о нем в университете и у его квартирной хозяйки, получило хорошие отзывы, и потому он

---

[1] См. *Т. Артемьева.* Цит. соч., стр. 590.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 231.

[3] *F. Kugelmann.* «Erinnerungen an Ludwig Kugelmann» (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 15).

будет освобожден, но при условии, что не будет переписываться с Марксом[1]. По-видимому, при решении вопроса о судьбе Кугельмана имело значение как его происхождение из имущей семьи, так и то, что он играл менее значительную роль в немецком рабочем движении, чем А. Якоби и другие активные деятели Союза коммунистов. Помогло ему и то обстоятельство, что с детства, будучи под надзором деспота отца, он привык к крайней осторожности и конспирации; даже квартирная хозяйка ничего не подозревала о его революционной деятельности.

По окончании университета Кугельман переехал сначала в Берлин, а затем вскоре поселился в Ганновере, где женился; там он занялся исключительно медицинской практикой. Однако он продолжал проявлять живой интерес к судьбе пострадавших на кёльнском процессе коммунистов — своих товарищей; в условиях политической реакции 50-х годов в Германии он не отказался от своих революционных убеждений, остался по-прежнему преданным сторонником Маркса, его идей, внимательно следил за революционной литературой. В его библиотеке имелся экземпляр работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» в бостонском издании 1853 г., которое в то время почти не удалось распространить в Германии (тираж брошюры, выпущенной в Базеле, был конфискован при транспортировке в Германию; в страну удалось переправить лишь некоторые экземпляры бостонского издания). В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр этой книги с экслибрисом Кугельмана[2]. В каталоге библиотеки Кугельмана значится также книга Вермута и Штибера «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия». Берлин, 1853[3]. Очевидно, Кугельман был знаком с опубликованными в этой книге документами Союза коммунистов, написанными Марксом и Энгельсом.

[1] *F. Kugelmann.* «Erinnerungen an Ludwig Kugelmann» (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 16, стр. 18).

[2] См. «Советская книжная торговля» № 7, 1962, стр. 42.

[3] Издатель каталога в 1902 г. сделал к этому месту приписку: «В высшей степени редкая! Так называемая «Черная книга», которая была отпечатана и секретно рассылалась только полицейским учреждениям. Содержит, среди прочего, сведения о всех подвергшихся следствию лицах».

Мы не располагаем материалами о политической деятельности Кугельмана в последующее десятилетие. По-видимому, он в эти годы был всецело поглощен медицинской практикой и материальными заботами; однако жизнь в небольшом городке, ограниченная общением только с представителями буржуазных кругов, была ему, как видно из дальнейшей его переписки с Марксом, в тягость; он даже собирался переехать в Лондон. Однако и в эти годы Кугельман оставался, по-видимому, верен своим убеждениям и продолжал следить за социалистической литературой, прежде всего за работами самого Маркса. Об этом свидетельствует тот факт, что в конце 1862 г. Кугельман решил возобновить переписку с Марксом. Не решившись обратиться непосредственно к Марксу, он написал проживавшему в Лондоне Ф. Фрейлиграту. Друзья и ученики Маркса в Германии, писал он, интересуются тем, когда появится продолжение его работы «К критике политической экономии»; он просил побудить Маркса к продолжению этого труда и о результатах сообщить ему. То, что Кугельман предпочел обратиться к Марксу через Фрейлиграта, объясняется, очевидно, в первую очередь боязнью возобновления политического преследования. Возможно также, что он стеснялся обратиться сразу к Марксу в связи с тем, что, по всей вероятности, был знаком с Марксом до того времени не лично, а только по переписке. Из всей последующей переписки между Марксом и Кугельманом видно, как оба они, особенно последний, постоянно беспокоились о том, чтобы письма не были перехвачены прусской полицией; обращает на себя внимание то, что на письмо Маркса от 28 декабря 1862 г. Кугельман ответил только 18 марта 1863 г., а после этого написал ему лишь 19 февраля 1865 года [1]. Переписка велась, по крайней мере первые несколько лет, через третьих лиц; уже в своем первом письме к Фрейлиграту Кугельман просил, чтобы Маркс направил ему ответ через одного лондонского купца [2]; в письме Марксу от 15 апреля 1866 г. Кугельман пишет о своем «Citi-correspondent»

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1836.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 1.

(корреспонденте из лондонского Сити, через которого велась переписка между Марксом и Кугельманом) и задержавшемся ответе на одно из писем ввиду того, что «тот господин тогда находился во Франции»[1].

На письмо Кугельмана, направленное через Фрейлиграта, Маркс ответил 28 декабря 1862 года. Переписка между Марксом и Кугельманом продолжалась до 10 августа 1874 года. За это время Маркс написал Кугельману 59 писем. Все они дошли до нас и являются ценнейшим источником для изучения истории и теории марксизма. В. И. Ленин в своем предисловии к «Письмам Маркса к Кугельману», указав на важность содержащихся там чисто биографических данных о Марксе, отметил, что «для широкой публики вообще и для рабочего класса России в особенности бесконечно более важны те места писем, которые содержат теоретический и политический материал»; подчеркивая особое значение этой переписки для русских социалистов, Ленин писал: «Политика Маркса в сравнительно бурные 1860-ые годы очень и очень часто должна служить прямым образцом для политики социал-демократа в современной русской революции»[2].

Попытаемся подробнее проанализировать письма Маркса, привлекая ответные письма Кугельмана (эти письма дошли до нас полностью в количестве 88), что помогает полнее понять письма Маркса.

* * *

Значительное место в переписке занимают вопросы, связанные с разработкой экономической теории Маркса. Уже в письме от 28 декабря 1862 г. Маркс подробно сообщал о структуре своей будущей экономической работы, о причинах задержки ее завершения, о перспективах напечатания ее и своем намерении приехать в Германию для ведения там корректур; он писал также, что после выхода «Капитала» на немецком языке собирается подготовить и французское его издание в Па-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1651.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 371.

рИже. Маркс сетовал на замалчивание его произведений со стороны немецких литераторов и на то, что его партийные друзья в Германии «не сделали ни малейшего шага, чтобы опубликовать рецензию или хотя бы даже заметку» о его работе «К критике политической экономии». «Если в этом состоит партийная тактика, — писал Маркс, — то, говоря откровенно, для меня непостижима ее тайна» [1].

Кугельман проявлял огромный интерес к работе Маркса над I томом «Капитала», неоднократно выражал уверенность в том, что этот труд составит целую эпоху. Правильно понимая величайшее научное и политическое значение главного произведения Маркса, Кугельман в своих письмах постоянно подчеркивал, что Маркс должен сам довести этот труд до конца, что такова его историческая миссия [2]. Кугельман переписывался с немецкими издателями (Мейснер, Дункер) по вопросу об издании «Капитала» [3] и предлагал Марксу в случае приезда в Германию остановиться у него.

Маркс, со своей стороны, систематически информировал Кугельмана о ходе своей работы над «Капиталом». В своем письме от 13 октября 1866 г. он рассказывал об изменении планов структуры будущей книги. Маркс писал, что, вследствие постоянных перерывов в работе из-за болезни, а также необходимости заработка для семьи, он вынужден сначала выпустить *первый том,* а не оба вместе, как предполагал раньше; что весь труд займет, вероятно, три тома и будет состоять из четырех частей: 1) Процесс производства капитала; 2) Процесс

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 529.

[2] Кугельман — Марксу, 20 декабря 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1623); Кугельман — Марксу, 3 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1780); Кугельман — Марксу, 13 марта 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1831); Кугельман — Марксу, 10 октября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1676); Кугельман — Марксу, 23 октября 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1677); Кугельман — Марксу, 29 сентября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2086).

[3] Кугельман — Марксу, 20 декабря 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1623); Кугельман — Марксу, 10 июля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1867).

обращения капитала; 3) Формы и виды всего процесса в целом; 4) К истории теории.

Когда работа над I томом «Капитала» была завершена, Маркс отвез рукопись в Германию, считая, что ему легче будет самому договориться с издателем [1]. Поездка эта не обошлась без комических сообщений в прусской прессе; так, в выходившей в Ганновере газете «Zeitung für Norddeutschland» от 15 февраля 1867 г. появилась заметка о том, что проживающий в Лондоне доктор Маркс намечен для активной работы по подготовке очередного восстания в Польше и с этой целью должен объезжать континент.

С середины апреля до середины мая 1867 г. Маркс жил в Ганновере у Кугельмана, работая над корректурами I тома «Капитала». Он встретил в семье Кугельмана самый радушный прием. Письма Маркса Энгельсу, написанные в те дни, раскрывают образ Кугельмана как человека, глубоко и искренне преданного Марксу. Правда, Маркс уже тогда одновременно отмечал некоторые недостатки в его характере, которые со временем стал замечать все больше и больше. 24 апреля 1867 г. он писал Энгельсу: «Кугельман — фанатический (и, по-моему, слишком по-вестфальски восторженный) поклонник нашего учения и наших особ. Иной раз он надоедает мне своим энтузиазмом, который находится в противоречии с его холодной натурой врача. Но *он человек понимающий, глубоко честный,* готовый на все, способный к самопожертвованию и — что важнее всего — *убежденный.* У него миловидная миниатюрная жена и очаровательная восьмилетняя дочка» [2]. А 7 мая Маркс сообщал: «Д-р Кугельман и его жена относятся ко мне самым любезным образом и исполняют малейшее мое желание. Это превосходные люди» [3]. Самому Кугельману Маркс с благодарностью писал по возвращении домой: «Пребывание в Ганновере я считаю одним из лучших и самых отрадных оазисов в жизненной пустыне» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 528.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 245.
[3] Там же, стр. 251.
[4] Там же, стр. 460.

Положительно Маркс отзывался и о Кугельмане как враче. «Кугельман — выдающийся врач в своей специальности, а именно как гинеколог. Вирхов и прочие авторитеты... состоят с ним в переписке. Когда здесь бывают трудные случаи в этой области, он всегда привлекается в качестве консультанта. Для характеристики профессиональной зависти и местной глупости он рассказал мне, что первоначально был забаллотирован здесь, то есть не допущен в общество врачей, на том основании, что «гинекология» — это «безнравственное свинство». У Кугельмана также большой технический талант. В своей специальности он изобрел массу новых инструментов» [1].

По возвращении в Лондон Маркс продолжал информировать Кугельмана о дальнейшем прохождении корректур; 10 июня он сообщал, что отправил 14-й корректурный лист.

Во время пребывания Маркса в Ганновере Кугельман убедил его дать приложение к первому изданию «Капитала», в котором было бы дано дополнительное разъяснение формы стоимости для более широкого круга читателей [2].

В книге, писал Маркс 13 июля, будет около 50 листов. «Вы видите, как я ошибся относительно ее размеров. Два дня тому назад я отправил в Лейпциг *приложение* под заглавием: *«Форма стоимости, приложение к главе I, 1»*. Вы знаете *автора этого проекта;* пользуясь случаем, я приношу ему свою благодарность за эту идею» [3].

Еще в 1863 г. Кугельман советовал Марксу поместить в печати сообщения о предстоящем выходе в свет «Капитала» [4]. Во время пребывания Маркса у Кугельмана из Ганновера были «посланы письма во все стороны, и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 244—245.

[2] *К. Маркс.* «Послесловие ко второму изданию I тома «Капитала»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 12).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 463.

[4] Кугельман — Марксу, 18 марта 1863 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1390).

во многих немецких газетах появились предварительные заметки»[1].

Уже до выхода в свет «Капитала» Энгельс предложил Марксу план написания рецензий на книгу, с тем чтобы сломить неизбежный заговор молчания буржуазной науки и прессы, а также чтобы обеспечить скорейший сбыт книги, учитывая, что материальная сторона имела для Маркса большое значение[2]. Большую помощь в этом оказал Кугельман; благодаря его связям удалось организовать распространение книги и ее пропаганду в демократической и буржуазной печати.

Сразу же по выходе I тома «Капитала» Кугельман приступил к тщательному изучению основополагающего труда Маркса. 29 сентября он писал о той огромной радости, которую испытал, когда две недели тому назад, по возвращении из Швейцарии, нашел у себя готовый том «Капитала»[3]. 8 октября он писал, что дошел уже до третьей главы; в том же письме он предлагал Марксу организовать помещение статей о «Капитале» в немецких газетах[4]. Маркс поддержал этот план и просил Кугельмана ускорить написание рецензий. Первоначально Маркс предполагал, что Кугельман сам напишет несколько рецензий на его книгу, пользуясь советами Энгельса, который познакомился с Кугельманом еще в июле 1867 года; он провел у Кугельмана один день во время своей поездки в июле — августе 1867 г. по Европе (Швеция, Дания, Германия). Однако Кугельман не смог справиться с этой задачей так быстро, как этого хотелось бы Марксу. Первые рецензии на «Капитал» были написаны Энгельсом.

Кугельман обратил всю свою энергию на пропаганду «Капитала». Он вел переписку с издателями газет и отдельными лицами относительно помещения рецензий. В октябре 1867 г. Энгельс послал Кугельману две рецен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 251.

[2] Энгельс — Марксу, 27 апреля 1867 г. и 11 сентября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 247 и 293).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2086.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1733.

зии для помещения в немецкой прессе[1]. Кугельман сам вместе с женой переписывал рецензии Энгельса для отсылки их издателям. После некоторых усилий Кугельману удалось поместить одну из них в буржуазно-демократической газете, органе Народной партии — «Die Zukunft» 30 октября 1867 года[2]. Другую Кугельман послал 21 октября одному из редакторов буржуазной газеты «Rheinische Zeitung» Генриху Бюргерсу, своему старому товарищу по революционной работе; однако Бюргерс, ставший к этому времени либералом, не напечатал рецензию[3]. Текст ее сохранился в рукописи[4].

В декабре 1867 г. Энгельс направил Кугельману еще две рецензии. 27 декабря одна из них появилась в выходившей в Штутгарте газете «Der Beobachter», другая — в «Gewerbeblatt aus Württemberg»[5]. Кроме того, Кугельман сам написал одну рецензию, которую поместил в выходившей в Ганновере «Deutsche Volkszeitung» 10 ноября 1867 года[6].

В целях пропаганды «Капитала» Кугельман заказал 50 оттисков первой рецензии и разослал их своим друзьям и знакомым; в письмах и при личных встречах он просил их принять участие в распространении издания. В письмах к Марксу он сообщал о ходе сбыта книги, о появлявшихся в немецких газетах рецензиях на «Капитал»[7]. Вращаясь в кругу немецких ученых, он

---

[1] Энгельс — Марксу, 11 октября 1867 г. и 13 октября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 305—306); Энгельс — Кугельману, 12 октября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 471).

[2] Энгельс — Марксу, 5 ноября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 319); Кугельман — Марксу, 6 ноября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2111).

[3] Кугельман — Марксу, 6 ноября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2111).

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 214—218.

[5] Там же, стр. 231—233 и 234—236; Кугельман — Марксу, 3 ян варя 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2151).

[6] Кугельман — Марксу, 6 ноября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2111).

[7] Кугельман — Марксу, 13 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1749); Кугельман — Марксу, 6 ноября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2111); Кугельман — Марксу, 23 ноября

старался обратить их внимание на только что вышедший труд[1]. Он писал Марксу, что может попросить своих двух русских коллег, с которыми познакомился на собрании естествоиспытателей два года тому назад, написать рецензии[2]; четвертую рецензию Энгельса (из «Gewerbeblatt aus Württemberg») Кугельман повторно опубликовал в газете «Hannoversche Courier» от 4 июля 1868 года[3].

9 июля 1868 г. Кугельман послал Марксу рецензию на «Капитал» сторонника свободной торговли Юлиуса Фаухера, опубликованную в выходившем при участии последнего в Берлине журнале «Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte», а также другую рецензию из «Litterarisches Centralblatt» № 38 за 1868 год. Кугельман написал проект своего возражения Фаухеру, который собирался опубликовать в этом журнале, и послал его Марксу для просмотра. Маркс ответил 11 июля обстоятельным письмом, в котором писал: «Очень благодарен Вам за Вашу посылку. Фаухеру *не* пишите... Если будет второе издание, то в подходящем месте о *величине стоимости* Бастиа получит от меня несколько заслуженных им пинков, — это все, чего он добился. Я не сделал этого потому, что третий том будет содержать особую и обстоятельную главу о представи-

---

1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1770); Кугельман — Марксу, 9 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1785); Кугельман — Марксу, 3 января 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2151); Кугельман — Марксу, 3 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1780); Кугельман — Марксу, 9 июля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1866).

[1] Кугельман — Марксу, 3 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1780); Кугельман — Марксу, 3 января 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2151); Кугельман — Марксу, 8 апреля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1849); Кугельман — Марксу, 27 апреля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1852); Кугельман — Марксу, 15 октября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1904); Кугельман — Марксу, 4 марта 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1967).

[2] Кугельман — Марксу, 3 декабря 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1780).

[3] Кугельман — Марксу, 9 июля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1866); Кугельман — Марксу, 10 июля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1867).

телях «вульгарной политической экономии»»[1]. Вскоре Маркс написал статью под заглавием «Мой плагиат у Ф. Бастиа»[2], в которой опровергал клеветнические утверждения буржуазных экономистов, будто он заимствовал определение величины стоимости общественно необходимым рабочим временем у французского вульгарного экономиста Бастиа, — обвинения, содержавшиеся как в этих последних, так и в других рецензиях. Статья эта, однако, при жизни Маркса не была напечатана.

Одновременно Кугельман продолжал следить за появлением в печати статей Маркса, а также Энгельса; он неоднократно запрашивал их, не они ли являются авторами той или иной статьи. Так, 26 января 1868 г. он интересовался, не Марксу ли принадлежит появившаяся в газете «Die Zukunft» 12 декабря 1867 г. статья без подписи под заглавием «Плагиаторы»[3]; в этой статье разоблачалось выступление на генеральном собрании Всеобщего германского рабочего союза 24 ноября 1867 г. лассальянца Хофштеттена, использовавшего в своей речи почти дословно отдельные места из «Капитала» Маркса, искажая их смысл и не называя при этом ни самой работы, ни имени ее автора; Кугельман писал, что Хофштеттен считает автором статьи В. Либкнехта. Получив утвердительный ответ[4] с разъяснением, что Маркс написал эту статью «умышленно грубо и почти дубовато, чтобы Хофштеттен... не угадал источника», Кугельман 4 февраля с гордостью писал Марксу, что до-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 460. Критику вульгарных взглядов французского буржуазного экономиста Бастиа и его немецких последователей Маркс дал в послесловии ко второму немецкому изданию (1872 г.) I тома «Капитала», а также в ряде мест основного текста этого тома (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 18, 70, 91, 92, 204, 419, 575). В соответствии со своим первоначальным планом третьим томом «Капитала» Маркс в то время называл «Теории прибавочной стоимости» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 325—326.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1814; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 226—230.

[4] Маркс — Кугельману, 30 января 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 445).

статочно знать «Святое семейство» или «Господин Фогт», чтобы немедленно узнать автора [1].

Узнав в марте 1869 г. о предстоящем выходе в Германии 2-го издания работы Маркса «18-е брюмера Луи Бонапарта», Кугельман немедленно постарался организовать пропаганду этой работы, а затем занялся распространением ее [2].

Маркс очень высоко оценил помощь, оказанную ему Кугельманом в деле пропаганды и распространения «Капитала». 12 октября 1868 г. он писал Кугельману: «Для моей книги — не говоря уже обо мне лично — Вы сделали больше, чем вся Германия, вместе взятая» [3].

В. И. Ленин отметил большую ценность для экономической науки письма Маркса от 11 июля 1868 г., адресованного Кугельману. Ленин писал, что оно представляет «выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма». «Маркс излагает здесь, писал Ленин, в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов, чрезвычайно отчетливо *свое* понимание так называемой «трудовой» теории стоимости. Именно те возражения против теории стоимости Маркса, которые всего естественнее возникают у наименее подготовленных читателей «Капитала» и которые всего усерднее подхватываются поэтому дюжинными представителями «профессорской», буржуазной «науки», — разобраны здесь Марксом коротко, просто, замечательно ясно. Маркс показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо идти к объяснению закона стоимости. Он учит, на примере самых обыденных возражений, своему *методу*. Он выясняет связь такого чисто (казалось бы) теоретического и отвлеченного вопроса, как теория стоимости, с «интересами господствующих классов», требующими *«увековечения путаницы»*. Остается пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1820.

[2] Кугельман — Марксу, 22 марта 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1970); Кугельман — Марксу, 2 июня 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2002); Кугельман — Марксу, 11 августа 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2035).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 471—472.

названное нами письмо вместе с штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала»» [1].

Ленин также отметил письмо Маркса Кугельману от 6 марта 1868 г. [2], содержащее «отзыв о Дюринге..., как бы предвосхищающий содержание написанной девять лет спустя Энгельсом (вместе с Марксом) знаменитой книги «Anti-Dühring»» [3]. Дюринг первый из специалистов заговорил о «Капитале»; «странно смущенный тон г-на Дюринга в его рецензии, — писал Маркс, — мне теперь понятен. Вообще, это весьма заносчивый, несносный молодчик, который корчит из себя революционера в политической экономии. Он совершил двоякое дело. Во-первых, опубликовал (опираясь на взгляды Кэри) *«Критическое основоположение политической экономии»* (около 500 страниц) и новую *«Естественную диалектику»* (направленную против гегелевской). Моя книга поставила над ним крест в обоих отношениях. Из ненависти к Рошеру и т. д. он стал писать о ней. Впрочем, при этом он допускает ряд ложных утверждений — отчасти умышленно, отчасти вследствие недомыслия. Он очень хорошо знает, что мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее *мой* метод. Что касается Рикардо, то г-на Дюринга огорчило как раз то, что в моем изложении *нет* тех слабых пунктов, которые Кэри и сотня других до него использовали против Рикардо» [4].

Следует однако отметить, что при всем хорошем отношении к Кугельману Маркс и Энгельс прекрасно отдавали себе отчет в том, что в его лице они имеют хотя и весьма преданного помощника, однако человека с ограниченными возможностями — прежде всего в силу его малой опытности в партийных делах, а также в силу того, что все же основное время он уделял своей медицинской деятельности.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 372.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 447—448.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 373.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 448.

12 сентября 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «Твой план напасть на книгу с *буржуазной точки зрения* — *лучшее военное средство*... С другой стороны, ты должен написать *Кугельману,* — он уже вернулся — и дать ему несколько указаний о тех положительных сторонах, которые он должен подчеркнуть. В противном случае он наделает *глупостей,* так как одного энтузиазма тут мало»[1]. Не удовлетворяли их также и темпы деятельности Кугельмана, который собирался все делать весьма основательно, изучая одновременно «Капитал», в то время как Маркс стремился как можно скорее вызвать в публике интерес к своему произведению. Энгельс отвечал Марксу: «Для Кугельмана я кое-что приготовлю завтра пополудни; мы далеко не уедем, если будем ждать, пока *он* прочтет книгу»[2].

Еще 8 октября 1867 г. Кугельман сообщил Марксу о том, что проживающий в Ганновере адвокат Эрнст Варнебольд (член партии национал-либералов) предлагает свои услуги в деле помещения рецензий на I том «Капитала» в ряде буржуазных газет[3]. Вслед за тем Кугельман передал Варнебольду две написанные Энгельсом рецензии. Однако через месяц, из письма Кугельмана от 6 ноября 1867 г., Маркс узнал, что Варнебольд не выполнил своего обещания[4]. 10 ноября 1867 г. Энгельс писал Марксу: «Какая трогательная беспомощность в письме доброго Кугельмана! И какое знание людей проявляет он по отношению к Варнебольду! Подлец выведывает у него все секреты, и притом он прусский шпион! Ты *должен* открыть Кугельману глаза на эту собаку хотя бы настолько, чтобы пруссаки больше не узнавали о всех наших делах. Подлец злоупотребляет твоим доверием, это освобождает тебя от всяких обязательств по отношению к нему»[5].

В следующем письме к Энгельсу Маркс подчеркнул незрелый характер написанной Кугельманом рецензии

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 294.
[2] Там же, стр. 305.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1733.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2111.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 324.

для выходившей в Ганновере газеты «Deutsche Volkszeitung». «Он подражает в ней, — писал Маркс, — и весьма неудачно, одной из твоих статей. Поскольку это демократическая газета, он мог бы подробней остановиться на содержании книги. Он, между прочим, приписывает мне поистине «поразительный вывод», «что весь капитал возник *из неоплаченной рабочей* ***силы***». В числе «немецких корифеев политической экономии», «суждение» которых он хотел бы знать, фигурирует г-н «Фаухер» ...на *первом месте* и Рошер — на последнем» [1]. В письме к Марксу от 12 декабря 1867 г. Энгельс также отметил некоторые неудачные действия Кугельмана [2].

* * *

Помимо помощи, которую он оказывал Марксу в деле распространения и пропаганды «Капитала», Кугельман в своих письмах подробно информировал его о политических событиях в Германии. Это представляло для Маркса большой интерес; уже в первом своем письме от 28 декабря 1862 г. он писал: «Буду очень рад, если Вы напишете мне при случае о теперешнем положении дел на родине. По-видимому, мы идем навстречу революции, в чем я с 1850 г. никогда не сомневался. Первый акт будет заключать в себе далеко не отрадное повторение глупостей 1847—1849 годов. Но таков уж ход мировой истории, и приходится брать ее такой, какова она есть» [3]. Кугельман живо откликнулся на просьбу Маркса. В целом ряде писем он характеризовал буржуазные партии в Германии, их предательскую роль по отношению к трудящимся, подчеркивая, что немецкая буржуазия не использует аннексионистские устремления Пруссии для агитации в пользу вооружения народа; он писал, что на основании собственных наблюдений пришел к выводу, что буржуазные партии проявляют абсолютное безволие, постоянно повторяя,

---

[1] Маркс — Энгельсу, 14 ноября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 327).

[2] Там же, стр. 345.

[3] Там же, т. 30, стр. 529.

что революцию делать они не желают[1]. В своих письмах Кугельман подвергал критике взгляды буржуазных теоретиков — идеолога кооперации Шульце-Делича, сторонника свободной торговли Фаухера; он критиковал также взгляды Ф. Лассаля[2].

Многие вопросы, поднимавшиеся Кугельманом, Маркс освещал в своих письмах к нему.

Когда началась австро-прусская война, Кугельман с горечью отмечал, что, за исключением небольшой группы чиновников, офицеров и др., Северная Германия настроена пробисмарковски. Пролетариат в Германии еще не организовался, писал он, однако путь известен, и пролетариат будет медленно, но верно идти вперед[3]. А после окончания войны, 23 октября 1866 г., Кугельман сообщал Марксу: «Положение здесь в высшей степени безотрадное. Филистер, настроенный частично партикуляристски, частично аннексионистски, большей же частью апатично, не понимает, что победитель над Австрией и Союзом, которого он ...приветствовал, представляет победу над свободой и парламентской формой правления. Только партия «Kreuz-Zeitung» действует согласно определенной программе, представители Готской партии всех оттенков едины с Бисмарком»[4]. Убеждая Кугельмана не поддаваться пессимистическим настроениям, Маркс отвечал ему: «Международное положение в Европе я считаю совершенно временным. Что касается специально Германии, то надо брать вещи такими, каковы они есть, то есть отстаивать революционные интересы таким путем, который соответствует изменившимся обстоятельствам»[5].

---

[1] Кугельман — Марксу, 23 февраля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1640); Кугельман — Марксу, 15 апреля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1651).

[2] Кугельман — Марксу, 18 марта 1863 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1390); Кугельман — Марксу, 19 февраля 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1836).

[3] Кугельман — Марксу, 6 июля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5589).

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1677.

[5] Маркс — Кугельману, 23 августа 1866 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 438).

Кугельман регулярно информировал Маркса и о рабочем движении в Германии — о стачках, о деятельности берлинского Рабочего союза и др.[1].

2 августа 1868 г. Кугельман описал Марксу крупную забастовку на ткацкой фабрике в Ганновере и спрашивал, нельзя ли организовать в Лондоне материальную поддержку бастующим рабочим[2]. Марксу не удалось выполнить эту просьбу Кугельмана. Он «тщетно обращался в разные места», но в тот момент было невозможно раздобыть в английских тред-юнионах денег на поддержку заграничной стачки[3]. Маркс поставил эту корреспонденцию Кугельмана на обсуждение в Генеральном Совете Интернационала; в протоколе последнего за 4 августа 1868 г. значится: «Германия. Из Ганновера сообщают о стачке ткачей, работающих на механическом ткацком станке: они работают 14 часов в день за 9 шиллингов в неделю»[4].

Интересно также письмо Маркса от 17 марта 1868 года. Отвечая Кугельману, который 13 марта 1868 г. спрашивал, не лучше ли Марксу, для того чтобы избавиться от непрерывных материальных забот и получить бо̀льший досуг для творческой работы, переехать на жительство в Женеву[5], Маркс писал, что он не собирается уехать из Лондона, в частности потому, что, «если бы я уехал отсюда в такое критическое время, все рабочее движение, на которое я влияю из-за кулис, попало бы в очень плохие руки и сбилось бы с верного пути»[6].

Письма Маркса Кугельману представляют особый интерес содержащимися в них характеристиками ряда политических деятелей и целых течений. Таковы его от-

---

[1] Кугельман — Марксу, 18 марта 1863 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1390); Кугельман — Марксу, 12 августа 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1724); Кугельман — Марксу, 5 февраля 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1821).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5594.

[3] Маркс — Кугельману, 10 августа 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 463—464).

[4] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы». М., 1963, стр. 167.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1831.

[6] Маркс — Кугельману, 17 марта 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 450).

зывы о И. Дицгене, о прудонистах, о Дюринге, Тюнене, Бюхнере, Лассале, И. Микеле. В. И. Ленин писал: «Когда читаешь... отзывы Маркса, живо написанные, полные страсти, обнаруживающие захватывающий интерес ко всем крупным идейным течениям и анализу их, — чувствуешь себя как бы слушающим речь гениального мыслителя» [1].

В 1867—1868 гг. между Марксом и Кугельманом шла оживленная переписка об Иосифе Дицгене. 7 декабря 1867 г. Маркс направил Кугельману для ознакомления полученное им письмо немецкого рабочего-кожевника, философа-самоучки Иосифа Дицгена [2], в то время проживавшего в Петербурге. Дицген писал Марксу, что с ранней молодости начал читать его произведения и что особый восторг вызвало у него ознакомление с только что вышедшим I томом «Капитала». В этом письме Дицген изложил также свои философские воззрения, получившие высокую оценку Маркса. Через год, 7 декабря 1868 г., Кугельман сообщил Марксу, что познакомился с Дицгеном, который весной гостил у него по пути из Петербурга и рассказал о своей жизни. Кугельман передал Марксу этот рассказ, представляющий большой интерес для изучения биографии Дицгена, поскольку он исходит от него самого. Дицген происходил из относительно обеспеченной семьи; отец его имел собственную дубильню, однако сам он получил 4-классное образование, а кожевенному делу учился у отца; уехав в Америку, он во время Гражданской войны потерял там несколько тысяч талеров и вернулся в Германию. Изучив новый способ обработки кожи, он отправился в Петербург, где поступил в общество по обработке кожи, выписал свою семью (жену и пятерых детей) и жил там довольно обеспеченно; условия работы там (он жил напротив фабрики и должен был являться туда только утром и на полчаса после обеда для наблюдения), а также до этого в Зигбурге, оставляли ему достаточно свободного времени для чтения. Кугельман писал, что интерес к философским и социально-полити-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 372.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 483.

ческим проблемам у Дицгена пробудил юрист Йозеф Шмиц из Рейдта, с которым Дицген тогда подружился. «Примечательно, — писал Кугельман, — что этот самый Шмиц был членом нашей студенческой корпорации... в Бонне, и как раз в то самое время, когда в ней состоял я, а также то, что именно я дал этому Шмицу толчок в его философском и социально-политическом направлении». Кугельман писал, что Шмиц работает в Кёльне, при посредстве Дицгена он вновь связался со Шмицем и они время от времени переписываются. Из письма Шмица от 9 ноября 1868 г. Кугельман узнал, что Дицген возвратился с семьей из России, собирается на свои сбережения, а также использовав полученные им в наследство от дяди 10 000 талеров, построить в Зигбурге новый дом и заниматься обработкой кожи [1].

Маркс ответил Кугельману 12 декабря 1868 года: «Возвращаю также портрет Дицгена. Биография его не совсем такова, как я ее себе представлял. Но мне всегда что-то подсказывало, что он «не такой рабочий, как Эккариус». В самом деле, такого рода философское воззрение, какое он сам себе выработал, требует известного спокойствия и досуга, чего не имеют рядовые рабочие» [2].

В результате знакомства с Марксом и изучения его произведений Кугельман вновь практически включился в рабочее движение.

В биографии Кугельмана особое место занимает его деятельность как члена Первого Интернационала. Сразу после основания этой международной пролетарской организации Маркс переслал Кугельману несколько экземпляров «Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих» и просил передать некоторым лицам в Германии, отметив важность вновь созданной организации [3]. Кугельман передал «Манифест» по

---

[1] Кугельман — Марксу, 7 декабря 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1930); это сообщение позволяет уточнить отдельные даты жизни Дицгена, в частности момент его возвращения из России в Германию (1868 год, в то время как до сих пор считалось, что это произошло в 1869 году).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 485.

[3] Маркс — Кугельману, 29 ноября 1864 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 364).

назначению и попросил прислать дополнительные экземпляры.

23 февраля 1865 г. Маркс, отмечая, что успех Товарищества превзошел всякие ожидания в Лондоне, Париже, Бельгии, Швейцарии, Италии, сообщил Кугельману правила вступления в Интернационал: «каждый может стать членом Товарищества, приобретая за 1 шиллинг членский билет... я решил теперь предложить моим друзьям в различных местностях Германии создавать небольшие общества, безразлично с каким количеством членов в каждой местности, с тем чтобы каждый член приобретал английский членский билет... Я очень хотел бы, чтобы и Вы вместе с наиболее близко стоящими к Вам людьми связались таким путем с Лондоном». Маркс добавил, что скоро пришлет еще 24 экземпляра «Манифеста» [1].

В ответном письме Кугельман просил два членских билета — для себя и для своего друга Г. Т. Менке из Гамбурга и послал членские взносы в МТР [2]. Позднее Маркс послал ему членские билеты для его жены и некоей г-жи Тенге — знакомой семьи Кугельмана [3]. Кугельман писал, что, живя в небольшом городе, отдавая много сил своей узкопрофессиональной работе — медицинской практике, он до сих пор позволял себе время от времени только изучать работы Маркса и Энгельса, поскольку он имеет их у себя; однако, будучи оторванным от практической борьбы, он не знает, как мог бы включиться в партийную работу. Учитывая эти настроения Кугельмана, его желание вновь включиться в революционную деятельность, Маркс начал активно вовлекать его в партийную жизнь и, как будет показано ниже, продолжал это делать более десяти лет.

После этого Маркс регулярно информировал Кугельмана о состоянии дел в МТР. Он называет Кугельману печатные органы Интернационала в различных странах

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 384.

[2] Кугельман — Марксу, 20 декабря 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1623).

[3] Маркс — Кугельману, 13 июля 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 463).

и сообщает, что в ближайшее время в Женеве появится журнал его немецких секций в Швейцарии «Der Vorbote»[1]. Кугельман подписался как на этот журнал, так и на печатные органы Генерального Совета в Лондоне «Workman's Advocate» и «Commonwealth». В одном из своих писем он просил Маркса сообщить адреса членов Интернационала, проживающих в Париже, с тем чтобы Менке, едущий туда, мог с ними связаться[2]. В августе 1866 г. Маркс сообщил ему порядок дня предстоявшего в 1866 г. конгресса Интернационала в Женеве, добавив при этом, что хотя он и много времени посвящает подготовительным работам к Женевскому конгрессу, но не поедет на него, так как не может, да и не хочет, потому что считает, что то, что даст его работа «Капитал», гораздо более важно для рабочего класса, чем все, что он мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе[3].

Очень возможно, что это высказывание Маркса, так созвучное с настроением самого Кугельмана, глубоко запало в памяти ганноверского отшельника; во всяком случае, с годами он все более и более настойчиво повторяет Марксу, что «Капитал» составит эпоху, что он будет служить маяком для рабочего класса и что поэтому Маркс должен меньше уделять внимания практической деятельности в рабочем движении, а все силы сосредоточить на завершении своего главного труда. В конце концов эта настойчивость Кугельмана, хотя он исходил из самых лучших и искренних побуждений, явилась впоследствии, в 1874 г., одной из причин, почему Маркс прекратил переписку с ним.

После окончания конгресса Маркс выразил полное удовлетворение результатами его работы и сообщил, что он написал программу лондонских делегатов, ограничив ее такими пунктами, на которые рабочим можно

---

[1] Маркс — Кугельману, 15 января 1866 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 419).

[2] Кугельман — Марксу, 15 апреля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1651); См. также Маркс — Кугельману, 6 апреля 1866 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 433).

[3] Маркс — Кугельману, 23 августа 1866 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 31, стр. 437).

непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок. Далее Маркс критикует французских прудонистов и заключает: «Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, напыщенные, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им воздам должное» [1].

В. И. Ленин по поводу этого письма говорит: «Особенного внимания читателей заслуживают отзывы о прудонистах... «Блестящая» интеллигентская молодежь из буржуазии, бросающаяся «в пролетариат» в период общественного подъема, не способная проникнуться точкой зрения рабочего класса и упорно, серьезно работать «в ряду и в шеренге» пролетарских организаций, обрисована несколькими штрихами поразительно ярко» [2].

В феврале 1867 г. на вопрос Кугельмана о состоянии дел в Интернационале Маркс отвечает обещанием выслать официальный отчет о Женевском конгрессе, который в то время регулярно печатался в одной лондонской газете [3].

17 августа 1867 г. Кугельман выехал на отдых, предварительно сообщив Марксу свои адреса в пути [4]; проехав через ряд городов Германии и Франции, он остановился в Швейцарии; там он принял участие как делегат от Ганновера [5] в работах заседавшего в Лозанне со 2 по 8 сентября конгресса I Интернационала [6].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 444.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 372—373.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 452.

[4] Кугельман — Марксу, 12 августа 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1724).

[5] «Procès-verbaux du congrès de l'Association internationale des Travailleurs réuni à Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 5.

[6] На конгрессе присутствовало свыше 60 делегатов; Маркс, занятый корректурой первого тома «Капитала», не смог лично присутствовать на нем. На конгрессе были заслушаны отчет Генерального Совета и доклады с мест, в повестку дня, утвержденную Генеральным Советом Интернационала, было включено только два вопроса:

На заседании 3 сентября были назначены комиссии по вопросам повестки дня. В протоколах конгресса мы находим имя Кугельмана в составе комиссии из 9 человек по второму пункту повестки дня[1], то есть по одному из вопросов, выдвинутому Генеральным Советом Интернационала; однако пункт второй повестки дня, утвержденный Генеральным Советом в формулировке: «О рабочем кредите», был на конгрессе дополнен и в окончательном виде представлен так: «Кредит и народные банки. Монеты и бумажные деньги. Взаимное страхование. Рабочие общества». К сожалению, протоколов заседаний комиссии не сохранилось; на ее заседаниях происходила борьба между сторонниками Маркса и прудонистами. Линию Генерального Совета Интернационала в комиссии проводил его генеральный секретарь И. Г. Эккариус, который и выступил на конгрессе от имени комиссии по этому вопросу; конгресс принял как вывод из доклада комиссии, с учетом дискуссии, предложенную Эккариусом резолюцию[2]; можно предположить, что Кугельман во время работы комиссии поддерживал линию Генерального Совета.

---

1) О практических средствах превращения Международного Товарищества Рабочих в общий центр борьбы пролетариата против капитала и 2) О рабочем кредите. Последний вопрос руководство Интернационала не относило к числу вопросов пролетарской программы действия на той ступени развития движения; Генеральный Совет утвердил этот вопрос только с учетом того, что его постоянно выдвигали сами массы, учитывая популярность этого вопроса среди представителей местных секций Интернационала. Однако под влиянием преобладавших на конгрессе прудонистов (делегатов от Франции и Швейцарии) повестка дня была значительно расширена, что привело к распылению внимания делегатов конгресса и отвлекло от действительно насущных вопросов. Все же прудонистам не удалось захватить руководство Интернационалом в свои руки. Конгресс переизбрал Генеральный Совет в прежнем составе и сохранил местом его пребывания Лондон.

[1] «Procès-verbaux du congrès de l'Association internationale des Travailleurs réuni à Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 11.

[2] «Rapports lus au congrès ouvrier réuni du 2 au 8 septembre 1867 à Lausanne». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 75; «Urkundenbuch der I. Internationale», Bd. 3, S. 558.

На девятом заседании конгресса, 6 сентября, имя Кугельмана значится среди пяти лиц (в том числе И. Ф. Беккера), подписавших предложение относительно места заседаний следующего конгресса[1]. Кугельман присутствовал на всех заседаниях конгресса, кроме одного; он пропустил десятое заседание, на котором стоял вопрос о воспитании и образовании[2].

Из Лозанны Кугельман поехал в Женеву; он просил Маркса направлять ему туда письма по адресу И. Ф. Беккера[3]. В Женеве на 5 сентября был назначен учредительный конгресс международной Лиги мира и свободы[4]. Кугельман был в числе тех членов Товарищества, которые приняли участие в работах конгресса Лиги в индивидуальном порядке. Он принял активное участие в разыгравшейся там борьбе между сторонниками

---

[1] «Rapports lus au congrès ouvrier réuni du 2 au 8 septembre 1867 à Lausanne». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 39.

[2] Там же, стр. 79.

[3] Кугельман — Марксу, 12 августа 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1724).

[4] Лига мира и свободы — буржуазно-пацифистская организация, созданная рядом мелкобуржуазных и буржуазных республиканцев и либералов. На заседания Лиги были разосланы приглашения секциям Интернационала и его руководителям. С целью дать возможность принять в них участие делегатам Лозаннского конгресса Интернационала открытие конгресса Лиги было перенесено на 9 сентября. Генеральный Совет Интернационала еще на своем заседании 13 августа 1867 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 210 и 556—557) принял решение — не принимать официального участия в конгрессе Лиги в качестве представителей Международного Товарищества Рабочих. Маркс в своей речи на этом заседании подчеркнул, что подлинным борцом за мир является Интернационал, поскольку «объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными». Официальное участие I Интернационала в конгрессе Лиги грозило утратой самостоятельного пролетарского характера Международного Товарищества Рабочих и сделало бы его ответственным за пацифистские иллюзии, распространявшиеся Лигой.

На третьем конгрессе I Интернационала, заседавшем в сентябре 1868 г. в Брюсселе, была принята резолюция, в которой указывалось, что существование пацифистской Лиги, претендующей на руководство международным рабочим движением, является излишним при наличии Международного Товарищества Рабочих. Лиге предлагалось присоединиться к Товариществу, а ее членам вступить в секции Товарищества.

Карла Фогта — участника клеветнической травли пролетарских революционеров и самого К. Маркса в 50—60 годах — и сторонниками Маркса — И. Ф. Беккером, Эккариусом и др. в вопросе о выборах вице-президентов конгресса. Кугельман так описал в письме к Марксу от 29 сентября свое участие в этом конгрессе: «Я испытываю удовлетворение от моего пребывания в Женеве, и именно потому, что там, в логовище льва (К. Фогт жил в Женеве. — *Т. А.*), я отомстил господину Фогту за Вас: при выборах пяти вице-президентов конгресса от немцев предложили также и Фогта. Я выступил с протестом, заявив, что это имя не должно быть тут названо до тех пор, пока носитель его не снимет с себя обвинение в том, что он является платным орудием Наполеона[1]. Несмотря на усердную защиту его с разных сторон — блестящая победа. Были избраны четыре марксиста и Людвиг Бюхнер. На следующее утро появляются мальчишки, фогтовские приверженцы, и пытаются аннулировать вчерашнее решение; напрасное начинание — новая победа наших. За этим следует полностью измененная, сильно социалистически окрашенная программа демократов, которые за день до того выступали только как разбавленные водой представители буржуазии; далее, я имел несчастье оскорбить нрав Якоба Венедея (немецкого публициста, либерала. — *Т. А.*), который заявил, что его всегда глубоко печалит, когда он слышит утверждения относительно противоположности между буржуазией и пролетариатом»[2]. Таким образом, мы видим, что на конгрессе организации непролетарского характера Кугельман выступил как представитель пролетариата и очень умело и успешно использовал момент для борьбы против врагов марксизма и личных противников Маркса.

11 октября Маркс писал Кугельману: «Ваши маневры против Фогта в Женеве я считаю очень удач-

---

[1] Маркс на основании ряда устных и печатных выступлений Фогта пришел к выводу, что последний являлся бонапартистским агентом, о чем и сообщил в своей работе «Господин Фогт». Этот вывод Маркса полностью подтвердился на основании опубликованных позднее документов из архива Наполеона III.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2086.

ными»[1]. Маркс написал об этом Энгельсу и сообщил также дальнейший ход событий: «В прилагаемом письме Кугельмана ты найдешь кое-что о Фогте. После того как Кугельман уехал и банда полагала, что избавилась и от Боркхейма, состоялось последнее собрание немцев, на которое неожиданно явился Боркхейм и присутствовал при следующем инциденте. Г-н Гёгг вручил вице-президенту Бюхнеру бумажку, в которой он объявляет ложными слухи о бонапартизме и т. д. Фогта и выдает... свидетельство о добродетелях этому человеку, которого он-де знает уже двадцать лет. Он требует, чтобы Бюхнер *подписал* эту записку, то есть *удостоверил,* что ему сообщено ее содержание. Бюхнер, естественно, сделал это. Тогда вскакивает маленький Бейст и подает письменное заявление о том, что Гёгг высказывает лишь свое личное мнение, которое в Швейцарии никем не разделяется и т. д. и т. д.; требует также, чтобы его *протест* был удостоверен Бюхнером, что последний и выполняет. Так был расстроен маневр Фогта. Как низко пал этот субъект!»[2].

На обратном пути из Швейцарии Кугельман проехал во Франкфурт-на-Майне, где принял участие в работах конгресса естествоиспытателей.

Кугельман был связан с рядом видных деятелей германского рабочего движения — В. Либкнехтом, В. Бракке, Л. Бонхорстом и др.[3] В его общении с Либкнехтом

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 469.

[2] Маркс — Энгельсу, 4 октября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 298—299).

[3] К сожалению, мы не располагаем их письмами друг другу. Можно предполагать, что многие из этих писем оказались, согласно отданному Кугельманом перед смертью распоряжению, сожженными вместе с другой хранившейся им корреспонденцией; сожжение это было произведено в официальном порядке в запечатанных мешках, для перевозки которых чиновникам пришлось подать две повозки. Чиновники утверждали, что подобное им доводилось видеть только в служебных архивах. Франциска пишет, что у ее отца хранилась в особом шкафу огромная корреспонденция, которую он располагал в алфавитном порядке. Однако по переписке Кугельмана с Марксом и Энгельсом и некоторым другим косвенным данным можно установить наличие этой связи и систематический характер ее.

большое место занимали вопросы пропаганды и распространения в Германии трудов Маркса[1]. В целом ряде писем Маркс и Энгельс делятся с Кугельманом своими критическими замечаниями в адрес В. Либкнехта, говорят о тех недостатках, которые мешали Либкнехту в достаточной мере эффективно вести борьбу с лассальянцами[2]. В сентябре 1868 г. Кугельман имел встречу с Либкнехтом во время поездки на собрание естествоиспытателей в Дрездене[3]. Во многих своих письмах к Кугельману Маркс и Энгельс обращались к нему с различными просьбами, связанными с Либкнехтом, в то же время они в ряде случаев обращались к Кугельману через Либкнехта[4].

По переписке прослеживается аналогичная связь Кугельмана с одним из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии Вильгельмом Бракке и с членом Брауншвейгского комитета партии

---

[1] Кугельман — Марксу, 13 октября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1749); Кугельман — Марксу, 6 ноября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2111).

[2] Энгельс — Кугельману, 12 декабря 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 484—485); Маркс — Кугельману, 11 января 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 443); Маркс — Кугельману, 6 апреля 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 453); Маркс — Кугельману, 12 октября 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 472—473); Маркс — Кугельману, 5 декабря 1868 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 484); Энгельс — Марксу, 25 июля 1869 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 280); Кугельман — Марксу, 23 ноября 1867 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1770); Кугельман — Марксу, 22 марта 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1970).

[3] Кугельман — Марксу, 15 октября 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1904); Кугельман — Марксу, 6 января 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1945).

[4] Кугельман — Марксу, 20 декабря 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1623); Кугельман — Либкнехту, 25 марта 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, IV, ед. хр. 2790); Кугельман — Либкнехту, 31 марта 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 200, IV, ед. хр. 2791); Маркс — Кугельману, 18 февраля 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 452); Энгельс — Кугельману, 8 ноября 1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 31, стр. 475); Кугельман — Марксу, 22 марта 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1970); Кугельман — Марксу, 21 октября 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2054).

Л. Бонхорстом[1]. 21 марта 1870 г. Кугельман пересылает Марксу письмо Бракке, в котором идет речь о рабочих-сигарочниках и о письме Кугельману Брауншвейгского комитета Социал-демократической рабочей партии за подписью Бонхорста; в этом письме Кугельману предлагалось проявить активность, по-видимому, в каком-то деле, связанном с союзом сигарочников[2]. В своем письме Кугельман добавляет, что Бонхорст на днях приходил к нему на «медицинскую консультацию».

Кугельман состоял также в переписке с немецким социал-демократом Карлом Гиршем. В одном из находящихся в нашем распоряжении писем Гирша Кугельману речь идет о выполнении просьбы Маркса о передаче В. Либкнехтом экземпляров издания работы Маркса «Господин Фогт» на хранение Кугельману[3].

В сентябре 1869 г. Маркс вновь гостил у Кугельмана вместе со своей старшей дочерью Женни. По пути он заезжал в Брюгге, Льеж, Ахен и Кёльн; был у И. Дицгена в Зигбурге, затем в Бонне и Майнце, где провел один день у немецкого социалиста, члена I Интернационала Пауля Штумпфа, посетил Висбаден. В Ганновер Маркс и Женни приехали около 18 сентября и пробыли там до 7 октября. После этого посещения, которое еще больше сблизило Маркса и Кугельмана, они перешли в обращении друг к другу на ты[4]. 3 октября Маркса посетили в Ганновере члены Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии — В. Бракке, Л. Бонхорст и С. Шпир. По-видимому, это было деловое совещание по вопросам, связанным с рабочим движением в Германии на новом этапе — непосредственно после образования в августе этого года Социал-демо-

---

[1] Кугельман — Марксу, 17 июля 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2023); Кугельман — Марксу, 21 октября 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2054).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2099.

[3] К. Гирш — Кугельману, 8 февраля 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 184, ед. хр. 9).

[4] Маркс — Кугельману, 12 октября, 29 ноября 1868 г. и др. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 32, стр. 528, 530 и др.); Кугельман — Марксу, 11 августа 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2035); Кугельман — Марксу, 21 октября 1869 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2054).

кратической рабочей партии Германии (эйзенахцев). На обратном пути Маркс заехал в Гамбург к издателю «Капитала» О. Мейснеру.

Не принимая непосредственного участия в рабочем движении, Кугельман внимательно следит за его развитием, дает ему свою оценку. 29 декабря 1869 г., говоря о том, что последняя большая рабочая демонстрация в Вене совсем перепугала венскую буржуазию, он добавляет: «Как снег на солнце исчезнут все эти пигмеи перед *организованным пролетариатом*»[1]. В эти годы он материально поддерживает большие рабочие стачки в Женеве и Базеле, как это видно из отчетов, помещенных в журнале «Vorbote»[2].

Кугельман был первым в Германии, кого Маркс посвятил в вопрос о раскольнической деятельности Михаила Бакунина в I Интернационале[3]. При этом Маркс

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2073.

[2] «Der Vorbote» № 5, 1868, S. 68; № 1, 1869, S. 13.

В Женеве в марте 1868 г. 3000 строительных рабочих объявили стачку с требованием сокращения рабочего дня до 10 часов, повышения заработной платы, замены поденной оплаты почасовой. По инициативе Центрального комитета женевских секций Интернационала бастующим оказали помощь также рабочие других отраслей промышленности. Генеральный Совет Интернационала организовал сбор средств среди рабочих Англии, Франции и Германии; благодаря этой поддержке женевские рабочие выиграли стачку.

В Базеле 9 ноября 1868 г. началась борьба ленточников и красильщиков шелка против объявленного фабрикантами локаута; борьба эта продолжалась до весны 1869 года. Во время этой борьбы рабочим оказало поддержку Международное Товарищество Рабочих. Вопрос о локауте обсуждался на заседании Генерального Совета Интернационала 5 января 1869 г. (Более подробное описание стачек в Женеве и Базеле содержится в написанном К. Марксом «Отчете Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих» — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 386—390.)

[3] М. Бакунин, вступивший в романскую секцию I Интернационала в Женеве в 1868 г., через несколько дней после этого основал за спиной Генерального Совета Интернационала тайную организацию под названием «Альянс социалистической демократии». Альянс представлял собой международную организацию анархистов, отрицавших идею диктатуры пролетариата и выступавших против создания массовых независимых рабочих партий. Бакунисты вели подрывную деятельность против Интернационала, стремясь захватить в свои руки его Генеральный Совет и таким образом подчинить себе международное рабочее движение.

воспользовался связями Кугельмана в германском рабочем движении, о которых говорилось выше. 28 марта 1870 г. он направил Кугельману предназначавшееся для руководства Социал-демократической рабочей партии Германии «Конфиденциальное сообщение»[1], написанное им как секретарем-корреспондентом для Германии по поручению Генерального Совета I Интернационала[2]. Можно предположить, что Маркс переслал этот документ из Лондона в Ганновер не по почте, а с нарочным.

Маркс просил Кугельмана по прочтении передать документ Бракке и товарищам, «напомнив еще раз, что это сообщение конфиденциальное и не предназначено для опубликования». В «Конфиденциальном сообщении» излагалась история раскольнической деятельности Бакунина в Интернационале вплоть до последних дней; в состав документа был включен полный текст циркулярного письма Генерального Совета Федеральному совету Романской Швейцарии в Женеве от 1 января 1870 года[3]. Кугельман передал документ лично Бракке, который как раз в это время приехал в Ганновер, чтобы «произнести речь»[4].

В последующие годы Маркс посылал Кугельману все важнейшие документы Интернационала немедленно после их опубликования (два воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне, воззвание «Гражданская война во Франции», «Мнимые расколы в Интернационале», «Альянс социалистической демократии»). Можно думать, что эти документы предназначались не просто для личного пользования Кугельмана, а что при этом Маркс рассчитывал на их распространение в рядах германской социал-демократии, может быть в немецкой печати.

Начиная с конца 60-х годов в переписке Маркса с Кугельманом все большее место занимали вопросы, свя-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 429—441.

[2] Там же, т. 32, стр. 553.

[3] Там же, т. 16, стр. 402—409.

[4] Кугельман — Марксу, 13 апреля 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2108).

занные с политическим положением во Франции, где в это время назревал революционный кризис, росла оппозиция различных слоев населения режиму Второй империи, появилось огромное количество оппозиционной и социалистической литературы. 3 марта 1869 г. Маркс писал Кугельману: «Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе. ...И вот кипит весь котел у чародейки-истории. Когда-то *у нас* дойдет до этого!» [1].

В. И. Ленин, посвятивший бо̀льшую часть своего «Предисловия к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману» революционной политике Маркса, отмечал, что «Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению, ...времена умел нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач» [2].

29 ноября 1869 г. Маркс снова возвращается к этой теме: «Во Франции дела идут пока хорошо. С одной стороны, устаревшие демагогические и демократические крикуны всех направлений компрометируют себя, с другой — Бонапарт принужден встать на путь уступок, на котором он неизбежно сломит себе шею» [3].

Ответные письма Кугельмана дышат той же ненавистью к режиму второй империи во Франции, какую и Маркс питал к нему в течение 18-летнего правления Луи Бонапарта. В связи с проведенным во Франции плебисцитом [4] он радостно писал Марксу: «Бонапарт и его сообщники распороли себе брюхо на плебисците.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 496—497.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 375.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 532.

[4] 8 мая 1870 г. правительство Второй империи провело во Франции плебисцит: путем всенародного голосования французскому народу было предложено ответить на вопрос — одобряет ли он политическую систему Второй империи. В связи с подготовкой к проведению плебисцита с конца апреля 1870 г. по всей стране начались аресты социалистов. В результате плебисцита около $3^1/_2$ миллиона граждан фактически высказалось против империи.

При таких средствах управления я не ожидал такого уничтожающего результата в департаменте Сены»[1].

Кугельман проявил большой интерес к франко-прусской войне; из его писем видно, что он верно оценивал многие важнейшие явления и в ряде случаев сумел правильно предвидеть ход событий. Так, 18 июля 1870 г., за день до официального объявления войны, он, по своему собственному выражению, ставит следующий диагноз создавшейся на международной арене ситуации, диагноз, вполне правильный, свидетельствующий о большой проницательности его автора: война не невозможна и вот на каких основаниях — при свидании в Биаррице Бонапарт и Бисмарк вели тайные переговоры, содержание которых в полной мере известно только им двоим и о чем другие могут только догадываться; по-видимому, пишет Кугельман, Бонапарту были обещаны территориальные уступки; цена настоящей войны — для одной стороны Бельгия, для другой — вступление южных государств в Северогерманский союз, создание единой Германии, за исключением Австрии, с Вильгельмом I в качестве императора Германии. Кугельман подчеркивает также, что все поведение французского посла в Берлине Бенедетти при свидании с Вильгельмом I в июле 1870 г. на курорте в Эмсе было рассчитано на быструю и успешную провокацию Вильгельма I.[2]

Маркс и Энгельс высоко оценили содержание этого письма Кугельмана. 20 июля 1870 г. Маркс писал Энгельсу: «Прилагаю письмо Кугельмана, которое в значительной мере разъяснит тебе политические тайны нынешней войны»[3]. Энгельс ответил 22 июля: «Браво, Кугельман! Видно, его занятия пошли ему впрок. Гипотеза совсем в духе обвинителей и объясняет все»[4].

7 августа Кугельман выражает надежду, что после того как Бонапарт разбит, французский народ не даст

---

[1] Кугельман — Марксу, 10 мая 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2123).

[2] «Neue Zeit», 1915, Jhg. 33, Bd. 2, S. 166—167.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 3.

[4] Там же, стр. 5.

увлечь себя волной шовинизма и не придаст погибающей империи новую силу. Кугельман говорит о прогрессивности предстоящего объединения Германии, которое задержалось на сотни лет; он подчеркивает, что благодаря ускоренному ходу развития капиталистических отношений для немецкого пролетариата тем самым будет создана почва, на которой он сможет организоваться в национальном масштабе и скоро займет выдающееся место в общем рабочем движении[1]. Справедливо подчеркивая значение объединения Германии, Кугельман в то же время ошибочно охарактеризовал новый этап войны после разгрома бонапартистской Франции. Подробно сообщая Марксу многочисленные факты, свидетельствующие об огромной популярности войны в Германии, Кугельман оказался в известном смысле под влиянием шовинистических настроений. Он не сумел понять изменившегося характера войны со стороны Германии и продолжал рассматривать ее как войну национальную, отвечающую интересам народа. Ознакомившись с «Первым воззванием Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне», Кугельман высказал Марксу свои сомнения по поводу того места, где говорится, что немцы должны ограничиться только обороной, а не должны вести наступательную войну против французов. По мнению Кугельмана, французский народ, поскольку он не помешал своему правительству развязать войну, должен понести ответственность. Не высказываясь прямо за аннексию части французской территории и даже осуждая в принципе всякое «завоевание цивилизованных земель», Кугельман в то же время осуждал французский народ в целом и фактически оправдывал захватнические намерения Бисмарка.

Таким образом, Кугельман в то время еще не был на высоте понимания задач интернациональной солидарности в международном рабочем движении.

Маркс в письме к Энгельсу от 17 августа 1870 г. резко критиковал эту точку зрения: «Кугельман смешивает оборонительную войну с оборонительными военны-

[1] «Neue Zeit», 1915, Jhg. 33, Bd. 2, S. 169.

ми операциями»[1]. Далее он писал, что при этом можно сделать следующий неверный вывод: если какой-либо субъект производит нападение на улице на какого-либо человека, то этот человек может лишь парировать удары, но не смеет побить негодяя, потому что в этом случае превратится в нападающего. Маркс отметил недостаток диалектики в таком рассуждении.

В своем подробном ответном письме, которое Маркс смог написать только 13 декабря 1870 г., так как был поглощен делами Интернационала, он постарался разъяснить причину захватнических устремлений немецкого буржуа, который «так долго и покорно сносил всяческие пинки от своих отцов отечества и особенно от Гогенцоллернов, что для него должно быть настоящим наслаждением, если этих пинков отведает для разнообразия и чужестранец»[2]; Маркс указывает Кугельману на возможность и необходимость народной войны со стороны французов против вторжения неприятеля.

Несмотря на некоторые ошибочные суждения, письма Кугельмана в дни войны служили для Маркса важным источником информации о положении в Германии и настроениях в германской социал-демократии; он регулярно пересылал их для прочтения Энгельсу. Анализ этих писем помогал Марксу и Энгельсу вырабатывать тактику пролетариата по отношению к войне. Так, прочтя вышеупомянутое письмо Кугельмана, Энгельс набросал план действий немецкого пролетариата; 15 августа 1870 г. он писал Марксу:

«Я думаю, наши могли бы:

1) примкнуть к национальному движению — как оно сильно, ты видишь из письма Кугельмана — поскольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии...

2) подчеркивать при этом различие между национально-германскими и династически-прусскими интересами;

3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии — Бисмарк дает теперь понять, что он намерен присоединить их к Баварии и Бадену;

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 33, стр. 36.
[2] Там же, стр. 139.

4) как только в Париже окажется у власти республиканское, нешовинистическое правительство, — добиваться почетного мира с ним;

5) постоянно подчеркивать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну и не воюют друг с другом;

6) *Россия,* — как в воззвании Интернационала»[1].

Эти мысли Энгельса были использованы Марксом во «Втором воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне».

Все это время Маркс, перегруженный работой, не имел возможности часто писать Кугельману. Однако 14 сентября 1870 г. он направил ему «Второе воззвание Генерального Совета», добавив всего несколько строк о том, что он никогда не ложится спать ранее трех часов ночи.

По-видимому, под влиянием этого воззвания и некоторых других документов, в частности манифеста Брауншвейгского комитета Социал-демократической рабочей партии Германии от 5 сентября (в манифест было включено письмо Маркса и Энгельса этому комитету, написанное между 22 и 30 августа 1870 г.), Кугельман уже тогда в общем преодолел свою ошибочную позицию. В письме Марксу 13 октября 1870 г. он совсем иначе оценивал завоевательные устремления немецкого оружия и говорил о «безрассудности» попыток порабощения Франции; он отмечает, что о конечных результатах никто не думает, вряд ли думают о том, что можно разбить армию, но нельзя надолго победить большой народ. Из письма видно, что Кугельман придавал исключительно большое значение таким документам, как воззвания Генерального Совета Интернационала и частично Брауншвейгский манифест; он называл их «единственным крупным явлением того времени». Кугельман просил Маркса прислать Первое воззвание Международного Товарищества Рабочих о войне и подробно написать ему о создавшейся обстановке.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 33, стр. 34.

В конце 1870 — начале 1871 г. Кугельман неоднократно писал Марксу, продолжая информировать его о настроениях в Германии, и систематически посылал немецкие газеты и брошюры[1]; он просил выслать ему статью Маркса из «Daily News» «О свободе печати и слова в Германии». 6 февраля Кугельман пишет, что немецкая буржуазия надеется, что падение Парижа будет означать конец войны, что господствующие классы не имеют никакого понятия о народе, который самостоятельно решал бы свои дела; Кугельман очень резко отзывается о прусском государстве, называя его милитаристским государством (Militärstaat)[2].

Чрезвычайно большое значение для понимания тактики Маркса в отношении Парижской Коммуны имеет его переписка с Кугельманом в апреле 1871 года. Именно в ходе этой переписки Маркс дал исключительно глубокую научную характеристику восстанию парижских рабочих, характеристику, которая является образцом подлинно диалектического подхода к анализу общественных явлений. История этих писем такова. Вскоре после провозглашения Коммуны, 5 апреля 1871 г., Кугельман в письме к Марксу попытался дать свою оценку ее, сравнив Коммуну с мелкобуржуазной демонстрацией 13 июня 1849 года. Он доказывал далее, что так как французский пролетариат еще слабо организован, то восстание приведет в конечном счете к поражению, а последнее вызовет реакцию на всем континенте[3].

В ответ на это Маркс и обратился к Кугельману с известными письмами от 12 и от 17 апреля 1871 года.

Эти письма широко использовал В. И. Ленин[4], противопоставляя революционную тактику Маркса трусливому поведению правого крыла русских социал-демо-

---

[1] Кугельман — Марксу, 26 декабря 1870 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2225); Кугельман — Марксу, 20 января 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2251); Кугельман — Марксу, 25 января 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2255).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2261.

[3] Кугельман — Марксу, 5 апреля 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2309).

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 375—379.

кратов после поражения революции 1905 г., когда они, устами Плеханова, заявили, что «не надо было браться за оружие». «Оценка Марксом Коммуны, — писал он, — венец писем Кугельману». Ленин показал, что Маркс, который в сентябре 1870 г., за полгода до Коммуны, прямо предупреждал французских рабочих о том, что восстание было бы безумием, после провозглашения Коммуны, «видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении». Это «*восторженное* письмо Кугельману, — пишет Ленин, — ...мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего».

Получив эти письма Маркса, Кугельман пересмотрел свое отношение к Коммуне. Несколько дней спустя, 27 апреля 1871 г., он попытался объяснить Марксу причины своей ошибки прежде всего тем, что он пользовался неправильной информацией французских буржуазных газет, и просил Маркса: «Если это не является для тебя слишком большой жертвой, пиши мне от времени до времени, чтобы до меня доходило несколько больше сведений и чтобы я лучше, чем теперь, понимал *содержание* процессов» [1].

После поражения Коммуны, в июне 1871 г., Маркс послал Кугельману свою работу «Гражданская война во Франции», написанную в апреле — мае 1871 года [2]; эта работа была написана как воззвание Генерального Совета Интернационала ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах и вышла в свет за несколько дней перед тем; в ней Маркс развил основные положения о классовой борьбе, государстве, революции и диктатуре пролетариата. Маркс сообщает Кугельману о своей перегруженности работой по Интернационалу, о том, что в Лондоне на него выливают потоки клеветы как на руководителя I Интернационала [3]. По-видимому,

[1] «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы». [М.], 1941, стр. 198—199.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 17, стр. 317—370.

[3] Там же, т. 33, стр. 197, 215.

под влиянием чтения «Гражданской войны во Франции» Кугельман писал Марксу в июле 1871 г., что ход событий достаточно доказал правильность утверждений Маркса в письме от 17 апреля: причины поражения Коммуны следует искать совсем не в общих социальных отношениях внутри Франции, собрание в Версале доказало, что буржуазные партии себя изжили (то же относится к германскому рейхстагу и к австрийскому рейхсрату) [1].

С весны 1872 г. у Маркса много времени отнимала подготовка к намечавшемуся конгрессу Интернационала в Гааге; на этом конгрессе должно было произойти решающее сражение с бакунистами [2]. Маркс собирался сам присутствовать на конгрессе и попросил Кугельмана приехать туда [3]. 29 июля 1872 г. он писал Кугельману: «На конгрессе Интернационала (открывается 2 сентября в Гааге) речь будет идти о жизни или смерти Интернационала... Германия должна поэтому иметь возможно большее число представителей... напиши Гепнеру, что я прошу его позаботиться о делегатском мандате для тебя» [4]. Этот мандат Кугельман получил [5].

Продолжая систематически информировать Маркса о германских делах, Кугельман 11 августа 1872 г. переслал ему два фельетона из газеты «Hannoversche Courier» от 9 и 10 августа под заглавием «Новое разоблаче-

---

[1] «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». [М.], 1941, стр. 223—224.

[2] Подрывная деятельность бакунинского Альянса социалистической демократии внутри Интернационала все продолжалась; она особенно усилилась после состоявшейся в сентябре 1871 г. Лондонской конференции Интернационала, где было принято решение о политической борьбе рабочего класса и необходимости создания самостоятельных политических партий пролетариата. В связи с этим в середине января — начале марта 1872 г. Маркс и Энгельс написали закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Мнимые расколы в Интернационале» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 1—46). Циркуляр был напечатан и разослан всем федерациям Товарищества. Маркс переслал циркуляр также и Кугельману.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 423.

[4] Там же, стр. 424.

[5] Кугельман — Марксу, 11 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2982).

ние об Интернационале», содержавшие клевету на Интернационал. Давая оценку статье, Кугельман писал: «таков фактический характер буржуазной прессы... с виду легкомысленный, а в душе продажный» [1].

На конгрессе Кугельман активно не выступал, однако, как это явствует из протоколов конгресса, он участвовал во всех голосованиях и при этом по всем вопросам голосовал вместе с Марксом и его сторонниками, в том числе по таким важнейшим вопросам повестки дня, как права Генерального Совета, политическая деятельность пролетариата [2]. По-видимому, Маркс и Кугельман в продолжение всех заседаний конгресса сидели рядом, так как в списке голосовавших их имена стоят все время подряд — Маркс, Кугельман [3].

Участие Кугельмана в Гаагском конгрессе, где произошла решающая битва между представителями научного коммунизма и анархистами, где получила свое завершение многолетняя борьба Маркса и Энгельса и их соратников против всех видов мелкобуржуазного сектантства, еще раз свидетельствовало о той роли, какую он играл как член Интернационала.

* * *

Хотя после конгресса Маркс длительное время почти не писал Кугельману (одной из причин этого было значительное ухудшение состояния здоровья Маркса),

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2982.

[2] Гаагский конгресс, состоявшийся 2—7 сентября 1872 г., должен был закрепить своими решениями резолюции Лондонской конференции 1871 г., в частности резолюции о политическом действии рабочего класса и о борьбе с сектантством. В результате работы конгресса в Устав Интернационала была включена дополнительная статья (7а), содержавшая важнейшее положение марксизма о завоевании диктатуры пролетариата и создании массовых рабочих партий; решения по организационным вопросам также знаменовали победу марксизма.

[3] «The First International Minutes of the Hague Congress of 1872 with Related Dokuments». Madison, 1958, pp. 176, 198, 199, 200, 232, 234, 235, 269, 286, 287, 291, 292, 293; Procès-Verbaux du Congrès de la Haye (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 5637). Seance du 3 Septembre, p. 3; Seance du 4 Septembre, pp. 25, 29, 35, 37, 47, 49, 53, 67, 68.

однако связь между ними не прерывалась; так, он послал Кугельману написанную им в апреле — июле 1873 г. совместно с Энгельсом и при участии П. Лафарга работу «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» [1].

В 1874 г. Маркс пишет Кугельману очень редко, он жалуется на нездоровье и переутомление; в то же время ему приходилось усиленно работать по собиранию материала для II тома «Капитала», а также над французским изданием I тома «Капитала» [2].

С 19 августа по 21 сентября Маркс с младшей дочерью Элеонорой и Кугельманом находились на лечении в Карлсбаде (Карлови-Вари) [3].

В Карлсбаде Маркс с дочерью и Кугельман с женой и дочерью жили в одном отеле, их номера находились рядом; состояние здоровья Маркса требовало усиленного лечения. 1 сентября 1874 г. Маркс так описал Энгельсу свой режим дня: «Мы оба живем строго по правилам. Утром в 6 часов — у соответствующих источников, где я должен выпить семь стаканов. Между двумя стаканами всегда перерыв в 15 минут, в течение которых прогуливаешься взад и вперед; после последнего стакана часовая прогулка, наконец, кофе. Вечером — перед отходом ко сну — еще стакан холодной воды» [4]. За время пребывания в Карлсбаде отношения Маркса с Кугельманом ухудшились и в конце концов между ними произошел разрыв, который, по-видимому, назревал уже давно. Франциска Кугельман так описывает это: «Но вдруг в последние дни, после одной более длительной прогулки, которую предприняли Маркс и мой отец, между ними произошел разрыв отношений, которые никогда больше не восстановились. Мой отец говорил об этом только намеками. По-видимому, он пытался убедить Маркса воздержаться от всякой политической пропаганды и прежде всего заняться третьим томом

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 18, стр. 323—452.
[2] Там же, т. 33, стр. 513—514 и 526—527.
[3] Там же, стр. 530, 534.
[4] Там же, стр. 98.

«Капитала»... Быть может, мой отец проявил тогда чрезмерное рвение... и этого вмешательства более молодого друга Маркс не мог стерпеть; возможно, что это показалось ему посягательством на его свободу. В результате этого прекратилась и переписка»[1]. Это объяснение, конечно, слишком упрощено.

Из всего содержания данной статьи можно видеть, что Кугельман был другом Маркса. Он понимал историческое значение его научной теории, всемерно способствовал ее распространению, регулярно и подробно информировал его о политическом положении в Германии в период раскола немецкого рабочего движения на две фракции — последователей Маркса и последователей Лассаля, когда лассальянцы были там очень сильны; он оказал Марксу большие услуги в распространении I тома «Капитала», принимал участие в деятельности Интернационала, был на Гаагском конгрессе, когда речь шла об осуждении анархизма как течения. В лице Кугельмана Маркс имел в Германии постоянного помощника, в любой момент готового выполнять самые различные поручения — переписка и личные встречи с руководителями Социал-демократической рабочей партии Германии, с издателями и многое другое. Положительный вклад Кугельмана в революционное движение безусловно значителен. В то же время следует отметить и недостатки, которые были у него. Прежде всего не следует забывать, что Кугельман не был профессиональным революционером; он был только врачом, и эта специальность отнимала у него почти все время. Только небольшое количество времени он мог посвящать повышению своего общего образования, чтению трудов Маркса и Энгельса, следить за развитием политической жизни и помогать Марксу. В этом отношении он делал все, что мог, и большего от него нельзя было требовать. Однако следует сказать, что были и некоторые другие причины, благодаря которым Кугельман не всегда понимал даже и разъяснения Маркса. Врачебная деятельность Кугельмана наложила определенный отпечаток на его образ

---

[1] *Ф. Кугельман.* «Несколько штрихов к характеристике великого Маркса». М., 1958, стр. 21.

мышления: в некоторых вопросах он находился под влиянием вульгарного материализма, не понимая сути материалистической диалектики. Он пытался применить к анализу общественных явлений методы естественных наук, говорил об изучении анатомии, физиологии и патологии общества. Убеждая Маркса отказаться от практической революционной деятельности, чтобы быстрее завершить работу над «Капиталом», Кугельман исходил из подобного же представления и о классовой борьбе: он совершенно недиалектически представлял себе, что дело революции зависит всецело и исключительно от степени просвещенности рабочего класса, просвещенности, в которой первенствующую роль должен был сыграть этот основополагающий труд Маркса; в том же самом письме от 31 октября 1873 г. Кугельман писал, что «Капитал» Маркса явится тем рычагом Архимеда, который, будучи приложен к трудящемуся человечеству как к опорному пункту, перевернет буржуазный мир [1]. Процесс просвещения трудящихся он представлял себе как процесс постепенного накопления знаний и не допускал, что возможны революционные действия до окончания этого процесса, а также не придавал никакого значения различным случайным обстоятельствам, которые могли бы оказывать иногда и решающее влияние на развитие революционных событий. Поэтому с ним и случалось не раз так, что в моменты решающего исторического развития, в моменты большого подъема рабочего движения, когда от идеолога требовалось по-боевому, диалектически разрешать насущные вопросы дня с всесторонним учетом всех факторов, он начинал заниматься выкладками на бумаге, сопоставлением происходящего на глазах движения с уже имевшими место в истории фактами. Одной из причин этого было и то, что Кугельман был выходцем из довольно состоятельной семьи.

При всех своих недостатках Кугельман был лично абсолютно честен и искренен в своей дружбе с Марксом и в своем тяготении к изучению социально-политических наук. Если в конце концов Маркс прекратил

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3334.

переписку с ним, то это, по-видимому, объясняется целым комплексом причин. Маркс прилагал огромные усилия для разъяснения другу как самых трудных теоретических проблем, так и животрепещущих вопросов дня; эти усилия иногда не приводили к успеху. Так, после того как Маркс написал ему свои известные письма от 12 и 17 апреля, в которых с необычайной рельефностью показал необходимость диалектического подхода к развивавшимся в Париже событиям, Кугельман так и не сумел полностью понять исторического значения Парижской Коммуны.

Когда завязывалась дружба Маркса и Кугельмана, Маркс, по-видимому, надеялся обрести в лице Кугельмана нечто большее, чем то, чего он достиг в этом отношении. Маркс привлек Кугельмана в ряды I Интернационала, всемерно стремился помочь ему овладеть революционной теорией, рассчитывая, вероятно, при этом, что со временем из него выработается крупный деятель германского рабочего движения, а в таких людях в то время ощущался большой недостаток. Однако этого не получилось. Кугельман не являлся революционером по натуре, а скорее напоминал аккуратного коллекционера идей научного коммунизма. У всякого, перед кем проходят страницы биографии Кугельмана, не может не возникнуть мысль о том, что Маркс необыкновенно щедро расточал свои дары на Кугельмана; это, естественно, должно было прекратиться с прекращением деятельности I Интернационала.

Через некоторое время после размолвки Маркс и Кугельман помирились; однако Маркс переписку не возобновил. Дочь Маркса Элеонора продолжала переписываться с семейством Кугельмана, она всегда передавала приветы от отца. Кугельман продолжал писать Энгельсу до конца жизни последнего; он также переписывался с деятелями германской социал-демократии — А. Бебелем и П. Зингером. До конца своих дней Кугельман остался верен, как правильно выразился в своей статье Э. Цобель, культу Маркса; это был действительно культ, который создал себе Кугельман.

Кугельман принадлежал к тому кругу соратников Маркса, который составляли вокруг него, а также и во-

круг Энгельса, представители интеллигенции; к ним принадлежали Роланд Даниельс, Абраам Якоби, Карл Шорлеммер, Самюэл Мур. Это были люди, у которых основное время отнимала их профессия — медицинская практика, преподавательская, научная и литературная деятельность; однако каждый из них в той или иной мере, в тот или другой момент своей жизни участвовал в революционном движении или являлся ближайшим помощником основоположников научного коммунизма, и вклад каждого из них в дело освобождения человечества от гнета и эксплуатации, в дело создания новых основ общественного устройства был значителен. Это относится также и к жизни и деятельности Людвига Кугельмана.

Помимо непосредственной его помощи Марксу, имя Кугельмана вошло в историю благодаря оставленному им богатейшему литературному наследству в виде адресованных ему писем Маркса: эти письма Кугельман сохранил и перед смертью передал для опубликования; они представляют собой неоценимый вклад в сокровищницу марксистской теории, а также являются богатейшим источником для биографии К. Маркса.

С. З. ЛЕВИОВА

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ПРОГРАММЫ ПРОЛЕТАРИАТА В ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГОДОВ

(«Требования Коммунистической партии в Германии»)

«Требования Коммунистической партии в Германии» — важнейший документ Союза коммунистов — были написаны Марксом и Энгельсом в Париже в конце марта 1848 года[1].

Пребывание Маркса и его соратников в Париже с начала марта до начала апреля 1848 г. составляет чрезвычайно важное звено в деятельности Маркса и руководимого им Союза коммунистов в революции 1848—1849 годов. За этот сравнительно небольшой промежуток времени предстояло решить важные организационные и тактические вопросы, определить позицию пролетариата и его авангарда — коммунистов в начавшейся революции и, размежевавшись со своими идеологическими противниками, подготовить передовых немецких рабочих, проживавших в эмиграции, к возвращению в Германию для активного участия в революции.

Обстановка, складывавшаяся в то время в Германии, требовала от руководителей Союза коммунистов быстрых и энергичных действий. Маркс и его друзья приехали в Париж уже после февральской революции 1848 г. во Франции. Основоположники научного коммунизма рассматривали события во Франции как начало развития европейской революции, в которую будет втянута и Германия. Их ожидания не замедлили оправ-

[1] Этот документ был написан между 21 и 29 марта 1848 года. В последних числах марта «Требования» уже появились в Париже, что явствует из заметки в «Trier'sche Zeitung» от 1 апреля 1848 года.

даться. Уже через неделю после приезда Маркса в Париж произошла революция в Австрии, а еще спустя неделю пришло известие о баррикадных боях в Берлине, ознаменовавших начало революции в Пруссии. Открывалась возможность возвращения в Германию, где коммунисты должны были выполнить свою роль авангарда революционного пролетариата.

Перед лицом новых задач Маркс в первые же дни своего пребывания в Париже предпринимает меры организационного характера по укреплению руководства Союза и расширению его связей с немецкими рабочими в Париже.

Наряду с этими организационными задачами перед руководством Союза коммунистов стояла и другая задача огромной важности. Необходимо было выработать программу действий пролетариата в германской революции, вооружить коммунистов и всех передовых немецких рабочих четким пониманием задач революции, определить роль пролетариата в общенародной борьбе за победу буржуазно-демократической революции.

Такой боевой программой действий пролетариата и его партии в германской революции и явились «Требования Коммунистической партии в Германии», написанные Марксом и Энгельсом. Скрепленный подписями членов Центрального комитета Союза, этот документ явился, таким образом, официальным документом Союза коммунистов. Вместе с «Манифестом Коммунистической партии» «Требования» вручались в качестве директивы и пропагандистского материала всем членам Союза, возвращавшимся весной 1848 г. в Германию.

* * *

О роли, которую «Требования» играли в пропаганде марксистской программы пролетариата в период германской революции, свидетельствует в первую очередь тот факт, что они неоднократно переиздавались в 1848—1849 годах.

Впервые этот документ был напечатан сразу же после его составления, около 30 марта 1848 г., в Париже

в виде листовки [1]. Через несколько дней после появления листовки ряд демократических газет — «Berliner Zeitungs-Halle», «Mannheimer Abendzeitung», «Trier'sche Zeitung», «Deutsche Allgemeine Zeitung» — поместили корреспонденции из Парижа, в которых воспроизводился текст «Требований» [2]. Судя по тому, что вступительная часть корреспонденции почти дословно, с очень незначительными изменениями, совпадает во всех газетах, можно предполагать, что она принадлежала перу одного и того же человека [3]. Неизвестный корреспондент, сообщая об отъезде немецких коммунистов из Парижа на родину, подчеркнул отличие их возвращения в Германию, происходившего без излишней шумихи, от торжественно обставленного похода гервеговского легиона: «Коммунистические немцы тоже покидают сегодня Париж. Однако они отправляются не сомкнутыми рядами, как немецкие демократы, а каждый в отдель-

---

[1] «Trier'sche Zeitung» № 97, 6 апреля 1848 г., Beilage, корреспонденция из Парижа от 30 марта.

[2] «Berliner Zeitungs-Halle» № 82, 5 апреля 1848 г., Extra-Beilage; «Mannheimer Abendzeitung» № 96, 6 апреля 1848 г.; «Trier'sche Zeitung» № 97, 6 апреля 1848 г., Beilage; «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 100, 9 апреля 1848 г., Beilage.

В тексте самого документа в различных газетах имеются разного рода отклонения. Что касается вступительной части, то публикации в газетах представляют собой два варианта. Один из них был помещен в «Berliner Zeitungs-Halle» и в «Deutsche Allgemeine Zeitung», а другой — в «Trier'sche Zeitung» и в «Mannheimer Abendzeitung».

[3] Кто был автором этой корреспонденции, до сих пор установить не удалось. По этому поводу были высказаны самые различные предположения. Некоторые исследователи полагали, что корреспондентом «Berliner Zeitungs-Halle» был Стефан Борн, который как раз в то время уехал из Парижа в Берлин, другие называли в качестве автора корреспонденции в «Trier'sche Zeitung» молодого Вильгельма Либкнехта, который находился в то время в Париже и собирался принять участие в легионе Гервега.

Что касается авторства В. Либкнехта, то это предположение не лишено оснований, так как известно, что с осени 1847 г., во время своего пребывания в Швейцарии, он являлся корреспондентом «Mannheimer Abendzeitung» (*E. Nobs.* «Aus Wilhelm Liebknechts Jugendjahren». S. 33—34). Возможно, что и находясь в Париже, он не порвал связи с газетой, где сотрудничал незадолго до этого. Поэтому возможно, что именно он послал в «Mannheimer Abendzeitung» и одновременно в другие газеты корреспонденцию с текстом «Требований».

ности, на свой собственный страх и риск и в различные пункты. — В качестве манифеста они предпосылают следующее заявление...» [1].

Кроме парижской листовки, «Требования» неоднократно переиздавались в годы революции и после ее окончания. Часть этих изданий дошла до нас в подлинниках, другие нам известны в виде копий в полицейских архивах, о некоторых мы имеем лишь косвенные сведения. Датировка этих изданий нередко представляет значительную трудность, так как бо́льшая часть из них носила конспиративный характер и печаталась без указания места, года издания и фамилии издателя. Причину этого явления нетрудно понять. Полиция и правительства немецких государств, и в первую очередь прусская полиция, неусыпно следили за пропагандой «крамольного» документа и рассматривали его издание и распространение как наказуемое дело. По тем же причинам, очевидно, в сохранившейся переписке Маркса и Энгельса и их соратников почти совершенно отсутствуют какие-либо сведения на этот счет. Поэтому установление датировки того или иного издания в ряде случаев возможно лишь на основании косвенных данных и предположений.

Помимо нелегальных изданий, в частности, парижской листовки, существуют также два обычных, легальных издания «Требований» в 1848—1849 годах. Оба они вышли в демократическом издательстве Э. О. Веллера в Лейпциге. Одно из них представляет собой самостоятельную листовку, а другое — сборник политических листовок, одной из которых являются «Требования» [2]. Дошедший до нас печатный каталог издательства Вел-

---

[1] «Berliner Zeitungs-Halle» № 82, 5 апреля 1848 г., Extra-Beilage. «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 100, 9 апреля 1848 г., Beilage. «Mannheimer Abendzeitung» № 96, 6 апреля 1848 г., «Trier'sche Zeitung» № 97, 6 апреля 1848 г., Beilage. В последних двух газетах эта корреспонденция содержит еще одну ироническую фразу по адресу коммунистов: «Странники, несущие в своей груди спасение всему миру!».

Вслед за этим кратким введением во всех газетах приводился текст «Требований».

[2] «Sammlung politischer Flugschriften des Jahres 1848». Экземпляр этого сборника разыскать не удалось.

лера, выпущенный в конце 1849 или в начале 1850 г.[1], позволяет уточнить датировку издания сборника. Он значится как вышедший к «пасхе 1849 г.», а так как в 1849 г. пасха приходилась на 8 апреля, то можно считать, что это издание вышло к апрелю 1849 года[2]. В издании Веллера текст «Требований» подвергся некоторым сокращениям, которые обусловлены легальным характером издания: в начале документа опущен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в подписи — слово «комитет», т. е. то, что указывает на связь документа с Союзом коммунистов. Опущены также второй абзац пункта 9 и последняя фраза пункта 10, усиливающие революционную заостренность документа.

Известны еще два издания «Требований» в виде листовок. Одно из них было перепечатано в теоретическом органе германской социал-демократии, журнале «Neue Zeit», в 1918 г.[3], а другое дошло до нас в публикации К. Грюнберга в 1921 году[4]. О датировке и месте издания этих двух листовок нам ничего не известно. По своему тексту они не представляют каких-либо существенных отличий от других известных нам публикаций.

Ряд упоминаний об изданиях и распространении «Требований» встречается также в материалах прусских архивов. Прусские правительственные и полицейские чиновники, почувствовавшие большую политическую важность этого документа, настороженно следили за его распространением в Германии. Все экземпляры «Требований», попадавшие в поле зрения полиции, сразу же конфисковывались, а копии текста незамедлительно пе-

---

[1] «Verlagskatalog von E. O. Weller».

[2] Более точно установить дату выхода сборника не представляется возможным. В периодическом каталоге немецких книгоиздательских фирм отсутствуют какие-либо сведения об издательской деятельности фирмы Веллера за апрель 1849 года. Как видно из заявления самого Веллера, с конца марта ему был закрыт кредит на объявления в этом каталоге под предлогом «ненадежности» его фирмы («Börsenblatt für den deutschen Buchhandel». Jg. 16, Leipzig, 1849, № 45, 11 мая 1849 г.). Нетрудно усмотреть в этом дискриминацию демократического издательства со стороны заправил германского книжного рынка.

[3] «Neue Zeit», 36. Jahrgang, 1918, Bd. II, S. 113—114.

[4] «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 9 (1921), S. 339—341.

ресылались начальству. Так, 20 апреля 1848 г. председатель ахенского окружного управления пересылает копию обнаруженной им листовки с текстом «Требований» обер-президенту Эйхману в Кобленц, указывая на опасность дальнейшего распространения этого документа в Рейнской провинции[1]. Об этой же листовке, изданной, по сведениям полицейских властей, в Кёльне, идет речь и в переписке берлинского полицей-президента Минутоли с министром внутренних дел Кюльветтером в начале августа 1848 года; копия ее текста была переслана в Берлин полицейским агентом Дюбуа[2]. В донесении председателя кёльнского окружного управления 11 января 1849 г. приводится текст листовки «Требований», распространявшейся в Кёльне в начале января 1849 года[3]. За исключением нескольких незначительных отклонений, которые могли явиться результатом описки чиновника, снимавшего копию, этот текст полностью совпадает с текстом листовки 1848 года.

Текст «Требований» воспроизводится также в обвинительном акте по кёльнскому процессу коммунистов[4]; тот же текст приведен в издании Штибера[5]. Этот текст носит сокращенный характер: опущены пункт 2, часть пункта 4, два абзаца пункта 9, а также пункты 10, 12, 13.

Энгельс, не располагавший, по-видимому, к моменту написания своей статьи «К истории Союза коммунистов» каким-либо изданием «Требований», вынужден был воспроизвести его по книге Штибера[6].

---

[1] *Hansen.* «Rheinische Briefe und Akten». Bd. II. I. Hälfte. Bonn, 1942, S. 702.

[2] *K. Obermann.* «Über die Bedeutung der Tätigkeit von Friedrich Engels im Frühjahr und Sommer 1848». In: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1961, Hf. 1, S. 37—38.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 191.

[4] «Rheinischer Appellationsgerichtshof. Anklageschrift», S. 21.

[5] *Wermuth* und *Stieber.* «Die Communisten-Verschwörungen des neunzehnten Jahrhunderts». T. 1, Berlin, 1853, S. 68—69.

[6] В связи с публикацией своей статьи Энгельс писал Бернштейну 8 октября 1885 г.: «Скажи ему (Шлютеру. — *С. Л.*), что завтра он получит... указания по поводу приложений, которые должны быть *перепечатаны из Штибера»* (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 1 изд., т. XXVII, стр. 488. Курсив мой. — *С. Л.*). Таким образом, ряд доку-

Уже самый перечень известных нам изданий «Требований» свидетельствует о широком распространении этого документа в Германии в период революции 1848—1849 годов. Весьма возможно, что дальнейшее изучение прессы того времени и архивных материалов позволит выявить новые факты в этом отношении. Но уже из приведенного ясно, что неправомерно сводить число изданий «Требований» в 1848—1849 гг. всего к трем, как это делает, например, немецкий историк-марксист Оберман [1].

* * *

Выработанные Марксом и Энгельсом «Требования Коммунистической партии в Германии» не только определяли задачи пролетариата в германской буржуазно-демократической революции, — они показывали широким слоям немецкого народа путь борьбы за их насущные национальные интересы. Идея о неразрывной связи интересов пролетариата и общенародных интересов — это основная идея «Требований».

Центральной задачей германской революции 1848—1849 гг. было достижение единства Германии. Преодоление политической раздробленности страны являлось необходимым условием политического и социального развития рабочего класса, непременной предпосылкой будущей пролетарской революции. Поэтому основным пунктом «Требований» было создание единой, неделимой германской республики. Маркс и Энгельс выдвигали наиболее последовательное, революционное разрешение вопроса о национальном единстве, резко отмежевываясь тем самым как от буржуазных либералов, идеалы которых не шли далее конституционной монархии под эгидой Гогенцоллернов или Габсбургов, так и от мелкобуржуазных республиканцев, носившихся с пар-

---

ментов Союза коммунистов Энгельсу приходилось, за неимением другого текста, приводить по книге Штибера.

[1] *K. Obermann.* «Friedrich Engels' Kampf für die nationale Einheit Deutschlands». In: «Friedrich Engels und die internationale Arbeiterbewegung». Berlin, 1962, S. 53—54. *Его же.* «Über die Bedeutung der Tätigkeit von Friedrich Engels im Frühjahr und Sommer 1848». In: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1961, Hf. 1, S. 38, 45.

тикуляристскими планами превращения Германии в федеративную буржуазную республику на манер Швейцарии [1].

Однако обеспечение подлинного единства Германии было невозможно без полной демократизации всего экономического и политического строя страны. Республика, необходимость создания которой отстаивали Маркс и Энгельс, могла быть только демократической республикой. Поэтому программа «Требований» предусматривала проведение широких демократических преобразований: создание подлинного народного представительства в парламенте, введение всеобщего избирательного права, коренную реформу судопроизводства, введение всеобщего бесплатного народного образования, всеобщее вооружение народа как единственно надежное средство охраны демократических прав.

Смысл этих мероприятий Маркс и Энгельс видели в том, что они являются предварительными условиями пролетарской революции, подготавливающими для нее плацдарм и расчищающими ей путь [2]. Вместе с тем эти меры были направлены своим острием против столпов феодально-абсолютистского строя тогдашней Германии — реакционного помещичьего класса, бюрократии и военщины. Поэтому в их осуществлении были заинтересованы широкие народные массы.

Основной целью политической и экономической программы «Требований» являлось осуществление важнейшей задачи германской революции — ликвидация пережитков феодализма в Германии. «Требования» предусматривали полную отмену без всякого выкупа всех феодальных повинностей, тяготевших над крестьянством, ликвидацию помещичьего землевладения и превращение всех феодальных имений в собственность государства. Эти меры не только подрывали экономическую основу господства самого реакционного класса Германии — прусского юнкерства, но и означали наиболее последовательное, революционное разрешение аграрного вопроса.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 18.

[2] См. письмо Энгельса Вейдемейеру 12 апреля 1853 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 28, стр. 490).

В «Требованиях» Маркс и Энгельс впервые сформулировали программу марксистской партии по крестьянскому вопросу в буржуазно-демократической революции. Они считали, что активной, движущей вперед силой антифеодальной революции в Германии должен стать пролетариат, совершающий ее в союзе с народом, т. е. с трудящимся крестьянством и городской мелкой буржуазией[1]. Осуществляя полное освобождение крестьян от феодального гнета, пролетариат становился подлинным руководителем общенародной борьбы за свободу и демократию. Только способствуя осуществлению вековых чаяний крестьян, он мог вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии и довести дело революции до конца[2].

Заявляя в заключительной части «Требований», что «в интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства — со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий»[3], Маркс и Энгельс подчеркивали, что только таким путем миллионные массы эксплуатируемых «смогут добиться своих прав и той власти, какая подобает им как производителям всех богатств». Здесь выражена чрезвычайно важная мысль о том, что победа германской буржуазно-демократической революции возможна только в том случае, если она приобретет подлинно общенародный размах и приведет к установлению революционной диктатуры народа. Как указывал впоследствии Ленин, это положение, которое неоднократно высказывалось Марксом и Энгельсом в период революции 1848—1849 гг., содержало в своем зародыше мысль о революционно-демократической диктатуре[4]. В самом деле, при изучении программы «Требований» становится совершенно ясно, что ее авторы считали необходимым условием ее осуществления победоносную народную революцию и приход к власти революционного правитель-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 272.

[2] Именно в этом, как подчеркивал Ленин, Маркс видел одну из главных задач пролетариата в германской революции 1848—1849 годов (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 264—265).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 3.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 124.

ства. Только такое правительство могло, опираясь на всеобщее вооружение народа и на подлинно народное представительство в парламенте, обуздать контрреволюцию и провести в жизнь широкую программу революционно-демократических преобразований.

Что касается тех пунктов «Требований», которые непосредственно затрагивали материальные интересы буржуазии, то Маркс и Энгельс придавали им особое значение на этапе буржуазно-демократической революции, видя в них средство экономического давления на буржуазию со стороны революционного правительства и контроля над ее деятельностью со стороны народа. Поэтому Энгельс, критикуя слабость временного правительства во Франции после февральской революции 1848 г., отмечал, что «оно не имеет мужества обеспечить себе необходимые... денежные средства с помощью революционных мероприятий, направленных против буржуазии: высоких прогрессивных налогов, налогов на наследство, конфискации собственности всех эмигрантов, запрещения вывоза денег, учреждения государственного банка и т. д.»[1]. Нетрудно заметить, что большинство перечисленных Энгельсом мер фигурирует в «Требованиях». Именно эту сторону вопроса — оказание экономического давления на буржуазию — имели в виду авторы «Требований», разъясняя, что предусматриваемые ими мероприятия финансового характера — регулирование кредитного дела и обращения — подрывают господство крупных финансистов. Касаясь необходимости замены драгоценных металлов в обращении бумажными деньгами, Маркс и Энгельс подчеркивают, что «эта мера необходима для того, чтобы приковать к правительству интересы консервативных буржуа»[2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 424. Об этой же мере Энгельс писал позднее: «Солидный принудительный заем — отличное средство приковать буржуа к революции, ибо в этом случае его классовые интересы отступают на второй план перед его личными интересами» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 30, стр. 197).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 2. В отличие от данной формулировки, соответствующей тексту «Требований», опубликованному в газетах, в изданиях листовки это выражение звучит несколько иначе, что, впрочем, не меняет его смысла: «...связать с революцией интересы консервативных буржуа».

Характер мероприятий, содержащихся в «Требованиях», неопровержимо свидетельствует о том, что Маркс и Энгельс рассматривали буржуазную революцию только как первый этап длительного революционного процесса, который должен завершиться полной победой пролетариата над буржуазией и ликвидацией капиталистических отношений. Еще накануне революции, в октябре 1847 г., Маркс писал: «Рабочие... знают, что революционное движение буржуазии против феодальных сословий и абсолютной монархии может лишь ускорить развитие их собственного революционного движения. Они знают, что их собственная борьба с буржуазией может начаться лишь в тот день, когда буржуазия сама окажется победительницей... Они могут и должны участвовать в *буржуазной революции,* поскольку она является предпосылкой *рабочей революции.* Но рабочие ни одного мгновения не могут рассматривать буржуазную революцию как свою *конечную цель*» [1].

Для того чтобы облегчить переход к этому второму этапу революции, основоположники марксизма считали необходимым проведение подготовительных мероприятий, которые должны были представлять собой «переходные промежуточные ступени к упразднению частной собственности» [2]. Именно такова та часть программы «Требований», которая выходит за рамки задач буржуазной революции. В области аграрного вопроса это — мероприятия, имеющие целью освободить крестьян не только от феодального гнета, но и от эксплуатации со стороны ростовщического капитала [3]. Поэтому «Требования» предусматривают обращение ипотек на крестьянские земли в собственность государства (п. 8), выплату крестьянами земельной ренты или арендной платы в виде налога государству (п. 9) и ведение земледелия в конфискованных у феодалов крупных имениях «в инте-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 313.

[2] Там же, стр. 273.

[3] В мотивировке пункта 9 сказано: «Земельный собственник, как таковой, не являющийся ни крестьянином, ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому его потребление — это просто злоупотребление» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 2).

ресах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов» (п. 7) [1]. Этот последний пункт «Требований» представляет особый интерес, так как здесь обращается внимание на важность организации крупного производства на общественных началах как единственного пути развития сельского хозяйства в социалистическом обществе.

«Требования» выдвигают и ряд других мероприятий, имеющих значение «деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения» [2]. К такого рода мерам относится обращение земельных владений, всех рудников, шахт в собственность государства (п. 7), национализация всех средств транспорта, которые «безвозмездно предоставляются в распоряжение неимущего класса» [3] (п. 11), учреждение государственного банка вместо всех частных банков и концентрация кредитного дела в руках государства (п. 10), ограничение права наследования (п. 14), введение высоких прогрессивных налогов и отмена налогов на предметы потребления (п. 15), гарантия всем рабочим средств существования со стороны государства и попечение о неспособных к труду (п. 16).

Таким образом, в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» Маркс и Энгельс наметили широкую программу действий, рассчитанную не только на победу буржуазно-демократической революции, но и на создание предпосылок для перехода к социалистической революции.

* * *

Положение, сложившееся в Германии весной 1848 г., весьма рельефно вырисовывается из сообщений эмиссаров Союза, разосланных в различные области Германии.

Друзья и сторонники Маркса и Энгельса, объехавшие в марте — мае 1848 г. ряд районов Германии, единодушно отмечали рост контрреволюционных настроений буржуазии, которая стремилась использовать за-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 1.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 446.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 2.

воевания мартовской революции, добытые кровью народа на баррикадах, в своих корыстных классовых интересах, трусость и нерешительность мелкобуржуазных демократов, которые боялись продолжения революции и испытывали панический страх перед словом «республика». Что же касается самих рабочих, то они в значительной степени находились еще под влиянием буржуазных и мелкобуржуазных демократов, а о коммунистических и даже республиканских идеях имели лишь самое смутное представление.

Так, например, Георг Веерт писал Марксу из Кёльна 25 марта 1848 г.: «Коммунизм является главным пугалом. Если бы кто-либо открыто выступил как коммунист, его забросали бы камнями»[1]. Любопытно, что в тех же выражениях пишут о повсеместном враждебном отношении к коммунизму Шиккель из Майнца, Бергман из Регенсбурга и Дронке, объездивший ряд городов Юго-Западной Германии[2].

Всем эмиссарам Союза, кроме Веерта, который уехал из Парижа до появления «Требований», был известен текст этого документа, и они пытались использовать его в своей пропаганде среди рабочих. Однако им пришлось убедиться в том, что рабочие, в силу своей политической отсталости и неразвитости своего классового сознания, еще не были подготовлены к восприятию и пониманию революционной программы «Требований». Они еще в значительной степени находились под влиянием нелепых россказней и клеветы на коммунизм, которые усиленно распространялись официальной пропагандой, а также и буржуазной печатью даже в наиболее передовой в экономическом и политическом отношении области Германии, какой была Рейнская провинция. Бергман, пытавшийся вести пропаганду среди рабочих в Регенсбурге на основе «Требований», отмечал, что ему приходилось разъяснять их содержание в других выражениях, так

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 167.

[2] Шиккель — Марксу, 14 апреля 1848 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 171). Бергман — Центральному комитету Союза коммунистов, 21 апреля 1848 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 126). Дронке — Центральному комитету Союза коммунистов, 5 мая 1848 г. (*K. Marx.* «Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln». Berlin, 1914, S. 16—17).

как «некоторые вещи могли показаться слишком резкими» [1].

Наблюдения членов Союза коммунистов как бы обобщает Энгельс, побывавший в апреле — мае 1848 г. в Бармене, Эльберфельде и других городах Рейнской провинции в связи с подготовкой издания «Neue Rheinische Zeitung», а также для организации общин Союза. В своих письмах Эмилю Бланку он несколькими штрихами характеризует настроения различных слоев общества в Рейнской провинции. Он отмечает, что прусская контрреволюция поднимает голову и «наглеет с каждым днем» при попустительстве крупной буржуазии и немощного Франкфуртского собрания, а это вызывает справедливое негодование народа. Буржуазные филистеры в Бармене «дрожат в безотчетном страхе» перед неизбежностью нового революционного взрыва. «Здесь господствует всеобщее разложение, разорение, анархия, отчаяние, страх, ярость, конституционный энтузиазм, *ненависть к республике»* [2], — заключает Энгельс.

В письме Марксу 25 апреля Энгельс более откровенно делится своими наблюдениями. Он подмечает трусость мелкобуржуазных демократов из Эльберфельд-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 20, ед. хр. 126. Вместе с тем мы располагаем любопытным свидетельством того, что некоторые члены Союза коммунистов уже тогда рассматривали «Требования» как программу пропагандистской и публицистической деятельности. Член Союза коммунистов Луи Хейльберг писал из Лондона 17 апреля 1848 г. Гессу, который в то время предполагал издавать в Кёльне демократическую газету, что он согласен сотрудничать в такой газете только при условии, что на ее страницах он сможет вести пропаганду в духе «Требований». Посылая Гессу листовку с текстом этого документа, Хейльберг подчеркивает, что «эти 17 требований носят исключительный практически-революционный и демократически-коммунистический характер и дают чрезвычайно богатый материал для журналистской деятельности и пропаганды в народе на ближайшие 10—15 лет. Они представляют собой цельную программу самостоятельной политики, и притом такой энергичной, дальновидной и всеобъемлющей политики, которая одна только способна сделать Германию могущественной и процветающей и проложить путь грядущему поколению для перехода к коммунистическому общественному устройству» (ЦПА ИМЛ, ф. 173, ед. хр. 2643). Это письмо интересно как оценка современником исторического значения «Требований».

[2] Энгельс — Бланку, 15 апреля 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 426. Курсив мой. — *С. Л.*)

ского политического клуба, чурающихся обсуждения социальных вопросов из боязни отпугнуть буржуазию. Что же касается рабочих, то у них только начинает пробуждаться сознание своих интересов, и движение их, хотя и становится массовым, носит еще очень незрелый характер, сводясь к защите узкоцеховых интересов. «Они сразу стали устраивать коалиции», — замечает Энгельс, — «но *нам-то* это как раз и мешает» [1]. Это как бы вскользь брошенное замечание метко вскрывает основную слабость рабочего движения Германии в начале революции.

Половинчатая, нерешительная позиция мелкобуржуазных демократов и отсталость рабочих создавали неблагоприятную обстановку для распространения «Требований» в Рейнской провинции в первые месяцы революции. Имея в виду преждевременность такого рода пропаганды, Энгельс писал Марксу: «Если бы здесь (в Бармене. — *С. Л.*) кто-нибудь распространил хоть один экземпляр наших 17 пунктов, для нас все было бы здесь потеряно» [2].

* * *

Временный отказ от непосредственной пропаганды «Требований», т. е. тех лозунгов, до которых еще не доросли массы, был одним из выводов, к которым пришли Маркс и Энгельс в результате тщательного анализа обстановки в Германии в первые месяцы революции. Невозможность самостоятельного выступления пролетариата в революции обусловливалась в первую очередь незрелостью немецкого рабочего класса. В экономически отсталой Германии рабочие в своей основной массе еще были связаны с мелким производством и не утратили ремесленных черт [3].

Однако придя к выводу о необходимости выступления пролетариата на крайнем левом фланге демократического движения, Маркс и Энгельс отнюдь не отказались от программы, выработанной ими в «Требованиях». Здесь уместно вспомнить известные слова Энгельса в его

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 120.
[2] Там же.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 16, 219—220.

статье «Маркс и «Neue Rheinische Zeitung»», имеющие чрезвычайно глубокий смысл. Говоря об объективных факторах, обусловивших выбор новых форм тактики, Энгельс подчеркивал: «Это определяло наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфически пролетарский характер, *о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени*»[1].

Знакомство с содержанием «Neue Rheinische Zeitung», и в первую очередь со статьями Маркса и Энгельса, определявшими политическую программу газеты, полностью подтверждает приведенное высказывание Энгельса. На ее страницах неуклонно отстаивалась марксистская программа пролетариата в германской революции, впервые со всей ясностью провозглашенная в «Требованиях». Эта пропаганда революционных идей велась умело и последовательно. Широким кругам читателей газеты постепенно разъяснялись задачи пролетариата и народных масс в революции; шаг за шагом им раскрывались глаза на то, кто их подлинные враги и кто является их союзником в борьбе против контрреволюции; на примере анализа текущих политических событий им прививалось понимание противоположности интересов пролетариата и народных масс интересам феодально-абсолютистской контрреволюции и ее пособника — крупной буржуазии. По мере роста сознательности пролетариата в ходе революции — чему не в малой степени способствовала деятельность Маркса, Энгельса и их соратников — «Neue Rheinische Zeitung» все более открыто и решительно выступала с пропагандой задач, сформулированных в «Требованиях».

Говоря о политической программе «Neue Rheinische Zeitung», Энгельс назвал в качестве одного «из двух главных пунктов» единую, неделимую демократическую германскую республику[2], т. е. первый пункт «Требова-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 16. (Курсив мой. — *С. Л.*)

[2] Там же, стр. 17—18.

ний». И действительно, главным содержанием деятельности Маркса и Энгельса в 1848—1849 гг. являлась борьба за единство Германии, как средство преодоления политической раздробленности и экономической отсталости, как необходимое условие победы будущей пролетарской революции. Уже в первых своих выступлениях на страницах газеты Маркс и Энгельс по существу отстаивают необходимость создания в Германии демократической республики, подчеркивая, что это является единственным путем объединения страны, соответствующим интересам народа. «Могут ли мелкие буржуа и крестьяне, а тем более пролетарии найти лучшую форму государственного строя для защиты своих интересов, чем демократическая республика?» — восклицал Маркс[1].

В противовес беспочвенным, полуавантюристическим планам провозглашения республики, которые вынашивали мелкобуржуазные демократы, начиная от Гервега и кончая Геккером и Струве, Маркс и Энгельс с самого начала революции разъясняли народным массам, что создание демократической республики в Германии может явиться лишь результатом полной победы буржуазно-демократической революции и требует для своего осуществления наличия определенных объективных условий. Они писали в одном из первых номеров «Neue Rheinische Zeitung», обращаясь к парламентским представителям мелкобуржуазных демократов: «Мы не выставляем утопического требования, чтобы a priori была провозглашена *единая, неделимая германская республика,* но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешивала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью... Окончательное конституирование не может быть *декретировано;* оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать. Поэтому дело идет не об осуществлении того или иного мнения, той или иной политической идеи; дело идет о понимании хода развития»[2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 229.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 41.

Таким образом, «как представители пролетариата, Маркс и Энгельс и их соратники одни только боролись за последовательное решение национального вопроса, за единую, неделимую германскую демократическую республику»[1].

На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс отстаивали и другое положение, которое красной нитью проходит через «Требования», — идею о том, что пролетариат может победоносно совершить буржуазно-демократическую революцию лишь в союзе с крестьянством и городской мелкой буржуазией. В одной из своих статей Маркс писал о мелких буржуа и крестьянах: «Разве не эти именно классы являются наиболее радикальными, наиболее демократическими классами всего общества? Разве не пролетариат является как раз специфически *революционным* классом?»[2].

В соответствии с программой, провозглашенной в «Требованиях», Маркс и Энгельс и их соратники в своих статьях, опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung», последовательно разъясняли неспособность немецкой буржуазии разрешить аграрный вопрос в интересах крестьянства и выставляли требование полной, безвозмездной отмены всех феодальных повинностей[3].

Если программа, выдвинутая в «Требованиях», предполагала наличие революционной диктатуры народа, то в статьях «Neue Rheinische Zeitung» прямо говорилось о необходимости революционной диктатуры для закрепления и охраны завоеваний революции: «Всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры»[4].

Так при ближайшем рассмотрении обнаруживается фальсификаторский характер утверждений буржуазных и некоторых социал-демократических историков о том, будто программа «Требований» носила нереальный характер, свидетельством чего якобы является то обстоятельство, что Маркс и Энгельс вынуждены были отка-

---

[1] «Grundriß der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». In «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Hf. 6, 1962, S. 1341.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 229.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 299.

[4] Там же, стр. 431.

заться от ее пропаганды на страницах «Neue Rheinische Zeitung». В действительности основоположники научного коммунизма отстаивали на страницах своего революционного органа ту платформу, которую они провозгласили от имени Союза коммунистов, так как она являлась единственно правильным выражением задач пролетариата в германской революции.

* * *

Животрепещущая важность программы «Требований», затрагивавшей коренные интересы широких масс германского народа, обусловила их распространение в 1848—1849 гг. не только в Рейнской провинции, но и во всей Германии. Общее замечание Энгельса, сделанное почти сорок лет спустя, что этот документ «был распространен во всей Германии»[1], подтверждается многочисленными фактами.

Как уже указывалось в другой связи, из прусских архивов известно о распространении «Требований» в Рейнской провинции в апреле — мае 1848 года. Можно предположить, что в это время пропагандой «Требований» занимались преимущественно эмиссары Союза коммунистов.

Маркс и Энгельс и их соратники, придавая большое значение пропаганде революционных идей в демократических и рабочих организациях, стремились использовать любую возможность для распространения программных документов Союза коммунистов — «Манифеста Коммунистической партии» и «Требований Коммунистической партии в Германии». Так, летом 1848 г., в связи с созданием Центральной комиссии трех демократических союзов Кёльна, перед коммунистами открылась возможность пропаганды своих взглядов в этих организациях. Именно к этому времени относится попытка распространения и обсуждения «Требований» в кёльнском Демократическом обществе[2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 21, стр. 225.

[2] *W. Kühn*. «Der junge Hermann Becker». Bochum, 1934, S. 108—109. «Kölnischer Anzeiger» № 245, 15 октября 1852 г. (Показания Г. Беккера на кёльнском процессе коммунистов). Несмотря на неко-

Большую роль в пропаганде революционной программы «Требований» сыграл кёльнский Рабочий союз, на деятельность которого с июля 1848 г. стали оказывать все большее влияние сторонники Маркса и Энгельса[1]. Во время так называемых «социальных дискуссий», которые начались в июле 1848 г. и продолжались с некоторыми перерывами до конца года, были подвергнуты обсуждению идеи, выраженные в «Манифесте Коммунистической партии», а также отдельные пункты «Требований». Так, на заседании 24 августа, на котором по предложению Шаппера обсуждался вопрос об организации труда, он по существу разъяснял в своей речи ряд пунктов «Требований», касающихся положения беднейшего крестьянства. При этом Шаппер подчеркивал, что существующий порядок может быть устранен в результате изменения формы собственности; чтобы улучшить положение сельского пролетариата, неимущим должны быть розданы для обработки пустующие земли. На государственных землях должно вестись хозяйство на благо общества, а концентрация земель приведет к подъему земледелия[2]. Обсуждение этих вопросов продолжалось на заседании 28 августа. Здесь, кроме Шаппера, выступал член комитета Мюллер, который высказался за целесообразность перехода в руки государства железных дорог, каналов и других средств транспорта. Шаппер, в соответствии с программой «Требований», поставил также вопрос о переходе ипотек в руки государства с целью устранения ростовщичества, а также о создании национальных мастерских. Выступая 31 августа, Шаппер провозгласил необходимость отмены привилегий дворянства, ограничения права наследования и отмены всех налогов на предметы потребления, изложив таким образом содержание пунктов 14 и 15 «Требова-

---

торую неясность сведений, сообщаемых Г. Беккером, они свидетельствуют о борьбе между коммунистами и мелкобуржуазными демократами в демократических организациях Кёльна летом 1848 г.

[1] Значительный материал по этому вопросу собран в недавно вышедшей монографии немецкого историка-марксиста Г. Беккера, посвященной истории кёльнского Рабочего союза: «Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849». Berlin, 1963.

[2] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» № 27, 31 августа 1848 г.

ний»[1]. При обсуждении содержания «Требований» в июле — сентябре 1848 г. обращает на себя внимание то обстоятельство, что никто из выступавших не ссылался на сам документ. По-видимому, руководители кёльнского Рабочего союза в то время еще боялись отпугнуть наиболее отсталую часть рабочих упоминанием о коммунистической программе.

В сентябре 1848 г., когда Маркс, Энгельс и их соратники призывают народ дать отпор контрреволюции, они широко используют «Требования» как средство воздействия на массы и мобилизации их революционной энергии. В эти дни, когда одно за другим происходят массовые народные собрания и митинги, организованные демократическими союзами Кёльна и редакцией «Neue Rheinische Zeitung», требования борьбы за единство Германии, за охрану завоеваний революции находят широкий отклик в народных массах Рейнской провинции. К этому времени относятся и сведения об издании «Требований» в виде листовки и о распространении экземпляров с текстом этого документа в Кёльне и его окрестностях[2].

Обсуждение текста «Требований» в кёльнском Рабочем союзе, прерванное в результате сентябрьских событий, возобновляется в начале ноября 1848 года. Возросшая политическая активность и сознательность рабочих — членов Союза делает возможным организовать систематическое обсуждение такого революционного документа как «Требования», текст которого, вероятно, уже был знаком рабочим после сентябрьских дней. Начиная с 2 ноября, на каждом заседании комитета Рабочего союза в рамках «социальной дискуссии» пункт за пунктом обсуждается текст «Требований», причем в начале заседания каждый раз зачитывается соответ-

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» № 28 и 29, 3 и 7 сентября 1848 г.

[2] «Elberfelder Zeitung» № 252, 15 сентября 1848 г.; «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» № 32 и 33, 17 и 21 сентября 1848 г. В обвинительном заключении по кёльнскому процессу коммунистов указывается, что при обыске у столяра Хагена в Мюльхейме был найден экземпляр «Требований», вплетенный в комплект газеты «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» после № 30 от 10 сентября 1848 г. (Anklageschrift, S. 21).

ствующий пункт. В отличие от дискуссий в июле — сентябре, когда текст документа разъяснял, как правило, один Шаппер, причем ему нередко приходилось опровергать возражения других участников дискуссии, теперь в обсуждении принимают участие рядовые члены союза. В ноябре — декабре 1848 г. «Требования» обсуждались на шести заседаниях комитета кёльнского Рабочего союза — 2 и 9 ноября, 7, 11, 18 и 28 декабря[1]. За это время были рассмотрены первые четыре пункта этой программы.

Революционные демократы Кёльна вели в 1848—1849 гг. активную пропагандистскую работу не только в самом городе, но и в прилегающих к нему деревнях и населенных пунктах. Члены Рабочего союза регулярно совершали поездки в окрестности Кёльна, беседовали с местными жителями, организовывали в селах и местечках рабочие и демократические союзы, созывали народные собрания, на которых разъясняли крестьянам программу действий демократов[2]. Немалую роль в политическом просвещении крестьян сыграло распространение и разъяснение им пунктов «Требований», касающихся решения аграрного вопроса. О распространении «Требований» на одном из таких собраний сообщается в переписке прусских властей в январе 1849 года. На народном собрании 6 января в местечке Вейлерсвист (округ Энскирхен близ Трира) эмиссары, прибывшие из Кёльна, зачитывали и разъясняли программу «Требований», а также раздавали участникам собрания экземпляры этого документа[3].

Маркс и Энгельс и их сторонники стремились широко популяризовать программу «Требований» за пределами Рейнской провинции, используя для этого все возможности. В связи с предстоявшим созывом второго

---

[1] «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit», 9 и 19 ноября, 14, 17, 24 декабря 1848 г. «Freiheit, Arbeit» № 1, 14 января 1849 г. См. также Anklageschrift, S. 41, 47.

[2] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln», 3, 7, 17, 21 сентября 1848 г. «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit», 10 декабря 1848 г.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 191. Донесения кёльнского окружного управления обер-прокурору 11 и 12 января 1849 г. Донесения председателя кёльнского окружного управления министру внутренних дел 15 и 18 января 1849 г.

демократического конгресса в Берлине, на общем собрании кёльнского Рабочего союза 22 октября 1848 г. было принято решение послать на конгресс своего делегата, члена комитета Фридриха Бёйста[1].

Заседания конгресса состоялись в Берлине 26—30 октября 1848 года. Разношерстный состав делегатов отражал неоднородную классовую структуру демократической партии, в которую, наряду с пролетарскими элементами, входили буржуазные радикалы и мелкобуржуазные демократы. Раздоры и разногласия парализовали работу конгресса, который не смог принять действенных решений, мобилизующих массы на борьбу с контрреволюцией.

В последние дни работы конгресса бо̀льшая часть его делегатов, в том числе многие сторонники правого крыла, покинула заседания. Поэтому 29 октября оказалось, что отсутствует председатель избранной конгрессом комиссии по социальному вопросу, Кинкель, доклад которого должен был быть заслушан на следующий день[2]. Тогда в срочном порядке был избран новый состав комиссии, от имени которой 30 октября выступил с докладом Бёйст[3]. Трудно сказать, привез ли Бёйст с собой из Кёльна готовый текст своего выступления. Он вспоминал впоследствии, что ему и другим членам комиссии (их имена нам, к сожалению, не известны) пришлось работать до рассвета, чтобы за одну ночь подготовить доклад и предложения комиссии. У нас нет оснований ставить под сомнение эти его слова.

Проект резолюции, представленный Бёйстом конгрессу от имени комиссии по социальному вопросу 30 октября 1848 г.[4], по своему содержанию распадается

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 5, стр. 551.

[2] *G. Lüders*. «Die demokratische Bewegung in Berlin im Oktober 1848». Berlin, 1909, S. 89.

[3] *A. Stern*. «Zur Biographie Friedrich Beusts». In: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 12 (1926), S. 178—179. Сам Бёйст после 1848—1849 гг. отошел от революционной деятельности. В своих воспоминаниях он довольно враждебно отзывался о Марксе и всячески подчеркивал свою непричастность к деятельности Союза коммунистов.

[4] Полный текст этого документа был опубликован в газете «Berliner Zeitungs-Halle» № 256, 4 ноября 1848 г.

на три части. Он открывается введением, в котором говорится в общей форме о путях разрешения «социального вопроса». При этом рассуждения авторов проекта в основном выдержаны в духе фразеологии «истинного социализма». В этом нет ничего удивительного. Известно, что Бёйст, друг Аннеке и Гесса, еще до революции 1848—1849 гг. находился под влиянием «истинного социализма». Как и другие сторонники этого направления, он в ходе революции являлся участником демократического движения, однако был далек от идей научного социализма и разделял во многих вопросах позицию мелкобуржуазных демократов.

Во второй части проекта излагаются «некоторые общие принципы», которыми надлежит руководствоваться при решении социального вопроса. В этой части проекта, также изобилующей расплывчатыми формулировками, чувствуется некоторое влияние идей «Манифеста Коммунистической партии» о классовой борьбе как движущей силе исторического развития, об эксплуататорском характере буржуазной частной собственности, о значении победы пролетариата над буржуазией. Однако здесь отсутствует один из решающих выводов «Манифеста» — о необходимости пролетарской революции. А без этого все остальные рассуждения авторов проекта не выходят за рамки представлений утопического социализма.

Третья часть трактует о «практических мероприятиях и законах, которые должна издать демократическая республика сразу же после ее возникновения». Содержание этих мер, которые должны быть приняты в интересах «огромного страдающего большинства», почти целиком заимствовано из «Требований». При этом изменен порядок отдельных пунктов, некоторые из них опущены, а в ряд других внесены существенные изменения. Характер переработки «Требований», произведенной авторами проекта, во многом проливает свет на цель, с какой она была предпринята, и дает возможность ответить на вопрос, интересовавший многих исследователей, о степени участия самого Маркса в составлении этого документа.

В представленном Бейстом проекте комиссии отсутствуют пункты 1, 2, 3, 6 и 8 программы «Требований». Из них первые три пункта (о республике, о всеобщем избирательном праве и о вознаграждении депутатов) уже обсуждались на конгрессе в связи с вопросом о конституции, а пункт 6 (о безвозмездной отмене феодальных повинностей) был принят по предложению Хекзамера на заседании конгресса 29 октября. В пункте 9 опущен второй абзац, содержащий указание на то, что меры по аграрному вопросу проводятся в интересах крестьян и мелких арендаторов. Наконец, авторами проекта внесены существенные изменения в пункты 4, 7, 11 и 12 «Требований».

В пункте 11 опущена его последняя часть, где говорится о том, что все средства транспорта безвозмездно предоставляются в распоряжение неимущего класса. Первая часть пункта 4, который содержит требование о всеобщем вооружении народа и в котором выдвигается положение о том, что в будущем армии должны носить не только потребляющий, но и производительный характер, в проекте комиссии изменена совершенно. Она гласит: «Все одинаково обязаны трудиться. Больше не должно быть праздных постоянных армий, которые не нужны при всеобщем вооружении народа. До тех пор, однако, пока политическое положение в Центральной Европе еще делает необходимым для Германии сохранение постоянной армии, следует позаботиться о том, чтобы армии были одновременно рабочими армиями». В пункт 7, в котором идет речь о превращении в собственность государства всех феодальных имений, рудников, шахт и т. д., внесено добавление, предусматривавшее выплату возмещения собственникам рудников и т. п. «в форме ренты в размере 4% стоимости их капитала сроком на 20 лет». При изложении пункта 12 «Требований» (о равной оплате всех государственных служащих) в проекте сделана оговорка, что эта мера может вступить в силу не раньше, чем через 25 лет после учреждения республики.

Если сопоставить все изменения, внесенные в программу «Требований» Бейстом и его коллегами по комиссии, то становится ясно, что они имеют совершенно

определенный классовый и политический смысл. Из «Требований» был исключен ряд пунктов, которые в той или иной степени затрагивали интересы буржуазии (например, о переходе ипотек на крестьянские земли в собственность государства) или казавшиеся чрезмерными с точки зрения мелкого буржуа (например, бесплатное пользование транспортом со стороны неимущих). В этом смысле весьма характерно, что сохранено требование о национализации феодальных имений, которое затрагивало интересы дворянства, а национализация рудников и т. п. заменена передачей их в руки государства с выплатой компенсации владельцам. В пункте о равной оплате государственных служащих, который был направлен против чиновничества, также была сделана оговорка, по существу сводившая его на нет. Составители проекта не решились прямо провозгласить необходимость отмены постоянных армий, а сослались на «политическое положение в Центральной Европе», которое якобы диктует необходимость сохранения в Германии постоянной армии.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что, опираясь при составлении своей программы на текст «Требований», Бёйст и другие, не известные нам авторы проекта комиссии по социальному вопросу подвергли существенной переработке эту революционную программу, пытаясь сделать ее приемлемой для мелкобуржуазного большинства демократического конгресса [1]. В свете всех этих обстоятельств становится очевидной полная несостоятельность утверждений буржуазных

[1] Не случайно редакция «Neue Rheinische Zeitung» осторожно отнеслась к выступлению Бёйста на демократическом конгрессе. Один из ее берлинских корреспондентов сообщил 30 октября о докладе комиссии по социальному вопросу, никак его не комментируя. Другой корреспондент в заметке от 31 октября отметил, что доклад комиссии «был в своих основных чертах коммунистическим». Редакция «Neue Rheinische Zeitung» снабдила корреспонденцию от 30 октября примечанием о том, что она оставляет за собой право выступить с критикой работы конгресса, как только будут опубликованы его протоколы («Neue Rheinische Zeitung» №№ 132 и 135, 2 и 5 ноября 1848 г.). К сожалению, редакции газеты не удалось осуществить свое намерение; впрочем, проект комиссии Бёйста не был опубликован в протоколах конгресса: их составители сочли, по-видимому, этот документ чересчур «крамольным».

историков о якобы марксистском характере проекта Бейста[1]. Трудно согласиться и с той оценкой, которую дает этому документу марксистский исследователь Г. Беккер. Беккер не только не сомневается в том, что проект, предложенный Бейстом, был заранее подготовлен в Кёльне (при этом он утверждает, будто Бейст находился «в самой тесной близости к Марксу и Энгельсу»), но дает явно преувеличенную оценку этого документа, называя его «единственным законченным коммунистическим программным документом революционной эпохи, не считая... 17 «Требований Коммунистической партии в Германии»»[2].

Однако несмотря на то, что программа «Требований» была изложена Бейстом в урезанном и измененном виде, сам по себе факт его выступления от имени комиссии на демократическом конгрессе имел большое значение. Обнародование программы революционных мероприятий не прошло незамеченным в широких демократических кругах Германии. Так, член Союза коммунистов Вейдемейер, находившийся в то время в Дармштадте, писал Марксу 23 января 1849 г., что ему еще не удалось ознакомиться с программой, провозглашенной на демократическом конгрессе, но он хотел бы получить ее текст, чтобы использовать его для своего выступления на предстоящем рабочем конгрессе в Гейдельберге[3]. Программа, выдвинутая Бейстом, получила также отклик во Франции и Англии. Парижский корреспондент «Neue Rheinische Zeitung» Эвербек, присутствовавший на берлинском конгрессе в качестве делегата немецкого демократического союза в Париже, сообщал в декабре 1848 г. о перепечатке этой программы в ряде столичных и провинциальных французских газет[4]. Программа «комиссии по социальному вопросу» была перепечатана

---

[1] *G. Lüders.* Указ. соч., стр. 89. *H. Krause.* «Die demokratische Partei von 1848 und die soziale Frage». Frankfurt, 1923, S. 157, 162. *M. Quarck.* «Die erste deutsche Arbeiterbewegung». Leipzig, 1924, S. 185. *V. Valentin.* «Geschichte der deutschen Revolution von 1848—1849». Berlin, 1930. Bd. II, S. 257.

[2] *G. Becker.* Указ. соч., стр. 171.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 191.

[4] «Neue Rheinische Zeitung» № 167, 13 декабря 1848 г.

с благожелательными комментариями в конце 1848 г. в английском чартистском журнале «The Labourer»[1], а в июле 1849 г. — в более сокращенном виде — в издававшемся Гарни чартистском журнале «Democratic Review»[2].

* * *

Распространение и пропаганда программы «Требований» не ограничивается революционной эпохой 1848—1849 годов. Из материалов прусских полицейских архивов известно, что в 1851 г. вышло новое издание «Требований» в виде листовки под названием «Требования Коммунистической партии в Германии в 1851 году»[3]. Листовка эта была издана нелегально, без указания года и места издания; отсутствуют также подписи в конце документа. Сведения о листовке мы находим в донесении кобленцского полицей-директора Юнкера от 25 июня 1852 года. Полицейские власти приписывали ее распространение книготорговцу Герману Мюллеру из Берлина, находившемуся в то время в Кобленце и связанному с местными рабочими и демократами.

Из содержания листовки, сохранившейся в виде копии в полицейском архиве, видно, что в текст «Требований» были внесены некоторые изменения. Прежде всего в заглавии были добавлены слова «в 1851 году». Это могло иметь двоякую цель: с одной стороны, создать для властей видимость, будто листовка представляет собой новый документ, а с другой (это было особенно важно для пропаганды документа) — подчеркнуть, что программа «Требований» носит злободневный характер. Были изменены пункты 2, 13 и 14, которые были сформулированы в более решительном духе.

---

[1] «The Labourer», v. IV, 1848. Приводя содержание этого документа, редакция журнала отмечала: «Ясно одно — население континента глубоко прониклось не только республиканскими идеями, но наиболее передовыми и крайними взглядами на собственность и труд; на это указывает опубликованная выше программа».

[2] «Democratic Review», v. 1, июль 1849.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 191, ед. хр. 379. См. также *K. Obermann*. «Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung nach der Revolution von 1848/49 zu Beginn der fünfziger Jahre» In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». 1961, Hf. 4, S. 859—860.

В пункте 2, согласно которому избирательного права лишались лица, ранее подвергавшиеся уголовному наказанию, было добавлено, что этого права лишаются также те, «которые достаточно известны как реакционеры». В пункте 13 «полное отделение церкви от государства» заменено «подчинением церкви государству и контролем над ней со стороны государства». В пункте 14 «ограничение права наследования» заменено «отменой права наследования в пользу государства».

Встает вопрос о том, можно ли считать это издание «Требований» авторизованным, было ли оно предпринято с ведома и при участии Маркса и Энгельса. В дошедшей до нас переписке основоположников научного коммунизма нет никаких указаний на этот счет. Следует принять также во внимание, что в 1851 г. связи Маркса и Энгельса с коммунистами в Германии в значительной степени ослабевают, как в результате раскола Союза коммунистов, так и в связи с усилившимися преследованиями коммунистов и оппозиционных элементов в Германии со стороны властей. Отдельные коммунистические группы, существовавшие или продолжавшие возникать в различных частях Германии, были в то время зачастую оторваны друг от друга и вынуждены были вести революционную пропаганду в условиях строгой конспирации. Так, Энгельс в письме Марксу 17 июля 1851 г. говорит об «отдельных, действующих втихомолку» кружках, «вступающих на путь коммунизма, *о которых мы ничего не знаем,* но которые... имеются во всех частях Германии»[1]. А через несколько дней, около 20 июля, очевидно, после получения письма из Германии, он замечает: «Меня очень обрадовало, что, как я и предвидел, повсюду на основе «Манифеста» возникают небольшие коммунистические группы»[2].

Возможно, что вышедшее в 1851 г. нелегальное издание «Требований» распространялось местной общиной Союза коммунистов по поручению кёльнского ЦК

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 255. (Курсив мой. — *С. Л.*)

[2] Там же, стр. 259.

Союза[1]. В этой связи весьма интересно то обстоятельство, что, согласно полицейскому донесению, Мюллер и его друзья одновременно с текстом «Требований» распространяли и другую брошюру под названием «Песни пролетария в 1851 году». В ней были напечатаны: стихотворение Э. Шульте «О новой революции», «Зоря» Фрейлиграта (в свое время опубликованная на страницах «Neue Rheinische Zeitung»), «Песня жирондистов», а также ««Воззвание» Бауэра в Лондоне». Последний документ представляет собой составленное Марксом и Энгельсом мартовское «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» 1850 г., которое привез в Германию эмиссар ЦК Генрих Бауэр в 1850 году[2]. Возможно, издание брошюры было предпринято именно для нелегального распространения «Обращения».

* * *

«Требования Коммунистической партии в Германии» возникли на основе составленных незадолго до этого программных документов Союза коммунистов — «Принципов коммунизма», написанных Энгельсом в октябре — ноябре 1847 г., и особенно «Манифеста Коммунистической партии», выработку которого Маркс и Энгельс закончили в конце декабря того же года.

В «Манифесте Коммунистической партии», этом первом программном документе марксизма, Маркс и Энгельс впервые со всей ясностью сформулировали особенности стратегии пролетарской партии в Германии, исходя из характера и задач предстоящей в этой стране буржуазной революции[3].

---

[1] Из показаний Рёзера после кёльнского процесса коммунистов известно, что в 1850 г. с Кобленцем поддерживали связь видные деятели Союза коммунистов — Шаппер, находившийся в то время в Висбадене, и Рёзер, позднее один из членов кёльнского Центрального комитета. Весной 1850 г., во время поездки Г. Бауэра по Германии, Рёзер по поручению Шаппера побывал в Кобленце, пытался организовать там общину Союза и распространял революционную литературу (ЦПА ИМЛ, ф. 191). Есть все основания предполагать, что эти связи коммунистов Кобленца с руководством Союза продолжали существовать и позднее, в 1851 году.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 21, стр. 229.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 459.

Во второй главе «Манифеста» Маркс и Энгельс характеризуют шаги, которые должен предпринять рабочий класс сразу же после победы пролетарской революции, опираясь на завоеванное им политическое господство, т. е. диктатуру пролетариата. При этом задача пролетариата заключается в том, чтобы «вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»[1]. Приступая к перечислению этих мероприятий, авторы «Манифеста» подчеркивают, что они будут различны в различных странах. Программа, намеченная в «Манифесте», по своему содержанию в основном совпадает с программой «Принципов коммунизма», но носит гораздо более четкий, сжатый и чеканный характер.

Предварительным условием этих мероприятий является победа пролетарской революции. Этим и обусловлено их отличие от программы, выдвинутой в «Требованиях». Вместе с тем ряд переходных мероприятий, фигурирующих в «Требованиях» (высокий прогрессивный налог, отмена права наследования, централизация кредита и транспорта в руках государства, обработка земель по общему плану), в той или иной форме заимствованы из «Манифеста». Основная разница между программой «Манифеста» и «Требований» обусловлена тем, что в этих документах идет речь о задачах пролетариата *на разных этапах революции*[2]. В то же время и «Манифест» и «Требования» исходят из общих теоретических положений — из марксистского учения о всемирно-исторической роли пролетариата. «Требования» являются конкретизацией программных положений «Ма-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 446.

[2] Этого принципиального различия не поняли буржуазные и социал-демократические историки, которые утверждали, будто «Требования» — это лишь сокращенное издание «Манифеста», или уверяли, будто программа «Требований» носит якобы более умеренный характер по сравнению с «Манифестом» (см., например, *M. Quarck*. Указ. соч., стр. 52—53. *V. Valentin*. Указ. соч., т. I, стр. 533).

нифеста» в соответствии с задачами буржуазно-демократической революции в Германии.

«Требования Коммунистической партии в Германии», как марксистская программа пролетариата в германской буржуазно-демократической революции, принципиально отличались от всякого рода программ, выдвинутых в 1848—1849 гг. мелкобуржуазными демократами, которые нередко выдавали себя за выразителей интересов рабочих.

Особенно ярко это различие выступает на примере петиции под названием «Требования народа», врученной Готшальком кёльнскому магистрату во время событий 3 марта 1848 г. в Кёльне. В составлении этого документа принимали участие члены местной общины Союза коммунистов Готшальк, Аннеке и Виллих, находившиеся под значительным влиянием идей «истинного социализма». Петиция состояла из шести пунктов и содержала требования всеобщего избирательного права, всеобщего вооружения народа, свободы слова, печати и союзов, «защиты труда и удовлетворения человеческих потребностей для всех», воспитания детей на общественный счет [1]. Пять пунктов этой программы (за исключением первого) по существу были заимствованы из буржуазно-либеральной так называемой Оффенбургской программы 1847 года [2]. Это весьма знаменательно — кёльнские мелкобуржуазные демократы не смогли пойти дальше требований буржуазного либерализма. В кёльнской петиции отсутствует и требование республики, что, как мы уже видели, было характерно для настроений в Рейнской провинции накануне и в начале революции. Рабочие, принимавшие активное участие в многолюдной демонстрации 3 марта, еще находились в то время под влиянием мелкобуржуазных демократов [3].

---

[1] *Hansen.* «Rheinische Briefe und Akten». Bd. II, I. Hälfte. Bonn, 1942, S. 502.

[2] Там же, стр 496. См. также *K. Obermann.* «Einheit und Freiheit». Berlin, 1950, S. 213—214.

[3] События 3 марта 1848 г. в Кёльне имели несомненное значение как первое политическое выступление, в котором приняли участие немецкие рабочие. Однако нам представляется несколько преувеличенной оценка, которую дает этому выступлению немецкий историк

Лишь в результате терпеливого разъяснения идей научного коммунизма Марксу, Энгельсу и их соратникам удалось преодолеть в 1848—1849 гг. влияние мелкобуржуазных взглядов Готшалька среди кёльнских рабочих. В этой связи весьма любопытно свидетельство Германа Беккера, который писал впоследствии в своих автобиографических заметках, что коммунисты весной 1848 г. распространяли в Кёльне «Манифест Коммунистической партии» и «Требования Коммунистической партии в Германии» «в противовес требованиям Готшалька»[1]. При этом явно имелась в виду мартовская петиция Готшалька, которая распространялась в Кёльне в виде листовки.

После выхода в свет «Требований Коммунистической партии в Германии» намеченная в них программа широко пропагандировалась членами Союза коммунистов, связанными с германским демократическим движением. Для этой цели использовалась любая возможность. Так, например, друг и соратник Маркса и Энгельса Иосиф Вейдемейер, который издал в июне 1848 г. в Хамме брошюру Маркса «Речь о свободе торговли», в своем предисловии к этой брошюре развивал положение «Требований» о необходимости превращения Германии в единую, неделимую демократическую республику. Он писал: «Интересы народа требуют, чтобы Германия объединилась в *единую большую, неделимую республику*... *Демократическая республика* является необходимостью; материальное угнетение вынуждает народ стремиться к этому, и он этого добьется, даже если ему окажет противодействие вся вооруженная буржуазия. Демократическая республика для Германии, а не для 38 мелких немецких государств... К тому же раздробленность по-

---

Оберман (см. *K. Obermann*. «Friedrich Engels' Kampf für die nationale Einheit Deutschlands und für die Demokratie in den Jahren 1848—49». In: «Friedrich Engels und die internationale Arbeiterbewegung». Berlin, 1962, S. 51. *Его же*. «Demokratie und Nation vor und in der Revolution von 1848—1849». In: «Beiträge zum nationalen Geschichtsbild der deutschen Arbeiterklasse». «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Sonderheft, 1962, S. 318).

[1] *W. Kühn*. «Der junge Hermann Becker». Bochum, 1934, S. 108—109, 135.

рождает сепаратные интересы и местный патриотизм, которые враждебны всеобщим интересам и постоянно дают реакции новые возможности и поводы для того, чтобы затягивать борьбу в ущерб интересам народа»[1].

* * *

«Требования Коммунистической партии в Германии» до сих пор не нашли должного освещения в исторической литературе. Отсутствуют монографии или хотя бы специальные статьи, посвященные этому важнейшему программному документу марксизма. Однако многие советские и зарубежные историки уделяли внимание анализу этого произведения в своих исследованиях, посвященных отдельным проблемам истории марксизма. Е. А. Степанова в своей статье «Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848—1849 годов» одной из первых среди советских историков указала на историческое значение «Требований» как политической платформы Союза коммунистов в начавшейся германской революции[2]. Из немецких историков-марксистов следует отметить прежде всего К. Обермана, который в своих многочисленных работах, посвященных истории Союза коммунистов и деятельности Маркса и Энгельса в период революции 1848—1849 гг., уделяет значительное внимание истории появления и распространения «Требований» и месту этого документа в истории борьбы Маркса и Энгельса и их соратников за единство Германии. Г. Беккер в своей недавно вышедшей обстоятельной, насыщенной фактическим материалом монографии, посвященной истории кёльнского Рабочего союза, собрал интересные данные о распространении «Требований» в 1848 г. и о пропаганде этой революционной программы в кёльнском Рабочем союзе.

По вполне понятным причинам немецкая буржуазная историография старалась обойти молчанием «Требования Коммунистической партии в Германии». Там же,

[1] *K. Obermann.* «Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848». Berlin, 1953, S. 277—278.

[2] В сб. «К столетию революции 1848 года». Москва, 1949, стр. 14—15.

где это не удавалось сделать, — в специальных работах, посвященных истории революции 1848—1849 гг. в Германии, — буржуазные историки ограничивались кратким упоминанием об этом важнейшем документе, всячески стремясь преуменьшить его значение в ущерб исторической правде. Так, пользующийся репутацией наиболее солидного и «объективного» исследователя германской революции 1848—1849 гг. буржуазно-либеральный историк Фейт Валентин в своей двухтомной монографии уделил изложению содержания «Требований» всего одну страницу, заявив, что этот документ не оказал, в сущности, никакого влияния на общественное мнение и остался почти незамеченным[1]. Анархист Макс Нетлау в своей монографии о Бакунине уверяет, будто программа «Требований» носила государственно-социалистический характер[2]. Как известно, анархисты имели обыкновение отождествлять мероприятия революционного правительства с государственным социализмом, обнаруживая тем самым свою полную неспособность понять марксистское учение о государстве и революции. Социал-демократический историк Кварк твердит о мнимо компромиссном характере «Требований» по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии» и пытается доказать нереальный, утопический характер выдвинутой в «Требованиях» программы[3].

Достойную отповедь всем этим выпадам фальсификаторов марксизма дал Франц Меринг. Отмечая, что характер программы «Требований» во многом определялся отсталостью экономического развития тогдашней Германии, он писал: «Не следует заходить слишком далеко и утверждать, что она (эта программа. — *С. Л.*) была непрактична и утопична. Она не была непрактична, так как направила внимание революционно воз-

---

[1] *V. Valentin.* Указ. соч., т. I, стр. 533. Этого же мнения придерживаются и социал-демократические историки Фелинг (*A. W. Fehling.* «Karl Schapper und die Anfänge der Arbeiterbewegung bis zur Revolution von 1848». Phil. Diss. Rostock, 1922, S. 199) и Грюнберг (*K. Grünberg.* «Die Londoner Kommunistische Zeitschrift». In: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 9 (1921), S. 31).

[2] *M. Nettlau.* «Michael Bakunin». Bd. I, Anm. 440.

[3] *M. Quarck.* Указ. соч., стр. 53.

бужденных масс на правильный путь; она не была утопична, так как творцы ее очень хорошо знали и совсем не скрывали того, что она может быть проведена лишь путем длинного ряда революционных конфликтов и переворотов»[1].

В 1885 г. Энгельс в своей работе «К истории Союза коммунистов» писал по поводу «Требований Коммунистической партии в Германии», что это — документ, «из которого многие и в настоящее время могут еще коечему научиться»[2]. С тех пор прошло почти восемьдесят лет. За это время в мире произошли огромные перемены. Советский народ успешно строит коммунистическое общество, претворяя в жизнь мечты великих вождей пролетариата — Маркса и Энгельса.

В наши дни, когда сложилась мировая система социализма, уже второе десятилетие растет и крепнет Германская Демократическая Республика — государство рабочих и крестьян, строящее социализм на родине Маркса и Энгельса.

Важным этапом на пути, пройденном международным коммунистическим и рабочим движением, была борьба основоположников научного коммунизма за национальные интересы германского народа, за свободу и демократию, памятником этой борьбы является один из первых программных документов марксизма — «Требования Коммунистической партии в Германии».

---

[1] *Ф. Меринг.* «История германской социал-демократии». Т. II. М., 1906, стр. 102.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 21, стр. 225.

М. П. МАРИНИЧЕВА

«RED REPUBLICAN» — ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН РЕВОЛЮЦИОННОГО ЧАРТИЗМА В 1850 ГОДУ

(Из истории распространения марксизма в Англии)

Подавляющее большинство буржуазных и лейбористских исследователей чартизма заканчивают свои работы событиями 10 апреля 1848 года, пытаясь доказать, что дальнейшая история чартистского движения представляет собой не более как его эпилог.

Эту точку зрения до известной степени разделяют и германский историк — социал-демократ Г. Шлютер в работе, написанной с марксистских позиций, — и советский историк Ф. Ротштейн [1].

Более глубокий подход к изучению чартистского движения после 1848 г. и к проблеме взаимоотношений революционных чартистов с К. Марксом и Ф. Энгельсом

---

[1] *H. Schlüter.* «Die Chartisten-Bewegung». New York — Stuttgart, 1916; *Ф. А. Ротштейн.* «Очерки по истории рабочего движения в Англии». Москва — Ленинград, 1925.

Недавно вышедшая книга американского буржуазного историка А. Шойена «Чартистский вызов» (*A. Schoyen.* «Chartist Challenge». London, 1958), посвященная жизни и деятельности Джулиана Гарни, много страниц отводит чартистскому движению после 1848 года. Через политическую деятельность и жизнь Гарни автор прослеживает историю чартистского движения в целом. Несмотря на многие положительные стороны, книга тенденциозно освещает деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса по сплочению революционных сил после 1848 г., их борьбу за возрождение революционного чартизма и особенно искажает взаимоотношения К. Маркса и Ф. Энгельса, с одной стороны, и Дж. Гарни — с другой. Автор отрицает влияние, оказанное К. Марксом и Ф. Энгельсом на руководителя революционных чартистов Гарни и этим самым искажает и деятельность самого Гарни.

мы наблюдаем в работе английских историков-марксистов А. Мортона и Дж. Тэйта[1].

За последние годы произошли заметные сдвиги в области изучения событий, связанных с последними годами чартизма. Заслуга в этом в значительной мере принадлежит советским историкам. Существует ряд работ историков-марксистов, в которых освещены различные стороны истории чартизма 50-х годов XIX века[2].

При этом в центре их внимания, естественно, оказался вопрос об участии в чартистском движении К. Маркса и Ф. Энгельса, которые после поражения революции 1848—1849 годов стремились превратить Союз коммунистов в интернациональный центр революционного пролетарского движения и с этой целью установили особенно тесный контакт с левым крылом чартизма.

Для всестороннего рассмотрения этой проблемы значительный интерес представляет изучение печатного органа революционного чартизма — газеты «The Red Republican» («Красный республиканец»), которая до сих пор оставалась фактически вне поля зрения марксистских историков.

---

[1] *А. Л. Мортон* и *Дж. Тэйт*. «История английского рабочего движения 1770—1920». Москва, 1959. Глава II — «Чартизм».

[2] Книга Б. А. Рожкова «Чартистское движение», Москва, 1960, большая часть которой посвящена периоду 1848—1854 годов; его же статьи: «О программе чартистского конвента 1851 г.» («Вопросы истории» № 2, 1957); «К вопросу об организации английских рабочих в партию чартистов» («Новая и новейшая история» № 3, 1959).

Монография М. И. Михайлова «Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата». Москва, 1960. В книге имеется специальная глава, в которой освещается связь Маркса и Энгельса с революционными чартистами в 1850 году.

Исследованию чартистского движения в 50-х годах посвящен ряд статей В. В. Галкина: «Маркс и Энгельс в борьбе за возрождение революционного чартизма в начале 50-х годов XIX в.» («Новая и новейшая история» № 3, 1958); «Создание «People's Paper» и сотрудничество в ней К. Маркса в 1852—1853 гг.» (сб. «Чартизм», изд. АН СССР. Москва, 1961); «Борьба чартистов за создание массовой рабочей организации в Англии в 1853—1854 годах» («Из истории марксизма и международного рабочего движения». Москва, 1963). Необходимо отметить, что исследование вопроса ограничивается революционным чартистским органом «People's Paper», издававшимся Джонсом, и периодом 1852—1854 годов.

Данная статья представляет собой попытку проанализировать роль газеты в распространении марксистских идей среди рабочего класса Англии, в создании ядра будущей пролетарской партии в стране; раскрыть значение этого органа как выразителя революционной тенденции в английском рабочем движении, показать роль К. Маркса и Ф. Энгельса в оформлении и укреплении революционного крыла чартизма.

Опыт революции 1848—1849 годов, в частности деятельность Маркса и Энгельса в этот период, привели лидеров левого крыла чартизма к выводу, что возрождение движения невозможно без широкой пропаганды революционных идей среди рабочего класса Англии. А развернуть такую пропаганду можно было прежде всего через газету, подобную «Neue Rheinische Zeitung» К. Маркса и Ф. Энгельса.

После событий 10 апреля 1848 г. левым крылом чартистов уже был создан журнал «Democratic Review» [1], испытавший на себе влияние Маркса и Энгельса. Однако это был ежемесячный журнал; он выходил небольшим тиражом, был малодоступен широким слоям английского пролетариата и не мог выполнить всех задач, стоявших перед революционными чартистами.

В таких условиях среди революционных чартистов, возглавляемых Гарни, возникла мысль о необходимости основания еженедельной массовой газеты.

Прежде чем приступить к изданию революционных чартистских органов «Democratic Review» и «Red Repub-

---

[1] Ежемесячный журнал «The Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature» («Демократическое обозрение английской и иностранной политики, истории и литературы») издавался Дж. Гарни в Лондоне с июня 1849 по сентябрь 1850 года.

В конце 1849 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, поселившиеся в Лондоне, устанавливают тесный контакт с революционным крылом чартистской партии и активно сотрудничают в «Democratic Review». В марте 1850 г. в журнале публикуется статья Ф. Энгельса «Вопрос о десятичасовом рабочем дне», написанная им специально для английского читателя. Помимо данной статьи, в нем был напечатан сокращенный перевод первой главы «Классовой борьбы во Франции» К. Маркса. Появление подобных статей в чартистском органе, безусловно, не могло не оказать революционизирующего влияния на многочисленных читателей-чартистов.

lican», Гарни прошел большую школу революционной борьбы. При этом необходимо иметь в виду, что Гарни пришел в рабочее движение как активный участник борьбы за развитие свободной прессы в Англии. С первых шагов своей трудовой жизни Гарни был связан с газетами. В возрасте 16 лет он поступил в ученье к типографу. Оживление политической жизни Англии после принятия в 1832 году билля о реформе втянуло в свой водоворот и молодого Гарни. Из типографского ученика он скоро превратился в журналиста. Во время разгоревшейся борьбы за отмену штемпельного сбора двадцатилетний Гарни стал издавать в 1839 г. не платящую штемпельного налога собственную газету «London Democrat». Гарни был неутомимейшим борцом за свободу печатного слова и много раз попадал за это в тюрьму.

Работа в печати в значительной степени способствовала вовлечению Гарни в чартистское движение и превращению его впоследствии в одного из виднейших деятелей левого крыла чартизма. В начальный период чартизма Гарни возглавил пролетарскую организацию — Демократическую ассоциацию, состоявшую главным образом из фабричных рабочих.

В августе 1841 г. Гарни стал корреспондентом от города Шеффилда самой большой и популярной чартистской газеты «Northern Star», которую издавал О'Коннор в Лидсе. Но обязанности Гарни не ограничивались написанием корреспонденций. Он был кроме того и агентом-распространителем этой газеты в Шеффилде. С 1843 г. Гарни — уже один из редакторов газеты «Northern Star», которая с ноября 1844 года выходит в Лондоне. С 1846 г. Гарни — главный редактор.

С середины 1845 г. по март 1848 г. постоянным корреспондентом газеты «Northern Star» становится Ф. Энгельс, который в ряде своих статей знакомил чартистов с революционным пролетарским движением в Германии и Франции.

Энгельс высоко ценил редактируемую Гарни газету, как «одну из лучших газет в Европе». «Northern Star» способствовала воспитанию английского пролетариата в духе классовой борьбы, помогала идеологическому росту лидеров чартизма.

* * *

23 мая 1850 г. был образован комитет с целью основания и издания новой чартистской газеты, которую решено было назвать «Red Republican»[1]. В этот «Комитет друзей», как он позже стал именоваться, кроме Гарни, вошли деятели революционного крыла чартизма, проживающие в различных городах Англии. Точных данных о составе Комитета мы не имеем. Но нам известны люди, которые входили в комитет по организации газеты «Friend of the People», которая фактически являлась продолжением газеты «Red Republican». Отсюда мы можем сделать предположение о составе данного комитета. В него входили: Эрнест Джонс, от Манчестера — Джон Камерон, Джордж Мантл и Уильям Робинсон, с которыми Ф. Энгельс собирался организовать маленький клуб для изучения «Манифеста Коммунистической партии»; от Брадфорда — Джордж Уайт, который 4 раза подвергался тюремному заключению за активное участие в чартистском движении, постоянный корреспондент журнала «Democratic Review»; от Челтнема — Уильям Адамс, секретарь местной чартистской организации; от Ливерпуля — Альфред Уолтон — чартист, впоследствии, в 1867—1870 годах, член Генерального Совета I Интернационала[2].

[1] «The Red Republican» № 1, 22. VI. 1850, p. 4.

[2] «The Friend of the People» № 2, 21. XII. 1850, p. 12 и № 20, 26. IV. 1850, p. 180.

«Friend of the People» («Друг народа») — чартистский еженедельник, издававшийся с декабря 1850 г. Гарни. 30 ноября 1850 г. вышел последний, 24 номер, газеты «Red Republican», в котором Гарни извещал читателей, что «вместо 25 номера «Red Republican» в понедельник выходит первый номер «Friend of the People»». Таким образом, еженедельник «Friend of the People» являлся продолжением газеты «Red Republican». Структура еженедельника очень сильно напоминала структуру газеты «Red Republican». По своей идейной направленности в первые три месяца «Friend of the People» являлся достойным продолжателем газеты «Red Republican». На его страницах велась активная подготовка к чартистскому конвенту 1851 г., на котором была утверждена программа; с принятием ее чартизм, как политическое течение, приобрел социалистическое содержание. В еженедельнике до марта 1851 г. активно сотрудничали И. Г. Эккариус и Э. Джонс.

Для «Friend of the People» Энгельс обещал написать серию статей с критикой мелкобуржуазных лидеров различных эмигрантских

Через неделю комитет утвердил циркуляр, который был напечатан и разослан чартистским и рабочим организациям. Газету предполагалось основать на средства, собранные по подписке среди рабочих и вообще всех сторонников Народной хартии.

Предполагаемое издание новой газеты вызвало широкий отклик в Англии. В адрес комитета, а также лично Гарни наряду с пожертвованиями приходили письма, авторы которых, как правило простые рабочие, выражали готовность поддержать газету.

«Один ланкаширский пролетарий», который во избежание наказания со стороны своего хозяина просил не сообщать его имени, прислал последние 4 пенса [1].

Фабричный рабочий из Манчестера, тоже не назвавший своего имени, писал: «Я беден, очень беден, но после того как я прочитал заключительную статью в журнале «Democratic Review», я считаю своей святой обязанностью помочь этому делу. Посылаю вам поэтому 1 шиллинг, который, я надеюсь, превратится через месяц в 5 шиллингов... Я не сомневаюсь в успехе этого периодического издания» [2].

Местные чартистские организации энергично проводили сбор средств на газету. Секретарь чартистского совета города Челтнема Уильям Адамс писал 5 июня в своем дневнике: «Чтобы блестящий талант Джулиана Гарни не остался бездейственным, несколько членов чартистской организации нашего города начали активно собирать средства, чтобы он стал собственником дешевой газеты, кроме выходящего в настоящее время ежемесячного журнала «Democratic Review», я тоже внес свою лепту. Я уверен, что это начинание встретит

групп — Мадзини, Ледрю-Роллена, Руге и других. Однако в связи с поддержкой Гарни мелкобуржуазных вульгарных демократов Энгельс в конце февраля 1851 г. отказывается от этого намерения. С весны 1851 г. газета «Friend of the People», страницы которой были предоставлены в качестве печатной трибуны для проповеди политических взглядов мелкобуржуазных демократов, быстро утратила какую бы то ни было популярность в массах и пришла в упадок. 26 июля 1851 г. вышел последний, 33-й номер, после чего издание прекратилось.

[1] «The Red Republican» № 1, 22. VI. 1850, p. 4.

[2] Там же.

поддержку со стороны нашей чартистской организации»[1]. А 19 июня он отмечал: «Несколько дней тому назад от нашего города послали 10 шиллингов, но это еще не все»[2].

Кроме обеспечения финансовой базы, необходима была техническая подготовка к изданию газеты «Red Republican». После окончательного выхода Гарни из редакции «Northern Star» в мае 1850 г. он обратился в Ассоциацию печатников с просьбой начать издание его новой газеты «Red Republican». Рабочие не только дали согласие печатать ее, но и изъявили большое желание читать. Комитет директоров, узнав об этом, пришел в ярость из-за того, что среди рабочих-печатников есть люди, которые хотели бы не только читать эти газеты, но и печатать. Прошло несколько дней, прежде чем Гарни получил отрицательный ответ[3]. Наконец Гарни договорился с одной из типографий, которой было выпущено только два первых номера газеты; с 3 номера пришлось менять типографию[4].

22 июня 1850 г., во вторую годовщину июньского восстания пролетариата Парижа, вышел в свет первый номер «Red Republican».

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 222, ед. хр. 239. Этот дневник, оригинал которого хранится в ИМЛ, представляет собой значительный интерес не только для истории местной чартистской организации г. Челтнема, но и вообще для изучения чартизма после революции 1848 года. Уильям Адамс вел дневник с 5 августа 1849 по 27 апреля 1856 года. Дневник состоит из 5 школьных тетрадей, на обложке каждой из них написан лозунг «Да здравствует социальная и демократическая республика!». Дневник содержит интересные сведения о чартистском движении в Челтнеме после событий 10 апреля 1848 года. В Челтнеме в это время имелась многочисленная и влиятельная чартистская организация, уступавшая лишь лондонской. Сам Адамс был активным деятелем чартизма в течение многих лет, был активным участником упоминаемых событий. Этот документ пока еще не изучался ни советскими, ни зарубежными исследователями чартизма.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 222, ед. хр. 240.

[3] «Deutsche Londoner Zeitung» № 287, 27. IX. 1850, S. 2324. Данные факты сообщались в корреспонденции «Рабочие ассоциации в Лондоне», написанной немецким публицистом, активным деятелем Союза коммунистов — Себастианом Зейлером.

[4] Ср. «The Red Republican» № 2, 29. VI. 1850, p. 16 и «The Red Republican» № 3, 6. VII. 1850, p. 24.

Газета имела объем в 8 страниц мелкого шрифта. Всего вышло 24 номера. В каждом номере публиковались передовые статьи, написанные Гарни. В них освещались актуальные вопросы чартистского движения и проблемы внутренней и внешней политики Англии.

Гарни, кроме того, редактировал почти все разделы, давал направление газете. В этот период Гарни был близок к Марксу и Энгельсу и в известной мере был проводником их идей в чартистском движении.

Большое внимание газета уделяла экономической борьбе английских рабочих. В первых номерах такого рода сообщения были разбросаны по всей газете, а затем были сосредоточены в специальном разделе под заголовком «Рабочая хроника», центральное место при этом принадлежало материалам о забастовочном движении.

Раздел занимал целую страницу, напечатанную более мелким шрифтом, чем остальные; содержавшиеся в нем сообщения Гарни составлял на основе большого количества фактических материалов, поступавших со всех концов Англии.

В газете имелся также раздел переписки с читателями, в котором помещались самые различные материалы: сообщения о ходе чартистской агитации, о распространении «Red Republican», отзывы читателей о ней, о ходе сбора денежных средств для продолжения издания газеты, а также для поддержки бастующих.

Лидеры левого крыла чартизма с энтузиазмом приветствовали появление газеты. Джонс, только что выпущенный на свободу, говорил 11 июля 1850 г. на митинге, организованном в честь его освобождения:

«Я хотел бы воспользоваться предоставленным мне случаем поздравить чартистов с появлением газеты «Red Republican», которая поднимет красный флаг, и я уверен, что ее принципы восторжествуют и народы всех наций с восторгом будут приветствовать их (бурные аплодисменты)» [1].

---

[1] «The Northern Star» № 664, 13. VII. 1850.

Маркс и Энгельс высоко ценили издания Гарни 1849—1850 годов. В ноябре 1850 г., когда Гарни угрожало судебное преследование в связи с отведением восьмой страницы «Red Republican» рабочей хронике и из-за острых политических редакционных статей Гарни, в которых освещались самые острые насущные вопросы, Маркс и Энгельс в переписке между собой выражали большую тревогу как за самого Гарни, так и за потерю единственного органа, в котором возможна пропаганда научного коммунизма. «Во всяком случае, — пишет Энгельс Марксу, — он поступил бы хорошо, если бы выбросил с восьмой страницы свою рабочую хронику, — это уже относится к отделу новостей и, несомненно, подлежит обложению штемпельным сбором. Но из того, что ты пишешь, видно, что и его редакционные статьи, по мнению Джонса, по своему содержанию также подлежат обложению штемпельным сбором. И тогда уж всему конец» [1].

Выход в свет «Red Republican» нашел отклик и за пределами Англии. 10 июля 1850 г. на имя редактора газеты было направлено письмо из Парижа, автор которого с энтузиазмом приветствовал революционную деятельность Гарни:

«В момент, когда европейская реакция концентрирует все свои силы против революционных идей, когда все старые партии объединились под одним знаменем, чтобы уничтожить нашу революцию, мы не можем оставаться бездейственными. Несмотря на все законы, предписания, жандармерию, мы должны усилить страсть в нашей пропаганде. Помогите нам узнать нищету ваших соотечественников, чтобы показать нашим соотечественникам солидарность правительств по отношению к этой огромной язве европейского пауперизма. Надеюсь, что вы напишете эту статью, которую прошу Вас передать подателю настоящего письма...

С братским приветом

Ш. Губер» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 138.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. III/1687.

Газета нашла своего читателя: она распространялась среди самых различных слоев населения Англии, прежде всего среди английских рабочих.

Нам неизвестен тираж «Red Republican», но о ее распространении и влиянии свидетельствует следующее сообщение:

««Scottish Press» все еще ведет войну против «Red Republican». Наши маскирующиеся недруги неохотно признают успехи нашей небольшой газеты и принципы, которые она провозглашает. Они называют «Red Republican» «одним из наиболее опасных дешевых изданий». «Является бесспорным фактом, — заявляет «Scottish Press», — одновременно и зловещим и поучительным, — что это издание распространяется среди народа *в тысячах экземпляров,* и каково бы ни было наше мнение о самих взглядах, мы должны помнить, что эти доктрины провозглашаются открыто и являются политической программой значительной массы народа»»[1].

Главной заслугой газеты было появление на ее страницах статей, освещающих большие политические проблемы в тесной связи с рабочим движением. Такие актуальные вопросы, как борьба против агрессивной внешней политики господствующих классов, борьба за мир и разоружение, уменьшение постоянных армий, нашли детальное, обстоятельное освещение в ряде статей «Red Republican». Так, если в «Democratic Review» в статье, посвященной международному пацифистскому конгрессу, созванному буржуазными политиками во Франкфурте-на-Майне в августе 1849 г., Гарни ограничивался разоблачением ханжеского и лицемерного характера буржуазного пацифизма[2], то уже через год, в статье, посвященной следующему международному пацифистскому конгрессу, Гарни связывал вопрос об установлении постоянного и всеобщего мира с необходимостью борьбы за «полное и окончательное свержение тирании»[3].

---

[1] «The Red Republican» № 20, 2. XI. 1850, p. 156.

[2] «The Democratic Review», IX. 1849, p. 177—178.

[3] «The Red Republican» № 12, 7. IX. 1850, p. 91. Сравни критику данного конгресса у К. Маркса и Ф. Энгельса (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 468).

Позицию газеты в этом вопросе ярко характеризует статья «Деятельность буржуазии, спекулирующей лозунгом «Мир любой ценой»» за подписью Говарда Мортона[1], посвященная конгрессу во Франкфурте-на-Майне в 1850 году. В статье раскрывается лицемерие и фальшь участников конгресса не только путем доказательства несостоятельности их доктрин, но и путем саркастических зарисовок самих участников «мирных переговоров». В статье говорится:

«Более ярких примеров пустой болтовни, чем сообщения, печатающиеся в изобилии всеми утренними и вечерними газетами о заседаниях конгресса мира во Франкфурте, мне никогда не приходилось читать. Группа людей (надо полагать, *здравомыслящих*) собралась и серьезно принимала различные резолюции, в которых доказывалось, что если бы только различные европейские страны согласились принять систему международного разоружения,.. то золотой век немедленно бы спустился на землю... Это в век царствования денежных тузов, железнодорожных королей и других буржуазных святых, современных поклонников золотого тельца. Хитрый, практический Кобден прилагает все силы своего «неистощимого красноречия» в поддержку этой несусветной чепухи»[2].

Особенно ярко показан подлинный облик «главного устроителя» конгресса — Ричарда Кобдена, который, выступая против системы постоянных армий, чрезмерных военных расходов, вовсе не выдвигал требования пересмотра бюджета с целью удовлетворения нужд трудящихся, а по существу лишь высказывал сожаление, что эти суммы не оказались в бесконтрольном распоряжении буржуазии. «Действительно, это очень огорчительно для господ Кобдена и К°, ведь большая часть этих *денег могла бы теперь оказаться в их карманах...»*. В этом суть всего вопроса; *«смысл христианско-филантропического»* и «бескорыстного» крика о мире и о «международном разоружении»[3]. Отметив, что прави-

[1] За этим псевдонимом скрывалась Элен Макфарлин. О ней смотри далее, стр. 523—535.
[2] «The Red Republican» № 13, 14. IX. 1850, p. 102.
[3] Там же.

тельства Европы содержат армии не только и не столько для внешнеполитических акций, сколько для борьбы против рабочего и демократического движения, автор продолжает: «Вот почему английское правительство имеет поблизости от промышленных городов Йоркшира и Ланкашира огромные казармы, наполненные солдатами и полувоенной полицией»[1]. Автор заканчивает статью призывом к рабочему классу Англии не верить утверждениям буржуазии, будто бы уменьшение расходов на армию и флот будет сопровождаться улучшением благосостояния народа. Только путем уничтожения «системы физического подавления», существующей ныне в Англии, народ сможет добиться полного мира, разоружения и сведения до минимума постоянной армии[2].

Эти высказывания убедительно свидетельствуют об идейном росте деятелей левого крыла чартизма, о значительном влиянии на них идей марксизма.

Примером того, как руководители «Red Republican», и прежде всего Гарни, использовали события текущей политической жизни в целях революционного воспитания рабочего класса, может служить позиция, занятая газетой по отношению к кампании по сбору средств среди населения на памятник Роберту Пилю и для нужд всемирной промышленной выставки 1851 года. Английская буржуазия, стремясь помешать развитию классового сознания рабочих, пыталась использовать эту кампанию для упрочения своего политического влияния на пролетариат. Личность Р. Пиля была в этом отношении особенно удобна: он не успел скомпрометировать себя участием в репрессиях против чартизма и рабочего движения, с другой стороны, многие рабочие Англии связывали известное улучшение своего материального положения с отменой хлебных законов, проведенной при его энергичном участии. Поэтому призывы буржуазных агитаторов были встречены в рабочей среде благоприятно. Разоблачая подлинный смысл кампании, Гарни писал: «Зачем ставить памятник Пилю, когда каждый полицейский в Англии и Ирландии — это

[1] «The Red Republican» № 13, 14. IX. 1850, p. 102.
[2] Там же, стр. 103.

живой памятник ему»[1]. А в статье «Красный флаг в 1850 г.» за подписью Говарда Мортона говорилось: «Невежество народа в этих вопросах действительно прискорбно. Лишь несколько дней тому назад я читал в манчестерских газетах, что группа рабочих Бредфорда собрала по крохам 60 ф. ст. на промышленную выставку 1851 года... Гроши, заработанные таким тяжелым трудом, предоставлены, чтобы сделать условия производителей еще хуже, чем в настоящее время. 60 ф. ст. — чтобы помочь ввезти огромное количество иностранных промышленных товаров на внутренний рынок для конкуренции с британскими товарами, созданными системой высоких налогов; 60 ф. ст. — как взнос от группы рабочих для снижения цен, а следовательно также и заработной платы! Одним словом, — 60 ф. ст., чтобы увеличить и развить эту разорительную конкурентную систему, которая дает возможность капиталистам грабить производителя и истощать его душу и тело»[2].

Разъяснения нашли живой отклик в рабочей среде: газета опубликовала ряд материалов, в которых рабочие призывали своих товарищей воздержаться от сбора средств на памятник, выставку и другие цели, выдвигаемые господствующими классами, а использовать эти средства для поддержки семей бастующих[3].

Энергичную борьбу против идейного влияния буржуазии газета вела также по вопросу о кооперации. Газета неоднократно подчеркивала, что создание кооперативных ассоциаций в рамках капиталистической системы не приведет к существенным улучшениям условий жизни рабочего класса, ибо, пока политическая власть находится в руках богачей, никакие экономические акции, в том числе и кооперация, не могут привести к коренному изменению положения рабочего класса. «Наши читатели знают, — писал Гарни, — что мы не верим в приторные [rose-water] революции и понимаем что для пролетариев нет другого пути к спасению, кроме установления их политического господства, и что при

[1] «The Red Republican» № 9, 17. VIII. 1850, p. 69. Сравни: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 469—470.

[2] «The Red Republican» № 4, 13. VII. 1850, p. 27.

[3] «The Red Republican» № 13, 14. IX. 1850, p. 100.

существующем политическом устройстве кооперативные ассоциации могут самое большее только улучшить положение немногочисленных страдальцев» [1].

Подчеркивание значения борьбы за политическую власть как средства преобразования общества составляет великую заслугу лидеров левого крыла чартизма; здесь с особой наглядностью проявляется влияние идей научного коммунизма.

Кооперативному движению газета уделяла много внимания в период подготовки очередного Конвента, на котором должна была быть принята программа чартистской партии. В этой программе проблемы кооперации занимали большое место. На страницах газеты велась широкая дискуссия по данному вопросу. В связи с этим Гарни неоднократно помещал в ней следующее обращение:

«Секретарям тред-юнионов и всех других промышленных ассоциаций!

Стремясь сделать газету «Red Republican» более полезной, я покорнейше прошу как можно скорее прислать сведения:

О создании и успехах тред-юнионов, кооперативных ассоциаций и других промышленных корпораций;

О попытках снизить заработную плату и об актах грабежа и притеснения, совершающихся посредством «штрафов и снижения расценок»;

О забастовках, с ясной и достоверной информацией о спорных вопросах, которые возникают у враждующих сторон;

О *результатах* кооперативных экспериментов и благотворном или обратном влиянии этих экспериментов на рабочих, не связанных или связанных с вышеназванными экспериментами; а также о других вопросах, влияющих на положение рабочего класса вообще.

«Red Republican» охотно предоставит часть своих страниц для публикации сообщений по данным вопросам...» [2].

---

[1] «The Red Republican» № 21, 9. XI. 1850, p. 167.

[2] «The Red Republican» № 20, 2. XI. 1850, p. 156 и № 21, 9. XI. 1850, p. 157.

Из вопросов, поднятых в упомянутом документе, наибольшее значение для рабочего движения в Англии в то время имели три:

о кооперативных ассоциациях, о положении рабочих в условиях капиталистической эксплуатации и о забастовках, которые становятся очень частым явлением в 1850 году.

Выдвижение именно этих проблем было отнюдь не случайным, оно определялось общей обстановкой в Англии: обострением классовой борьбы и прежде всего ростом стачечного движения.

Забастовочное движение являлось прямым следствием тяжелого экономического положения рабочих, которое не улучшилось и к 1850 г., несмотря на промышленный подъем и рост колониальных прибылей[1]. В одной из своих статей Гарни с полным основанием ставил вопрос: «Стал ли народ нашей страны более богатым и счастливым от того, что он грабит и порабощает миллионы других народов?»[2]. И с полным основанием давал на него отрицательный ответ. Он убедительно показал, что ради сохранения колониальной империи масса английских солдат погибает в порабощенных странах, а в метрополии рабочие должны дополнительно трудиться, чтобы покрыть огромные расходы на содержание колониальных войск и колониальной администрации[3].

В 1850 г. забастовочное движение в Англии росло с поразительной быстротой. В него включались десятки тысяч рабочих самых различных профессий. Создавалась более благоприятная обстановка для практической деятельности чартистской партии. И чартисты пытались использовать конфликты рабочих с предпринимателями с целью возрождения движения.

В конце 1849 г. бастовали угольщики Стаффордшира, чулочники в графствах Лестер, Дерби, Ноттингем[4]. В 1850 г. происходили стачки машинистов и кочегаров Восточных графств, ткачей, работающих на ручных

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 8, стр. 195 и 387.
[2] «The Red Republican» № 11, 31. VIII. 1850, p. 81.
[3] *Там же*.
[4] «The Democratic Review», X. 1849, p. 177.

станках, а затем и шахтеров[1]. Самой многочисленной и длительной была забастовка типографских рабочих.

Буржуазная пресса ничего не сообщала о развернувшемся движении, «умышленно и предательски умалчивала о битвах труда»[2]; только «Red Republican» давала о нем подробную информацию.

В уже упоминавшемся выше разделе «Рабочая хроника» газета, наряду с информацией о забастовочном движении, постоянно публиковала призывы об оказании помощи бастующим; они были адресованы как английским пролетариям, так и их зарубежным собратьям.

Эти призывы не оставались без ответа. Летом 1850 г. рабочие-типографщики ряда городов Англии начали забастовку, потребовав улучшения условий труда. «Red Republican» обратилась с призывом к рабочим других отраслей оказать помощь своим товарищам. После этого в фонд Комитета печатников стали поступать средства, которые дали возможность продолжать забастовку, длившуюся 8 месяцев.

Важно отметить, что материальная помощь была оказана не только английскими рабочими, но и их французскими и бельгийскими собратьями. Газета широко освещала эти события, представлявшие собой одно из первых проявлений международной пролетарской солидарности. 2 ноября 1850 г. в газете был помещен интересный документ, поступивший из Франции.

«Нашим братьям, английским печатникам.

Граждане!

От имени всех сознательных рабочих мы, французские рабочие-шляпочники, на своем собрании единодушно решили присоединиться к вашему протесту и выразить суровое осуждение по адресу тех дурных людей, которые причинили огромному количеству ваших семей незаслуженные страдания.

Мы просим вас принять наш протест, а также сумму, собранную нами по подписке в размере 5 ф. ст. 14 шиллингов»[3].

---

[1] «The Red Republican» № 12, 7. IX. 1850, pp. 93—94 и № 22, 16. XI. 1850, p. 176.

[2] «The Red Republican» № 18, 19. X. 1850, p. 142.

[3] «The Red Republican» № 20, 2. XI. 1850, p. 157.

Стремясь сломить сопротивление бастующих, английские предприниматели прибегли к старому, многократно испытанному методу борьбы: они попытались заменить стачечников рабочими из других стран, и с этой целью направили своих агентов-вербовщиков во Францию и Бельгию. Действия предпринимателей не остались вне поля зрения «Red Republican». Она известила об этом своих читателей, что позволило английским пролетариям информировать о событиях своих зарубежных товарищей. Обмен информацией дал положительные результаты. 9 ноября 1850 г. «Red Republican» сообщила о новом замечательном акте международной пролетарской солидарности:

«Не имея возможности найти в Англии людей на место уволенных рабочих, фирма послала агентов во Францию, чтобы завербовать там людей. Узнав об этом, уволенные рабочие написали французским печатникам, которые немедленно собрались и приняли решительную резолюцию в пользу своих английских братьев... Вслед за тем печатники Бельгии заявили о своем присоединении к парижским резолюциям»[1].

Широкое движение солидарности с бастующими рабочими-типографщиками значительно поддержало боевой дух участников забастовки и подорвало позиции предпринимателей. Стачечники добились удовлетворения своих требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда. Из 96 человек, уволенных предпринимателями, 56 человек было восстановлено уже в процессе стачки, а остальные, сообщила газета, получат работу в скором времени. Хозяева предприятий были наказаны за жадность и деспотизм[2]. Эти победы, достигнутые в ходе стачечной борьбы, поднимали боевое настроение английского рабочего класса, укрепляли доверие к лидерам левого крыла чартизма и в частности к «Red Republican». Забастовка, длившаяся более полугода, способствовала упрочению международной пролетарской солидарности.

Обращения английских рабочих к своим братьям на континенте и ответы последних свидетельствовали о том,

[1] «The Red Republican» № 21, 9. XI. 1850, p. 168.
[2] См. «The Red Republican» № 24, 30. XI. 1850, p. 189.

что в сознании революционной части как английского пролетариата, так и пролетариата других стран зрели интернационалистские идеи солидарности интересов трудящихся. Эти обращения подчеркивали теперь совершенно новую идею — мысль о необходимости международного сотрудничества трудящихся, в первую очередь пролетариев, в их борьбе против политического и социального гнета, против своих угнетателей.

Газета «Red Republican» воспитывала пролетарскую солидарность не только на опыте стачечной борьбы, она использовала для этого и международные события. Так, революционные чартисты неоднократно выступали в защиту национально-освободительного движения польского народа. Чартисты организовали ряд митингов, на которых были приняты резолюции в защиту независимости Польши.

Находясь в Америке, Гарни продолжал участвовать в митингах в пользу освободительного движения в Польше и рассылал в английские газеты резолюции, принятые на них [1].

Непосредственное общение с Марксом и Энгельсом в 1849—1850 гг. помогло Гарни правильно поставить вопрос о значении польского освободительного движения. В последнем номере «Red Republican», в статье за подписью «Друг народа», мы читаем: «Храбрые сыновья Польши погибали и погибают, но дело, за которое они боролись и страдали, не является более делом одной только Польши, а это дело всех наций» [2].

В этой статье Гарни, явно под влиянием Маркса и Энгельса, правильно подчеркивает связь национально-освободительного движения порабощенных народов с борьбой трудящихся тех стран, правительства которых порабощают их.

Выступления Гарни по вопросу международной пролетарской солидарности показывают, что он все лучше и лучше понимал многие идеи научного коммунизма и пропагандировал их на страницах «Red Republican».

---

[1] Гарни — Цабики, 30 августа 1869 г. ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. III/1618.

[2] «The Red Republican» № 24, 30. XI. 1850, p. 186.

Маркс и Энгельс постоянно отмечали, что объединенные действия рабочих различных стран в их экономической борьбе против капитала — одно из главных условий победы рабочего класса. Они считали развитие и укрепление международной пролетарской солидарности непременным условием успешной борьбы за создание нового общественного строя — коммунизма.

В первом программном документе научного коммунизма — «Манифесте Коммунистической партии» — Маркс и Энгельс подчеркивали, что коммунисты на различных этапах освободительной борьбы рабочего класса отстаивают общие независимые от национальности интересы всего пролетариата. Боевой девиз «Манифеста» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» является концентрированным выражением идеи пролетарского интернационализма. Отдельные элементы идеи пролетарского интернационализма, теоретическая разработка которой принадлежит всецело Марксу и Энгельсу, видны почти в каждом номере газеты.

Уже на этом этапе классовой борьбы проявление интернационалистских тенденций имело большое значение в освободительной борьбе рабочего класса.

* * *

Как известно, именно в «Red Republican» был опубликован первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии» под заглавием «Манифест немецких коммунистов», причем впервые Маркс и Энгельс были указаны в качестве авторов; до этого «Манифест» печатался анонимно.

Публикация «Манифеста» была призвана способствовать распространению идей научного коммунизма среди английских рабочих. Благодаря этому программа научного коммунизма стала известна большинству участников чартистского движения. Сам факт публикации «Манифеста» в чартистском органе является показателем большого влияния Маркса и Энгельса на руководителей левого крыла чартистов [1].

---

[1] О предстоящей публикации «Манифеста» («The Red Republican» № 20, 2. XI. 1850, p. 157) Гарни уведомлял читателей газеты

Переводу «Манифеста Коммунистической партии» газета предпослала предисловие, написанное Дж. Гарни. Вышедшие в 1848 году издания «Манифеста» на многих европейских языках (немецкий, французский, польский, итальянский, датский, фламандский и шведский) не упоминали его авторов. Впервые имена авторов «Манифеста» были указаны в печати в данном предисловии Гарни.

В заключение Гарни обратился к читателю:

«Английский читатель, благодаря помещенному в данном номере великолепному переводу этого важного документа, сможет иметь представление о планах и принципах наиболее передовой партии немецких революционеров.

Нельзя забывать, что весь «Манифест» был написан и напечатан до февральской революции» [1].

В номере от 30 ноября 1850 г. была помещена заключительная глава «Манифеста». Возвращаясь к оценке этого произведения, Гарни назвал его «самым революционным документом, который когда-либо появлялся» [2].

Перевод «Манифеста» был сделан Элен Макфарлин [3]. Ей же принадлежит ряд статей в «Red Republican», пропагандирующих идеи Маркса и Энгельса. Эта талантливая пропагандистка научного коммунизма, участница революционной борьбы в Англии и Европе, словом, очень яркая фигура раннего этапа рабочего движения, оказалась забытой в результате двух обстоятельств: во-первых, буржуазные историки чартистского движения крайне неохотно и скупо говорят об участии в нем Маркса и Энгельса и их влиянии, во-вторых, большинство исследователей чартизма завершало его изучение событиями 10 апреля 1848 г., отбрасывая заключительный его этап.

следующим образом: «В № 21 «Red Republican» будет печататься перевод знаменитого «Манифеста немецких коммунистов», никогда до сих пор не издававшегося на английском языке».

[1] «The Red Republican» № 21, 9. XI. 1850, p. 161.

[2] «The Red Republican» № 24, 30. XI. 1850, p. 188.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 21, стр. 362.

К сожалению, мы пока очень мало знаем об Элен Макфарлин. Нам известно только то, что она сама говорит о себе, а также 2—3 замечания Маркса и Энгельса о ней. Из ее многочисленных статей видно, что она свободно владела немецким и французским языками, хорошо разбиралась в вопросах политики, философии, литературы и искусства; в течение нескольких лет жила на континенте, в 1845 г. — в Лондоне; была очевидцем мартовской революции 1848 г. в Вене, а в начале 1850 г. приехала в Англию, в Манчестер, причем довольно часто бывала в Лондоне [1]. Макфарлин выступала за уравнение в правах женщин с мужчинами; была ярой сторонницей антирабовладельческого движения [2]. На страницах чартистской прессы она выступала с яркими статьями революционного содержания, отражающими тенденции и стремления левого крыла чартизма, а также влияние марксистских идей на чартизм.

В апрельском, майском и июньском номерах чартистского ежемесячного журнала «Democratic Review» была помещена серия статей-рецензий на только что вышедшую книгу Томаса Карлейля «Современные памфлеты. № 1. Современная эпоха. № 2. Образцовые тюрьмы», подписанных Элен Макфарлин. Обращает на себя внимание тот факт, что в это же время на страницах «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» [3] была опубликована рецензия Маркса и Энгельса на эту книгу Т. Карлейля [4].

[1] «Red Republican» № 14, 21. IX. 1850, p. 107. Элен Макфарлин была очевидцем избиения Гайнау. Во время пребывания в Лондоне в сентябре 1850 г. австрийского фельдмаршала Гайнау, с крайней жестокостью подавившего революционное движение в Венгрии и Италии, рабочие пивоваренного завода Барклей, Перкинс и К° избили его. Это выступление встретило горячее одобрение со стороны Макфарлин: «Храбрые пролетарии дали этому хулигану по заслугам».

[2] «The Democratic Review», IV. 1850, p. 423. «The Red Republican» № 4, 13. VII. 1850, p. 26.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 268—279.

[4] Подробнее об этом смотри *И. Н. Неманов*. «Субъективно-идеалистическая сущность воззрений Т. Карлейля на историю общества». «Вопросы истории» № 4, 1956, стр. 144—155, и *М. И. Михайлов*. «Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата». Москва, 1960 г., стр. 121—130.

В этих рецензиях Макфарлин выдвигает именно те вопросы, которые Маркс и Энгельс подчеркивали при разборе этой книги: отношение к революции 1848—1849 гг., отношение к демократии, вопрос о роли личности и народных масс в истории. Отвергая нигилистическое отношение Карлейля к революции 1848 г., Макфарлин, вслед за Марксом и Энгельсом, отмечает решающее значение революции в историческом процессе, высказывает убеждение в неизбежности и неотвратимости победоносной народной революции.

«Я открыто признаюсь, — пишет она, — что для меня наиболее радостным из всего виденного за последнее время является то, на что Карлейль гневно сетует: это мартовская революция в Вене, то есть «всеобщий беспорядок обманщиков и обман на улице» [1]. Люди не хотят жить во лжи и хотят уничтожить ее любой ценой» [2].

Критикуя взгляд Карлейля на историю общества как на историю великих людей, Макфарлин пишет: «Идея, преобладающая в памфлете Карлейля, и, я думаю, она преобладает во всех его трудах, — это идея культа героев, но как бы ни верна была эта идея, он иногда доводит ее до крайности, отрицая права личности — отдельного человека» [3].

Большой интерес представляет мысль Макфарлин о действительной роли выдающихся личностей; если руководители выражают идею своего века, то массы последуют за ними без принуждения. Но если стремления вождей противоречат духу времени, то массы откажутся последовать за ними [4].

Наряду с критикой идеалистической концепции Т. Карлейля, Макфарлин высказывает в этих статьях ряд интересных мыслей о политическом положении Англии, о политических партиях, о буржуазной демократии и т. п. «Вызывает отвращение, — говорит автор, —

---

[1] Так оценивает Карлейль революцию. Макфарлин, так же как Маркс и Энгельс (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 271), в своей рецензии на книгу Карлейля оперирует их же терминами.

[2] «The Democratic Review», IV. 1850, p. 424.

[3] Там же, стр. 423.

[4] Там же.

бесстыдное государственное шарлатанство, называемое сменой правительства (однако без малейших изменений в принципах управления); вместо одной кучки шарлатанов приходит другая, и так до бесконечности — тори, консерваторы, виги... — никто из них не делает ничего для улучшения ужасных условий, в которых живут страдающие массы... Что касается меня, то я думаю, что виги еще более вредные животные, чем тори»[1].

Статьи за подписью Элен Макфарлин появлялись в чартистской печати *до июня 1850 г.;* затем ее фамилия исчезает со страниц газет.

В июле 1850 г. в «Democratic Review» появилось имя нового корреспондента — «Говард Мортон», статьи которого по форме, характеру аргументации, стилю изложения очень похожи на статьи Макфарлин. Американский исследователь чартизма Шойен делает предположение, что Говард Мортон — псевдоним Э. Макфарлин[2].

Нам хотелось бы добавить к этой аргументации следующие соображения:

Некоторые биографические сведения, известные нам о Макфарлин, совпадают с тем, что говорится в корреспонденциях за подписью Мортона, это дает основания предполагать, что Макфарлин и Мортон одно и то же лицо. Так, нам известно, что Макфарлин в период революции 1848—1849 гг. жила на континенте[3]. В статье Мортона «Чартизм в 1850 г.», написанной в июне 1850 г., мы читаем: «Вернувшись недавно в эту страну после нескольких лет отсутствия, я был приятно поражен этим фактом (т. е. успехом чартизма)»[4].

Бросается в глаза сходство литературных приемов Мортона и Макфарлин; в статьях часто встречаются ссылки на библию, на литературные персонажи, иногда

---

[1] «The Democratic Review», VI. 1850, p. 17—18.

[2] См. *A. Schoyen.* «The Chartist Challenge». London, 1958, pp. 202—204. В доказательство своего предположения Шойен приводит лишь один аргумент: поскольку Макфарлин перевела на английский язык «Манифест», только она знала труды Маркса и Энгельса. Это предположение было также высказано В. Э. Куниной в статье «Джордж Джулиан Гарни» в книге «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». Москва, 1961 г., стр. 525.

[3] «The Democratic Review», IV. 1850, p. 424.

[4] «The Red Republican» № 1, 22. VI. 1850, p. 2.

одинаковая терминология. Особенно часто можно встретить выражение «мои пролетарские братья».

Нам удалось в последнее время до некоторой степени пополнить сведения о практическом участии основоположников научного коммунизма в чартистском движении этого периода, в частности о взаимоотношениях Энгельса с чартистами Манчестера[1]. Энгельс был лично знаком с большинством чартистов города, посещал чартистские митинги и собрания. Маловероятно, чтобы Энгельс не был знаком с таким постоянным корреспондентом чартистской прессы, к тому же пропагандистом марксизма, каким был человек, подписывавшийся именем Мортона. Тем не менее Энгельс в своих письмах ни разу не упоминает этого имени, зато имя Элен Макфарлин встречается в переписке Маркса и Энгельса неоднократно. Отметим также, что в мемуарной чартистской литературе того времени о Говарде Мортоне вовсе не упоминается.

В пользу этого предположения говорят и следующие факты.

В 1850 г. Энгельс создал в Манчестере небольшую чартистскую группу для изучения «Манифеста Коммунистической партии»[2]. Ее активным участником был Мантл, по словам Энгельса, — «решительный и горячий парень»[3]. В помещении его мастерской устраивались заседания местной чартистской организации, на которых бывал Энгельс[4].

В октябре 1850 г. Д. Мантл опубликовал в «Red Republican» небольшую корреспонденцию:

«Будучи уверен, что «Red Republican» нуждается в рекламе только для того, чтобы закрепить триумфальный успех... я собрал среди своих друзей 10 шиллингов 6 пенсов от следующих лиц: Говард Мортон (тот самый «Говард Мортон») [Howard Morton (the veritable

---

[1] См. *М. Мариничева.* «Новые данные о связях Энгельса с чартистами в Манчестере» («Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» № 8, 1962).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 153.

[3] Там же.

[4] Дж. Мантл — Ф. Энгельсу, февраль 1851 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 419).

«Howard Morton»)] — 5 шиллингов, Джон Найт — 2 шил. 6 пен., J. H. Q. — 1 шиллинг, жена Джорджа Мантла — 2 шиллинга. Эту сумму я намерен употребить для того, чтобы экземпляры «Red Republican» были разложены на столах общественных мест. Делая ее таким образом доступной для публики в Манчестере, я надеюсь увеличить ее распространение, и прежде чем мой настоящий фонд истощится, я уверен, что буду располагать большими средствами» [1].

Из этой заметки видно, что среди чартистов Манчестера был человек *с вымышленным* именем Говард Мортон.

В письме Энгельсу от 23 февраля 1851 г. Маркс с большим уважением и симпатией отзывался об Элен Макфарлин и осуждал Гарни за необоснованный разрыв с наиболее способным и ярким сотрудником его журнала «Friend of the People» [2]. Разрыв произошел 30 декабря 1850 года [3]. С этого времени статьи за подписью Говард Мортон перестали появляться в журнале Гарни. Последние материалы Говарда Мортона были опубликованы в еженедельнике 21 и 28 декабря 1850 года [4].

Две статьи Мортона, напечатанные в журнале «Friend of the People» под заглавием «Знамение времени», четкостью постановки и решением затрагиваемых в них вопросов отличаются от других статей, опубликованных в этом журнале. В них автор пропагандирует идею классовой борьбы, идею об исторической миссии рабочего класса, призванного освободить человечество от гнета капиталистической эксплуатации, основную идею «Манифеста Коммунистической партии». В заключение автор приходит к выводу: «Современная буржуаз-

---

[1] «The Red Republican» № 16, 5. X. 1850, p. 125.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 27, стр. 183.

[3] 30 декабря 1850 г. Маркс с женой и Энгельс приняли участие в новогоднем вечере, устроенном обществом «Братские демократы», на котором присутствовала и Элен Макфарлин. На этом вечере была жена Гарни, которая недостойна вела себя по отношению к Макфарлин (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 27, стр. 182—183).

[4] «The Friend of the People» №№ 2 и 3, 21. XII и 28. XII, pp. 10, 18.

ная система производства и распределения постоянно имеет тенденцию разорять мелких капиталистов, торговцев, лавочников, мелких промышленников и т. д., — тенденцию к разделению общества на два больших класса — богатых и бедных, капиталистов и наемных рабов, привилегированных и непривилегированных, финансовую аристократию и пролетариат. Когда это разделение завершится, то война рабов явится неизбежным результатом. Две враждебные армии будут участвовать в последней из бесчисленных классовых битв, и победу одержит наиболее сильный класс — революционный пролетариат. Они — люди будущего, и задача — вверить им реорганизацию общества» [1].

В «Red Republican» Э. Макфарлин под псевдонимом Говард Мортон опубликовала 17 статей, которые во многих своих аспектах являются продолжением идей, уже высказанных автором ранее на страницах «Democratic Review». Анализ этих статей убедительно показывает влияние идей Маркса и Энгельса на автора.

В статье «Общее обозрение славной британской конституции», опубликованной на страницах «Democratic Review» в сентябре 1850 г., автор очень точно излагает содержание основ марксовой теории классовой борьбы, иногда почти дословно повторяя страницы «Манифеста Коммунистической партии».

«С самого возникновения цивилизации, со времени образования общества мы не замечаем ничего другого, кроме борьбы между классами и кастами. В Индии и Египте, которые являются колыбелью современной культуры, мы находим классовое господство, существующее как явный, ощутимый и безусловный факт» [2].

Перечисляя слои населения, которые подчинялись господствующим классам, автор приходит к заключению: «Имеется различие между этими людьми и современным пролетариатом в цивилизованной, *христианской, просвещенной Англии.* Но положение наемных рабов,

---

[1] «Friend of the People» № 3, 28. XII. 1850, p. 18.
[2] «The Democratic Review», IX. 1850, p. 125.

даже имеющих преимущество при существующей «славной» конституции, в действительности не лучше, чем положение рабов всех других категорий, которые им предшествовали» [1].

В ряде статей «Red Republican» Э. Макфарлин популяризирует некоторые важные стороны марксистского учения, выдвигая прежде всего именно те вопросы, которые имели наибольшее значение для движения чартистов в начале 50-х годов. Так, в статье «Чартизм в 1850 году» Элен Макфарлин, рассматривая состояние движения за Народную хартию, утверждает, что агитация за всеобщее избирательное право должна вестись на основе сочетания политической и экономической борьбы пролетариата, на основе требования преобразования в будущем всех общественных отношений.

Основное отличие чартизма 1850 года от раннего этапа движения автор видит в том, что лидеры и многие участники борьбы «перешли от идеи простой политической реформы к идее социальной революции» [2].

Мысль о социальной революции развивалась и в корреспонденции «Красный флаг в 1850 году»: «Мы хотим социальной революции, чтобы жить как люди, а не как животные; ...мы — истинный народ, пролетарии, желаем социальной революции, то есть *радикальных изменений в наших социальных условиях*... Мы «чартисты и нечто большее». *Чартизм под красным флагом* является надежным защитником требований труда... Чартизм 1850 года — дело истинного народа Англии, дело производителей и борьба этого порабощенного класса; но эта борьба должна вестись под красным флагом, который является символом новой эпохи, знаменем будущего. Наша задача объединить наших братьев вокруг этого знамени посредством демократической и социальной пропаганды, агитации за «Хартию и нечто большее»» [3].

Содержание статьи отражает стремление автора направить чартистское движение по пути подготовки пролетарской революции; агитация за Хартию и всеобщее

---

[1] «The Democratic Review», IX. 1850, p. 125.
[2] «The Red Republican» № 1, 22. VI. 1850, p. 2.
[3] «The Red Republican» № 4, 13. VII. 1850, pp. 26—27.

избирательное право рассматриваются им скорее как средство объединения пролетариев, приобщения их к политической жизни, а вовсе не как конечная цель рабочего движения. Автор подходит к тем именно выводам, которые Маркс и Энгельс уже сделали в своих трудах, посвященных анализу английского рабочего движения, опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».

Маркс показал значение лозунга всеобщего избирательного права для Англии, подчеркнув, что его неизбежным результатом было бы политическое господство рабочего класса. Ибо в Англии тогда, в силу того что большинство ее населения составлял пролетариат, а военно-полицейская государственная машина не была еще достаточно развита, возможен был мирный путь завоевания власти пролетариатом. «Всеобщее избирательное право в Англии, населенной на две трети промышленными пролетариями, означает исключительное политическое господство рабочего класса со всеми неразрывно с этим связанными революционными переменами в общественных порядках» [1].

К вопросам борьбы за политическую власть Элен Макфарлин возвращается и в ряде других материалов, в частности в связи с критикой теорий утопического социализма:

«Почему, — спрашивает она, — несмотря на трату времени и денег, последователи Оуэна никогда не были в состоянии провести свои социальные теории на практике? По той же причине, по какой все попытки сенсимонистов во Франции улучшить социальные условия потерпели полное поражение при существующей там монархии. Борьба между классами, составляющими общество, должна быть доведена до конца, прежде чем может быть организована демократическая и *социальная республика*. Первый шаг, который должен быть совершен в положении рабов, — сделать их свободными. Только сбросив эти путы, вы сможете питать их,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 254 (см. об этом также т. 8, стр. 361—362).

одевать, дать им образование — и другим путем улучшать их положение» [1].

Таким образом автор правильно подмечает коренной недостаток утопического социализма и, с другой стороны, совершенно верно намечает главную задачу рабочего класса — борьбу за политическую власть.

Отстаивая революционную линию развития рабочего движения, Макфарлин в то же время настойчиво полемизирует с различного рода порочными, ошибочными и вредными концепциями и иллюзиями, имевшими широкое распространение в тот период. Не ускользнула от ее внимания и луиблановская идея «организации труда» вне политического действия. В статье «Уловки буржуазии и доверчивость пролетариата» автор пишет: «Организация труда включает, среди прочих вещей, *отмену* антагонистических каст или классов путем всеобщего уничтожения земельной и промышленной собственности — этих двух великих акционерных компаний, которые отнимают у производителей справедливое вознаграждение за их труд. Это уничтожение будет иметь своим результатом объявление, что земля является национальной собственностью, а рента уплачивается только государству, частная собственность — банки, железные дороги и т. д. — будет уничтожена, и повсюду будет осуществлен принцип ассоциации и справедливого распределения продуктов труда» [2].

Таким образом автор отчетливо и последовательно проводит мысль, что только уничтожение частной собственности, ликвидация эксплуататорских классов позволят осуществить организацию труда в интересах самих производителей.

С середины 1850 г. на страницах «Red Republican» обсуждался вопрос о новой программе чартизма [3], которая должна была быть принята на предстоящем чартистском Конвенте. Намечая контуры программы, Макфарлин вновь возвращается к вопросам борьбы за политическую власть: «мы должны не только пытаться

---

[1] «The Red Republican» № 1, 22. VI. 1850, p. 3.
[2] «The Red Republican» № 7, 3. VIII. 1850, p. 51.
[3] «The Red Republican» № 9, 17. VIII. 1850, p. 68.

передать политическую власть в руки народа, но и научить его, *как использовать эту власть, когда он будет иметь ее»* [1]. А когда народ станет действительным хозяином своей страны, он должен будет позаботиться о том, чтобы «связывать все социальные реформы с повышением физического и морального благосостояния нашего народа» [2]. В духе «Манифеста Коммунистической партии» автор выдвигает требование: заменить закон политического равенства законом о правах и обязанностях человека — «*каждому* удовлетворение его желаний, *от каждого* согласно его силам» («*to* every one according to his wants, and *from* every one according to his powers» [3]. Этот социалистический принцип, говорит автор, будет являться главным законом нового социального устройства.

Приводя аргументацию в пользу социалистических принципов и критикуя основы буржуазного права, Макфарлин пишет: «Но какая польза для меня от этого *права,* если общество не дает мне силу использовать его. Я могу осуществлять его только постольку, поскольку имею *свободный доступ к орудиям труда, к земле и капиталу.* Это является условием моего физического существования и следовательно моего умственного роста. Земля и капитал являются национальной, а не индивидуальной собственностью» [4].

Но как все это осуществить? Для этого необходимо, говорит Макфарлин, изменить существующую систему безграничной конкуренции, которая грабит британского производителя до предела нищеты; самые радикальные изменения могут быть действенными только в результате замены принципа конкуренции принципом ассоциации.

Таким образом Макфарлин предлагала включить в программу, которую должен был принять предстоящий Конвент, требование превратить землю и капитал в коллективную собственность и использовать их в интересах всего общества, построенного на принципах ассоциации.

---

[1] «The Red Republican» № 9, 17. VIII. 1850, p. 68.
[2] Там же, стр. 67.
[3] Там же.
[4] Там же.

«Из этих двух основных положений вытекает много важных выводов, — говорит Макфарлин, — которые были полностью развиты в трудах континентальных социалистов[1]. Например, обучение является бесплатным и обязательным, судопроизводство — бесплатное. Государство содержит граждан, не способных работать по старости или по болезни, и эта поддержка не является *благотворительностью,* это — право. Частные банки должны быть отменены и заменены единственным национальным банком. Косвенные налоги должны быть отменены и заменены единым прямым налогом. Ростовщичество должно быть отменено и заменено системой бесплатного национального кредита. Существующее металлическое денежное обращение должно быть заменено бумажными деньгами»[2].

Энергичная агитация за социалистические принципы, которая велась «Red Republican», в частности в статьях Э. Макфарлин, несомненно принесла положительные результаты. Она не привела, да, разумеется, и не могла привести к торжеству теории научного коммунизма в чартистском движении, но способствовала распространению некоторых его положений среди определенного круга левого крыла участников движения. Некоторые идеи социалистического характера, высказанные на страницах «Red Republican», нашли свое отражение в программе чартистского Конвента 1851 года. Эта программа, при всех ее недостатках, была самым революционным документом движения. В основе его лежала идея исторической миссии рабочего класса, призванного освободить человечество от гнета капиталистической эксплуатации[3].

Замечание буржуазной газеты «The Leader» о том, что «в газете Гарни «Red Republican» помещаются

---

[1] Автор имеет в виду прежде всего К. Маркса и Ф. Энгельса. «The Red Republican» № 9, 17. VIII. 1850, p. 67.

[2] Там же.

[3] Подробнее о программе смотри статьи Б. Рожкова «О программе чартистского Конвента 1851 г.» («Вопросы истории» № 2, 1957) и В. Галкина «К. Маркс и Ф. Энгельс в борьбе за возрождение революционного чартизма в начале 50-х годов XIX века» («Новая и новейшая история» № 3, 1958).

неистовые, дерзкие и гневно серьезные статьи»[1], главным образом относится к корреспонденциям Э. Макфарлин.

Последующая деятельность Элен Макфарлин нам неизвестна. Дальнейшие исследования могут открыть еще много новых сторон жизни и деятельности этой талантливой журналистки, одной из первых пропагандистов идей марксизма в Англии, а также расширить наши представления о распространении в Англии идей научного коммунизма. Большой интерес представляет также изучение ее деятельности до 1848 года; утверждение, что, вернувшись в Англию в начале 1850 г., она заметила большие изменения в чартистском движении, дает основание полагать, что она принимала участие в борьбе английского рабочего класса и до 1848 года.

* * *

В газете «Red Republican» сотрудничали также друзья и соратники К. Маркса и Ф. Энгельса, члены Союза коммунистов — Георг Эккариус[2] и Конрад Шрамм. Их

---

[1] «The Leader» № 14, 29. VI. 1850, p. 328.

[2] Иоганн Георг Эккариус — немецкий рабочий-портной, родился в 1818 году; с ранних лет он испытал все трудности, которые обычно выпадали на долю рабочего. С середины 40-х годов XIX века он принимал активное участие в рабочем движении, стал членом Союза справедливых, а с 1847 г. — Союза коммунистов, в котором прошел школу революционной борьбы. В результате знакомства с Марксом и Энгельсом у Эккариуса появился интерес к революционной теории и ее пропаганде. Во время революции 1848 г. Эккариус возглавлял лондонские общины Союза коммунистов и принимал активное участие в чартистском движении.

Об участии членов Союза коммунистов, в частности Эккариуса, в демонстрации 10 апреля 1848 г. см. воспоминания Фридриха Лесснера «До и после 1848 года» (в книге «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 153): «Члены Союза коммунистов решили принять участие в демонстрации. Мы запаслись всякого рода оружием. Я живо помню то комичное впечатление, которое произвел на меня Георг Эккариус, вооружившийся большими, остро отточенными портновскими ножницами, которыми он намеревался отражать нападение полицейских».

После поражения революции и приезда Маркса в Лондон Эккариус вошел в состав Центрального комитета Союза коммунистов. В сентябре 1850 г. во время раскола Союза коммунистов Эккариус поддержал большинство Центрального комитета, возглавлявшееся Марксом и Энгельсом. Продолжая и в Лондоне работать в портняжных

статьи и корреспонденции, посвященные конкретным проблемам рабочего движения, содержали в то же время важные теоретические положения теории научного коммунизма.

В конце 1850 г. Эккариус написал с помощью Маркса статью «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала», которая была напечатана в сдвоенном 5-6 выпуске журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Известно, что Маркс отредактировал ее. Анализ текста свидетельствует, что отдельные положения статьи сформулированы самим Марксом. В редакционном примечании к работе Эккариуса Маркс и Энгельс дали Эккариусу высокую оценку.

«Автор этой статьи сам *рабочий* одной из лондонских портняжных мастерских. Мы спрашиваем немецких буржуа, сколько у них насчитывается писателей, которые были бы в состоянии подобным образом уловить сущность действительного движения?

Еще до того как пролетариат завоюет свою победу на баррикадах и на полях сражений, он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед» [1].

Статьи Эккариуса в революционном чартистском органе, издаваемом Джонсом «People's Paper» в 1852—1853 годах [2], носили революционный характер; идеи научного коммунизма, воспринятые им у Маркса и Энгельса, становились достоянием английского читателя. Эти статьи Эккариус также писал при непосредственном участии Маркса.

мастерских, Эккариус находил время для внимательного изучения произведений Маркса и Энгельса. В 60-е годы он был одним из проводников взглядов Маркса в Международном Товариществе Рабочих. Однако на Гаагском конгрессе Эккариус голосовал против исключения анархистов из Интернационала, объективно оказав им поддержку. Позиция Эккариуса привела к разрыву отношений между ним и Марксом.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 440.

[2] Об этом смотри статью В. В. Галкина «Создание «People's Paper» и сотрудничество в ней К. Маркса в 1852—1853 гг.» (Сборник «Чартизм», изд. АН СССР. Москва, 1961).

Сотрудничество единомышленников Маркса и Энгельса в «Red Republican» усиливало пролетарски-революционный характер газеты. Корреспонденции Эккариуса 1850 года имели еще большее значение, чем его корреспонденции в 1852—1853 годах в «People's Paper», ибо в них излагаются идеи научного коммунизма, сформулированные Марксом и Энгельсом. Замечание А. Клусса в письме к И. Вейдемейеру в 1853 г. о том, что «регулярные корреспонденции Эккариуса, как ты ясно можешь увидеть, все равно, что корреспонденции самого Маркса» [1], применимо и к статьям более раннего периода.

В ноябре 1850 г. в двух номерах «Red Republican» за подписью «Рабочий-портной» была опубликована статья, озаглавленная «Рабочие-портные в Лондоне». Гарни написал к этой статье небольшое введение и озаглавил раздел, куда вошла эта корреспонденция, «Пролетарии и охотники за прибылью. — Портные. — Система эксплуатации». Во введении, отмечая, что статья принадлежит перу «очень талантливого и способного автора», Гарни выражал сожаление в связи с тем, что из-за отсутствия места статью пришлось разделить на два номера. Соглашаясь с автором, Гарни подчеркивал: «чтобы найти настоящее средство для борьбы с системой эксплуатации, необходимо прежде всего понять истинный характер болезни» [2]. Автором корреспонденции почти несомненно был Эккариус. Косвенным доказательством этого является письмо Генри Мейхью [3] Эккариусу от 14 декабря 1850 г., где говорится: «Я прочитал статью в «Red Republican» за подписью «Рабочий-портной». Надеюсь, я не совершаю бестактность, если попрошу Вас сообщить мне имя и адрес автора» [4]. Сравнение данной статьи с работой Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне...» дает основание предполагать его авторство.

[1] А. Клусс — И. Вейдемейеру, 7 декабря 1853 года (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 796).

[2] «The Red Republican» № 22, 16. XI. 1850, p. 169.

[3] Корреспондент газеты «Morning Chronicle» много писал о бедственном положении английских рабочих, о необходимости улучшения его.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 188, ед. хр. III/1832.

Имеется указание самого Маркса на сотрудничество Эккариуса в «Red Republican». «Эккариус... является портновским подмастерьем, что нисколько не помешало до сих пор Эккариусу быть одним из крупнейших мыслителей немецкого пролетариата и завоевать себе своими английскими статьями в «Red Republican», «Notes to the People» и в «People's Paper» авторитет даже среди чартистов» [1].

Наконец, главным доказательством того, что эта статья была написана единомышленником Маркса и Энгельса, является анализ текста. Автор находился под сильным влиянием идей научного коммунизма, возможно даже, что отдельные положения, как и в упомянутой статье «Портняжное дело в Лондоне», сформулированы самим Марксом. Близость к Марксу и Энгельсу имела решающее значение для формирования и развития теоретических взглядов Эккариуса в эти годы. Многие из вопросов, которые подняты и развиваются Эккариусом в этой статье, разрабатывал тогда и сам Маркс, в то время вновь приступивший к исследованию проблем политической экономии, прерванному революцией 1848—1849 годов.

Свою статью Эккариус открывает историческим экскурсом, показывая, как портные оказались в таких условиях, которые вынуждали их на постоянную борьбу против системы эксплуатации. Он описывает «великую забастовку» портных в 1834 г. и приходит к выводу, что экономическая борьба рабочего класса за уничтожение пауперизма является правомерной, она может быть успешной, если ее участники будут поддержаны рабочими других отраслей. «Именно от того, в какой степени рабочий класс вообще поддержит портных и отнесется к их делу, как к общему делу пролетариата» [2], зависит успех любой забастовки. Таким образом, объединенное действие рабочих разных отраслей в их экономической борьбе защитит их от существующего пауперизма.

«Великая забастовка свидетельствовала о том, что на рынке имелось больше рабочих рук, чем можно было

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 9, стр. 519.

[2] «The Red Republican» № 23, 23. XI. 1850, p. 178.

использовать при существующей системе, и ее заслуга в том, что она явилась одной из первых попыток урегулировать рабочее время в соответствии с числом рабочих рук, которые были на рынке»[1].

Далее выясняются причины обнищания рабочих-портных в Лондоне. Система эксплуатации, действующая разрушительно на все отрасли английской промышленности, особенно разоряет людей, работающих в портняжном производстве. Нищета рабочих-портных, включая и работающих в районе Уэст-Энда, не менее ужасна, чем нищета ткачей Спиталфилдса. Автор опровергает мнение, что в районе Уэст-Энда рабочие получают высокую заработную плату. «Не от хозяина зависит, хочет ли он платить сравнительно хорошую заработную плату», — говорится в статье, — ибо «в современном буржуазном обществе при существующей конкуренции цена рабочих регулируется теми же законами, как и цена любого другого товара, следовательно, как только спрос на труд увеличивается, его цена, или заработная плата, также увеличится»[2]. Это почти дословно совпадает с положением Маркса о том, что уровень заработной платы «определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара»[3].

Решение социального вопроса автор статьи также ищет на пути, указанном Марксом. Он выступает против реакционных, по существу утопических, стремлений вернуться к «доброму старому времени». Вернуться обратно — утверждает автор статьи — равносильно тому, чтобы остановить и истребить все, что изобретено человечеством, особенно начиная с середины XVIII столетия. Даже если это и можно было бы сделать, то человечеству опять пришлось бы пройти через все фазы нищеты и деградации. С политической точки зрения сторонники этого движения всецело стоят на реакционных позициях; с практической точки зрения их взгляды — утопичны, поскольку невозможно обратное движение, «ибо время, общество, экономика и промышленность

[1] «The Red Republican» № 23, 23. XI. 1850, p. 178.
[2] Там же, № 22, 16. XI. 1850, стр. 170.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 434.

обречены на разрушение, и потерю этого не стоит оплакивать... Развитие общества отнюдь не является произвольным и случайным»[1].

В статье содержатся и другие мысли, свидетельствующие об усвоении ее автором важнейших положений теории научного коммунизма, в частности некоторых элементов исторического материализма. «Буржуазия, — говорит автор, — становится все более и более не способной подчинить своим законам общество и управлять миром. Общество выросло из детской одежды, которую когда-то сшили для него. Производство богатства стало слишком мощным для него, и она (буржуазия) не может управлять и распределять все созданное богатство в пользу общества»[2].

Капиталистический способ производства со всеми присущими ему противоречиями должен быть уничтожен — к такому выводу приходит автор статьи: «Единственный путь выхода из настоящей дилеммы — полностью изменить способ производства и распределения богатства, а это может быть совершено только путем радикального изменения всех существующих отношений собственности, короче говоря, путем *социальной революции*»[3].

Автор объясняет далее существо социальной революции: она может быть произведена пером, на ораторской трибуне; но скорее всего произойдет на баррикадах. Это зависит от поведения наших противников, а также от событий, управлять которыми не в нашей власти[4]. Неизбежность такой революции заложена в том факте, что нищета производителей богатств растет в той же пропорции, в какой растут производительные силы и увеличивается само производство. С большой силой убедительности автор доказывает, что пролетариат непременно победит в предстоящей революции.

Отзыв Маркса о статье Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала» вполне применим к данной статье:

---

[1] «The Red Republican» № 23, 23. XI. 1850, pp. 178—179.
[2] Там же, стр. 179.
[3] Там же.
[4] Там же.

«Читатель увидит, что на место сентиментальной, морализирующей и психологической критики, которую Вейтлинг и другие литераторствующие рабочие пытаются направить против существующих порядков, здесь буржуазному обществу и его движению противостоит чисто материалистическое и более свободное понимание, которое не дает сбить себя с толку никакими капризами настроения. В то время как в Германии — главным образом, и в значительной степени также и во Франции, ремесленники пытаются противодействовать упадку своего полусредневекового ремесла и хотели бы объединиться *как ремесленники,* здесь поражение ремесла в борьбе с крупной промышленностью рассматривается и приветствуется как прогресс, и в то же время в результатах и порождениях крупной промышленности познаются и раскрываются реальные условия пролетарской революции, вызванные к жизни самой историей и ежедневно вновь создаваемые ею» [1].

Поэтому, может быть, не случайно американский историк Шойен в своей книге обошел молчанием эту интересную статью.

Публикация на страницах чартистских органов печати статей, подобных этой, свидетельствует о том, что в Англии уже в 40-х — 50-х годах XIX века велась пропаганда идей марксизма, и это не могло не повлиять на умы английских рабочих. Распространение идей Маркса и Энгельса было одной из важнейших задач в деле повышения классового самосознания пролетариата; и большой заслугой Эккариуса перед английским рабочим движением было то, что с его помощью было начато решение этой задачи. Позже, в 1885 году, в работе «К истории Союза коммунистов» Энгельс так оценивал роль Эккариуса в пропаганде марксизма среди лондонских рабочих:

«Перед лицом несостоятельности господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавших из них практических ошибок в Лондоне все более и более убеждались, что наша, Маркса и моя, новая теория правильна. Усвоению этого взгляда несомненно содей-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 440.

ствовало то, что среди лондонских вождей находились теперь два человека, которые по своим способностям к теоретическому познанию значительно превосходили названных выше; это были живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Хейльбронна и портной Георг Эккариус из Тюрингии» [1].

Этот несомненный факт показывает всю несостоятельность утверждений о якобы самостоятельном теоретическом развитии чартизма в 50-х гг., о его якобы полной независимости от идей Маркса и Энгельса. Пытаясь отстоять эти утверждения, буржуазные историки чартизма игнорируют все факты, свидетельствующие о тесных связях Маркса и Энгельса с лидерами левого, революционного крыла чартизма и об их идейном влиянии на них.

* * *

Из других опубликованных в «Red Republican» статей, авторами которых бесспорно являлись соратники К. Маркса и Ф. Энгельса, интересна корреспонденция Конрада Шрамма [2].

О связях Шрамма с революционным крылом чартизма, в частности с Гарни, говорит тот факт, что он, как по его собственным словам, так и по свидетельству Гарни, сотрудничал в журнале «Democratic Review» [3]. Не подлежит сомнению, например, что ему принадлежит статья «Кровожадные приверженцы порядка», подписанная инициалами C. S. В ней автор на основании фактического материала отметает обвинение в бесчело-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 21, стр. 223.

[2] Конрад Шрамм — немецкий эмигрант, член Союза коммунистов; особенно был близок с Марксом и Энгельсом в 1849—1850 годах. Будучи ответственным издателем «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» и оказывая помощь Марксу и Энгельсу в организации новой газеты, Шрамм имел возможность повседневно учиться у основоположников марксизма. Под их непосредственным влиянием происходило формирование мировоззрения Шрамма. После раскола Союза коммунистов осенью 1850 г. Шрамм поддержал Маркса и Энгельса в их борьбе с фракцией Виллиха — Шаппера. Подробно о нем смотри статью Н. Румянцевой «Конрад Шрамм» в сборнике «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». Москва, 1961.

[3] «The Friend of the People» № 14, 15. III. 1851, p. 107.

вечности и жестокости, которое предъявляют народу правящие классы. Только потому, что народ был повсюду очень великодушен к своим тиранам, он не смог во многих случаях удержать за собой победы. Наоборот, заявляет Шрамм, исторические факты «говорят о кровожадности королей, аристократии и вообще угнетателей; приверженцы партии порядка являются настоящими карателями и убийцами» [1].

В «Red Republican» Шрамм, насколько нам известно, опубликовал одну статью — «Дания и герцогства. — Война в Шлезвиг-Гольштейне», в которой, анализируя события, связанные с происходившей в 1850 году национально-освободительной войной населения Шлезвиг-Гольштейна против датского господства, критиковал половинчатую политику германской буржуазии и предательскую роль Пруссии в этой войне. По настоящему революционную войну могут вести лишь народные массы. Только сельскохозяйственные рабочие Шлезвига и Гольштейна, утверждал Шрамм, могли бы углубить революцию, но они, как показал ход событий, еще не созрели для борьбы за свои права [2].

В заключение Шрамм приходит к выводу о необходимости совместного выступления сельскохозяйственных рабочих Шлезвига и Гольштейна и батраков Северной Германии. «Единственная возможность придать шлезвиг-гольштейнскому делу действительно революционный поворот — это восстание сельскохозяйственных рабочих не только в Шлезвиге и Гольштейне, но также в Мекленбурге, Померании и вообще в Северной Германии, где этот многочисленный класс живет в таких же нищенских условиях... Может быть, несколько лет датского угнетения и русского верховенства покажут им, что они никогда не смогут быть освобождены, пока не заключат тесного союза с пролетариями Германии» [3].

Революционная направленность этой статьи не подлежит сомнению. Заметно в ней и идейное влияние Маркса и Энгельса, к которым Шрамм в это время был

[1] «The Democratic Review», III. 1850, p. 391.
[2] «The Red Republican» № 18, 19. XI. 1850, p. 138.
[3] Там же.

особенно близок. Такого рода статьи, естественно, способствовали воспитанию английских рабочих в революционном духе.

* * *

Торжество европейской реакции в результате поражения революции 1848—1849 годов означало также и поражение чартистского движения, которое при всей его специфике было составной частью общего революционного процесса середины прошлого века. Однако в ходе исторического развития была побеждена не революция, но главным образом многие пережитки прошлой дореволюционной эпохи. В процессе революционной борьбы рабочий класс изживал предрассудки прошлого, рос и мужал политически. Поражение революционных классов и, в частности, чартизма не означало ликвидации объективной основы движения, поскольку причины, вызвавшие его к жизни, продолжали действовать.

Для революционных лидеров чартистского движения было ясно, что в новых условиях борьба может продолжаться лишь на основе новой программы, тактики и потребует выдвижения новых задач и формирования более четкой классовой базы движения. Иначе говоря: лидеры чартизма под влиянием революционных событий и особенно под воздействием трудов Маркса и Энгельса пришли к выводу о наступлении нового этапа движения, который характеризовался, с одной стороны, ликвидацией массового характера чартизма при объективном сохранении его массовой основы, с другой — идейным ростом, бóльшей теоретической зрелостью его участников.

В таких условиях перед вождями и деятелями чартизма встал вопрос: каким путем можно возродить движение, придав ему массовый характер без снижения идейного уровня. Следует отметить к чести вождей левого крыла чартизма, что они сумели найти тот рычаг, при помощи которого можно было решить эти задачи: пропаганда новых идей, распространять которые было лучше всего через прессу, а затем уже формирование,

опять-таки на новой, подлинно революционной основе, чартистской партии.

Придя, не без активной помощи К. Маркса и Ф. Энгельса, к таким выводам, вожди левого крыла чартизма предприняли энергичные попытки к распространению своих взглядов в среде английского пролетариата.

Основанная Гарни газета «Red Republican» с самого начала выступала в роли организатора и борца за сплочение рассеянных рядов чартизма.

Самым главным, решающим моментом, характеризующим сущность нового направления, представляемого газетой, было значительное усиление влияния марксизма на чартизм. Оно проявилось прежде всего в публикации на страницах «Red Republican» замечательного творения Маркса и Энгельса — «Манифеста Коммунистической партии». Но не только в этом: большое значение имел факт появления на страницах чартистского органа ряда материалов, отражающих марксистскую точку зрения и пропагандирующих ее.

К таким материалам безусловно относятся статьи талантливой пропагандистки теории научного коммунизма, переводчицы «Манифеста» на английский язык — Элен Макфарлин. Анализ ее статей убедительно свидетельствует о значительном влиянии на автора великих идей марксизма. В своих статьях она ставила ряд кардинальных вопросов развития революционной борьбы английского рабочего класса в тот период, решая их с марксистских позиций. Этот факт наглядно иллюстрирует начало процесса распространения марксизма в Англии, его проникновение в рабочее движение этой страны.

Большое значение имело также участие в газете активных деятелей Союза коммунистов, сторонников Маркса К. Шрамма и Г. Эккариуса.

Анализ чартистских документов этого периода позволяет сделать вывод о значительном укреплении позиций революционного марксизма среди левых лидеров чартизма, которые сумели оказать известное влияние на рабочее движение того времени. Немалую роль в возрождении чартизма сыграла газета «Red Republican». Об этом, в частности, свидетельствует программа чартистского конвента 1851 года, которая при всех ее

недостатках была самым зрелым и самым ярким документом чартизма. Однако этот документ демонстрирует не только влияние марксизма, в частности того круга идей, которые пропагандировались на страницах «Red Republican», на чартистское движение, но и недостаточность этого влияния: целый ряд основных требований газеты не нашел отражения в новой программе. Освещение газетой некоторого опыта установления интернациональных связей между рабочими разных стран, опыта борьбы за мир, против военной опасности, вопроса о различии между справедливыми и несправедливыми войнами и об отношении к ним рабочего класса — это все не нашло отражения в программе 1851 года.

Гарни не сумел удержаться на революционно-пролетарских позициях и в 1851 г. временно перешел в лагерь мелкобуржуазной демократии, что обусловило временный разрыв с ним Маркса и Энгельса. Однако в рассматриваемый в данной статье период он отстаивал революционно-пролетарскую линию.

Усилия левого крыла чартизма, направленные на возрождение движения, не могли увенчаться успехом: промышленная монополия Англии и создание огромной колониальной империи подорвали на время объективную основу движения и позволили господствующим классам направить борьбу пролетариата в русло тред-юнионизма. Тем не менее деятельность небольшого круга революционеров, в частности группировавшихся вокруг «Red Republican», не прошла бесследно. Она укрепляла революционные, интернационалистские традиции рабочего движения в Англии, которые с большой силой проявились в годы I Интернационала. Активное участие английских рабочих в деятельности этой организации было до известной степени связано с интернационалистскими традициями чартизма, сложившимися в течение всего периода движения и в особенности укрепившимися в последние годы. В этом смысле заключительный этап чартизма явился связующим звеном английского рабочего движения с Интернационалом.

А. И. МАЛЫШ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В «СВЯТОМ СЕМЕЙСТВЕ» К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПЕРВЫЙ СОВМЕСТНЫЙ ТРУД К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

В августе 1844 г. в Париже состоялась сравнительно кратковременная, но важная по своим последствиям встреча между Марксом и Энгельсом, во время которой они выяснили полное единство теоретических взглядов и выработали план первого их совместного труда, вышедшего в 1845 г. из печати под названием «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Бо́льшая часть этой книги (около 20 п. л.) была написана Марксом, на долю Энгельса пришлось только около двух листов. В работе над книгой Маркс использовал результаты своих предшествующих исследований в области философии, политической экономии, истории социалистических доктрин, истории великой французской революции. Результаты специальных исследований Энгельса, выполненных к тому времени, были использованы им в книге «Положение рабочего класса в Англии». В «Святом семействе» Энгельс ограничился лишь разоблачительной, исполненной едкого сарказма, бичующей критикой литературных упражнений младогегельянцев — братьев Бауэр и их единомышленников — в ежемесячнике «Allgemeine Literatur-Zeitung», издававшемся в Шарлоттенбурге (Берлин).

Бруно Бауэр и Эдгар Бауэр года за два до этого еще были довольно близки к Марксу, но потом их позиции резко разошлись. Маркс от левого гегельянства проделал быструю эволюцию к материализму и коммунизму, а братья Бауэр деградировали вправо, скатились в болото субъективного идеализма, стали проповедниками

насквозь реакционных теорий. Еще в 1842—1843 гг. в бытность редактором «Rheinische Zeitung» Маркс решительно воспротивился попыткам этих буржуазных радикалов, образовавших литературный кружок так называемых «Свободных»[1], превратить газету в трибуну для выражения всяких псевдонаучных абстракций, непонятных народу и весьма далеких от актуальных проблем общественно-политической жизни Германии.

Младогегельянцы братья Бауэр и К^0, получившие ироническое прозвище «святого семейства», были заражены чрезвычайным высокомерием, пренебрежительно взирали на всех прочих «смертных», третировали народ, как некую аморфную массу, которая решительно никакой активной, не говоря уже положительной, роли в истории не играла и играть не может. Именуя себя олицетворением «критической критики», «святое семейство» с крайней пренебрежительностью относилось ко всем реальным процессам окружающей действительности. Эта компания литераторов, возомнивших себя своего рода жрецами истины, проповедовала критику, якобы парящую над всякой действительностью, поднявшуюся выше партий, выше конкретной политики, отрицала какое-либо значение практической деятельности. Новоявленная «критика» не считала своим долгом изучать существующую действительность, а выдумывала на свой лад особую «реальность», которая сводилась в общем к набору произвольно сочиненных фантазий. Искажение действительного мира «новой философией» младогегельянцев достигало пределов явной комедии. Все было поставлено с ног на голову. Характерен, например, такой факт. «В действительности *деловые связи* Ливерпуля с Манчестером в их современном значении были

---

[1] Маркс в письме к А. Руге от 30 ноября 1842 г. рассказывал, что «Свободные» прислали в «Rheinische Zeitung» «кучу вздора, лишенного всякого смысла и претендующего на то, чтобы перевернуть мир; все это написано весьма неряшливо и слегка приправлено атеизмом и коммунизмом (которого эти господа никогда не изучали)». Маркс признавался далее, что «позволил себе забраковать не меньше статей, чем цензор», — именно статей, исходящих от членов кружка «Свободных», стремившихся преимущественно к свободе «от всякой мысли» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 27, стр. 368).

следствием экспорта английских товаров; в критике же деловые связи являются его *причиной,* а деловые связи и экспорт вместе — следствием близкого соседства этих городов»[1]. Обращаясь к рабочим, «святое семейство» внушало им бессмысленность классовой экономической и политической борьбы и всесилие мысли. Они-де перестают быть наемными рабочими, как только научатся в мысли упразднять мысль о наемном труде. Вся пропаганда «святого семейства», таким образом, являлась как бы реализацией евангельского принципа: «Дух животворящ, плоть же немощна». То, что «критическим критикам» не удалось сделать с «Rheinische Zeitung», благодаря исключительной энергии и ясности мышления Маркса, то они сделали со своей «Allgemeine Literatur-Zeitung». «Основной характер этой «Literatur-Zeitung», — указывал Маркс в письме Фейербаху от 11 августа 1844 г., — сводится к тому, что «критика» превращается в некое трансцендентное существо. Эти берлинцы считают себя не *людьми,* занимающимися *критикой,* а *критиками,* которые только *между прочим* имеют несчастье быть людьми. Поэтому они признают только одну *действительную* потребность — потребность в *теоретической* критике... Поэтому эта критика выливается в унылый и вольничающий спиритуализм... Поэтому эта критика считает себя единственным *активным* элементом истории»[2]. Тут же Маркс говорит, что он намерен выпустить брошюру «против этого извращения критики»[3].

Конечно, сама по себе «Allgemeine Literatur-Zeitung» послужила для Маркса и Энгельса лишь поводом, чтобы поведать читателям сформировавшиеся положения нового, коммунистического мировоззрения. При всем художественном совершенстве и изяществе детальной критики, с которой выступают Маркс и Энгельс против братьев Бауэр и других, основной интерес в «Святом семействе» представляет все-таки та его чисто положительная часть, где излагаются общие философские и политико-экономические взгляды Маркса и Энгельса.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 13.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 382.
[3] Там же, стр. 383.

Сокрушая млагогегельянцев в 1844 г., т. е. значительное время после смерти Гегеля, Маркс и Энгельс разили философский идеализм в целом. Своей работой они наносили уничтожающий удар по всем тем, кто восстанавливал старый хлам в новом виде, по эпигонам Гегеля, представителям увядшей и вдовствующей гегелевской философии, которая «подрумянивает и наряжает свое высохшее до отвратительнейшей абстракции тело и с вожделением высматривает все уголки Германии в поисках жениха» [1].

«Святое семейство» параллельно с конкретной, очень предметной критикой статей «Allgemeine Literatur-Zeitung» содержит развернутую и глубокую критику философии Гегеля, системы и метода великого немецкого философа-идеалиста. В этом произведении яснее и определеннее, чем в более ранних работах Маркса и Энгельса, подчеркнут двойственный характер гегелевской философии, два ее существенно важных момента. С одной стороны, искусная софистика, с помощью которой философ, абсолютный субъект, подменяет развитие самого предмета процессом развертывания воображаемой рассудочной сущности. С другой стороны, указывается, что очень часто Гегель внутри замысловатых, внешне спекулятивных конструкций воспроизводит движение самого предмета, т. е. в диалектике понятий отражает диалектику непосредственной жизни. На фоне словесной мишуры, в сопоставлении с полной духовной нищетой «критической критики» Маркс и Энгельс показывают не только ограниченность, но и величие Гегеля.

Вместе с тем «Святое семейство» проникнуто пламенной защитой принципов философского материализма, восстанавливает в правах долго третировавшееся философское наследие французских материалистов XVIII века, воздает должное великим заслугам Фейербаха, содержит признание его гениальных открытий. Тем более, что «Allgemeine Literatur-Zeitung» занималась по существу скрытой полемикой против Фейербаха, пыталась дискредитировать или опровергнуть его главнейшие и самые значительные выводы. Правда, филосо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 21.

фию Фейербаха Маркс и Энгельс принимают не без оговорок. Здесь они высказываются еще как бы между строк, не дают прямых указаний на то, что следует считать неверным или недостаточно развитым, но тем не менее взгляды Маркса и Энгельса по отдельным вопросам не оставляют сомнений в продолжающемся успешном преодолении слабых сторон фейербаховского материализма, хотя такое преодоление еще не так просто разглядеть сквозь форму и покров внешней, кажущейся безусловной, апологии Фейербаха.

Сами Маркс и Энгельс придавали большое значение своему первому совместному труду, особенно в то время, когда он был написан. Незадолго до опубликования книги, Маркс говорил, что в ней «имеет значение *каждое* слово» [1]. В своей основной части труд этот философский. Однако в «Святом семействе» нашли место и некоторые экономические взгляды Маркса. Важно отметить, что экономические положения с особой тщательностью и очень подробно были законспектированы, а местами и глубоко комментируются В. И. Лениным в его «Философских тетрадях».

ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В «Святом семействе» Маркс берет под защиту произведение Прудона «Что такое собственность?», которое «критическая критика» сделала предметом своей критики и которому она старалась с помощью фальсифицированного перевода и «критических» комментариев придать «дурной характер». В духе основной идеалистической установки на отрицание и принижение реально действующих людей (так называемой «массы») и разумности реальных целей массового движения «критическая критика» превратила автора книги «Что такое собственность?» из живого, конкретного человека в абстрактную «прудоновскую точку зрения», а само это произведение, определенно направленное против системы буржуазной частной собственности, было представлено как требование всего лишь отмены неопределенных привилегий [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 27, стр. 384.

[2] «Как показывает Маркс, критика Прудона Эдгаром Бауэром соответствовала общему характеру «критической критики», сводив-

Маркс решительно восстает против такой бессовестной фальсификации. «Тон Маркса по отношению к Прудону, — отмечает В. И. Ленин, — очень хвалебный» [1]. Как и всегда у Маркса, разбор конкретных ситуаций и положений сопровождается развитием его собственных взглядов, охватывающих более широкий круг вопросов, чем самый предмет данной полемики. Маркс и Энгельс продолжают дело научной критики не только прудонизма, являвшегося частной разновидностью мелкобуржуазной политической экономии, но вообще всей буржуазной политической экономии, обнаруживая уже тогда глубокое понимание проблем экономической теории и беспристрастие пролетарских революционеров.

Достоинство указанной книги Прудона, этого его первого [2] и несомненно лучшего произведения, с которым он выступил в 1840 г., Маркс видит в том, что Прудон подверг критическому, беспощадному и в то же время научному исследованию частную собственность, образующую основу, фундамент политической экономии. Буржуазная политическая экономия по существу уклоняется от добросовестного анализа своей предпосылки — частной собственности, объявляя ее вечной и разумной категорией. Буржуазные экономисты полагают, что у частной собственности было начало, но конца она не имеет. Поэтому все политико-экономические построения искусственно и насильственным образом укладываются в прокрустово ложе буржуазных отношений, для которых наука, по мнению этих экономистов, может

шей реальные события к абстрактным категориям, реальные битвы — к битвам духовным» (*О. Корню.* «К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность», том второй, М., 1961, стр. 312).

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 8.

[2] Маркс считал эту работу Прудона первым его произведением (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 24). Между тем М. Н. Смит в качестве первого произведения Прудона называет «Опыт всеобщей грамматики» (*М. Н. Смит.* «Очерки истории буржуазной политической экономии». М., 1961, стр. 18). Конечно, Маркс был знаком с этой ученической работой Прудона, написанной еще в 1837 г., но, видимо, сознательно не принимал ее во внимание, т. к. в ней, по его словам, Прудон с бесцеремонностью брался «за проблемы, для решения которых ему недоставало даже самых элементарных знаний» (Соч., 2 изд., т. 16, стр. 24).

дать только количественную, но отнюдь не качественную характеристику, предполагающую развитие, восхождение от более низких ступеней к более высоким, моменты революционных переворотов. Критически исследуя частную собственность, Прудон (согласно Марксу), совершает большой научный прогресс. Этот прогресс настолько велик и значителен, что «революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии» [1]. То есть здесь еще Маркс до такой степени отрицательно относится ко всем буржуазным экономистам, ученым представителям богатства, как он говорит о них, что даже просматривает, упускает из виду объективно научные, положительные моменты в концепциях наиболее глубоких мыслителей среди экономистов, живших и работавших в эту эпоху и раньше.

Характерно, что Маркс пока еще подходит с одинаковой меркой к таким разным по своему научному уровню и даже по характеру политических симпатий деятелям науки, как А. Смит, Дестют де Траси, Симонд де Сисмонди и Рикардо. Всех их объединяет та черта, что они *несерьезно* относились к человеческой видимости экономических отношений, игнорировали бесчеловечную действительность. В общем это, конечно, верное суждение, хотя между идеологом мелкой буржуазии, представителем экономического романтизма Сисмонди, который к тому же критиковал буржуазную политическую экономию еще при жизни Рикардо [2], и просто буржуазными экономистами, не исключая самого Рикардо, есть очевидная разница. Но в то время, когда писалось «Святое семейство», Маркс и Энгельс этой разницы, кажется, не видели. Напротив, всем буржуазным экономистам противопоставляется фигура Прудона, который в отличие от них «отнесся серьезно к *человеческой видимости* экономических отношений» и обнажил их *«бесчеловечную действительность»* [3].

Кульминационного пункта положительная оценка, можно сказать даже восхваление Прудона достигает,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 34.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 14.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 35.

когда Маркс говорит: «Прудон не только пишет в интересах пролетариев: он сам пролетарий, ouvrier. Его произведение есть научный манифест французского пролетариата...»[1]. Разумеется, такая восторженная оценка превышает действительные заслуги Прудона и как практического революционера и особенно как теоретика рабочего движения не только, если брать всю его эволюцию, но даже и при изолированном рассмотрении одной лишь книги «Что такое собственность?».

Попутно хочется сделать некоторые замечания — сначала по поводу следующего высказывания Д. И. Розенберга: «При чтении «Святого семейства» на первый взгляд может сложиться впечатление, что Маркс берет под защиту Прудона и дает высокую оценку его работы. Но такое впечатление следует признать ошибочным... При чтении «Святого семейства» следует помнить, что Маркс по тактическим мотивам не счел нужным подчеркивать тогда свои расхождения с Прудоном, но эти расхождения, несомненно, имели место»[2]. Впечатление об отношении Маркса к Прудону в «Святом семействе» может быть только одно: это отношение в основном весьма положительное. Дело здесь не в тактических мотивах. Расхождения между Марксом и Прудоном в той мере, в какой они уже были осознаны Марксом и Энгельсом, не скрываются, не затушевываются, а довольно четко, в рамках возможностей принятого философского языка подчеркнуты. Недостаточность марксистской критики прудонизма в «Святом семействе» объясняется отчасти тем, что Прудон еще не успел поставить все точки над «и». Он тогда казался Марксу подающим большие надежды. Маркс состоял с Прудоном в дружеских отношениях и в многочисленных частных беседах обучал его диалектике. С другой стороны, и марксизм еще не вполне сложился как цельное мировоззрение. Маркс и Энгельс тогда не видели еще с необходимой ясностью, что взгляд Прудона на частную собственность «обусловлен его мелкобуржуазной пози-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 45.

[2] *Д. И. Розенберг.* «Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века». М., 1954, стр. 164.

цией»[1] и совершенно несовместим с подлинно коммунистическими целями пролетарской революции[2].

В уточнении нуждается также и вывод М. Н. Смит: «Маркс и Энгельс в своей работе «Святое семейство» обратили внимание на тот решительный вызов капиталистическому обществу, который звучит в этой брошюре Прудона. Правда, нужно помнить, что Маркс и Энгельс в этой своей работе боролись с Бруно Бауэром. Поскольку реакционер Бруно Бауэр выступил против выводов Прудона, постольку они поддерживали работу Прудона, но их подлинная оценка ее дана позднее...»[3]. «Обратили внимание», — слишком мягко сказано, и это не отражает в действительности хвалебного тона Маркса по отношению к Прудону. Большой ошибкой является мнение, будто Маркс и Энгельс в «Святом семействе» чуть ли не заигрывали с Прудоном, действовали по принципу: «Из двух зол надо выбирать меньшее», положительно оценивали Прудона из тактических соображений, что эта их оценка была не подлинной и т. д. Маркс говорил тогда о Прудоне именно то, что он на самом деле думал о нем. Никакого лукавства здесь не было. Наконец, следует заметить, возражая М. Н. Смит, что против Прудона выступил не *Бруно* Бауэр, а его брат *Эдгар* Бауэр.

Впоследствии, занявшись Прудоном, его практической и теоретической деятельностью более основательно, Маркс вскроет весь реакционный утопизм прудоновских взглядов.

Каковы, однако, те критические оговорки, которые сделаны в отношении Прудона в «Святом семействе»?

Прудон с яростью обрушивался на частную собственность, вслед за деятелем французской буржуазной рево-

---

[1] *О. Корню.* «К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность», том второй. М., 1961, стр. 70.

[2] «Характеристика Прудона как идеолога французского пролетариата, а его произведения «Что такое собственность?» как научного манифеста французских пролетариев свидетельствует о том, что собственные социалистические воззрения Маркса и Энгельса в это время окончательно еще не сформировались». (*Т. И. Ойзерман.* «Формирование философии марксизма». М., 1962, стр. 367).

[3] *М. Н. Смит.* «Очерки истории буржуазной политической экономии». М., 1961, стр. 18.

люции Бриссо де Варвилем утверждал, что собственность — это кража. Однако вместо зла в законченной, развитой форме он предлагал фактически то же самое зло, но в его предварительной, не полностью развитой форме. Частная собственность, согласно рецепту Прудона, должна уступить место равному владению, т. е. должна быть разделена между массой неимущих, чтобы таким образом превратить всех в равных собственников. Предлагалось лечение не намного лучше болезни, ибо мелкая собственность, пусть даже прикрытая вывеской «равного владения», не устраняет анархии и конкуренции товарного производства, ведет рано или поздно к разорению одних, к обогащению за их счет других. Нападая на частную собственность, Прудон в то же время ратовал за условия, сохраняющие и увековечивающие ее. Уже в работе «Что такое собственность?» Прудон, следовательно, идеализировал мелкую собственность и выражал в конечном счете не интересы пролетариата, а психологию крестьян и ремесленников, вообще мелкого буржуа. «Желание Прудона упразднить неимение и старую форму имения вполне тождественно с его желанием упразднить практически отчужденное отношение человека к своей *предметной сущности,* упразднить *политико-экономическое* выражение человеческого самоотчуждения. Но так как его критика политической экономии все еще остается во власти предпосылок политической экономии, то обратное завоевание предметного мира само еще выступает у Прудона в политико-экономической форме *владения*»[1]. И далее: «Прудон преодолевает политико-экономическое отчуждение *в пределах* политико-экономического отчуждения»[2]. Но такое паллиативное «преодоление» равносильно оставлению всего по-старому, ибо, как показал Маркс

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 46.

[2] Там же, стр. 47. Известным комментарием, а вместе с тем дополнением к этому положению является, по-видимому, одно высказывание Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии», где они говорят, что сделанное ими в «Святом семействе» замечание о Прудоне, а именно, что последний критикует политическую экономию с политико-экономической точки зрения, следует понимать в том смысле, что он выдвигал против практики экономистов их же собственные иллюзии (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 533).

чуть раньше, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», преодоление отчуждения, отчужденного труда, как основы и источника других производных форм отчуждения, превращается в пустую, ложную философскую фразу, пока не ликвидирована всякая частная собственность на средства производства[1].

Ошибками всевозможных «реформаторов» общества, к которым он причислял также и Прудона, Маркс занимался несколько раньше, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». В частности, там он выяснил теоретическую и политическую несостоятельность проектов *уравнения* заработной платы, как цели и способа осуществления социальной революции. *«Даже равенство заработной платы,* требуемое Прудоном, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение рабочего к его труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслится как абстрактный капита-

---

[1] Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением О. Корню: «Прудон вовсе не утопист, он выдвигает перед обществом не абстрактные, а непосредственно практические требования, которые мотивируются самим общественным развитием» (*О. Корню.* Цит. соч., том второй, стр. 314). Конечно, требования Прудона и требования «критической критики» (если вообще их призывы к голой критике всего и вся можно отнести к категории требований) существенно различны. Но тем не менее требования Прудона носили практический характер только по видимости. Подлинно практическим является лишь то требование, которое выражает потребности практической борьбы и практически может быть реализовано. Эмоционально сильная критика Прудоном частной собственности не была подкреплена сколько-нибудь удовлетворительным научным ее анализом. Уже в «Святом семействе» Маркс вскрыл ограниченность суждений Прудона, практическую бессмысленность и утопизм выдвинутого им «равного владения».

С другой стороны, О. Корню также неправ, заявляя, что уже тогда, в период написания «Святого семейства», Маркс будто бы упрекал Прудона в *безоговорочном* восприятии точки зрения буржуазных экономистов (см. цит. соч., стр. 70). Маркс нигде ничего подобного не говорит. Точка зрения даже мелкобуржуазной критики частной собственности, характерная для Прудона, не тождественна с точкой зрения абсолютной апологии и защиты частной собственности буржуазными экономистами. В «Святом семействе» указывается только, что прудоновская критика буржуазной частной собственности была непоследовательной, половинчатой, ограниченной, не выходящей фактически из круга предпосылок буржуазной политической экономии.

лист»[1]. Конечная оценка сущности и возможных результатов этого требования давалась в связи с рассмотрением путей преодоления отчуждения в буржуазном строе. Путь, предлагаемый Прудоном, все оставлял без перемен. В лучшем случае выросло бы число капиталистов, отчуждающих труд наемных рабочих. Мыслить общество, как состоящее из одних только капиталистов, равных в своем владении, — сплошная иллюзия, несбыточная утопия. Лозунг всеобщего равенства и свободы от эксплуатации на базе частной собственности выражает собой классовые устремления мелкой буржуазии.

Там же Маркс разъясняет, что Прудон со всеми его теориями был типичным продуктом своей эпохи, конкретных общественно-экономических и политических условий Франции, уповавшей все еще на возможность лучшей реализации формальных, но тем не менее увлекательных деклараций буржуазной революции конца XVIII века. Многие не отрешились от надежды привести в исполнение идею равенства в чистой сфере политической жизни и абстрактно провозглашаемых прав человека и гражданина. Стремление к политическому равенству для французов было в такой же степени характерно и в известном смысле равнозначно стремлению немцев к выражению самосознания мыслящего индивида. Зато англичане предпочитали определенные практические цели. Это обусловливалось теми сравнительно глубокими и значительными переменами, которые принесла с собой промышленная революция, преуспевшая в Англии, но запаздывавшая как во Франции, так и особенно в феодально отсталой и раздробленной на мелкие государства Германии. «Вполне понятно, — писал Маркс, — что уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является *господствующей* силой: в Германии это *самосознание,* во Франции — это равенство, так как там преобладает политика, в Англии это — действительная, материальная, измеряющая себя только самой *практическая* потребность. Под этим углом надо критиковать и признавать Прудона»[2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956, стр. 570.

[2] Там же, стр. 606.

Инстинктивно Прудон отражал назревшую потребность века — скорейшую расчистку дороги капитализму от завалов феодальной рутины и отсталости всеми средствами, в том числе и с помощью принудительных мер. Программа прудонизма в скрытом виде, скорее всего даже в виде, не осознаваемом самим ее автором, заключала в себе предпочтение деятельности перед праздностью, активного буржуа перед скаредным ростовщиком. Маркс говорил, что «уменьшение денежного процента, — рассматриваемое Прудоном как упразднение капитала и как тенденция к его социализации, является непосредственно, наоборот, только симптомом полной победы работающего капитала над расточительным богатством, т. е. симптомом превращения всякой частной собственности в промышленный капитал»[1].

Значительно позднее, уже в 1865 г., Маркс вновь возвратился к оценке произведения Прудона «Что такое собственность?». Тогда эта оценка была значительно более зрелой и всесторонней, чем в «Святом семействе» и в «Экономическо-философских рукописях». В этом относительно частном факте сказалась степень зрелости экономической мысли самого Маркса. В 1844—1845 гг. его экономические взгляды только начинали складываться, а 1865 г. — это уже канун выхода в свет I тома «Капитала».

Отвечая 24 января 1865 г. на просьбу редактора газеты «Social-Demokrat», будущего президента Всеобщего германского рабочего союза Швейцера, изложить свое отношение к Прудону, Маркс писал, что книга «Что такое собственность?» «является безусловно самым лучшим его произведением», которое «составило эпоху, если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое»[2]. «Если можно так выразиться, — писал далее Маркс, — в этом произведении Прудона преобладает еще сильная мускулатура стиля, и стиль этого произведения я считаю главным его достоинством»[3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 609.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 24.
[3] Там же, стр. 25.

Но с точки зрения строго научной книга Прудона едва ли заслуживает даже упоминания. Она внутренне противоречива. Свою атаку против существующего общества Прудон предпринял с позиций и сквозь призму интересов французского мелкого, парцеллярного крестьянского хозяйства, в то же время сдобрив, перемешав ее с популярными положениями социалистов. Поэтому революционность книги была только кажущейся. Как указывает Маркс, «Прудон запутался во всевозможных, для него самого неясных, умствованиях относительно *истинной буржуазной собственности»*[1]. У него не получилось ничего похожего на критический анализ политической экономии, как науки о совокупности отношений собственности. Сами эти отношения он рассматривал не в их реальной форме, не в качестве производственных отношений, а в их юридическом выражении, как продукт волевого акта, в частности кражи. Следовательно, вместо объективных законов определяющей силой движения общества признавалась независимая воля людей. Взгляды Прудона проникнуты идеалистическим волюнтаризмом.

Разбирая прудоновский принцип «равного владения», авторы «Святого семейства» высказывают чрезвычайно плодотворную мысль. «Представление о *«равном владении»* есть политико-экономическое, следовательно, — все еще отчужденное выражение того положения, что *предмет,* как *бытие для человека,* как *предметное бытие человека,* есть в то же время *наличное бытие человека для другого человека,* его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»*. В. И. Ленин находил это место в высшей степени характерным, ибо оно «показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы», sit venia verbo (да будет позволено так сказать. — *А. М.*), — именно к идее общественных отношений производства»[2]. Одна лишь эта идея производственных отношений между людьми, скрытых в частно-товарном производстве под вещной оболочкой предметов, возвышала Маркса

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 26.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 16.

и Энгельса над Фейербахом, которому не было дано видеть такие отношения. Следует сказать, что осознание реальности категории производственных отношений сопровождалось у Маркса и Энгельса выдвижением ее в системе социально-экономических категорий в качестве предмета экономических исследований. Какие бы вопросы ни входили в круг их анализа, Маркс и Энгельс, как политико-экономы, в каждом отдельном случае подразумевают и рассматривают какую-либо из сторон производственных отношений.

Производственные отношения, отношения собственности — это не стагнирующая категория, а вечно и постоянно развивающаяся. Та их форма, которая вчера еще представлялась наиболее целесообразной и разумной, в известном смысле идеальной, сегодня уже может не соответствовать новым условиям производства и под воздействием внутренних законов движения собственности обязательно претерпевает необходимые изменения. Этого чрезвычайно существенного момента как раз и не понимала буржуазная политическая экономия. «Политическая экономия, — говорится в «Святом семействе», — принимающая отношения частной собственности за человеческие и разумные, непрерывно впадает в противоречие со своей основной предпосылкой — частной собственностью, в противоречие, подобное тому, в которое впадает теолог, когда он, постоянно истолковывая религиозные представления на человеческий лад, тем самым беспрестанно грешит против своей основной предпосылки — сверхчеловечности религии. Так в политической экономии заработная плата вначале выступает как причитающаяся труду пропорциональная доля в продукте. Заработная плата и прибыль на капитал стоят друг к другу в самых дружественных, взаимно благоприятствующих, по видимости в самых что ни на есть человеческих отношениях. Впоследствии же оказывается, что отношения эти — самые наивраждебные, что заработная плата находится в *обратном* отношении к прибыли на капитал»[1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 34—35.

Общая научная ценность открытий буржуазной политической экономии (разумеется, речь идет о ее классической школе) во многом снижалась оттого, что правильные выводы и решения не были развиты до конца вследствие защиты частной собственности, создающей «богатство... якобы для народов» [1], вследствие признания ее воплощенной реальностью человеческого разума, т. е., в конечном счете, вследствие отказа ей в «праве» на развитие. Обнаруженные явления в лоне буржуазной частной собственности были наделены характеристикой единственно возможных и непреодолимых, если даже они несли на себе черты отталкивающие и вызывающие, в большей или меньшей мере, моральное негодование.

В предыдущих своих работах Маркс и Энгельс еще как бы не замечали или даже просто не замечали научных элементов трудовой теории стоимости А. Смита и Д. Рикардо. Но в «Святом семействе» намечается уже определенный поворот. Маркс широко пользуется смитовско-рикардовской категорией издержек производства. Например, он говорит, что «*рабочее время,* которое нужно *затратить* на производство какого-нибудь предмета, принадлежит к *издержкам производства* этого предмета, что *издержки производства* какого-нибудь предмета и составляют то, что он *стоит,* т. е. то, за что он может быть *продан,* если исключить влияние *конкуренции...»* [2]. Он считает *разумным* определение стоимости издержками производства и общественной полезностью вещи [3]. Здесь налицо некоторое смешение научных взглядов, высказанных Смитом и Рикардо, с вульгарными, субъективистскими концепциями стоимости, которые выдвигались разными учеными, как предшественниками Смита и Рикардо, так и особенно последующими поколениями буржуазных представителей экономической науки. Но в целом Маркс нащупал уже ядро и разделяет в частностях трудовую теорию стоимости. Имея в виду всю совокупность подобных высказываний

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 37. Этим «якобы» Маркс ставит под сомнение правомерность известного заглавия основного труда А. Смита.

[2] Там же, стр. 53.

[3] Там же, стр. 35.

в «Святом семействе», В. И. Ленин сделал непреложный вывод, что «Маркс *подходит* к теории трудовой стоимости» [1]. Прежде всего, этим подходом определяется особое место и этапное значение «Святого семейства» в истории марксистской политической экономии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

«Святое семейство» замечательно еще и потому, что в нем отражен «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата» [2]. Маркс и Энгельс в этом сочинении явственно переходят к пролетарскому социализму, рассматривая его как закономерный результат развития процессов капиталистического производства. Своей критикой младогегельянцев, этих их прежних попутчиков, они лишний раз подчеркивают переход, начавшийся уже раньше, с поля бесплодной битвы чистых идей на поле реальных сражений с миром капитала. Знамя гегелевской философии открыто сменяется знаменем социализма [3]. Идейная борьба прямо и непосредственно связывается с жизненными интересами. «*«Идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса»*» [4]. В этих словах заключена не только критика той оторванности от всего земного, которым страдала и кичилась «критическая критика», но и собственное кредо Маркса и Энгельса, символ веры подлинных революционеров.

Впервые на революционную роль рабочего класса было со всей определенностью указано Марксом в «Deutsch-Französische Jahrbücher» в работе «К критике гегелевской философии права. Введение». Маркс в этой работе подчеркнул двуединый характер человеческой эмансипации, под которой понимается коренная ломка устоев гражданского общества, экономических основ классового господства буржуазии. Признавая всю силу философии, идей, он, однако, указывал, что с помощью одной лишь философии осуществить социальный переворот нельзя. Оружие критики должно

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 16.
[2] Там же, стр. 11.
[3] См. там же, стр. 8.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 89.

быть дополнено критикой при посредстве оружия, то есть материальной силы, хотя идеи, овладевающие массами, сами тоже становятся материальной силой. В такой классической форме была высказана мысль о важности соединения теории с практикой, теоретической мысли с революционным движением. *«Эмансипация немца,* — писал Маркс, — есть *эмансипация человека. Голова* этой эмансипации — *философия,* ее *сердце* — *пролетариат»*[1]. «Философский народ, — указывал Маркс в другой своей работе, написанной также еще до «Святого семейства» — может найти соответствующую ему практику лишь в социализме; следовательно, лишь в *пролетариате* найдет он деятельный элемент своего освобождения»[2].

Таким образом, указание об особой революционной роли пролетариата имелось еще и до появления работы «Святое семейство». Здесь это положение Маркс и Энгельс продолжают дальше развивать и обосновывать. Высказывание Ленина о «почти уже сложившемся взгляде» на роль пролетариата следует понимать именно в том смысле, что соответствующий тезис выводится уже как необходимый результат внутренней диалектики противоречий частной собственности. В своем экономическом движении частная собственность идет неудержимо к своему собственному упразднению, делая это путем, не зависящим от нее, бессознательно, вопреки воле ее владельцев. Причем, развиваясь, частная собственность порождает свою противоположность, пролетариат, на долю которого выпадает привести в исполнение исторический приговор, вынесенный частной собственностью себе самой. «С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность»[3]. Пролетариат и богатство находятся в непримиримом антагонизме. Богатство порождает пролетариат как непременное условие своего существования. Такова положительная сторона этого антагонизма, удовлетворенной в себе самой частной собственности. Борьба пролетариата

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 429.
[2] Там же, стр. 444.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 39.

против частной собственности и в конечном счете гибель ее благодаря революционным действиям пролетариата составляют, говоря философским языком, отрицательную сторону этой внутренне противоречивой, антагонистической системы. Создавая пролетариат, частная собственность создает не только условие своего существования, но и собственного могильщика.

Пролетариат вынужден бороться и борется в силу бедственного положения, которое ставит его ниже всякой нормы человеческого бытия, «так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя...» [1].

В «Святом семействе» снова идет речь об отчуждении как критерии утери человеком его истинной сущности. Однако посылки к этой философской категории здесь не занимают того места, какое им уделено в «Экономическо-философских рукописях». Нет оснований думать, что тут сильно сказалась уже эволюция взглядов Маркса. Эти две работы отделены друг от друга слишком малым сроком, чтобы считаться с возможностью весьма существенной эволюции. Возможно разве только такое допущение. Разоблачать схоластику братьев Бауэр и К° решено было с минимальным употреблением традиционных доспехов философии. К массам обращаться лучше тем языком, который они скорее поймут.

Затрагивая проблему отчуждения, Маркс уточняет свое понимание *всеобщей* революции, эмансипирующей *весь* философский, т. е. немецкий народ. Социальная революция должна быть пролетарской — и по своим целям и по характеру ее движущих сил. «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования. Второй же

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 2, стр. 40.

класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, употребляя выражение Гегеля, есть в рамках отверженности *возмущение* против этой отверженности, возмущение, которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой *природой* и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы»[1].

Если отчуждение уродует природу человека вообще, то воспринимается это совсем неодинаково: для богатых оно к удовольствию, для бедных служит проклятием. Следовательно, механизмом частной собственности и отчужденного труда только пролетариат подготавливается и побуждается к революционным действиям. Буржуазия не союзник его, а враг, она неизбежно будет на противоположном полюсе, стремясь отстаивать условия, обеспечивающие ей обладание видимостью человеческого существования. Логика революции обусловлена объективной логикой экономического строя.

В пору написания «Святого семейства» рабочее движение только начинало расти. Происходили лишь первые большие бои пролетариата с буржуазией, носившие характер политической борьбы двух основных классов капиталистического общества. Но уже тогда основоположники марксизма смогли отметить, что «значительная часть английского и французского пролетариата уже *сознает* свою историческую задачу и постоянно работает над тем, чтобы довести это сознание до полной ясности»[2]. Признанием этой великой роли пролетариата проникнуто «Святое семейство» Маркса и Энгельса. Их первый совместный труд вооружал рабочий класс сознанием своего особого положения и своей всемирно-исторической миссии могильщика капитализма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 2, стр. 39.
[2] Там же, стр. 40.
[3] Там же, стр. 39.

В. С. ВЫГОДСКИЙ

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ К. МАРКСОМ ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Учение о прибавочной стоимости занимает важнейшее место в марксистской политической экономии капитализма, представляет собой, по словам В. И. Ленина, краеугольный камень экономической теории Маркса. Разработка этой теории всецело принадлежит Марксу. Это знаменовало собой величайший революционный переворот в экономической науке и позволило Марксу впервые в истории политической экономии вскрыть и научно объяснить механизм эксплуатации рабочего класса классом капиталистов. По образному выражению Маяковского, Маркс «грабящих прибавочную стоимость за руку поймал с поличным» [1]. Маркс первым в истории экономической науки показал, что присвоение классом капиталистов прибавочной стоимости, созданной рабочим классом, является основой капиталистического способа производства и происходит в полном соответствии с его внутренними законами и прежде всего — с законом стоимости. Но если капиталистическая эксплуатация вытекает из самого существа капиталистических производственных отношений, то отсюда следует, что никакое освобождение рабочего класса от эксплуатации не может быть осуществлено в рамках капиталистического строя, что «для экспроприированных масс нет иной перспективы овладения собствен-

---

[1] *Владимир Маяковский.* Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 253.

ностью, кроме установления революционным путем общественной собственности на средства производства, то есть превращения их в достояние всего народа»[1].

Проследив развитие капиталистического способа производства, происходящее на основе закона прибавочной стоимости, Маркс далее показал, что само это развитие создает материальные предпосылки неизбежной гибели капитализма и замены его более высокой общественной формацией — коммунизмом. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[2]. Этот важнейший вывод теории Маркса стал основой научного социализма, основой борьбы трудящихся всего мира за свое освобождение.

Для правильного понимания теории прибавочной стоимости существенное значение имеет изучение истории создания Марксом своей теории. Это изучение дает возможность вскрыть тот водораздел, который лежит между экономическим учением Маркса и буржуазной политической экономией. Оно, далее, показывает ту поистине титаническую работу, которую пришлось проделать Марксу для того, чтобы революционизировать политическую экономию. Наконец, это изучение позволяет ясно представить существо экономического учения Маркса, прежде всего — его теории прибавочной стоимости.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть некоторые вопросы истории создания марксовой теории прибавочной стоимости, в частности, те вопросы, которые связаны с открытием и разработкой Марксом самой категории «прибавочная стоимость».

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза» («Материалы XXII съезда КПСС», 1961, стр. 341).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 772—773.

I

Теория прибавочной стоимости является логическим завершением трудовой теории стоимости. Для того чтобы отчетливо представить себе тот революционный переворот, который Маркс совершил в политической экономии, создав теорию прибавочной стоимости, необходимо прежде всего остановиться на разработке теории стоимости и прибавочной стоимости домарксовскими буржуазными экономистами, в особенности — классической школой буржуазной политической экономии. Этот вопрос был исчерпывающе рассмотрен Марксом, прежде всего в «К критике политической экономии» и в «Капитале». Если попытаться подытожить те выводы, к которым пришел Маркс в своем тщательном анализе всей истории буржуазной политической экономии, то вклад буржуазных экономистов, предшественников Маркса, в развитие теории стоимости и прибавочной стоимости может быть сформулирован следующим образом.

Наиболее существенной заслугой классической школы буржуазной политической экономии является попытка исследования внутренних закономерностей капиталистического способа производства, стремление «понять внутреннюю связь явлений», «понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления» [1].

Прежде всего здесь необходимо указать на разработку классической буржуазной политической экономией трудовой теории стоимости. Уже простая констатация того факта, что источником стоимости является человеческий труд, составила эпоху в истории политической экономии. Однако на примере английского экономиста У. Петти Маркс показал, что «признание труда источником вещественного богатства никоим образом не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд представляет собой источник меновой стоимости» [2]. Это непонимание присуще в той

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. III, стр. 471, 525.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 40.

или иной степени всем без исключения буржуазным экономистам. Оно вытекает из апологетической концепции буржуазной политической экономии, рассматривающей капиталистический способ производства как вечную, т. е. «естественную», форму производства.

Понимание исторической специфики общественного труда, создающего стоимость, предполагает в качестве своего важнейшего условия различение как в самом труде, так и в продукте труда того, что составляет вещественное содержание труда и его продукта (труд в определенной, конкретной форме как целесообразная деятельность и определенный продукт, потребительная стоимость как результат этого труда), и того, что составляет общественную форму труда и его продукта (затрата человеческого труда вообще, безотносительно к конкретной форме этого труда, и стоимость как результат такого рода труда).

Классическая буржуазная политическая экономия только подошла к пониманию двойственного характера труда и продукта труда в капиталистическом обществе. «Сведение товара к труду в его двойственной форме, — отмечал Маркс, — ...есть конечный критический результат более чем полуторавековых исследований классической политической экономии»[1]. Однако буржуазные экономисты оказались неспособными сколько-нибудь последовательно провести разграничение между потребительной стоимостью и стоимостью, между конкретным и абстрактным трудом.

В своем анализе буржуазной политической экономии Маркс детально прослеживает те элементы научного понимания двойственного характера труда и продукта труда в капиталистическом обществе, которые имели место у классиков (в особенности у Рикардо) и благодаря которым трудовая теория стоимости классической политической экономии явилась источником теории стоимости Маркса.

Маркс отмечал, что в 20-й главе работы Рикардо «О началах политической экономии и налогового обложения» дано «не что иное, как исследование различия

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 38—39.

между потребительной стоимостью и меновой стоимостью»[1]. «Рикардо, — подобно всем заслуживающим внимания экономистам, подобно А. Смиту..., — писал в другом месте Маркс, — выдвигает труд, как *человеческую,* более того, как социально определенную *человеческую деятельность,* в качестве единственного источника стоимости»[2]. Маркс отмечает здесь у Рикардо фактическое понимание двойственного характера труда.

Однако, говоря словами Маркса, он различал у Рикардо то, чего сам Рикардо не различал. (Это относится не только к теории стоимости, но и к теории прибавочной стоимости классиков буржуазной политической экономии.) У Рикардо процесс «отпочкования» стоимости от потребительной стоимости не дошел до осознания качественной противоположности между ними, а стало быть, не дошел и до осознания качественной противоположности между конкретным и абстрактным трудом.

Рикардо по существу ограничился определением величины стоимости рабочим временем. Он не сумел понять самого важного в трудовой теории стоимости — особого характера труда, создающего стоимость. Качественная особенность труда, создающего стоимость, заключается в том, что всякий труд в капиталистическом обществе, являясь звеном в системе общественного производства, общественного разделения труда, вместе с тем не является непосредственно общественным трудом. В условиях частной собственности на средства производства он непосредственно является трудом частным. Выразить же свою общественную природу частный труд может только одним путем — путем выражения себя как труда абстрактного, как частицы совокупного общественного труда. Этот процесс сведения конкретного труда к абстрактному (а тем самым — частного труда к общественному) происходит путем реализации на рынке продукта конкретного труда, потребительной стоимости, путем превращения ее в деньги; таким образом потребительная стоимость

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. II, стр. 179.
[2] Там же, ч. III, стр. 184—185.

выражает себя как продукт абстрактного труда, как стоимость.

Этой специфики общественного труда при капитализме и не видел Рикардо. Не видел он ее потому, что рассматривал капиталистический способ производства как естественную форму всякого производства. «У Рикардо всюду, — говорит Маркс, — проходит смешение между трудом, поскольку он представлен в потребительной стоимости, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости»[1]. Это смешение абстрактного и конкретного труда в теории Рикардо дало возможность вульгарным экономистам вообще *отождествить* потребительную стоимость и стоимость. «К отождествлению потребительной стоимости и меновой стоимости — вот к чему... приходит в конце концов... вульгаризация взглядов Рикардо», — указывает Маркс[2].

Таким образом, учение о двойственном характере труда и не могло быть создано на позициях буржуазной политической экономии, ибо оно предполагает преодоление буржуазного кругозора, понимание исторической специфики капиталистического способа производства, понимание его преходящего характера.

Классическая политическая экономия сделала попытку объяснить на основе трудовой теории стоимости эксплуатацию труда капиталом, объяснить прибавочную стоимость. Главным ее достижением в создании теории прибавочной стоимости явилось сведение прибавочной стоимости к прибавочному труду. «Насколько важно было свести *стоимость* к труду, — писал Маркс, — настолько же важно было *прибавочную стоимость,* которая представлена в *прибавочном продукте,* свести к *прибавочному труду*. По сути дела это было сказано уже А. Смитом и составляет один из главных моментов в том, что дал Рикардо. Но у Рикардо это нигде не высказано и не зафиксировано в *абсолютной форме*»[3].

Понимание прибавочной стоимости как прибавочного труда означало объяснение ее происхождения

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. III, стр. 141.
[2] Там же, стр. 189.
[3] Там же, стр. 246.

эксплуатацией рабочего класса, присвоением классом капиталистов неоплаченного труда рабочего класса. Вот что писал Рикардо по этому поводу: «Если бы вознаграждение рабочего класса всегда было пропорционально тому, что он произвел, то количество труда, затраченное на изготовление какого-либо товара, и количество труда, которое можно купить на этот товар, были бы равны... Но они не равны» [1]. Здесь констатируется (в терминах буржуазной политической экономии) неравенство между всей вновь созданной стоимостью продукта труда и той частью ее, которая достается рабочему; констатируется, стало быть, что источником прибавочной стоимости является неоплаченный труд рабочего.

Констатацией этого положения и ограничилось дело в теории Рикардо. А между тем последовательное проведение трудовой теории стоимости требовало объяснения на ее основе прибавочной стоимости, требовало выведения прибавочной стоимости из стоимости, объяснения на основе закона стоимости капиталистической эксплуатации, присвоения неоплаченного труда. Буржуазная политическая экономия оказалась неспособной решить такую задачу. Рикардо даже не поставил перед собой этой задачи, а Смит, поставив ее, пришел к выводу, что закон стоимости, действуя в условиях простого товарного хозяйства, перестает действовать в условиях капитализма.

Какие же причины привели к тому, что буржуазная политическая экономия оказалась не в состоянии объяснить на основе трудовой теории стоимости происхождение прибавочной стоимости?

Пытаясь объяснить происхождение прибавочной стоимости на основе закона стоимости, буржуазные экономисты формулировали эту проблему как обмен труда на капитал или обмен большего количества живого труда на меньшее количество труда овеществленного. Такая постановка вопроса, как показал Маркс, имеет глубокие основания. Обмен между трудом и капиталом (между живым и овеществленным трудом) является при капитализме основным производственным

---

[1] *Д. Рикардо.* Соч., т. I, М., 1955, стр. 35.

отношением, основной формой «обмена деятельностей». «Овеществленный труд и живой труд, — подчеркивает Маркс, — это те два фактора, на противопоставлении которых покоится капиталистическое производство»[1].

В условиях простого товарного производства, когда непосредственные производители являются собственниками всего продукта своего труда, количество живого труда, затраченного производителем, равно количеству овеществленного труда, полученному им в обмен на свой продукт. При капитализме рабочий лишен средств производства, не являются его собственностью и продукты труда. В обмен на затраченное в процессе производства определенное количество живого труда рабочий получает от капиталиста в виде заработной платы меньшее количество овеществленного труда. Для того чтобы объяснить этот факт неэквивалентного обмена на основе теории стоимости, необходимо было исходить из того, что на товарном рынке капиталу противостоит не труд, а рабочий, который продает то единственное, собственником чего он является, — свою рабочую силу, способность к труду. Продажа рабочей силы опосредствует обмен между трудом и капиталом. «Перейти от труда прямо к капиталу, — говорит Маркс, — столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине»[2].

Этого необходимого посредствующего звена в обмене между трудом и капиталом, а именно продажи рабочим своей рабочей силы, буржуазная политическая экономия не сумела заметить. Не сумела потому, что продажа рабочим своей рабочей силы обусловлена капиталистическими производственными отношениями, которые характеризуются появлением на товарном рынке рабочего, обладающего двоякой «свободой» (личной свободой, свободой распоряжаться своей рабочей силой, и «свободой» от средств производства), и частной собственностью капиталиста на средства производства, на

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 26, ч. II, стр. 162.
[2] *K. Marx*. «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie». Moskau, 1939, S. 170.

условия труда. Переход к капиталистическому способу производства как раз и знаменуется превращением рабочей силы в товар. Эту основную особенность капиталистического способа производства, отличавшую его от других способов производства, ни Рикардо, ни другие буржуазные экономисты не смогли увидеть именно вследствие своей буржуазной ограниченности, вследствие взгляда на капитализм как на естественную форму всякого производства.

Но дело не только в непонимании буржуазными экономистами исторического характера капиталистических производственных отношений. Неспособность понять, что объектом продажи при капитализме является не труд, а рабочая сила, вытекала также из присущего буржуазной политической экономии «грубого эмпиризма». В самом деле, на поверхности капиталистического общества в качестве товара выступает именно труд, а не рабочая сила; заработная же плата выступает как цена труда. В XVII главе I тома «Капитала» Маркс рассматривает обстоятельства, способствующие возникновению и существованию при капитализме таких иррациональных понятий, как «труд-товар» и «стоимость труда».

Грубый эмпиризм буржуазной политической экономии проявился в смешении прибавочной стоимости и прибыли, в неспособности понять прибавочную стоимость не только как всеобщую категорию капиталистического способа производства, но и как *особую* категорию наряду с категориями прибыли, ренты, процента. Уже одно это сделало для буржуазных экономистов невозможным объяснить происхождение прибавочной стоимости.

В самом деле, отождествление прибавочной стоимости с прибылью (по существу — со средней прибылью) привело буржуазных экономистов к отождествлению закона прибавочной стоимости с законом пропорциональности прибыли величине авансированного капитала, привело их, иными словами, к отождествлению стоимости и цены производства. Прибавочная стоимость выступает при таком отождествлении не как результат неоплаченного труда рабочего, а как порождение всего авансированного капитала. В этом проявился присущий

всем без исключения буржуазным экономистам «недостаток теоретического понимания, необходимого для уяснения различия форм экономических отношений,.. — они грубо хватаются за эмпирически данный материал, который только и интересует их» [1].

Категория товара рабочая сила предполагает различение его стоимости и потребительной стоимости; предполагает понимание того, что капиталист покупает потребительную стоимость этого товара (как при покупке любого другого товара), а оплачивает его стоимость; предполагает отчетливое понимание того, что потребительная стоимость этого специфического товара, «не имеющая... ничего общего с его меновой стоимостью, представляет собой энергию, создающую меновую стоимость» [2], причем стоимость, созданная в результате применения товара рабочая сила, больше собственной стоимости этого товара. Разность между стоимостью, созданной потреблением товара рабочая сила в процессе производства, и стоимостью самой рабочей силы и образует прибавочную стоимость. Так различение потребительной стоимости и стоимости товара рабочая сила позволило Марксу объяснить происхождение прибавочной стоимости в соответствии с законом стоимости.

Различение двойственного характера труда позволило Марксу, далее, объяснить процесс капиталистического производства, который представляет собой единство процесса труда (конкретного) и процесса увеличения стоимости (результат затрат абстрактного труда в условиях капитализма); оно позволило объяснить также то непонятное для буржуазной политической экономии обстоятельство, что стоимость совокупного общественного продукта включает в себя не только результат затрат живого труда $(v+m)$, но и результат затрат прошлого, овеществленного труда (c). Маркс показал, что «эта двойственность результата... может быть объяснена лишь двойственным характером самого... труда» [3]. Один и тот же труд в качестве конкретного труда переносит на продукт стоимость потребленных средств про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 26, ч. I, стр. 68.
[2] Там же, стр. 62.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 210.

изводства, а в качестве абстрактного труда создает новую стоимость. Различение двойственного характера труда позволило Марксу выявить и детально показать принципиально различную роль постоянной и переменной части капитала в создании прибавочной стоимости.

Таким образом, коренные недостатки трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии предопределили невозможность решения ими кардинальных проблем теории прибавочной стоимости.

Взгляд на прибавочную стоимость как на нечто заранее данное, естественным образом присущее капиталистическому способу производства, закрыл для буржуазных экономистов всякую возможность анализа возникновения и развития прибавочной стоимости, а стало быть, и возможность различения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Так, например, Рикардо исходит из заранее данной стоимости товара, превышающей «стоимость труда». Разность и образует прибавочную стоимость. Рикардо интересует исключительно величина этой разности, величина прибавочной стоимости. Следовательно, Рикардо, не раскрыв возникновения прибавочной стоимости, не дав анализа абсолютной прибавочной стоимости, сразу перепрыгивает к рассмотрению изменения величины прибавочной стоимости, к рассмотрению относительной прибавочной стоимости. Развитие производительности труда связано у него исключительно с ростом относительной прибавочной стоимости.

Кроме того, чтобы исследовать абсолютную прибавочную стоимость, необходимо исходить не из данной, заранее включающей в себя прибавочную стоимость, стоимости товара, не из результата, а из самого процесса капиталистического производства, представляющего собой единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Часть рабочего дня рабочий работает для того, чтобы воспроизвести стоимость своей рабочей силы (необходимое рабочее время), в течение остальной части рабочего дня рабочий создает прибавочную стоимость. При таком рассмотрении вопроса данный уровень развития производительных сил выступает прежде всего как предпосылка самого существования

прибавочной стоимости, и уже потом необходимо рассматривать влияние дальнейшего развития производительных сил на увеличение прибавочной стоимости.

Немаловажное значение в разработке теории прибавочной стоимости имело введение Марксом самого термина «прибавочная стоимость» для обозначения соответствующей категории[1]. Отсутствие у буржуазных экономистов термина «прибавочная стоимость» свидетельствует о том отмечавшемся выше факте, что буржуазная политическая экономия не сумела выделить категорию прибавочной стоимости в качестве особой категории капиталистического способа производства. Маркс показал, какую путаницу вносило в теорию то обстоятельство, что буржуазные экономисты или их противники, исходившие из рикардовской теории, под категориями прибыли, процента фактически подразумевали прибавочную стоимость.

Так, автор одного анонимного памфлета, относящегося к 1821 г. и направленного против буржуазной политической экономии, сделал, как подчеркивает Маркс, «существенный шаг вперед по сравнению с Рикардо»[2], ибо он зафиксировал то положение, что прибавочная стоимость сводится к прибавочному труду. «Сколько бы ни причиталось на долю капиталиста, — цитирует Маркс автора памфлета, — он может получить только приба-

---

[1] О роли терминологии в развитии науки Энгельс говорит в предисловии к английскому изданию I тома «Капитала»: «В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах... Политическая экономия обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами. Например, классическая политическая экономия определенно знала, что прибыль и рента являются лишь подразделениями, лишь долями той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю... Однако даже классическая политическая экономия не выходила за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой неоплаченной части продукта (которую Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания... ее происхождения и природы» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 31—32).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 26, ч III, стр. 245.

вочный труд рабочего, так как рабочий должен жить»[1]. Однако категория прибавочной стоимости фигурирует у автора памфлета под названием «процента на капитал» (в отличие от ссудного процента, прибыли и т. д.), и уже одно это приводит его к «неприятным противоречиям», к «экономической тарабарщине»[2].

Немецкий буржуазный экономист Родбертус под «высотой ренты вообще» фактически понимал норму прибавочной стоимости; он догадывался об отличии прибавочной стоимости от ее специальных форм. Но, как отмечал Маркс, «он бьет мимо цели, потому что у него речь идет с самого начала только об истолковании *одного определенного* явления (земельной ренты), а не о раскрытии всеобщего закона»[3].

Открытие Марксом категории прибавочной стоимости не следует сводить к созданию соответствующего термина. Так поступали те буржуазные экономисты, которые хотели развенчать теорию Маркса, приписать его заслуги, например, социалистам-рикардианцам. Термин «прибавочная стоимость» не изобретен Марксом, как это полагают некоторые исследователи[4]. В работе английского социалиста-рикардианца Уильяма Томпсона «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью» (1824 г.) уже употреблен термин «surplus value» (прибавочная стоимость)[5]. Как показал Ф. Энгельс в статье «Юридический социализм» (написанной совместно с К. Каутским), этим термином Томпсон обозначал сверхприбыль, получаемую капиталистом, применяющим машины, по

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. III, стр. 246.

[2] Там же, стр. 262—263.

[3] Там же, ч. II, стр. 60.

[4] «До появления «Капитала» слово «Mehrwert» (прибавочная стоимость) не существовало в политической экономии. Не было этого термина и в немецких словарях того времени... Маркс создал это специальное слово и ввел его в политико-экономическую терминологию» (статья *Е. А. Мессерле* в «Ученых записках Алма-Атинского Государственного педагогического института иностранных языков», т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 46).

[5] *W. Thompson.* «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness». London, 1824, pp. 167, 169.

сравнению с ремесленником, работавшим вручную. Наряду с термином «surplus value» Томпсон применял также термин «additional value» (дополнительная стоимость), которым обозначал всю вновь созданную стоимость (v+m). Кроме того, как показал Энгельс, «в повседневной деловой жизни Франции с незапамятных времен общепринято выражение plus-value для обозначения всякого увеличения стоимости, которое ничего не стоит владельцу товаров»[1].

Любопытно отметить, что в одной из своих ранних статей[2], написанной в октябре 1842 г., задолго до появления «Капитала», Маркс несколько раз употребляет слово «Mehrwert» в смысле добавочной стоимости, штрафа, получаемого лесовладельцами за кражу у них леса. Заслуга Маркса состоит, таким образом, не в изобретении термина «Mehrwert», а в создании цельной научной *теории* прибавочной стоимости, теории, объясняющей существо капиталистической эксплуатации.

* * *

Сам Маркс весьма кратко, но выразительно оценил те результаты, которые были достигнуты буржуазными экономистами-классиками в познании законов капиталистического способа производства: «Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Это она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи»[3].

Маркс создавал свою теорию прибавочной стоимости не на пустом месте, но сделать ему пришлось чрезвычайно много. Ведь даже трудовая теория стоимости была разработана классиками совершенно недостаточно. Недаром Энгельс сказал о работе Маркса: «Для того чтобы знать, чтó такое прибавочная стоимость, он должен был знать, чтó такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике саму теорию стоимости

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 21, стр. 507—512.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 148, 152.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 552.

Рикардо»[1]. Для того чтобы создать теорию прибавочной стоимости, Марксу и Энгельсу прежде всего необходимо было разработать диалектико-материалистическое понимание исторического развития человеческого общества. Эта разработка как раз и означала сбрасывание с политической экономии ее «буржуазной кожи», присущего ей антиисторического взгляда на капиталистический способ производства, грубого эмпиризма и т. д.

Создание теории прибавочной стоимости потребовало, далее, предварительной разработки таких понятий, как потребительная стоимость и стоимость, конкретный и абстрактный труд, постоянный и переменный капитал, товар рабочая сила. Лишь после того как Марксом была проделана вся эта работа, были созданы предпосылки для создания его теории прибавочной стоимости. Рассмотрим теперь вкратце, каким образом, когда и в каких работах Маркса и Энгельса была проделана вся эта огромная предварительная работа.

II

Важным этапом в развитии марксистской экономической теории были *сороковые годы* XIX века. Именно в этот период, в таких своих работах, как «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Положение рабочего класса в Англии», «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли», «Манифест Коммунистической партии», Маркс и Энгельс разработали свое диалектико-материалистическое понимание истории, заложили основы научного социализма, выяснили роль экономического строя общества как базиса, на котором возвышается политическая и идеологическая надстройка. Выработанное ими мировоззрение Маркс и Энгельс применили для последовательной критики буржуазного общества с пролетарских позиций. В сороковые годы Маркс и Энгельс уже вскрыли сущность классовых антагонизмов в капиталистическом обществе. Они показали, что социализм есть неминуемый результат дей-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 24, стр. 20.

ствующих в капиталистическом обществе объективных экономических законов, что капитализм сам создает себе могильщика в лице рабочего класса.

В сороковые годы Марксом и Энгельсом уже была дана общая оценка буржуазной политической экономии, вскрыт присущий ей антиисторизм, стремление представить экономические законы капитализма как вечные законы природы. «Экономисты изображают отношения буржуазного производства, — писал Маркс, — ...как застывшие, неизменные, вечные категории... Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их порождает» [1].

В «Нищете философии» Маркс уже установил действительное место А. Смита и Д. Рикардо в истории экономической науки и показал, что экономическое учение Прудона, претендующее быть последним словом в политической экономии, есть в действительности регресс, шаг назад по сравнению со Смитом и Рикардо: «Теория стоимости Рикардо есть научное истолкование современной экономической жизни; теория стоимости г-на Прудона есть утопическое истолкование теории Рикардо» [2]. Диалектико-материалистическая экономическая теория Маркса исходила из материалистической в своей основе трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии, но она была прямо противоположна идеалистическому учению Прудона. «Чтобы расчистить путь социализму критическому и материалистическому, стремящемуся сделать понятным действительное историческое развитие общественного производства, — писал впоследствии Маркс, — надо было резко порвать с той идеалистической политической экономией, последним воплощением которой был, сам того не сознавая, Прудон» [3]. Таким образом, в «Нищете философии» Маркс как бы наметил исходный рубеж для дальнейших исследований в политической экономии:

---

[1] *К. Маркс.* «Нищета философии». М., 1956, стр. 81 (см. также стр. 93—97).

[2] Там же, стр. 41.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 231—232.

прежде всего следовало взяться за критическое рассмотрение теории Смита и Рикардо.

В сороковые годы XIX века Маркс уже установил, что предметом политической экономии являются производственные отношения людей, а экономические категории представляют собой выражения этих производственных отношений [1]. Важнейшее значение в связи с этим имело установление примата общественного производства, производственных отношений (рассматриваемых в единстве с производительными силами) над другими общественными отношениями. «От способа обмена производительных сил, — писал Маркс, — зависит и способ обмена продуктов... В истории общества мы видим, что способ обмена продуктов регулируется способом их производства» [2].

Наконец, в работах сороковых годов Маркс вплотную подошел к своей теории стоимости и прибавочной стоимости. Сам Маркс впоследствии писал по поводу своей «Нищеты философии»: «В этой книге содержится в зародыше то, что после двадцатилетнего труда превратилось в теорию, развитую в «Капитале»» [3].

В «Нищете философии» Маркс впервые разработал важное для теории стоимости понятие общественно необходимого труда [4]. Это имело существенное значение также и для критики прудоновской теории «рабочих денег», которая — вслед за буржуазной политической экономией — базируется на определении стоимости товара трудом вообще, а не общественно необходимым трудом.

В этой своей работе Маркс впервые поставил также вопрос о необходимости денег в условиях такого способа производства, который базируется на индивидуальном обмене продуктов труда. Маркс вместе с тем показал, что вопрос о том, почему функции денег выполняют золото и серебро (а именно этот вопрос и волновал Прудона), есть вопрос «вторичного порядка, и его объяснение следует искать уже не в общей системе производственных отношений, а в специфических свойствах, при-

---

[1] См., например, *К. Маркс.* «Нищета философии». М., 1956. стр. 63, 102, 105.

[2] Там же, стр. 61.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 231.

[4] См. *К. Маркс.* «Нищета философии», стр. 34, 49, 52—53.

сущих золоту и серебру как определенного рода материи»[1]. Однако Маркс еще не разработал здесь свою теорию денег, ибо она предполагает такие категории, как потребительная стоимость и стоимость, конкретный и абстрактный труд. Эти категории в работах Маркса сороковых годов еще отсутствуют.

Хотя в работах сороковых годов Маркс еще говорил о продаже труда, о труде как товаре, но он близко подошел к решению проблемы обмена труда на капитал. Маркс писал в «Наемном труде и капитале»: «В обмен на свой труд рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде»[2]. Здесь еще не совершен переход от труда как товара к товару рабочая сила, но Маркс уже вплотную подошел к этому. В незаконченной работе «Заработная плата» (декабрь 1847 г.) Маркс фактически проводит разделение капитала на постоянный и переменный (хотя соответствующие термины у него еще отсутствуют) и дает на основе этого разделения первоначальную формулировку всеобщего закона капиталистического накопления: «Всеобщий закон, необходимо вытекающий из природы отношения между капиталом и трудом, таков, что при росте производительных сил та часть производительного капитала, которая превращается в машины и в сырье, т. е. капитал как таковой, возрастает несоразмерно по сравнению с той частью, которая предназначается на заработную плату»[3]. Эти и подобные высказывания Маркса позволили Энгельсу отметить в предисловии к первому немецкому изданию II тома «Капитала», что «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал» доказывают, что Маркс «уже тогда очень хорошо знал не только *откуда,* но и *как* «происходит прибавочная стоимость капиталиста»»[4].

---

[1] См. *К. Маркс.* «Нищета философии», стр. 64.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 443—444.
[3] Там же, стр. 596.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 24, стр. 11.

Однако в работах Маркса сороковых годов были развиты только отдельные, хотя и весьма важные элементы теории стоимости и прибавочной стоимости. Для создания цельного, строго научного экономического учения Марксу потребовались еще многие годы напряженного труда.

III

Пятидесятые годы XIX века знаменуют решающий этап в разработке Марксом теории стоимости и прибавочной стоимости. В предисловии к своей работе «К критике политической экономии» Маркс следующим образом характеризует свою работу в этот период: «Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, — все это побудило меня приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал» [1].

В первой половине 50-х годов Маркс делает огромное количество выписок из работ буржуазных экономистов, причем одной из первых (в 1850—1851 гг.) он подробнейшим образом конспектирует книгу Д. Рикардо «О началах политической экономии и налогового обложения». Одновременно Маркс внимательнейшим образом следит за развитием капиталистической экономики, исследует как глубинные процессы, происходящие в буржуазном обществе, так и конкретные проявления действия экономических законов. В 1857 г. под непосредственным влиянием приближающегося экономического кризиса, с которым Маркс и Энгельс связывали свои надежды на возникновение революционной ситуации, Маркс приступает к подытоживанию результатов своих исследований, проведенных в пятидесятые годы. «Я работаю, как бешеный, ночи напролет, — писал он Энгельсу 8 декабря 1857 г., — над подытоживанием

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 8—9.

своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»[1].

Результатом этой поистине титанической работы явилось создание обширной рукописи 1857—1858 годов, в которой Маркс и осуществил первую детальную разработку теории стоимости и прибавочной стоимости. Эта рукопись[2] раскрывает перед нами творческую лабораторию Маркса, дает возможность шаг за шагом проследить разработку Марксом его экономической теории. «Способ изложения, — писал Маркс, — не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»[3]. Вот этот процесс исследования и зафиксирован Марксом в рукописи 1857—1858 годов. Рассмотрим этот процесс более детально.

Создание экономической теории всегда шло у Маркса по двум параллельным каналам: критика предшествующих ему буржуазных и мелкобуржуазных теорий и выработка своей собственной теории. Особенность творческого метода Маркса заключается в том, что оба эти процесса всегда шли у него одновременно, составляя единый процесс исследования. Эта особенность метода исследования Маркса нашла свое отражение и в двойном заголовке, который Маркс дал своему основному экономическому труду: «Капитал. Критика политической экономии». (Первоначально Маркс собирался назвать свой труд «К критике политической экономии».) В письме к Лассалю от 22 февраля 1858 г. Маркс следующим образом охарактеризовал свою работу над рукописью 1857—1858 гг.: «Это *критика экономических категорий,* или, если угодно, система бур-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 185.

[2] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie (Rohentwurf)». Moskau, 1939—1941. Глава о деньгах из этой рукописи была опубликована в 1935 г. на языке оригинала и на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. IV.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 21.

жуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее, даваемая самим изложением». Эта особенность метода Маркса дает ключ к пониманию внутренней структуры рукописи 1857—1858 годов. Понимание же структуры совершенно необходимо для уяснения хода мысли Маркса при создании им теории стоимости и прибавочной стоимости.

Рукопись 1857—1858 гг. начинается «Главой о деньгах», обозначенной римской цифрой II. Это объясняется тем, что главе о деньгах Маркс собирался предпослать главу, которой он сначала хотел дать название «Стоимость» (в самом конце рукописи 1857—1858 годов, под римской цифрой I, содержится набросок начала этой главы[1]), а впоследствии — в работе «К критике политической экономии» — дал название «Товар». Для нас сейчас важно то, что разработку своей *теории стоимости* Маркс начал с критики мелкобуржуазной *теории денег Прудона.* Это обстоятельство имеет глубокие основания. Критику прудонизма, отмежевание от этого псевдосоциалистического «лжебрата» Маркс считал важной задачей научного социализма[2]. Революционная ситуация, наступления которой Маркс и Энгельс ожидали в связи с кризисом 1857 г., требовала полной ясности в вопросе о необходимости революционного свержения капиталистического строя. Необходимо было теоретически опровергнуть тезис прудонистов о возможности путем реформы банков уничтожить антагонистические противоречия капитализма, показать, что «антагонистический характер» буржуазного общества «никогда нельзя взорвать при помощи мирных метаморфоз»[3]. Но дело не только в этом. С точки зрения выяснения теории стоимости критика Прудона представляется наиболее удачным отправным пунктом, ибо прудоновская теория «рабочих денег» предает забвению именно *специфику* капиталистических производственных отношений: господство частной собственности на средства производства, анархию,

---

[1] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 763—764.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 469.

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 93.

стремление к наживе как непосредственную цель производства и т. д.

Помимо всего сказанного, деньги представляют собой наиболее резко выраженную форму проявления стоимости товара, являются необходимым внешним выражением стоимости. «Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, — говорит Маркс, — чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости» [1]. Деньги же, денежная форма стоимости, являются наиболее развитой, адекватной капиталистическому способу производства формой стоимости. Соответственно этому теория денег есть прямое следствие теории стоимости. В критике буржуазной и мелкобуржуазной политической экономии, а стало быть, и в исследовании предмета (ибо, как мы видели, это единый процесс), Маркс сначала шел от внешнего проявления к внутренней сущности. Поэтому он и начал рукопись 1857—1858 гг. с рассмотрения теории денег, обозначив при этом главу о деньгах номером вторым, ибо в изложении предмета, где Маркс восходит от абстрактного к конкретному, от внутренней сущности к внешним формам проявления, — он необходимо должен был начать с товара, со стоимости. Понимание категории денег было для Маркса критерием понимания стоимости. Критикуя рикардовскую теорию стоимости, Маркс отмечал, что Рикардо «на деле занимался трудом лишь как *мерой величины стоимости* и в силу этого не нашел никакой связи между своей теорией стоимости и сущностью денег» [2]. (Интересно в связи с этим отметить, что в «Нищете философии» Маркс стоял еще на позициях количественной теории денег Рикардо. В рукописи 1857—1858 гг. на основе разработанной им здесь теории стоимости Маркс дал критику количественной теории денег.) Маркс прямо отмечал, что критика прудоновских рабочих денег «даст нам возможность заглянуть в глубочайшую тайну, которая связывает прудоновскую теорию обращения с его общей теорией — теорией относительно определения стоимости» [3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 56.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 372.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 45.

* * *

«Глава о деньгах» в рукописи 1857—1858 гг. открывается подробным разбором вышедшей в 1856 г. книги прудониста Даримона «О реформе банков». В работе «К критике политической экономии» Маркс характеризует эту книгу как сжатое изложение прудонистской «мелодраматической теории денег»[1].

Причину экономических кризисов, вообще все зло капиталистической системы прудонисты видели в привилегированной роли золота и серебра по сравнению с другими товарами. «На долю господина *Прудона* и его школы выпала задача,— писал впоследствии Маркс,— всерьез проповедовать низвержение *денег* и превознесение *товара* в качестве сущности социализма»[2]. Выходом из положения прудонисты считали замену золота и серебра «рабочими деньгами», «часовыми бонами» — квитанциями, которые выдавались бы рабочему как удостоверение о количестве проработанных им часов. Таким способом прудонисты намеревались одновременно убить двух зайцев. Во-первых, отменить «привилегии» золота и серебра. Для «рабочих денег», утверждали прудонисты, не является обязательной разменность на золото или серебро (как это имеет место, например, для обычных бумажных денег), так как эти «рабочие деньги» якобы непосредственно выражают затраченный труд. Тем самым, по мнению прудонистов, отпала бы основная «причина» экономических кризисов, которая заключается в нехватке золота. Во-вторых, введение «рабочих денег» придало бы, по их мнению, каждому товару форму непосредственной обмениваемости, что позволило бы раз и навсегда решить проблему реализации товаров.

«Рабочие деньги» не были изобретены Прудоном. Их проповедовал, например, Роберт Оуэн. Но предпосылкой «рабочих денег» Оуэна было уничтожение буржуазного производства и установление коммунистических отношений. Прудонисты же рассматривали «рабочие деньги» как средство устранения «недостатков»

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 70.
2 Там же.

капиталистического производства, например экономических кризисов. Маркс своим анализом показал, что эти «недостатки» являются в действительности необходимыми следствиями капиталистического производства.

В качестве практической меры, позволяющей провести в жизнь теорию «рабочих денег», прудонисты предлагали банковскую реформу. Критика Маркса как раз и начинается с рассмотрения этого проекта прудонистов.

Используя статистический материал, приведенный в упомянутой книге Даримона, Маркс прежде всего показал, что Даримон смешивает кредит и денежное обращение и вследствие этого чрезвычайно преувеличивает роль банков при капитализме, приписывая им *контроль над денежным обращением,* монопольное регулирование кредита и денежного рынка. На этом основании прудонисты и считали, что необходимо только отменить металлическую основу денежного обращения, и тогда банки смогут исправно выполнять свои функции регулятора обращения, в результате чего можно будет избежать кризисов. Маркс показал, что и при полном отсутствии металлической основы денежного обращения никакой банк не смог бы предотвратить наступление при капитализме очередных экономических кризисов.

По мысли Прудона и его последователей, реформа банков создала бы «совершенно новые условия производства и обмена»[1]. Это утверждение означает не что иное, как провозглашение примата обращения по отношению к производству, «неправильное понимание внутренней связи между условиями производства, распределения и обращения»[2].

Первым шагом в выяснении этой внутренней связи, как это следует из всей логики марксова анализа, должно быть объяснение денег из внутренней необходимости товарного производства. Маркс и формулирует подобным образом проблему, перебрасывая тем самым мост от теории денег к теории стоимости: «Подлинный вопрос заключается в следующем: не вызывает ли сама

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 17.
[2] Там же, стр. 19.

буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента всех стоимостей?»[1]. Здесь Марксом поставлен вопрос о сущности денег, о *необходимой связи* между товаром и деньгами.

Главное преимущество прудоновских «рабочих денег» заключалось, по мысли их изобретателя, в том, что эти деньги вообще не нужно разменивать на золото или серебро. С опровержения этого тезиса Маркс и начинает доказательство необходимости денег. Маркс показал, что «разменность — обязательная по закону или нет — остается необходимостью для любых денег»[2], будь то бумажные, «рабочие» или какие-либо иные деньги. Прежде всего Маркс показал это в отношении бумажных денег. Он показал, что «разменность банкноты на золото остается для нее экономическим законом, существует ли этот закон *политически* или нет» (т. е. независимо от существующего законодательства по этому вопросу), что «разменность на золото и серебро есть практическая мера стоимости любых бумажных денег, которые получают свое наименование от золота и серебра»[3]. Но бумажные деньги являются лишь представителями золотых денег. Поэтому если количество выпущенных бумажных денег превышает то количество золота, которое действительно находилось бы в обращении (если бы имело место обращение золотых денег), то налицо обесценение бумажных денег, и о прежней разменности их не может быть и речи. «Разменность, — говорит Маркс, — включает свою противоположность, неразменность»[4]. Обесцениваться могут и золотые деньги, например, в периоды всеобщего повышения цен.

Маркс в качестве предположения допускает наличие «рабочих денег». Если раньше золотая монета, например соверен, соответствовала некоторому количеству золота, то теперь этому же количеству золота, представляющему собой воплощение затрат прошлого труда, соответствует «часовой бон», определенное

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 27.
[2] Там же, стр. 41.
[3] Там же, стр. 35, 39.
[4] Там же, стр. 43.

количество затрат текущего труда. Маркс приходит к выводу, что «в силу всеобщего экономического закона, по которому издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее и, стало быть, овеществленное в продуктах рабочее время постоянно обесценивается, — неизбежной судьбой этих золотых рабочих денег было бы постоянное обесценение»[1]. Содержащееся в определенном количестве золота прошедшее рабочее время (величина постоянная) непрерывно возрастало бы по сравнению с воплощенной в часовом боне затратой живого рабочего времени данного момента. Аналогично обстояло бы дело при введении бумажных «рабочих денег».

Далее Маркс делает важный вывод, имеющий основополагающее значение для его теории стоимости: «Не рабочее время, воплощенное в продуктах, а необходимое в данный момент рабочее время — вот что определяет стоимость»[2]. Выше уже отмечалось, что понятие общественно необходимого труда в общей форме было сформулировано Марксом еще в «Нищете философии». Определение стоимости количеством необходимого рабочего времени отражает ту внутреннюю связь, которая существует между стоимостью как элементом производственных отношений и данным уровнем развития производительных сил. Прудоновская же теория «рабочих денег» по существу исходит из определения стоимости трудом вообще, а не общественно необходимым трудом.

Следующий шаг в разработке Марксом его теории стоимости заключался в установлении *различия между стоимостью и ценой.* Теория «рабочих денег», напротив, предполагает их тождество. В самом деле, эта теория требует ликвидации металлических денег, а цена есть меновая стоимость товара, выраженная в деньгах. Ведь главная цель «рабочих денег» заключалась как раз в том, чтобы избежать отклонений цен от стоимости в процессе реализации товара, превращения товара в деньги.

В этой связи Маркс детально рассматривает различие между ценой и стоимостью. Он вводит существенно

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 43.
[2] Там же.

новый момент в определение стоимости. «Определяемая рабочим временем стоимость товаров, — говорит он, — есть лишь их *средняя стоимость»* [1], от которой отличается «номинальная стоимость», «денежная стоимость», т. е. цена. Стоимость определяется рабочим временем, общественно необходимым для более или менее длительного периода (например, в 25 лет), цена же, помимо затрат общественно необходимого труда, отражает существующее в данный момент соотношение между спросом и предложением. Отсюда постоянные отклонения цен от стоимостей. Введение «рабочих денег» ничего здесь не меняет.

Если вместо того чтобы сказать: фунт хлеба стоит 8 пенсов, мы скажем: фунт хлеба равен стольким-то часам рабочего времени (в виде часового бона), то в правой части этого уравнения мы имели бы затрату среднего, «идеального» рабочего времени, которое, как правило, отличается от действительного рабочего времени, воплощенного в цене, так же как денежная цена отличается от стоимости. «Часовой бон, — говорит Маркс, — представлял бы в противоположность ко всем товарам некое идеальное рабочее время, которое обменивалось бы то на большее, то на меньшее количество действительного рабочего времени» [2].

Следующий момент в развитии Марксом теории стоимости в рукописи 1857—1858 гг. заключался в переходе от *количественной* характеристики стоимости товара (измерение величины стоимости общественно необходимым рабочим временем) к определению стоимости как такого общественного отношения, которым характеризуется «экономическое качество» товаров, «способность товаров к обмену». В связи с этим Маркс впервые формулирует важное положение своей теории стоимости: «Как стоимости все товары качественно равны и лишь количественно различны» [3]. Именно эта качественная однородность товаров как стоимостей делает их способными обмениваться друг на друга в определенных коли-

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 47.
[2] Там же, стр. 51—53.
[3] Там же, стр. 55.

чественных пропорциях. Развивая это положение, Маркс приходит к рассмотрению *двух факторов товара,* а также к выводу о необходимости *раздвоения товара на товар и деньги.*

В самом деле, как стоимость товар лишен каких бы то ни было качественных особенностей, каких бы то ни было природных свойств. Эта экономическая эквивалентность, однородность товаров противоречит их качественному различию, благодаря которому различные товары способны удовлетворить разные потребности людей. Ведь товары только потому и обмениваются друг на друга, что они неодинаковы. Поэтому товар *качественно* отличается от своей стоимости. Это противоречие между экономической однородностью товаров и их природными различиями ведет в процессе обмена к отделению стоимости товара от самого товара, к раздвоению товара на товар и деньги. Свойство товара «как стоимости не только может, — подчеркивает Маркс, — но и должно... приобрести существование, отличное от его естественного существования. Почему? Так как товары, как стоимости, лишь количественно отличны друг от друга, то каждый товар должен быть качественно отличным от своей собственной стоимости. Поэтому его стоимость должна также обладать качественно отличным от него существованием, и в действительном обмене эта отделимость должна стать действительным отделением»[1]. Сам по себе, по своим природным свойствам, товар не обладает способностью к обмену. Обмен товара на деньги есть выявление этой его способности, выявление его стоимостной сущности, есть необходимое опосредствование в обмене этого товара на другой товар. «В действительном обмене товар выступает двояко: как естественный продукт, на одной стороне, и как меновая стоимость — на другой. То есть его меновая стоимость получает материально оторванное от него существование»[2]. Таким образом, на основе анализа двух противоречащих друг другу факторов товара Маркс пришел к выводу, что меновая стоимость

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 55—57.
[2] Там же, стр. 63.

есть необходимая форма проявления стоимости, иными словами, пришел к выводу о необходимости денег.

Показав, что деньги являются необходимым порождением таких общественных отношений, при которых меновая стоимость выступает как общественная форма продукта, Маркс опроверг утопическую идею прудонистов о непосредственном превращении (путем введения «рабочих денег») товара в деньги, т. е. о непосредственном тождестве между товаром и деньгами, о непосредственной обмениваемости всех товаров.

Маркс показал, что, являясь *разрешением* противоречия между потребительной стоимостью [1] и стоимостью товара, деньги *обостряют* все противоречия товарного производства, поднимают их на новую ступень: «Деньгам внутренне присуще выполнять свои задачи тем, что они их вместе с тем отрицают; приобретать самостоятельность по отношению к товарам; из средства становиться целью; реализовать меновую стоимость товаров, отрывая их от нее; облегчать обмен, раскалывая его; преодолевать трудности непосредственного обмена товаров, придавая им всеобщий характер; в той же степени, как производители становятся зависимыми от обмена, делать обмен самостоятельным по отношению к производителям» [2]. В этих противоречиях и таится возможность экономических кризисов.

Анализ двух факторов товара привел Маркса к открытию *двойственного характера труда,* создающего товар. Сначала этот двойственный характер труда выступает у Маркса с точки зрения количества и качества: абстрактный труд выступает как «отделенный от своего качества, различающийся лишь количественно труд», а конкретный труд выступает как «определенный труд, определенный естественными условиями, качественно отличный от других видов труда» [3].

---

[1] Термин «потребительная стоимость» («Gebrauchswert») для обозначения одного из факторов товара Маркс начал употреблять в рукописи 1857—1858 гг. не сразу; впервые этот термин встречается у него на 27-й странице I тетради рукописи (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 115).

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 77.

[3] Там же, стр. 61.

Углубляя анализ двойственного характера труда, создающего товар, Маркс приходит к важнейшей характеристике труда как труда общественного, с одной стороны, и труда частного, с другой. Это антагонистическое противоречие товарного хозяйства, базирующегося на частной собственности на средства производства, Маркс формулирует следующим образом: «Индивиды производят только для общества и в обществе... их производство не носит *непосредственно* общественного характера»[1]. И в другом месте: «Частный интерес уже сам есть общественно определенный интерес и может быть достигнут лишь при условиях, положенных обществом и при помощи предоставляемых обществом средств»[2].

Свою характеристику труда в буржуазном обществе как труда частного и общественного в одно и то же время Маркс дает в связи с тем, что прудонистская теория «рабочих денег» фактически предполагает непосредственно общественный характер труда, создающего товар. Прудонисты молчаливо предполагают «заранее данный коллективный характер труда», в то время как «на основе меновых стоимостей труд лишь путем *обмена полагается* всеобщим»[3].

Сформулировав в процессе критики прудонистской теории денег основные элементы своей теории стоимости, Маркс показывает, как в ходе развития общественного производства и общественного разделения труда происходит превращение продукта в товар, товара — в меновую стоимость, а меновой стоимости — в деньги. Вместе с тем углубляется противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью товара.

В этой связи Маркс делает важное методологическое замечание о характере изложения добытых им в ходе исследования результатов: «Необходимо будет впоследствии... исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях понятий и о диалектике этих понятий.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 91.
[2] Там же, стр. 87.
[3] Там же, стр. 117.

Следовательно, прежде всего фраза: продукт (или деятельность) становится товаром, товар — меновой стоимостью; меновая стоимость — деньгами»[1].

Здесь идет речь о товаре как исходном пункте анализа. В сущности Маркс с самого начала исходил из товара как элементарной формы буржуазного богатства, носителя общественных отношений капиталистического общества. В указанном замечании речь идет о том, чтобы зафиксировать это в изложении. Иногда в изложении вопроса в рукописи 1857—1858 гг. Маркс действительно исходил из меновой стоимости: «Меновая стоимость товара существует двояко: как определенный товар и как деньги»[2]. В дальнейшем изложении Маркс всегда исходил из товара как носителя стоимости[3]. Вспомним также, что в рукописи 1857—1858 гг. I глава должна была иметь заголовок «Стоимость», в то время как название первой главы в работе «К критике политической экономии» — «Товар». И это, конечно, не формальный момент. Здесь проявился материалистический характер диалектики Маркса, его экономического учения. Маркс исходит из простейшего обмена продуктами труда. Носителем этого общественного отношения и является товар. «Предметом для меня является не «стоимость» и не «меновая стоимость», а *товар*»[4], — писал впоследствии Маркс. Политическая экономия делает категорию товара исходным пунктом своего анализа, ибо «с чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей»[5].

* * *

Рассмотрев прудонистскую теорию денег, Маркс показал, что она является следствием ложной теории стоимости Прудона. Выше мы видели, как в ходе критики этой теории Маркс развил свою собственную теорию стоимости. Показав затем, что прудоновская теория «рабочих

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 77.
[2] Там же, стр. 69.
[3] Там же, стр. 103.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 19, стр. 372.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 497.

денег» принципиально противоречит производственным отношениям капиталистического способа производства, что развитие денежной формы стоимости есть необходимый результат развития общественного производства при капитализме, — Маркс перешел к исследованию *функций денег* в товарно-денежном обращении.

Анализируя деньги в их функции средства обращения, Маркс показал, что кругооборот товара и денег в этом случае может быть представлен не только в виде Т — Д — Д — Т, но и в виде Д — Т — Т — Д. Во втором случае деньги из средства обмена превращаются в его цель, а товар — из цели обмена превращается в его средство. Здесь у Маркса речь идет о купечестве, вообще о торговле. Маркс подчеркивает при этом, что «с категорией прибыли мы еще не имеем дела»; что указанная формула выведена им «из анализа обращения»[1]. Этот анализ, однако, показал, что деньги не только орудие обращения, но они могут играть и самостоятельную роль в процессе обращения; причем мотивом этого процесса служит «обмен меньшего количества денег при посредстве товара на большее количество денег»[2].

Этот раздел рукописи 1857—1858 гг. имеет важное значение как переход от только что разработанной Марксом теории стоимости к теории прибавочной стоимости. Здесь, разумеется, нет еще решения проблемы, но указана и проанализирована та общая форма, в которой протекает процесс капиталистической эксплуатации. Ведь капиталистическая эксплуатация как раз и заключается в обмене меньшего количества денег (переменный капитал) при посредстве товара рабочая сила на большее количество денег (переменный капитал плюс прибавочная стоимость).

Анализируя эту форму кругооборота, Маркс сразу же указывает на то, что получающаяся в результате этого кругооборота новая меновая стоимость (последнее «Д» в формуле Д — Т — Т — Д) может быть создана только в *процессе производства*, что обращение здесь «выступает уже не в первоначальной простоте как

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 181.
[2] Там же, стр. 181—183.

количественная мена, а как процесс производства, реальный обмен веществ»[1]. Отсюда сразу же следует кардинальный вывод: «Уже в простом определении денег заложено, что они в качестве развитого момента производства могут существовать лишь там, где существует *наемный труд*»[2]. В самом деле, так как целью общественного производства в кругообороте Д — Т — Т — Д является меновая стоимость, «всеобщее богатство», то заработной платой работника могут быть только деньги. Наемный труд в этой части рукописи 1857—1858 гг. рассматривается Марксом пока еще только с формальной стороны; в качестве его признака указывается денежная оплата труда. Этот признак молчаливо предполагает также *продажу труда:* «За деньги покупается также и труд, сама производительная деятельность, *потенциальное* богатство»[3], — говорит Маркс.

Таким образом, как показал здесь Маркс, развитая форма товарного производства в условиях частной собственности на средства производства с необходимостью предполагает капиталистические отношения. В этом заключается *внутренняя связь между товарным и капиталистическим производством.* В основе осуществленного Марксом *выведения прибавочной стоимости из стоимости* лежит объективный факт перерастания товарного производства в капиталистическое. Тенденция развития меновой стоимости необходимо приводит к «разрыву между трудом и собственностью», «так что труд будет создавать чужую собственность, а собственность — командовать чужим трудом»[4]. В этих заключительных строках «Главы о деньгах» уже вполне определенно сформулирована центральная проблема теории прибавочной стоимости: необходимость объяснения *прибавочной стоимости* на основе закона стоимости. Эту проблему Маркс решил в следующей главе рукописи 1857—1858 гг., в «Главе о капитале». Посмотрим, как Маркс сделал это.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 213.
[2] Там же, стр. 221.
[3] Там же, стр. 211.
[4] Там же, стр. 253.

IV

Мы потому так подробно остановились на развитии Марксом его теории стоимости, что и в теории и на практике «понятие стоимости предшествует понятию капитала»[1]. Но было бы ошибочно думать, что можно *непосредственно* перейти от стоимости к капиталу. Здесь имеет место качественный скачок, и это прежде всего подчеркивает Маркс: «Простое движение меновых стоимостей, как оно существует в чистом обращении, никогда не может реализовать капитал»[2]. Как по форме, так и по содержанию капитал как производственное отношение существенно отличается от простого стоимостного отношения.

Рассматриваемый со стороны формы капитал есть сама себя воспроизводящая меновая стоимость. Отсюда следует, что в отличие от простого товарного обращения, которое предполагает производство как свою внешнюю предпосылку, товарное обращение в капиталистических условиях необходимо должно быть опосредствовано процессом производства. Производство здесь не есть внешний момент по отношению к обращению; оно заключено внутри обращения; оно представляет собой не только предпосылку, но и результат обращения. Следовательно, анализ капитала со стороны *формы* его движения привел Маркса к рассмотрению *процесса капиталистического производства.*

Содержанием капиталистического производственного отношения является отношение между рабочим и капиталистом, между трудом и капиталом. Труд и капитал противостоят друг другу. Имеет место обмен между трудом и капиталом. Анализ этого обмена в значительной степени построен Марксом на открытом им ранее двойственном характере товара, на рассмотрении товара как единства потребительной стоимости и стоимости.

Прежде всего Маркс расщепил обмен между капиталом и трудом на два качественно различных, противоположных процесса: 1) собственно обмен между рабочим

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 163.

[2] Там же, стр. 165.

и капиталистом, в результате которого капиталист «покупает производительную силу, которая сохраняет и умножает капитал» [1]; 2) самый процесс труда, в котором и осуществляется это сохранение и умножение капитала. «При обмене между капиталом и трудом, — подчеркивает Маркс, — первый акт представляет собой обмен, всецело относится к обычному обращению; второй акт представляет собой процесс, качественно отличный от обмена» [2].

Таким образом, первая стадия в обмене между капиталом и трудом есть не что иное, как *товарная сделка* между капиталистом и рабочим, совершающаяся на основе эквивалентного обмена. Поэтому особенное внимание Маркс сразу же обращает здесь на анализ товара, являющегося предметом сделки между капиталистом и рабочим, и прежде всего — на анализ потребительной стоимости этого товара. В этой связи Маркс ставит важный вопрос о том, «в какой мере потребительная стоимость остается только как предпосылка вне политической экономии и экономических определений формы и в какой мере она входит в политическую экономию», «не входит ли потребительная стоимость как таковая в самое форму, в качестве определяющей самое экономическую форму, например, в отношении между капиталом и трудом» [3].

Отвечая на этот вопрос, Маркс формулирует следующее положение: «В отношении между капиталом и трудом... одна сторона (капитал) противостоит другой прежде всего как *меновая стоимость,* а другая сторона (труд) противостоит капиталу прежде всего как потребительная стоимость» [4]. Здесь Марксом сделан первый шаг к тому, чтобы от обычной формулы о «труде-товаре», о «продаже труда» перейти к товару «рабочая сила». Труд здесь уже выступает не как товар, а как одна сторона товара, как потребительная стоимость того товара, который рабочий продает капиталисту.

---

[1] *K. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 185.

[2] Там же, стр. 186.

[3] Там же, стр. 178, 179.

[4] Там же, стр. 178—179.

Что же является потребительной стоимостью труда для капитала? Способность труда создавать меновые стоимости, способность сохранять и увеличивать капитал. Очевидно, такой потребительной стоимостью является живой труд рабочего. Особенность этой потребительной стоимости заключается в том, что она «не материализована в продукте, вообще не существует вне рабочего, следовательно, существует не действительно, а лишь в возможности, как его способность»[1]. Здесь Марксом сделан следующий решительный шаг в переходе к товару рабочая сила. Рабочий продает капиталисту не труд, а свою способность к труду, свою работоспособность.

В дальнейшем Маркс говорит также о продаже рабочим «распоряжения своим трудом», «временного распоряжения своей способностью к труду». Дело здесь не в терминологии, хотя выработка адекватного термина имеет существенное значение для теории. Дело в осознании того факта, что живой труд рабочего не может быть объектом продажи. Термин «рабочая сила» Маркс употребил уже в «Наемном труде и капитале»[2], однако там он еще не пришел к всестороннему пониманию рабочей силы как товара.

Товар рабочая сила неразрывно связан с капиталистическими производственными отношениями. Эта связь выражена Марксом в предельно краткой и четкой форме: *«Отделение собственности от труда* выступает как необходимый закон этого обмена между капиталом и трудом»[3]. Именно потому, что рабочий не является собственником средств производства, он не может быть и собственником своего труда, а следовательно, — и продукта своего труда. Он является лишь собственником своей способности трудиться. Ее-то он и продает капиталисту. Стоимость этой способности рабочего к труду определяется тем количеством овеществленного труда, которое воплощено в рабочем, т. е. тем количеством

---

[1] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 178.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 444.

[3] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 203.

труда, которого стоит производство самого рабочего. Ибо потребительная стоимость продаваемого рабочим товара неотделима от самого рабочего. «Отделение труда от собственности на продукт труда, — говорит далее Маркс, — ...заложено уже в самом акте обмена. То, что кажется парадоксальным *результатом,* заложено уже в самой предпосылке»[1]. Анализ товара рабочая сила позволил Марксу объяснить один из самых трудных моментов в обмене между трудом и капиталом. Если же исходить из продажи труда, то результат обмена и в самом деле представляется парадоксальным: рабочий является собственником труда и в то же время не является собственником продукта этого труда. Налицо вопиющее нарушение эквивалентности обмена.

Таким образом, в результате первой стадии в процессе обмена между капиталом и трудом в руки капиталиста перешло распоряжение живым трудом рабочего. Процесс этого живого труда и есть процесс создания меновых стоимостей, в результате чего сохраняется и увеличивается капитал.

«Труд... не как то, что само есть *стоимость,* а как *живой источник* стоимости»[2]. В этих словах Маркс резюмировал результаты своего анализа первого этапа в обмене между трудом и капиталом. Рассмотрение второго этапа привело Маркса к анализу прибавочной стоимости.

* * *

Объективным результатом первого акта в обмене между капиталистом и рабочим явилось присвоение капиталистом способности рабочего к труду (рабочей силы), а тем самым — и самого труда. «Путем обмена с рабочим капитал присвоил себе самый труд»[3], — отмечает Маркс. В процессе труда и происходит сохранение и увеличение капитала, происходит, иными словами, создание прибавочной стоимости. Теперь Марксу предстояло раскрыть *механизм* этого процесса.

---

[1] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 214.

[2] Там же, стр. 203.

[3] Там же, стр. 205.

Анализируя попытки буржуазных экономистов вывести увеличение стоимости капитала из простого товарного обращения, Маркс вводит понятие прибавочной стоимости («Mehrwert»). «Прибавочная стоимость была бы тогда чисто номинальной, искусственной, условной, была бы просто фразой»[1], — говорит Маркс. Каким же образом в процессе труда получается прибавочная стоимость?

Для решения этой проблемы Марксом уже были созданы все предпосылки, не было только осуществлено деление капитала на постоянный и переменный. Сама терминология была установлена Марксом несколько позже, но фактически это разделение Маркс произвел при анализе условий существования прибавочной стоимости. Маркс рассматривает тот избыток стоимости продукта, который имеет место по сравнению со стоимостью сырья, вспомогательных материалов и орудий производства (постоянный капитал!) в результате затраты живого труда. Маркс ставит вопрос о соотношении между той стоимостью, которую капитал выплачивает рабочему в виде заработной платы (эквивалент переменного капитала), и той стоимостью, которую живой труд создает в процессе производства. Очевидно, что прибавочная стоимость существует только в том случае, если первая стоимость меньше второй.

Капиталистический способ производства создает необходимые предпосылки выполнения этого условия. Капиталистические производственные отношения, в основе которых лежит обмен между трудом и капиталом, продажа рабочим своей рабочей силы капиталисту, необходимо приводят к отчуждению рабочим своего труда. Труд рабочего, а следовательно, и продукт труда принадлежат капиталисту. «Рабочий обменивает создающую стоимость деятельность на некоторую, заранее определенную стоимость, независимо от результатов своей деятельности»[2].

Стало быть, капиталистические производственные отношения вполне допускают (с точки зрения закона стои-

[1] *K. Marx*. «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 222.

[2] Там же, стр. 229.

мости, обмена эквивалентов), чтобы стоимость, созданная в результате затраты живого труда, превышала бы стоимость рабочей силы, вполне допускают существование прибавочной стоимости. Превращение этой возможности в действительность зависит от производительности общественного труда, от уровня развития производительных сил. «Если бы для того чтобы поддержать существование рабочего в течение одного рабочего дня, нужен был рабочий день, то капитал не существовал бы, так как рабочий день обменивался бы на свой собственный продукт, а значит, капитал не мог бы возрастать, а потому и сохраняться как капитал... Если же, напротив, для того чтобы поддержать жизнь рабочего в течение целого рабочего дня, требуется, например, только половина рабочего дня, то прибавочная стоимость продукта получается сама собой, потому что в цене [труда] капиталист оплатил только половину рабочего дня, а в продукте получает в овеществленном виде целый рабочий день» [1]. Капиталистический способ производства как раз и характеризуется таким уровнем развития производительных сил, при котором производительный труд выступает как труд, создающий прибавочную стоимость. «Капитал, будучи беспредельным стремлением к обогащению, стремится к беспредельному увеличению производительных сил труда и вызывает их к жизни» [2]. В этой связи Маркс развивает также понятия абсолютной и относительной прибавочной стоимости и вскрывает двоякую тенденцию капитала — к удлинению рабочего дня и к сокращению необходимого рабочего времени.

* * *

Мы постарались проследить, как Маркс в рукописи 1857—1858 гг. решал на основе закона стоимости проблему обмена между трудом и капиталом. Решив эту проблему, Маркс заложил основы своей теории прибавочной стоимости, краеугольный камень всего своего

---

[1] *К. Marx.* «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie», S. 230.

[2] Там же, стр. 247.

экономического учения. Прибавочная стоимость в теории Маркса выступает как необходимый результат капиталистических производственных отношений; она составляет сущность этих отношений, определяя другие категории и отношения капиталистического общества; она обусловливает закон движения капиталистического способа производства, неизбежность его гибели и замены его коммунизмом. «В буржуазном обществе, основанном на *меновой стоимости,* — говорит Маркс в рукописи 1857—1858 гг., — возникают условия производства и связи, которые представляют собой одновременно подкопы для взрыва этого строя... Если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения обмена, [необходимые] для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством» [1].

Однако Марксу предстояла еще огромная работа по *завершению* теории прибавочной стоимости. Предстояло осуществить переход от прибавочной стоимости в чистом виде к тем ее превращенным, поверхностным формам, в которых она выступает в повседневной жизни буржуазного общества, — к прибыли, земельной ренте, проценту. Этот переход еще отсутствовал в рукописи 1857—1858 годов. Очевидно, Маркс в то время еще не подошел к решению этих проблем. В самом деле, в конце первой главы «К критике политической экономии» Маркс формулирует основные проблемы политической экономии, которые не смогла разрешить классическая буржуазная политическая экономия даже в лице ее завершителя Д. Рикардо и на которые у Маркса в то время был готов ответ. В числе этих проблем мы не находим постановки вопроса о средней прибыли и цене производства, а земельная рента рассматривается здесь лишь как стоимость «простых сил природы». Ф. Энгельс следующим образом характеризовал период пятидесятых годов с точки зрения выработки Марксом своей экономической теории: «Теорию прибавочной стоимости Маркс разработал в 50-х годах наедине с самим собой

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 93.

и упорно отказывался опубликовать что-либо о ней, пока не уяснил себе полностью всех ее выводов. Потому-то и не вышли в свет второй и следующий выпуски «К критике политической экономии»» [1]. Нет сомнения в том, что под «выводами» из теории прибавочной стоимости Энгельс понимает дальнейшее развитие этой теории, применение ее к объяснению средней прибыли и цены производства, земельной ренты и т. д. Все эти проблемы в основном были решены Марксом в период работы над рукописью 1861—1863 годов, когда Маркс осуществил новый критический пересмотр всей буржуазной политической экономии. В ходе этого пересмотра Маркс создал заключительную, историко-критическую, часть своего «Капитала» — «Теории прибавочной стоимости», завершив вместе с тем и разработку своей собственной теории прибавочной стоимости. Здесь еще раз ярко проявилась особенность марксова метода экономического исследования, которая заключается в том, что для Маркса критика буржуазной политической экономии и разработка своей собственной теории — единый процесс.

Вскрыв механизм капиталистической эксплуатации, Маркс вооружил рабочий класс всего мира сильнейшим оружием в борьбе с буржуазией — пониманием законов развития общества. Последующее развитие человеческого общества наглядно подтверждает правильность экономического учения Маркса, подтверждает неизбежность победы труда над капиталом во всемирном масштабе.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Письма о «Капитале»». М., 1947, стр. 297.

Л. Р. МИСЬКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О КРИТИКЕ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Экономическая теория является одной из трех составных частей марксизма. Маркс считал разработку экономической теории пролетариата важнейшим делом своей жизни. Над своим основным трудом — «Капиталом», в котором главным образом и изложена экономическая теория марксизма, он работал почти 40 лет. В «Капитале» Маркс раскрыл экономические законы движения капиталистического общества и неопровержимо доказал, что капитализм в силу присущих ему внутренних противоречий исторически обречен на гибель, что порожденный им класс пролетариев покончит со строем эксплуатации и построит коммунистическое общество. Политическая экономия, созданная Марксом в тесном сотрудничестве с Энгельсом, стала могучим оружием в руках рабочего класса, борющегося за освобождение всех трудящихся от капиталистической эксплуатации.

Экономическая теория марксизма, в новых исторических условиях развитая дальше В. И. Лениным, нашла свое блестящее подтверждение в практической и теоретической деятельности Коммунистической партии Советского Союза, а также в деятельности коммунистических партий других стран. Принятая XXII съездом КПСС ее новая Программа убедительно показала верность марксистско-ленинского анализа капитализма, данного в работах Маркса, Энгельса, Ленина, его действенность и в наши дни. В то же время в ней содержится глубокий анализ современного этапа в развитии экономики двух мировых общественных систем.

Только марксистско-ленинская теория дает возможность вскрыть закономерности развития капитализма, научно объяснить новые явления капиталистической действительности.

Анализ экономики капитализма, данный Марксом в «Капитале», в основных своих чертах остается верным до наших дней. Различные и неоднократные попытки буржуазных экономистов, реформистов и ревизионистов опровергнуть марксистскую экономическую теорию рушатся одна за другой, а созданная Марксом политическая экономия продолжает жить и развиваться вопреки всем и всяческим предсказаниям о «крахе» марксизма, о его «гибели».

1

Маркс революционизировал политическую экономию начиная с ее основы — теории стоимости. Трудовая теория стоимости является важнейшей составной частью марксистского экономического учения. Маркс всесторонне разработал эту теорию, строго обосновал и последовательно развил ее. Предшественники Маркса в политической экономии — представители буржуазной классической школы — исследовали лишь величину стоимости, т. е. лишь ее количественную сторону. Маркс исследовал качественную сторону ее, впервые поставил вопрос, как, почему и при каких общественных условиях труд принимает форму стоимости, и дал исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Опираясь на лучшие достижения предшествующей ему науки, Маркс дал всестороннюю характеристику труда как единственного источника стоимости. «Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления» [1]. Исследуя товар, эту «форму экономической клеточки буржуазного общества» [2], Маркс открыл, что как товар является единством противоположностей — потребительной стоимости и стоимости, так и труд,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 48.
[2] Там же, стр. 6.

воплощенный в товаре, имеет двойственный характер. Маркс показал, что в качестве различных потребительных стоимостей, удовлетворяющих многообразные человеческие потребности, товары являются результатом конкретного человеческого труда, т. е. труда, затраченного в определенной полезной форме. Но в процессе обмена все товары приравниваются друг к другу. Значит, у всех товаров должно быть что-то общее. Этим общим может быть лишь то, что все товары являются не только продуктом определенного полезного труда, но и воплощением абстрактного человеческого труда, т. е. какого-то количества затраченного человеческого труда вообще, рассматриваемого вне зависимости от его конкретных полезных черт. Детальный анализ такого двойственного характера труда, заключенного в товаре, был впервые дан Марксом. Это было открытие, имевшее исключительное значение для научной разработки политической экономии, оно составляет один из важнейших моментов того революционного переворота, который Маркс произвел в экономической науке. «Двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною... Этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии», — так охарактеризовал сам Маркс значение этого открытия [1].

Анализ противоречий, заключенных в товаре, имел значение исходного пункта для анализа противоречий капиталистического общества. «У Маркса в «Капитале», — указывал В. И. Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) ***все*** противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества» [2].

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 50.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

Марксова трудовая теория стоимости составляет научный фундамент теории прибавочной стоимости. Этим и объясняются атаки врагов марксизма прежде всего на теорию стоимости. Один из представителей немецкой вульгарной политической экономии еще в 1868 г., через год после выхода в свет первого немецкого издания I тома «Капитала», писал: «Опровержение теории стоимости — единственная задача того, кто борется против Маркса, ибо если согласиться с этой аксиомой, тогда необходимо признать почти все, сделанные Марксом с железной логикой, выводы» [1]. Маркс рассматривал разработку им трудовой теории стоимости как «научную победу» пролетарской партии [2]. Он указывал, что отказ от трудовой теории стоимости означает отказ от всякой возможности научного познания в области политической экономии, ликвидацию самой ее рациональной основы [3].

Вот почему отношение к трудовой теории стоимости является сейчас, как и раньше, пробным камнем для экономистов. Ответ на вопрос о природе стоимости, а следовательно, и прибавочной стоимости позволяет судить о том, какую школу политической экономии представляет тот или иной экономист, интересы какого класса он защищает. Не случайно Маркс, критикуя предшествующие ему буржуазные теории, такое большое внимание уделяет выяснению теории стоимости того или другого экономиста.

«Опровержение» трудовой теории стоимости в настоящее время остается одной из главных целей антимарксистов. «Критики Маркса редко нападают прямо на теорию прибавочной стоимости. Они предпочитают

---

[1] Цит. по *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 16, стр. 325. Почти через сто лет после того, как были написаны эти слова, их почти дословно повторил современный буржуазный экономист В. Рёпке, представитель так называемого «неолиберального» направления. Он пишет, что если удастся доказать полную несостоятельность трудовой теории стоимости, то «за борт летят и другие коренные положения марксизма (теория прибавочной стоимости, учение о неизбежной гибели капитализма)» (*W. Röpke.* «Jenseits von Angebot und Nachfrage». Erlenbach — Zürich und Stuttgart, 1958, S. 17).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 29, стр. 469.

[3] См., например, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 25, ч. I, стр. 162; ч. II, стр. 344—345.

концентрировать свои атаки на трудовой теории стоимости, считая, что если будет разрушено основание, то неизбежно рухнет все строение», — откровенно признал видный теоретик английского лейборизма Коул в предисловии к новому английскому изданию I тома «Капитала»[1]. Коулу, во всяком случае, нельзя отказать здесь в понимании значения трудовой теории стоимости в экономическом учении Маркса. Вульгарные буржуазные теории стоимости представляют исходный пункт всех апологетических попыток современных буржуазных экономистов оправдать капиталистическую систему, доказать отсутствие эксплуатации при капитализме.

2

В настоящее время для буржуазной политической экономии характерно ослабление интереса к таким общим теоретическим проблемам, как, например, проблема стоимости, прибыли, земельной ренты. Обострение всех противоречий капитализма на современном этапе его общего кризиса заставило буржуазных экономистов признать наличие многих отрицательных черт в экономике капитализма. Правда, это признание отнюдь не означает признания преходящего характера капитализма. Наоборот, все буржуазные экономисты уверяют, что капитализм можно «вылечить» при помощи определенной государственной политики, поэтому свою задачу они видят в том, чтобы найти рецепты для этого лечения. Они вынуждены сосредоточить свое внимание на таких явлениях, как массовая безработица, экономические кризисы перепроизводства, инфляция, милитаризация народного хозяйства, которые ярче всего демонстрируют экономическую несостоятельность капитализма. «Дискуссии о стоимости, прибавочной стоимости, предельной полезности — вещах, которых нельзя увидеть в жизни, — меня не интересуют. Что меня интересует, так это факты, наблюдаемые повседневно», — пишет французский буржуазный экономист Фурастье[2]. Известный англий-

---

[1] *K. Marx.* «Capital», vol. 1, London, 1958, p. XIX.
[2] *J. Fourastié.* «Le progrès technique et l'évolution économique». Paris, 1952, p. 6.

ский буржуазный экономист Л. Роббинс, представитель так называемой лондонской школы политической экономии, считает, что вопрос о стоимости имеет лишь чисто теоретический интерес, дискуссии о стоимости он считает поисками абстрактной истины, не имеющими никакого значения для современности[1].

Такого рода взгляды весьма характерны для современных буржуазных экономистов. Здесь и во многих подобных высказываниях нельзя не заметить стремления буржуазных экономистов сосредоточить внимание на процессах, происходящих на поверхности капиталистического общества, и уклониться от анализа сущности наблюдаемых ими явлений. В этом ярко виден вульгарный характер современной буржуазной политической экономии. В стремлении буржуазных экономистов отказаться от анализа основных категорий политической экономии и заняться только явлениями, происходящими на поверхности капиталистического общества, проявляется вполне определенная тенденция, а именно, попытка затушевать тот факт, что современные потрясения капиталистической экономики коренятся в самом капиталистическом строе, в его экономических основах, что никакие «рецепты» экономистов не помогут «вылечить» капитализм.

Характерно, что все школы и направления современной буржуазной политической экономии, как бы ни были они различны по своим взглядам, едины в одном — все они отвергают трудовую теорию стоимости Маркса. «Трудовая теория стоимости мертва и похоронена!» — заявил один из наиболее откровенных апологетов американского капитализма Шумпетер[2]. Ему вторит другой американский буржуазный экономист Блауг, полагающий, что для решения большинства экономических проблем трудовая теория стоимости «безнадежно неудачна»[3].

Подобного рода высказывания типичны для современных буржуазных экономистов. Когда речь заходит

---

[1] См. предисловие Л. Роббинса в книге: *T. Majumdar*. «The Measurement of Utility». London, 1958, p. IX.

[2] *J. Schumpeter*. «Kapitalismus, Socialismus und Demokratie». Bern, 1946, S. 49.

[3] *M. Blaug*. «Ricardian Economics». New Haven, 1958, p. 235.

об экономической теории марксизма, в частности о марксовой теории стоимости, буржуазные экономисты, как правило, отделываются мимолетными, небрежными замечаниями, как будто достаточно заявить о «неудаче» трудовой теории стоимости, чтобы опровергнуть ее. Вместе с тем для многих буржуазных экономистов характерно злостное искажение трудовой теории стоимости. Они действуют весьма примитивно: пытаются приписать Марксу всякие нелепости, затем высмеивают эти собственные нелепости и заключают, что таким образом они «опровергли» Маркса. Показать это можно было бы на целом ряде примеров.

Весьма распространенной формой критики Маркса является упрек, что его трудовая теория стоимости якобы не связана с теорией цен и потому не определяет движение цен на рынке. Так, например, уже упоминавшийся выше Коул пишет: «Трудовая теория стоимости не является теорией определения рыночных цен»[1]. Другой английский буржуазный экономист Кэрью Хант полагает, что цены товаров на рынке никогда не совпадают со стоимостью, а потому не может и не должно быть вообще никакой теории стоимости. «В настоящее время, — пишет он, — экономисты считают, что понятие стоимости может быть сведено к текущим ценам, и поэтому не придают особого значения теории экономической стоимости, которая не может быть связана с ценами»[2]. Но если трудовая теория стоимости, согласно пониманию этих экономистов, не определяет рыночные цены и не объясняет их колебаний, то она является-де бесполезной конструкцией, чистой абстракцией и никому не нужна. Так «расправляются» подобного рода критики с трудовой теорией стоимости.

Но разве можно опровергнуть объективность закона стоимости указанием на то, что цены товаров, как правило, не совпадают с их стоимостью, отступают от нее в ту или иную сторону под влиянием многих постоянно меняющихся факторов, совокупность которых невозможно выразить в единой, раз навсегда данной фор-

---

[1] См. *Marx*. «Capital», vol. I. London, 1958, p. XXI.

[2] *Carew R. Hunt*. «The Theory and Practice of Communism». New York, 1958, p. 59.

муле? Ни в коем случае. И разве Маркс где-нибудь говорил о том, что рыночные цены не могут отклоняться от стоимости? Нет, не говорил. Напротив, он не только десятки раз подчеркивал обратное, но и научно доказал, почему и в силу каких именно факторов товарные цены на капиталистическом рынке отклоняются от стоимости в ту или другую сторону. Если проследить колебания цен за более или менее длительный период, то станет очевидно, что цены колеблются вокруг определенного уровня. Этим уровнем является стоимость товара. Трудовая теория стоимости как раз и ставит вопрос о том, чем же определяется сам этот уровень, вокруг которого колеблются цены в данный период. Именно посредством колебания цен закон стоимости стихийно регулирует распределение общественного труда и обмен товаров в капиталистическом обществе. Маркс показал, что в условиях анархии капиталистического производства осуществление закона стоимости — продажа товаров по стоимостям, соответствующим общественно необходимому количеству затраченного на их производство труда, — является тенденцией, пробивающей себе путь через тысячи случайностей. Маркс показал, что на рынке на рыночную цену товара оказывают влияние спрос и предложение, и общие условия рынка, и различного рода случайности. Но все вызываемые этими обстоятельствами отклонения не могут отменить закона стоимости.

«Возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел»[1]. Таким образом, те, кто упрекает трудовую теорию стоимости Маркса в том, что она не видит и не объясняет колебаний рыночных цен, показывают только, что они не поняли или не захотели понять этой теории.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 112.

Многие современные буржуазные экономисты усматривают «непригодность» трудовой теории стоимости Маркса в том, что он признает труд единственным источником стоимости. Они заявляют, что нельзя считать труд единственным источником стоимости, что труд в крайнем случае является лишь одним из источников стоимости и что существует еще целый ряд факторов, участвующих в образовании стоимости наряду с живым и прошлым трудом. В частности, Маркса упрекают в том, что он якобы не видит значения потребительной стоимости товара, не заметил всей важности «принципа редкости» товара как одного из источников стоимости.

Многие критики заявляют, что Маркс ошибался, абстрагируясь от потребительной стоимости товара. Так, американский буржуазный экономист Хани, автор книги по истории экономических учений, считает трудовую теорию стоимости «ошибочной, так как она абстрагируется от полезности»[1]. Ему вторит английский правый социалист Грей: «Маркс неправ, что он совершенно игнорирует элемент полезности»[2]. Этот упрек весьма распространен в современной буржуазной литературе. Теория предельной полезности, которая противопоставляется трудовой теории стоимости, вообще считает полезность единственным источником стоимости. Но об этой теории речь пойдет ниже, а пока попробуем разобраться, действительно ли Маркс игнорирует полезность товара и можно ли ее считать одним из источников стоимости.

Полезность товара, или, используя термин марксистской политической экономии, потребительная стоимость товара, т. е. его способность удовлетворять ту или иную человеческую потребность, является неотъемлемым свойством товара. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание общественного богатства. В условиях товарного, а следовательно, и капиталистического производства потребительная стоимость товара является носителем его стоимости, стоимость не может существовать без потребительной стоимости. «Быть потреби-

---

[1] *L. Haney*. «The History of Economic Thought». New York, 1955, p. 492.

[2] *Gray*. «The Socialist Tradition». London — New York, 1947, p. 312.

тельной стоимостью представляется необходимым условием для товара... Непосредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, *меновая стоимость*»[1]. Маркс неоднократно подчеркивал, что товар лишь постольку является товаром и имеет стоимость, поскольку он является потребительной стоимостью. Никто не будет покупать совершенно бесполезные вещи. Так что упрекать Маркса в том, что он не замечает значения потребительной стоимости товара, значит просто извращать его точку зрения.

Но можно ли считать потребительную стоимость, или полезность товара, источником или одним из источников стоимости? Как потребительные стоимости все товары различны между собой, они удовлетворяют самые различные человеческие потребности. Как же можно сравнивать между собой различные вещи? Например, хлеб и сборник стихов нужны человеку, но в этой их полезности нет ничего общего, они удовлетворяют совершенно различные потребности человека. Что же здесь может быть критерием сравнения?

К тому же товар для своего владельца не является потребительной стоимостью, для него он представляет лишь меновую стоимость, средство обмена. Для товаропроизводителя-капиталиста безразлично, что́ производить, ему важно только, чтобы его товары находили сбыт на рынке и приносили прибыль. Поэтому товар, брошенный на рынок, имеет потребительную стоимость лишь для покупателя, поскольку покупатель ищет на рынке вполне определенные предметы, удовлетворяющие вполне определенные потребности. Как же потребительная стоимость, которая для товаровладельца безразлична, может быть источником стоимости?

Единственным общим качеством, которое роднит между собой все товары, является то, что все они являются результатом человеческого труда. Именно поэтому самые разнообразные товары, обладающие самыми разнообразными качествами и удовлетворяющие самые различные человеческие потребности, могут при-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 14.

равниваться друг к другу в процессе обмена. Никогда нельзя ответить на вопрос, что дороже — килограмм сахару или килограмм какого-либо жира, основываясь лишь на их полезности. И сахар и жиры в обычных условиях одинаково необходимы человеку, но стоимости их тем не менее, как правило, различны, поскольку различны количества общественно необходимого труда, затрачиваемого на их производство.

В работе «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс писал: допустим, в хлебе нас интересуют его свойства лишь как продукта питания. Если бы благодаря какому-нибудь изобретению труд, затраченный на производство хлеба, сократился на $^{19}/_{20}$, «...то коврига хлеба приносила бы ту же самую пользу, что и раньше. Если бы коврига падала готовой с неба, то она не утратила бы ни одного атома своей потребительной стоимости» [1]. Это относится и к любой другой потребительной стоимости. Поэтому очевидно, что считать потребительную стоимость источником стоимости совершенно неверно.

Весьма распространенным в буржуазной критике трудовой теории стоимости является положение о том, что Маркс якобы не замечает важности некоего «принципа редкости». Так, известный американский эксперт по «русским делам» Гарри Шварц в предисловии к сборнику «Маркс о политической экономии» объявляет трудовую теорию стоимости в целом одним из крупных «недостатков» марксистской политической экономии. Положение о том, что труд является единственным источником стоимости, он считает неверным, поскольку Маркс игнорирует-де «фактор редкости» [2]. Американский экономист Холм тоже в игнорировании фактора редкости видит недостаток трудовой теории стоимости. «Есть другие качества (кроме труда. — *Л. М.*), которые являются общими для товаров: например, все они являются *редкими* или все они являются продуктом редких факторов производства» [3]. Учет этих «качеств», по его мнению,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 22.
[2] См. «Marx on Economics». New York, 1961, p. XXI.
[3] *Halm*. «Economic systems». New York, 1960, p. 124.

дал бы возможность расширить характеристику товаров и включить в них такие предметы, стоимость которых явно не определяется трудом, как, например, землю или предметы искусства. Он считает, что если относительную редкость товара рассматривать как фактор, определяющий его стоимость, то трудовая теория стоимости становится излишней [1]. Собственно, именно на доказательство этого и направлены все усилия буржуазных экономистов.

Подобного рода критики рассчитывают в первую очередь на незнание теории Маркса.

Маркс никогда не игнорировал так называемого «фактора редкости». Например, он писал: «*Одним и тем же* трудом можно добыть больше или меньше различных металлов в зависимости от сравнительно более редких или более частых залежей этих металлов в земной коре. *Один и тот же* труд может овеществиться в урожайный год в двух бушелях пшеницы, а в неурожайный год, возможно, только в одном бушеле пшеницы. Здесь кажется, будто редкость или обилие, как естественные условия, определяют меновую стоимость, потому что они определяют производительную силу особого реального труда, связанную с естественными условиями» [2]. Уже этого достаточно для опровержения лживых утверждений новоявленных критиков, будто Маркс игнорировал редкость товаров. Но здесь встает другой вопрос: можно ли считать редкость того или иного товара источником его стоимости? Те, кто это делает, совершенно не поняли учение Маркса о двойственном характере труда, воплощенного в товаре. Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, что труд является конкретным, полезным трудом, поскольку он создает потребительные стоимости. Источником же стоимости труд является лишь в своем качестве абстрактного труда, как затрата человеческой энергии. «Относительно труда, поскольку он производит потребительные стоимости, ошибочно утверждать, что он есть *единственный* источник произведенного им, а именно — вещественного богатства» [3]. Если рассмат-

[1] См. *Halm*. «Economic systems». New York, 1960, стр. 127.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 24.
[3] Там же, стр. 22.

ривать труд как целесообразную полезную деятельность, то игнорировать «фактор редкости», участие природы в этом труде нельзя, и Маркс нигде и не делает этого. В I томе «Капитала» он писал: «Труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать»[1]. Но, таким образом, труд в своем качестве конкретного, полезного труда и не является источником стоимости, в этом своем качестве он создает только потребительные стоимости. Источником же стоимости товара является абстрактный труд, представляющий лишь специфически общественную форму труда и потому не имеющий никакого отношения к редкости или обилию того или иного товара.

Непонимание или игнорирование двойственного характера труда, воплощенного в товаре, и приводит к вышеуказанной «критике» трудовой теории стоимости. О подобного рода буржуазных экономистах Маркс писал: «До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещная видимость общественных определений труда, вводит в заблуждение некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе»[2]. Эта характеристика Маркса направлена не в бровь, а в глаз нынешним «открывателям истин» (хотя это было сказано почти 100 лет назад).

Подобный же характер носит критика по адресу трудовой теории стоимости Маркса со стороны известного теоретика лейборизма Джона Стрэчи. В своей нашумевшей книге «Современный капитализм» он полностью отвергает трудовую теорию стоимости, утверждая, что она якобы не объясняет фактов современной действительности, абсолютно устарела и продолжает существо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 52.
[2] Там же, стр. 92.

вать лишь потому, что ее как догму преподают одной трети человечества[1]. При этом он заявляет, что «наиболее коренные недоразумения, от которых испытывают затруднения современные коммунисты», проистекают именно из «слепой приверженности» коммунистов к их теории стоимости[2].

В чем же конкретно он видит «непригодность» трудовой теории стоимости? Прежде всего, говорит он, в том, что если час человеческого общественно необходимого рабочего времени брать за единицу стоимости, то нельзя отразить изменения в производительности труда. Общество стало намного богаче, так как производительность каждого часа труда увеличилась, но количество часов труда даже уменьшилось. А раз нет возможности выразить рост производительности труда и национального богатства в человеко-часах, то, по его мнению, и трудовая теория стоимости не годится.

Но, во-первых, Маркс никогда и нигде не говорил, что стоимость можно непосредственно выражать в количестве часов рабочего времени. Наоборот, он неоднократно критиковал теории изобретателей так называемых «рабочих денег», предлагавших разные утопические рецепты прямого измерения затрат труда при товарно-капиталистическом производстве. Он указывал, что в условиях развитого товарного производства продукты труда необходимо принимают форму товара, а потому и рабочее время не может служить непосредственной мерой стоимости[3].

Что же касается вопроса об измерении производительности труда, то Стрэчи здесь по меньшей мере не понял учение Маркса о двойственном характере труда. Производительность труда — это характеристика не абстрактного труда, создающего стоимость, а конкретного труда, создающего потребительные стоимости. И исчисление роста производительности труда можно провести лишь на основе трудовой теории стоимости. Ибо рост производительности труда означает, что теперь

---

[1] См. *Strachey*. «Contemporary Capitalism». London, 1957, p. 46.

[2] См. там же, стр. 47.

[3] См. об этом *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 13, стр. 67—69; т. 23, стр. 104.

в единицу рабочего времени создается больше товаров, чем раньше, что поэтому стоимость каждого отдельного товара может и должна понизиться. Рост производительности труда приводит к росту национального богатства. Никакого противоречия с трудовой теорией стоимости здесь нет, ибо и национальное богатство состоит из многих конкретных потребительных стоимостей — как предметов личного потребления, так и средств производства, а его рост означает прежде всего увеличение их производства. Тут же следует отметить, что при капитализме рост национального богатства сопровождается ухудшением положения трудящихся, рост производительности труда не влечет за собой роста народного потребления.

Упомянутый выше Гарри Шварц объявляет трудовую теорию стоимости Маркса «несостоятельной» потому, что она не дает возможности «создать исчисление трудовых стоимостей путем сведения всех типов квалифицированного и обученного труда к простому кратному обычного человеческого труда»[1]. Но Маркс никогда и не ставил задачи найти какое-то уравнение, по которому можно было бы всегда сводить сложный труд к более простому. Исследование Маркса показывает, что сложный, квалифицированный труд есть просто возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд. Конечно, невозможно в каждом конкретном случае указать, скольким часам работы неквалифицированного рабочего равен рабочий час высококвалифицированного рабочего или инженера. Но поскольку продукты их труда в процессе обмена приравниваются друг к другу, то и сложный труд сводится к простому. «Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда... Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем»[2].

---

[1] «Marx on Economics». New York, 1961, p. XXI.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 53.

Надо сказать, что Шварц не одинок в этой своей критике. Подобного же рода «аргумент» используют и некоторые другие буржуазные экономисты. Так, например, американский экономист Холм заявляет, что «при сведении квалифицированного труда к простому Маркс совершает порочный круг» [1], поскольку согласно его пониманию у Маркса меновая стоимость определяется количеством абстрактного труда, а «при сведении различных видов труда к абстрактному Маркс просто ссылается на общественный процесс и определяет меновую стоимость различных видов труда» [2]. Другими словами, Холм считает абстрактным трудом только простой труд, а сложный, квалифицированный труд, по его мнению, абстрактным не является.

Но Маркс никогда и нигде не говорил ничего похожего. По Марксу, труд как источник стоимости всегда является абстрактным трудом независимо от того, простой это или сложный труд. Абстрактный труд — это труд, рассматриваемый независимо от его полезного характера, просто как расходование человеческой рабочей силы, производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов и т. д. Естественно, что расходоваться может как простая, так и квалифицированная рабочая сила. Очевидно, что и подобного рода критика основана на сознательной фальсификации теории Маркса и не может ее опровергнуть.

Современные буржуазные вульгаризаторы часто просто копируют идеи своих коллег XIX века. Общим местом для многих современных буржуазных экономистов стали положения, подобные следующим: «Неверно всю стоимость сводить лишь к труду. Здесь всегда должен быть элемент сбережения и ожидания» [3]. Такие высказывания по существу повторяют теорию «воздержания», распространявшуюся вульгарными экономистами в XIX веке. Например, известный Сениор объявил источником стоимости «воздержание» капиталиста от

---

[1] *Halm.* «Economic systems». New York, 1960, p. 126.

[2] Там же.

[3] *L. Haney.* «The History of Economic Thought». New York, 1955, p. 492.

потребления приходящегося на его долю продукта. А поскольку капиталист приносит какие-то «жертвы», «воздерживаясь» от потребления, организуя и развивая производство, то за это ему и полагается вознаграждение в виде прибыли. Поэтому-де никакой эксплуатации рабочих нет, и рабочие и капиталисты получают «законно» причитающиеся им доли общественного продукта: первые — за труд, вложенный ими в производство, вторые — за те жертвы, которые они принесли, откладывая потребление продуктов.

Высмеивая эту теорию, Маркс в I томе «Капитала» писал: «Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста. Что хлеб не только едят, но и сеют, этим мы обязаны воздержанию капиталиста! Если вино выдерживают известное время, чтобы оно перебродило, то опять-таки лишь благодаря воздержанию капиталиста!.. Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, составляет тайну, строго сохраняемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста» [1]. Как всем известно, рост накопления капитала сопровождается ростом личного потребления капиталистов. Вместе с увеличением числа рабочих и усилением их эксплуатации растет масса прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистами, растет и фонд их индивидуального потребления. Накопление огромных масс капитала в руках капиталистов наряду с ростом их расходов на потребление различных благ стали теперь совершенно очевидными. Каким образом рост личного потребления и расточительства капиталистов согласуется с их «воздержанием», это вряд ли сможет объяснить хоть один буржуазный экономист.

Всю эту «новую теорию» опрокидывает один неопровержимый факт: треть человечества обходится сейчас без всяких «жертв» со стороны капиталистов. И именно поэтому производство и личное потребление всех трудящихся в Советском Союзе и в других странах социализма возрастают такими быстрыми темпами, которые

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 610—611.

недостижимы даже для самых высокоразвитых капиталистических стран.

Буржуазные экономисты вообще превозносят роль капиталиста, когда речь заходит о его участии в создании стоимости. Так, западногерманский буржуазный экономист Крузе, критикуя трудовую теорию стоимости, в качестве ее «недостатка» отмечает сведение стоимости только к труду. По его мнению, «...стоимость зависит от диспозиции предпринимателей. Целесообразная комбинация труда и капитала является условием создания стоимости. Выбор времени для реализации стоимости на рынке определяет в то же время величину «трудовой стоимости»»[1]. Автор явно путает здесь сразу несколько вопросов. Можно ли согласиться с тем, что «целесообразная комбинация труда и капитала является условием создания стоимости»? Известно, что стоимость товара определяется не индивидуальным рабочим временем, затраченным на производство товара, а количеством общественно необходимого труда, т. е. труда, затраченного при средних для данного общества условиях производства. Если, например, на каком-нибудь предприятии будет применено изобретение, намно́го сокращающее рабочее время, необходимое для производства товара, и это изобретение еще не нашло широкого распространения, то товары, произведенные на этом предприятии, будут иметь индивидуальную стоимость меньшую, чем общественно средняя. Но эта индивидуальная стоимость определяется опять-таки не лучшей «комбинацией труда и капитала», а количеством затрат труда. Лучшая организация производственного процесса, в частности применение изобретений, приводит к сокращению рабочего времени, необходимого для производства отдельного товара, следовательно, к уменьшению индивидуальной стоимости, а вследствие этого к возможности получения избыточной или добавочной прибавочной стоимости. В погоне за избыточной прибавочной стоимостью капиталисты улучшают организацию и методы производства, применяют новые машины и т. п. По мере того как эти методы получают широкое распро-

[1] *Kruse.* «Geschichte der Volkswirtschaftlichen Lehre», S. 139.

странение и становятся средними для данного общества, стоимость товара понижается. Но это уменьшение стоимости связано только с тем, что уменьшается количество общественно необходимого труда, затраченного на производство товара.

Надо сказать, что это приписывание средствам производства и организации труда каких-то особых свойств было характерно и для буржуазной вульгарной политической экономии XIX века, для таких ее представителей, как Мак-Куллох, Сениор и др. Критикуя подобные взгляды, Маркс замечал: «Практические деятели капиталистического производства и их идеологи-пустомели совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антагонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время»[1]. Стремление скрыть истинный источник эксплуатации рабочих, попытка доказать, что труд не является единственным источником стоимости, характерны как для вульгарной политэкономии XIX века, так и для современной буржуазной политической экономии.

Неверным является и положение Крузе о том, что «выбор времени для реализации стоимости на рынке определяет величину «трудовой стоимости»». Действительно, как уже было сказано, цены на капиталистическом рынке колеблются в зависимости от условий производства и рынка. Конечно, может так получиться, что какой-то капиталист удачно выбрал момент, когда товара, который он предлагает, на рынке оказалось мало, и, продав товар по повышенной цене, капиталист получил добавочную прибыль. Но значит ли это, что этот выбор момента для продажи товара определяет его стоимость? Нет, конечно, это влияет лишь на рыночную цену товара, но не на его стоимость. Все эти отклонения рыночных цен от стоимости, происходящие в силу особых условий производства и рынка, не отменяют положения о том, что стоимость определяется общественно необходимым трудом.

Но основным доводом, который Крузе и многие другие нынешние буржуазные теоретики приводят для

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 622.

«опровержения» трудовой теории стоимости, является то, что будто бы «трудовая теория стоимости не видит, что наряду с трудом существует самостоятельный элемент производства — капитал»[1]. Возрождая старую апологетическую теорию «услуг», современные буржуазные экономисты пытаются доказать, что сам капитал в его вещной форме производителен. Нетрудовые доходы эксплуататоров они выдают за причитающиеся им части стоимости продукта, создаваемые якобы совокупным действием различных факторов производства. Подобного рода взгляды являются не чем иным, как повторением старой, давно уже раскритикованной теории «трех факторов производства» Сэя, согласно которой капитал, труд и земля равным образом участвуют в создании стоимости. Так, например, известный американский буржуазный экономист Баульдинг в книге «Экономический анализ» подвергает критике экономическую теорию Маркса. Особенно ему не нравится марксова теория прибыли. В своей критике Баульдинг попросту повторяет старые теории о роли капиталиста в производстве. Критикуя трудовую теорию стоимости, он пишет: «Труд сам по себе является аморфной массой, которая ничего не создает, он должен быть организован в процессе производства»[2]. Этим организатором труда в процессе производства, согласно Баульдингу, является капиталист. Поэтому прибыль капиталиста является лишь вознаграждением за его труд по организации производства. Нелепость этой «теории» особенно ярко видна на примере крупных акционерных капиталистических предприятий. На этих предприятиях функции капиталистов по организации и управлению производством, как правило, полностью перешли к наемной администрации, но прибыль капиталистов от этого не исчезла. Предприниматели-акционеры продолжают получать ее, хотя уже не имеют никакого отношения к непосредственной организации производства.

Представители католической церкви также считают капитал одним из источников стоимости. Они полагают,

---

[1] *Kruse.* «Geschichte der Volkswirtschaftlichen Lehre», S. 138.
[2] *Boulding.* «Economic Analysis». 3d ed., p. 516.

что стоимость создается только тем трудом, который затрачивается «на собственную ответственность и за собственный счет»[1], т. е. при условии, что рабочий пользуется принадлежащими ему самому средствами производства. А раз рабочий не владеет средствами производства, значит он и не создает новой стоимости, а лишь изменяет форму предмета. Новая стоимость создается лишь в результате соединения двух факторов — труда и средств производства, или капитала. Отсюда: прибыль капиталиста не является результатом вычета из продукта труда рабочего, а наоборот, это такой же источник дохода, как и заработная плата рабочего. Здесь мы снова видим повторение старых вульгарных теорий, которые были раскритикованы Марксом в «Капитале» и подвергались критике со стороны марксистов в более поздний период.

Вульгарной теории «трех факторов производства» придерживаются сейчас многие буржуазные экономисты. Представители неолиберального направления в западногерманской политической экономии Ойкен, Рёпке, Рюстов и др., «модернизируя» эту старую теорию, вводят еще и четвертый фактор, якобы участвующий в производстве, — предпринимательство. Таким образом они пытаются объяснить не только прибыль капиталиста, но и огромные доходы управляющих акционерными предприятиями, многие из которых по существу сами являются капиталистами. Характерно, что «развитие» этой теории идет по пути ее дальнейшей вульгаризации. Если раньше к факторам производства причислялись труд, средства производства, земля, которые являются условиями создания потребительной стоимости и стоимости, то вводимые теперь новые «факторы» не имеют уже никакого отношения к созданию потребительной стоимости или стоимости.

Мы видим, таким образом, что основная линия борьбы современных буржуазных экономистов против трудовой теории стоимости состоит в том, чтобы всячески умалить значение труда как единственного источ-

---

[1] Цитируется по книге: *О. Рейнхольд.* «Свободное хозяйство?». М., 1961, стр. 75.

ника стоимости, низвести труд до роли второстепенного элемента, фигурирующего лишь наряду с другими факторами. В этой своей борьбе современные вульгаризаторы слепо копируют идеи вульгарной буржуазной политической экономии XIX века. Но все попытки подобного рода обречены на неудачу. Маркс неопровержимо доказал, что труд является единственным источником стоимости, что приписывание свойства быть источником стоимости каким-либо другим общественным или естественным факторам не соответствует реальной действительности и несостоятельно в научном отношении.

3

Современные буржуазные экономисты усиленно пытаются доказать, что Маркс в конце концов сам отказался от трудовой теории стоимости и перешел на позиции вульгарной теории издержек производства. Так, английская левая кейнсианка Дж. Робинсон заявляет: «Ничего существенного в марксовой теории не основано на трудовой теории стоимости» [1]. Она полагает, что дальнейшее развитие теории Маркса привело его к фактическому отказу от трудовой теории стоимости: «Согласно собственному доказательству Маркса трудовая теория стоимости не может объяснить теорию цен» [2]. По ее мнению, теорию стоимости, изложенную в III томе «Капитала», в какой-то степени еще можно примирить с действительностью (разумеется, если ее «немножечко» подправить с точки зрения «достижений» современной буржуазной политической экономии), но трудовая теория стоимости, изложенная в I томе «Капитала», по ее мнению, является «чистым догматизмом». Ей вторит в этом американский буржуазный экономист Холм, который объявляет трудовую теорию стоимости «несостоятельной» и доказывает это тем, что... «сам Маркс был вынужден в конце от нее отказаться» [3]. Речь идет здесь о пресловутом «противоречии» между I и III томами

---

[1] *J. Robinson.* «An Essay on Marxian Economics». London, 1947, p. 23.

[2] Там же, стр. 17.

[3] *Halm.* «Economic systems». New York, 1960, p. 121.

«Капитала». Подобные попытки показывают только, что эти экономисты совсем неоригинальны. Более пятидесяти лет тому назад вульгарные буржуазные экономисты также кричали о «противоречии» между I и III томами «Капитала», заявляя, что Маркс якобы потому и не опубликовал III том «Капитала», что не смог разрешить противоречия между трудовой теорией стоимости и фактом равенства прибылей на равновеликие капиталы во всех отраслях производства. Энгельс в предисловии к III тому «Капитала», который он подготовил к печати и издал в 1894 г., уже после смерти Маркса, дал прекрасную отповедь подобного рода критикам. В точном соответствии с теорией Маркса он убедительно и просто показал, что закон цен производства и средней прибыли является лишь модификацией закона стоимости в условиях развитого капиталистического хозяйства, что действие закона цен производства ни в коей мере не означает прекращения действия закона стоимости.

Характеризуя значение теории средней прибыли и цен производства, Маркс писал: «Мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» [1]. Вскрыв внутренний механизм капиталистической конкуренции, Маркс научно, математически точно доказал и необходимость объединения всего рабочего класса для защиты своих прав, для ликвидации строя эксплуатации. Признать это буржуазные экономисты, не изменяя своему классу, никак не могут. Поэтому их попытки доказать, будто бы Маркс сам отказался от трудовой теории стоимости, прежде всего представляют собой чистейший апологетизм капитализма.

Стремясь опровергнуть марксову теорию стоимости, некоторые буржуазные экономисты доказывают также, что Маркс никакой своей трудовой теории стоимости не создал, а просто заимствовал ее у классиков буржуазной политической экономии, в особенности у Рикардо. Вынужденные признать, что последовательное развитие

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 25, ч. I, стр. 217.

взглядов классической буржуазной политической экономии неизбежно приводит к экономической теории Маркса, буржуазные экономисты отрекаются сейчас от наследия своих великих предшественников, классиков буржуазной политической экономии, и стараются извратить их теории. Так, известный шведский буржуазный экономист Мюрдаль отрицает трудовую теорию стоимости Рикардо как «метафизическую». Трудовой теории стоимости он противопоставляет субъективную теорию, согласно которой «не существует объективной стоимости, а есть только ее субъективные оценки»[1]. Ясно, что подобный подход к вопросу о стоимости означает отказ от изучения объективной действительности.

Как известно, в трудовой теории стоимости Смита и Рикардо имелись некоторые вульгарные моменты. Так, например, Смит допускал возможность влияния на величину стоимости других факторов, кроме труда, например заработной платы. Вульгарные экономисты XIX в. возводили в абсолют вульгарные элементы, которые имелись в теории классиков, эту же линию продолжают и современные буржуазные экономисты. В частности, вульгарная теория так называемой инфляционной спирали «заработная плата — цена», о которой речь пойдет ниже, опирается и на указанную ошибку Смита.

Классическая буржуазная политическая экономия явилась одним из важных источников марксизма. В частности, трудовая теория стоимости, разработанная классиками, легла в основу теории стоимости Маркса. Это хорошо известно. Но можно ли считать трудовую теорию стоимости Маркса равнозначной трудовой теории стоимости классиков? Нет, нельзя. Маркс критически переработал трудовую теорию стоимости классиков, очистил ее от вульгарных элементов, от всех внутренних противоречий и слабостей, которые были присущи этой теории в силу ограниченности буржуазного кругозора ее родоначальников. Последовательно развив ее, Маркс сделал революционные выводы. Экономисты-классики и Маркс стояли на противоположных классовых позициях: классики — на позициях буржуа-

---

[1] См. «Вопросы экономики», 1957, № 6.

зии, хотя и прогрессивной в то время, Маркс — на позициях пролетариата. Это и объясняет принципиальные различия конечных результатов предпринятого ими научного анализа одного и того же способа производства.

Провозглашение труда источником и мерой стоимости означало вершину буржуазной экономической мысли. На этом развитие буржуазных теорий стоимости остановилось, начался их упадок, обусловленный ростом и обострением противоречий между рабочим классом и буржуазией. Но то, что и сама буржуазия считала раньше достижением буржуазной научной мысли, обернулось теперь против нее. В 30-х годах XIX века «пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии»[1]. Теория трудовой стоимости у последователей Рикардо, таких социалистов-утопистов, как У. Томпсон, Дж. Грей, Дж. Брей, Т. Годскин, превратилась в орудие критики капитализма. Поэтому по мере дальнейшего развития капитализма, а вместе с тем и развития его противоречий, буржуазная политическая экономия все дальше и дальше отходила от трудовой теории стоимости. Представление о значении классической школы буржуазной политической экономии настолько еще довлело над буржуазными экономистами, что английский буржуазный экономист А. Маршалл, провозгласивший в конце XIX века «новую» теорию стоимости, считал ее или, вернее, пытался представить ее дальнейшим развитием теории Рикардо. Современные буржуазные экономисты уже настолько далеки от научности, что отказываются не только от теории Маркса, но и от теории Рикардо.

4

Основная часть современных буржуазных экономистов и примыкающих к ним правосоциалистических теоретиков противопоставляет марксовой теории стоимости свои собственные теории стоимости. При анализе этих теорий оказывается, однако, что буквально все они являются заимствованными у предшественников — у вуль-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 17.

гарных буржуазных политэкономов XIX века. Буржуазная политическая экономия давно уже закончила свое движение вперед, и в каждом конкретном случае можно безошибочно определить, какая именно из прежних вульгарных теорий лежит в основе той или иной «новейшей» теории.

Среди современных буржуазных экономистов имеют хождение такие теории стоимости, как теория «предельной полезности» и «предельной производительности», теории спроса и предложения, издержек производства, трех факторов производства и т. п. Эти теории несколько меняют свой вид, буржуазные экономисты пытаются как-то модернизировать их, создать видимость их соответствия действительности. Фактически за этим скрывается лишь попытка приспособить эти старые теории для апологии современного капиталистического хозяйства, для обоснования нападок даже на самые умеренные буржуазные реформы.

Главное место среди всех этих теорий в современной буржуазной экономической литературе занимают теории «предельной полезности» и «предельной производительности».

Теория «предельной полезности», как известно, была выдвинута и «обоснована» в 70-х годах XIX века Менгером, Бем-Баверком в Австрии, Джевонсом в Англии, Вальрасом в Швейцарии. С тех пор она получила весьма широкое распространение. В настоящее время в американской и в еще большей степени в английской буржуазной политэкономии теория предельной полезности приобрела силу своего рода догмы, которой приписывается неоспоримый характер. На позициях этой теории стоял Кейнс, сейчас ее пропагандируют многие кейнсианцы — Хансен, Кальдор, Циммерман, Клейн и др. Придерживаются этой теории и представители так называемой неоавстрийской школы — Хайек, Шумпетер, Роббинс. Нужно тут же отметить, что кейнсианцы и современная австрийская школа представляют два противоположных по видимости направления в современной буржуазной политэкономии: первые — сторонники «регулируемого капитализма», вторые — защитники «свободного предпринимательства». Но это не мешает им

в вопросе о теории стоимости придерживаться одинаковых взглядов.

Немецко-американский буржуазный экономист Шумпетер объявил теорию предельной полезности основным принципом современной науки[1]. В большом коллективном труде французских экономистов «Трактат политической экономии» под редакцией Бодена теория предельной полезности восхваляется как «краеугольный камень», «сезам, отворись» всех великих проблем, выдвинутых экономической деятельностью человека[2]. Во Франции маржинализм (т. е. теория предельной полезности) является сейчас одним из основных направлений буржуазной политэкономии. Теория предельной полезности, имеющая сейчас хождение, конечно, претерпела некоторые изменения по сравнению с той теорией, которая была создана в 70-е годы XIX века. Но рассмотрение этих изменений показывает, что отличие это не в главном, а лишь в деталях. Ничего принципиально нового современные буржуазные экономисты в эту теорию не внесли.

В чем же состоит суть этой теории? Главным в теории предельной полезности является ненаучное, вульгарное понятие стоимости. Согласно этой теории цены товаров определяются не чем-то объективным, лежащим в основе обмена товаров, а субъективными оценками продавцов и покупателей. Приверженцы этой теории считают, что стоимость товара измеряется его полезностью, причем полезностью для данного субъекта. «Ценностью называется то значение, которое представляет материальное благо или комплекс материальных благ с точки зрения благополучия субъекта»[3], — так определял стоимость Бем-Баверк. А современный английский буржуазный экономист, лейборист Грей понимает стоимость следую-

---

[1] *J. Schumpeter.* «History of Economic Analysis». New York, 1954, p. 868.

[2] «Traité d'économie politique». Paris, Tome 1, 1951, p. 130. Цитируется по книге: *И. Г. Блюмин.* «Кризис современной буржуазной политической экономии». М., 1959, стр. 126—127.

[3] *Бем-Баверк.* «Основы теории ценности хозяйственных благ». Л., 1929, стр. 20.

щим образом: «Вещи имеют стоимость, пропорциональную желаниям людей, владеющих этими вещами» [1].

Подобные определения стоимости весьма напоминают следующее: «Большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа» [2]. А ведь это было написано в Англии более 250 лет тому назад. Подобным же образом объяснял стоимость товара французский вульгарный экономист XIX века Сэй. В свое время эту теорию убедительно критиковали представители классической политэкономии. Так, А. Смит указывал, что наиболее полезные предметы имеют зачастую очень низкую стоимость, а такие жизненно необходимые предметы, как, например, воздух, и вовсе не имеют стоимости. А крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии Д. Рикардо, критикуя Сэя, спрашивал: если за фунт золота дают в 2000 раз больше, чем за фунт железа, значит ли это, что полезность золота в 2000 раз больше полезности железа? [3] На этот вопрос Сэй ответить не смог. Не могут на него ответить и нынешние представители теории предельной полезности.

Мы видим, таким образом, что сама основа теории предельной полезности возникла у вульгарных буржуазных экономистов по крайней мере в начале XIX века. Уже поэтому говорить о каком-то важном вкладе, который якобы позднейшие сторонники и авторы теории предельной полезности внесли в экономическую науку, совершенно неправомерно.

Далее, согласно теории предельной полезности существуют два вида ценности — субъективная и объективная [4]. Субъективная ценность — это ценность определенных

---

[1] *Gray.* «The Socialist Tradition», p. 311.

[2] *N. Barbon.* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter». London, 1696, p. 3. Цитируется по I тому «Капитала». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 23, стр. 43.

[3] Ср. *Д. Рикардо.* Соч., т. I, стр. 233.

[4] Вульгарные буржуазные экономисты стараются не пользоваться терминами марксистской политэкономии: вместо термина «стоимость» представители теории предельной полезности употребляют термин «ценность», вместо товара они говорят о благе, уже самой терминологией выражая субъективный характер своей теории. Точно так же у них фигурируют не капиталист, рабочий или земель-

товаров для данного субъекта, объективная ценность — это рыночная цена товара. Определяющую роль играет субъективная ценность. Ее основу составляет полезность товара. Эта субъективная полезность, или ценность, имеет градацию, зависящую от степени неотложности потребностей субъекта. Чем больше нужно то или иное благо хозяйствующему субъекту, тем больше он согласен за него заплатить. Ценность благ обусловлена их предельной полезностью, т. е. полезностью последней единицы товара, удовлетворяющей наименее неотложную потребность субъекта при данной величине запаса товаров.

Таким образом, по мнению представителей теории предельной полезности, товар не имеет своей внутренней стоимости, он получает ее лишь во время обмена в зависимости от индивидуальных оценок покупателей. «Ценность, — писал Менгер, — не есть нечто присущее благам, не свойство их, но также и не самостоятельная, не сама по себе существующая вещь. Ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и потому вне их сознания не существует» [1]. Субъективная ценность, следовательно, сводится лишь к суждению, которое хозяйствующие субъекты имеют о значении блага, и вообще не существует вне сознания людей.

Напротив, категория объективной ценности предназначена для объяснения того факта, почему одинаковые товары продаются на рынке по одинаковым ценам, несмотря на их различную субъективную ценность, или полезность. Эта объективная ценность является результатом столкновения субъективных ценностей покупателей и продавцов. Субъективная ценность, или оценка блага покупателем, составляет высшую границу цены, выше которой покупатель платить уже не в силах. Субъективная оценка товара продавцом — это низшая граница цены, ниже которой товар не может быть про-

---

ный собственник, а покупатели и продавцы, которые объединены общим названием — «хозяйствующие субъекты», и т. д.

[1] *Менгер*. «Основания политической экономии». Перевод с немецкого. Одесса, 1903, стр. 85.

дан. Объективная ценность возникает, следовательно, также лишь во время обмена. Как видно, введение категории объективной ценности не сделало теорию предельной полезности более объективной.

В отличие от «классиков» теории предельной полезности современный швейцарский буржуазный экономист Бёлер признает категорию «хозяйственной стоимости, которая в общественном обращении выступает как цена, заработная плата, процент, вексельный курс и курс акций»[1]. Признавая эти категории объективно существующими, он в то же время полагает, что они существуют лишь для индивидов и «являются результатом субъективной оценки со стороны всех участников и непрерывно изменяются и обновляются ими в соответствии с изменившейся конъюнктурой. Различные формы цены являются, таким образом, проекциями внутренних оценок на внешние объекты на основе определенных внутренних и внешних фактов»[2]. Как видно, теория предельной полезности не далеко ушла в своем развитии за эти 70 лет.

Коренной порок теории предельной полезности заключается в отождествлении стоимости с потребительной стоимостью. Товар является единством противоположностей — стоимости и потребительной стоимости. Понятие стоимости как овеществленного труда — это как раз то, против чего всеми силами борется буржуазная апологетика, так как это приводит к теории эксплуатации, к критике капитализма. Остается, следовательно, потребительная стоимость, полезность товара. За эту-то сторону и ухватились приверженцы теории предельной полезности.

В теории предельной полезности стоимость сведена фактически к потребительной стоимости и измеряется ею. Но еще почти 100 лет тому назад Маркс писал: «Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потре-

---

[1] *Böhler.* «Nationalökonomie». Zürich, 1957, S. 53.
[2] Там же.

бительной стоимости»[1]. И это положение продолжает оставаться справедливым и сейчас. Полезность, которая у различных товаров различна, не может быть мерой их стоимости. Потребительные стоимости разнородных товаров качественно различны, а потому и количественно несравнимы. Уже Рикардо понимал это, говоря: «Полезность не является мерой меновой стоимости, хотя она является необходимой для этой последней»[2].

Теория предельной полезности, отождествляя стоимость товара с его потребительной стоимостью, полезностью, пытается доказать, что товар не заключает в себе никаких противоречий между потребительной стоимостью и стоимостью, а стало быть, неверны и все те выводы о противоречивом, преходящем характере капитализма, которые с такой неизбежностью следуют из марксистского анализа товара. «Между меновой стоимостью и стоимостью нет конфликта,.. потребитель устанавливает отношение потребительной стоимости предельной единицы товара к его цене, одинаковой для всех товаров»[3], — пишет американский буржуазный экономист Коивисто. Тем самым он выдает главную цель теории предельной полезности — затушевать противоречия капитализма, таящиеся в товаре и являющиеся зародышем всех противоречий капиталистического общества.

Но недостаток теории предельной полезности не только в этом отождествлении стоимости с потребительной стоимостью. Сторонники этой теории даже не ставят перед собой вопрос, откуда появляются на рынке товары, весь экономический процесс для них заключается лишь в оценке индивидуальными потребителями индивидуальных полезных товаров. Для сторонников этой теории производство как экономический процесс не существует, они видят лишь обмен. Реакционная суть теории предельной полезности совершенно правильно подмечена английским марксистом Итоном. «Отличительная черта субъективных теорий стоимости

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 23, стр. 46.
[2] *Д. Рикардо*. Соч., т. 1, М., 1955, стр. 33.
[3] *W. Koivisto*. «Principles and Problems of Modern Economics». New York, 1957, p. 434.

состоит в том, что они концентрируют внимание на купле — продаже, т. е. на процессе обмена и распределения, и не объясняют отношений людей в процессе производства»[1]. Отказ от исследования процесса производства и сосредоточение внимания на сфере обмена преследует все ту же цель — отвлечь внимание от основного противоречия капитализма, от противоречия между трудом и капиталом. Утверждая, что стоимость возникает лишь в процессе обмена, проповедники теории предельной полезности пытаются скрыть самоё сущность капиталистической эксплуатации рабочих.

Теория предельной полезности основана, в частности, на совершенно нелепом представлении, будто в реальной экономической жизни люди выступают лишь как потребители. Значение труда и материального производства в общественном развитии эта теория предпочитает не замечать. Для нее как бы не существует вопроса о том, как именно, при каких условиях производятся товары, поступающие на рынок и лишь затем подлежащие оценке покупателя. Объективные экономические законы эта теория подменяет сконструированными буржуазными теоретиками «психологическими законами». От психологии людей, от их настроения якобы зависит тот или иной их подход к оценке товара. Поэтому теория предельной полезности предметом своего исследования сделала психологию изолированного индивида, его ощущения при удовлетворении потребностей. Притом «психологические законы», формулируемые теоретиками предельной полезности, выдаются ими за вечные и неизменные, якобы действующие в любой общественной формации. В действительности, конечно, эти законы не могут объяснить сущность процессов, происходящих в капиталистической экономике. Предметом политической экономии как науки должны быть «общественные отношения людей по производству, общественный строй производства»[2], но никак уж не психология субъекта.

---

[1] *Дж. Итон.* «Маркс против Кейнса». М., 1958, стр. 30—31.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 53.

Теория предельной полезности совершенно не соответствует фактам и разбивается самой капиталистической действительностью. Она не может, как отмечал В. И. Ленин, объяснить ни одного реального явления экономической жизни — обмена, стоимости товаров, денег, цен и т. д. В самом деле: предметы первой необходимости в различной степени нужны представителям класса капиталистов и класса рабочих, но продаются они всем по одной и той же цене. Ясно, что субъективная оценка килограмма хлеба совершенно различна у голодного безработного и пресыщенного буржуа, но цена килограмма хлеба едина для всех. И тут не помогают никакие ссылки на столкновение интересов покупателей и продавцов и образование якобы таким путем некой объективной ценности. Продавец или производитель хлеба не спрашивает у потребителя, сыт он или голоден, — он продает хлеб и безработному и миллионеру по одной и той же цене, в основе которой лежит реально существующая стоимость, созданная трудом. Для продавцов к тому же потребительная стоимость, полезность их товаров, имеет значение лишь постольку, поскольку она является носителем стоимости, сама полезность для них безразлична — все равно, что продавать, только бы продать с выгодой. Поэтому о какой же субъективной ценности блага для продавца может идти речь? Что же касается субъективной ценности для покупателя, то ведь как бы высоко ни ценил хлеб безработный, он покупает его по той же цене, что и богатый капиталист.

Кроме того, и сама покупательная способность потребителей отнюдь не случайное явление, зависящее лишь от субъективных психологических моментов. Какие именно товары являются предметами массового потребления, это зависит не от желания трудящихся масс, а от объективных условий развития производства. Так, например, в период становления капиталистического способа производства на рынке появились картофель, хлопок и водка, которые вытеснили более дорогие и более полезные товары. Как указывал Маркс, «картофель породил золотуху; хлопок в значительной степени вытеснил лен и шерсть, несмотря на то, что шерсть и

лен во многих случаях полезнее хлопка, хотя бы с точки зрения гигиены; наконец, водка взяла верх над пивом и вином, несмотря на то, что водка, если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой»[1]. Почему же картофель, хлопок и водка заменили продукты, которые во многих отношениях полезнее? Это произошло потому, что «...в обществе, основанном на *нищете,* самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс»[2].

По мере развития производительных сил общества растут и потребности людей, в том числе и пролетариата. Рост потребностей обусловлен прежде всего развитием производства, увеличением того количества товаров, которое может быть произведено на данной ступени развития общества, увеличением численности пролетариата, успехами его классовой борьбы. Но в то же время капиталисты в погоне за прибылью не только не обеспечивают удовлетворение растущих потребностей трудящихся, но и всячески стремятся снизить их жизненный уровень, свести его к самому минимальному уровню. Противоречие между производством и потреблением при капитализме является одним из проявлений основного противоречия капитализма, и оно все время углубляется.

Теория предельной полезности не может также объяснить движения цен на различных этапах промышленного цикла. Например, известно, что для фазы подъема характерны рост промышленного производства, относительное сокращение безработицы, рост цен. Согласно же теории предельной полезности должен происходить обратный процесс — падение цен, так как растет количество товаров на рынке, а потому и уменьшается субъективная полезность единицы товара, удовлетворяющей наименее неотложную потребность покупателя.

Теория предельной полезности имеет и свою теорию прибыли, противопоставляемую марксовой теории прибавочной стоимости. Согласно этой теории прибыль

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 97.
[2] Там же.

капиталиста происходит не из неоплаченного труда рабочего, а из разницы субъективных оценок предельной полезности «благ настоящего» (предметы потребления) и «благ будущего» (труд и средства производства). Таким образом, никакой эксплуатации нет, вся суть дела только в том, что люди по-разному оценивают различные блага.

Характерно, что теория предельной полезности была принята на вооружение ревизионистами марксистской политэкономии с самого возникновения ревизионизма. Правда, вначале ревизионисты не решались прямо отрицать марксову теорию стоимости. Они делали попытки эклектически соединить несоединимое — марксову теорию стоимости с теорией предельной полезности. По мнению Бернштейна, «теория предельной полезности школы Госсена — Джевонса — Бёма не менее справедлива, чем теория трудовой стоимости Маркса»[1]. В. И. Ленин подверг резкой критике эту двойственную позицию Бернштейна, по существу означавшую отказ от теории Маркса. Бернштейн пытался разорвать связь между теорией стоимости и теорией прибавочной стоимости, пытался представить дело так, что для доказательства существования прибавочного труда теория трудовой стоимости якобы не имеет никакого значения. Вместе с тем он объявлял трудовую теорию стоимости вредной, потому что «...она всегда является масштабом эксплуатации рабочих при посредстве капиталистов»[2]. Переход Бернштейна в лагерь защитников капитализма сопровождался отказом от трудовой теории стоимости.

Нынешние наследники Бернштейна уже прямо отдают предпочтение теории предельной полезности. Так, западногерманский реформистский экономист Кюне в серии статей о Марксе в журнале «Die Neue Gesellschaft», теоретическом органе Социал-демократической партии Германии, писал, что теория предельной полезности победила-де в политической экономии. Признавая невозможность соединения марксистской трудовой теории стоимости с теорией предельной полезности, Кюне

[1] Ср. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 203.

[2] *Э. Бернштейн.* «Проблемы социализма и задачи социал-демократии». М., 1901, стр. 93—94.

предлагает вообще отказаться от марксистской теории стоимости [1].

Теория предельной полезности является в настоящее время антинаучной основой реакционных апологетических выводов буржуазных экономистов о характере отношений между классами в современном капиталистическом обществе и классовой борьбе. Подменяя стоимость, общественную категорию, служащую выражением производственных отношений определенных общественных формаций, потребительной стоимостью, полезностью, которая свойственна всем без исключения общественным формациям, современные буржуазные экономисты и ревизионисты пытаются затушевать принципиальное различие закономерностей развития различных формаций. В этом состоит одна из «теоретических» основ для ревизионистских утверждений о возможности перерастания капитализма в социализм без ликвидации частной собственности на средства производства. Отказ от анализа производства позволяет им маскировать эксплуататорский характер производственных отношений капитализма, измышлять различные теории «гармонии труда и капитала», отрицать классовое деление буржуазного общества и непримиримость классовых интересов при капитализме. С этим связаны также и современные буржуазные, реформистские и ревизионистские теории создания «социального партнерства» и некоего «среднего класса», в котором якобы бесследно уже растворились или скоро растворятся классы пролетариев и капиталистов, теории «неокапитализма», «демократического социализма», «народного капитализма».

С теорией предельной полезности тесно смыкается и теория предельной производительности, которая утверждает, что заработная плата рабочего определяется заработной платой «предельного рабочего», т. е. такого рабочего, который менее всего нужен производству. Эта теория объявила, что полная занятость может быть достигнута лишь в том случае, если реальная заработная плата сведена к уровню заработной платы

[1] «Die Neue Gesellschaft», 1955, № 1-4.

этого «предельного рабочего», поэтому причиной безработицы является повышение реальной заработной платы. Отсюда один вывод: если рабочие не хотят безработицы, они не должны бороться против снижения заработной платы. Представители «новейших» теорий «народного капитализма» полностью отвергают трудовую теорию стоимости и ставят себе на службу теорию «предельной полезности».

Необходимо отметить, что несоответствие теории предельной полезности реальной действительности понимают и отдельные представители буржуазной политэкономии, указывая, что невозможно измерить полезность товаров. Так, например, английский буржуазный экономист Джон Хикс в работе «Стоимость и капитал» вынужден признать невозможность количественного измерения полезности. Вместе с этим, считает Хикс, должны отпасть некоторые важные положения. «Первой жертвой должна, очевидно, явиться сама предельная полезность» [1].

В целом теория предельной полезности переживает сейчас довольно серьезный кризис. Некоторые буржуазные экономисты убеждаются в том, что эта теория совершенно бесполезна при решении конкретных проблем современного капитализма. Так, английский экономист Т. Уилсон пишет: «Трудность примирить маржиналистскую теорию с фактами хозяйственной жизни стала так подчеркиваться, что многие стали сомневаться в том, много ли пользы в чрезвычайно разработанном анализе» [2]. Э. Жамс, автор книги по истории экономической мысли XX века, неоднократно указывает, что теория предельной полезности уже потеряла свое прежнее значение [3].

5

Тесно примыкает к теории предельной полезности и имеет широкое распространение в настоящее время

---

[1] *J. R. Hicks*. «Value and Capital». London, 1939, p. 19.

[2] Цитируется по книге: *И. Г. Блюмин*. «Кризис современной буржуазной политической экономии». М., 1959, стр. 149.

[3] *Э. Жамс*. «История экономической мысли XX века». М., 1959, стр. 50, 291, 326.

вульгарная буржуазная теория спроса и предложения. Например, швейцарский буржуазный экономист Бёлер в своем учебнике политической экономии пишет: «На рынке проявляется не только сумма всех хозяйственных процессов и качества (потребительные стоимости) превращаются в количества (рыночные стоимости), но и желания, намерения и планы всех участников сопоставляются с действительностью. Закон (спроса и предложения. — *Л. М.*) исполняет поэтому собственно акт образования стоимости, который решает вопрос о целесообразности методов и притязаний на доход всех участников»[1]. Таким образом выходит, что именно закон спроса и предложения является основным законом капитализма и на его основе определяется стоимость.

А упоминавшийся выше Холм считает даже, что Маркс также придерживался теории спроса и предложения — тогда, «когда его трудовая теория стоимости не дает решения»[2], — но не всегда достаточно последовательно проводил ее. И «неудачу» трудовой теории стоимости Маркса Холм видит именно в этом.

Согласно теории спроса и предложения стоимость есть отношение, в котором один товар обменивается на другой товар. Величина этой стоимости определяется соотношением спроса и предложения на рынке. Если рыночный спрос на товар увеличится при неизменном предложении этого товара, то его стоимость повысится, если, наоборот, предложение товара повысится при неизменном спросе, то стоимость его понизится. В подобном виде эта теория существовала еще в XIX веке и проповедовалась вульгарными экономистами Бейли, Маклеодом и другими. В эпоху капитализма свободной конкуренции теория спроса и предложения была господствующей в среде буржуазных экономистов. Но для апологии монополистического капитализма она стала уже недостаточной.

В эпоху империализма эту теорию «развил» и переработал в новую вульгарно-субъективную теорию спроса и предложения английский буржуазный экономист

---

[1] *Böhler*. «Nationalökonomie». 3. Auflage. Zürich, 1957, S. 180.
[2] *Halm*. «Economic Systems». New York, 1960, p. 125.

А. Маршалл. В этой «новой» теории он эклектически объединил три старые вульгарные теории — теорию спроса и предложения, теорию издержек производства и теорию предельной полезности, но предпочтение отдал первой. Согласно этой теории стоимость определяется равновесием спроса и предложения, причем под спросом понимается «желание приобрести определенные новые товары и таким образом удовлетворить потребность», а под предложением — «желание избежать определенных усилий или сохранить определенные непосредственные источники наслаждения». Вместе с тем, говорит Маршалл, спрос и предложение в свою очередь зависят от стоимости, или, вернее, от рыночных цен. Спрос на товары находится в зависимости от их предельной полезности, предложение же товаров зависит от их издержек производства. В основе цены предложения лежат издержки производства, или «цена производства»; в издержки производства включается и прибыль. Маршалл различал «реальные издержки производства» и «денежные издержки производства». Реальные издержки производства — это «тягостность труда» и «воздержание или ожидание» капиталистов, «сберегающих» капитал[1]. Денежные издержки производства, или расходы, — это сумма денег, которая должна быть уплачена за эти усилия и жертвы. Эти расходы и есть цены предложения. Эта теория в свое время пропагандировалась как крупнейшее научное достижение буржуазной политической экономии.

В новейший период целиком опирается на эту теорию видный американский экономист Чемберлин. Свою книгу «Теория монополистической конкуренции» он снабдил подзаголовком «Реориентация теории стоимости», пытаясь создать таким образом видимость совершенно новой теории стоимости. На самом же деле эта его «новая» теория стоимости есть лишь один из вариантов теории спроса и предложения.

«Точкой пересечения кривых предложения и спроса на известный продукт определяется цена, при которой

---

[1] См. *A. Marschall.* «Principles of Economics». London, 1922, p. 140, 339.

спрос и предложение будут уравнены»[1], — так определяет Чемберлин цену. Здесь надо заметить, что многие современные буржуазные политэкономы, в том числе и Чемберлин, исследуя вопрос о стоимости или цене, считают, что можно графически изобразить соотношение спроса и предложения на рынке в виде двух кривых, точка пересечения которых обозначает цену товара. Сами эти кривые спроса и предложения могут изменяться под влиянием изменения цен. У них бытует даже специальный термин — «эластичность» спроса и предложения, под которой понимают воздействие предложенного или спрашиваемого количества товаров на цены.

Определив таким образом цену, Чемберлин оговаривается, что, пока прочие условия остаются неизвестными, кривые спроса и предложения еще ничего не говорят о том, на каком уровне установится цена. Все дело в том, какие это прочие условия и как они влияют на спрос и предложение.

В изучении этих-то условий Чемберлин и сделал, по многочисленным отзывам буржуазных экономистов, «гениальное открытие». Чемберлин считает, что условия, влияющие на спрос и предложение, различны для «чистой конкуренции» и «чистой монополии».

Теория Маршалла, хотя и приспособленная к новым историческим условиям, в качестве предпосылки брала свободную конкуренцию. Для нового этапа исторического развития эта защита свободной конкуренции уже не подходила. Согласно теории «монополистической конкуренции», созданной Чемберлином и обозначающей «явления взаимосочетания элементов монополии и конкуренции», не существует ни чистой конкуренции, ни чистой монополии. Под последней Чемберлин понимает такое положение, когда производство в какой-либо отрасли полностью монополизировано и ее продукты продаются одним собственником. На первый взгляд может показаться, что теория Чемберлина более правильно характеризует современный капитализм как соединение,

---

[1] *Чемберлин.* «Теория монополистической конкуренции». М., ИЛ, 1959, стр. 45.

переплетение монополии и конкуренции. Но ближайшее рассмотрение ее показывает, что в действительности она ничего общего не имеет с научным пониманием существа монополистического капитализма.

Стараясь смазать различие между капитализмом свободной конкуренции и монополистическим капитализмом, Чемберлин изображает монополию как явление, свойственное всякому товарному производству. По его мнению, монополия возникает вместе с дифференциацией продуктов и, далее, с появлением у однородных продуктов особых индивидуальных качеств. Под «дифференциацией» Чемберлин понимает отличие товара от других товаров данного вида каким-либо особым качеством — в том числе цветом, упаковкой и т. п. Контроль над подобным дифференцированным продуктом может осуществлять не только крупное торговое предприятие, но и многочисленные мелкие продавцы — в силу особенностей их местоположения, репутации и т. д. Такого рода контроль и составляет, по Чемберлину, основу монополии, а потому и сами эти монополии существовали всегда и всегда существовала конкуренция между монополиями в одной и той же отрасли хозяйства. Эта «монополистическая конкуренция» между ними, согласно Чемберлину, приводит в отраслях производства к выравниванию цен и «экономической гармонии», суть которой сводится к равновесию между спросом на товары данной отрасли и их предложением.

В условиях чистой конкуренции, утверждает Чемберлин далее, цена, уравновешивающая спрос и предложение, устанавливается «вследствие того, что только такая цена совместима с максимальной прибылью для каждого продавца, выступающего на рынке»[1]. В условиях же «монополистической конкуренции» существует «нормальная цена», которая уравнивает всех продавцов на рынке и обеспечивает им «нормальную прибыль». Таким образом, весь смысл «реориентации теории стоимости» сводится у Чемберлина к тому, чтобы доказать

[1] *Чемберлин.* «Теория монополистической конкуренции». М., 1959, стр. 53.

«нормальный» характер монопольно высоких цен, существующих в период империализма.

«Суть монополии заключается в контроле над предложением»[1], — так определяет Чемберлин монополию. Следовательно, его теория в основу исследования опять-таки берет не производство, а обмен, рыночные отношения. Ясно, что эта теория не имеет ничего общего с сущностью действительных монополий. В. И. Ленин, опираясь на теорию Маркса и Энгельса, в результате тщательного анализа империализма доказал, что возникновение господства монополий основано на концентрации производства и капитала. Чемберлин, пытаясь приукрасить грабительскую сущность империализма, всячески старается опровергнуть это положение.

Совершенно ясно, что открытая Чемберлином «дифференция» товаров, т. е. использование предприятиями в конкурентной борьбе каких-либо особенностей их товаров, может привести лишь к кратковременным колебаниям спроса и предложения. В известной мере влияя на цены, она отнюдь не может определять стоимость товаров. Таким образом, вся громко объявленная Чемберлином «реориентация теории стоимости» сводится по существу к старой вульгарной теории спроса и предложения.

Коренные пороки теории спроса и предложения впервые научно были вскрыты Марксом. Критикуя эту теорию, он, например, писал: «Отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением»[2]. Определяя стоимость лишь рыночными условиями, теория спроса и предложения отрицает само существование стоимости. Это теория цены без стоимости. Цена рассматривается здесь как чисто количественное отношение между разными товарами, за которым не скрывается никакого содержания, никакой сущности. Все сводится к рассмот-

---

[1] *Чемберлин.* «Теория монополистической конкуренции», стр. 114.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 25, ч. I, стр. 208.

рению цены как функции ряда переменных величин, главными из которых являются спрос и предложение. Но достаточно поставить вопрос: а если спрос и предложение на рынке совпадают, то чем тогда определяется стоимость товара? В этом случае эта теория оказывается в тупике. «Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения»[1], — говорил Маркс. Это положение и поныне остается справедливым. Оно бьет не в бровь, а в глаз современным ученым апологетам капитализма. Потому-то они и предпочитают не замечать неопровержимого «Капитала» и не спорить с Марксом, а извращать его, приписывать ему нелепости, умалчивать и т. п. Маркс писал также, что «для понимания спроса и предложения, которые производители как таковые создают друг для друга, необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом»[2]. Но желания понять сущность капиталистического процесса производства, как видно, и нет у нынешних приверженцев теории спроса и предложения.

6

Довольно широкое хождение имеет сейчас вульгарная теория издержек производства, согласно которой стоимость товара определяется суммой денежных издержек капиталиста на покупку средств производства, на заработную плату и т. д. Теория эта тоже не нова. Ее проповедовали такие вульгарные экономисты XIX века, как Торренс, Сениор и другие. В настоящее время типичным образцом этой теории является теория так называемой спирали заработная плата — цена.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 25, ч. I, стр. 207.
[2] Там же, стр. 213.

Авторы этой теории определяют стоимость товара суммой издержек его производства. Одним из важнейших элементов издержек производства они считают затраты капиталиста на заработную плату. Поэтому, по их мнению, повышение заработной платы неизбежно приводит к увеличению стоимости товара.

Инфляция, т. е. обесценение бумажных денег в результате выпуска их в количестве, превышающем действительные потребности товарного обращения, стала постоянным спутником современного капитализма. Свое выражение это находит прежде всего в повышении общего уровня товарных цен. Пытаясь каким-то образом объяснить, а по существу — замаскировать истинные причины инфляции, буржуазные экономисты утверждают: поскольку инфляция выражается в повышении товарных цен, а причиной роста цен (которые они отождествляют со стоимостью товаров) является рост заработной платы как важнейшего элемента издержек производства, постольку причиной инфляции они считают рост заработной платы. «Всякое повышение заработной платы неизбежно способствует новому подъему цен», — писал французский журнал «La Revue Socialiste»[1]. Английский буржуазный экономист Дж. Дау в специальной статье, посвященной вопросу происхождения инфляции, указывает, что главным фактором роста цен является повышение заработной платы. Пытаясь объяснить рост цен в Англии в период с 1946 по 1954 г., Дау пишет: «Фазы роста цен прямо параллельны движению издержек на труд. Это не удивительно, поскольку издержки на труд составляют более половины цен»[2]. Английский правый социалист Кросленд в книге «Будущее социализма» заявляет: «Избыточный спрос на рынке труда может также иметь вредное влияние на цены, вызывая спираль заработной платы и цен»[3]. Исходя из этого, он дает следующие рекомендации лейбористскому правительству: «Чтобы предотвратить спи-

---

[1] «La Revue Socialiste». Mars 1957, p. 258.

[2] *J. Dow.* «Analysis of the Generation of Price Inflation». In: «Oxford Economic Papers». New series. October 1956, vol. 8, № 3, p. 267.

[3] *Crosland.* «The Future of Socialism». London, 1957, p. 400.

раль заработная плата — цена, правительству, если оно отражает национальную политику заработной платы, следует избегать излишка спроса на рынке рабочей силы»[1]. Сторонниками этой теории являются также американские буржуазные экономисты — Харрод, Чендлер, Хансен и ряд других.

Подлинный смысл приведенных выше «теоретических» измышлений виден при рассмотрении классовой позиции этих ученых, их отношения к борьбе рабочих за повышение заработной платы. Чендлер, например, требования рабочих о «повышении своих реальных доходов»[2] объявил «агрессивными». Другой американский буржуазный экономист, Харрис, заявляет, что борьба профсоюзов за повышение заработной платы является «угрожающей», поскольку она якобы «неизбежно» ведет к росту цен. Упомянутый выше английский экономист Дау также выступает против профсоюзов. Он пишет: «Было бы нереально предположить, что тред-юнионы согласятся на уменьшение денежной заработной платы, когда цены падают, с той же готовностью, с какой они требуют роста денежной заработной платы, когда цены растут»[3]. Следовательно, по его мнению, профсоюзы должны отказаться от борьбы за повышение заработной платы. А американский буржуазный экономист-кейнсианец Хансен объясняет рабочим: «Увеличение заработной платы, которое увеличивает цены, ни для кого не представляет ничего хорошего и менее всего — для рабочих»[4].

Как видно, эта «теория» стремится не только отвлечь рабочий класс от борьбы за повышение заработной платы, но и запугать рабочий класс последствиями его борьбы. В частности, она пытается оправдать известную политику «замораживания» заработной платы при одновременном росте цен и росте прибылей монополий. Так, все тот же Дау рекомендует: «Если

---

[1] *Crosland*. «The Future of Socialism». London, 1957, p. 516.

[2] *L. Chandler*. «Inflation in the United States». New York, 1951, p. 324.

[3] «Oxford Economic Papers». New series. Vol. 8, № 3, p. 270.

[4] *Hansen*. «Financing American Prosperity». New York, 1945, p. 257.

спираль издержки производства — цена уже пущена в ход, то есть простор для сдерживающей тактики. Основными примерами ее являются замораживание заработной платы или ограничение или контроль над ценами» [1]. В этой «сдерживающей тактике» совсем неслучайно на первое место поставлено «замораживание заработной платы», ибо в нем монополии видят верное средство увеличения своих прибылей. Эта теория стремится завуалировать тот факт, что инфляция в странах капитала является неизбежным результатом обостряющихся противоречий капитализма, что эта инфляция лишь усиливается в результате проводимой монополистическими заправилами агрессивной политики гонки вооружений.

Несостоятельность теории издержек производства в научном отношении состоит прежде всего в следующем: стоимость товаров она определяет издержками производства, а издержки производства в свою очередь определяет стоимостями. Таким образом, одно неизвестное определяет другое неизвестное, и все оказывается в замкнутом кругу. Маркс, высмеивая английского вульгарного экономиста Торренса, писал: «Действительно, недурной порочный круг — пытаться определить стоимость товара стоимостью капитала: ведь стоимость капитала равна стоимости тех товаров, из которых он состоит» [2].

В действительности стоимость капиталистически произведенного товара включает в себя не только издержки производства, но и прибыль капиталиста. Если бы капиталисты продавали свои товары по ценам, равным издержкам производства, они не получали бы никакой прибыли. В таком случае сам капитализм прекратил бы свое существование. Стоимость капиталистически произведенного товара, как доказал Маркс, состоит из трех частей: из стоимости постоянного капитала, примененного в производстве данного товара (амортизация средств производства, сырье, вспомогательные материалы); из стоимости переменного капитала, т. е. капитала, затраченного на покупку рабочей

---

[1] «Oxford Economic Papers». New series. Vol. 8, № 3, p. 236.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 26, ч. III, стр. 72.

силы, на заработную плату рабочим, участвующим в процессе производства; и из прибавочной стоимости. Из этих трех величин стоимость постоянного капитала не представляет новой стоимости — стоимость примененных средств производства в процессе труда лишь сохраняется и переносится на готовый продукт. Новую стоимость создает только затраченная рабочая сила. Стоимость рабочей силы не переносится на товар, а возмещается из новой стоимости, созданной живым трудом рабочих. Но величина этой новой стоимости отнюдь не равна стоимости рабочей силы — она всегда превышает стоимость рабочей силы. Разница и составляет прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом.

Поскольку стоимость постоянного капитала лишь переносится на товар, то изменение ее величины действительно оказывает влияние на стоимость товаров. Вздорожание или удешевление машин, сырья и вспомогательных материалов приводят к вздорожанию или удешевлению готовых товаров. Изменение же затрат переменного капитала, т. е. изменение величины заработной платы рабочих, не оказывает подобного влияния на стоимость товара, оно приводит лишь к иному распределению вновь созданной стоимости между рабочими и капиталистами. Следовательно, увеличение заработной платы рабочих может привести лишь к уменьшению прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистами. Теория издержек производства еще в 1865 году была раскритикована Марксом в работе «Заработная плата, цена и прибыль». Маркс доказал, что «общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но в общем не отразилось бы на ценах товаров»[1]. Именно угроза уменьшения прибылей больше всего беспокоит капиталистов и их ученых прихлебателей.

Теория издержек производства является вульгарной буржуазной теорией, имеющей целью апологию прибылей капиталистов. «Определение стоимости товаров заработной платой, которое у Адама Смита встречается еще часто рядом с определением стоимости рабочим

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 16, стр. 155.

временем, изгнано из научной политической экономии со времени Рикардо и в наши дни имеет еще хождение только в вульгарной политической экономии. Как раз пошлейшие сикофанты существующего капиталистического общественного строя проповедуют определение стоимости заработной платой»[1]. Эта характеристика, данная Энгельсом почти 90 лет тому назад, остается совершенно справедливой и для современных апологетов капитализма.

7

В настоящее время среди буржуазных экономистов появилось течение, призывающее к изучению Маркса, его экономической теории. К числу таких экономистов, в частности, относятся английская кейнсианка Джоан Робинсон, видный представитель американской эконометрики Домар, известный французский экономист Жан Маршаль, западногерманский экономист Ф. Бааде и ряд других. Все эти экономисты понимают, что современная буржуазная политическая экономия зашла в тупик, и пытаются вывести ее из этого тупика. Этого можно добиться, по их мнению, на путях некоего «взаимного обогащения» или «объединения» буржуазной политической экономии с марксистской политической экономией.

Так, например, Дж. Робинсон, представительница левого крыла кейнсианства в Англии, посвятила специальную работу («Очерки марксистской политической экономии») вопросу о возможности «сочетания» марксизма и современной буржуазной политической экономии. Она считает, что буржуазные экономисты «могут многому научиться» у Маркса[2]. Более того, общий ее вывод в этой книге гласит: «Если есть вообще какая-нибудь надежда на прогресс в экономической науке, она должна заключаться в использовании академических методов (т. е. методов современной буржуазной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 20, стр. 198.

[2] *J. Robinson.* «An Essay on Marxian Economics». London, 1949, p. V.

политической экономии. — *Л. М.*) для решения проблем, поставленных Марксом»[1].

Характерно, что все эти авторы ни в коем случае не соглашаются со всей марксистской теорией, они признают верными лишь отдельные положения экономической теории марксизма. Некоторые из них в своих работах приводят почти дословно или же более или менее верно трактуют выдвинутые марксистской политической экономией положения о роли накопления, о диспропорциях в процессе расширенного воспроизводства, о значении массового обновления основного капитала. Многие буржуазные экономисты фактически исходят из марксистского деления всего общественного производства на производство средств производства и производство предметов потребления. Но в силу своей классовой природы буржуазные экономисты не могут пойти дальше использования некоторых положений Маркса, взятых вне связи с общим мировоззрением марксизма. Некоторые из этих экономистов требуют применения «аналитических инструментов» Маркса, другие хотели бы вновь обсудить выдвинутые Марксом проблемы. Классовая ограниченность этих экономистов проявляется, в частности, в том, что все они как один отказываются признавать основу экономической теории марксизма — теорию трудовой стоимости. Та же Дж. Робинсон высказывается следующим образом на этот счет: «Теория стоимости не отвечает действительности, является простой мистификацией. Почему же марксисты не хотят избавиться от мистификации? Потому что трудовая теория стоимости перестала быть теорией и стала кредо»[2]. Здесь очевидно, что даже относительно прогрессивно настроенные буржуазные экономисты не могут принять трудовую теорию стоимости. Они понимают, что если бы им удалось доказать «ошибочность» трудовой теории стоимости, то тем самым была бы разрушена сама основа экономической теории Маркса. Такова цена их «признаний» отдельных положений Маркса!

---

[1] *J. Robinson.* «An Essay on Marxian Economics». London, 1949, p. 115.

[2] *J, Robinson.* «Collected Economic Papers». London, 1956, p. 149.

В ряде капиталистических стран, например во Франции, сейчас большой интерес к изучению марксизма проявляют представители христианской церкви. Анри Дени, представитель так называемого «прогрессивного» крыла христианской мысли, считает, что марксистская теория стоимости вполне выдержала испытание столкновения с действительностью и что ее можно примирить с самыми последними теориями в этой области[1]. На деле это «примирение» сводится к выхолащиванию революционного содержания теории Маркса, к более тонкой маскировке и пропаганде буржуазных теорий. Характерным в этом отношении примером является книга английского прогрессивного экономиста Р. Мика «Исследование трудовой теории стоимости». В предисловии он ставит себе целью «создать своего рода мост между экономистами марксистами и немарксистами», предлагает «мирное соревнование друг с другом»[2]. Такого рода «сосуществование в области идеологии» фактически приводит Мика лишь к буржуазному эклектизму наихудшего толка. Например, он говорит: «Цены всех товаров могут изменяться без изменения количеств труда, воплощенного в них, например в случае изменений склонностей и доходов потребителей этих товаров»[3]. Сказать, что изменение склонностей потребителей, т. е. потребностей покупателей товаров, может влиять на стоимость товара, означает перейти на позиции теории предельной полезности, которая, как уже указано выше, является ошибочной и не соответствует реальной действительности. Подобного рода эклектизм и явился той причиной, которая помешала Мику объяснить важные явления современности.

* * *

Все попытки буржуазных теоретиков и ревизионистов опровергнуть или извратить единственно науч-

---

[1] См. *Э. Жамс.* «История экономической мысли XX века». М., 1959, стр. 544.

[2] *R. Meek.* «Studies in the Labour Theory of Value». London, 1956, p. 7, 8.

[3] Там же, стр. 49.

ную, марксистско-ленинскую теорию стоимости обречены на неудачу. Только на основе трудовой теории стоимости можно объяснить все явления капиталистического мира, в том числе и в эпоху монополистического капитализма. «При капитализме фактическое распределение происходит не по труду, а прежде всего по капиталу, регулируется законами стоимости, прибыли, земельной ренты», — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза [1]. Поэтому изучение этих законов, защита трудовой теории стоимости против всяких попыток ее ревизии являются важной задачей для советских экономистов.

Отказ от трудовой теории стоимости в современной буржуазной политической экономии означает, что со всякой научностью в области политической экономии покончено. Именно в этом заключается коренная причина ненаучного, апологетического характера буржуазной политэкономии. И задача критики вульгарных теорий стоимости состоит в том, чтобы выявить их классовую целеустремленность и апологетическую суть. Буржуазные теории стоимости являются формой классовой борьбы буржуазии против марксистской теории. «Новые» теории стоимости современных буржуазных экономистов свидетельствуют только о том, что буржуазия уже не в силах выдвинуть новых идей и лишь повторяет зады вульгарной политэкономии XIX века. Все эти «новые» теории все дальше и дальше отходят от анализа действительных отношений, все больше лишаются всякого социального содержания.

«Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью» [2]. Эта характеристика буржуазных учений, данная в Программе Коммунистической партии Советского Союза, полностью относится и к современным буржуазным теориям стоимости. Все теории стоимости, противопоставляемые Марксовой трудовой теории стоимости, — теории

---

[1] *Н. С. Хрущев.* «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». М., 1959, стр. 115.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 51.

предельной полезности, спроса и предложения, трех факторов производства, редкости и скудости благ, воздержания капиталиста и т. п., — не могут опровергнуть известного положения Маркса: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель»[1]. Человеческий труд является основой всякой экономики, а отношения в общественном процессе производства, производственные отношения, составляют основу всех человеческих отношений. Это положение не могут поколебать никакие «новейшие» буржуазные теории. Только Марксова теория стоимости полностью соответствует действительности и является поэтому единственно научной теорией.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 32, стр. 460.

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор *А. Виноградова*

Корректоры *Н. В. Егорова* и *Е. И. Щукина*

Сдано в набор 20 апреля 1964 г. Подписано в печать 28 июля 1964 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 20³/₄. Условн. печ. л. 34,03. Учетно-изд. л. 34,91. Тираж 10 тыс. экз. А07223. Заказ № 1014. Цена 1 руб. 30 коп. Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.